421 8/3

ФАБРИКА
Конторскихъ книгъ
Е. И. ПИЧУГИНОЙ.

№ 123
24

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

68

Т. XXIII.

ОДЕССА.
„Экономическая“ типографія и литографія, Почтовая, № 43.
1901.

921 8/3

Т 1 2 3 24

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

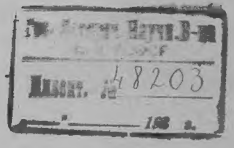
ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

Т. XXIII.

ОДЕССА.
„Экономическая“ типографія и литографія, Почтовая, № 43.
1901.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.
Вице-президентъ *А. Л. Бертье-Делагардъ.*
Секретарь *А. И. Маркевичъ.*



СОДЕРЖАНІЕ.

I. Изслѣдованія.

1) Новый эпиграфическій матеріалъ, найденный на югѣ Россіи. Д. чл. *Э. Р. фонъ-Штернъ* . . . . . 1— 32
2) О послѣднихъ раскопкахъ въ Аккерманѣ (съ приложеніемъ плана). Д. чл. *Э. Р. фонъ-Штернъ* . . . . . 33— 61
3) Боспорскія надписи, пріобрѣтенныя Меленъ-Чесменскимъ музеемъ въ 1900 году. Д. чл. *В. Шкорпилъ* . . . . . 62— 73
4) Замѣтки къ христіанскимъ надписямъ изъ Крыма (Продолженіе). Д. чл. *В. Латышевъ* . . . . . 74— 78
5) Тура (Тирасъ)—Бѣлгородъ-Аккерманъ и его новая лапидарная надпись отъ 1454 года (съ тремя снимками) (Продолженіе). Д. чл. *А. А. Кочубинскій* . . . . . 79—198
6) Сосуды со знаками—изъ находокъ на площадкахъ Трипольской культуры (съ одной таблицей). Дд. чч. *И. А. Линниченко* и *В. В. Хвойко* . . . . . 199—202
7) Находка орнаментированныхъ костей мамонта (съ одной таблицей). Дд. чч. *И. А. Линниченко* и *В. В. Хвойко* . . . . 203—206
8) Паденіе канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина. Д. чл. *Евг. Щепкинъ* . . . . . 207—260

II. Матеріалы.

1) Лѣтопись прихода Петро-Павловской церкви села Мигеи, Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской епархіи. Сообщилъ Свящ. *Іоаннъ Филипповичъ* . . . . . 1— 48
2) Матерьялы для исторіи возникновенія церквей въ Александрійскомъ уѣздѣ, Херсонской губерніи. Сообщилъ Ч. к. Протоіерей *Василій Никифоровъ* . . . . . 49— 69

III. Смѣсь.

1) Генералъ-цейхмейстеръ морской артиллеріи Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ. Сообщилъ Ч. к. *П. И. Бѣлавенецъ* . . . 1— 8
2) Открытый листъ И. Скосаревскому 1792 г. на землю въ Очаковской области. Сообщилъ Д. ч. *А. И. Маркевичъ* . . . 9

3) Первая Одесская газета. Сообщилъ *Н. Лернеръ* . . . . . 10— 26
4) Къ біографіи А. А. Скальковскаго (съ портретомъ). Сообщилъ Д. чл. *А. И. Маркевичъ* . . . . . 27— 33
5) Новѣйшія раскопки въ Херсонисѣ. Сообщилъ *К. Костюшко-Валюжиничъ* . . . . . 34— 40
6) Историческая справка объ образованіи въ Таврической губерніи татарскихъ дворянскихъ родовъ (изъ газетъ) . . . 41— 43
7) Виды Одессы въ 1837 г. (тоже). 43
8) Могилы Г. Доппельмайера и І. Лебедя (тоже). . . . . 43— 45

IV. Некрологи.

1) Иванъ Константиновичъ Айвазовскій. *А. Павловскаго* . . . 1— 15
2) Юлій Богдановичъ Иверсенъ. *Э. Р. фонъ-Штерна* . . . . 16— 17

V. Протоколы.

Доклады: 1) *Э. Р. фонъ-Штерна:* «Археологическія замѣтки» *(323 засѣд.)* . . . . . 5— 17
2) *А. И. Маркевича*: «О дѣятельности Суворова въ Новороссійскомъ краѣ» *(326 засѣд.)* . . . . . 35— 63
3) *И. А. Линниченко:* «О новѣйшихъ раскопкахъ г. Хвойка» *(327 засѣд.)*. . . . . 68— 76
4) *Э. Р. фонъ-Штерна*: «О новѣйшихъ раскопкахъ въ г. Аккерманѣ и на островѣ Березани» *(329 засѣд)*. 88— 91
5) Отзывъ *г. Жебелева*: «Объ ученыхъ трудахъ Э. Р. фонъ-Штерна» *(330 засѣд.)* . . . . . 95—112
6) *А. И. Маркевича*: «Графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ» *(330 засѣд.)* . . . . . 113—132 и 171—172
7) *Н. Лернеръ*: «Письмо А. Н. Оленина къ графу А. Ѳ. Ланжерону» *(331 засѣд.)*. . . . . 138—140
8) *С. В. Петровскаго*: «Нѣкоторыя исправленія и дополненія къ послужному списку Иннокентія, архіепископа Херсоно-Таврическаго» *(332 засѣд.)*. 142—170

---

1) Премія находящіяся въ распоряженіи Общества.
2) Изданія Общества.

Новый эпиграфическій матеріалъ, найденный на югѣ Россіи.

Въ истекшемъ полугодіи музей Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей обогатился пріобрѣтеніемъ нѣсколькихъ весьма любопытныхъ лапидарныхъ надписей и сосудовъ съ нацарапанными «graffiti»; кромѣ того мнѣ разрѣшено было скопировать надписи и «graffiti» на сосудахъ, собранныхъ въ коллекціи г. А. Фогеля въ Николаевѣ, и на черепкахъ, добытыхъ при раскопкахъ г. Г. Л. Скадовскаго на островѣ Березани.

Познакомить членовъ Общества и любителей отечественной археологіи съ этимъ новымъ эпиграфическимъ матеріаломъ считаю пріятной своей обязанностью.

А. Лапидарныя надписи.

1) Плита сѣраго, твердаго известняка. Ея размѣры $45 \times 48 \times 13$ см. Плита представляетъ собою часть пьедестала отъ статуи. Какъ видно изъ обработки правой стороны плиты и изъ самой надписи, пьедесталъ состоялъ, какъ у Венеры Милосской, изъ двухъ плитъ, обтесанныхъ наискось и пригнанныхъ другъ къ другу. Плита наша лежала передъ домикомъ въ одномъ изъ переулковъ города Аккермана за крѣпостью. Узнавъ о томъ, что на плитѣ надпись, я просилъ завѣдующаго Аккерманской крѣпостью г. Штулькерца пріобрѣсти камень для музея, что имъ и было немедленно исполнено.

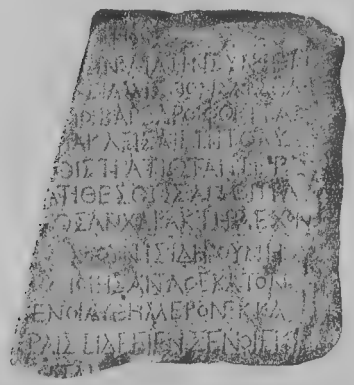
Надпись на боковой сторонѣ плиты состоитъ изъ двухъ строкъ. Высота буквъ 5 см. По характеру письма надпись относится къ римскому императорскому времени I—II вѣка по Р. Х.

т. е. Πρεῖσκος Φ[λάβιος ἀρχ-]
ων τὸν [δεῖνα]
<scl. ἱδρύσατο или ἀνέθηκεν.>

Такъ, приблизительно, можно дополнить недостающую часть надписи, хотя конечно въ отдѣльности за вѣрность предлагаемаго здѣсь возстановленія текста ручаться не могу. Ясно однако, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ посвятительной надписью; ясно и то, что посвящающій статую назывался Прискомъ Ф...; дополненіе его имени въ Флавій, въ виду времени надписи является довольно вѣроятнымъ. Сохранившееся окончаніе—ων наводитъ на мысль, что этотъ Прискъ былъ ἀρχ]ων или πρῶτος ἀρχων въ Тирасѣ—должность эта въ римское время тамъ существовала. Срв. Latyschev, Ins. P. I, № 2 и 3. Чья статуя была воздвигнута Прискомъ, мы къ сожалѣнію не знаемъ; послѣ члена τὸν читается еще буква μ; можетъ быть слѣдуетъ это дополнить въ μ[εγαλοπρέπονα εὐεργέτην] или во что-нибудь тому подобное Срв. Reinach, Traité d'épigraphie grecque p. 379. Судя по размѣрамъ пьедестала и выдолбленному на немъ для статуи мѣсту, она была весьма крупныхъ размѣровъ, въ родѣ тирасской статуи римскаго военачальника, поставлена и посвящена важному сановнику имперіи.

2) Обломокъ плиты бѣлаго, кристаллическаго мрамора. Вышина 23, ширина 21, толщина 8 см; за исключеніемъ праваго бока, со всѣхъ сторонъ обломана. Судя по лигатурамъ и характеру письма, надпись относится къ II—III вѣку по Р. Х. Плита найдена въ Аккерманѣ, между крѣпостью и лиманомъ, на гласисѣ крѣпости вмѣстѣ съ черепками простой античной посуды при работахъ, предпринятыхъ весною этого года для устройства пристани.

Буквы неглубоко изсѣчены, послѣдняя буква въ строкѣ I отстоитъ отъ уцѣлѣвшаго праваго края на 2—4¼ сантиметра. Текстъ сохранившагося фрагмента надписи слѣдующій:



Τ. θ. ... ὥρῖσ[αι
.... ειν κατὰ τὴν συνήθει-
αν] .... σια μισθὸν λαμβά-
νειν] ..... ν οἱ βάρβαροι φορτία
..... κα]τακλεῖσαι ἐπὶ τὸ αὐ-
τὸ] ..... οἱ στρατιῶται ὑπὲρ
..... α τιθέσθωσαν οἱ τρα·
πεζῖται... τιθέσ]θωσαν χαρακτῆρα ἔχον-
τα .... χαλ]κοῦν ἢ σιδηροῦν ἢ
....ποιήσαντα δ ἑκατὸν
..εν αὐθημερον ἐκ κα-
...ραις εἰ δὲ εἶεν ξένοι ἐκ
....ΟΛΤΑΙ

Къ сожалѣнію слишкомъ многаго недостаетъ въ надписи, чтобы возстановить ея чтеніе; такъ какъ нельзя, хотя приблизительно, опредѣлить длину отдѣльныхъ строкъ, то мы и не имѣемъ опоры для попытки ея дополненія. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что изъ сохранившихся словъ можно вывести заключеніе о важности настоящаго документа. Слова: «опредѣлить», «по обычному праву» или «по обыкновенію», «получить плату» или «жалованье», «варвары», «Фрахтъ», «заключить на тѣхъ-же условіяхъ», «воины» (солдаты), «пусть положатъ банкиры» (?), «штемпель», «имѣя», «мѣдный, или желѣзный или», «сдѣлавшаго (тотъ, кто) сто», «въ настоящій моментъ, сейчасъ», «если-же были бы иностранцы» — указываютъ, что передъ нами или торговый и монетный договоръ, или же постановленіе тирасскаго совѣта и народнаго собранія, касающееся платы за фрахты извѣстныхъ товаровъ, доставляемыхъ варварами, касающееся дальше солдатъ (можетъ быть плата за ихъ наемъ), касающееся, наконецъ, банкировъ — если только дополненіе слога τρα въ τραπεζῖται вѣрно — и штемпелей монетъ и какого-то ограниченія или измѣненія въ этихъ финансовыхъ операціяхъ, если причастны иностранцы. Указать точно смыслъ надписи, я конечно по этимъ отрывочнымъ и несвязнымъ

словамъ, не берусь: одно только не подлежитъ сомнѣнію, что передъ нами весьма любопытное постановленіе. Можно надѣяться, что мало тронутая до сихъ поръ почва древняго Тираса дастъ намъ со временемъ хоть одинъ еще обломокъ этой плиты; тогда возможно будетъ съ большей увѣренностью возстановить ея содержаніе.

3) Лѣтомъ настоящаго года доставленъ былъ изъ Аккермана въ музей Одесскаго Общества Исторіи и Древностей еще обломокъ мраморной плиты. Это кусокъ синеватаго мрамора: вышина 11, ширина 8, толщина 5 см.

Подъ выдолбленнымъ кругомъ читаются буквы

DE∧.

По этимъ жалкимъ остаткамъ высказать предположеніе о содержаніи или назначеніи надписи конечно нельзя; слѣдуетъ лишь отмѣтить, что передъ нами фрагментъ одного изъ немногочисленныхъ латинскихъ документовъ изъ Тираса

4) Производя раскопки въ Аккерманѣ осенью нынѣшняго года, я узналъ, что крестьянинъ Андрей Коноплянъ въ селѣ Шабо нашелъ въ своемъ дворѣ мраморную плиту съ надписью. Я отправился въ Шабо, чтобы пріобрѣсти для музея этотъ камень.

Крестьянинъ Коноплянъ однако до начала какихъ-либо переговоровъ мнѣ заявилъ, что онъ пока не намѣренъ продавать эту плиту, а впослѣдствіи самъ завезетъ эту плиту въ Одесскій музей. Разсмотрѣть плиту и снять копію съ надписи онъ мнѣ разрѣшилъ.

Плита маленькихъ размѣровъ. На ней рельефно изображена сидящая женщина; за нею стоитъ другая женщина, передъ ней мальчикъ. Лица всѣхъ трехъ фигуръ пропали. Работа рельефа довольно груба. Подъ рельефомъ надпись въ одну строку

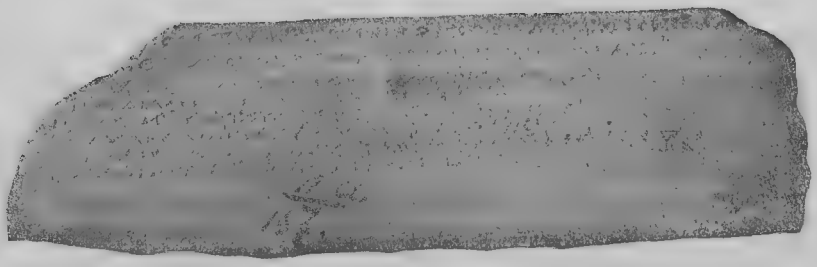
ΔΙΟΝΥΣΙΑΠΙΑΣΟΥΣΟΥΓΥΝΗΧΑΙΡΕ.

Διονυσία Πία Σούσου γυνὴ χαῖρε.

Надгробіе, повидимому, римскаго императорскаго періода, хотя форма буквы N могла-бы рекомендовать болѣе раннюю датировку. Но прозвище усопшей Πία указываетъ несомнѣнно на періодъ Антонина

Пія; врядъ-ли возможно полагать, что πία ж. р. отъ греческаго поэтическаго прилагательнаго πίος, α, ον вмѣсто πίων—«жирный, толстый: богатый». Имя мужа этой Діонисіи, Σοῦσος (о немъ срв. Pape-Benseler, Lexikon der griech. Eigennamen, s. v.), насколько я знаю, въ понтійской эпиграфикѣ не встрѣчалось. Его нѣтъ и у Fick'a-Bechtel'я «Griech. Eigennamen». Ольвійское Σουσοβλων (Latyschev: In. P. I, № 71) можно сопоставить съ нашимъ именемъ. Интересно было-бы установить, найденъ-ли камень «in situ», на первоначальномъ мѣстѣ погребенія? Такъ какъ на мѣстѣ нахожденія воздвигнута постройка, то къ сожалѣнію нельзя и думать о дальнѣйшемъ изслѣдованіи почвы—оно по всей вѣроятности и не повело-бы къ утвердительному результату: нижняя часть плиты уже въ древности была отбита, и маленькая плитка легко могла быть случайно перенесена на мѣсто, гдѣ ее нашли.

5) Плита, бѣлаго, кристаллическаго мрамора, найденная зимой 1900 года въ Ольвіи. Ея размѣры 69×58×28 см. Плита служила пьедесталомъ для памятника. На верхней сторонѣ выдолблены четырехугольное углубленіе для колонны и еще другое продолговатое углубленіе для прикрѣпленія статуи металлическими скобами. На нижней сторонѣ находятся два углубленія въ видѣ тщательно сдѣланныхъ полушариковъ—повидимому, пьедесталъ поставленъ былъ на постаментъ, на которомъ два соотвѣтствующихъ повышенія приходились какъ разъ въ эти выдолбленные полушарики. Все это приспособленіе служило, вѣроятно, къ тому, чтобы нельзя было сдвигать пьедесталъ и статую съ постамента. Самая плита хорошо сохранилась, только съ лѣваго края отбита часть. На лицевой сторонѣ этого четырехугольнаго пьедестала изсѣчена была посвятительная надпись, которая потомъ намѣренно уничтожена и изглажена какимъ-то острымъ орудіемъ. Надпись состояла изъ восьми строкъ. Первая строка занимаетъ всю длину камня, вторая не доходитъ совсѣмъ до края; потомъ въ слѣдующихъ шести строкахъ, тѣснѣе помѣщенныхъ другъ къ другу, чѣмъ предыдущія, надпись въ 1-й, 3-ей и 5-ой длиннѣе чѣмъ во 2-ой, 4-ой и 6-ой: ясное доказательство, что мы въ этихъ строкахъ имѣемъ дѣло съ дистихами. Въ виду намѣренной порчи буквъ мнѣ не удалось разобрать всю надпись; надѣюсь, что болѣе опытный глазъ В. В. Латышева, видѣвшаго и изучавшаго въ маѣ мѣсяцѣ нашу плиту, больше прочтетъ, чѣмъ мой.



Первыя двѣ строки представляютъ не смотря на намѣренную порчу надписи сравнительно мало затрудненій; можно довольно ясно по слѣдамъ и остаткамъ бывшихъ буквъ возстановить слѣдующее:

.....ΜΟΣ ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ ΓΥΜ... ΑΡΧΗΣΑΣ
....ΙΟΝ ΔΙΟΝΥΣΙΟΝ ΕΡΜΕΙΚΑΙΗΡΑΚΛΕΙ

Сохранившіяся 26 буквъ въ 1-й строкѣ занимаютъ 51 см., т. е. на букву приходятся почти 2 см.; такъ какъ съ лѣваго края отбитъ кусокъ въ 15 см., то въ первой строкѣ слѣдуетъ въ началѣ дополнить 7—8 буквъ; во второй строкѣ въ началѣ недостаетъ куска въ 10 см.; здѣсь могло помѣщаться отъ 4—5 буквъ.

Такимъ образомъ получается приблизительно слѣдующій текстъ:

1. Αριστόδη]μος Διονυσίου γυμνασιαρχήσας
2. τὸν δ]ιὸν Διονύσιον Ἑρμεῖ καὶ Ἡρακλεῖ.

Аристодемъ Діонисіевъ будучи гимнасіархомъ <*посвятилъ статую*> сына Діонисія Гермесу и Гераклу.

Въ слѣдующихъ затѣмъ стихахъ, по всей вѣроятности, названа была причина сооруженія этой статуи и посвященія ея богамъ. Я могъ разобрать въ этихъ дистихахъ лишь слѣдующія буквы:

3 (восемь сант. отломано) ΕΓΤΑ... ΔΩ... ΣΙΟΣ Ε.ΑΙ
4. (семь » ») Η.. ΚΑΙΑΝ... Σ Ξ — ΑΝ
5. (пять » ») Ν. ΔΡΟΜ. Ν ΚΟΥΡΟΥ ΔΙΟΝΥΣΙΟΥΕΥ. Σ. Α
6. (семь » ») Α. ΑΕΘΛΟΦΟΡΟΥΣ... Δ.... Υ...
7. (восемь » ») ΝΙΚΑΕΝΚΡΑΝ... ΝΟ... ΔΩ. Φ.... ΓΑΤ...
8. (девять » ») Ν. ΕΦΗΜΕΡΟΥΣ.. .. Η..... ΘΕ....

Стиховъ по этимъ жалкимъ остаткамъ я, какъ уже сказано, возстановить не умѣю — тѣмъ не менѣе по отдѣльнымъ словамъ можно догадываться объ ихъ общемъ смыслѣ.

Эти слова слѣдующія:

3) -..ἕπτὰ δὲ *δω.... Διονύσιος....ε.αι*
4) *ἡ καὶ ἀνδ.. ς ξ... ους αν*
5).. *δρόμον κούρου Διονυσίου εὐ .. σα*
6) .. *καὶ ἀεθλοφόρους* δ.. σ. υ
7) . .*νικᾶ ἐν κρανα* [ῶι или ᾶι]... δω.. φ. ν τ ..
8) ν.. ἐφημέρους ... *η θεοῖς.*

Печатанныя курсивомъ слова и буквы читаются ясно — относительно чтенія другихъ я ручаться не могу, хотя, послѣ долгаго изученія камня, эстампажа и фотографическаго снимка оно мнѣ кажется самымъ правдоподобнымъ.

Въ первой строкѣ вполнѣ установлено чтеніе лишь имени Διονύσιος, со слѣдующимъ пентаментромъ я справляться не могъ; за то въ пятомъ стихѣ читаются ясно слова δρόμος и κούρου Διονυσίου— «бѣгъ молодого Діонисія» — что и заставило меня во второй строкѣ посвященія сохранившееся окончаніе ιον дополнить въ «τὸν διόν». Дальше въ слѣдующемъ пентаметрѣ ясно читается ἀεθλοφόρους — «получающіе призъ, награду».

Затѣмъ въ послѣднемъ гекзаметрѣ ясно читаются слова ...νικᾶ ἐν κραναῖ[ῶι или ᾶι]. «уноситъ побѣду въ каменистой»; κραναός у Пиндара постоянное прозвище Аѳинъ,—должно быть по качеству неплодородной почвы Аттики; ἡ Κραναά прямо обозначаетъ Аѳины; но это слово встрѣчается и въ видѣ эпитета другихъ мѣстностей, н. п. Итаки, Киѳеръ и т д. Въ принадлежащемъ къ этому стиху пентаметру наконецъ я разобралъ слово ἐφημέρους — «скоротечный» и думаю, что послѣднее слово вѣрно мною дополнено въ θε[οῖς].

По этимъ вѣхамъ можно съ достаточной вѣроятностью высказать предположеніе, что въ этихъ трехъ дистихахъ изложена была причина воздвиженія и посвященія статуи «молодого Діонисія» и что эта причина заключалась въ его славной побѣдѣ на какихъ-то играхъ—можетъ быть въ Аѳинахъ.

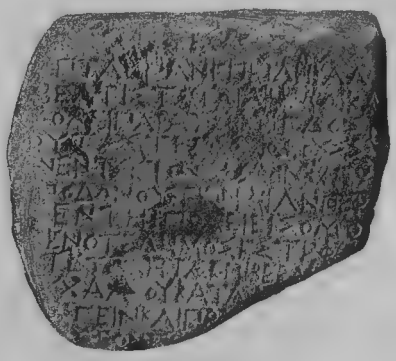
Отмѣтить при этой надписи слѣдуетъ еще двѣ вещи: Во первыхъ, упоминается здѣсь о должности «гимнасіарха». Чтеніе этого слова установлено В. В. Латышевымъ, и я вполнѣ согласенъ съ его чтеніемъ. Въ матеріалѣ, собранномъ въ I томѣ Ins. P. E. и въ книгѣ В. В. Латышева «Изслѣдованія объ исторіи и государ. строя города Ольвіи», упоминанія объ этой должности не встрѣчается и мы такимъ образомъ имѣемъ здѣсь нелишенное интереса обогащеніе нашихъ свѣдѣній о составѣ корпораціи должностныхъ лицъ въ этой знаменитой колоніи.

Во вторыхъ, не лишенъ интереса еще и слѣдующій фактъ, на который обратилъ мое вниманіе В. В. Латышевъ. Какъ уже выше сказано, наша надпись была въ древности умышленно испорчена и изглажена какимъ-то острымъ инструментомъ. Совершенно также поступили — «Die Inschrift ist absichtlich mit einem Spitzeisen unlesbar gemacht», Stephani, Отчетъ Арх. Коммисіи 1874, p. 101—съ другимъ посвященіемъ Гераклу, изданнымъ и превосходно востановленнымъ В. В. Латышевымъ въ I. P. I, № 99.

Случайное-ли это совпаденіе, или должны-ли мы въ немъ усматривать фактъ существованія какого-то временнаго гоненія противъ культа Геракла въ Ольвіи, рѣшить конечно нельзя; но уже возможность второй альтернативы заслуживаетъ вниманія.

6) Обломокъ бѣломраморной плиты. Размѣры сохранившагося куска 22×21×7 см. Что лѣвый и нижній края обломаны, видно съ перваго взгляда. Верхній край на первый взглядъ кажется цѣлымъ; но изъ ближайшаго разсмотрѣнія камня явствуетъ, что и онъ отбитъ и впослѣдствіи только, въ видахъ употребленія камня для какой-нибудь цѣли, обтесанъ. Неиначе дѣло обстоитъ и съ правымъ краемъ: сравнительно гладкая его форма объясняется позднѣйшей обработкой камня. Что справа не сохранился первоначальный край камня, видно особенно ясно въ четвертой строкѣ надписи; здѣсь край выступаетъ на два миллиметра далѣе, чѣмъ въ предыдущихъ строкахъ, а между тѣмъ надпись обрывается на половинѣ буквы Υ; ясное доказательство, что камень и съ правой стороны отбитъ. Поверхность камня сильно вывѣтрена; буквы по мѣстамъ изглажены. По характеру шрифта (Γ, Ν) надпись принадлежитъ IV вѣку. Обломокъ найденъ въ Ольвіи и пожертвованъ музею членомъ нашего Общества, мѣстнымъ николаев-

скимъ коллекціонеромъ А. Фогелемъ. Текстъ сохранившагося фрагмента надписи гласитъ слѣдующее:



Что надпись представляетъ собою почетный декретъ въ честь гражданина, оказавшаго своему городу большія услуги въ матеріальномъ отношеніи и водворившаго порядокъ во время внутренней распри, и что народъ наградилъ его вѣнкомъ, явствуетъ изъ сохранившагося текста. Но возстановленіе точнаго текста этого почетнаго декрета является почти невозможнымъ въ виду того, что при нынѣшнемъ состояніи камня, обломаннаго со всѣхъ сторонъ, нельзя съ увѣренностью опредѣлить длину отдѣльныхъ строкъ. Текстъ вступленія декрета, дополняемый по своей традиціонной формѣ безъ всякихъ затрудненій, могъ-бы намъ въ этомъ вопросѣ помочь, но, къ сожалѣнію, и относительно занимаемаго этимъ вступленіемъ мѣста возникаетъ серьезное сомнѣніе. В. В. Латышевъ, которому я вмѣстѣ съ фотографіею камня препроводилъ опытъ возстановленія текста, основанный на предположеніи, что это вступленіе занимало строку надъ первой изъ сохранившихся строкъ, былъ такъ любезенъ, что подѣлился со мною своими наблюденіями и совершенно основательно въ опроверженіе этого опыта замѣтилъ, что на камнѣ нѣтъ никакихъ признаковъ буквъ надъ первой строкой. «Стало быть, надо думать, что первая сохранившаяся строка была и первоначально первою». Такъ какъ первая строка отстоитъ отъ верхняго края на $1^1/_2$ см., то возраженіе В. В. Латышева является весьма вѣскимъ и я не замедлилъ-бы вполнѣ присоединиться къ его

наблюденію, еслибъ сверху и справа сохранился край камня. Но такъ какъ справа надпись еще продолжалась, то строки при помѣщеніи вступленія въ начало первой сохранившей строки выходятъ безпримѣрно длинными, и такъ какъ верхній край обтесанъ, то съ другой стороны не исключена возможность, что вступленіе, написанное болѣе крупно и отдѣленное бо́льшимъ разстояніемъ отъ первой сохранившейся строки текста, помѣщалось на пропавшей теперь верхней части камня. Въ виду этой возможности я и не берусь рѣшить вопросъ о занимаемомъ вступленіемъ мѣстѣ.

Отказываясь поэтому отъ попытки возстановить это постановленіе Ольвіополитовъ въ *полномъ* его видѣ, я ограничусь представленіемъ его транскрипціи лишь съ тѣми дополненіями, которыя являются болѣе или менѣе несомнѣнными

[Ἀγαθῆι Τυχῆι· ἔδοξε τῆι βουλῆι καὶ τῶι δήμωι [1]) οἱ
ἄρχοντες καὶ οἱ ἑ]πτὰ εἶπαν· ἐπειδὴ Καλ[. . . . τοῦ δεῖνα]
. . . . . τὰ]βέλτιστα τῶι δήμωι κα . . . . . .
. . . . . καὶ τῆι π]όλει παρὰ τὴν ἔγδοσι[ν
. . . . . ου τάς τε προσόδους συ . . .
. . . . . εντου [2]) τὸν δῆμον κατα . . . .
. . . . . ἐμ]ποδῶν οὔτε φιλίαν περι . . . .
. . . . ἐν τῆι πόλει εἰς ὁμο[νοίαν . . . .
. . . . . εν[3]) δ' τε δῆμος ἐστεφά[νωσε
. . . . . τά]τε τέλη τὰ ἐπὶ βεβαί[ωσιν
. . . . υ χαλκοῦ κατα . . . .
. . . λ]έγειν καὶ πρ[άττειν [4]) . . . .
. . . α]ὐτὸν τ . . . .

Текстъ этого фрагмента является въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно любопытнымъ. Во первыхъ, наша надпись принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ документовъ, въ которыхъ упоминается должностная коллегія οἱ ἑπτὰ – срв. объ этой коллегіи замѣчанія В. В. Латышева, Ольвія стр. 292. Дальше встрѣчается въ текстѣ слово ἔγδοσις: слѣдуетъ отмѣтить орѳографически довольно рѣдкую форму ἔγδο-

[1]) Срв. J. P. I, № 13. В. В. Латышевъ предпочитаетъ, основываясь на № 11 и 16, читать: Ἔδοξε βουλῆι καὶ δήμωι.

[2]) В. В. Латышевъ читаетъ: .... εν τοῦ τὸν δῆμον κατα ... съ слѣдующимъ infinitiv'омъ.

[3]) В. В. Латышевъ дополняетъ: [.... ὧν ἕνεκ]εν.

[4]) Это дополненіе принадлежитъ В. В. Латышеву.

σις вмѣсто обычнаго ἔκδοσις, а затѣмъ, что изъ различныхъ значеній, въ которыхъ употребляется это слово: «выдача, выдача замужъ, изданіе книги, отдача въ наймы, въ аренду» — только послѣднее по смыслу можетъ подходить къ нашему контексту Boeckh, Staatshaushal. I³ S. 166, ссылаясь на Schneider'a (Zu Xenophon v. den Einkünften S. 181), правда устанавливаетъ еще одно значеніе этого слова: «ссуда на корабли и товары, отправляемые заграницу», но въ томъ мѣстѣ, на которое онъ опирается, скорѣе можно слово ἔκδοσις понимать въ смыслѣ «Verdingung», чѣмъ «Darlehn». Если установленное нами значеніе слова ἔκδοσις: отдача въ аренду, въ откупъ,— вѣрно, то можно полагать, что чествуемое лицо оказало при откупѣ какихъ-то статей государственнаго хозяйства родному городу большія услуги. За это предположеніе говоритъ и то обстоятельство, что, какъ мы знаемъ изъ декрета въ честь Протогена, система откупа широко распространена была въ Ольвіи. Если имѣть дальше въ виду, что самой главной статьею доходовъ были пошлины съ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, то мы имѣемъ нѣкоторое основаніе полагать, что рѣчь шла въ надписи объ одолженіяхъ, оказанныхъ чествуемымъ гражданиномъ при ἔκδοσις τοῦ τέλους τοῦ ἐλλιμενίου, и что онъ этими одолженіями увеличилъ доходы (τάς τε προσόδους) государства. Дальше изъ надписи еще явствуетъ, что тоже самое лицо «не взирая на вражду или дружбу» (...ἐμποδῶν οὔτε φιλίαν περι) возстановило въ городѣ внутренній миръ (ἐν τῆι πόλει εἰς ὁμονοίαν), которому повидимому предшествовала какая то распря. По этимъ-то даннымъ я въ заключеніе позволю себѣ представить опытъ возстановленія декрета, который, конечно, по выше изложеннымъ причинамъ не претендуетъ на соотвѣтствіе подлинному тексту потеряннаго оргинала, а имѣетъ лишь цѣлью дать приблизительное понятіе о его содержаніи.

[Ἀγαθῆι Τυχῆι· ἔδοξε τῆι βουλῆι καὶ τῶι δήμωι οἱ]
[ἄρχοντες καὶ οἱ ἑ]πτὰ εἶπαν· ἐπειδὴ Καλ[λέας τοῦ δεῖνα]
[διετετέλεκεν τὰ] βέλτιστα τῶι δήμωι κα[ταπράττων]
[καὶ ὠφελῶν τῆι π]όλει παρὰ τὴν ἔγδοσ[ιν τοῦ τέλους]
[τοῦ ἐλλιμενί]ου, τάς τε προσόδους συ[νῆγε μεγίστας]·
[ἔτι δὲ τοῦ δεῖνα τοῦ...] νέντου τὸν δῆμον κατα[στασιάσαντος]
[οὔτε ἔχων ἔχθραν ἐμ]ποδῶν οὔτε φιλίαν περι[ποιούμενος]
[τοὺς στασιάζοντας] ἐν τῆι πόλει εἰς ὁμο[νοίαν καὶ]
[εἰρήνην κατέστησ]εν· ὁ τε δῆμος ἐστεφ[άνωσεν αὐτὸν]
[χρυσῶι στεφανῶι· τά]τε τέλη τὰ ἐπὶ βεβαί[ωσιν и т. д.

«Съ добрымъ счастіемъ. Совѣтъ и народъ постановили по предложенію архонтовъ и Семи: Такъ какъ Баллей, сынъ ....., неоднократно оказывалъ услуги народу и бывалъ полезнымъ городу при отдачѣ въ откупъ портовыхъ пошлинъ и доставлялъ ему большіе доходы; кромѣ того-жъ, когда <имя лица> угнеталъ народъ въ пользу своей партіи, онъ не считая препятствіемъ вражду и не гонясь за дружбой привелъ враждебныя другъ къ другу партіи въ городѣ къ согласію и миру, народъ же увѣнчалъ его золотымъ вѣнкомъ. Расходы же на упроченіе и т. д.».

Что предложенная здѣсь попытка возстановленія гадательна и притомъ не вполнѣ удовлетворительна, я самъ знаю: мнѣ неизвѣстно имя собственное, которое оканчивается на —νέντος, и связь между «βεβαίωσιν» и словами слѣдующей строки мною не установлена.

7) Кусокъ желтомраморной стелы. Ея размѣры 37×37×13 см. Сверху и съ боковъ камень сохранился въ первоначальномъ видѣ; снизу онъ обломанъ, но сколько пропало, опредѣлить нельзя. Верхняя часть стелы на 17 см. совершенно гладка; слѣдовъ какого-нибудь украшенія или орнамента на этой верхней части памятника не замѣтно. Послѣ этого значительнаго свободнаго пространства на стелѣ начинается надпись. Она весьма тщательно и глубоко изсѣчена и по характеру шрифта принадлежитъ концу V—началу IV вѣка. Стела найдена въ Ольвіи и пожертвована музею д. чл. Общества А. Фогелемъ.

Надпись гласитъ слѣдующее:

Эти шесть строкъ представляютъ собою гексаметръ, пентаметръ и опять гексаметръ. Навѣрное можно сказать, что пропала вторая часть второго дистиха; но по всей вѣроятности пропало еще больше. Конечныя 9 буквъ послѣдней сохранившейся строки дополнены мною несомнѣнно вѣрно, такъ какъ слѣды верхнихъ частей четырехъ первыхъ изъ этихъ девяти буквъ еще замѣчаются и по смыслу другого дополненія дать нельзя. Когда отдѣлить въ транскрипціи надпись по стихамъ, она имѣетъ слѣдующій видъ:

Φημὶ διακοσίας καὶ ὀγδοήκοντα ὀργυιάς
Καὶ δυὸ τοξεῦσαι κλεῖνον Ἀναξάγοραν·
Υἱὸν Δημαγορέω; Φιλτέω δὲ παῖ[δα ὀργυιάς] т. е.

«Я говорю, что на двѣсти восемьдесять двѣ оргіи стрѣлялъ <изъ лука> славный Анаксагоръ, сынъ Демагорея; сынъ же Филтея <на> оргіи»...

Ὀργυιά равняется 6 футамъ 8,36 линіямъ или 1,85 метрамъ (срв. Hultsch: Metrologie, Tabelle III. S. 688), слѣдовательно 282 оргіи равняются 521,6 метрамъ или 1692 футамъ.

Итакъ наша надпись поставлена въ память замѣчательныхъ выстрѣловъ изъ лука ольвійскихъ гражданъ, должно быть во время состязанія на играхъ или на празднествѣ.

Упомянутый на первомъ мѣстѣ Анаксагоръ, сынъ Демагорея, своимъ выстрѣломъ на разстояніе почти полуверсты (1750 футовъ), повидимому, побѣдилъ другихъ. Достигнутые имъ и другими результаты считались достойными увѣковѣченія, совершенно также какъ въ Константинополѣ на Ok-meidân'ѣ на маленькихъ мраморныхъ колоннахъ записаны для потомства особенно замѣчательные выстрѣлы прежнихъ султановъ.

Значеніе нашего памятника заключается въ томъ, что онъ пока первый и единственный, на которомъ сообщается свѣдѣніе о разстояніи полета стрѣлы въ древности. Это разстояніе мнѣ, неспеціалисту по данному вопросу, казалось на первый взглядъ весьма большимъ и чуть-ли не преувеличеннымъ и я поэтому обратился къ извѣстному спеціалисту по вопросамъ стрѣльбы изъ лука, профессору F. von Luschan, одному изъ директоровъ музея «Für Völkerkunde» въ Берлинѣ. Профессоръ von Luschan весьма любезнымъ образомъ отвѣтилъ на мой вопросъ, сообщивъ мнѣ слѣдующее:

«Сообщенное въ Вашемъ важномъ и весьма интересномъ документѣ разстояніе полета стрѣлы меня неособенно поразило. Мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія о выстрѣлахъ изъ лука на бо́льшее еще разстояніе. Такъ напр. одному атташе́ турецкаго посольства въ Лондонѣ 110 лѣтъ тому назадъ удалось при состязаніи стрѣлять на разстояніи 800 метровъ: я самъ, не будучи крѣпкаго тѣлосложенія и изрѣдка только упражнявшись въ стрѣльбѣ изъ лука, достигъ 310 метровъ; я убѣжденъ, что при правильномъ и ежедневномъ упражненіи я могъ бы по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ дойти до того же результата, какъ Анаксагоръ, прославленный Вашей надписью. Конечно, Анаксагоръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи такъ называемый турецкій лукъ. Ни съ англійскимъ лукомъ изъ тисоваго дерева, ни съ японскимъ — чтобы только назвать лучшіе луки другихъ системъ — не мыслимы выстрѣлы на подобное разстояніе; о лукахъ Африканцевъ и Полинезовъ и говорить нечего — ими нельзя стрѣлять даже на 100 шаговъ. Впрочемъ, надо имѣть въ виду, что при подобныхъ «выстрѣлахъ на большее разстояніе» дѣло идетъ о выстрѣлахъ съ весьма легкой стрѣлой — такъ какъ вѣсъ стрѣлы имѣетъ большее значеніе на разстояніе его полета, — и о стрѣляніи не въ опредѣленную цѣль или мету. Достигнутый Анаксагоромъ результатъ въ состязаніи я такимъ образомъ считаю вполнѣ возможнымъ. Я съ особенно большой радостью привѣтствую находку этого важнаго документа, такъ какъ онъ служитъ прямымъ подтвержденіемъ моихъ изслѣдованій объ античномъ лукѣ и является *первымъ* положительнымъ показаніемъ о полученномъ при стрѣльбѣ изъ лука результатѣ. Если оставить колонны съ цыфровыми данными о выстрѣлахъ султановъ на Ok-mêidan'ѣ въ Константинополѣ въ сторонѣ [1]), то до сихъ поръ древнѣйшее показаніе о

---

[1]) Профессоръ von Luschan, по собственному заявленію, подробностей о надписяхъ на Ok-mêidan'ѣ не знаетъ. Я въ виду этого обратился съ просьбой о доставленіи мнѣ болѣе подробныхъ свѣдѣній къ Б. В. Фармаковскому, въ Константинополѣ, который самымъ предупредительнымъ образомъ исполнилъ эту просьбу. Онъ мнѣ пишетъ: «Общія замѣчанія объ Окмейданѣ, по-русски — стрѣльбичное поле, Вы найдете у Σκαρλάτου Δ. τοῦ Βυζαντίου, Ἡ Κωνσταντινούπολις, τόμ. Β. Ἀθήνησιν 1862, стр. 13 слѣд., E. A. Grosvenor, Constantinople, London, 1895, vol. I, стр. 90. Meyers Reisebücher, Türkei, 1898, стр. 222. Повидимому, спеціальной работы о надписяхъ Окмейдана нѣтъ. Я былъ тамъ съ драгоманомъ нашего консульства, хорошо знающимъ турецкій языкъ. Онъ мнѣ прочелъ почти

разстояніи полета стрѣлы мы имѣли у Шекспира. Надѣюсь, что Вы въ скоромъ времени издадите этотъ первоклассный документъ и т. д.».

Въ дополненіе къ этому письму профессора von Luschan'a позволю себѣ указать, что онъ въ Festschrift für Otto Benndorf (Wien 1898) S. 188—197 публиковалъ весьма важное и интересное изслѣдованіе объ античномъ лукѣ; въ этомъ изслѣдованіи онъ доказываетъ, что всѣ луки, несмотря на разновидности въ деталяхъ, распадаются на двѣ главныя группы: на луки, сработанные изъ одного куска дерева, и на луки, составленные изъ разныхъ слоевъ дерева, кости, сушеныхъ жилъ животныхъ и обтянутые и покрытые древесной корой, кожей или лакомъ. Къ первой группѣ принадлежатъ всѣ африканскіе луки и тѣ, которые первоначально были въ употребленіи въ западной Европѣ; вторая группа является достояніемъ народовъ, заселявшихъ западную часть Азіи: главнымъ представителемъ этой группы служитъ въ настоящее время турецкій лукъ. Но не турки изобрѣтатели этого художественнаго, весьма искуснаго произведенія; лукъ, составленный изъ различныхъ слоевъ, ведетъ свое начало изъ глубокой древности. Какъ явствуетъ изъ Одиссеи и Иліады (φ. 74. Δ, 104) и

всѣ надписи, которыя прочесть возможно,— многія уже сильно испорчены. Надписи неодинаковы по содержанію. Часто онѣ датированы (годами мусульманской геджры). Даты всѣ довольно позднія. Это относится и къ тѣмъ надписямъ, въ коихъ идетъ рѣчь о разстояніи, которое пролетѣла стрѣла. Такъ на одной колоннѣ, которая датирована 1272 г. геджры, въ надписи говорится, «что стрѣла одного стрѣлка (не султана) пролетѣла разстояніе *908 hassam'ов* (локтей?) и, попавъ въ землю, подняла пыль на 4 керемъ». Изъ послѣдняго видно, что турки цѣнили не столько вѣрность прицѣла, сколько силу оружія. Скарлатъ Византій понимаетъ hassam какъ футъ — едва-ли вѣрно. Вторая надпись, въ которой говорится о разстояніи, пройденномъ стрѣлою, относится къ 1247 году геджры. Вотъ ея пересказъ: «Центръ славы міра султанъ Махмудъ Ханъ открылъ состязаніе и пустилъ стрѣлу на разстояніе *1215 длины стрѣлы*, попалъ, и никто на такомъ разстояніи въ цѣль не попадалъ. Да будетъ мѣсто это проявленіемъ предѣловъ его трона. Но сколько бы мой языкъ ни говорилъ, этого недостаточно». Maximum дается въ надписи Мурада Газиса (IV), стрѣла коего пролетѣла разстояніе *1255 футовъ*».

Дальше г. Фармаковскій сообщаетъ еще текстъ цѣлаго ряда датированныхъ надписей, но, такъ какъ въ нихъ нѣтъ указаній на разстояніи, то я воздерживаюсь здѣсь, не смотря на ихъ интересъ въ бытовомъ отношеніи, отъ ихъ напечатанія. Оказывается такимъ образомъ,— хотя «hassam» и «длина стрѣлы» и не подаются вполнѣ точному опредѣленію, — что нашъ Анаксагоръ достигъ болѣе блестящаго результата, чѣмъ тѣ турецкіе султаны, въ надписяхъ которыхъ имѣются указанія на разстояніе, какое пролетѣла ихъ стрѣла. Онъ побѣдилъ даже Мурада Газиса (IV) на 437 футовъ и его выстрѣлъ по этой сравнительной оцѣнкѣ заслуживаетъ эпитета весьма замѣчательнаго, вполнѣ достойнаго увѣковѣченія въ формѣ стихотворной надписи.

изъ памятниковъ искусства (рельефы въ Gyölbaschi, изображенія на античныхъ греческихъ вазахъ и т. д.), именно античный лукъ, бывшій въ употребленіи и у грековъ, построенъ по той же системѣ, какъ впослѣдствіи турецкій или туркестанскій. Нѣсколько экземпляровъ этого античнаго лука завезены были и въ Египетъ и тамъ найдены при раскопкахъ: одинъ изъ нихъ въ Берлинѣ (№ 4212), другой экземпляръ, отъ VII вѣка до Р. Х., найденъ въ египетскихъ Ѳивахъ и опубликованъ H. Balfour'омъ въ 1897 году. Какъ показываютъ разрѣзы этихъ двухъ луковъ, система построенія такого лука становится съ теченіемъ времени все сложнѣе: изданный Balfour'омъ лукъ состоитъ изъ трехъ слоевъ дерева, трехъ слоевъ кости и двухъ слоевъ сушеныхъ жилъ животныхъ. Всѣ эти слои соединены клеемъ изъ рыбьихъ костей и такъ стиснуты и придавлены подъ прессомъ, что составляютъ одну компактную массу. Какъ выясниетъ von Luschan, изготовленіе такого лука требовало большаго умѣнья мастера и очень продолжительнаго времени работы: сушка отдѣльныхъ склеенныхъ частей, сжиманіе ихъ подъ прессомъ, нанесеніе новаго слоя, новая сушка и т д, по мнѣнію профессора von Luschan'а, продолжались цѣлые годы, такъ что подобный лукъ могъ быть оконченнымъ только по истеченіи 5 лѣтъ и больше, считая отъ начала работы. Въ виду этого хорошій лукъ такой системы стоилъ дорого и цѣнился выше нѣсколькихъ быковъ и лошадей. Такъ какъ ближайшіе сосѣди ольвіополитовъ, скиѳы, славились какъ стрѣлки изъ лука, то мы вправѣ предполагать, что и ольвіополиты научились у нихъ стрѣлять и пользовались также луками только что описанной усовершенствованной системы, которые, конечно, были въ употребленіи у этихъ первыхъ стрѣлковъ древности. Изображенія скиѳскихъ луковъ —назову ради примѣра только изображенія на никопольской вазѣ—не допускаютъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Итакъ разсматриваемый документъ, помимо указаннаго уже значенія, заключающагося въ первомъ точномъ показаніи относительно разстоянія выстрѣла изъ лука, представляетъ еще другой немаловажный интересъ. Мы изъ него можемъ вывести заключеніе, что въ Ольвіи существовали состязанія въ стрѣльбѣ изъ лука, и такъ какъ на играхъ, устраиваемыхъ общинами на греческомъ материкѣ, мы этого рода состязаній въ историческое время не встрѣчаемъ, то вправѣ

вывести и дальнѣйшее заключеніе, что такое состязаніе въ Ольвіи введено было подъ прямымъ вліяніемъ скиѳскаго элемента населенія, который сильно воздѣйствовалъ не только на культурную жизнь, но даже—лишнимъ доказательствомъ чего служитъ вновь найденный въ Керчи саркоѳагъ — и на художественную конценцію греческихъ обитателей нашего Черноморскаго побережья.

8) Плита желтоватого мрамора. Ея размѣры 38×30×16 см. Плита разломана на два куска. Верхній и нижній края не повреждены, отъ лѣваго края отбитъ значительный кусокъ. Сохранилась часть надписи въ двухъ, далеко другъ отъ друга отстоящихъ строкахъ.

. . . . . ΒΡΕ
. . . . ΛΦΕΟΣ

По расположенію и размѣщенію надписи на камнѣ весьма вѣроятно, что мы имѣемъ передъ собой остатокъ надгробія. Сохранившіяся буквы однако дополнить въ ожидаемыя имена собственныя я не умѣю; или слѣдовало-бы допустить, — а это врядъ-ли возможно, — что оба имена встрѣчаются здѣсь въ неизвѣстныхъ до сихъ поръ формахъ: Ἄβρος, вмѣсто Ἄβρων и Ἀδελφῆς вмѣсто Ἀδελφος. Тогда возможно было-бы читать

Χαῖρε Ἄ[βρε
Ἀδε[λφέος.

Но я воздерживаюсь отъ этой догадки.

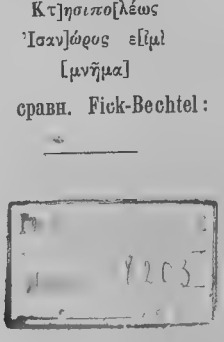
9. Кусокъ желтоватой мраморной плиты. Его размѣры 16×18×13. верхній край уцѣлѣлъ, со всѣхъ другихъ сторонъ камень поврежденъ Сохранились на плитѣ въ двухъ строкахъ слѣдующія буквы:

. -ΙΣΙΠΟ-
...ΩΡΟΣΕ...

И этотъ фрагментъ представляетъ собою часть надгробія. Можно предположить слѣдующее дополненіе:

Κτ]ησιπο[λέως
Ἰσαν]ώρους ε[ἰμὶ
[μνῆμα]

Относительно именъ сравн. Fick-Bechtel: Griech. Eigennamen, S. 137 и 130.



Б. Надписи, нацарапанныя на сосудахъ (graffiti) и надписи, написанныя на нихъ кистью въ краскахъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ изданы были мною «graffiti» на сосудахъ и черепкахъ, хранящихся въ Одесскомъ музеѣ и въ Херсонесскомъ складѣ древностей, матеріалъ по данному вопросу, найденный въ южной Россіи, конечно, значительно увеличился. Кое-что изъ этихъ новыхъ находокъ попало и къ намъ въ музей, и я считаю пріятнымъ долгомъ представить вниманію членовъ Общества этотъ нашъ новый матеріалъ, дополняя его еще какъ тѣми «graffiti» и надписями на сосудахъ, которыя я при разсмотрѣніи замѣчательной коллекціи нашего сочлена г. А. Фогеля въ Николаевѣ успѣлъ скопировать съ любезнаго разрѣшенія ихъ владѣльца, такъ и тѣми, которыя попадаются на сосудахъ, раскопанныхъ Г. Л Скадовскимъ лѣтомъ этого года на островѣ Березани.

Придерживаясь установленныхъ мною въ упомянутомъ изслѣдованіи категорій «graffiti», я и здѣсь на первомъ мѣстѣ издамъ:

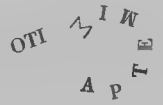
а) *Graffiti и надписи посвятительныя.*

1) Чернолаковый киликсъ превосходной работы и сохранности изъ Ольвіи: на немъ нацарапано:

ΙΣΤΙΑΙΟΣ ΑΦΡΟΔΙΤΗΙΟΙΝΟΝ, т. е.

Ἱστιαῖος Ἀφροδίτηι οἶνον. = «Гистіей <преподноситъ> Афродитѣ вино». Значитъ, наполненная виномъ чаша поставлена была Гистіеемъ въ святилищѣ Афродиты и снабжена соотвѣтствующей надписью. Существовалъ-ли въ Ольвіи особый храмъ Афродиты, какъ въ Херсонесѣ (ср. Latyschev I. P. I, 203), мы не знаемъ: навѣрное однако изъ нашего эпиграфическаго матеріала извѣстно (сравн. Latyschev I. P. I, 94), что она въ Ольвіи почиталась. Если полагать, что культъ ея отправлялся совмѣстно съ культомъ другаго еще божества въ одномъ святилищѣ, то необходимость подобной надписи на киликсѣ становится вполнѣ ясной. Имя Ἱστιαῖος встрѣтилось въ Ольвіи до сихъ поръ лишь въ формѣ Ἱσταῖος (I. P. I, № 57).

2) Сосудъ въ формѣ женской головы, превосходной работы конца V начала IV вѣка. Сосудъ найденъ въ Коцерубѣ (близъ Очакова) и пріобрѣтенъ изъ бывшей коллекціи П. А. Мавrогордато. Вокругъ горлышка довольно небрежно нацарапано:



т. е. Ἄρτεμις ὅτι.

Этотъ первоклассный сосудъ въ формѣ женской головы типа лучшаго періода греческаго искусства посвященъ былъ по всей вѣроятности Артемидѣ, хотя, правда, скорѣе слѣдовало-бы ожидать въ такомъ случаѣ найти имя богини въ дательномъ или родительномъ падежахъ; но мы ниже увидимъ, что и именительный при посвященіи не безъ аналогіи. Въ виду этого я причисляю надпись къ рубрикѣ посвятительныхъ. Возможно конечно и предположеніе, что владѣлецъ этой прекрасной головы усматривалъ въ ней изображеніе Артемиды и поэтому нацарапалъ ея имя на горлышкѣ. Приписку ὅτι я объяснить не умѣю.

3) Панаѳинейскій скиѳосъ съ изображеніемъ совы. Сосудъ найденъ въ прошломъ году въ Ольвіи и пріобрѣтенъ музеемъ. Подъ одной ручкой довольно тщательно нацарапано:

ΑΠΑΤ
ΟΡΙΟΣ.

Подъ другой мы имѣемъ слѣдующее graffito:

ΑC ΑΝΘΕΣΤ
Α ΗΡΙΟΣ
ΑΠΟΤΟΡΙΑΣ Ν
Ο

И наконецъ съ внѣшней стороны вокругъ донышка нацарапано:

Подъ одной ручкой мы такимъ образомъ имѣемъ надпись владѣльца и посвятителя: Ἀπατόριος; имя это извѣстно изъ ольвійской эпиграфики, хотя и въ болѣе позднемъ правописаніи, а именно Ἀπατούριος (срв. Latyschev: I. P. I, № 46). Подъ другой ручкой мы имѣемъ тоже самое имя, но съ нѣкоторыми первоначальными описками. Владѣлецъ нацарапалъ сначала вмѣсто «АП» — «АС»; потомъ онъ снова началъ строкой ниже и снова ошибся: онъ вырѣзалъ первоначально АПОТОРІАΣ; надъ первымъ «о» онъ потомъ написалъ «А», а невѣрное окончаніе ІАΣ исправилъ сейчасъ-же тѣмъ, что въ нижнюю часть буквы «альфа» вписалъ «омикронъ». Этотъ неудачный «graffito» должно быть и былъ причиною, что посвятитель сосуда вторично подъ другой ручкой еще разъ и, какъ мы уже видѣли, на этотъ разъ вѣрно, повторилъ свое имя. На право отъ ошибочнаго, а потомъ исправленнаго «graffito» немного выше мы читаемъ слово Ἀνθεστήριος, но подъ послѣдней буквой «σ» написано еще «ν».

Этому исправленію безусловно слѣдуетъ вѣрить. Ἀνθεστήριος имя собственное, и совершенно непонятно, откуда еще рядомъ съ Апаторіемъ взялся второй посвятитель сосуда Анѳестерій. Если же думать, что два лица вмѣстѣ преподнесли Гермесу этотъ скиѳосъ, то по крайней мѣрѣ слѣдовало-бы ожидать, чтобы между ихъ именами поставлена была связка «καὶ» = «и». Исправленное-же чтеніе имѣетъ, повидимому, цѣлью дать или обозначеніе мѣсяца Ἀνθεστηρι<ῶ>νος или названіе празднества Ἀνθεστηρίων, т. е. «во время Анѳестерій» (родит. падежъ вмѣсто обыкновеннаго дательнаго въ данномъ случаѣ можно объяснить подъ вліяніемъ аналогій: νυκτός, ἡμέρας, Ἀνθεστηριῶνος т. д.). То и другое чтеніе вполнѣ по смыслу подходитъ, особенно если имѣть въ виду еще слѣдующее:

Въ Аѳинахъ, въ 13 день мѣсяца Анѳестеріона, въ третій день праздника Ἀνθεστήρια приносили жертву подземному Гермесу. Эта жертва состояла въ разныхъ плодахъ и фруктахъ, помѣщенныхъ въ горшкахъ (χύτροις), почему и этотъ день празднества называли χύτροι. (Preller-Robert. Griech. Myth. I, S 330). Въ Ольвіи тоже былъ мѣсяцъ Ἀνθεστηριών; при культурномъ воздѣйствіи Аѳинъ на Ольвію a priori почти не подлежитъ сомнѣнію, что именно въ этомъ мѣсяцѣ и тамъ справляли праздникъ въ честь Гермеса. Посвященіе же нашего сосуда, на которомъ отмѣченъ мѣсяцъ Ἀνθεστηριών или праздникъ Ἀνθε-

στήρια, именно этому божеству служитъ прямымъ подтвержденіемъ такого предположенія. Мы видимъ, что соединеніе имени Гермеса вмѣстѣ съ обозначеніемъ мѣсяца или празднества Анеестерій на нашемъ сосудѣ является въ силу изложеннаго вполнѣ естественнымъ и подходящимъ. Сосудъ посвященъ, какъ явствуетъ изъ graffito на днѣ его, ΕΡΜΕΩ ΑΡΚΙΟΙ, т. е. Ἑρμέω ἀρκίο<υ>=«я принадлежу», «я собственность Гермеса помогающаго», «Гермеса Спасителя». Насколько я знаю, эпитетъ ἄρκιος = «надежный, помогающій, полезный» является здѣсь впервые. Нашъ маленькій сосудъ такимъ образомъ не только позволяетъ намъ вывести въ культурномъ отношеніи весьма любопытное заключеніе, что въ Ольвіи,какъ и въ Аѳинахъ, справляли въ мѣсяцѣ Анеестеріонѣ праздникъ Гермеса, но онъ насъ знакомитъ еще и съ новымъ, до сихъ поръ неизвѣстнымъ эпитетомъ этого бога.

5) Донышко чернолаковаго сосуда, найденное на Березани при раскопкахъ Г. Л. Скадовскаго. На немъ нацарапано graffito

ΑΓΑΤΟΡΗΣ.

т е. Ἀπατόρης (scl. εἰμί)=я собственность Апаторы. Имя собственное Ἀπατόρη не встрѣчается; но въ іоническихъ колоніяхъ Чернаго моря почиталась Ἀφροδίτη Ἀπατούρη, покровительница фратрій; срв. Strabo XI, 495 и надпись изъ Ѳанагоріи: Θεᾶι Ἀφροδίτηι Οὐρανίαι Ἀπατούρηι. Ἀπατόρη вмѣсто Ἀπατούρη только орѳографическая разновидность или скорѣе въ VI и V вѣкѣ правильное правописаніе; «о» вмѣсто «ου» пишется, когда «l'u résulte d'une contraction compensateur de la racine: βόλη (βούλη) и т. д.». Reinach: Traité d'épigraphie grecque p. 261.

И такъ Ἀποτόρης здѣсь поставлено вмѣсто Ἀφροδίτης Ἀπατόρης и сосудъ посвященъ ей.

6) Чернолаковая чаша, найденная при тѣхъ-же раскопкахъ на Березани. На ней graffito:

ΙΕΡΗΕΙΜΙΤΟΡΜΕΩ.

т. е. ἱερὴ εἰμὶ τοῦ Ἑρμέω: «я посвященная есмь <собственность> Гермеса». Надпись, какъ доказываютъ формы ἱερή и Ἑρμέω, іоническая. Страннымъ является красисъ члена съ существительнымъ, первая гласная котораго имѣетъ предыханіе, и притомъ красисъ τοῦ Ἑρμέω

долженъ былъ быть правильно τουρμέω, а не τορμέω. Но особенной грамотности отъ авторовъ подобныхъ «graffiti» требовать нельзя.

Къ разряду этихъ посвятительныхъ надписей можно причислить еще и группу надписей, которыя не нацарапаны на сосудахъ, а тщательно исполнены въ краскахъ при помощи кисти. Онѣ отличаются отъ только что разсмотрѣнныхъ «graffiti» тѣмъ, что не владѣльцы сами, принося тотъ или другой сосудъ въ даръ извѣстному божеству, отмѣтили на немъ данное ему назначеніе, а уже фабриканты взяли на себя этотъ трудъ, такъ что частныя лица, желая посвятить въ храмъ божества сосудъ съ дарами, могли себѣ избирать у фабриканта товаръ уже съ соотвѣтствующей надписью. Однако можно по справедливости сомнѣваться въ томъ, что именно желаніе идти на встрѣчу этимъ религіознымъ потребностямъ покупателей было главною причиною для фабрикантовъ снабжать изготовляемые ими сосуды надписями. Дѣло въ томъ, что эти надписи встрѣчаются почти безъ исключенія на сосудахъ совершенно опредѣленной формы и находятся въ извѣстномъ соотношеніи къ этимъ сосудамъ. Сосуды эти—киликсы и скиѳосы изящной формы, на высокой ножкѣ, чернолаковые, съ лиственнымъ орнаментомъ въ бѣлой и свѣтлобурой или желтой краскахъ. Мѣсто ихъ фабрикаціи, повидимому — они попадаются часто въ Мринскомъ некрополѣ — Малая Азія и они принадлежатъ III—II вѣку до Р. Х. Эти киликсы служили для питья вина и надписи, которыми они снабжены, вращаются именно въ кругѣ представленій: «вино, любовь и дружба». Если этими сосудами съ готовыми надписями пользовались, что весьма вѣроятно, и для преподнесенія ихъ извѣстнымъ божествамъ, это является какъ-бы побочнымъ обстоятельствомъ — надписи-же вызваны были прямымъ назначеніемъ самыхъ сосудовъ. За послѣднее время такихъ киликсовъ раскопано въ Ольвіи изрядное количество.

Въ нашемъ музеѣ изъ этихъ находокъ имѣются:

7) Чернолаковый скиѳосъ съ богатымъ орнаментомъ изъ бѣлыхъ и желтыхъ усиковъ и листьевъ. Между орнаментомъ читаются буквы ΔΙΟΝΥΣΟΥ.

8) Такой же скиѳосъ; орнаментъ пестрѣе, ручекъ недостаетъ. Надпись небрежна: ΔΥΙΟΝ.

9) Чернолаковая маленькая кружка; тонкій орнаментъ въ желтой краскѣ изъ виноградныхъ листьевъ. Надпись тщательно исполнена: ΔΙΟΝΥΣΟΥ.

Съ этими тремя сопоставить надо два киликса изъ коллекціи г. А. Фогеля;

10) и 11), на которыхъ имѣется также надпись: ΔΙΟΝΥΣΟΥ.

Итакъ, на пяти изъ этихъ сосудовъ читается: Διονύσου (scl. εἰμί), т. е «я принадлежу Діонису, я достояніе Бога вина».

Дальше на одномъ киликсѣ въ Одесскомъ музеѣ имѣется надпись:

12) ΦΙΛΙΔΣ, т. е. φιλίας (εἰμι)= «я достояніе дружбы», а на двухъ сосудахъ изъ коллекціи г. А. Фогеля читается:

13) на одномъ ΦΙΛΙΑ=φιλία, т. е. «дружба», на другомъ,

14) ΦΙΛΟΙΣ=φίλοις, т. е. «друзьямъ».

Затѣмъ на киликсѣ изъ коллекціи г. Фогеля мы читаемъ:

15) ΑΦΡΟΔΙΤΗΣ='Αφροδίτης <scl. εἰμί> = «я принадлежу Афродитѣ».

И наконецъ на сосудѣ изъ той-же коллекціи имѣется надпись:

16) ΔΩΡΟΝ=δῶρον, т. е. «подарокъ, даръ» (срв. de Witte: Rev. de Phil. anc. sér. II, p. 512).

Какъ видно, всѣ эти надписи на сосудахъ, предназначенныхъ для питья вина, бываютъ довольно однородными, и обнимаютъ весьма опредѣленный кругъ понятій; тѣмъ не менѣе по ихъ формѣ и содержанію слѣдуетъ ихъ причислить къ группѣ посвятительныхъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Къ той-же группѣ слѣдуетъ отнести и весьма своеобразную надпись:

17) Въ собраніи г. А. Фогеля имѣется маленькій красноглиняный стаканчикъ, шарообразной формы, изъ Ольвіи. Вокругъ брюшка этого стаканчика есть надпись въ рельефно выступающихъ, бѣлыхъ точкахъ: ЄΡΜΗС. Эта надпись не только по техникѣ и письму интересна [1]), но и потому, что она является вторымъ примѣромъ посвя-

[1]) По формѣ представляетъ полную аналогію къ этому стаканчику сосудъ изъ бывшей коллекціи П. А. Маврокордато, на которомъ въ бѣлой краскѣ написано: Ο ΘΕΟC ΕΙΛΕωC ΜΟΙ. Объ этой христіанской надписи срв. Stephani, Vasensammlung der Ermitage № 2056.

щенія въ именительномъ падежѣ. Если при № 2 (Ἄρτεμις) можно было еще сомнѣваться, посвященіе-ли этотъ «graffito» или объяснительная надпись къ изображенной фигурѣ, то въ данномъ случаѣ, гдѣ нѣтъ никакого изображенія, всякое сомнѣніе исчезаетъ.

Наконецъ, причисляю къ этой группѣ посвятительныхъ надписей еще послѣднее «graffito» на днѣ краснолаковаго блюдца изъ Ольвіи, пріобрѣтеннаго музеемъ въ 1900 году.

18) Съ внѣшней стороны на днѣ выцарапаны вполнѣ ясно буквы ΔΙ; послѣ этой іоты замѣчаются еще слѣды другаго вертикальнаго штриха, по всей вѣроятности тоже іоты, такъ что можно читать ΔΙ: Δι(ί т. е. «Зевсу».

Въ указанной выше моей работѣ о «graffiti» выдѣлена была, какъ вторая группа ихъ —

б) «*Graffiti*» *владѣльцевъ сосудовъ.*

Вновь найденный матеріалъ представляетъ извѣстное обогащеніе и для этой группы.

19) Чернолаковый киликсъ изъ Ольвіи. Пріобрѣтенъ музеемъ въ 1899 году. На внѣшнемъ краѣ тщательно нацарапана надпись

ΑΡΙΣΤΟΚΡΑΤΕΩ = Ἀριστοκρατέω <scl. εἰμί>, т. е. «я принадлежу Аристократею». Слѣдуетъ отмѣтить здѣсь, какъ и при graffiti подъ № 3 и № 6, іоническую форму родительнаго падежа на—«έω». Эта форма уже можетъ служить доказательствомъ относительной древности надписи — сколько я знаю, послѣ IV в. до Р. Х. подобныя формы въ Ольвіи больше не встрѣчаются. Характеръ письма нашего «graffito» совершенно соотвѣтствуетъ такому опредѣленію времени. Имя Ἀριστόκρατης дважды уже встрѣтилось въ ольвійскихъ памятникахъ: въ каталогѣ ольвійскихъ гражданъ (Latyschev I. P. I, № 114) и въ декретѣ въ честь Протогена (Latyschev I. P. I, № 16 A. 19) —значитъ, въ двухъ документахъ, IV вѣка.

20) Чернолаковый киликсъ изъ коллекціи г. А. Фогеля. Мѣсто нахожденія—Ольвія. На внѣшней сторонѣ верхняго края весьма красиво вырѣзано имя

ЕѲΓΡΑΞΙΣ. = Εὔπραξις.

Имя Εὔπραξις лишь другая, по всей вѣроятности, іоническая форма извѣстнаго имени Εὔπραξις (срв Fick-Bechtel, Griech. Eigen. S. 101); равно какъ въ іонической надписи (Ion. Inschrift 156,4), напримѣръ, встрѣчается форма Εὐπαθίδης вмѣсто обычнаго Εὐπαθίδης. По характеру буквъ (срв. Γ) нашъ graffito относится къ IV вѣку до Р. Х. Съ этимъ опредѣленіемъ времени наилучшимъ образомъ соглашается и іоническая форма имени Слѣдуетъ отмѣтить, что имя владѣльца сосуда поставлено здѣсь въ именительномъ падежѣ; мы выше уже указали на то, что въ издаваемомъ въ настоящей замѣткѣ матеріалѣ имя божества, которому посвященъ сосудъ (Ἄρτεμις и Ἑρμῆς), дважды уже встрѣчается въ этомъ падежѣ; можно удивляться любопытной случайности, что сравнительно незначительный матеріалъ, который на этотъ разъ въ нашемъ распоряженіи, какъ для первой, такъ и для второй группы «graffiti» позволяетъ намъ установить этотъ варіантъ при формулировкѣ подобныхъ надписей

21) Чернолаковый кувшинъ съ одной ручкой. Верхняя часть горлышка отбита. Мѣсто нахожденія — Пантикапей. Даръ музею д ч. Н. П. Кондакова. На сохранившейся части горлышка читается:

ΣΙΜΗΣ = Σίμης <εἰμί>, т. е. «я собственность Симы».

Относительно женскаго имени Σίμη я долженъ замѣтить, что я его у Fick'a-Bechtel'я не нашелъ; но оно образовано вполнѣ правильно изъ прилагательнаго σίμος, η, ον = «курносый». Какъ для мужскаго имени собственнаго встрѣчаются три формы, Σῖμος, Σιμῶν и Σιμᾶς, такъ мы для женскаго имени можемъ теперь установить, что рядомъ съ формы Σιμώ употреблялась и форма Σίμη.

22) Чернолаковая желобчатая ручка отъ сосуда. Мѣсто нахожденія — Ольвія. Даръ Ѳедора Кубчишина. Сохранился только кусокъ ручки, на которомъ читается «graffito».

....ΔΕΓΑ....
ΕΠΟΣ

Разгадать смыслъ четырехъ буквъ первой строки нельзя, тѣмъ болѣе, что невозможно опредѣлить, сколько буквъ имъ предшествовали или за ними слѣдовали. Graffito второй строки — ἔπος = «слово, стихъ» самъ по себѣ конечно вполнѣ понятенъ; непонятно лишь, въ какой связи это слово здѣсь было помѣщено. Одно можно съ увѣренностью сказать, что на этомъ черепкѣ — надпись владѣльца,

имѣвшаго фантазію украсить или вѣрнѣе обезобразить ручку сосуда выцарапанными крупнымъ шрифтомъ словами.

23) Крышка отъ іоническаго сосуда, найденная при раскопкахъ на островѣ Березани.

На крышкѣ graffito:

ΣΜΙΚΗΣΕΙΜΙ; Σμίκης εἰμί, «я собственность Смики».

Характеръ письма соотвѣтствуетъ древности сосуда—можно надпись датировать VI вѣкомъ. Имя Σμίκη—другая форма обычнаго имени Μίκκη, Μίκκα, равно какъ Σμίκων встрѣчается рядомъ съ распространеннымъ Μίκων («Малый»).

24) Донышко чернолаковаго сосуда; найдено при раскопкахъ на Березани. На внѣшней сторонѣ донышка «graffito»:

ΔΙΝΙΣΙ, т. е.

Δι<ο>νυσί[ου] scl. εἰμί = «я собственность Діонисія». Пропущена-ли буква «ο» случайно, или же существовала форма имени Δινύσιος рядомъ съ Διονύσιος, рѣшить трудно. Возможность существованія такой формы въ простонародіи не исключается.

25) Фрагментъ чернолаковаго сосуда, найденный при раскопкахъ г. Г. Скадовскаго на Березани. На краю весьма небрежно нацарапано graffito За вѣрность чтенія я не ручаюсь; но мнѣ кажется, что слѣдуетъ написанныя одна въ другую буквы толковать въ смыслѣ имени собственнаго

ΔΗΜΑ+ΟΜΕΝΟ, т. е.

Δημαχομένο[υ] <scl. εἰμί> = «я собственность Демахомена». Имя Δημαχόμενος до сихъ поръ, насколько я знаю, не встрѣчалось; но оно правильно образовано отъ δημ—(δῆμος) и ἄχομαι

26) Чернолаковый киликсъ, плоскій, на низкой ножкѣ. Мѣсто нахожденія—Ольвія. Сосудъ пріобрѣтенъ музеемъ весною этого года. На верхнемъ краѣ киликса, съ внѣшней стороны, выцарапана весьма тщательно слѣдующая надпись:

ΗΔΥΠΟΤΟΣΚΥΛΙΞΕΙΜΙΦΙΛΗΠΙΝΟΝΤΙ
ΤΟΝ ΟΙΝΟΝ=

Ἡδύποτος κύλιξ εἰμὶ φίλη πινόντι τὸν οἶνον, т. е.

«Пріятный для питья я (есмь) киликсъ, возлюбленный тѣмъ, кто пьетъ вино».

Гексаметръ, нацарапанный владѣльцемъ сосуда, который, должно быть, не разъ осушалъ этотъ значительныхъ размѣровъ бокалъ и, повидимому, оставался именно размѣромъ его такъ доволенъ, что прославилъ его въ стихотворной формѣ—этотъ гексаметръ, повторяю я, представляетъ въ разныхъ отношеніяхъ значительный интересъ. Я здѣсь не остановлюсь на бытовомъ интересѣ такого «graffito» на чашѣ, позволяющаго намъ заглянуть въ душевное настроеніе веселаго ольвійскаго любителя вина IV-го приблизительно вѣка до Р. Х., а укажу лишь вкратцѣ на важность этого стиха въ историко-культурномъ отношеніи. Первое слово нашего гексаметра гласитъ: ἡδύποτος. Это слово встрѣчается, насколько я знаю, лишь у Гомера (3 раза, Odyss. II, 340, III, 391, XV, 507) и разъ въ одномъ изъ такъ называемыхъ гомеровскихъ гимновъ (hym. VI, 36) и употребляется, какъ эпитетъ вина. Если нашъ ольвійскій поэтъ соединилъ этотъ эпитетъ съ словомъ κύλιξ и писалъ «пріятный для питья бокалъ» вмѣсто ἡδύποθος κύλιξ, т. е. бокалъ, изъ котораго пріятно пить», то онъ безъ сомнѣнія такъ поступилъ подъ вліяніемъ реминисценціи изъ Гомера. Если имѣть въ виду свидѣтельство Діона Хрисостома (срв. отрывокъ, пересказанный у Латышева: Ольвія стр 55), сообщающаго, что еще въ его время ольвіополиты восторгались гомеровскими эпопеями и кромѣ Гомера ни о какомъ поэтѣ не хотѣли и слушать, то подобное прямое воздѣйствіе Гомера въ болѣе древнее время на доморощенное творчество ольвіополита конечно не имѣетъ, a priori, ничего невѣроятнаго. Тѣмъ не менѣе такое прямое доказательство знакомства съ Гомеромъ и его вліянія на литературное производство въ Ольвіи, какимъ является нашъ «graffito», всегда можетъ претендовать на особенное вниманіе при тѣхъ скудныхъ фактическихъ свѣдѣніяхъ, которыя мы имѣемъ относительно духовной и умственной жизни Ольвіи какъ разъ во время высшаго ея процвѣтанія.

в) *Graffiti торговцевъ.*

27) Чернолаковый киликсъ: внизу на донышкѣ graffito
I$^{\vee}$ H.

28) Красноглиняная тарелка: внизу на донышкѣ нацарапано:
Δ.

29) Красноглиняная миска: внизу на донышкѣ выцарапаны буквы
A $^{\Delta}$A.

30) Іоническій сосудъ; найденный при раскопкахъ на Березани: внизу нацарапано:

AK III.

31) Іоническій сосудъ, найденный при раскопкахъ на Березани: внизу graffito: ←←←.

32) Іоническій сосудъ, найденный на Березани: внизу нацарапано:

33) Черепокъ краснолаковый, найденный на Березани: на немъ нацарапанъ знакъ въ формѣ звѣзды.

34) Простоглиняная амфора, найденная на Березани: на ней graffito: Λ.

Эти знаки, которые помѣщены на довольно скрытомъ мѣстѣ, весьма маленькихъ размѣровъ, и никакъ не портятъ самихъ сосудовъ я склоненъ считать помѣтками торговцевъ. Причины для этого предположенія изложены мною подробнѣе въ работѣ о «graffiti», къ которой и отсылаю читателя. Замѣчу здѣсь только, что слышавъ возраженія противъ этого предположенія, заключающіяся главнымъ образомъ въ томъ, что вѣдь ни одинъ торговецъ не станетъ портить свой товаръ такими неизглажимыми знаками, я сталъ внимательно слѣдить за нынѣшней практикой купцовъ въ этомъ отношеніи и могъ неоднократно констатировать, что и въ настоящее время товары подчасъ отмѣчаются неменѣе долговѣчными знаками

B. Надписи мастеровъ, клейма фабрикантовъ и штемпеля на амфорныхъ ручкахъ и горлышкахъ.

35) Г. Л. Скадовскій нашелъ при раскопкахъ на Березани фрагменты одной чаши, которая внутри украшена чернофигурной картинкой. На внѣшнемъ желтомъ краѣ читаются съ одной стороны буквы:

ΤΥΕΣΟΣΗ· (недостаетъ куска) ΧΟΕΓΟΙΕΣΕΝ,

съ другой стороны: ΤΥΕΣ (недостаетъ куска) Ε (недостаетъ куска) ΓΟΙΕΣΕΝ.

На обѣихъ сторонахъ такимъ образомъ одна и таже надпись; съ необходимыми дополненіями она гласитъ:

ΤΥΕΣΟΣΗ[ΟΝΕΑΡ]ΧΟΕΓΟΙΕΣΕΝ, т. е.

Τλέσος ὁ Νεάρχο ἐποίησεν, Тлесъ, сынъ Неарха, сдѣлалъ.

Этотъ Тлесъ, сынъ Неарха, братъ Эрготела, одинъ изъ извѣстныхъ «attischer Kleinmeister» начала VI вѣка. До сихъ поръ его руки намъ извѣстны 14 чашъ съ картинкой внутри сосуда — березанская является 15-й. Къ сожалѣнію она плохой сохранности. О Тлесѣ срв. Klein: Meistersignaturen² s. v.

36) Дальше на Березани найдены фрагменты другой чаши, весьма похожей на только что описанную. На этихъ фрагментахъ читается: α) +AIPE β) AI, γ) MENAI. Эти фрагменты можно соединить и дополнить слѣдующимъ образомъ:

+AIPE[K]AI[ΓΙΕΙ]MENAI[XI], т. е.

χαῖρε καὶ πίει με ναίχι = «радуйся и пей изъ меня непремѣнно». Эту надпись мы имѣемъ, напримѣръ, на чашѣ мастера Фригона, принадлежащаго также къ кружку «Kleinmeister'овъ»; срв. Klein: Meistersignaturen²» S. 80.

37) Два черепка отъ такой-же, третьей чаши — найденные также на Березани; на одномъ читается: +ΣENO, на другомъ ONΠINΔI (?); первая часть надписи дополняется, по всей вѣроятности, въ +ΣENO [KVEΣ], т. е. Ξενοκλῆς, имя мастера того же кружка. Съ надписью на второмъ фрагментѣ я справиться не умѣю.

38) Два фрагмента отъ чаши подобной-же формы, найденные также на Березани; на первомъ съ трудомъ читаются буквы EMEΣ.... MAI, на второмъ Σ и первая часть буквы Υ. Дополнить эту надпись я не умѣю; ясно только, что она принадлежитъ къ такому же роду сигнатуръ мастеровъ, какъ и предыдущія. Такъ какъ до сихъ поръ на югѣ Россіи найдено сравнительно мало сосудовъ съ надписями мастеровъ, то березанскіе черепки могутъ претендовать на большой интересъ.

39) Краснолаковое блюдце (terra sigillata); мѣсто нахожденія — Пантикапей. Пріобрѣтено г. Шкорпиломъ для Одесскаго музея. Внутри клеймо: $\frac{\text{POY}}{\text{ΦOY}}$ = Ροῦφου.

Клеймо это не лишено интереса. Оно показываетъ, во первыхъ, какъ и раньше (въ протоколѣ № 318) изданное мною клеймо Γαΐου на однородной тарелкѣ изъ Ольвіи, что италійскіе фабриканты сосудовъ изъ «terra sigillata» имѣли штемпеля своихъ именъ и въ греческомъ шрифтѣ и въ греческой формѣ, накладываемые на товары, предназначенные для вывоза на Востокъ; во вторыхъ же, фактъ нахожденія въ нашихъ колоніяхъ сосудовъ изъ terra sigillata съ штемпе-

лями фабрикантовъ чисто италійскаго происхожденія служитъ явнымъ доказательствомъ, что существовалъ оспариваемый Dragendorff'омъ импортъ этихъ «сигиллатовъ» изъ Италіи въ понтійскія колоніи и подтвержденіемъ моего предположенія, что красноглиняная лакированная посуда распространяется въ нашихъ колоніяхъ лишь со времени римскаго вліянія на Востокѣ, т. е. съ половины или съ конца II вѣка до Р. Х., между тѣмъ какъ Dragendorff датируетъ ольвійскія и пантикапейскія «sigillata» цѣлымъ столѣтіемъ раньше.

40) Фрагментъ такъ называемаго мегарскаго кубка — изъ Ольвіи. На днѣ рельефно выступающее клеймо:

ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ = Δημητρίου.

Товары этого фабриканта, повидимому, были весьма распространены въ нашихъ колоніяхъ. Въ нашемъ музеѣ больше полудюжины кубковъ съ его клеймомъ, а въ общемъ мнѣ извѣстны цѣлые десятки этихъ мегарскихъ чашъ съ его именемъ.

41) Фрагментъ мегарскаго кубка; внизу около мужской головы крайне небрежный штемпель:

ΠΟCΓΔ.

42) Мегарскій кубокъ: внизу на донышкѣ рельефная голова и штемпель: ΠΟCΙΔΟC. = Πόσιδος.

По аналогіи съ этимъ клеймомъ придется штемпель на кубкѣ подъ № 41 читать также Πόσιδος, несмотря на слѣды буквы «η». Πόσιδος родительный падежъ отъ имени Πόσις, который извѣстенъ и по ольвійской эпиграфикѣ (срв. Latyschev: I. P. I, № 16 B, 58).

43) Горло отъ амфоры изъ Ольвіи. На горлѣ штемпель:

ΤΙΜΟ = Τιμόλυκο[ς]
ΛΥΚΟ
ΧΙΡΑ Ἀρίστιππος
ΧΟΠΠΙ

Относительно именъ срв. Fick-Bechtel: Griech. Eigennamen. стр. 266 и 68.

Относительно этихъ штемпелей на самыхъ сосудахъ, которые по мнѣнію В. Н. Юргевича выражаютъ фирму двухъ фабрикантовъ, срв. Зап. Общ. XI, стр. 27 и 28.

44) Амфора изъ Пантикапея; даръ Археологической коммисіи. Обѣ ручки сохранились; на одной штемпель:

ΣΑΤΥΡΟΥ Σατόρου
(кадуцей)
ΘΑΣΙΩΝ Θασίων

Какъ весь сосудъ, такъ и надпись превосходной сохранности Имени Сатира на ручкахъ изъ Θасоса, которыя хранятся въ Одесскомъ музеѣ, сколько я знаю, до сихъ поръ еще ни встрѣчалось.

45) Кусокъ кирпича изъ Тираса (Аккермана).

Штемпель ΕΠΙ ΕΛ.. ΟΥ = Επὶ Ἐλ[π]ου
ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ ἀστυνόμου
ΗΦΑΙΣΤΙΟ Ἡφαίστιο[ς].

Можно сомнѣваться, дополнить-ли потертыя буквы въ имени астинома въ εν или въ π, т. е. въ Ἔλενος или въ Ἔλπος. Такъ какъ послѣднее имя нѣсколько разъ встрѣчается въ качествѣ астинома на черепицахъ и ручкахъ изъ нашего Юга (Беккеръ. Зап. V, 50, № 16 и 17, томъ VII, стр. 54, № 10), то я предпочелъ его. Имя фабриканта извѣстно, срв. В Н. Юргевичъ. Зап. XI, стр. 66.

46) Ручка отъ амфоры изъ Тираса.

ΠΙΑΝΑΞΙΑ = Ἐ]πὶ Ἀναξι-
ΒΟΥΛΟ βούλο[υ]

Родосская амфора. Штемпель эпонимнаго магистрата. Относительно имени срв. Hiller v. Gärtringen Insc. Graecae Insularum. M. A. I. № 1080, стр. 177.

47) Ручка отъ амфоры изъ Тираса.

ΑΓΟΡΑΝΑ = Ἀγοράνα-
ΚΤΟΣ κτος
ΑΓΡΙΑΝ Ἀγριαν[ίου].

Родосская амфора. Штемпель «mercatoris» по терминологіи Hiller von Gärtringen'a. Вполнѣ тождественные штемпеля найдены на островѣ Родосѣ и находятся въ Британскомъ музеѣ; срв. Hiller v. Gärtringen l. l. стр. 191. № 1220, 1, 2, 3.

48) Ручка отъ амфоры изъ Тираса.

ΕΓΙΗΡΑΓΟΡ = Ἐπὶ Ἡραγόρα
Α
— ΑΝΑΜΟΥ Π]ανάμου.

Родосская амфора. Относительно имени магистрата срв. Hiller v. Gärtringen A. 1133, 2 и 3 стр. 183, гдѣ Герагоръ тоже является эпонимнымъ магистратомъ, № 3 (Mus. Brit) вполнѣ тождественъ съ штемпелемъ на нашей ручкѣ.

Эти ручки найдены въ насыпи гласиса Аккерманской крѣпости у обрыва къ лиману, гдѣ весной этого года производились аккерманскимъ городскимъ обществомъ работы по устройству пристани. Мѣсто нахожденія этихъ амфорныхъ ручекъ не лишено значенія: въ связи съ многими другими данными и оно можетъ служить подтвержденіемъ оспариваемаго факта, что древній городъ Тирасъ расположенъ былъ приблизительно на томъ-же самомъ мѣстѣ, которое занимаетъ нынѣ Аккерманъ.

49) Шейка отъ амфоры, найдена на Березани.

ΊΨΑ
ΟΙΞ
ΔΑΜΑ = Ἀργείο Δαμα[σ]οίο.
-ΟΙΟ

Имя фабриканта Ἀργεῖος весьма обычное; но другое имя мнѣ не встрѣчалось; мнѣ извѣстно лишь имя Δάμασος.

50) Шейка отъ амфоры, найдена на Березани.

ΧΙΩΝΟΣ
ΙΣΤ.... ≤ = Χίωνος
Ἱστ[ίωνο]ς.

Имя фабриканта и его отчество. Относительно этихъ именъ срв. Fick-Bechtel: Griech. Eigenamen S. 333 и S. 129.

Д. чл. *Э. фонъ-Штернъ.*

ОПЕЧАТКИ.

На	стр.	11,	строка	4	снизу,	напечатано:	ἐμποδῶν,	слѣдуетъ:	ἐμποδὼν.
»	»	11,	»	1	»	»	στεφανῷ	»	στεφάνῳ
»	»	13,	»	13	сверху,	»	Демагорея	»	Демегора
»	»	13,	»	13	»	»	Филтея	»	Филта
»	»	17,	»	[illegible]	снизу,	»	Κτησιπολέως	»	Κτησιπόλεως
»	»	17,	»	4	»	»	Ἰσανώρος	»	Ἰσάνωρος
»	»	19,	»	15	сверху,	»	скиѳосъ	»	[illegible]
»	»	27,	»	15	»	»	ἡδύποθις	»	ἡδυπότις

Планъ Аккерманской крѣпости

съ обозначеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ осенью 1900 года произведены были развѣдочныя раскопки.

О послѣднихъ раскопкахъ въ Аккерманѣ.

(Съ приложеніемъ плана).

Въ маѣ мѣсяцѣ с. г. членъ Совѣта и казначей нашего Общества П. А. Маврогордато обратился отъ своего имени и отъ имени д. чл. А. Ф. Фогеля въ общее собраніе съ ходатайствомъ разрѣшить имъ производить на собственныя средства раскопки въ районѣ Аккерманской крѣпости, съ тѣмъ условіемъ чтобы всѣ находимыя при этихъ раскопкахъ древности поступили въ музей Общества. Общее собраніе охотно согласилось на это любезное предложеніе. Приступить къ раскопкамъ однако удалось только въ сентябрѣ: П. А. Маврогордато выразилъ желаніе, чтобы я принялъ на себя руководство при работахъ, а я былъ вслѣдствіе заграничной командировки съ научной цѣлью все лѣто въ отсутствіи и только въ сентябрѣ располагалъ необходимымъ для выполненія возложенной на меня задачи свободнымъ временемъ.

7-го сентября г. завѣдующій Аккерманской крѣпостью нотаріусъ В. И. Штулькерцъ началъ работы на указанномъ мною мѣстѣ; 8-го сентября я отправился въ Аккерманъ, 9-го прибылъ г. П. А. Маврогордато со своимъ лакеемъ, страстнымъ любителемъ древностей и раскопокъ, которому порученъ былъ надзоръ за рабочими и который весьма добросовѣстно исполнилъ возложенную на него задачу; кромѣ того онъ привезъ съ собою одного опытнаго копателя изъ Парутина (Ольвіи), который съ надлежащимъ умѣньемъ занимался выборкой земли въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ работа требовала особенной осмотрительности и осторожности. Остальными нашими рабочими были въ первые три дня люди нанятые на биржѣ; съ 10 сентября удалось намъ при содѣйствіи В. И. Штулькерца получить въ качествѣ рабочихъ 10 арестантовъ, и это обстоятельство оказалось весьма благопріятнымъ для хода нашихъ работъ: арестанты не только

усердно копали, но два—три изъ нихъ скоро такъ наловчились, что имъ возможно было поручать и болѣе сложную задачу разчистки открываемыхъ ямъ и могилъ. Пробныя раскопки продолжались съ 7—18 сентября; я лично могъ присутствовать при работахъ съ 8 по 10 и съ 14 по 17 сентября.

Ходъ нашихъ работъ вкратцѣ былъ слѣдующій: Седьмаго сентября начали во второмъ дворѣ крѣности, въ такъ называемой цитадели, проводить траншею съ запада на востокъ, шаговъ въ 50 отъ входа въ «замокъ» (срв. № 1 на прилагаемомъ планѣ). Въ срединѣ этой траншеи, $1^1/_2$ аршина подъ поверхностью земли, наткнулись на четырехугольную каменную плиту съ дырой въ серединѣ для желѣзнаго стержня и съ явными слѣдами, что на ней нѣкогда стояла колонна. Подъ этой плитой земля была особенно рыхлою, такъ что палка легко туда воткнулась. Въ виду этого мы рѣшили здѣсь идти въ глубь, и это наше рѣшеніе было вознаграждено довольно любопытными находками. Уже въ указанномъ слоѣ рыхлой земли найдено было много костей отъ животныхъ и черепковъ простой глиняной посуды; затѣмъ слѣдовалъ слой затрамбованной желтой глины, по мѣстамъ залитой известковой штукатуркой; и въ этомъ слоѣ, толщиною въ аршинъ, найдены были кости и черепки; когда же онъ кончился, земля стала совершенно мягкой, сильно перемѣшанной съ золой и углемъ и чѣмъ глубже, тѣмъ больше было золы и тѣмъ гуще лежали въ этой узкой и круглой ямѣ кости различныхъ животныхъ, гвозди, подковы отъ каблуковъ, шпоры съ однимъ толстымъ концомъ, мундштуки отъ уздечекъ, желѣзныя пластинки, черепки глазированной посуды; дальше, все въ перемѣшку съ костями и углемъ, мѣдная чаша, три цѣлыхъ, разной величины, просто-глиняныхъ сосуда съ одной ручкой, узкимъ невысокимъ горлышкомъ и съ почти вертикально поднимающимся соскомъ; четвертый экземпляръ былъ совсѣмъ покрытъ зеленой глазурью; пятый, найденный на самомъ днѣ ямы, былъ глазированъ лишь въ верхней своей половинѣ; сосуды—того же типа, какъ находящіеся теперь еще въ употребленіи на Востокѣ и въ Турціи. Кромѣ того найдены глазированный внутри горшокъ и глазированная тарелка, черепки весьма тонкихъ фаянсовыхъ чашъ, глазированная разноцвѣтная чаша, несомнѣнно персидской работы XIV—XVI вѣка (Дамаскъ), два красноглиняныхъ сосуда съ шарообразнымъ

брюшкомъ и широкимъ горлышкомъ, безъ ручки; верхній и нижній край—позолочены; на туловищѣ сосуда разбросаны въ правильномъ разстояніи другъ отъ друга золотистыя пятна.

Является весьма счастливымъ обстоятельствомъ, что на глубинѣ двухъ саженей найдены были двѣ монеты: одна изъ нихъ, правда, настолько перержавѣла, что ея чеканъ опредѣлить нельзя; за то другая превосходной сохранности; она принадлежитъ, какъ установилъ Л. Ф. Брунъ, султану Махмуду II, вошедшему на престолъ въ 1470 году. Для предметовъ, найденныхъ выше этой монеты, получается такимъ образомъ terminus post quem. По круглой ямѣ, которая внизу все болѣе суживалась, дошли до материка — желтаго песка—лишь на глубинѣ $3^1/_2$ саженей, между тѣмъ какъ по бокамъ материкъ начался тремя футами раньше. Былали эта сорная яма—иначе ее, судя по находкамъ, едва-ли можно назвать—первоначально колодцемъ, рѣшить трудно: противъ этого предположенія говоритъ то обстоятельство, что она не выложена камнемъ и, хотя песокъ и предметы на глубинѣ были сыроватыми, нигдѣ на нихъ не оказалось слѣдовъ присутствія воды.

Масса костей различныхъ птицъ, животныхъ, рыбъ, масса черепковъ отъ посуды, масса золы и угля въ этой ямѣ доказываютъ, что въ нее бросали всякіе «кухонные остатки» и весьма различныя ненужныя вещи, между которыми, какъ это бываетъ, находились изрѣдка и почти цѣлые сосуды. Если-бы дѣло не шло о культурныхъ остаткахъ XV и XVI вѣка, то изобиліе костей и золы и способъ наполненія сосудовъ костями и углемъ могли-бы наводить на мысль, что эта яма служила нѣкогда для жертвоприношеній; въ той эпохѣ, къ которой принадлежатъ эти остатки, такую мысль, конечно, допустить нельзя. Когда яма была наполнена, ее затрамбовали глиной. Изъ массы предметовъ, вынутыхъ нами изъ этой ямы, интереснѣе всего въ научномъ отношеніи разновидные черепки глазированной посуды: они представляютъ пеструю коллекцію всевозможныхъ узоровъ—но изображенія птицъ и другихъ животныхъ (типъ I у Бока: Poteries vernissées, стр. 15) на найденныхъ въ этой ямѣ черепкахъ не попадаются[1]). Въ техническомъ отношеніи представлены оба вида глазированной посуды: «poteries vernissées sur cru» и «poteries vernissées sur engobe».

[1]) Чашъ съ изображеніемъ въ срединѣ птицъ найдено при раскопкѣ всего лишь двѣ—одна въ ямѣ № 7, другая на гласисѣ, внизу у лимана.

Между тѣмъ какъ два рабочихъ заняты были разборкой этой ямы— она окончена была лишь 12 сентября, другіе продолжали до вечера 10 сентября раскапывать и углублять траншею. Въ ней тоже найдено много черепковъ простой и глазированной посуды, разбитой на мелкіе куски, масса костей и между ними человѣческій черепъ. При работѣ въ траншеѣ наткнулись на двѣ каменныхъ плиты неправильной формы и большихъ размѣровъ; онѣ образовали, повидимому, часть фундамента стѣны, на глиняной кладкѣ, тянувшейся отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Впослѣдствіи, при разрытіи ямы № 7, на разстояніи 60 шаговъ отъ траншеи № 1, въ направленіи къ юго-западу, мы снова наткнулись на эту стѣну: прослѣдить ее на всемъ протяженіи оказалось при характерѣ нашихъ развѣдочныхъ раскопокъ на этотъ разъ невозможнымъ.

Еще 10 сентября шесть рабочихъ перешли въ первый дворъ и приступили къ разрытію обозначеннаго нами мѣста длиною въ 9 аршинъ и шириною въ $2^1/_2$ аршина (№ 2 на планѣ). При выборѣ мѣста въ этомъ первомъ дворѣ мы руководились слѣдующимъ соображеніемъ. Полтора года тому назадъ кладоискатели копали въ лѣвомъ углу этого перваго двора: клада, конечно, никакого не нашли, но за то раскопали осколки разноцвѣтнаго, матоваго (синяго и голубаго), венеціанскаго стекла, которые удалось настолько собирать и склеить, что обнаружилась первоначальная форма этихъ стеклянныхъ издѣлій: это были голуби. Изслѣдовать дальше эту мѣстность въ виду сдѣланной здѣсь находки казалось небезъинтереснымъ. Въ проведенной въ вышеуказанныхъ размѣрахъ траншеѣ земля оказалась въ направленіи къ югу болѣе рыхлой, и поэтому здѣсь приступили къ копанію ямы; въ ней нашлись слѣдующіе предметы:

1) на глубинѣ до $^1/_4$ аршина: двѣ глиняныя трубки, бронзовый позолоченный предметъ неизвѣстнаго назначенія — повидимому, верхняя часть отъ ноженъ тонкаго стилета, горлышко зеленаго стекла и осколки стекла того-же цвѣта.

2) На глубинѣ отъ $^1/_4$—$^1/_2$ аршина, деревяныя брусья, чашечка желтой поливы, каменное ядро, стеклянная пробка въ видѣ кисти винограда.

3) На глубинѣ отъ $^1/_2$—1 аршина, сосудъ грубой сѣрой глины и стаканчикъ, рогъ, куски разноцвѣтнаго стекла, фарфоровая ручка съ голубымъ орнаментомъ, желѣзный гвоздь, большая поломанная

бронзовая крышка отъ сосуда, черепки простыхъ глиняныхъ амфоръ, золы, куски стекла.

4) На глубинѣ отъ 1 до $1^1/_2$ арш., бронзовая крышка отъ сосуда очень хорошей сохранности, *двѣ глиняныхъ простыхъ лампочки* античной формы, *тирасская монета* (Домиціана), два каменныхъ ядра, стеклянная пуговица.

5) на глубинѣ отъ $1^1/_2 — 1^3/_4$ аршина, бронзовый наперстокъ, *тирасская монета съ перечеканомъ* (голова Антонина), кусокъ отпиленной и полированной кости съ просверленной дырочкой, куски бронзы.

6) на глубинѣ отъ $1^3/_4 — 2^1/_2$ аршина, куски стекла и большая кость съ двумя круглыми, долбленными дырами по бокамъ: одна дыра проходитъ черезъ всю толщину кости, другая просверлена на $^3/_4$ этой толщины; въ обѣихъ дырахъ были остатки желѣзнаго стержня. Для чего служила эта тщательно обработанная кость, рѣшить не берусь.

Когда 11-го сентября продолжали расширять эту яму до объема квадратной сажени, оказалось, что она съ трехъ сторонъ была выложена перетлѣвшими дубовыми брусьями; на глубинѣ $2^1/_2$ аршинъ найдена была еще бронзовая крышка, глубже еще три каменныхъ ядра и обломки отъ бронзовой крышки. Углубили яму до $7^1/_2$ аршинъ (двухъ съ половиной саженей) и тогда дошли до материка; въ этой нижней части ямы было много золы и костей, черепковъ простой посуды и кусковъ бронзы.

Я намѣренно представилъ здѣсь подробную выписку изъ дневника раскопокъ, потому что она намъ позволяетъ сдѣлать нѣсколько небезъинтересныхъ выводовъ; во-первыхъ явствуетъ, что культурные остатки изъ этой ямы № 2 рѣзко различаются по своему характеру отъ предметовъ, найденныхъ въ ямѣ № 1. Здѣсь отсутствуютъ вполнѣ вышеописанные сосуды восточнаго типа, здѣсь нѣтъ черепковъ глазированной посуды, почти нѣтъ желѣзныхъ предметовъ, остатки которыхъ въ такомъ изобиліи найдены въ ямѣ № 1; за то здѣсь преобладаетъ бронза и найдены двѣ монеты и двѣ лампочки греко-римскаго періода. Но эти античные предметы не лежали, какъ слѣдовало-бы ожидать, на самой глубинѣ ямы, и хронологическихъ выводовъ относительно древности отдѣльныхъ предметовъ изъ по-

рядка наслоеній въ ямѣ сдѣлать нельзя; это вытекаетъ особенно ясно изъ того обстоятельства, что въ ямѣ между двумя тирасскими монетами найденъ бронзовый наперстокъ. Такой фактъ заставляетъ предполагать, что насыпь во дворѣ крѣпости при возведеніи новыхъ построекъ неоднократно перекапывалась и разрытая нами яма не постепенно наполнялась разными отброшенными остатками, какъ яма № 1, а засыпана была въ опредѣленный моментъ взятой изъ насыпи землею. При такомъ предположеніи, по крайней мѣрѣ, легко объясняется, что предметы болѣе поздней эпохи попали въ эту яму ниже предметовъ глубокой старины.

Одновременно часть рабочихъ начала проводить другую траншею въ той же западной части перваго двора, шаговъ въ 50 отъ только что описанной. Траншею копали длиной въ двѣ сажени, шириной въ сажень (№ 3 на планѣ). Главной находкой въ этой траншеѣ являются куски и черепки весьма большого глинянаго сосуда: внутри этотъ сосудъ покрытъ былъ зеленой глазурью, а съ внѣшней стороны украшенъ рельефно выступающимъ орнаментомъ, въ видѣ сплетенной ленточки, которая, то въ болѣе широкихъ, то въ болѣе узкихъ полосахъ, обвиваетъ весь сосудъ сверху донизу. Слѣдуетъ отмѣтить тотъ не лишенный интереса фактъ, что первые черепки этого сосуда явились на глубинѣ $^1/_4$ аршина, между тѣмъ какъ дно сосуда лежало на глубинѣ почти двухъ саженей—а именно, $5^1/_4$ аршинъ. Можно ли этотъ фактъ объяснить давленіемъ наносной земли, которому въ болѣе сильной степени подвергалась тяжелая нижняя часть сосуда, чѣмъ отдѣльные отбитые черепки, или надо предполагать, что и здѣсь весь слой земли былъ неоднократно перекопанъ, такъ что отдѣльные черепки случайно выброшены на верхъ, я рѣшить не берусь; какъ бы противъ послѣдняго предположенія говоритъ то обстоятельство, что, начиная съ $^1/_4$ аршина до глубины въ $5^1/_4$ аршинъ, весь слой земли состоялъ изъ щебня, перемѣшаннаго съ черепками отъ этого громаднаго сосуда. Къ сожалѣнію, недостаетъ слишкомъ много кусковъ, чтобы возстановить этотъ сосудъ цѣликомъ въ первоначальномъ его видѣ. Изъ остальныхъ предметовъ, найденныхъ въ этой траншеѣ, я отмѣчу: синій фарфоровый стаканъ (въ видѣ чернильницы) и 10 головъ отъ глиняныхъ трубокъ — на глубинѣ одной сажени; ниже: ядро, куски перламутовой ручки, много черепковъ стекляныхъ, а

также куски листоваго желѣза. На глубинѣ $5^1/_4$ аршинъ, подъ днемъ вышеописаннаго сосуда, наткнулись на двѣ большія каменныя плиты; вынуть ихъ изъ траншеи было невозможно; обкопали ихъ со всѣхъ сторонъ и нашли подъ ними слой изъ песку, золы, костей; изрѣдка въ этой смѣси золы съ костями находились черепки простой красноглиняной посуды, причемъ многіе изъ нихъ вполнѣ обгорѣли.

Судя по всему характеру устройства нижней части этой ямы, покрытой громадными каменными плитами, можно, пожалуй, высказать предположеніе, что это мѣсто служило для жертвоприношеній — обгорѣлыя кости и обгорѣлые черепки отъ посуды, равно какъ и расположеніе ихъ въ правильно горизонтальныхъ слояхъ, какъ бы говорятъ въ пользу этого мнѣнія.

Затѣмъ, въ этомъ же первомъ дворѣ, на растояніи въ 50 шаговъ къ сѣверу-востоку отъ только что описанной траншеи, стали копать еще одну яму, длиною въ одинъ сажень, шириной въ $^1/_2$ сажени. Здѣсь сначала нашли чугунное ядро и нѣсколько черепковъ простой посуды; затѣмъ, на глубинѣ одного аршина, наткнулись на совершенно прогнившую бочку, лежащую на довольно большомъ камнѣ; наполнена она была косточками отъ сливъ, арбуза, грушъ и пшеничными зернами; около бочки найденъ весьма красиво и разноцвѣтноэмалированный кувшинчикъ, несомнѣнно восточной (персидской) работы, затѣмъ желѣзная картечь, много кусковъ желѣза, гвозди, подковы отъ каблуковъ, наперстокъ, бронзовое кольцо съ надписью на позолоченномъ щитѣ [1]), крестики, куски красноглиняной позолоченной трубки; этого рода находки продолжались до глубины одной сажени. Дальше почва стала еще болѣе рыхлой, показались слѣды угля и золы, но сначала мало костей; попадались каменныя ядра, масса черепковъ отъ простой посуды и ручки отъ простыхъ амфоръ, черепки глазированной посуды, *два черепка античной чернолаковой посуды* и осколки весьма красиваго разноцвѣтнаго венеціанскаго стекла. Такъ какъ эти осколки до мельчайшихъ фрагментовъ весьма тщательно собирались, то удалось послѣ большихъ трудовъ ихъ такъ составить и склеить, что можно судить о первоначальной формѣ этихъ стеклянныхъ сосудовъ. Четыре изъ

[1]) Надпись еще не окончательно разобрана; но буквы латинскія, такъ что по всей вѣроятности можно считать кольцо генуэзскимъ, тѣмъ болѣе что сохранившіяся части герба, — повидимому, изображеніе льва, — рекомендуютъ это опредѣленіе.

нихъ имѣютъ форму четырехугольныхъ бутылокъ, на подобіе «полуштофа». Одинъ — изъ бѣлаго стекла съ красными полосами, другой—изъ чернаго стекла съ красными же полосами, третій—изъ бѣлаго стекла; причемъ по всѣмъ четыремъ сторонамъ написаны синія хризантемы съ желтыми стеблями и зелеными листьями. Какъ видно изъ фрагмента четвертаго «полуштофа» — эти бутылки закупорены были серебряными пробками. Другую группу между этими находками фрагментовъ изъ стекла составляютъ осколки изъ молочнаго стекла съ весьма красивыми синими набрызгами и пятнами: по свойству стекла эта группа весьма близко стоитъ къ стекляннымъ голубямъ, найденнымъ въ прошломъ году. Найденные теперь фрагменты принадлежатъ тремъ сосудамъ: одной мискѣ, одному стаканчику (съ ручкой) и одному кувшинчику. Наконецъ, обособленное мѣсто между этими осколками занимаютъ фрагменты одного сосуда довольно своеобразной формы: стекло толстое, украшенное снаружи чередующимися бѣлыми, красными и синими полосами, которыя весьма различно расположены: то за бѣлой полоской слѣдуетъ красная и потомъ синяя, то идутъ сначала по три или по двѣ бѣлыхъ полоски, а затѣмъ столько же въ другихъ краскахъ. Сосудъ-же имѣетъ форму довольно высокой круглой бутылочки, стѣнки которой изрѣзаны капелюрами, на подобіе іонической колонны, съ той только разницей, что образованные капелюрами грани имѣютъ закругленную выпуклую форму.

Наконецъ, въ этой ямѣ, на различной глубинѣ, найдены фрагменты китайскихъ фарфоровыхъ чайныхъ чашъ XIII—XVI столѣтія, куски еще болѣе стараго китайскаго фарфора «Craquelé» и два куска отъ блюдца изъ древняго китайскаго зеленоватаго, бирюзоваго («meergrün») «*селадонъ-фарфора*»—(vert seladon), который, какъ извѣстно, рѣдко попадалъ въ Европу и потому весьма высоко цѣнился. Въ богатой коллекціи въ музеѣ въ Севрѣ есть *одинъ* цѣлый сосудъ изъ этого «селадонъ-фарфора». Какъ А. Л. Бертье-Делагардъ мнѣ сообщилъ, при раскопкахъ въ Кремлѣ найдены были два фрагмента блюдца изъ этого фарфора. Что сосудовъ изъ этого фарфора мало въ европейскихъ музеяхъ, объясняется строжайшимъ запрещеніемъ вывоза ихъ (срв. Hanns v. Zobeltitz. Velhagen und Klasings Monatshefte 1895, S. 453). Не менѣе красиво одно маленькое блюдце, покрытое внутри и снаружи

блестящей, красной и бѣлой эмалью въ волнообразныхъ линіяхъ, по-видимому, тоже старо-китайской работы.

Слѣдуетъ и здѣсь отмѣтить то-же явленіе, которое наблюдалось при раскопкѣ ямъ № 2 и 3, а именно, что фрагменты одного и того-же сосуда находились на весьма различной глубинѣ; такъ, напримѣръ, верхняя часть описаннаго на послѣднемъ мѣстѣ стекляннаго сосуда найдена на $^1/_2$ сажени глубже, чѣмъ первые его осколки; тоже самое было съ изящно орнаментированной, превосходной сохранности, сѣроглиняной головкой отъ трубки; верхняя часть ея лежала на глубинѣ $2^1/_2$ саженей, а нижняя, вполнѣ къ ней приходящаяся, но пострадавшая отъ вліянія сырой почвы, на самомъ днѣ ямы — на глубинѣ больше трехъ саженей. Это обстоятельство, равно какъ и то, что черепки отъ античной чернолаковой посуды лежали выше, чѣмъ фрагменты отъ трубокъ, доказываетъ, что о хронологической послѣдовательности культурныхъ наслоеній здѣсь рѣчи нѣтъ, а, напротивъ, земля неоднократно перебрасывалась и перекапывалась. Такъ какъ крѣпостная площадь почти до средины XIX столѣтія была обитаемымъ мѣстомъ, то установленный нами здѣсь фактъ является вполнѣ естественнымъ; съ нимъ надо считаться и при дальнѣйшихъ раскопкахъ, такъ какъ онъ заставляетъ быть весьма осторожнымъ при всѣхъ археологическихъ и хронологическихъ выводахъ

Послѣ этого развѣдочнаго изслѣдованія почвы въ первомъ дворѣ, мы опять возвратились съ нашими рабочими во второй дворъ и здѣсь рѣшили еще въ трехъ различныхъ пунктахъ копать шахты. Одну шахту выкопали сейчасъ у входа во второй дворъ, налѣво отъ воротъ (№ 5). Насыпь здѣсь оказалась твердой, песчано-каменистой; рыли всего до глубины двухъ саженей. Найдены здѣсь сначала слѣдующіе предметы: желѣзная скоба, каменный жерновъ, бронзовое кольцо (простое), гвоздь, маленькій грубый глиняный сосудикъ, отъ руки сдѣланный, красноглиняныя амфорныя ручки и донышки такихъ-же амфоръ. Затѣмъ, начиная съ глубины одной сажени до двухъ саженей, лежали въ каменистой насыпи *черепки чернолаковой античной посуды, двѣ ручки чернолаковыя и части донышекъ отъ чернолаковыхъ древнегреческихъ чашекъ*. Эти черепки принадлежатъ различнымъ сосудамъ и возстановлять ихъ нѣтъ никакой возможности. Но слѣдуетъ отмѣтить, что на этомъ мѣстѣ впервые явились греческіе черепки не

только въ единичныхъ экземплярахъ, а въ сравнительно бо́льшемъ количествѣ, хотя ихъ абсолютное число неособенно значительно. Золы было мало, а кости вполнѣ отсутствовали.

Почти такого-же характера были находки въ траншеѣ № 6, проведенной въ этомъ второмъ дворѣ, недалеко отъ стѣны къ лиману. Найдено здѣсь много простыхъ амфорныхъ ручекъ, горлышко отъ слезницы и часть краснолаковой тарелки, превосходной работы, римской эпохи («terra sigillata»), на которой внутри имѣется «graffito» (нацарапанная надпись) ΔAMOY, — вторая составная часть весьма многихъ греческихъ именъ (напримѣръ, Ἀλκί-δαμος, Ἀρχί-δαμος, Ἑρμό-δαμος, Σώ-δαμος, Χερσί-δαμος и т. д.). Первая часть этой «надписи владѣльца» нацарапана была, конечно, на пропавшей части тарелки.

Такъ какъ на глубинѣ одной сажени наткнулись на слой камней и твердаго щебня, то перестали дальше копать на этомъ мѣстѣ и перешли къ проведенію послѣдней траншеи въ срединѣ двора (№ 7). Копали и здѣсь сначала, какъ и въ остальныхъ мѣстахъ, шахту съ уступами въ двѣ сажени длины и въ одну сажень ширины; въ верхнемъ слоѣ найдены ядро, грубые и толстые черепки простой глиняной посуды, часть глазированной чашки, глиняная терка, *фрагменты обработаннаго мрамора* (скорѣе всего край блюда) и черепки глазированной посуды. Затѣмъ на глубинѣ $^1/_2$ сажени наткнулись на толстый слой камней и щебня, въ которомъ было 4—5 *фрагментовъ античной чернолаковой посуды*. Изъ изслѣдованія почвы выяснилось, что налѣво, если стать лицомъ къ входнымъ воротамъ крѣпости, земля рыхлая и «щупъ» свободно и глубоко проходитъ въ нее.

Пришлось поэтому расширить траншею, и дѣйствительно обнаружилась яма, наполненная массой костей и культурными остатками. Нашли здѣсь: костяную прялку, четыре круглыхъ костяныхъ пластинки съ дырочкой въ срединѣ, двѣ мѣдныхъ монеты, къ сожалѣнію настолько перетлѣвшія, что ихъ опредѣлить нельзя; цѣльный горшокъ изъ простой глины, внизу круглый, а сверху четырехугольный, наполненный углемъ, золой, костями отъ стерляди и разными ракушками; часть зеленой кафли съ рельефнымъ изображеніемъ птицы и весьма большую массу какъ глазированныхъ черепковъ, такъ и черепковъ отъ посуды такой же необыкновенной формы, какую имѣетъ вышеупомянутый цѣльный горшокъ. Къ сожалѣнію, всю

яму до материка нельзя было вычистить: она тянулась все въ направленіи на лѣво, а тамъ мы наткнулись на стѣну весьма плохой кладки на глинѣ, которая, повидимому, является продолженіемъ стѣны, обнаруженной при разрытіи траншеи № 1. Разрушить и снести эту стѣну мнѣ казалось неудобнымъ, а подкапываться подъ нее было, въ виду ея плохой кладки, прямо опаснымъ. Работа здѣсь закончена была на глубинѣ двухъ саженей, и мы, въ виду предстоящей намъ еще другой задачи и краткости времени, которымъ мы располагали, рѣшили на этотъ разъ прекратить дальнѣйшее изслѣдованіе дворовъ крѣпости. Добытые этими развѣдочными раскопками результаты можно формулировать вкратцѣ слѣдующимъ образомъ:

1) Выяснилось, что вся крѣпостная площадь покрыта глубокой насыпью, образовавшейся главнымъ образомъ, повидимому, съ XV столѣтія; на глубинѣ трехъ саженей и больше найдены еще предметы турецкаго періода. Этотъ фактъ является вполнѣ естественнымъ, если имѣть въ виду, что на одномъ изъ плановъ крѣпости, отъ 1770 года, показана цѣлая масса зданій, расположенныхъ въ обоихъ дворахъ. Отъ разрушенія и снесенія ихъ долженъ былъ, конечно, образоваться весьма толстый слой насыпи, который представляетъ довольно значительныя препятствія для окончательныхъ и систематическихъ раскопокъ.

2) Культурные остатки, найденные во второмъ и въ первомъ дворѣ, въ нѣкоторой степени различаются по своему характеру. Разноцвѣтное венеціанское стекло, китайскій фарфоръ и бронза найдены лишь въ первомъ дворѣ, во второмъ преобладаютъ сосуды турецкаго періода и глазированные черепки, которые въ первомъ дворѣ попадались, и то въ небольшомъ количествѣ, лишь въ ямѣ № 4, расположенной ближе къ второму двору. Это различіе можетъ быть случайнымъ явленіемъ и дальнѣйшія раскопки, весьма возможно, его не подтвердятъ; но указать на это, пока замѣченное различіе я тѣмъ не менѣе считалъ необходимымъ. Какихъ-либо выводовъ относительно площади, населенной по преимуществу генуэзцами или турками, конечно, на этомъ наблюденіи построить нельзя.

3) Немногіе остатки греко-римской культуры разсыпаны повсюду, хотя въ бо́льшемъ количествѣ они попадаются въ сѣверо-западной сторонѣ крѣпостной площади. Что черепки этой античной посуды

найдены, по большей части, въ сравнительно высокихъ слояхъ земли, объясняется неоднократнымъ перекапываніемъ почвы въ послѣднихъ вѣкахъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что эти черепки уже тогда были составной частью насыпной земли.

4) Дойти до фундаментовъ и остатковъ акрополя греко-римскихъ временъ, который, по всему вѣроятію [1]), расположенъ былъ на той-же крѣпостной площади, является весьма трудной и сложной задачей. Если вообще еще сохранились въ нѣдрахъ земли кое-какіе остатки— по аналогіи, представляемой Херсонесомъ, можно это предполагать— то они спрятаны на большой глубинѣ; и если не поможетъ счастливая случайность, то не предвидится возможности ихъ открыть. Снести систематически всю глубокую насыпь на большой, занимаемой крѣпостью территоріи является невыполнимымъ съ точки зрѣнія матеріальной стоимости,—но оно невыполнимымо и потому, что надо считаться съ необходимостью сохраненія теперь еще стоящихъ средневѣковыхъ башенъ и стѣнъ.

5) Наконецъ, найденные при этихъ пробныхъ раскопкахъ предметы—преимущественно черепки отъ глиняныхъ и фаянсовыхъ сосудовъ, фрагменты китайскихъ фарфоровыхъ чашъ и венеціанскаго стекла представляютъ, какъ для исторіи промышленной дѣятельности и торговыхъ сношеній, такъ особенно для исторіи узоровъ и орнаментаціи въ прошлыхъ вѣкахъ, главнымъ образомъ отъ XIV—XVII в., весьма любопытный матеріалъ, такъ что и съ этой точки зрѣнія сдѣланныя нами раскопки не лишены значенія.

Между тѣмъ какъ часть рабочихъ занята была только что описаннымъ изслѣдованіемъ почвы въ крѣпостныхъ дворахъ, другая часть съ 15 сентября начала раскопки на гласисѣ крѣпости, направо отъ главныхъ, входныхъ воротъ.

Поводомъ начать раскопки на этомъ именно мѣстѣ послужило слѣдующее обстоятельство:

Весной этого года г. завѣдующій Аккерманской крѣпостью В. И. Штулькерцъ извѣстилъ меня, что городское управленіе распорядилось, съ цѣлью устройства пристани и расширенія ведущей къ ней дороги, снести ближайшіе къ лиману прилегающую часть гласиса и извлечь необ-

[1]) См. ниже стр. 18 слѣд.

ходимые камни изъ площади самаго гласиса, и при этихъ работахъ найдены были разныя древности: три цѣлыхъ амфоры, черепки отъ посуды, античныя лампочки и *кусокъ мрамора съ греческой надписью.*

Это извѣстіе заставило меня вмѣстѣ съ секретаремъ Общества А. И. Маркевичемъ немедленно отправиться въ Аккерманъ; мы могли убѣдиться въ томъ, что копаемая часть гласиса къ лиману представляетъ собою насыпь, испещренную культурными остатками: замѣчалась здѣсь битая простоглиняная посуда въ большомъ количествѣ; ручки и черепки отъ громадныхъ размѣровъ амфоръ, простоглиняныя лампочки и т. д. Въ этой именно насыпи и найдена была вышеупомянутая мраморная плита или, правильнѣе сказать, фрагментъ плиты съ весьма любопытной (греческой надписью I—II вѣка п. Р. Х.[1]). Въ одной изъ ямъ, выкопанныхъ на гласисѣ для добыванія камня, я могъ установить присутствіе нѣсколькихъ большихъ обтесанныхъ плитъ, поставленныхъ ребромъ и помѣщенныхъ другъ противъ друга на разстояніи немного болѣе $^1/_2$ сажени. Двѣ—три изъ меньшихъ плитъ рабочіе до нашего пріѣзда уже успѣли извлечь и разбить,—съ бо́льшими они, къ счастью, не могли такъ легко справиться и намъ удалось остановить дальнѣйшее разореніе этого сооруженія

На первый взглядъ было ясно, что это мѣсто заслуживаетъ тщательнаго археологическаго изслѣдованія; можно было предполагать, что мы здѣсь имѣемъ, въ виду ребромъ поставленныхъ плитъ, образующихъ съ двухъ сторонъ прямую линію, дѣло или съ защищеннымъ древнимъ ходомъ къ лиману, или же съ похоронными склепами. Для рѣшенія этого вопроса надо было, конечно, имѣть больше матеріала, чѣмъ обнаженныя тогда — и то только отчасти — четыре стоящихъ плиты (обозначенныя на нашемъ планѣ двойными чертами).

Къ ближайшему изслѣдованію этой мѣстности приступили мы 14 сентября и начали копать (на лѣво, если стать лицомъ къ крѣпости) за плитой № 1, имѣвшей, какъ скоро возможно было установить, 12 футовъ длины, $5^1/_2$ высоты и $^3/_4$ толщины. Сначала въ верхнихъ слояхъ земли нашли: гвозди, четырехугольный кусокъ мѣди, куски сѣры, черепки отъ простой красноглиняной посуды, массу весьма толстыхъ ручекъ отъ амфоръ; дальше на глубинѣ $1^1/_2$ сажени най-

[1]) Надпись издана мною въ этомъ-же томѣ, на стр. 3.

дена часть фибулы, разбитая стекляная буса, разбросанныя кости, большая глиняная буса, монета мѣдная, очень испорченная, но, повидимому, тирасская — все признаки, что здѣсь было древнее погребеніе. И дѣйствительно, на $^1/_2$ сажени глубже открыта *ограбленная древнегреческая могила;* осталось въ ней: двѣ глиняныхъ лампочки грубой работы, на одной — рельефное изображеніе Эрота на лошади, на другой, повидимому, фигура богини Побѣды, Ники; маленькій сосудъ, арибаллъ (фонъ желтый, черная сѣть съ бѣлыми точками), у изголовья остатки золотаго похороннаго вѣнка (3 листа сельдерея), часть мѣдной шпильки съ головкой, обтянутой листовымъ золотомъ, часть костянаго гребня, гладкая костяная шпилька; дальше одна золотая бляха, половина золотой бляхи въ формѣ весьма тщательно обработанной головой медузы, фрагментъ изящно сплетенной золотой цѣпочки, двѣ львиныхъ головки изъ золота (части серегъ), одна двойная золотая буса, одна ординарная золотая буса, одна двойная черная буса, мѣдный спиральный браслетъ и очень перержавѣвшая мѣдная монета. Человѣческихъ костей на этомъ мѣстѣ было мало — ихъ нашли какъ выше, такъ и глубже еще въ изрядномъ количествѣ.

Сдѣланная находка не оставляетъ по характеру вещей ни малѣйшаго сомнѣнія, что мы здѣсь наткнулись на *могилу классическаго періода;* къ сожалѣнію, точно опредѣлить время погребенія нельзя: найденныя монеты настолько перержавѣли что ихъ чеканъ неузнаваемъ; а глиняная посуда, которая такъ часто въ вопросахъ датировки замѣняетъ собою монеты, въ данномъ случаѣ оставляетъ довольно большой просторъ: арибаллы, украшенные черной сѣтью на желтомъ фонѣ, попадаются въ гробницахъ по крайней мѣрѣ съ начала V вѣка до Р. Хр. до начала нашей эры, а найденныя лампочки, довольно небрежной фабричной работы, имѣютъ слишкомъ мало характернаго, чтобы на основаніи ихъ однѣхъ дать опредѣленную дату. Однако, если имѣть въ виду, съ одной стороны, что мотивы рельефныхъ изображеній на этихъ лампочкахъ становятся употребительными въ IV вѣкѣ и особенно часто примѣняются въ эллинистическій періодъ, и съ другой, что изящная концепція головы медузы на фрагментѣ золотой бляшки указываетъ на принадлежность ея къ періоду еще высокаго процвѣтанія греческаго искусства, то мы едва-ли ошибемся, если отнесемъ время сооруженія этой гробницы къ III или II вѣку до Р. Хр.

Какъ не возбуждаетъ сомнѣнія, что разрытая нами гробница древне-греческая, такъ не подлежитъ сомнѣнію и то, что она разграблена и перекопана, можетъ быть, уже въ довольно отдаленный періодъ. Найденные нами жалкіе остатки золотыхъ вещей позволяютъ сдѣлать заключеніе о богатомъ нѣкогда содержаніи этой женской гробницы: былъ тамъ и цѣлый похоронный вѣнокъ, и ожерелье изъ золотыхъ бусъ, и сплетенная изъ золотыхъ нитокъ цѣпочка, было и ожерелье изъ черныхъ двойныхъ бусъ, платье покойницы было обшито золотыми пластинками и т. д.

Такъ какъ слой земли, въ которомъ найдены только что описанные предметы, представлялъ собою еще сплошную насыпь, то мы рѣшили идти дальше въ глубь и вмѣстѣ съ тѣмъ расширить раскапываемую площадь, особенно по правой сторонѣ. При дальнѣйшей работѣ въ глубь земля оказалась рыхлой, черной, съ сильной примѣсью золы. Въ первомъ слоѣ найдена костяная шпилька, очень похожая на ту, которая лежала вмѣстѣ съ предметами греческаго періода и повидимому къ нимъ принадлежащая, и каменная точилка съ просверленной дырочкой, должно быть, для того, чтобы провести черезъ нее веревочку и носить ее на поясѣ. Не потерялъ-ли ее одинъ изъ грабителей могилы?

Затѣмъ попадалась масса черепковъ и ручекъ отъ простыхъ амфоръ, довольно много костей (между ними челюсть лошади); дальше найдены куски мѣди, двѣ стрѣлы плоской формы, весьма древняго типа, и опять черепки отъ посуды и кости. Копали до глубины $3^1/_2$ саженей, земля стала влажной и, повидимому, мы дошли до материка.

Выяснились при разрытіи могилы № 1 двѣ вещи: во первыхъ, что подъ греческой могилой находилась еще другая, относящаяся къ болѣе отдаленному періоду, и во вторыхъ, что греческая гробница была устроена въ видѣ четырехугольнаго каменнаго ящика, состоящаго изъ четырехъ поставленныхъ ребромъ обтесанныхъ плитъ и покрытаго одной большой плоской плитой. Конструкція этихъ ящиковъ («Steinkistengräber») особенно ясна стала при раскопкѣ могилы № II, гдѣ сохранилась на мѣстѣ, хотя и въ разбитомъ видѣ, плита, служившая крышкой этого ящика.

Разрытые нами гробницы-ящики оказались всѣ разграбленными и изъ найденыхъ въ нихъ предметовъ можно отнести къ греческому періоду лишь слѣдующіе: въ гробницѣ № III,

раскопаны: лампочка о двухъ фитиляхъ, маленькій красноглиняный флакончикъ, 5 трехгранныхъ стрѣлъ, перержавленная монета, большой сломанный бронзовый перстень съ выпавшимъ камнемъ и черепокъ отъ чернаго глинянаго стаканчика, съ надписью буквы «Є» въ бѣлой краскѣ (срв. надпись, изданную на страницѣ 23, № 17, въ этомъ же томѣ); въ гробницѣ № V одна красная буса продолговатой формы и двѣ, соединенныя толстымъ слоемъ окиси, монеты; въ гробницѣ № IV куски расплавленнаго въ огнѣ стекла, осколки античнаго толстаго, бѣлаго стекляннаго сосуда превосходной иризаціи и два черепка чернолаковой посуды.

То, что найдено въ слояхъ земли подъ уровнемъ ящиковъ, принадлежитъ, повидимому, къ болѣе древнему періоду. Попались въ этихъ слояхъ намъ много черепковъ простой красноглиняной посуды, много костей разныхъ животныхъ, особенно лошадей, очень много золы и угля. Въ могилѣ № II въ этихъ слояхъ найдено много кусковъ перержавѣвшей бронзы, повидимому, остатки конской сбруи, вмѣстѣ съ зубами лошади, большая плоская стрѣла и круглый каменный ручной жерновъ, — верхняя половина со слѣдами мѣднаго стержня для прикрѣпленія ручки.

Слѣдуетъ отмѣтить, что ящикъ въ могилѣ № 5 расположенъ въ другомъ направленіи, чѣмъ въ остальныхъ: между тѣмъ какъ плиты въ остальныхъ раскопанныхъ могилахъ размѣщены такъ, что длинная сторона ящика направлена съ востока на западъ, въ могилѣ № V ящикъ идетъ съ сѣверо-востока на юго-западъ. Кромѣ того надъ гробницею поставтена была глиняная урна весьма большихъ размѣровъ. Выкопать ее изъ земли было невозможно, такъ какъ, повидимому, весьма плохо обоженная урна отъ сырости превратилась въ глыбы мягкой глины; возможно лишь было, сдѣлавъ разрѣзъ, установить ея форму.

На этомъ некрополѣ намъ пока удалось раскопать шесть могилъ, и то за недостаткомъ времени изъ этого ограниченнаго количества не всѣ изслѣдованы до конца; напримѣръ, въ гробницѣ № IV мы до материка еще не дошли. Въ виду этого незначительнаго пока матеріала считаю преждевременнымъ распространяться о характерѣ этихъ каменныхъ гробницъ и о своеобразномъ сложеніи плиты, которое особенно поражаетъ въ гробницахъ № IV и VI. Надо здѣсь раскопать

гораздо большую площадь, чтобы имѣть возможность судить съ надлежащей основательностью объ этомъ во всякомъ случаѣ интересномъ могильникѣ. Выясненнымъ можно считать пока лишь одно: на этомъ некрополѣ имѣются слѣды погребенія изъ древне-греческаго періода, а изъ такого факта вытекаетъ, что эта мѣстность лежала за чертой тирасской стѣны и тирасскаго поселенія [1]).

---

[1]) Къ этому отчету о нашихъ раскопкахъ считаю не лишеннымъ интереса прибавить еще слѣдующее: утромъ 17-го сентября пришелъ ко мнѣ на раскопки аккерманскій торговецъ Нухимъ Баруховичъ и предложилъ мнѣ купить для музея мраморную статую, пріобрѣтенную имъ только что отъ мужика, который, по его словамъ, нашелъ ее въ лиманѣ подъ крѣпостью. Я отправился къ нему и покупка состоялась.

Пріобрѣтенная мною небольшихъ размѣровъ статуэтка (в. 56 см.) представляетъ собою торсъ женской фигуры. Недостаетъ головы, рукъ и нижней части ногъ. Сзади фигура не обдѣлана; повидимому, она предназначена была быть поставленной въ какой нибудь нишѣ. Гиматій застегнутъ на правомъ плечѣ и ниспадаетъ въ изящныхъ, хотя тяжелыхъ складкахъ, оставляя верхнюю часть туловища, до бедръ, непокрытой. Выработка этой верхней части туловища, моделировка мускуловъ, отдѣлка плаща весьма тщательны и обнаруживаютъ въ мастерѣ хорошаго знатока своего дѣла. Изгибъ и поза фигуры напоминаютъ обычный въ греческомъ искусствѣ съ эллинистическаго періода типъ Аѳродиты, и я не сомнѣваюсь, что мы и въ нашемъ торсѣ должны усмотрѣть изображеніе этой богини. На первый взглядъ было ясно, что эта статуэтка никогда въ водѣ не лежала; когда я этимъ наблюденіемъ подѣлился съ Нухимомъ Баруховичемъ, онъ видимо смутился, обѣщалъ снова разспросить мужика, фамиліи котораго онъ дескать не знаетъ, путался въ своихъ показаніяхъ и т. д.

Вѣрно только то, что Нухимъ Баруховичъ дѣйствительно пріобрѣлъ эту статуэтку лишь 17 сентября, потому что 10-го П. А. Мавродордато и 15-го Ѳедоръ Кубчишинъ были у него и разсматривали всѣ его вещи,—и тогда этого торса у него еще не оказывалось. Разсказу продавца, будто статуэтка найдена мужикомъ уже два года тому назадъ и будто онъ, Нухимъ, только 17 сентября утромъ узналъ объ этой находкѣ, я безусловно не вѣрю; въ Аккерманѣ живетъ столько торговцевъ древностями, столько страстныхъ кладоискателей,—туда же изъ Одессы и Очакова постоянно наѣзжаютъ извѣстные евреи-перекупщики за поисками вновь найденныхъ вещей, что положительно надо вѣрить въ чудо, если полагать, что нашедшій статуэтку аккерманскій житель два года не зналъ и не справлялся, гдѣ и какъ реализировать свою находку. Поэтому для меня не подлежитъ сомнѣнію, что эта статуэтка найдена именно между 15—17 сентября. Раскопана-ли она во дворѣ живущаго будто бы въ предмѣстьѣ «Кавказъ» мужика, или на гласисѣ крѣпости, внизу у лимана, гдѣ городскимъ управленіемъ произведены были земляныя работы, обнаружившія, какъ выше указано, культурные остатки греко-римскаго поселенія, или же наконецъ вынута изъ насыпи раскалываемаго нами некрополя, оставшагося ночью и рано утромъ безъ надлежащаго присмотра—это, конечно, остается и останется невыясненнымъ. Весьма умѣренная цѣна, запрошенная за этотъ торсъ, съ одной стороны, и сбивчивость показаній продавца, съ другой, говорятъ съ достаточной ясностью за то, что при добываніи этой статуэтки не все было ладно. Какъ бы то ни было, но такъ какъ статуэтка безъ сомнѣнія найдена во время нашихъ раскопокъ, можетъ быть даже въ раскопанной

Я здѣсь все время безъ всякой оговорки говорилъ «о древнемъ Тирасѣ», «тирасскихъ стѣнахъ» и «тирасскомъ некрополѣ»; но слѣдуетъ ли древній Тирасъ дѣйствительно искать на томъ мѣстѣ, гдѣ мы копали? находился ли онъ на территоріи, занятой теперешнимъ Аккерманомъ? Этотъ вопросъ мнѣ столько разъ заданъ былъ во время раскопокъ въ Аккерманѣ и въ Одессѣ лицами интересующимися вопросами мѣстной старины, что я считаю не лишнимъ въ заключеніе этой статьи коснуться вкратцѣ вопроса о мѣстоположеніи древняго Тираса. Спеціалисту-археологу это, можетъ быть, покажется ненужнымъ, но я изъ предложенныхъ мнѣ вопросовъ могъ убѣдиться, что возбужденныя нѣкогда сомнѣнія еще не вполнѣ устранены и высказанныя прежде на этотъ счетъ предположенія и догадки отличаются большой живучестью. Помимо того я думаю, что характеръ сдѣланныхъ нами находокъ въ связи съ эпиграфическимъ матеріаломъ, добытымъ въ послѣдній годъ (срв. статью «Новый эпиграфическій матеріалъ, найденный на югѣ Россіи», въ этомъ-же томѣ, стр. 1 и слѣд.) представляетъ для меня достаточное основаніе заговорить здѣсь о мѣстоположеніи города.

Теорія заслуженнаго изслѣдователя южно-русской географіи и этнографіи Ф. Бруна[1]), правда, не пользуется въ настоящее время особеннымъ сочувствіемъ, хотя я могъ все таки убѣдиться въ томъ, что она далеко еще не забыта. Какъ извѣстно, профессоръ Ф. Брунъ, соглашаясь съ своими предшественниками[2]), что древне-греческій Тирасъ лежалъ «почти»[3]) на мѣстѣ нынѣшняго Аккермана, или во всякомъ случаѣ на неособенно далекомъ отъ него разстояніи[4]), выставилъ и защищалъ догадку, что городъ въ періодъ послѣ правленія Веспасіана перенесенъ былъ на лѣвый берегъ рѣки, въ 90 верстахъ вверхъ по теченію Днѣстра,

---

ними площади или вблизи отъ нея, то я считалъ правильнымъ и ее включить въ число добытыхъ при раскопкахъ осенью 1900 года предметовъ и упомянуть о ней въ настоящемъ отчетѣ.

[1]) Брунъ: Записки Импер. Одесс. Общ. Исторіи и Древностей III, стр. 47—66 и Черноморье, I, 3—13.

[2]) Стемпковскій: Изслѣдованія о мѣстоположеніи древнихъ греческихъ поселеній на берегахъ Понта Евксинскаго, Спб. 1826. П. Беккеръ: Гражданскій бытъ Тиритовъ. Одесса. 1849; его-же—Зап. Им. О. О. И. и Древ. III, стр. 416—469.

[3]) Беккеръ, Зап. II, стр. 420.

[4]) Брунъ говоритъ: (Зап. III, стр. 49) «немного *выше* нынѣшняго Аккермана».

туда, гдѣ нынѣ находится село Коротное, Тираспольскаго уѣзда. Ближайшимъ поводомъ къ выставленію этой догадки служило то обстоятельство, что первая «тирасская надпись» (201 года п. Р. Х.)[1]) въ 1846 году найдена была въ селѣ Коротномъ въ такомъ положеніи, которое, по мнѣнію проф. Бруна, требуетъ заключенія, «что памятникъ уже первоначально былъ воздвигнутъ на мѣстѣ его находки». Свою гипотезу проф. Брунъ старался подкрѣпить ссылками на показанія древнихъ авторовъ, особенно Птолемея, указаніемъ на то обстоятельство, будто изъ періода предполагаемаго имъ переселенія — правленія императоровъ Траяна и Адріана — не имѣется тирасскихъ монетъ, и наконецъ изложеніемъ тѣхъ историческихъ причинъ—возстановленія могущества Даковъ при царѣ ихъ Децебалѣ—, которыя должны были бы заставить Тиритовъ основать новый городъ на лѣвомъ берегу Днѣстра.

Съ догадкой Ф. К. Бруна не согласились представители отечественной археологіи: ему возражалъ въ томъ же III томѣ Записокъ П. А. Беккеръ въ статьѣ: «Берегъ Понта Эвксинскаго отъ Истра до Борисѳена (стр. 151 слѣд.), возражали ему и В. Н. Юргевичъ (въ XIII томѣ Записокъ стр. 7 и слѣд. и въ Трудахъ VI Археол. Съѣзда томъ II, стр. 29—32) и В. В. Латышевъ (J. P. I, стр. 8 и 9). Если тѣмъ не менѣе В. Н. Юргевичъ въ своей статьѣ «Замѣчанія о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края, заслуживающихъ археологическаго изслѣдованія» (Труды VI Арх. Съѣзда II, стр. 29—32) оставляетъ спорный вопросъ какъ-бы открытымъ и рекомендуетъ VI Археол. Съѣзду произвесть археологическія поиски въ селѣ Коротномъ, то это объясняется скорѣе вполнѣ понятнымъ уваженіемъ къ личности и къ заслугамъ своего товарища, чѣмъ серьезнымъ сомнѣніемъ въ правотѣ защищаемаго имъ взгляда. Дѣйствительно-же сомнѣваться нельзя, что гипотеза Ф. Бруна совершенно неосновательна.

1) Въ 1881 году отрыта въ селѣ Чобручахъ, въ девяти верстахъ отъ Коротнаго, другая тирасская надпись на мраморной плитѣ, не меньшихъ размѣровъ, чѣмъ найденная въ 1846 году въ Коротномъ. Такъ какъ нельзя допустить, что древній Тирасъ занималъ всю площадь отъ Коротнаго до Чобручъ, то съ самымъ фактомъ перевозки этихъ

[1]) Срв. Latyschev: J. P. I, № 3.

большихъ и красивыхъ плитъ надо считаться. Разъ же мы должны допустить, что одна плита перемѣщена по какимъ-либо причинамъ въ другое мѣсто, то, по совершенно вѣрному замѣчанію В. В. Латышева, ничто не препятствуетъ полагать, что обѣ плиты увезены по рѣкѣ съ ихъ первоначальнаго мѣстонахожденія.

2) Если даже согласиться съ Бруномъ,—это сдѣлалъ Mommsen C. J. L. III, 1[1]) № 781—что надпись въ селѣ Коротномъ была воздвигнута съ самаго начала на мѣстѣ ея находки, то отсюда еще далеко не вытекаетъ необходимость предположенія о перенесеніи города на это мѣсто

3) Ни въ селѣ Коротномъ, ни въ Чобручахъ никакихъ другихъ слѣдовъ древняго поселенія—монетъ, черепковъ посуды, культурныхъ остатковъ—не найдено.

4) Указаніе Ф. Бруна на отсутствіе тирасскихъ монетъ императоровъ Траяна и Адріана является теперь несостоятельнымъ: ихъ найдено, особенно монетъ Адріана, въ Аккерманѣ изрядное количество.

5) Показанія древнихъ авторовъ[2]) не говорятъ въ пользу предположенія Ф. Бруна; противъ него-же говоритъ полное молчаніе римскихъ писателей о такомъ выходящемъ изъ ряду вонъ фактѣ перенесенія цѣлаго города.

6) Приведенныя проф. Ф. К. Бруномъ историческія соображенія относительно грозившей Тиритамъ опасности со стороны Даковъ отнюдь не объясняютъ, почему Тириты, добровольно оставляя свое имущество, свои виноградники, свою крѣпость, сами себѣ обрекли на полную гибель въ матеріальномъ отношеніи, перенесеніемъ своего поселенія на новое, весьма отдаленное отъ моря мѣсто; и это переселеніе ихъ едвали могло освободить отъ грозившей имъ опасности: какія они могли имѣть гарантіи, что отряды Даковъ оставятъ ихъ на новомъ, незащищенномъ и неустроенномъ мѣстѣ жительства въ покоѣ? «Разъ возникшіе культурные центры торговаго обмѣна», — правильно замѣтилъ

---

[1]) Совершенно основательно В. В. Латышевъ I. P. стр. 9 не соглашается съ этимъ взглядомъ Mommsen'a.

[2]) Мы это ниже покажемъ при разборѣ ихъ свидѣтельствъ.

проф. Ю. А. Кулаковскій[1]) по поводу разныхъ смѣлыхъ предположеній г. Ласкина — «естественно сохраняютъ свое существованіе даже во время великихъ катастрофъ и переворотовъ».

7) Сдѣланныя на почвѣ нынѣшняго Аккермана археологическія находки, какъ прежнія[2]), такъ и особенно новѣйшія, не оставляютъ сомнѣнія, что это мѣсто до конца античнаго міра было занято древнимъ городомъ Тирасомъ.

Такимъ образомъ не слѣдуетъ больше считаться съ догадкой Ф. К. Бруна, и упомянутыя находки не должны были бы допускать разногласія относительно локализаціи древняго Тираса; если, тѣмъ не менѣе, какъ уже сказано, до сихъ поръ возможно часто слышать сомнѣнія и колебанія, то они вызваны, повидимому, какъ попадающимися у защитниковъ единственно правильнаго взгляда не вполнѣ опредѣленными и точными указаніями[3]), такъ и невѣрной оцѣнкой показаній древнихъ авторовъ. Краткимъ разборомъ этихъ свидѣтельствъ я и закончу настоящую статью.

Въ общемъ слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что у древнихъ авторовъ, заговорившихъ о поселеніяхъ на югѣ Россіи, упоминаніе о Тирасѣ встрѣчается сравнительно не часто: ихъ больше интересовали богатыя колоніи, въ родѣ Ольвіи и Пантикапея, или же мѣстности, прославленныя сагой, какъ Колхида, островъ Левка съ храмомъ Ахиллеса и т. д. Затѣмъ въ числѣ этихъ упоминаній слѣдуетъ строго различать разницу между общими, какъ-бы случайными указаніями, попадающимися въ той или другой связи, и между свѣдѣніями тѣхъ авторовъ, которые ставили себѣ задачу, дать точныя географическія мѣстоопредѣленія какъ другихъ заселенныхъ пунктовъ, такъ и Тираса.

Къ первой категоріи принадлежитъ большинство изъ упоминаній о Тирасѣ у древнихъ писателей, и какъ ни цѣнны эти упоминанія для насъ, однако противорѣчило-бы всѣмъ законамъ исторической и археологической критики, еслибъ мы хотѣли воспользоваться ими для точ-

---

[1]) Кулаковскій: Карта Европейской Сарматіи по Птолемею, стр. 27, примѣч.

[2]) Прежнія находки перечислены въ статьѣ В. Н. Юргевича: «Замѣчанія о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и т. д.» стр. 31.

[3]) Попадаются часто такія выраженія: «Тирасъ находился *почти* на мѣстѣ теперешняго Аккермана», «*не много выше* Аккермана», «близъ нынѣшняго Аккермана» (словарь Семенова) и т. д.

ныхъ географическихъ опредѣленій. Выясню это на одномъ примѣрѣ: Геродотъ въ описаніи рѣкъ Скиѳіи (IV, 46—58) въ 51 главѣ говоритъ[1]): «Итакъ, одна рѣка у Скиѳовъ Истръ, а за нимъ слѣдуетъ Тирасъ, который течетъ съ сѣвера и т. д., у *устья* его живутъ Еллины, которые называются Тиритами». Беккеръ[2]), защищающій совершенно правильный взглядъ, что древній Тирасъ расположенъ былъ на мѣстѣ нынѣшняго Аккермана, сильно смущается какъ этимъ показаніемъ Геродота, такъ и словами Помпонія Мелы[3]): «qua exit (scl. Tyras) sui nominis oppidum attingit», и тѣмъ обстоятельствомъ, что Плиній[4]), «упоминающій вообще только о городахъ и земляхъ, прилегающихъ къ Черному морю», всетаки говоритъ о городѣ Тирасѣ,—и чтобы согласовать свой взглядъ съ этими показаніями, считаетъ себя вынужденнымъ предположить, «что эти писатели разсматривали Днѣстровскій лиманъ уже какъ часть моря и поэтому о городѣ Тирасѣ справедливо могли сказать, что онъ находился при устьи рѣки Тираса».

По моему ясно, что это предположеніе Беккера совершенно лишнее и неправдивое; оно вызвано только неправильной оцѣнкой подобныхъ краткихъ и побочныхъ упоминаній. Геродотъ о *городѣ* Тирасѣ и его мѣстоположеніи вовсе не говоритъ, а при описаніи теченія рѣки Тираса какъ побочное обстоятельство приводитъ, что у устья ея живутъ Еллины, которые называются Тиритами; это его замѣчаніе при дословномъ толкованіи мѣста является вполнѣ правильнымъ, потому что несомнѣнно, судя по сохранившимся культурнымъ остаткамъ, Тириты жили также и у устья Тираса, какъ Ольвіополиты нѣкогда имѣли свои хутора и фермы по всей береговой полосѣ до устья рѣки Борисѳена. Но допустимъ даже, что Геродотъ, какъ впослѣдствіе Помпоній Мела, хотѣлъ сказать, что *городъ* Тирасъ расположенъ *при устьѣ* рѣки; какъ же онъ, упоминая объ этомъ только при случаѣ и не представляя цыфровыхъ данныхъ относительно разстоя-

---

[1]) Herod. IV, 51. Εἷς μὲν δὴ τῶν ποταμῶν τοῖσι Σκύθῃσι ἐστὶ ὁ Ἴστρος, μετὰ δὲ τοῦτον Τύρης, ὃς ἀπὸ βορέω μὲν ἀνέμου ὁρμᾶται... ἐπὶ δὲ τῷ στόματι αὐτοῦ κατοίκηνται Ἕλληνες, οἳ Τυρῖται καλέονται.

[2]) Записки О. О. Ист. и Древ. II, стр 418—420.

[3]) II, 1, 7.

[4]) Hist. natur. IV, 26: clarus amnis Tyra, oppido nomen imponens, ubi antea Ophiusa dicebatur.

нія города отъ моря, могъ иначе выразиться, чѣмъ онъ это сдѣлалъ? Вѣдь городъ не находился же ни при источникахъ, ни у средняго теченія рѣки, а именно близко отъ устья ея.

Тоже самое, конечно, слѣдуетъ замѣтить и о способѣ выраженія Мелы, который по собственному заявленію (I, 2) «strictim» —суммарно трактуетъ о своемъ предметѣ; также точно и Плиній упоминаетъ вообще — и то еще въ вводномъ предложеніи — объ этомъ городѣ.

Подобныя, скорѣе случайныя упоминанія могутъ намъ однако дать иногда весьма цѣнныя свѣдѣнія: такъ напримѣръ изъ Плинія мы узнаемъ— и Стефанъ Византійскій[1]) это подтверждаетъ — что Тирасъ имѣлъ еще и другое названіе: Офіусса[2]); но усматривать въ этого рода упоминаніяхъ точныя географическія опредѣленія и, вырвавъ ихъ изъ контекста, анализировать всякое слово и всякій предлогъ и частицу подъ лупой придирчивой критики, а на основаніи этого анализа строить разныя догадки и предположенія – этотъ, къ сожалѣнію, довольно распространенный пріемъ въ литературѣ объ этнографіи и географіи юга Россіи—свидѣтельствуетъ на мой взглядъ о совершено превратномъ пониманіи задачъ герменевтики и критики текстовъ древнихъ авторовъ.

Изъ всѣхъ этихъ упоминаній о городѣ Тирасѣ у Геродота, Скимна Хіосскаго, Помпонія Мелы, Плинія и т. д.[3]) мы можемъ вывести только заключеніе, что существовалъ этотъ городъ, что онъ носилъ еще другое названіе и расположенъ былъ на нижнемъ теченіи рѣки того-же имени, недалеко отъ устья; для болѣе же точныхъ опредѣленій эти свидѣтельства не даютъ матеріала.

Совершенно иначе, конечно, мы должны относиться къ показаніямъ тѣхъ авторовъ, которые претендуютъ представить намъ совершенно

[1]) Steph. Byzan. s. v. Τύρας. Τύρας, πόλις κα ποταμὸς ἐν τῷ Εὐξείνῳ πόντῳ· καὶ ἔδει παρὰ τὸν Τύραν Τυράτην εἶναι τὸ ἐθνικόν· ὁ δὲ πολυίστωρ τὸν ποταμὸν καὶ τὴν πόλιν Τύραν <λέγε·>, τοῦς δὲ πολίτας Τυράνους: ἔστι καὶ Τυρίτης <ὡς> ἀπὸ τοῦ Τύρις· ἐκαλεῖτο δ' <ἡ πόλις καὶ> Ὀφιοῦσσα. Такъ гласитъ текстъ Стефана, если принять весьма правдоподобныя поправки, предложенныя В. В. Латышевымъ въ Ж. М. Н. П. 1892, VII, отдѣлъ класс. филологіи стр. 68.

[2]) Городъ Тирасъ раздѣляетъ, такимъ образомъ, участь Ольвіи, Пантикапея, Ѳеодосіи, которые тоже имѣли по два имени. О причинѣ этого явленія я говорилъ въ статьѣ «Значеніе керамическихъ находокъ» и т. д. Зап. XII, стр. 6.

[3]) Относящіяся сюда мѣста древнихъ авторовъ всѣ собраны у Беккера: Зап. О. О. И. и Древ. II, стр. 416 и слѣд.

точныя показанія о мѣстоположеніи древняго Тираса; здѣсь конечно умѣстенъ строжайшій анализъ и самая точная интерпретація ихъ словъ. Такихъ показаній у насъ два: Страбона и Птолемея.

Начну съ послѣдняго. Объ общемъ характерѣ труда Птолемея мнѣ говорить здѣсь не приходится; отсылаю читателя, желающаго познакомиться съ нимъ, къ первой главѣ привѣтствія Ю. А. Кулаковскаго XI-му Археологическому Съѣзду — «Карта Европейской Сарматіи по Птолемею». Замѣчу здѣсь только, что общее число географическихъ именъ, приведенныхъ у Птолемея, доходитъ до осьми тысячъ, между тѣмъ какъ число мѣстностей, для которыхъ имѣлись въ то время астрономическія наблюденія, было около четырехсотъ. Отсюда вытекаетъ, что вычисленіе цыфръ широтъ и долготъ для обозначенія каждой мѣстности земнаго шара не могло быть всегда точнымъ. Для интересующей насъ здѣсь мѣстности Птолемей даетъ слѣдующія опредѣленія (III, 10):

устье рѣки Тираса . .	д. 56°20′	ш. 47°40′
городъ Никонія . . .	д. 56°20′	ш. 48°10′
городъ Офіусса . . .	д. 56°	ш. 48°
городъ Тирасъ . . .	д. 56°	ш. 47°40′.

Что эти цыфры расходятся довольно далеко съ дѣйствительнымъ астрономическимъ положеніемъ этихъ мѣстностей, общеизвѣстно[1]): устья рѣки Днѣстра и въ особенности городъ Аккерманъ лежитъ на 46°12′ широты (48° в. дол.). Но для насъ нестолько важно констатировать эту ошибку въ опредѣленіи, сколько выяснить, какъ далеко по Птоломею разстояніе отъ устья рѣки до города Тираса. Такъ какъ онъ при равной широтѣ 47°40′ опредѣляетъ это разстояніе по долготѣ въ 20′, то по современному способу вычисленія оно равнялось бы 25,051 километрамъ (23,6 верстамъ). По Птолемею получится нѣсколько другое разстояніе: онъ считаетъ, правда, доказаннымъ, что 1° равенъ 500 стадій; но на параллели Родоса приблизительная величина разстоянія между меридіанами была для него 400 стадій (I, 20, 5); протяженіе же земли по долготѣ вычислялось и имъ, согласно тради-

[1]) Кулаковскій о. l. стр. 11. «Для общей оцѣнки карты Птоломея слѣдуетъ прежде всего принять въ соображеніе, что астрономическія опредѣленія, которыми онъ располагалъ для отдѣльныхъ мѣстъ, всѣ вообще не вполнѣ точны».

ціи отъ предшественниковъ, повидимому, по параллели Родоса, т. е. по 36° с. ш. Такъ какъ по таблицѣ Nissen'a стадій Птолемея равняется 185 метрамъ, то разстояніе въ 20′ отъ устья рѣки до города Тираса должно быть опредѣлено въ 24,66 километра.

Во вторыхъ, изъ цыфръ Птолемея мы видимъ, что относительно мѣстоположенія Никоніи онъ слѣдуетъ совершенно иному опредѣленію, чѣмъ Страбонъ, и другому, чѣмъ периплъ Безъименнаго автора, и, наконецъ, что онъ городъ Офіуссу различаетъ отъ города Тираса. Мы уже выше видѣли, что по свидѣтельству Плинія и Стефана Византійскаго—Офіусса только другое имя для Тираса. Различеніе этихъ городовъ у Птолемея легко могло быть вызвано тѣмъ, что одни авторы, напримѣръ такъ называемый Скилаксъ въ описаніи морей и т. д. (срв. Müller: Geogr gr. minores I, p. 15 слд. Латышевъ: Извѣстія древнихъ I, стр. 84), Страбонъ (VII, 3) и Валерій Флаккъ (Arg. VI, 85), не называя Тираса, говорятъ *только* объ Офіуссѣ, между тѣмъ какъ другіе, на примѣръ Безъименный авторъ [Скимнъ Хіосскій] въ своемъ землеописаніи (срв. Müller: Geogr.gr. minores I, p 227 и слѣд.; Латышевъ: Извѣстія I, 87), Помпоній Мела (II, 17), периплъ Безъименнаго (срв. Латышевъ: Извѣстія I, стр. 286) упоминаютъ *только* о городѣ Тирасѣ.

Ошибка Птолемея поэтому довольно простительна. Что это различеніе у него произошло лишь отъ незнанія факта, что городъ Тирасъ имѣлъ еще другое названіе, на это указываетъ, по моему мнѣнію, и то обстоятельство, что онъ для опредѣленія положенія Офіуссы даетъ только градусы по широтѣ и по долготѣ безъ прибавленія минутъ; повидимому, онъ какихъ-либо болѣе точныхъ указаній для этой цѣли не имѣлъ, а изъ сопоставленія своихъ источниковъ могъ только вывести заключеніе, что Офіусса недалеко отстояла отъ Тираса. Во всякомъ случаѣ это объясненіе для происхожденія различенія двухъ городовъ мнѣ кажется гораздо болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ догадка Беккера (Зап. II, 420), что было два города имени Офіуссы, «одинъ, который помимо оффиціальнаго имени Тираса, только въ ученомъ языкѣ сохранилъ имя Офіуссы, и другой, который подъ старинымъ названіемъ, употребляемымъ для города Тираса (т. е Офіуссы), устраивался съ теченіемъ времени на лѣвомъ берегу той же рѣки».

Что эта гипотеза крайне искусственна, не нуждается въ выяс-

неніи: но еще менѣе основательно мнѣніе Ф. К. Бруна (Зап. III, стр. 53), что Птолемей подъ именемъ своего города Тираса разумѣлъ развалины древняго Тираса, а настоящій, перенесенный по мнѣнію Бруна во время Адріана на мѣсто села Коротнаго, Тирасъ «называетъ Офіуссою, а не Тирасомъ, потому что въ подобныхъ случаямъ изъ двухъ именъ обыкновенно предпочиталъ туземное оффиціальному». Оставляя уже въ сторонѣ, что фактъ перенесенія города ничѣмъ не доказанъ, я долженъ замѣтить, что если даже допустить возможность такого факта, ‹ идалась бы у Плотемея какъ разъ противоположная номенклатура, именно, чтобъ онъ подъ названіемъ Офіуссы разумѣлъ развалины стараго города, для котораго туземное обозначеніе является умѣстнымъ, между тѣмъ какъ устроенный въ императорскій римскій періодъ городъ, конечно, этого старинаго туземнаго имени имѣть не могъ.

Подводя итоги изложенному о Птолемеѣ, мы должны сказать, что его мѣстоопредѣленіе древняго Тираса основывается на довольно неточныхъ вычисленіяхъ, а попадающіяся у него недоразумѣнія показываютъ его незнакомство съ описываемой мѣстностью и, въ виду всего этого, данныя у него цыфры не имѣютъ для насъ бо́льшаго значенія, чѣмъ приблизительныя опредѣленія Геродота, Помпонія Мелы и другихъ

Остается намъ говорить еще о Страбонѣ. Онъ сообщаетъ слѣдующее (VII, с. 3, 16 [с. 306]): ἐπὶ δὲ τῷ στόματι τοῦ Τύρα πύργος ἐστὶ Νεοπτολέμου καλούμενος καὶ κώμη Ἑρμώνακτος λεγομένη· ἀναπλεύσαντι δὲ ἑκατὸν τεσσαράκοντα σταδίους ἐφ᾽ ἑκάτερα πόλεις, ἡ μὲν Νικωνία, ἡ δ᾽ἐν ἀριστερᾷ Ὀφιοῦσσα· οἱ δὲ προσοικοῦντες τῷ ποταμῷ πόλιν φασὶν ἀνιόντι ἑκατὸν καὶ εἴκοσι σταδίους[1]).

Общій смыслъ этого мѣста вполнѣ ясенъ. Страбонъ говоритъ, что если подняться по рѣкѣ на 140 стадій, на обоихъ берегахъ встрѣтятся города: одинъ—Никонія, а на лѣвомъ берегу — Офіусса. Опредѣленіе это дано съ точки зрѣнія человѣка, который плаваетъ съ устья вверхъ къ источникамъ; мы, конечно, по принятому теперь

[1]) Переводъ у Латышева: Извѣстія древнихъ и т. д. I, стр. 119 гласитъ: «На устьѣ Тиры находится башня, называемая Неоптолемовою и деревня, извѣстная подъ именемъ Ермонактовой. Если подняться по рѣкѣ на 140 стадій, то на обоихъ берегахъ встрѣтятся города: одинъ —Никонія, а другой, на лѣвомъ берегу—Офіусса; жители побережья этой рѣки говорятъ, что, если подняться на 120 стадій, то встрѣтится городъ».

способу обозначать берега въ противоположномъ направленіи, должны сказать, что изъ этихъ двухъ лежащихъ другъ противъ друга городовъ Никонія расположенъ на лѣвомъ, а Офіусса на правомъ берегу рѣки.

Къ этому опредѣленію мѣстоположенія, почерпнутому Страбономъ, повидимому, изъ литературнаго источника, нашъ авторъ вноситъ поправку или дополненіе, относящееся къ городу, названному имъ на послѣднемъ мѣстѣ: по показаніямъ жителей побережья этой рѣки Офіусса отстоитъ отъ устья рѣки не на 140 стадій, а на 120. Вся структура предложенія допускаетъ только данное нами толкованіе; только при немъ понятно, почему Страбонъ ссылается на свидѣтельство жителей побережья и почему онъ это свидѣтельство (οἱ δὲ προσοικοῦντες) противопоставляетъ данному имъ на первомъ мѣстѣ опредѣленію разстоянія.

Но далеко не всѣми это мѣсто было такъ понято.

Поводомъ къ другому толкованію служило слово «πόλιν» помѣщенное послѣ: οἱ δὲ προσοικοῦντες τῷ ποταμῷ. Groskurd[1]), удивляясь, повидимому, что у Страбона не упоминается городъ Тирасъ и желая согласовать его разсказъ съ извѣстіями Птолемея о трехъ городахъ, считалъ вѣроятнымъ, что къ слову πόλιν слѣдуетъ или подразумѣвать или даже прибавить «ἄλλην τινὰ», и думаетъ, что Страбонъ говоритъ здѣсь и о третьемъ городѣ — именно о Тирасѣ Брунъ[2]) въ угоду своей теоріи о перенесеніи Тираса въ періодъ послѣ императора Веспасіана на мѣсто, занятое нынѣ селомъ Коротнымъ, заходитъ еще дальше; онъ полагаетъ, что Страбонъ говоритъ здѣсь о третьемъ городѣ «лежащемъ не *ниже* двухъ названныхъ, но въ 120 стадіяхъ выше, т. е. около того мѣста, гдѣ была найдена въ 1846 году надпись съ эдиктомъ императоровъ Севера и Каракаллы».

Groskurd'у совершенно основательно уже возражалъ издатель Страбона, Kramer: «tota enuntiati forma eam sententiam respuit, nec cur urbis nomen Strabo omiserit intelligas» — пишетъ онъ и прибавляетъ, что, по его мнѣнію, «potius» слово πόλιν нужно выбросить изъ текста. Но едва-ли это требуется; трудно объяснить, какъ оно могло попасть въ текстъ, если

[1]) Strabos Erdbeschreibung I, 538, прим. 1.

[2]) Черноморье I, 12.

его первоначально тамъ не было: изъ разстановки же словъ (πόλιν φασὶν ἀνιόντι; выше ἀναπλεύσαντι—πόλεις), вполнѣ ясно, что слово πόλις указываетъ на названный на послѣднемъ мѣстѣ городъ—на Офіуссу; слѣдовало-бы, конечно, ожидать прибавленія опредѣленнаго члена: τὴν πόλιν φασὶν и т. д.; я, однако, не рѣшаюсь вставить это слово въ текстъ, такъ какъ Страбонъ, очень можетъ быть, писалъ «Ὀφιοῦσσαν πόλλιν»; пропускъ-же этого имени собственнаго со стороны переписчика вызванъ былъ тѣмъ, что только что предшествовало слово Ὀφιοῦσσα.

Относительно интерпретаціи Бруна едва-ли нужно прибавить, что она еще менѣе соотвѣтствуетъ связи предложеній у Страбона, чѣмъ отвергнутое нами толкованіе Groskurd'a; да и непонятно, почему Брунъ рѣшился на эту произвольную интерпретацію, такъ какъ, даже если прибавить 120 стадій къ 140, все равно не получится и приблизительно разстояніе села Коротнаго отъ устья рѣки.

Но возвратимся къ Страбону.

Мы видѣли, что онъ для опредѣленія мѣстоположенія города Тираса-Офіуссы передаетъ двѣ мѣры разстоянія; одну въ 140, другую въ 120 стадій отъ устья рѣки[1]), причемъ онъ оставляетъ вопросъ открытымъ, какую изъ этихъ мѣръ онъ считаетъ вполнѣ точной.

Итакъ и показаніе Страбона, какъ показанія всѣхъ нами разобранныхъ древнихъ авторовъ, имѣетъ для насъ лишь значеніе приблизительнаго опредѣленія. При *точной* локализаціи древняго Тираса мы не можемъ и не должны руководиться этими свидѣтельствами, или даже ихъ ставить выше, чѣмъ данныя археологическихъ изысканій. Мы должны рѣшать вопросъ о точномъ мѣстоположеніи древняго Тираса лишь на основаніи археологическихъ находокъ. И эти находки,

---

[1]) При переводѣ этихъ мѣръ на принятую современную систему измѣренія разстояній надо замѣтить слѣдующее: Прежде полагали (срв. напримѣръ Hultsch, Metreologie² Tab. I, S. 698), что греческій путевой стадій, по которому съ Эратосѳена считали древніе географы, равняется 157 метрамъ. Тогда 140 стадій=21,9 километру(20,335 верстамъ) а основная на показаніяхъ жителей побережья цыфра въ 120 стадій равна 18,8 километрамъ (17,368 верстамъ). Это послѣднее показаніе соотвѣтствовало-бы довольно близко дѣйствительности, ибо разстояніе Аккермана отъ моря составляетъ 19,188 километровъ (18 верстъ). Но по новымъ измѣреніямъ Dörpfeld'a этотъ принятый прежде способъ исчисленія оказывается несостоятельнымъ. Аттическій стадій по нимъ равняется 177,5 метрамъ, и такъ какъ древніе географы (срв Nissen Griech. und Röm. Metreologie S. 701) считали по аттическимъ стадіямъ, то 120 и 140 стадій при переводѣ на нашу мѣру составляютъ 21,240 и 24,839 километра.

какъ прежнія, такъ особенно сдѣланныя при раскопкахъ осенью настоящаго года, съ полной убѣдительностью показываютъ, что древній Тирасъ не лежалъ, какъ пишутъ еще Беккеръ, Брунъ, Семеновъ «близъ» нынѣшняго города Аккермана, а что территорію Тираса вполнѣ закрываетъ въ настоящее время городъ Аккерманъ.

Продолжать здѣсь въ Аккерманѣ раскопки является поэтому неотлагательнымъ требованіемъ науки; хотя напередъ можно сказать, что на особенно драгоцѣнныя находки въ смыслѣ цѣльности предметовъ и ихъ стоимости разсчитывать нельзя. Офіусса-Тирасъ-Бѣлгородъ-Аккерманъ былъ безпрерывно заселеннымъ мѣстомъ со времени Милетянъ до нашихъ дней, и поэтому почва перекопана и перерыта, гробницы ограблены, фундаменты древнѣйшихъ зданій разбросаны; но съ научной точки зрѣнія тщательное изслѣдованіе этой богатой культурными остатками различныхъ періодовъ почвы представляетъ особенный интересъ, и я не сомнѣваюсь, что наше Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, при просвѣщенномъ содѣйствіи теперешнихъ иниціаторовъ раскопокъ П. А. Маврогордато и А. Ф. Фогеля, найдетъ средства и возможность довести до конца начатыя въ этомъ году работы.

Д. ч. Э. фонъ-Штернъ.

Боспорскія надписи, пріобрѣтенныя Мелекъ-Чесменскимъ музеемъ въ 1900 году.

I.

Внизу обломанная плита изъ мелкозернистаго известняка, выш. 0,96—1,04 м., шир. 0,50, толщ. 0,14—0,15. Верхъ украшенъ простымъ карнизомъ и тремя розетками, изваянными въ кругахъ, которые сдѣланы циркулемъ (круги эти имѣютъ въ поперечникѣ 0,07 м.); лепестки средней розетки сдѣланы рельефно, между тѣмъ какъ на крайнихъ они выдолблены. Фонъ розетокъ закрашенъ красной краской. Подъ розетками, на зеркалѣ, окаймленномъ узкою рамкою (шир. 0,03 м.), вырѣзана надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,03 м.). Между отдѣльными строками оставленъ промежутокъ въ 0,035—0,04 м.; буквы и окаймляющая ихъ рамка выкрашены въ красный цвѣтъ. Первая строка надписи сильно стерта; въ четвертой строкѣ послѣ десятой буквы оставлено пустое мѣсто, потому что тамъ вслѣдствіе изъяна плиты нельзя было вырѣзать буквы; въ концѣ этой-же строки виднѣется буква $\overline{\Gamma\Gamma}$ съ длинной горизонтальной перекладиной. При болѣе внимательномъ разсматриваніи оказывается, что это двѣ буквы ΤΡ, за которыми было вырѣзано еще Α, какъ можно судить по оставшейся красной косой черточкѣ. Въ концѣ восьмой строки начало имени стерто, но остатки буквъ указываютъ, что здѣсь было вырѣзано извѣстное изъ надписей θіасотовъ имя Τρύφω]νος.

	.ΓΑΟΗ . . . Η	Ἀ]γα(θ)ῇ [τύχ]ῃ.
	ΤΟΙΣΠΕΡΙΣΥΝΟ	Τοῖς περὶ σύνο-
	ΔΟΝΚΑΙΙΕΡΕΑΝΟΥ	δον καὶ ἱερέαν Οὐ-
	ΑΛΕΡΙΝΝΕΙΚ◣ΟΣΙΡ,	αλέρι(ο)ν Νεικοσ[τρά-
5	ΤΟΥ ΚΑ ΙΠΑΤΕΡΑΝ	του καὶ πατέραν
	ΚΑΛΛΙΣΤΟΝ•Β•ΚΑ	Καλλιστον β′ κα(ὶ)
	ΣΥΝΑΓΩΓΟΝΜ	συναγωγὸν Μή-
	ΘΑΚΟΝΤΡ . . Ω	θακον [Τρύφω-
	ΝΟΣΚΑΙΦΙΛΑΓΑ	νος καὶ φιλάγα-
10	ΘΟΝΤΕΙΜΟΘΕ	θον Τειμόθε-
	ΟΝΠΑΠΟΥΚΑΙ	ον Πάπου καὶ
		. . . . .

Этою надписью подтверждается мнѣніе Э. Р. Фонъ-Штерна о близости сношеній между танаитскими и пантикапейскими θіасами, высказанное въ докладѣ о подобнаго рода памятникѣ (Протоколъ 320-го засѣданія Одесскаго Общества, стр. 8). Сходство именъ θіасотовъ того и другого города поразительно: изъ семи именъ издаваемой здѣсь надписи пять встрѣчаются и въ надписяхъ танаитскихъ религіозныхъ обществъ: Οὐαλέριος (В. В. Латышевъ, Inscr. regni Bosporani №№ 442, 445, 448, 451), Νεικόστρατος (ibid. № 451), Μήθακος (ibid), Τρύφων (ibid. №№ 442, 443 ter, 445, 446 bis, 447, 451, 454 bis), и Πάπας (ib. №№ 451, 454, 455).

Имя Τειμόθεος встрѣчалось въ боспорскихъ надписяхъ, но имя Καλλιστος попадается здѣсь впервые. При словѣ πατὴρ не поставлено συνόδου, точно такъ какъ и въ надписи, изданной Э. Фонъ-Штерномъ въ указанномъ докладѣ на стр. 7. Надпись интересна еще тѣмъ, что начинается совсѣмъ иначе, чѣмъ всѣ до сихъ поръ извѣстныя надписи боспорскихъ θіасотовъ; поэтому нужно тѣмъ болѣе сожалѣть, что нижняя часть памятника пропала.

Камень найденъ въ началѣ марта 1900 г. въ частномъ дворѣ на Глинищѣ.

II.

Внизу обломанное надгробіе изъ плотнаго известняка, выш. 0,26—0,37 м., шир. 0,55—0,57 толщ. 0,19. Вверху съ трехъ сторонъ, обращенныхъ къ зрителю, украшено простымъ карнизомъ (шир. 0,03 м.)

Подъ карнизомъ на разстояніи 0,04 м. вырѣзана по линейкамъ надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,035 м., Ω и Ο немного меньше).

ΚΑΙΣΙΟΝΦΛΕΓΟΝΤΑΣΥΝΟΔΟΣ
ΗΠΕΡΙΣΥΝΑΓΩΓΟΝΕΡΜΟΓΕΝΗ
ΚΑΙΦΙΛΑΓΑΘΟΝΚΑΛΛΙΣΤΡΑΤΟΝ
. ΤΟΝΣΥΝΟΔΕΙΤΗΝ
ΜΝΗΜΗΣΧ

Καίσιον Φλέγοντα σύνοδος
ἡ περὶ συναγωγὸν Ἑρμογένη
καὶ φιλάγαθον Καλλίστρατον
τὸν συνοδείτην
μνήμης χ[άριν.

Имена Καίσιος (Caesius) и Φλέγων встрѣчаются на Боспорѣ въ первый разъ (срв. C. I. Gr. n 4460: ἐπὶ Καισίου Πρίσκου; ibid. n. 1362: Ἀβί(διος) Φλέγων). Имя Ἑρμογένης попадается въ одной танаитской и въ одной пантикапейской надписи ѳіасотовъ (В. В. Латышевъ, Inscr. regni Bosporani, № 448,21; Греческія и латинскія надписи, найденныя въ южной Россіи въ 1892—1894 годахъ. Спб. 1895, стр. 30, № 7).

Памятникъ найденъ на Глинищѣ 5 октября 1900 года.

III.

Внизу обломанное, на двѣ части разбитое надгробіе изъ мелкозернистаго известняка, выш. 0,51 м., шир. 0,79, толщ. 0,17. Вверху украшено простымъ карнизомъ (шир. 0,10 м.), а съ боковъ рамкою (шир. 0,07 м.).

Подъ карнизомъ глубоко вырѣзана надпись IV или III вѣка до Р. Хр. (выс. буквъ 0,03 м., Ο — 0,02); въ серединѣ, гдѣ проходитъ изломъ камня, буквы частью повреждены, частью совсѣмъ уничтожены. Нижняя часть карниза и все занятое надписью мѣсто закрашены красной краской; подъ ними-же синей краской написано что-то въ родѣ вверхъ расширяющагося бокала, который своими верхними краями поддерживаетъ четыреугольникъ съ надписью.

Камень найденъ лѣтомъ 1900 г. въ гробницѣ въ Эльтыгенѣ.

ΑΓΑΣΙΚΕ	. ΞΑΝΘΕΜ
Ο	. ΡΙΤΟΥ

Ἀπασικ[ηή]ς Ἀνθεμοκρίτου.

Имя Ἀπασικήης, если мое пополненіе вѣрно, является совершенно новымъ въ греческой эпиграфикѣ. Это, по всей вѣроятности, іоническая форма не встрѣчавшагося доселѣ имени Ἀπασικᾱής, которое образовалось такимъ-же способомъ, какъ слово πολυκᾱής (Anth. Palat. VII, 648: ἐν πολυκαεῖ δγκῳ); η соотвѣтствуетъ ᾱ, какъ въ словѣ ἠήρ у Гиппократа (R. Kühner, Ausführliche Gramm. der griech. Sprache I³, стр. 126, прим. 4) или въ κῆαι (Hom. Od. 15,97) и κήαι (Il. 21,336) Если обратить вниманіе на значеніе корней, то имя Ἀπασικηής равняется словамъ Πασιφάνης Πασιφαής и πασιφανής, потому что въ корнѣ глагола κᾰ́ω заключается также понятіе «свѣтить, сіять» (G. Curtius, Grundzüge der griech. Etymologie. 5. Aufl. Leipzig 1879, стр. 145).

О пополненіи перваго имени въ Ἀπασικλῆς или въ Ἀπασικράτης не можетъ быть и рѣчи, потому что седьмая буква несомнѣнно Η, послѣ которой, судя по мѣсту, была вырѣзана одна или, въ крайнемъ случаѣ, только двѣ буквы. Нельзя также предположить, что остатокъ буквы Ε есть именно буква Λ и что нужно читать Ἀπασικλ[ῆ]ς, потому что такое начертаніе этой буквы встрѣчалось только въ аргосскихъ надписяхъ (А. Никитскій, Греческая эпиграфика Г. Гинрикса. Одесса 1892, 8-й столбецъ приложенной таблицы).

Также имя Ἀνθεμόκριτος еще не встрѣчалось на Боспорѣ.

IV.

Хорошо сохранившееся надгробіе изъ мелкозернистаго известняка, выш. 0,73 м., шир. 0,35—0,43, толщ. 0,12. Верхъ украшенъ карнизомъ, подъ которымъ въ углубленіи подъ аркою на антахъ стоитъ мужчина, одѣтый въ короткій хитонъ и хламиду. Въ правомъ углу (отъ зрителя) стоитъ маленькая женская фигура, не держащая ничего въ рукахъ; судя по надписи, это дочь, которая была похоронена вмѣстѣ съ отцомъ. На фонѣ рельефа сохранились слѣды голубой краски.

Непосредственно подъ рельефомъ вырѣзаны по линейкамъ четыре

строки надписи римскаго времени (выс. буквъ 0,02—0,025 м.). Первыя двѣ строки и четвертая, кромѣ послѣднихъ двухъ буквъ, были вырѣзаны раньше, третья-же и окончаніе послѣдней позже; видно, какъ рѣзчикъ, не имѣя достаточно мѣста, съ трудомъ помѣстилъ третью строку между второй и четвертой: между этими строками не оставлено промежутка, и послѣдняя буква третьей строки за неимѣніемъ мѣста не окончена.

ΑΡΕΙΦΙΛΕ ΥΙΕ	Ἀρείφιλε, υἱὲ
ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ	Δημητρίου,
ΚΑΙΘΥΓΑΤΗΡΘΕΟΦΙΛΕ	καὶ θυγάτηρ Θεοφίλη,
ΧΑΙΡΕΤΕ	χαίρετε.

Имя Ἀρείφιλος встрѣчается на Боспорѣ въ первый разъ. Это параллельная форма къ эпическому Ἀρηΐφιλος; срв. гомер. ἀρηΐφατος и аттическое ἀρείφατος (Aesch. Eum., 900 и fragm. 152: ed. G. Hermanni Berolini. 1869).

Камень найденъ вмѣстѣ съ слѣдующими двумя надгробіями 26-го января 1900 г. въ одной и той-же гробницѣ на Глинищѣ, на Пятой Продольной улицѣ, во дворѣ № 51.

V.

Надгробный памятникъ въ видѣ статуи, изъ плотнаго известняка, выш. 1,11 м. Статуя мужчины съ отбитой головой стоитъ на базисѣ длиною въ 0,50 м., шириною въ 0,29 и толщиною въ 0,10—0,12 м. Мужчина одѣтъ въ хитонъ и длинный иматій, ниспадающій складками почти до земли; одинъ конецъ иматія переброшенъ черезъ лѣвое плечо и придерживается правой рукой мужчины. Лѣвая рука покоится на рядомъ стоящей четыреугольной колоннѣ, выш. 0,60 м. (не считая общаго базиса), шир. 0,14—0,16, толщ. 0,12—0,13. Статуя, колонна и общій базисъ сдѣланы изъ одного и того-же камня. Верхъ колонны съ трехъ сторонъ, обращенныхъ къ зрителю, украшенъ карнизомъ, подъ которымъ на передней сторонѣ рельефно выдаются двѣ розетки. Подъ розетками вырѣзана мелкими буквами (выс. буквъ 0,015—0,02 м.) слѣдующая надпись:

ΑΡΙΣΤΟ	Ἀριστο
Φ Ω Ν	φῶν
ΦΟΡΜΙ	Φορμί-
ΩΝΟΣ	ωνος,
5 ΧΑΙΡΕ	χαῖρε.

Оба имени уже встрѣчались въ боспорскихъ надписяхъ (В. В. Латышевъ, Inscr. regni Bosporani, №№ 22 и 207).

VI.

На шесть кусковъ разбитое надгробіе изъ крупнозернистаго известняка, внизу срѣзанное для вставки въ постаментъ, выш. 1,03 м., шир. 0,50, толщ. 0,10. Верхняя часть украшена карнизомъ и рельефнымъ фронтономъ съ тремя розетками, изъ которыхъ одна, самая большая, изваяна въ треугольникѣ фронтона. Подъ фронтономъ находится рельефъ, изображающій женщину, которая подаетъ руку рядомъ стоящему мужчинѣ; съ правой стороны стоитъ другой мужчина, а въ лѣвомъ углу маленькая фигура мальчика. Та часть памятника, гдѣ помѣщенъ рельефъ, сильно пострадала отъ того, что неопытные рабочіе разбили ее ломомъ, не подозрѣвая, что на другой сторонѣ, обращенной къ землѣ, находятся фигуры.

Непосредственно подъ рельефомъ вырѣзана слѣдующая надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,03 м.).

ΗΔΕΑΓΥΝΗ	Ἡδέα, γυνὴ
ΔΙΟΓΕΝΟΥ ΚΑΙ	Διογένου, καὶ
ΜΟΚΑΠΟΡΟΣ	Μοκάπορος,
ΧΑΙΡΕΤΕ	χαίρετε.

Всѣ имена уже встрѣчались въ боспорской эпиграфикѣ; Μοκάπορος, вѣроятно, параллельная форма имени Μοκάπορις, измѣнившагося подъ вліяніемъ греческихъ именъ Πόρος, Ἔμπορος, Εὔπορος и др.

VII.

Хорошо сохранившееся надгробіе изъ плотнаго известняка, внизу срѣзанное для вставки въ постаментъ, выш. 1,98 м., шир. 0,49, толщ. 0,19—0,22. Верхъ украшенъ карнизомъ, надъ которымъ вмѣсто обычнаго фронтона изваяно овальное возвышеніе (0,38 × 0,25 м.) съ такимъ-же бугоркомъ меньшихъ размѣровъ сверху.

Подъ карнизомъ, на разстояніи 0,11 м., неглубоко вырѣзаны двѣ строки греческой надписи III в. до Р. Хр. (выш. буквъ 0,033 м., Ф — 0,043). Первыя буквы обѣихъ строкъ надписи, которая вообще читается съ трудомъ, съ лѣвой стороны немного стерты.

Камень найденъ около десяти лѣтъ тому назадъ на южной окраинѣ дер. Аджи-Мушкая, въ гробницѣ.

ΘΛΥΜΠΙΑΣ	Ὀλυμπιὰς
ΗΡΟΦΩΝΤΟΣ	Ἡροφῶντος.

Оба имени встрѣчаются на Боспорѣ въ первый разъ.

VIII.

Разбитое на двѣ части надгробіе изъ мелкозернистаго известняка, выш. 1,54 м., шир. 0,483, толщ. 0,15. Верхъ украшенъ узкимъ карнизомъ и рельефнымъ фронтономъ съ акротеріями; надъ фронтономъ изваяны двѣ розетки о шести лепесткахъ, а въ треугольникѣ фронтона круглая выпуклость въ видѣ щита. Подъ фронтономъ помѣщены въ рядъ три розетки такой-же формы, какъ верхнія, но немного больше (верхнія имѣютъ въ поперечникѣ 0,055 м. нижнія-же—0,07); такими же розетками украшена плита и съ боковъ, гдѣ изваяно по одной розеткѣ съ каждой стороны.

Рельефъ изображаетъ такъ называемый «погребальный пиръ»: съ лѣвой стороны въ креслѣ съ точеными ножками сидитъ женщина въ обычной позѣ, поставивъ ноги на скамеечку. На высокомъ ложѣ, также съ точеными ножками и съ высокимъ изголовьемъ, на которомъ положены двѣ подушки, полулежитъ мужчина, одѣтый въ хитонъ; впереди ложа стоитъ обычный столикъ о трехъ ножкахъ, уставленный посудою. Въ лѣвомъ углу стоитъ дѣвочка съ урною въ рукахъ, а въ правомъ мальчикъ; голова его и кисть руки вмѣстѣ съ

сосудомъ, который онъ держалъ, отбиты. Тоже у другихъ фигуръ лица, по обыкновенію, попорчены. На камнѣ сохранились слѣды красокъ: стѣнки углубленія, въ которомъ помѣщенъ «погребальный пиръ», покрыты темносиней краской, фонъ же голубой; подушки, хитонъ возлежащаго мужчины и платье дѣвочки были выкрашены въ розовый цвѣтъ, иматій же мужчины въ голубой.

Подъ рельефомъ вырѣзаны по линейкамъ двѣ строки надписи (выс. буквъ 0,035 м.).

ΠΟΘΕ ΥΙΑΙΣΚΙΛΟΥ	Πόθε, υἱ(ὲ) Σκιλού-
ΡΟΥ ΧΑΙΡΕ	ρου, χαῖρε.

Извѣстное скиѳское имя Σκίλουρος еще не встрѣчалось на Боспорѣ.

IX.

Сверху и снизу обломанное надгробіе изъ плотнаго известняка, выш. 0,49—0,61 м., шир. 0,61 и толщ. 0,16. Отъ рельефа, украшавшаго памятникъ, сохранилось стоящее по лѣвую сторону кресло съ точеными ножками, въ которомъ сидѣла женщина въ извѣстной «задумчивой» позѣ, а съ правой стороны нижняя часть ноги воина и копья, на которое онъ опирался. Въ складкахъ платья, ниспадающаго до скамеечки, на которой покоятся ноги женщины, сохранились слѣды синей краски. Въ лѣвомъ углу рельефа стоитъ обычная женская фигурка съ сосудомъ въ рукахъ.

Непосредственно подъ рельефомъ вырѣзана хорошо сохранившаяся надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,03—0,04 м.).

ΣΥΝΙΣΤΩΡΠΑΤΗΡ	Συνίστωρ πατὴρ
ΜΟΙΡΙΜΟΥΚΑΙΓΥΝΗ	Μοιρίμου καὶ γυνὴ
ΚΑ ΛΗ ΧΑΙΡΕΤΕ	Καλή, χαίρετε.

Всѣ три имени встрѣчаются въ боспорской эпиграфикѣ въ первый разъ; Μοίριμος, кромѣ того, имя совершенно новое; его нѣтъ въ извѣстныхъ сборникахъ греческихъ надписей и въ словаряхъ собственныхъ именъ (см., напр., Bechtel-Fick, s. v. μοῖρα, стр. 211).

Камень найденъ въ началѣ марта 1900 г. на Глинищѣ.

X.

Христіанское надгробіе изъ раковистаго известняка, имѣющее форму правильнаго четыреугольника, выш. 0,80 м., шир. 0,46, толщ. 0,15. Въ верхней части памятника былъ изваянъ большой крестъ который умышленно стесанъ какимъ-то острымъ орудіемъ; по оставшимся слѣдамъ видно, что крестъ имѣлъ 0,50 м. въ вышину, 0,30 въ ширину; верхняя перекладина креста имѣетъ въ длину 0,21 м., нижняя 0,29, боковыя по 0,15. Подъ концомъ правой перекладины виднѣется красное пятно, которое, повидимому, образовалось изъ буквы ω (срв. рисунокъ надгробія, изданнаго В. В. Латышевымъ въ Сборникѣ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ южной Россіи. С.-Петербургъ 1896, стр. 89, № 87).

Въ промежуткахъ, остающихся между верхней и боковыми перекладинами, вырѣзано глубокими и крупными (выс. 0,05—0,07 м.) буквами имя:

Τιγινάγας.

Τιγινάγας, можетъ быть, то-же варварское имя, вторая часть котораго сохранилась въ танаитской надписи, изданной въ сборникѣ Inscr. regni Bosporani № 446, 30.

Камень найденъ въ февралѣ этого года на Глинищѣ, близъ Александровскаго училища.

XI.

Прекрасно сохранившееся надгробіе изъ мелкозернистаго известняка, внизу срѣзанное для вставки въ постаментъ, выш. 1,23 м., шир. 0,545, толщ. 0,14. Вверху украшено карнизомъ и рельефнымъ фронтономъ съ тремя розетками, изъ которыхъ одна помѣщена посреди треугольника фронтона. Подъ ними, въ квадратномъ углубленіи (0,41 × 0,41 м.) между антами изваянъ всадникъ на обращенной вправо отъ зрителя лошади, за которой стоитъ пѣхотинецъ въ шлемѣ безъ гребня и со щитомъ. У лѣваго бока всадника виситъ налучье съ лукомъ; другаго оружія нѣтъ.

Подъ рельефомъ тщательно вырѣзана по линейкамъ крупными буквами (выс. 0,04 м.; Ψ — 0,058; Ο — 0,03) надпись римскаго времени.

Памятникъ найденъ 25-го іюля 1900 г. на Глинищѣ.

ΥΨΙΚΡΑΤΗ ΛΑ	Ὑψικράτη Λα-
ΜΑΧΟΥ ΧΑΙΡΕ	μάχου, χαῖρε.

Имя Ὑψικράτης еще не встрѣчалось на боспорскихъ эпиграфическихъ памятникахъ.

XII.

Надгробіе изъ крупнозернистаго известняка, разбитое на двѣ части, выш. 1,33 м., шир. 0,65, толщ. 0,14. Верхъ украшенъ фронтономъ съ тремя акротеріями и розеткою, находящейся въ треугольникѣ его. Подъ фронтономъ, подъ аркою, поддерживаемою антами, изображены три фигуры: въ креслѣ съ точеными ножками и низкою спинкою сидитъ женщина; передъ ней стоитъ мужчина въ иматіи до колѣнъ; въ лѣвомъ углу изваяна обычная фигурка дѣвочки съ цилиндрическимъ сосудомъ въ рукахъ, а между женщиной и мужчиной сильно вывѣтрившаяся фигурка мальчика. Голова женщины отбита, вообще всѣ фигуры сильно попорчены. Углы между аркой и карнизомъ фронтона заполнены розетками о семи лепесткахъ.

Подъ рельефомъ читается съ трудомъ и только при хорошемъ освѣщеніи камня надпись римскихъ временъ (выс. буквъ 0,03 — 0,04 м.).

ΦΙΛΩΤΑΚΑΙΓΥΝΗ	Φιλώτα καὶ γυνὴ
ΘΕΟΝΙΚΗΧΑΙΡΕΤΕ	Θεονίκη, χαίρετε.

Камень найденъ въ 1896 г. на Глинищѣ во дворѣ Ф. Винтера, тамъ-же, гдѣ было найдено надгробіе, изданное мною въ Запискахъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. XXII (1900), стр. 102 и 103, № 13.

XIII.

Обломокъ мраморной плиты съ сохранившимся нижнимъ краемъ, дл. 0,135 м., выш. 0,03, толщ. 0,05. На обломкѣ сохранилось только шесть буквъ римскаго времени (выс. буквъ 0,013 м.).

ΝΤωΝΑΥ

Обломокъ найденъ въ Тамани въ 1900 году.

XIV.

Осколокъ мраморной плиты съ уцѣлѣвшимъ верхнимъ краемъ, наибольшая выш. 0,08 м., наиб. шир. 0,08, толщ. 0,03. Высота буквъ 0,01—0,015 м. Найденъ въ 1900 г. въ Тамани.

ΑΩΙΛ
– ΤΟΥ
ΙΚΟ′

XV.

Обломокъ правой стороны мраморной плиты 0,015 м. толщины; вышина обломка 0,09 м., шир. 0,07 м. Съ правой стороны замѣтна часть рельефной рамки шир. 0,02 м. На обломкѣ сохранились послѣднія буквы четырехъ строкъ тщательно вырѣзанной надписи, которая, кажется, заключала въ себѣ метрическую эпитафію (выс. буквъ 0,01 м.).

Обломокъ купленъ лѣтомъ этого года въ Тамани.

L
ΥΝΟ
ϽΝ
ΜΕΝΩ
ΝΤΕΣ

XVI.

Два обломка той-же мраморной плиты, толщ. около 0,02 м.; размѣры обломка *a:* выш. 0,045 м., шир. 0,07; *b:* наибольшая выш. 0,07 м., наиб. шир. 0,06. Типъ буквъ (выс. 0,015 м.), вырѣзанныхъ

по линейкамъ, указываетъ на римскія времена. Оба осколка найдены въ томъ-же мѣстѣ, на таманскомъ берегу Керченскаго пролива.

a	*b*
ΑΗΒΙΩΙ	ϒΟ
ΣΗΛΙ′	⊃ϒ•ΔΙ
	ΙΑΧΟϒ

XVII.

Обломокъ мраморной плиты, выш. 0,07 м., шир. 0,055, толщ. 0,035. Высота буквъ около 0,02 м. Найденъ въ гор. Тамани.

ΙΟϒ
Ι ΙΟϒ

Содержаніе послѣднихъ двухъ надписей не можетъ быть точно опредѣлено; ясно только, что въ нихъ были родительные падежи какихъ-то собственныхъ именъ.

Д. ч. В. Шкорпилъ.

Г. Керчь,
25-го октября 1900 г.

Замѣтки къ христіанскимъ надписямъ изъ Крыма.

IV [1]).

Извѣстный французскій византинистъ Gabriel *Millet* недавно помѣстилъ въ журналѣ «Bulletin critique» (21 année, № 28, 5 Octobre 1900) сочувственный отзывъ о моемъ «Сборникѣ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ южной Россіи», въ которомъ сообщилъ, между прочимъ, нѣсколько конъектуръ къ разнымъ надписямъ сборника. Въ виду того, что журналъ, въ которомъ помѣщенъ отзывъ г. Millet, можетъ быть подъ руками далеко не у всѣхъ интересующихся средневѣковой эпиграфикой Крыма, я считаю нелишнимъ отмѣтить на страницахъ «Записокъ» поправки почтеннаго французскаго ученаго и кстати присоединить къ нимъ еще нѣсколько замѣтокъ, отчасти сообщенныхъ мнѣ А. И. Пападопуломъ-Керамевсомъ.

Къ **№ 2**. Г. Millet находитъ, что «les corrections de M. Latišev ne tiennent pas assez compte des données» и предлагаетъ съ своей стороны чтеніе:

τελος ελαβ[ε] (βο)ηθεια [τ]ω [τ]ηχος
ελθη ο ις χ(ς) τω πεπιηκοτη.

Я продолжаю, однако, думать, что мое чтеніе даетъ болѣе ясный смыслъ и что въ виду крайней ненадежности единственной извѣстной копіи этой надписи можно и не придерживаться слишкомъ строго данныхъ въ ней буквъ. Было-бы въ высшей степени желательно, чтобы кто-либо изъ одесскихъ археологовъ, при посѣщеніи Аккермана, еще разъ старательно поискалъ этой надписи.

Къ **№ 9**. Г. Millet предлагаетъ читать βαλλομενου ε[ν] το καστρο τις Χερσονιας, замѣчая при этомъ, что «Χερσονια serait intéressant à

[1]) Предыдущія замѣтки см. въ «*Зап. Од. Общ.*» т. XX, стр. 149 — 162, и т. XXI, стр. 225 — 254.

rapprocher de Λακεδαιμονία», и кромѣ того предлагаетъ дешифрировать монограммы такъ: ΙСК ΜΝ ΔΕΚΜ, т. е. ις κ' μηνος Δεκεμβριου.

Я съ своей стороны считаю весьма сомнительнымъ, чтобы въ крупныхъ и тщательно отдѣланныхъ монограммахъ заключалась только второстепенная (безъ года) числовая дата.

Къ **№ 19**. Въ 1895 г. при раскопкахъ на южномъ склонѣ Херсонисскаго городища найденъ между прочимъ кусокъ мраморнаго карниза съ буквами ЕВІѕКІ. Издавая этотъ отрывокъ надписи въ «Матеріалахъ по археологіи Россіи, изд. Имп. Арх. Комм.», № 23, стр. 51, № 49, я высказалъ предположеніе, не принадлежитъ-ли этотъ вновь найденный обломокъ къ тому карнизу, на другомъ обломкѣ котораго сохранилась часть надписи, изданная въ «Сборникѣ» подъ № 19. Если предположить, что въ копіи Н. П. Кондакова, которою я воспользовался для изданія, послѣднее Є стоитъ вмѣсто Ε, то окажется, что между обломками не пропало ни одной буквы, и можно будетъ прочитать:

[Ὑπ]ὲρ εὐχῆς Εὐ[σ]εβίη κ[αὶ πάντων τῶν διαφερόντων αὐτοῦ].

Въ **№ 26** г. Millet предлагаетъ читать [ἐπ]ὶ τοῦ ἐπισκό[που Θ]εοδώρου. Издавая эту надпись, я не возстановилъ предлога ἐπὶ не потому, конечно, что не догадался о возможности его возстановленія, а потому, что считалъ возможнымъ относить невполнѣ сохранившуюся на камнѣ прямую черточку не только къ буквѣ Ι, но и къ Ρ, и предполагать предлогъ ὑπέρ, для выбора-же между тѣмъ и другимъ предлогомъ нѣтъ никакихъ рѣшающихъ данныхъ.

Къ **№ 28**. А. И. Пападопуло-Керамевсъ любезно указалъ мнѣ, что въ 1-й части этой надписи слѣдуетъ видѣть реминисценцію изъ псалма 112, ст. 7: ἀπὸ κοπρίας ἀνυψῶν πένητα, «отъ гноища возвышаяй убога». Ср. параллельное выраженіе въ кн. Царствъ I, 2, 8: ἀνιστᾷ ἀπὸ γῆς πένητα καὶ ἀπὸ κοπρίας ἐγείρει πτωχόν.

Относительно чтенія **№ 33** г. Millet дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «La première lettre de la l. 6 est certainement un M, et non un CT; elle se rattache à l' H de la l. 5, donc ημ/; le mois doit être désigné par un chiffre, correspondant à προτο de la l. 3; ϕ est une déformation du quantième. Je ne comprends pas les lettres ΤΚΘ pas plus que ΠΟ qui leur correspondent à la ligne 4". Остается только пожалѣть, что,

несмотря на совокупныя усилія, эта интересная надпись такъ туго поддается окончательному разбору.

Въ **№ 42**, въ стр. 3—4 слѣва, по мнѣнію А. И. Пападопуло-Керамевса, слѣдуетъ читать πά ὸς (=εἰς) τὸ κάστρο, при чемъ πά будетъ простонародная, понынѣ употребительная форма нар. ἐπάνω: эта форма, какъ извѣстно, измѣняется въ ἀπάνω, затѣмъ въ πάνω, и наконецъ послѣдняя форма сокращается въ πά.

Къ **№ 43** г. Millet замѣчаетъ: «Le mot que M. Latišev n'a pu lire est ωποι (ὀπή). On pourrait proposer ελατομη/ και ανιστορηθησαν ι ωποι en attribuant au peintre une confusion de genre et du nombre: mais la présence d'un accent sur N me donne à penser que, dans le fac-simile, le groupe C/NI doit représenter OI/TIA. Après χυ je propose ημων. Donc nous aurons un texte complet: ελατομηθη και ανιστορηθη οι αγια ωποι του χυ ημων υπερ ψυχι[κης σωτηρια]ς και ἀφεσεος αμα[ρτιων]...». По поводу этихъ соображеній слѣдуетъ замѣтить, что конъектуры οι αγια и ημων мало подходятъ къ копіямъ гг. Кулаковскаго и Бертье-Делагарда, по которымъ нами издана надпись, и что употребленіе слова ὀπή въ данномъ значеніи во всякомъ случаѣ нуждается въ подтвержденіи аналогіями, которыхъ не даютъ ни Stephanus, ни Ducange.

Въ **№ 45** г. Millet съ большимъ правдоподобіемъ видитъ въ средней монограммѣ буквы ΑΛΞ, т. е элементы имени Ἀλέξιος.

Въ **№ 47** при новомъ разсмотрѣніи эстампажа мнѣ показалось, что въ срединѣ стр. 4-й слѣдуетъ читать ἐδίωξαν οπησο (= ὀπίσω) αὐτοὺς ἕως и т. д.

Къ **№ 53**. На основаніи неоднократнаго пересмотра эстампажа я считаю теперь вѣроятнымъ слѣдующее чтеніе надписи: Εκαινεσ|θι ο ναος τθ Θεθ ετ. ϛ..ν τθ μ. Α[υγουσ]τ|ος ο α. Κοσμας..., т. е. Ἐκαινέσθη ὁ ναὸς τοῦ Θεοῦ ἔτ(ους) ϛ..ν, τοῦ μ(ηνὸς) Α[ὐγούσ]το[υ], ὁ ἅ(γιος) Κοσμᾶς... Къ сожалѣнію, цифра сотенъ въ обозначеніи года не поддается опредѣленію

Въ монограммѣ **№ 59** г. Millet предлагаетъ читать «μαιου ζρυζ», но безъ всякаго объясненія послѣдняго комплекса буквъ.

Въ **№ 63** онъ видитъ патронимическое имя Ιεσηιδου, но это чтеніе совершенно не подходитъ къ копіи А. Л. Бертье-Делагарда, данной нами въ *Зап. Од. Общ.* т. XXI, стр. 231, и оставшейся неизвѣстною г-ну Millet.

Для **№ 73**$_a$ (стр. 130) г. Millet предлагаетъ безъ всякихъ объясненій слѣдующее чтеніе: ἀρχῆ σὴν θεῷ ἀμὴν ἔτους ἀπὸ χυ ἀφθ(?)ινδ. ιβ. Слово ἀμὴν здѣсь весьма вѣроятно (оно и намъ приходило въ голову послѣ изданія надписи), но обозначеніе года и индикта — весьма гадательно.

№ 98 г. Millet предлагаетъ возстановить слѣдующимъ образомъ [1]): ...σήφων... [ᾠκοδομήθ]η τὸ μερικὸν [ἐκ προσφορᾶ]ς Ἰουστινια[νοῦ τοῦ αἰ]ωνίου Αὐγ[ουσ]τοῦ [καὶ Αὐτοκρα]τορος, σπουδῇ [.....τ]οῦ λαμπροτα[του ἀρχοντο]ς ταυτης της πο[λεως, πραττ]οντος Ανγουλα [του λαμπροτ]ατου τριβου[νου ὡς ἐργο]λαβου, μηνι [....., ἰνδι]κτιονι ἑνδεκατη. Относительно глагола [ᾠκοδομήθ]η г. Millet замѣчаетъ, что онъ предположилъ его на основаніи надписей C. I. Gr. 8625, 8638 и 8653; но мною уже было отмѣчено (*Сб. христ. надп.* стр. 100, прим. 1), что здѣсь можно предполагать одинъ изъ нѣсколькихъ глаголовъ, обозначающихъ построеніе или возобновленіе зданій, а предлагаемый французскимъ ученымъ глаголъ ничѣмъ не заслуживаетъ предпочтенія сравнительно съ указанными мною. Далѣе г. Millet, упоминая о конъектурѣ Ю. А. Кулаковскаго [ἐκ προνοία]ς, рекомендуетъ [ἐκ προσφορᾶ]ς по C. I. Gr. 8609 = Waddingt. 2158 и по аналогіи съ надписью Зинона, но при этомъ самъ-же замѣчаетъ, что можно предположить и ἐκ νεύματος по Waddingt. 1187. Отсюда ясно, что для выбора одного изъ этихъ существительныхъ предпочтительно предъ другими нѣтъ никакихъ прочныхъ данныхъ. Относительно названія магистрата въ стр. 8-й г. Millet замѣчаетъ, что предположенное мною слово [κόμητο]ς слишкомъ коротко [2]), а [πρωτεύοντο]ς г. Кулаковскаго слишкомъ длинно, и затѣмъ приводитъ разныя соображенія въ пользу предлагаемаго имъ чтенія [ἄρχοντο]ς; но дѣло въ томъ, что ни πρωτεύοντες, ни ἄρχοντες на Воспорѣ въ данную эпоху намъ не извѣстны, и потому ни одна изъ этихъ конъектуръ не можетъ претендовать на достовѣрность; ради замѣщенія пустаго мѣста можно взять любое изъ указанныхъ названій, — но не иначе какъ съ знакомъ вопроса. Наконецъ, по мнѣнію г. Millet, предположенный мною въ стр. 10-й титулъ трибуна

[1]) Вновь предлагаемыя имъ дополненія отмѣчены разрядкой.

[2]) Хотя разница между κόμητος и ἄρχοντος всего лишь на одну букву и [κόμητο]ς дастъ совершенно одинаковое число буквъ съ слѣдующей строкой, возстановленіе которой можно считать несомнѣннымъ.

[ἐνδοξοτ]άτου «malgré certaines analogies (tribuni et notarii) est peu vraisemblable» [но почему-же?] и что «ὡς ἐργολάβου va bien, l' ω étant très large». Такимъ образомъ мы видимъ, что *достовѣрное* возстановленіе этого интереснаго памятника, собственно говоря, не подвинулось ни на шагъ впередъ. — Замѣтимъ еще, что по предположенію г. Millet, какъ № 98, такъ и № 99 были перевезены на Таманскій полуостровъ изъ Керчи и что первый памятникъ «se rapporte aux très importants travaux militaires que Justinien, d'après Procope, y fit exécuter».

Отмѣчая надпись **№ 102** «parmi les curiosités» нашего сборника, г. Millet прибавляетъ: «Il faut lire non pas ιερευων mais ιερευς; NE. TI ne se rattacheraient-ils pas aux expressions tcherkess qui suivent»? При этомъ, однако, почтенный ученый совершенно обходитъ молчаніемъ надстрочный значекъ, который принятъ нами за цифру Λ (=30) и при которомъ въ буквахъ ΕΤΙ *необходимо* видѣть слово ἔτη.

Въ заключеніе замѣтимъ, 1) что къ числу христіанскихъ надписей изъ Керчи необходимо присоединить небольшой обломокъ, который изданъ нами въ числѣ надписей неопредѣленнаго содержанія въ *Inscr. orae sept. P. Eux.* т. II, № 330, и который мы читаемъ теперь слѣдующимъ образомъ: ᾽Ε[νθα κα]|τάκε[ιται δ δοῦλος τοῦ]| Θ(εο)ῦ ᾽Α....., | ἐτε[λειώθη κτλ.], и 2) что въ послѣдніе годы въ Херсонисѣ и въ Керчи найдено нѣсколько новыхъ памятниковъ христіанской эпиграфики, изъ коихъ первые изданы нами въ *Матеріалахъ по арх. Россіи, изд. Имп. Арх. Комм.*, № 23, стр. 26 — 51, подъ №№ 40 — 50 (шесть изъ нихъ также въ *Визант. Врем.* т. VI, стр. 337 — 369), а вторые — В. В. Шкорпиломъ въ *Зап. Од. Общ.* т. XXI, стр. 207 — 209, №№ XVII—XIX [1]) и т. XXII, прот. стр. 59 — 60, №№ I — III. Всѣ эти керченскія надписи представляютъ собою надгробія приблизительно одного времени, съ именами Софенета, Стефана, Агораста, Евтропія, Θеодора и Феликса. При имени Евтропія стоятъ буквы ΧΑ, которыя г. Шкорпилъ принимаетъ за обозначеніе года по Воспорской эрѣ (601 =304 по Р. Хр.). Если это вѣрно, то надгробіе Евтропія представитъ собою древнѣйшій изъ датированныхъ памятниковъ христіанства на Воспорѣ.

Д. ч. В. Латышевъ.

[1]) Въ этомъ-же томѣ, на стр. 190 подъ № XI и на стр. 206 подъ № XVI помѣщены надгробныя надписи Аникита и Трофима, уже изданныя нами въ *Сб. христ. надп.* подъ №№ 91*а*. и 91*в*.

Тура (Тирасъ)–Бѣлгородъ–Аккерманъ

и его новая лапидарная надпись отъ 1454 года.

(Съ тремя снимками).

(Въ продолженіе статьи: «Лапидарныя надписи XV ст. изъ Бѣлгорода, что нынѣ Аккерманъ», 1889 года).

Лѣтъ тридцать тому назадъ (1871), кажется, въ виду предстоявшаго втораго археологическаго съѣзда въ Москвѣ, я набросалъ было небольшой докладъ, посвященный Аккерману.

Докладъ этотъ такъ и остался среди моихъ шпаргаловъ. Но я и сегодня живо помню, какъ я его писалъ, диктуя другому аккерманцу, пріятелю отъ дѣтства, изъ одной улицы—«Болгаріи», тогда моему слушателю-филологу, Г. И. Доброву, теперь инспектору въ Бердянскѣ. Въ этихъ старыхъ, вылинявшихъ листкахъ я занесилъ и нѣкоторыя фактическія свѣдѣнія, и—чего больше—свои досужія мечтанія. Помню еще и то, что убогій докладъ мой слагался подъ диктовку нѣкотораго во мнѣ раздраженія, въ виду ходившаго тогда насмѣшливаго, а мнѣ вдвойнѣ обиднаго, отношенія къ постояннымъ попыткамъ неутомимаго изыскателя судебъ Юга, знаменитаго В. И. Григоровича, найти что нибудь въ области нижняго Днѣстра изъ эпохи до турокъ, какое-либо свидѣтельство о древнѣйшей славянской культурной жизни тамъ, особенно изъ области письма. «Кизякъ (такъ называется въ Аккерманѣ матеріалъ для топки изъ скотскаго навоза, иначе—«кирпичъ») можно найти, а не надписи», говорили тогда, смѣясь надъ страстными домогательствами покойнаго слависта выжать изъ земли желаннаго историческаго свидѣтеля, добыть камень съ рѣчью, съ показаніемъ.

Въ своемъ неосуществленномъ докладѣ я писалъ (кое-какія, необходимыя или случайныя, дополненія въ выноскахъ) тогда такъ:

Пушкинъ своими знаменитыми «Цыганами» далъ южному, буджакскому побережью Бессарабіи высокій поэтическій интересъ. Но въ своей поэмѣ онъ равнымъ образомъ указалъ на не менѣе высокій историческій интересъ этого забытаго уголка (Буджакъ по-турецки у г о л ъ, въ церковно-славянскомъ ѫГѪЛЪ, съ носовымъ гласнымъ о н въ началѣ, отсюда у нѣкоторыхъ писателей Византіи южная Бессарабія слыла Ὄγκλος) европейской земли, отнятаго было на-долго у европейскаго человѣка и только-что, на глазахъ нашихъ отцовъ, возвращеннаго ему[1]).

Межъ нами есть одно преданье:
Царемъ когда-то сосланъ былъ
Полудня житель къ намъ въ изгнанье,

говоритъ Алекѣ старикъ-цыганъ. «Алеко» Пушкинъ былъ въ числѣ первыхъ образованныхъ людей Россіи, извѣдавшихъ Буджакъ, но оста-

---

[1]) Что и во снѣ присниться никогда никому на мѣстѣ не могло, то совершается воочію: по словамъ «Новаго Времени» (нач. декабря 1900 г.) какимъ-то истосковавшимся болѣриномъ поднятъ вопросъ о выдѣленіи Буджака изъ его матери земли, т. е. Аккерманскаго уѣзда изъ Бессарабіи, для образованія новой губерніи, съ «столицею» въ Одессѣ. Не говоря о несообразности политической (въ виду этнографическаго, русскаго характера Аккерманскаго уѣзда), экономической—уѣздъ тянетъ къ Аккерману и К и л і ю, зимой отрѣзаны пути сообщенія у уѣзда съ Одессой, тогда какъ къ услугамъ длинная желѣзная дорога отъ Каушанъ къ Троянову Валу, не говоря о вѣковой традиціи и самой природѣ, надѣлившей губернію е с т е с т в е н н ы м и границами—другого примѣра нѣтъ въ Имперіи, й губернію п о г р а н и ч н у ю, на границѣ весьма важной, я упомяну объ одномъ обстоятельствѣ: на всѣхъ географическихъ картахъ нынѣшней Бессарабіи отъ XVI и по начало XIX вѣка именно т о л ь к о Буджакъ или (главнымъ образомъ) грандіозный Аккерманскій уѣздъ именуется Бессарабіей. Въ виду этого понятно, почему первое наше оффиціальное описаніе нынѣшн. аккерманскаго уѣзда и смежныхъ частей бендерскаго и измаильскаго, сдѣланное съемочною коммисіею изъ офицеровъ по квартирмейстерской части, подъ командою полковника Степана Ивановича Кориловича (1771—1824), вскорѣ по присоединеніи Бессарабской Области къ Россіи, правильно названо: «Статистическое описаніе Бессарабіи собственно такъ называемой, или Буджака». Это «Описаніе» (болѣе 500 стран.), собраніе богатаго и точнаго матеріала, извлечено изъ вѣковаго праха Бессарабскаго Губернскаго Правленія и издано отъ земства въ Аккерманѣ, въ 1899 г. Къ изданному «Описанію» приложенъ «Генеральный планъ» Буджака, приблизительно того-же времени: на немъ край на сѣверъ отъ Буджака, т.-е. главная часть нынѣшней Бессарабской губерніи, пропмененъ просто: «Россійская Молдавія». Къ сожалѣнію, карта издана аккерманскими средствами примитивно — въ видѣ простыни. Итакъ, при осуществленіи того проэкта, Бессарабія остается безъ Бессарабіи. Къ чему это отсѣченіе головы? Для личнаго развлеченія? (Подробнѣе о картахъ въ моей книгѣ: «Графъ А. И. Остерманъ и раздѣлъ Турціи», Одесса, 1899, passim).

новившійся своими симпатіями на одномъ элементѣ въ населеніи его—на цыганахъ[1]).

Но старикъ отъ эпохи «царя» (Августа) возвращается затѣмъ къ ближайшему времени, когда Дунаю

Не угрожалъ еще москаль,

когда

правилъ Буджакомъ паша
Съ высокихъ башенъ Аккермана[2]).

Двукратными припоминаніями цыгана нашъ злополучный Алеко, сдѣлавшій визитъ и Буджаку, и Аккерману, отмѣтилъ вѣрно, какъ заправскій археологъ, двѣ историческія эпохи въ жизни Буджака-Угла и его многовѣковой столицы—Аккермана-Бѣлгорода. Эти двѣ

---

[1]) Въ 1816 г. ознакомился съ Буджакомъ полк. Свиньинъ, оставившій и дѣльное, и съ поэтическимъ колоритомъ описаніе его, въ послѣдующіе годы—упом. полк. Ст. Корниловичъ, главный дѣятель по первой топографической съемкѣ этого края († 1824), въ родѣ котораго ненарушимо сохранилось Высочайше пожалованная ему за тѣ работы вотчина тамъ-же — Суюндукъ. Пушкина симпатіи — цыгане, которые, по свидѣтельству указаннаго «Описанія» Бессарабіи, т.-е. приблизительно времени пребыванія поэта въ ней, «лѣтомъ и зимою живутъ въ ш а т р а х ъ» (р. 24), а не бояре. Почему? Указанный Свиньинъ въ своемъ описаніи Бессарабіи (1816) говоритъ: «корыстолюбіе не почитается у нихъ, (= боярѣ) порокомъ и всѣ способы къ обогащенію для нихъ святы и возможны». 24 ноября 1819 г., въ отвѣтъ на сообщеніе изъ Тульчина изв. генерала П. Д. Киселева о появленіи въ Бессарабіи чумы, его другъ, полк. Селявинъ, пишетъ ему изъ Петербурга, что глубоко сожалѣетъ, что страшная гостья «прибираетъ однихъ только бѣдныхъ и, вѣроятно, добрыхъ поселенъ (гдѣ тонко, тамъ и рвется), не касаясь отнюдь до безсовѣстныхъ бояръ...» Русская Старина, 1900, мартъ, 646. Указ. «Описаніе» Бессарабіи свидѣтельствуетъ, что еще въ 1807 г., т. е. какъ только объявлена была нами война Турціи, а грозные татаре бѣжали изъ Буджака, словно хищные вороны, бросились въ оставленныя татарами земли сосѣди—молдаванскіе «буеры» (Гика, Епурянъ, Кодрянъ, Казиміръ и др.) и позанимали огромныя пространства (см. «Генеральный планъ»). Вотъ почему «Описаніе», перечисляя владѣнія въ Буджакѣ, въ отдѣльную рубрику помѣщаетъ: «Владѣнія, спорныя съ казною». Это—рубрика тѣхъ самовольныхъ захватовъ. Насколько велики были эти захваты, видно изъ того, что «Описаніе» опредѣляетъ ихъ площадь въ 117.201 десятину (р. 17). И нѣмецкія княжества меньше. «Описаніе» составлено въ 1827 году, слѣдов., споръ у казны съ тѣми пріобрѣтателями шелъ уже третій десятокъ лѣтъ. Ср. ib., заключеніе, р. 522, какъ и греческіе монахи искусились было успѣхами тѣхъ счастливыхъ мірянъ и тоже объявили свои инстинкты и подложныя грамоты на лакомые куски безъ хозяина. Вообще, исторія «пріобрѣтеній» въ Бессарабіи — интересная тема для историка — цѣлая эпопея.

[2]) Не случайно Пушкинъ употребилъ слово м о с к а л ь, имѣя въ виду насъ, русскихъ. Такъ изъ-давна называли насъ молдаване Бессарабіи—«москале». См. моего Остермана, стр. XLVIII, въ концѣ Приложеній. Этимъ терминомъ мы можемъ гордиться...

эпохи: греко-римская, когда Аккерманъ, тогда Тирасъ (Τύρας)—богатая торговая республика или муниципія, центръ—хлѣбородной «пустыни Гетовъ», съ развитою греческою культурою, и турецкая, когда Аккерманъ-Бѣлгородъ—грозная столица татаръ-нагаевъ, густо заселявшихъ, по старому богатый, Буджакъ.

Дальнѣйшія научныя изслѣдованія останавливались своимъ вниманіемъ на обѣихъ эпохахъ вѣковой исторической жизни Аккермана. Открылись разнообразные вещественные памятники, богатые, естественно, отъ эпохи первой—времени сейчасъ до и послѣ Рождества Христова, весьма скромные—отъ второй. Открытія, правда, случайныя и въ большинствѣ случаевъ мелкія, невзрачныя, идутъ и идутъ. О знаменитой двуязычной надписи Тираса не говорю: она найдена далеко занесенной (не смотря на свою тяжесть) отъ своего роднаго гнѣзда, почему дала поводъ къ пререканію о мѣстѣ стараго Тираса—да Аккерманъ-ли онъ?

Безъ особеннаго преувеличенія можно сказать, что едва ли не каждый день рука рабочаго человѣка добываетъ изъ классической почвы Аккермана, и его, ближайшихъ и отдаленнѣйшихъ, окрестностей новые и новые вещественные памятники, то въ видѣ мраморныхъ обломковъ капителей, то въ видѣ мраморныхъ обломковъ съ древнегреческими буквами, словами, окорнанными надписями (я довольно много этого рода древностей видѣлъ у ограды Греческой церкви имени св. Іоанна Новаго или Сучавскаго, правильнѣе Аккерманскаго или Бѣлогородскаго), особенно-же въ видѣ прекрасно-сохраненныхъ монетъ, мѣдныхъ, рѣже, серебряныхъ, ветхаго Тираса. О монетахъ дурной сохранности я не говорю. Обычное поприще находокъ монетъ—песчанная площадь виноградниковъ. Попадаются и на берегу Лимана (такъ широкое, разлившееся устье Днѣстра, полагаю, и называли самые Тиряне, обыватели Тираса) и въ самой генуэзско-турецкой крѣпости[1]).

Въ поѣздку мою лѣтомъ прошлаго года (т. е. 1870, въ началѣ іюня) въ Аккерманъ я получилъ въ даръ отъ почтеннаго жителя города Овидіополя (напротивъ, на херсонскомъ берегу Лимана), г. Агатіева, пре-

[1]) Ср. профес. Струве въ 1866 г., «Записки Импер. Од. Общ. Ист. и Др.», т. VI, р. 605—611: «Археолог. замѣтки по поводу посѣщенія Аккермана въ 1866 г.».

красную тирасскую монету римскаго времени. Монета, по словамъ любезнаго дарителя, была найдена солдатомъ въ Аккерманѣ, въ садахъ.

1. Ae.

Монета эта, съ матовымъ лоскомъ, слегка потертая у краевъ, мѣстами и на выпуклыхъ точкахъ середины на обѣихъ сторонахъ, величиною въ нашу старую копѣйку (времени имп. Николая I), но вѣсомъ гораздо тяжеле.

На лицевой сторонѣ, внутри точечнаго обода вокругъ, но на половину сохранившагося — крупный бюстъ съ крупною, молодою головой; волоса, у загривка сплетенные лентою, падаютъ небольшими прядями въ видѣ ступенекъ, борода небольшая, рѣдкая и острая; шея тонкая и высокая. Вокругъ головы крупными, точечнаго характера, греческими буквами надпись:

AYTKAI MKOMOΔOC

(въ серединѣ какъ разъ точки обода),

т. е. AYTOKRATΩP KAIΣAP M(?APKOC?) KOMOΔOC.

Римскій кесарь этого имени съ 186 по 192 г. по Р. Х.

На оборотной сторонѣ, внутри точечнаго обода вокругъ, но въ обратномъ положеніи съ первою фигурою, богиня съ вѣнкомъ на головѣ. Она свободно сидитъ на креслѣ, какъ-будто прикрытомъ шкурою, узкій конецъ которой спускается внизъ спинки. Лѣвая рука богини закинута за спинку кресла и падаетъ вертикально, а правая, сдѣлавъ у локтя прямой уголъ, дѣлаетъ движеніе впередъ; она поставлена горизонтально и держитъ небольшой вѣнокъ, думается мнѣ, лавровый. Отъ этого вѣнка вверхъ идетъ крупными, уставными буквами надпись:

TYPANΩN

Подъ сидѣніемъ буква Δ.

Овидіопольское пріобрѣтеніе, сейчасъ-же по пріѣздѣ моемъ въ Аккерманѣ, обогатилось цѣлою серіей своихъ мѣдныхъ коллегъ — того-же времени или ранѣе и позже имп. Коммода[1]).

[1]) Въ 1871 году монеты Тираса мнѣ были извѣстны по статьѣ со снимкомъ петербургскаго Гримма въ «Numismatische Zeitschrift» за 1870 годъ. Позже, въ 1884 г., появи-

2. Ae. Грязная, посредственной сохранности.

На лицевой сторонѣ бюстъ, также среди точечнаго ободка, голова въ лавровомъ вѣнкѣ, безъ бороды. Вокругъ головы, на-половину (съ-лѣва) дурно читаемая, надпись:

AYTKAI (AY?)P. KOMOΔOC,

т. е. того-же имп. Коммода.

На оборотной сторонѣ—орелъ на жерди и собирающійся взлетѣть, какъ это ясно изъ положенія его ноги; въ клювѣ, обращенномъ назадъ, вѣнокъ. Вдоль точечнаго ободка тѣми же крупными буквами надпись:

TYPANΩN

Кромѣ того подъ жердью, по серединѣ, буква B.

3. Ae.

На лицевой сторонѣ — внутри точечнаго ободка, бюстъ, съ высокой, тонкой шеей; волоса украшены лаврами; хотя лицо потерто, но ясно, что оно было безъ бороды.

Вдоль по ободку явственная надпись:

MAYPHANTΩNIN, т. е.

M. AYPH. ANTΩNIN.

Императоръ Маркъ Аврелій Антонинъ, съ 161 по 179 по Р. Хр.

На оборотѣ:

Внутри точечнаго ободка орелъ на жерди, въ клювѣ назадъ—вѣнокъ. Вокругъ надпись:

TYPANΩN

У хвоста въ-право буква B.

лось извѣстное капитальное описаніе Бурачкова, а въ 1889-мъ — описаніе покойнаго нашего вице-президента, В. Н. Юргевича—по коллекціи тирасскихъ монетъ исключительно нашего Музея: имъ открытъ юбилейный томъ «Записокъ» нашего Общества. Моей монеты у Юргевича нѣтъ. Аккерманское, какъ и вообще южное, названіе изв. рыбы—«таранька» и велъ бы отъ греческаго τάριχος. Къ аккерманскимъ словамъ съ тою-же исторіей я отнесъ бы: Лиманъ, шаланда плоскодонный челнокъ, изъ греч. χελάνδιον (ср. средне-латин. chelandra), ливада огородъ, изъ греч. λιβάδιν, ληβάδι pratum (Ducange).

4. Ae.

На лицевой сторонѣ — внутри точечнаго ободка бюстъ съ мужественнымъ лицомъ, съ бородою и баками, волоса въ вѣнкѣ.

Вдоль по ободку надпись:

AYTKMAYP.ANTΩNIN, т. е.

AYT. K. M. AYP. Ⅾ? ANTΩNIN, того-же императора. Гдѣ у насъ точка, тамъ ясна буква, но намъ непонятная, какъ-будто—лат. буква D, въ обратномъ положеніи, брюшкомъ въ-лѣво.

На оборотѣ:

Орелъ на жерди, съ широко распущенными крыльями; въ клювѣ, обращенномъ назадъ, въ-лѣво, вѣнокъ. Вокругъ надпись:

TYPANΩN

5. Ae. Плохой сохранности, бо́льшей величины.

На лицевой сторонѣ — женскій бюстъ, съ крупною головой; волоса надъ лбомъ взяты въ кокъ-хохолъ. Лѣвая сторона особенно дурно сохранилась, почему отъ буквъ здѣсь едва замѣтныя черты (куски):

IOYΛIAMAMAIACЄB, т. е., дополняя по другимъ экземплярамъ исчезнувшія буквы, мы получаемъ чтеніе:

IOYΛIA MAMAIA CЄB. Послѣднее слово—сокращеніе изъ σεβάστα. Слѣдовательно, изображеніе принадлежитъ императрицѣ Іюліи Маммеѣ, властолюбивой матери императора Александра Севера, 225—235 по Р. Хр.

Но, помимо довольно хорошо сохранившагося бюста Маммеи, лицевая сторона нашей монеты любопытна тѣмъ, что на свободномъ уголкѣ между шеей и послѣдними буквами надписи: CЄB, вчеканенъ небольшой ромбъ, а въ немъ грона (кисть) винограда. Можно съ увѣренностью утверждать, что эта причеканка—памятникъ, въ честь появленія первой лозы — того растенія, которое составило позже имя Аккерману. Извѣстно, винная лоза на средній Дунай была перенесена изъ Италіи при императорѣ Аврелiи Пробѣ (276—282 по Р. Хр.). Въ виду этого я полагалъ бы, что въ Тирасѣ она появилась прямо изъ Греціи, Малой Азіи или ближайшей Ѳракіи (Бакхъ, Семела=славян-

скому Земля, по Гену?). Вѣдь и въ Италію лоза попала изъ Греціи, куда прошла изъ южнаго Кавказа (у грузинъ ḥвино=вино) [1]).

На оборотной сторонѣ, еще болѣе испорченной, неясно обрисовывается контуръ сидящей на чемъ-то женщинѣ; на головѣ у ней нѣсколько замѣтна коронка съ башенкой; въ протянутой правой рукѣ она держитъ вѣнокъ; передъ ея лицомъ, обращеннымъ въ-лѣво, небольшой знакъ въ видѣ продолговатаго креста; въ-право, въ низу, у сѣдалища, полукольцо или полумѣсяцъ. По сравненіи съ другими экземплярами, естественно полагать, что женщина — богиня Кибелла, сидящая на креслѣ.

Круговая надпись читается, за исключеніемъ середины, ясно, съ обычнымъ размѣщеніемъ буквъ:

ΤΥΡΑΝΩΝ [2]).

Я останавливаюсь на описаніи этихъ пяти монетъ тирасцевъ—изъ второй половины II и первой III вѣковъ по Р. Хр. — для того, чтобы еще разъ показать, какъ не трудно—въ теченіе немногихъ дней случайной поѣздки — пріобрѣтаются на мѣстѣ предметы мѣстной сѣдой старины, добытые на мѣстѣ. Эти предметы, устанавливая почтительныя связи нашего Аккермана съ вѣковѣчнымъ Римомъ еще эпохи императоровъ—преемниковъ Овидіева «царя», даютъ ему документальное право на званіе вѣковаго города, а его виноградникамъ—титулъ вѣковыхъ.

---

[1]) Пок. Мурзакевичъ даже въ IX т. «Записокъ Имп. Од. Общ. Ист. и Др.», вышедшемъ въ 1875 г., р. 460, прим. 3, утверждаетъ, что виноградники Аккермана заведены эллинскими колонистами еще до Р. Хр.—А гдѣ основанія?... Въ 1828 г. былъ Высочайше утвержденъ гербъ для Аккерманскаго уѣзда: виноградная лоза на красномъ полѣ. И сейчасъ, и въ старину, за турка, лучшими виноградарями были армяне. Когда въ 1791 году были вызваны Потемкинымъ армяне изъ Аккермана для водворенія въ Григоріополѣ, они горько плакали, вспоминая оставленные виноградники («Записки Имп. Од. Общ. И. и Др.», т. XII, p. 346, 405). Но сыны Аршака были не только лучшими, но и старѣйшими возділывателями лозы: Арменія у первородины поэтической лозы. — До сихъ поръ, въ Аккерманѣ техническій жаргонъ у садоводовъ — турецкій. Припомню кличъ — «варда», берегись, который неистово оглашаетъ узкія тропинки садовъ въ сентябрѣ, при сборѣ винограда.

[2]) Экземпляръ, изъ собранія нашего Музея, описанный пок. В. Н. Юргевичемъ, еще худшей сохранности, и безъ виноградной причеканки; на оборотной сторонѣ эмблематическое изображеніе иного рода.

Но, какъ извѣстно, добываются изъ той же почвы Аккермана монеты и болѣе древнія, изъ эпохи до римскаго міродержавія, когда онъ былъ автономной республикой. Но онѣ рѣдки, быстро подбираются нумизматами. Я, напримѣръ, только слышалъ однажды о находкѣ золотой монеты съ «орломъ» и надписью «Тура», какъ пояснялъ еврей; еврей показывалъ мнѣ и сюргучный оттискъ орла яко-бы съ этой монеты. Что̀ было въ этомъ правды, не знаю. Во всякомъ случаѣ, монеты изъ эпохи автономной республики отводятъ исторію Аккермана на нѣсколько вѣковъ назадъ, за эпоху Рождества Христова, а вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ же устанавливаютъ, что мѣстная рыба «таранька» (изъ гр. τάριχος?) въ Лиманѣ и плугъ среди жирныхъ, еще недавно, пажитей его степей сопутствуютъ экономической жизни Аккермана отъ его первыхъ дней, отъ времени до Рождества. Рыба-таранька, волъ и колосъ — самыя распространенныя эмблемы на монетахъ самоуправлявшагося Аккермана-Тираса. Присутствіе колоса на его монетахъ испытующему уму изслѣдователя старины говоритъ много. Значитъ, добывалось много колоса и за двѣ тысячи лѣтъ до насъ на нашихъ мѣстахъ, была земледѣльческая культура, была... жизнь, торговое общеніе; да и самая монета не для мѣновыхъ-же обрядовъ...

Мицкевичъ вдохновенно воспѣлъ аккерманскія Степи, какъ степи. Но въ эпоху Тираса, въ эпоху до Рождества Христова, эти жирныя степи бороздились плугомъ въ томъ-же хозяйственномъ интересѣ, въ какомъ бороздятся онѣ и сегодня...

Но чьи руки водили рукоятью этого до-христіанскаго плуга, какого рода-племени были эти рабочіе хозяева нашей Степи тогда?... Вопросъ, на встрѣчу которому идутъ догадки и догадки. Извѣстный Муральтъ традиціонное TYPANΩN воспроизводилъ къ живому произношенію — тиряне.

Монументальнымъ, но менѣе прочнымъ, чѣмъ таранька на монетѣ, памятникомъ турецкой эпохи являются грандіозныя башни аккерманской крѣпости, съ ея замкомъ-цитаделью, съ ея валами и бойницами, грозно смотрящими на тихо разбивающіяся у подножія ихъ волны блестящаго Днѣстра, стараго Тираса, который своимъ русломъ какъ разъ подходитъ здѣсь, у крѣпости, къ Аккерману.

Какъ всюду, такъ и въ Аккерманѣ, время и невѣжественный, съ своимъ корыстолюбіемъ человѣкъ являются неумолимыми врагами монументальныхъ памятниковъ давно минувшихъ дней.

Многочисленныя деревянныя части въ стѣнахъ — потолки въ башняхъ, перекладины, скрѣпы, хотя и изъ толстаго дуба—прогнили. Многихъ башенъ, ютившихся на самомъ берегѣ Лимана, уже нѣтъ: ихъ подмыла и смыла вода. Было это и на моей памяти. Въ годы моего перваго публичнаго ученія—въ уѣздномъ училищѣ (1854–1857) —я часто съ товарищами навѣщалъ крѣпость, а съ весны тамъ купался. Купаться у крѣпости было для мальчиковъ какой-то гордостью, а потому для всѣхъ подростающихъ—дорогою мечтою. Бѣгалъ и просто украдкой изъ дома туда-же, къ крѣпости, купаться, съ уличными пріятелями-болгарчатами: Жеками, Степками, Гришками, Волчками. Довольно было одного клича: «яла сам», «яла тука», и компанія была готова. Благо—отцовскій домъ былъ не далеко отъ воды, у начала «Болгаріи»—болгарами заселенной части Аккермана. Одинъ сосѣдъ былъ «Божко», а другой «Цобе, ср...», онъ-же «Помилуй мя, Боже»[1]). Жалко было видѣть схилившіяся надводныя башни, какъ-бы молившія у насъ, мальчишекъ, о помощи. Съ новой весною отъ иной изъ нихъ виднѣлось уже мѣсто пустое.

Таже участь, участь башенъ, грозитъ и самой крѣпостной стѣнѣ, защищавшей низменную часть крѣпости (здѣсь было лобное мѣсто у турокъ, по просту—мѣсто, гдѣ вѣшали) вдоль воды: ее каждый годъ болѣе и болѣе размываетъ рѣка.

Съ сухопутной, возвышенной, стороны, куда не достигаетъ разрушительное дѣйствіе воды, роль разрушителя принялъ на себя нынѣшній житель Аккермана. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ (кажется, въ концѣ 50-хъ годовъ) городъ додумался сравнять съ землей свою крѣпость чрезъ продажу частей крѣпостныхъ стѣнъ на ломъ, вѣроятно, чтобы развести тутъ бульваръ или что-то въ родѣ этого. Впереди картина: мѣстная публика гуляетъ и глазѣетъ на пароходныхъ пассажировъ изъ Одессы. Но къ счастію науки и Россіи крѣпостныя стѣны

---

[1]) 10 іюля 1900 г. умеръ въ Одессѣ капитанъ Отченашенко, надняхъ въ въ Прагѣ—Očenašek, въ Москвѣ - Будь-Добрый. У чеховъ въ именахъ цѣлыя предложенія и съ союзомъ, напр. Přecechtěl и др.

сами защитили себя: онѣ такъ упорно сопротивлялись лому человѣка, что пытавшіеся ломать ихъ скоро убѣдились, что дешевле взрывать сосѣднія скалы за городомъ, чѣмъ добывать крѣпостной камень[1]). Успѣли тогда снести только часть каменной облицовки крѣпостнаго рва у Лимана. Затѣмъ, на выручку крѣпости подоспѣло и Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей и спасло эту, просто, титаническую постройку отъ руки аккерманскаго человѣка. Кто видѣлъ фундаментальные камни крѣпости на прибрежныхъ скалахъ, тотъ хорошо помнитъ ихъ размѣръ—въ сажень и болѣе: ихъ циклоническіе размѣры поражали каждаго[2]).

Но кромѣ этого монументальнаго памятника недавняго прошлаго Аккермана—изъ турецкой эпохи, попадаются отъ того-же времени и другіе, менѣе видные, свидѣтели былой жизни. Я имѣю въ виду западно-европейскія монеты XVI—XVII стол., вытаскиваемыя изъ тѣхъ-же сыпучихъ песковъ аккерманскихъ виноградниковъ.

Такъ, въ ту же мою поѣздку въ Аккерманъ, въ іюнѣ прошлаго (1870) года, я получилъ отъ стараго товарища по уѣздному училищу, Калуста Асвадурова, извѣстнаго купца-армянина, серебряную монету, величиной менѣе рубля. По свидѣтельству Асвадурова, монета была найдена на армянскомъ кладбищѣ (по дорогѣ въ Шабу), при рытьѣ могилы въ апрѣлѣ 1869 года.

Монета съ трехъ сторонъ какъ бы обрѣзана или обрублена мелкими пріемами, такъ что по виду представляетъ изъ себя продолговатый неправильный многоугольникъ. Уже вслѣдствіе этого, изображеніе или чеканъ на обѣихъ сторонахъ съ трудомъ разбирается, буквы надписей усѣчены, отъ ободковыхъ точекъ лишь небольшіе слѣды; кромѣ

---

[1]) Писано въ 1871 г. Черезъ 6—7 лѣтъ эти скалы—на пространствѣ отъ тюрьмы до салгановъ или мѣста позже мною открытой гробницы «сарматскаго царя»—были проданы за бевщенокъ строителю гаваней въ Одессѣ, для массивовъ: гавани въ Одессѣ изъ тѣхъ аккерманскихъ каменоломенъ, самъ Аккерманъ нуждается въ камнѣ, а нѣкогда поэтическая береговая полоса Лимана теперь — безобразная площадь, съ ямами, буграми. Хозяйничанье истинно варварское.

[2]) Откуда я взялъ тогда свѣдѣнія объ участіи нашего Одесскаго Общества—теперь не могу вспомнить. Любопытно отмѣтить впечатлѣніе, которое произвела крѣпость на автора перваго оффиціальнаго описанія Буджака: «Крѣпость, говоритъ онъ, лежитъ на каменистомъ берегу Лимана, представляя великолѣпное древнее укрѣпленіе, отличающееся прочною отдѣлкою и матеріаломъ». («Статистическое описаніе Буджака», р. 110).

того монета потерта отъ употребленія. Но монета позволяетъ себя опредѣлить.

На лицевой сторонѣ, внутри, крупный четыреугольникъ, съ полукруглой покрышкой сверху. Параллельно основанію покрышки идетъ поперечная линія, начинающаяся отъ точки, опущенной на $^1/_3$ остальнаго пространства четыреугольника. Въ лѣвой половинѣ промежутка межъ этихъ двухъ параллельныхъ линій видны не то крестики, не то цвѣтки, числомъ 5: пятый—въ центрѣ четырехъ.

Надпись—крупными латинскими буквами, между точечнымъ ободкомъ и линіями, образующими четыреугольникъ и шапочку:

...LIPPVS... D. G.

Кромѣ того, на-лѣво отъ первой, теперь читаемой буквы L, но пониже, т. е. между исчезнувшими буквами и соотвѣтствующей линіей четыреугольника, читается: IIII.

Эту надпись я прочелъ бы такъ:

(PHI)LIPPVS (IIII) D. G., т. е. Dei gratia.

На оборотной сторонѣ, внутри, большой, о четырехъ равныхъ частяхъ, крестъ; каждая часть упирается о вогнутую дужку; межъ частей креста были какія-то изображенія; но можно разобрать лишь одно—на верху, съ-права: въ родѣ замка съ тремя башенками.

Надпись межъ точечнымъ ободкомъ и дужками, того-же типа:

MAREX....ANIA. Т. е., по мнѣ:

MA.REX (HISP)ANIA(E),

или въ полномъ чтеніи: Magnus Rex Hispaniae.

Филиппъ IV, король Испаніи, родился въ 1605 г., умеръ въ 1665 г. Слѣдовательно, наша монета — испанскій серебряный долларъ первой половины XVII столѣтія. Она, вѣроятнѣй всего, попала въ Аккерманъ изъ Леванта, путемъ торговли, а затѣмъ въ песокъ[1]).

[1]) Въ началѣ прошлаго 1899 года на Турлакахъ (предмѣстіе Аккермана), у подошвы кургана, въ виноградникѣ, принадлежащемъ мѣстному священнику, о. Калибабѣ, былъ, какъ извѣстно, открытъ случайно цѣлый громадный кладъ—однѣ серебряныя монеты. Нѣкоторая часть этихъ монеты была расхищена рабочими и пошла по рукамъ. Я видѣлъ нѣкоторыя изъ нихъ: онѣ — тѣже испанскіе доллары, какъ и нашъ долларъ,

Въ левантской торговлѣ первенствовала сначала Испанія, а потомъ уже Франція.

Въ виду предложенныхъ археологическихъ замѣтокъ нельзя не видѣть, что историческая жизнь Тираса-Аккермана, въ ея двухъ разнородныхъ эпохахъ — греко-римской и турецкой — добываетъ для себя безъ особеннаго труда извѣстный матеріалъ. Если мои случайныя посѣщенія кое-что могли дать, то систематическія раскопки въ Аккерманѣ, естественно думать, дали-бы богатые результаты.

Но между эпохами языческой и магометанской лежитъ пространство многихъ и многихъ сотенъ лѣтъ. Чѣмъ же былъ Аккерманъ на пространствѣ болѣе тысячи лѣтъ, какою жизнью жилъ онъ, именно, тогда, когда греки называли его Λευκόπολις'омъ, итальянцы Mauro-castro, Mocastro, когда у славянъ (русскіе, поляки, чехи) онъ слылъ Бѣлгородомъ, а у румынъ въ точномъ румынскомъ переводѣ — Четате-Алба?[1]). Это эпоха—христіанскаго Аккермана.

найденный въ 1869 году, и также съ усѣченными, и неправильно, краями. Видѣлъ и раньше такіе же доллары изъ Аккермана, съ тѣми же особенностями, но въ единичныхъ экземплярахъ, у отдѣльныхъ лицъ. Прибавлю, что на серебряные «талеры» совершались крупныя покупки земель въ Бессарабіи, напр., въ началѣ XVII ст. См. купчую грамоту отъ 1603 г. въ «Запискахъ Имп. Од. Общ. Ист. и Др.», т. IV, стр. 343. Иногда грамоты различаютъ «битые талеры» (ib. 346, прим.). Наши окромсанныя монеты не будутъ ли именно этими «битыми талерами»? О долларѣ 1869 г. я говорилъ уже въ своей статьѣ: «Лапидарныя надписи XV ст...», отд. отт., р. 32, прим. Изъ русскаго талеръ пошло румынское талджеръ, въ множ. талджере, въ старыхъ грамотахъ Молдавіи. См. Hasdeu B., «Limba romana vorbita», Bucur., 1878, p. 220. Даже въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія ходили испанскіе «талеры» въ Буджакѣ. («Статистич. описаніе Буджака», р. 100).

[1]) Бѣлъ-Городъ — любимое названіе для укрѣпленныхъ мѣстъ у славянъ восточныхъ и южныхъ. Можно десятками насчитать мѣстъ этого имени на ихъ территоріи, отъ курскаго Бѣлгорода и до Венеціи, и изъ очень и очень глубокой древности. У зап. славянъ — столь-же популярно названіе — Тынъ, кельтскаго происхожденія. Но у сѣверныхъ или прибалтійскихъ славянъ опять не безъизвѣстно названіе Бѣлгардъ, въ связи съ Старъ- и Новъ-Гардъ. Ср. хоть мою «Карту разселенія Славянъ въ IX вѣкѣ» (Одесса, 1885). Объясненіе пок. Мурзакевича — образованія названія («Записки Имп. Од. Общ. Ист. и Др.», т. II, р. 483)—отъ фантазіи. На одной картѣ XV в.—Album Castrum, т. е. Бѣлъ-Городъ, а Nigrum-Castrum (переводъ Mauro-Castron?) напротивъ. (См. мою статью «Поѣздка на нижній-Днѣстръ» — «Записки Имп. Од Общ. Ист. и Др.», т. XIX, р. 5, прим.). Еще въ концѣ XVIII ст., напр., при Потемкинѣ, Бѣлгородъ и въ нашемъ оффиціальномъ языкѣ, и въ обыденномъ такъ и назывался. См. ib., т. IX, р. 250 и др., т. VIII, р. 273 и др. Названіе Аккерманъ утвердилось позже. Послѣдняя память о недавнемъ славянскомъ имени Аккермана, это названіе недалекаго отъ него соляного озера, у моря — Бурнасъ или

Все здѣсь темно. Предъ нами носятся могучія фигуры антовъ, позже—русскихъ тиверцевъ и угличей, припоминаются и военныя экспедиціи кіевскихъ князей на Византію, съ неизбѣжнымъ, какъ мнѣ думается, заходомъ въ удобный Лиманъ, подъ Аккерманъ, отстояться, починиться; затѣмъ появляются новые владыки на Днѣстрѣ, генуэзцы, еще затѣмъ — румыны изъ-за Прута и постепенно ассимилируютъ себѣ мѣстный русскій элементъ по Днѣстру, но оставивъ языкъ его, малорусскій, для своей письменности и канцеляріи... Все слишкомъ общія контуры.

Но самъ Аккерманъ безмолвствуетъ о себѣ. Тихо плещутъ волны Днѣстра и какъ-бы указываютъ человѣку, что въ землѣ, на берегу надо искать и искать, что, быть можетъ, тамъ найдется то, что не занесено ни на какую хартію.

Какъ ни теменъ этотъ періодъ, но одно положеніе можетъ быть принято, какъ несомнѣнный историческій фактъ: Тирасъ-Аккерманъ не затерялся, не исчезалъ съ лица земли.

Если-бы не было свидѣтельствъ о торговлѣ генуезцевъ съ прибрежьемъ нижняго Днѣстра, не было западно-русскихъ свидѣтельствъ о значеніи стараго Аккермана, то самое топографическое положеніе города и его ближайшихъ по рѣкѣ окрестностей таково, что должно было способствовать сохраненію за нимъ значенія хорошаго торговаго пункта.

Въ самомъ дѣлѣ, Днѣстръ, оставляя мѣст. Маяки (названіе само говоритъ о морской торговлѣ — на мѣстѣ былъ маякъ [1]) и образуя затѣмъ изъ своего устья широкій заливъ (Лиманъ = Λ(μην), прямо устремляется къ правому, бессарабскому берегу, къ нынѣшнему посе-

---

Бѣлгородское озеро, въ 20-хъ—30-хъ годахъ. («Статист. описаніе Буджака», p. 32). Но теперь и это названіе забыто. Но старое названіе Буджака сохранилось за ближайшимъ къ Аккерману озеромъ: теперь Будаки, раньше Буджаки (ib., p. 33). Впрочемъ, «Статистич. описаніе» еще знаетъ старое имя Аккермана, но въ нелѣпой формѣ «Бѣлградъ» (p. 109). Къ исторіи названія «Бѣлгородъ» можно присоединить и «Бѣлую Вѣжу» у Нестора, иначе «Сар-Келъ». Ср. и замѣтки пок. Бруна, «Черноморье», I, 143.

[1]) О словѣ маякъ = знакъ, ср. мой отчетъ «Поѣздка на нижній Днѣстръ», въ 1895 году, «Записки И. Од. Общ. Ист. и Др.», т. XV, p.—. На Югѣ, но въ восточной сторонѣ, въ XVII ст. былъ основанъ московскимъ правительствомъ городокъ того же имени — Маякъ (ib., т. IV, p. 310), въ нын. екатеринославской губерніи.

ленію Молога, а отсюда прямо подъ Аккерманскую крѣпость, огибаетъ ее въ сажняхъ 20—30, и затѣмъ поворачиваетъ на югъ, и, болѣе или менѣе держась того-же бессарабскаго берега, впадаетъ узкимъ, но глубокимъ каналомъ въ море, т. наз. Цареградскимъ гирломъ. Второе гирло, Очаковское, т.-е. у херсонскаго, пустыннаго берега, почти совсѣмъ занесено пескомъ. Гирло, это—«жерело» у Нестора.

Такимъ образомъ, только вдоль праваго берега Лимана и могъ пролегать торговый путь, ити торговая жизнь. Замѣтимъ еще, что у Мологи и Аккермана днѣстровское русло особенно глубоко (конечно, сравнительно); у Мологи Лиманъ слабѣе замерзаетъ, такъ что пароходъ, державшій сообщеніе между Аккерманомъ и Овидіополемъ (о бѣдный Овидій! гдѣ твое имя останется неумирающимъ!), зимовалъ, бывало, у Мологи. Всю эту рѣчь я веду для того, чтобы заронить у археологовъ мысль, что, можетъ быть, и почва Мологи не лишена своего историческаго интереса.

Въ самомъ дѣлѣ, берегъ у Мологи высокъ и скалистъ, какъ и у Аккермана. Въ скалахъ человѣкъ могъ легко найти убѣжище въ лихую годину невзгодъ. Я самъ на мѣстѣ не былъ, но слышалъ разсказы, что въ скалахъ Мологи существуютъ-де пещеры, что на стѣнахъ послѣднихъ можно-де видѣть слѣды какихъ-то изображеній. Прибавлю одно — что пещерныя церковки извѣстны по днѣстровскому побережью въ другихъ частяхъ Бессарабіи и по нѣкоторымъ мелкимъ рѣчкамъ-притокамъ Днѣстра съ-права: Реуту, Икелю[1]).

---

[1]) Лѣтомъ 1884 г. одинъ изъ бывшихъ монхъ слушателей-земляковъ, а нынѣ инспекторъ 4-ой гимназіи въ Одессѣ, А. В. Вырланъ, осмотрѣлъ теченіе части р. Реута, въ оргѣевскомъ уѣздѣ, и списалъ нѣсколько славянскихъ надписей и одну молдавскую въ пещерныхъ церквяхъ по рѣкѣ. По утвержденію г. Вырлана, всѣ эти надписи были изъ половины XVII в. и особеннаго интереса не представляли.—Не безъ историческаго интереса названіе притока Днѣстра—Икель (варіантъ, на картахъ, Икаль). Онъ граница нын. оргѣевскаго и кишиневскаго уѣздовъ и впадаетъ въ Днѣстръ у села Кошерницы. Я въ немъ позволяю себѣ видѣть рѣку Этель Константина Багрянороднаго, при опредѣленіи имъ Атель-кузы, какъ жилищъ сначала мадьяръ, потомъ печенѣговъ (ὁ ποταμὸς Ἐτὲλ», въ De adm. imp., c. 40), въ нынѣшней Бессарабіи, какъ центральнаго пункта этихъ жилищъ. Бессарабіи, здѣсь именно, по Икелю, до-недавна сплошь лѣсистой. (Странно, что наши ученые — гг. Хвольсонъ, Гротъ, знаютъ лѣсъ только въ сѣверной Бессарабіи—см. К. Грота «Моравія и Мадьяры», Спб. 1881, р. 256). По нижнему Икелю топографическія названія—старого славянскаго происхожденія. Въ маѣ этого года я сдѣлалъ путешествіе отъ Кишинева до Кріулянъ на Днѣстрѣ—т. е. главнымъ образомъ по нижнему Икелю, по его лѣвой сторонѣ. Здѣсь во времена оны пролегала почтовая ту-

Но это сторона: главный археологическій интересъ связанъ съ сыпучими песками Аккермана и для эпохи средневѣковой, христіанской въ его исторіи. Обстоятельства, связанныя съ замученьемъ въ Аккерманѣ грека изъ Трапезунда, Іоанна Новаго или Сучавскаго, пріурочены къ эпохѣ турокъ, да свидѣтельствуютъ объ одномъ—о коммерціи Аккермана въ XV в. съ Малой Азіей — ничего новаго. Мы видѣли, въ пескахъ найденъ былъ долларъ испанскаго короля Филиппа IV-го. Но, вѣроятно, не одна еще монета лежитъ въ пескахъ и ждетъ очереди, и изъ времени болѣе древняго, до турокъ, эпохи византійской. Если, далѣе, вы спросите любаго аккерманскаго винодѣла о предметахъ древности, то сейчасъ-же получите въ отвѣтъ, какъ при рытьѣ ямы для посадки или «далдармы» лозы натыкались на громадные плиты, кучи камней, костей и пр. Цѣлые колодязи (рыть ихъ славяне научились отъ готовъ—kaldings) открывались въ землѣ, на почвѣ самаго Аккермана.

Кто-же можетъ поручиться, что подъ желтымъ пескомъ его садовъ не погребено еще много такого, что можетъ нѣсколько заполнить блѣдныя, если не совсѣмъ бѣлыя, страницы средневѣковаго періода въ исторіи нашего вѣковаго города, пращура сѣдыхъ нашихъ городовъ, особенно же изъ времени, когда наши угличи сидѣли по Днѣстру и — «присѣдяху къ Дунаеви»... «Бѣ множьство ихъ, не безъ гордости говорилъ Несторъ; сѣдяху бо по Днѣстру оли (т. е. даже) до моря— суть гради ихъ и до сего дне».

рецкая дорога отъ нижняго Дуная въ Подолію. На каждомъ шагу мѣстныя имена славянскаго языка, хотя о славянахъ давно ни помину. Такъ, сейчасъ у Рышкановки рѣчка въ глубокой долинѣ—Гульбока, изъ слав. глѣбокъ; на 10-ой верстѣ крутой спускъ; кругомъ каменные утесы съ голыми верхами и скатами, въ глубинѣ село Гояны, т. е. Голяны, отъ слав. голъ, съ пропускомъ л межъ гласныхъ, по свойству румынскаго языка; далѣе села: Бошканы, Кошерница, Онипканы, Слободзея-Душка, Кріуляны, вм. Кривулины (Днѣстръ образуетъ здѣсь извилину). Мадьяре могли интересоваться населенными мѣстами, брать невольниковъ для продажи, брать хлѣбъ, скотъ и пр. Интендантовъ они за собой не таскали. Ниже Слободзеи-Душки, близь Днѣстра, есть поляна Коджейка (отъ турецкаго ходжа попъ). На ней группа каменныхъ крестовъ (8) съ славянскими и румынскими надписями, уставомъ. Кресты вошли въ землю. Отдѣльныя строки я разобралъ. На одномъ крестѣ: «поменѣще домне робул... трохни»; на другомъ: «помени ґи душу раба божа семена...». Какъ будто эта славянская надпись 1435 года: я прочелъ внизу —ауля. Но—отъ Р. Хр.? Тутъ-же не вдалекѣ впадаетъ въ Днѣстръ притокъ Буга; по имени этого притока пошло и названіе самаго села—Слободзея-Душка, вм. Бушка— въ устахъ румынъ, т. е. на Бугѣ, Бужская. Вездѣ славянскіе слѣды.

Гдѣ-же «гради» тѣ, спросимъ мы, бессарабцы, хотя-бы даже косвенные потомки тѣхъ затерявшихся русскихъ? Маяки, Молога, Бѣлгородъ-Аккерманъ?...

На этомъ заканчивался мой захудалый докладъ, далѣе письменнаго стола его автора не пошедшій. Такъ я представлялъ себѣ тогда, почти 30 лѣтъ назадъ, исторію Аккермана; такъ я понималъ тогда его памятники, напр. крѣпость и цитадель; такъ понималъ я тогда значеніе для науки его исторической почвы, будущее серьезное значеніе для того лопаты, кирки и лома. Тогда-же для того-же Съѣзда вышла «Записка объ археолог. изслѣдованіи днѣстровскаго побережья» самого Григоровича. Мнѣ можно было — скрыться...

Иные интересы отвлекли меня отъ угличей и Аккермана-Бѣлгорода, совсѣмъ въ иные регіоны заносили — въ иные Бѣлгороды. Но Аккерманъ все-же приходилось мнѣ навѣщать нерѣдко, а съ тѣмъ и подслушать и увидѣть кое-что новое, приходилось заглядывать и далѣе, въ глубь Степи, недавно еще поэтической, но теперь совсѣмъ прозаической, перераспаханной.

Новыя, полученныя мною мелкія свѣдѣнія, слухи, сообщенія, немногіе видѣнные или пріобрѣтенные предметы древностей относились главнымъ образомъ все къ тѣмъ-же двумъ эпохамъ—греко-римской и турецкой. Но вотъ мой отчетъ о тѣхъ навѣдкахъ въ Аккерманъ.

Въ іюнѣ 1888 г., у мѣстнаго купца, г. Мержанова, я видѣлъ небольшую коллекцію мѣстныхъ предметовъ древности изъ недавнихъ находокъ. Особенно интересной мнѣ показалась одна мѣдная монета.

Ае.

На лицевой сторонѣ этой, сравнительно, некрупной монеты можно было различить лишь заднюю часть головы съ взбитыми или всклокоченными волосами.

Зато оборотная сторона была вполнѣ ясна. Внутри точечнаго ободка—голова коня (Пегаса) съ толстой шеей и низкой гривой. Голова обращена въ-право. Вдоль гривы густо размѣщены узкія буквы надписи:

ТҮРА.

Владѣлецъ просилъ 10 рублей. По справкѣ съ каталогомъ Бурачкова, цѣна этой монеты 20 франковъ. Монета автономной Туры.

Ae.

Вторая турская (или тирасская) монета въ собраніи Мержанова — былъ новый, но нѣсколько лучшій, экземпляръ монеты съ изображеніемъ Юліи Маммеи, т.-е. монеты давно знакомой мнѣ: даже тотъ же причеканный ромбъ съ гроною винограда. Но изображеніе матери-императрицы явственнѣе: тотъ-же хохолъ надъ лбомъ, а сзади волоса собраны въ сплетенную косу. Конецъ надписи тотъ-же и тамъ-же: CЄB.

Оборотная сторона — изображеніе той-же богини, съ вѣнкомъ въ протянутой впередъ рукѣ, и смотрящей въ-лѣво; таже надпись, но съ буквами болѣе потертыми. По справкѣ съ литографированнымъ снимкомъ этой монеты на таблицѣ турскихъ монетъ — II, № 109, приложенной къ статьѣ пок. нашего вице-президента («Записки», т. XV), оказывается, что оборотная сторона той-же монеты изъ собранія нашего Музея нѣсколько иная: здѣсь иная фигура женщины и въ иномъ положеніи, хотя нѣкоторые аттрибуты (полукруги), по видимому, тѣже; причеканки виноградной гроны также нѣтъ.

Кромѣ этихъ двухъ монетъ въ собраніи была прекрасная камея, съ изящной головкой. Владѣлецъ просилъ за нее 5 рублей.

Но встрѣча съ г. Мержановымъ въ іюнѣ 1888 г. была памятна мнѣ и въ другомъ отношеніи.

По словамъ этого мѣстнаго антиквара-торговца, за немного времени предъ тѣмъ на такъ наз. старомъ базарѣ, иначе — въ цыганской или старо-турецкой части Аккермана (это — сосѣдъ крѣпости, отъ Лимана), при раскопкѣ фундамента одного дома, были найдены два большихъ кувшина, одинъ совершенно цѣлый, другой въ кускахъ. Форма кувшиновъ: широкое основаніе и вмѣстилище, узкое и высокое горлышко, съ двумя тонкими, въ одной плоскости, ручками, отъ устья горлышка въ-низъ къ вмѣстилищу. Владѣлецъ любезно показалъ мнѣ кувшинъ. Я на-скоро срисовалъ его. Но рисунокъ неудовлетворительный, поэтому я его не воспроизвожу.

При этихъ двухъ большихъ кувшинахъ находилось нѣсколько малыхъ. Но интереснѣе было дальнѣйшее показаніе Мержанова.

По его словамъ, всѣ тѣ кувшины были найдены у тутъ-же лежавшаго въ прямомъ направленіи скелета; кромѣ того, на скелетѣ были найдены: золотая цѣпь, а у скелета — золотыя серьги

и небольшая палочка въ видѣ трубки, съ точечками, которыя, по его предположенію, обозначали-де мѣста исчезнувшей эмали[1]).

Очевидно, была открыта могила богатаго и знатнаго человѣка, можетъ быть, какого нибудь сарматскаго князька. Палочка могла быть символомъ власти. Во всякомъ случаѣ, какъ самая могила, такъ и всѣ предметы въ ней, относились-бы къ греко-римской эпохѣ Аккермана или ко времени сейчасъ позже.

Къ глубокому сожалѣнію, дальнѣйшіе мои распросы—объ указаніи мнѣ мѣста могилы, о судьбѣ найденныхъ при покойникѣ предметовъ, столь важныхъ для археологіи—куда пошли, кому проданы, не встрѣтили желанной откровенности. Едва ли они попали въ Музей нашего Общества: вѣроятно, въ коллекцію извѣстнаго собирателя въ Одессѣ, продающаго, по слухамъ, предметы въ Германію.

Заведя рѣчь о царственной или золотой могилѣ, открытой на спеціальной, какъ мнѣ думается, территоріи древней Туры, я не могу не припомнить одного археологическаго эпизода со мной въ Аккерманѣ при случайныхъ сношеніяхъ съ тѣмъ же Мержановымъ[2]).

Дѣло было, не помню уже ясно—когда; но, кажется, немного раньше іюня 1888 года, потому что въ періодъ времени, отъ 1880 по 1887, я, по семейнымъ обстоятельствамъ, очень часто навѣщалъ Аккерманъ.

Встрѣтился я съ Мержановымъ и онъ подъ большою тайною сообщилъ мнѣ, что въ Аккерманѣ, въ песковыхъ садахъ, была найдена замѣчательная царская гробница; что найдено много золотыхъ украшеній и какое-то золотое одѣяніе; что все это находится въ домѣ у

---

[1]) Золотая съ эмалью серьга была въ екатеринославскомъ Музеѣ пок. Поля. См. «Одесскій Вѣстникъ», 1888 г., статья—«Археологическій Музей». № не отмѣтилъ.

[2]) Позволяю себѣ писать Тура, а не Тира или Тирасъ. Ибо греческое Υ старѣйшей эпохи = латинскому V; вспомнимъ хоть легенду турскихъ (тирасскихъ) монетъ, передачу ими императорскаго имени Aurelius: M. AVRH.; только по живымъ говорамъ оно могло = U (въ современномъ французскомъ языкѣ); имена: Турло (Днѣстръ) исконя у турокъ, почему и на средневѣковыхъ итальянскихъ картахъ turllo (Брулъ, «Черноморье», I, 78), Турлаки (часть Аккермана) сохраняютъ звукъ у (u). Во всякомъ случаѣ, если настаивать, что только спряженіе OY отвѣчало латинскому V, а единичное Υ=франц. U, то чтеніе—Тура—все-же ближе къ былому произношенію имени города, чѣмъ общепринятое—Тира, Тирасъ. Замѣститель і изъ ѳ—совсѣмъ здѣсь неумѣстенъ: не читаемъ-же мы Н на монетахъ Туры какъ і... Будемъ писать, наконецъ, Тюра... Никто-же не смѣшаетъ съ русскимъ тюря (moretum)...

одного армянина на цыганской «магалѣ» (древнѣйшей или турецкой части, о которой рѣчь выше была), который это одѣяніе усердно хранитъ отъ зоркаго ока непрошеннаго соглядатая, далеко припрятавъ его, но что онъ, Мержановъ, можетъ исхлопотать мнѣ, по личному довѣрію ко мнѣ, аудіенцію у того армянина, а съ тѣмъ и доступъ къ его сокровищу.

Конечно, я, хотя и не записной археологъ, былъ очень признателенъ за предложеніе, далъ слово молчать и сталъ ждать результатовъ таинственнаго посредничества. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько часовъ, Мержановъ не безъ удовольствія передалъ мнѣ, что армянскій владѣлецъ сокровища за семью замками уступилъ его просьбамъ и разрѣшаетъ мнѣ смотрины: именно, на другой день въ 1 часъ дня я долженъ быть ни извѣстномъ мѣстѣ; тамъ меня встрѣтитъ Мержановъ и самъ тотъ армянинъ и поведутъ показать.

Въ условленное время въ условленномъ мѣстѣ я былъ, но—напрасно ждалъ обоихъ моихъ сочленовъ по заговору: они не явились. Позже Мержановъ извинялся, что армянинъ въ послѣднюю минуту перерѣшилъ.

Очевидно, что-то найдено было и цѣнное, иначе, къ чему такая скрытность?—и, думаю, изъ той же греко-римской эпохи. Но «золотое одѣяніе» мнѣ представлялось миѳомъ. Какая судьба постигла этотъ «кладъ», не знаю. Но эта таинственная находка конца 80-хъ годовъ дала основаніе для кіевской легенды мѣстнаго любителя древностей, которая прошла и въ спеціальныя изданія, и объ ней случайно, въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій нашего Общества, мнѣ пришлось сказать пару словъ.

Лѣтомъ 1880 года я довольно долго прожилъ въ Аккерманѣ. Зной заставлялъ часто ходить купаться къ греческой церкви, расположенной на скалѣ у глубокаго берега Лимана, и въ одну изъ такихъ невольныхъ прогулокъ я замѣтилъ у калитки при входѣ во дворъ той церкви, на улицѣ, большіе куски полированнаго бѣлаго мрамора. При самомъ бѣгломъ осмотрѣ оказалось, что это были два обломка античной работы съ остатками былыхъ древне-греческихъ надписей, прекраснаго рѣзца. Вотъ что могу сказать о нихъ на осно-

ваніи своихъ старыхъ замѣтокъ, изъ того, уже довольно далекаго, времени, наброшенныхъ для памяти, а потому не вполнѣ достаточныхъ:

1-й обломокъ.

Мраморный кусокъ, почти кубической формы: въ одномъ измѣреніи $2^1/_2$ четверти аршина, въ другомъ — 2 четверти.

Три цоколя, съ лицевой стороны образующіе прямые углы, раздѣлены между собой прямыми высѣченными двумя линіями и полусферическою выпуклостью; одинъ цоколь идетъ надъ другимъ, т.-е. предъ нами, вѣроятно, обломокъ колоны и изъ верхней части ея (въ виду расположенія цоколей).

Изъ красиво высѣченныхъ буквъ я могъ разобрать четыре: Ƨ на срединной плоскости, ƧOI — на нижней. (Буквы идутъ наоборотъ — отъ положенія наоборотъ нижняго обломка).

2-й обломокъ.

Въ длину почти 3 четверти аршина, въ ширину — 2 четверти, высота $^1/_2$ четверти.

Лицевая, тщательно полированная сторона, состояла изъ двухъ прямоугольниковъ, раздѣленныхъ подобными-же, какъ въ первомъ обломкѣ, высѣченными линіями и выпуклостью; внизу втораго прямоугольника тѣже двѣ линіи.

Въ площади перваго прямоугольника 5 греческихъ буквъ античнаго рѣзца:

AMAΣϒ

Въ площади втораго — шесть буквъ того-же типа:

IΘOΣIK

Каждая буква въ высоту — немного болѣе 1 вершка.

Какъ не эллинистъ и не спеціалистъ древне-греческой археологіи и эпиграфики, я не вхожу въ разборъ надписей и въ опредѣленіе былого реальнаго значенія обоихъ обломковъ. Но за ихъ старину — перваго времени Туры, говоритъ, на мой взглядъ, изящность отдѣлки и обликъ буквъ.

Въ послѣднія посѣщенія Аккермана я этихъ обломковъ болѣе не

видѣлъ. Прибавлю еще изъ старой памяти, что старожилы передавали, будто не одинъ подобный мраморный кусокъ пошелъ въ свое время на постройку самой Греческой церкви и на другія надобности. Возможно. Вспомнимъ судьбу мраморныхъ обломковъ Херсонеса Таврическаго: они шли на всяческія постройки. Немало примѣровъ и въ самой Бессарабіи[1]).

Къ слову о сообщаемыхъ здѣсь обрывкахъ древнегреческихъ надписяхъ.

Въ одномъ изъ № «Одесскихъ Новостей» за 1886 годъ была помѣщена обстоятельная корреспонденція изъ Аккерманскаго уѣзда о находкѣ плиты съ надписью зимою 1885—86 годовъ, вблизи села Дивизіи (въ старину Дивизыу — какъ это писалось въ нашихъ оффиціальныхъ бумагахъ 20-хъ годовъ), двумя мѣстными поселянами, Вакуломъ и Александромъ Котляренками, при исканіи клада въ сосѣднемъ курганѣ. Дивизія въ 35 верстахъ отъ Аккермана, на степной рѣчкѣ Аджидерѣ, близъ впаденія ея въ озеро и въ 17 верстахъ отъ моря, на исконномъ торговомъ трактѣ (о немъ выше) между нижнимъ Дунаемъ и Аккерманомъ.[2]) Корреспондентъ самъ отправился къ кладоискателямъ и увидѣлъ большую плиту изъ бѣлаго мелкозернистаго известняка, но не мѣстнаго происхожденія. Плита въ длину около 1 аршина; въ ширину $^3/_4$ аршина, въ высоту около 7 вершковъ (почти $^1/_2$ аршина), четыреугольной формы, вѣсомъ около 15 пудовъ Одинъ край закругленъ и на немъ между кантовъ надпись изъ девяти буквъ (отъ послѣдней буквы лѣвая половина). Судя по карандашному, на-скоро сдѣланному снимку, сохранившемуся какъ-то у меня, буквы надписи греческаго

[1]) По словамъ автора указ. «Статист. описанія Бессарабіи — Буджака», у Татаръ-Бунаръ (теперь мѣстечко Аккерманскаго уѣзда, а за турокъ обширный городъ), на горѣ стоялъ старый замокъ. Онъ былъ квадратный, съ двойными стѣнами изъ «паленнаго камня». Но — «въ 1816 году татарбунарскими жителями оный сломанъ; камень разобранъ на домашнія ихъ постройки и теперь (писано въ 1827 году) только одни слѣды фундаментовъ сего древняго зданія видны» (p. 122). Дѣйствительно, въ 1827 году въ Татаръ-Бунарахъ было: 29 земляноkъ и 120 каменныхъ домовъ (p. 122). Такой-же замокъ былъ до 1806 года въ Паланкѣ, у самаго устья Днѣстра, и его постигла такая-же участь: «остались одни фундаменты, а стѣны сломаны и разобраны тамошними жителями» (ib., p. 161).

[2]) У корреспондента — Дивизія вблизи границы Аккерманскаго и Измаильскаго уѣздовъ. Это — вздоръ: отъ ближайшаго пункта Измаильскаго уѣзда, бывшая Зміевская почтовая станція — 55 верстъ.

уставнаго типа, прямыя, крупныя, тонкаго, красиваго рѣзца; въ серединѣ каждой буквы точка. Къ сожалѣнію, высота буквъ не показана; но, если судить по снимку у меня, то она была-бы не менѣе 3—4 вершковъ, т.-е. чрезвычайная. Вотъ эта надпись:

...ΓΩΝΑΩΕΝΤΩ...

По словамъ Коваленковъ, подъ плитой были еще куски подобнаго же камня, но безъ надписи, и они ихъ не взяли[1]). Гдѣ теперь эта плита?

Въ одну изъ побывокъ въ Аккерманѣ конца 80-хъ годовъ, мнѣ удалось пріобрѣсти кусокъ, довольно большой, отъ разбитой тонкой кирпичной плитки. Звонкость при ударѣ говоритъ о хорошей выдѣлкѣ глины. По расколу глина бѣлая; но одна сторона, гдѣ ясны продольныя полоски отъ настилки или щетки, блѣдно-краснаго цвѣта, вполнѣ чистая (оборотная сторона загрязнена).

На этой красной сторонѣ, внизу, на-право, отбито клеймо, въ видѣ прямоугольника, длиною въ вершокъ съ четвертью ($5^1/_2$ сентим.), шириною—въ полъ вершка (2 сентиметра). Внутри клейма надпись изъ пяти, такъ сказать, квадратныхъ буквъ, крупныхъ и изящно отбитыхъ печатью (высота и ширина буквъ одна—$^3/_{16}$ вершка или 1 сентиметръ):

Очевидно, въ клеймѣ имя гончарнаго мастера—ΠΑΠΟΣ.

Для опредѣленія времени появленія нашего кирпича изъ мастерской Папа необходимо обратить вниманіе на двѣ особенности въ буквахъ:

1) на форму буквы Π—съ болѣе короткимъ вторымъ вертикаломъ, въ обоихъ случаяхъ;

---

[1]) Въ газетѣ дана и самая надпись, но косыми греческими буквами.

2) на форму буквы О: просто кольцо, съ одинаковымъ утолщеніемъ во всей окружности, и буква эта меньше, чѣмъ ея сосѣди.

По этимъ особенностямъ греческое письмо нашей плитки можетъ быть отнесено къ IV—III вѣку до Р. Хр. Ссылаюсь на руководство Ваттенбаха, слѣдовательно, этого-же времени и мастерская, и самъ гончаръ Папъ.

Но былъ ли выженъ кирпичъ изъ мѣстной глины (ея всегда было много въ Аккерманѣ), слѣдовательно, былъ-ли самъ ΠΑΠΟΣ туряниномъ — это еще вопросъ. Кирпичъ могъ быть привезенъ со стороны—изъ Малой Азіи, изъ Пантикапеи...

Прибавлю, что наша плитка вмѣстѣ съ другими глиняными ручками, черепками была отрыта въ первомъ дворѣ крѣпости, на нѣкоторой глубинѣ. Ручки отъ большихъ водоносовъ были безъ клеймъ.

Въ виду этой находки изъ столь глубокой древности въ предѣлахъ крѣпостныхъ стѣнъ перваго двора, я болѣе утвердился въ своихъ старыхъ предположеніяхъ, что площадь крѣпости — а она не мала, болѣе шести десятинъ[1])—есть именно та почва, которая заключаетъ въ себѣ предметы древности изъ древнѣйшей и послѣдующей эпохъ, что тутъ лежитъ погребенною старая Тура, конечно, не вся, но значительная часть ея. Вспомнимъ, что мѣсто нахожденія могилы съ кувшинами и золотыми предметами, о которой была рѣчь выше — цыганская магала — сейчасъ-же за гласисомъ крѣпости.

Раскопки, открытыя въ сентябрѣ этого года (1900), сочленами по Обществу: Э. Р. фонъ-Штерномъ и А. М. Маврогордато, внутри крѣпости и у внѣшняго рва, въ полной мѣрѣ оправдали мои старыя мечтанія, и старая Тура, крупные и скромные свидѣтели ея жизни массою рынулись на свѣтъ Божій изъ-подъ лопатъ и мотыкъ. Но кое-что и изъ эпохи Бѣлгорода[2]).

Въ іюнѣ 1888 г., въ видахъ изученія типа мѣстныхъ молдованъ, я едѣлалъ путешествіе по нижнему Днѣстру, отъ Аккермана до села Рыскаецъ, т. е. держась бессарабскаго, классическаго, старокультурнаго берега, я проѣхалъ значительную часть прирѣчнаго Буджака.

---

[1]) «Статист. опис. Буджака», р. 115. [2]) См. протоколъ засѣданія Общества 23 окт.

Я пробирался тогда чрезъ села: Гура-Рошу, Ганъ-Кишло, Тудорово, Каркмазы, Олонешты, Пуркары, сворачивалъ и въ Степь—до Бибея (Волонтировки). Большинство этихъ поселеній отъ очень стараго времени — они уже на географическихъ картахъ Буджака-Бессарабіи XVI—XVII вв. Въ меньшей степени мужчины, въ бо́льшей женщины съ рѣзко отмѣченнымъ римскимъ типомъ — совсѣмъ, какъ на монетахъ Туры, напр., Іуліи Маммеи. Отзвуки цыганскаго энтическаго элемента, довольно осязательные въ населеніи нынѣшней Бессарабіи, именно въ народной массѣ отсутствуютъ. Но среди моихъ молдованскихъ наблюденій я интересы не забывалъ и древностей.

Вечеръ 17 іюня я провелъ у крупнаго винодѣла села Пуркаръ, любезнаго Н. Я. Германсона. Здѣсь, въ его домѣ, я встрѣтился съ унив. кандидатомъ Александромъ Радіоновичемъ Абрамовымъ и отъ послѣдняго узналъ, что въ саду его дяди, г. Манжа, тутъ-же въ Пуркарахъ, на склонѣ горы, два года назадъ, при копкѣ земли, были найдены, на глубинѣ одной сажени, большіе широкіе горшки съ пепломъ. Вмѣсто ручекъ горшки имѣли ушки съ небольшими дырочками въ серединѣ. Горшки были съ крышками, изъ нихъ два цѣлыхъ, а нѣсколько другихъ — въ кускахъ. Тутъ-же у горшковъ были найдены кости и орудіе, въ видѣ долота, изъ красной мѣди. О судьбѣ предметовъ г. Абрамовъ мнѣ ничего не могъ сказать, и я долженъ былъ ограничиться зарегистрованіемъ факта. Конечно, погребеніе не моложе эпохи Туры.

Къ этому визиту у г. Германсона мы еще возвратимся, а пока отмѣчу ошибочное указаніе любезнаго хозяина, что яко-бы чрезъ его виноградникъ, занимающій 48 десятинъ, проходитъ Траяновъ валъ[1]).

---

[1]) Въ Буджакѣ есть два т. наз. Траяновыхъ вала, верхній и нижній. Верхній валъ, составляющій сѣверную границу стараго Буджака, идетъ отъ мѣст. Леово на Прутѣ прямо на востокъ, чрезъ мѣст. Каушаны, до села Киркаештъ, выше с. Леонтьева на Днѣстрѣ, бендер. уѣздѣ. По словамъ автора «Статист. описанія Буджака», валъ, пройдя Каушаны, дѣлится на-двое (р. 29); но, во всякомъ случаѣ, это раздвоеніе незначительное и вѣтвь доходитъ до Днѣстра у Пуркаръ (разст. въ 35 верстъ) не могла. На «Генеральной картѣ Бессарабской Области» Б. Я. Эйтнера, Одесса, 1843, днѣстровскій конецъ верхняго Траянова вала показанъ у с. Киркаештъ, и только. Замѣтимъ, что с. Киркаешты лежитъ уже у начала днѣстровскихъ плавень, слѣдов., суша прекращается, какъ это видно на «Генеральной картѣ» Буджака, приложенной къ изданію упом. «Статист. описанія». — Нижній Траяновъ валъ входитъ въ Буджакъ изъ Молдавіи, изъ-за Прута, у села Ваду-

Распрашивалъ я и простыхъ людей о предметахъ старины, но ни чего не узналъ. Одинъ чамурникъ (рабочій, приготовляющій чамуръ изъ земли съ соломой, для стѣнъ сельскихъ домовъ въ Бессарабіи), Павло, изъ Бибея родомъ, могъ мнѣ сообщить, что при своихъ земляныхъ работахъ въ Пуркарахъ и по окрестностямъ онъ монетъ никогда не встрѣчалъ, но находилъ массу череповъ людскихъ и «маслаковъ» (скотскихъ костей). Признакъ — стародавности заселенія.

Другой рабочій въ тѣхъ-же Пуркарахъ, Романъ Бондарь, передавалъ, что на горѣ, при крутомъ подъемѣ изъ села на дорогу въ Волонтировку (Бибей), весною нашли конецъ копья и горшокъ съ деньгами, но нашедшіе поспѣшили скрыться, что по виноградникамъ вы-

---

луй-Исакъ (=Исаковъ бродъ), т. е. въ низовье Прута, и идетъ ломанною линіей въ юго-восточномъ направленіи на верховье приморскихъ озеръ: Ялпухъ, Катлабугъ, Китай, и оканчивается у западнаго берега озера Сасика или Кундука, ниже мѣст. Татаръ-Бунаръ, аккерм. уѣзда. Слѣдов., оба Траяновы вала съ Пуркарами дѣла не имѣютъ. Но какъ на Прутѣ, такъ и на нижнемъ Днѣстрѣ, встрѣчаются по берегамъ отдѣльные земляные валы, съ шанцами, извѣстные подъ именемъ «Змѣевыхъ» (по ихъ формѣ имя — ср. «Статист. описаніе», р. 29). Одинъ изъ этихъ Змѣевыхъ валовъ и проходитъ, вѣроятно, по нагорному берегу Днѣстра у Пуркаръ. Прибавлю, что и въ другихъ мѣстахъ Пуркаръ, у другихъ виноделовъ, я слышалъ то-же ошибочное утвержденіе о присутствіи Траянова вала въ ихъ садахъ. Очевидно, все тотъ-же Змѣевой валъ на лицо. Къ слову о Траяновыхъ валахъ. Мнѣ думалось-бы, что наше Общество до сихъ поръ еще мало удѣляло вниманія на изслѣдованіе этихъ любопытныхъ памятниковъ далекой исторической старины, глашатаевъ римскаго оружія въ нашихъ мѣстахъ. Одно названіе ихъ, пріуроченіе преемственно въ народной памяти этихъ грандіозныхъ военныхъ сооруженій великому императору Рима, особенно памятному на территоріи нижняго Дуная (Danuvius, почему у южныхъ славянъ Дунавъ, съ звукомъ в, а не б), заслуживаетъ особаго обслѣдованія: да или нѣтъ? Не забудемъ, что время, особенно, въ наши дни, легко можетъ сгладить на поверхности многолюднаго, густо уже заселеннаго Буджака старый рельефъ тѣхъ сооруженій. Въ сентябрѣ 1898 г. я сдѣлалъ небольшую экскурсію на нижній Траяновъ валъ, проѣхалъ на перекладной, взадъ и впередъ, пространство между станціей жел. дороги Траяновъ валъ и почт. станціей Гаваносы. Особенно рѣзко выдѣляется валъ у устья рѣки Ялпуха: ровною лентою тянется онъ далеко, сколько глазъ хватаетъ, пересѣкая возвышенности по сю и по ту сторону нижняго теченія рѣчки, слабо текущей среди глубскаго чернозема. Какъ насыпной валъ, такъ и идущій вдоль его съ лѣвой, степной стороны ровъ—вездѣ одной мѣры, валъ въ высоту и толщину, ровъ — въ глубину и ширину. Въ «Статист. описаніи Буджака», ровъ отъ 2 до $2^1/_2$ саженъ глубины, до 8 саженъ ширины (р. 29). Но тамъ, гдѣ во рву идетъ проселочная дорога — а мнѣ пришлось не разъ ѣхать по римскому рву — бока его выровнялись, глубина уменьшилась. Мѣстами и плугъ захватилъ валъ. Слѣдовательно, вездѣ исчезновеніе старины. Но ясно видны былые ворота или проѣзды черезъ валъ и ровъ: почва не тронута здѣсь; проселочная дорога пользуется ими въ своихъ плутаніяхъ вдоль Траянова вала — съ одной стороны на другую. Объ изслѣдованіи Трян. валовъ мечталъ уже Григоровичъ.

капывается много «турецкихъ» горшковъ. (У народа все несовременное или неближайшее къ нашему времени — турецкой эпохи).

Незначительны эти отмѣтки; но еще незначительнѣе мои отмѣтки о предметахъ изъ турецкой эпохи Аккермана.

Лѣтомъ 1880 года, какъ указано было выше, я жилъ въ Аккерманѣ. Старый мой товарищъ по уѣздному училищу, К. С. Асвадуровъ, предложилъ мнѣ, какъ и 10 лѣтъ назадъ, разсмотрѣть и опредѣлить небольшую серію «старыхъ» монетъ, найденныхъ въ садахъ Аккермана, при обычныхъ въ году тамъ работахъ. Асвадуровъ—владѣлецъ многихъ садовъ, слѣдовательно, ему легче другихъ пріобрѣтать находимыя монеты отъ своихъ рабочихъ, хотя, конечно, не всѣ онѣ попадали къ нему; евреи-агенты зорко слѣдятъ за находками со стороны.

По осмотрѣ этихъ «старыхъ» монетъ оказалось, что не всѣ онѣ были старыя. Вотъ перечень ихъ:

Arg.

Лицевая сторона: двуглавый орелъ съ короной; въ серединѣ орла цифра 16. Вдоль ободка надпись: RVDOL. II. IM. A. R.B. DECRETO. 85. Т. е. Рудольфъ II, императоръ Австріи, король Богеміи.

Оборотъ: городская стѣна, съ воротами и 3 башнями на верху стѣны. Вдоль ободка надпись: MONETA NOVA. CIVI. HAMBVRG.

Слѣдовательно, монета вольнаго города Гамбурга, времени импер. Рудольфа, 1576—1612, конца XVI или начала XVII в.

Arg.

Лицевая сторона: рыцарь подбоченясь держитъ правою рукой край плаща; внизу фигуры четыреугольникъ, а въ немъ рычащій левъ съ подъятымъ хвостомъ. Вокругъ ободка надпись: MONE. ARG. 76—15 (т. е. 1576). OR. N. HOL.

Оборотъ: въ серединѣ тотъ-же левъ. Вокругъ ободка надпись: MONETA CONFIDENS. DNO. NO.

Слѣдовательно, серебряная монета 1576 г., но съ чешскимъ львомъ или инымъ, не рѣшаю. Кажется, монета голландская.

Arg.

Лицевая сторона: двуглавый орелъ, межъ его головъ крестъ, а

внутри орла цифра 78. Вокругъ ободка надпись: SER. AVG. MATTHEI. D. G. ROM. IMP. AVG.

Оборотъ: цифра 1619, наверху ея корона, а внизу гербъ изъ четырехъ полей; въ двухъ поляхъ на-крестъ, слѣва на-право, съ-верху внизъ, два одноглавыхъ орла. Вокругъ ободка надпись: FIOR. ARG 78. IMP. DAVENT.

Слѣдовательно, серебряный флоринъ (гульденъ) императора-короля Матвѣя, отъ 1619 года.

Остальныя три монеты—новаго времени: русскій серебряный рубль Имп. Петра I, 1725 года («Монета новая. цена р8бль»; въ серединѣ крестъ съ коронами; въ крестѣ: 1725); польская мѣдная посеребренная марка, короля Станислава Понятовскаго, 1788 года, и такая-же посеребренная монета испанскаго короля Фердинанда VII, 1810 года[1]).

Такимъ образомъ, эти серебряныя и посеребренныя монеты обнимаютъ турецкую эпоху, отъ конца XVI стол. по начало XIX-го. Старѣйшія изъ нихъ—изъ области Священной Римской Имперіи, т. е. изъ сосѣдства: турки до 1673 годи сидѣли и въ нынѣшней Венгріи. Онѣ могли попасть въ Аккерманъ и путемъ торговыхъ сношеній, и путемъ грабежа, войны. Вспомнимъ только, что охочимъ союзникомъ послѣдняго чешскаго короля, Фридриха изъ Пфальца или Зимняго, на защиту свободы вѣры, были именно—и единственно—турки. Султанъ Османъ обѣщалъ въ началѣ 1620 г. горы и долы своему «милому» Фридриху, а въ маѣ въ Прагѣ было турецкое посольство.

Не безъ интереса петровскій рубль 1725 года: извѣстно, что великій императоръ скончался въ самомъ началѣ этого года.

Въ іюнѣ 1888 года г. Мержановъ показывалъ мнѣ крупный сердоликъ, несомнѣнно, изъ перстня, съ турецкой, весьма красиво исполненной надписью. Предметъ былъ найденъ въ саду. По незнанію турецкаго языка, имъ я не интересовался.

Въ одну изъ поѣздокъ раньше мнѣ случилось встрѣтить у одного мужичка и пріобрѣсти два турецкихъ серебряныхъ черека, съ

---

[1]) Къ сожалѣнію, описаніе это сдѣлано по моимъ старымъ, недостаточнымъ замѣткамъ. Владѣтель монетъ тѣхъ давно умеръ, судьба ихъ мнѣ неизвѣстна.

дырой, слѣд. изъ мониста, двѣ старыхъ турецкихъ монеты изъ мѣди и серебряный динаръ Дубровницкой республики отъ 1645 года. Всѣ эти монеты были найдены въ садахъ и безъ значенія.

Пожалуй, съ небольшимъ интересомъ монета изъ славянскаго государства «de setti bandieri». Дубровчане умѣли хорошо ладить съ турками; ихъ суда ходили свободно на Востокѣ, а купцы ихъ въ XVII столѣтіи встрѣчаются по селамъ Буджака, на старомъ торговомъ трактѣ между Измаиломъ и Аккерманомъ, вдоль берега[1]). Слѣд., дубровницкій сребреникъ изъ песковъ Аккермана — новое подкрѣпленіе извѣстнаго — о коммерціи между Аккерманомъ и Рагузою.

Arg.

На лицевой сторонѣ благословляющій въ орнатѣ и митрѣ епископъ. Надпись: S. BLASIVS RAGVSII. 1645.

Оборотъ: тотъ-же епископъ, межь 14 звѣздъ. Надпись: SALVS TVTA. Св. Власій—покровитель Дубровника.

Какъ было сказано выше, изъ Аккермана въ іюнѣ 1888 г. я направился въ Пуркары.

На пути я остановился въ сел. Олонештахъ (въ связи съ Аланами, прил. форма — аланскій, въ румынской формѣ?) и посѣтилъ приходскую церковь.

Церковь построена въ 1818 году; но потиръ у ней, изъ турецкаго серебра, отъ 1815 года, какъ это видно изъ молдавской надписи на ней, гдѣ обозначено не только время, но и имя священника тогда — іерей Андрей Турута. Старыхъ народныхъ иконъ или стѣнныхъ изображеній не было[2]).

---

[1]) См. мое изслѣдованіе: «Графъ А. И. Остерманъ и раздѣлъ Турціи», стр. 234, прим. I. Не лишено интереса то обстоятельство, что до сихъ поръ возвышенный уголокъ на западъ отъ Измаила, между дунайскимъ озеромъ Кугурлуемъ и селомъ Сатуновымъ (молдав. названіе: сату-сельбище, нова-новое), называется у народа «Бужакъ», т. е. Буджакъ. (Изъ моихъ путевыхъ замѣтокъ на нижній Прутъ въ 1898 г.).

[2]) Любопытную, чисто народную икону—но работа мастера-болгарина — видѣлъ я въ одной церкви на противуположномъ краю Буджака, у Прута; очень она мнѣ запамятовалась. Икона большаго размѣра, у свѣчной стойки; среди массы священныхъ безличныхъ изображеній одно было прелюбопытное: Лотъ и дьяволъ, деревья и ручеекъ. Внизу объясненіе на народномъ болгарскомъ языкѣ, но, конечно, церковно-славянскомъ полууставомъ: «лотъ пои дѧрвото. діавола пие водата». Самъ дьяволъ изображенъ въ видѣ маленькаго суслика, но на крупномъ бѣломъ конѣ.

Но среди старыхъ церковныхъ книгъ нашлись очень интересныя, именно, съ греко-молдавскимъ богослужебнымъ текстомъ, изданныя при господарѣ Молдавіи Ив. Гикѣ, въ первой половинѣ XVIII в., книги интересныя тѣмъ, что въ нихъ даже греческій текстъ напечатанъ славянскими буквами, съ обычными греческими надстрочными знаками и фонетически. Вѣроятно, такія-же богослужебныя книги, на видъ не отличавшіяся отъ привычныхъ и любезныхъ народу книгъ съ славянскимъ текстомъ, книги отъ греческаго «лукавствія», въ интересѣ огрецированья населенія Молдавіи, были и въ другихъ церковкахъ Буджака. Добродушные турки ввѣрялись грекамъ, а тѣ только думали, какъ-бы ихъ провести и подъ носомъ ихъ развивали свой «эллинизмъ» — великогреческую идею. Да при Императрицѣ Екатеринѣ II и мы было пошли на этотъ буксиръ и стали «вопить», выражаясь языкомъ того времени, вмѣстѣ съ греками[1]). Но какъ здраво смотрѣли

---

[1]) Послѣ смерти кн. Потемкина, въ его библіотекѣ на Югѣ было найдено много экземпляровъ «Воплей грековъ», на русскомъ и греческомъ языкахъ. («Записки Имп. Од. Общ. Ист. и Древн.», т. VIII, р. 459). Но, кажется, свѣтлѣйшій князь собирался утилизировать вопли для своимъ особенныхъ цѣлей—для великопотемкинской идеи. Правда, мало еще разработана исторія дѣятельности Потемкина на Югѣ — мы не вышли еще изъ завѣтныхъ дифирамбовъ; но уже и при извѣстномъ невольно въ нашемъ воображеніи слагается представленіе о немъ, какъ о болѣе чѣмъ смѣломъ политикѣ. Въ его грезахъ носилась своя царская корона; онъ по слову современнаго польскаго историка XVIII в., талантливаго Шим. Аскенази, «ogromne żywił plany», даже и очень, прибавимъ мы. Сначала его соблазняла польская корона, и онъ въ 1775 г. получилъ польскій индигенатъ, но онъ бросилъ это, и затѣмъ для него былъ изданъ проэктъ воскрешенія Дакіи Децебала— изъ Валахіи, Молдавіи и Бессарабіи. Но этого для него было мало, и онъ повелъ этотъ оффиціальный проэктъ неоффиціально, про себя, далѣе. Онъ мечталъ образовать на югѣ Имперіи второе русское государство, ядромъ котораго имѣли быть козаки—Черноморское Царство. Сюда должны были быть привлечены всѣ юго-западныя, т. е. русскія, воеводства отъ Польши, вплоть по-за Холмъ, для чего князь скупалъ по-малу массу земель въ Подоліи, Волыни, и «гетманъ» козаковъ съ 1790 года, батько Грицько, имѣлъ стать суверенномъ, независимымъ и отъ Польши, и отъ Россіи. См. обо всемъ этомъ въ первыхъ главахъ монографіи Ш. Аскенази: «Польско-прусское примиреніе» въ журн. «Biblioteka Warszawska», 1898, т. IV, p. 213—216. Извѣстна ненависть горячаго защитника интересовъ Россіи, все еще шаблонно цѣнимаго импер. Павла I, къ Потемкину, къ его праху, памяти. Гдѣ причина?... Императоръ былъ одного взгляда на дѣятельность Потемкина съ убогимъ молдованиномъ Бессарабіи. А. В. Вырланъ, въ упомянутую выше свою поѣздку на Реутъ лѣтомъ 1884 г., нашелъ въ одномъ молдавскомъ селѣ оргѣевскаго уѣзда тетрадку на молдавскомъ языкѣ, писанную въ 1849 году заштатнымъ дьячкомъ того села, Поповичемъ. Въ ней находились шуточныя народныя пѣсни, Плачъ Пресвятой Богородицы въ стихахъ и записанная съ устъ народа легенда о «свѣтлѣйшемъ князѣ», т. е. о Потемкинѣ, какъ онъ де въ 1785 году измѣнилъ Россіи при заключеніи мира съ тур-

у насъ на грековъ, какъ вѣрно понимали духъ ихъ и отъ политики русскіе люди, первые наши посланники на Босфорѣ: Неплюевъ, Вѣшняковъ, но — при Остерманѣ, «нѣмцѣ», но истинно великомъ русскомъ человѣкѣ... Ср. мое выше указ. изслѣдованіе, гдѣ есть рѣчь и о планахъ эллинизаціи всего Балканскаго полуострова, изъ Яссъ и Букарешта. Впрочемъ, неюные помощники юнаго Петра Великаго предупредили Остермана: «греки, писалъ въ 1697 г. стольникъ Толстой изъ Венеціи, зѣло лживы во всякихъ дѣлахъ и въ вѣрѣ благочестивой мало тверды и непостоянны»[1].

Но обращаюсь къ Пуркарамъ, и здѣсь къ визиту у г. Германсона.

Усадьба любезнаго хозяина среди грандіознаго винограднаго сада въ 48 десятинъ. Но эта громадная площадь съ лозою-избранникомъ есть ничто иное, какъ старое турецкое кладбище, занятое подъ культуру. По словамъ владѣльца, лѣтъ 20 назадъ осматривалъ это былое кладбище пок. проф. В. И. Григоровичъ, когда еще видны были могилы; но теперь ничего не замѣтно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при работахъ, откопаны были горшки съ тонкими серебряными монетами, большого размѣра, въ родѣ пятифранковиковъ или меджидіе, и, кажется, прибавилъ хозяинъ, турецкими. Къ сожалѣнію, монеты пошли по рукамъ и у него не сохранилось ни одного экземпляра. Само собою понятно, масса встрѣчается костей въ саду г. Германсона.

Въ Пуркарахъ, за селомъ, въ части лучшихъ садовъ, у пок. садовладѣльца Познякова (здѣсь было мое пребываніе) я познакомился съ мѣстнымъ винодѣломъ, молдованиномъ Панкратіемъ, умнымъ и хорошо знавшимъ свой уголокъ и своихъ людей. Отъ него, изъ его молдавскаго разговора, я впервые узналъ, что богатое съ базарами мѣстечко въ 25 верстахъ отъ Пуркаръ, Волонтировка — у мѣстныхъ жителей носитъ до сихъ поръ названіе изъ турецкой эпохи

ками. Конечно, мѣстныя событія перепутаны, рѣчь — о небываломъ мирѣ, но любопытенъ основной мотивъ легенды, взглядъ народа: молдованинъ обличаетъ мятежнаго «смольянина» — Потемкина. Этому народному разсказу не-чета «историческія» (!) пѣсни о Потемкинѣ, напечатанныя въ «Запискахъ» нашего Общества, т. IX, р. 453, сл., даже о взятіи Аккермана: онѣ слагались сервильными писарями въ канцеляріи князя. Да, духъ смольянскій долго не выдыхался... Близость Польши давала себя чувствовать.

[1]) «Русскій Архивъ», 1888, I, р. 344, изъ Дневника того Толстаго.

— Бибей. Дѣйствительно, любопытно, что въ то время какъ мы для обозначенія мѣста торга употребляемъ турецкое слово: базаръ, напр., въ Волонтировкѣ, мѣстные молдоване поступаютъ наоборотъ и говорятъ: «тырг ла Бибей», т. е. сохраняя въ своемъ языкѣ старое славянское слово. И въ румынскихъ грамотахъ: БЛЕМ ЛА ТѢРГ, ambulemus.

На мой вопросъ Панкратію, какъ-же они, мѣстные жители, называютъ городъ своего уѣзда, т.-е. Аккерманъ, онъ отвѣчалъ, что тоже Аккерманъ, но прибавилъ: «тѣ уже давно въ землѣ, что называли Аккерманъ Четате-Алба» (т.-е. Бѣлъ-Городомъ, въ переводѣ на молдавскій языкъ). Впервые «Аккерманъ» въ султанской грамотѣ 1576 г. къ польскому королю. (См. «Остерманъ», р. 230, пр.).

Въ три часа утра, до восхода солнца, 16 іюня, отправился я въ Волонтировку, въ 25 верст., какъ сказано, отъ Пуркаръ, въ Степи. Тамъ день большаго базара, почему я и спѣшилъ «ла тырг ла Бибей» — видѣть разношерстное населеніе сѣверной, богатой части аккерманскаго уѣзда собраннымъ вмѣстѣ.

Пуркары, правильнѣе, Поркари, отъ молдавскаго слова «порку» свинья, въ переводѣ — свинопасы. Названіе свиньи нерѣдко участвуетъ въ мѣстномъ ономастиконѣ: ср. село Скрофа, т. е. супоросная свинья, помѣщичья фамилія Пурчелъ, т. е. поросенокъ[1]). Названіе Пуркаръ относитъ насъ къ тому отдаленному времени, когда прилегавшія части Степи, на западъ, къ Бибею, были богатымъ пастбищемъ для скота этого приднѣстровскаго населенія, сначала, русскаго

---

[1]) Названія приднѣстровскихъ селъ аккерманскаго уѣзда, объѣзженныхъ мною въ 1888 г., столь-же разношерстны, какъ и его населеніе. Ганъ-Кишло, Паланка, Олонешты (если въ связи съ Аланами) съ историческими припоминаніями; Пуркары, Рыскайцы (=грабители) бытоваго характера; Гура-Роша (красная дыра) — по почвѣ; Тудорово — личнаго, отъ Тудоръ=Ѳеодоръ, малорусское Тодоръ, румынское Тоадеръ, происхожденія; Каркмазы—татарскаго, ср. выше Рыскаецъ село Талмазы, съ значеніемъ «смѣлый». Около Каркмазъ есть характерное урочище Курныкары, изъ молдавскихъ словъ: курм—ломать и кар—возъ, въ переводѣ—«Ломай возъ». Дѣйствительно, спускъ здѣсь по береговой возвышенности таковъ, что только шею ломать. Въ виду этого значенія названія Курныкары, я полагалъ бы, что названіе какого-то бессарабскаго села — «Урви-колеса», въ грамотѣ молдавскаго господаря Стефана VII, 1520 года («Лѣтопись занятій археограф. коммиссіи», т. IV, отд. II), есть буквальный славянскій переводъ румынскаго «Курмыкары», при чемъ слово «колеса» имѣетъ значеніе переносное — возъ, колесница. Но въ Супрасл. рукописи кола, колѣса, pl., именно currus; тоже въ хорутанскомъ языкѣ (Miklo-

(мало-), потомъ орумынившагося. На склонѣ высокаго нагорнаго берега рѣки, по которому теперь раскинуты богатые виноградники («градины»), еще въ недавнее время, лѣтъ сорокъ назадъ, былъ густой лѣсъ. Лѣсъ скрывалъ поселенія у рѣки, заботливо окутывалъ ихъ; путешественникъ, проѣзжая по старой почтовой дорогѣ на Кишиневъ, у станціи Лотосы и не подозрѣвалъ, что, такъ сказать, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него на востокъ, внизу, у рѣки, окружающая его, голая, знойная степь мѣнится на густо населенную мѣстность, съ совершенно инымъ ландшафтомъ.

Съ трудомъ подымался я по крутой горѣ, сначала межь садовъ, потомъ среди жидкой лѣсной поросли. На вершинѣ уже Степь, но тутъ еще на довольно значительное пространство покрытая терномъ.

При въѣздѣ въ Степь — въ тылу моемъ величественно восходило изъ-за Днѣстра солнце, ярко освѣтивъ утреннимъ блескомъ рѣку, которая змѣей вилась и сверкала среди широкихъ, верстъ въ 10, плавень. Тамъ, вдали, виднѣлась Граденица, село на херсонскомъ берегу, и другія.

Припомнился мнѣ въ ту минуту восторгъ пок. Григоровича предъ картиною Днѣстра съ той-же вершины: она прямо перенесла его на Балканы, въ эпоху его «солдатскаго» путешествія по Турціи[1]).

---

sich, Lexicon, s. v.). Странна этимологія «Пуркаръ» у Григоровича: изъ визант. «πουρκί» дача, надѣлъ, «непонятнаго нынѣ молдованамъ», въ его «Запискѣ антиквара о поѣздкѣ его на Калку и Калміусъ...», Одесса, 1874, p. 45. Да самое византійское слово не есть-ли передѣлка старонѣм. «purk» замокъ, нын. Burg, но, конечно, съ переноснымъ значеніемъ? У Дюканжа (источникъ и Григоровича): πουρκί — средства, имущество, доходъ (facultates, bona, reditus), глаголъ πουρκίζειν копить (bona conferre, ditare). Семазіологическая связь мыслима. Странны для насъ и свѣдѣнія тамъ автора о башнѣ въ Паланкѣ, p. 46. Вѣдь башня давно разрушена—ср. у насъ выше, p. 22, прим. 2. А утвержденія категорическія! Пок. нашъ «антикваръ» хорошо зналъ румынскій языкъ. Но предвзятая византійская теорія путала его въ ясныхъ, несомнительныхъ, этимологіяхъ. Ср. ib. p. 29, невѣрный взглядъ на характеръ «пъркалабій», какъ «старыхъ (отъ византійцевъ?) сторожевыхъ линій», и самый терминъ все въ связи съ тѣмъ же «πουρκί».

[1]) «.... Выбравшись на ея (горы) вершины, я былъ пораженъ зрѣлищемъ, какое только доставляютъ Балканы въ Турціи. Съ этой именно высоты взоръ достигаетъ до Кучургана, а по извилистому теченію Днѣстра и Турунчука верстъ на 15 села показались мнѣ словно небольшіе острова... Жаль, что никто не пожелалъ побывать здѣсь и снять фотографическіе виды. Право, мнѣ думается, что пытливые ученые запада удивились бы, какими пренебрегаютъ здѣсь мѣстами и видами». («Записка антиквара о поѣздкѣ его на Калку...», p. 45, 46).

Я тронулся далѣе, вошелъ въ самую Степь и — новая картина, воскресившая въ моей памяти вдохновеннаго поэта:

«Я выплылъ на просторъ сухаго океана,
Повозка въ зелени ныряетъ будто чёлнъ.
Среди живыхъ луговъ, среди цвѣточныхъ волнъ
Миную островокъ кораловый бурьяна»[1]).

Первое, что бросилось мнѣ въ глаза при первыхъ движеніяхъ моей «каруцы» (телѣги) по Степи, это — курганы (слово, полагаютъ, скиѳское). На-лѣво виднѣлась пара кургановъ, въ одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга и отъ береговаго взгорья. Взглянулъ на-право и — тоже явленіе, опять пара кургановъ, вдали, по старой почтовой дорогѣ къ Каушанамъ. Здѣсь повторилось то явленіе, которое было замѣчено мною

[1]) Аккерманскія степи, сонетъ Мицкевича, начало, въ моемъ переводѣ. Этотъ переводъ полнѣе у меня — «Гр. А. И. Остерманъ и пр.», р. 492, прим. 1. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ природы Буджака Мицкевичъ творилъ свой дивный сонетъ: «Аккерманскія степи». Польскій изгнанникъ нарисовалъ картину внѣшней красоты природы, какъ его русскій сотоварищъ по судьбѣ, но нѣсколько раньше и ближе познакомившійся съ «цвѣтущимъ сухимъ океаномъ», въ прологѣ въ «Цыганамъ» далъ столь-же точный оттискъ жизни того же поэтическаго уголка въ Новой Россіи. Припоминаются мнѣ въ эту минуту разсказы изъ былаго времени Буджака умнаго старожила Аккермана, Григорія Яковлевича Навроцкаго, старика 80 лѣтъ († 1861 года), слышанные мною изъ устъ его въ годы моей ранней юности: былъ онъ другъ моему отцу и сосѣдъ по дому, а Аккерманъ помнилъ отъ первыхъ лѣтъ соединенія Бессарабіи съ Имперіей. Съ наступленіемъ первыхъ весенниxъ дней (разсказывалъ бывало Навроцкій) стада овецъ выгонялись въ Степь, тамъ проводили все лѣто и только глубокою осенью возвращались домой; но въ Степи они не оставались на одномъ мѣстѣ, а по-малу, съ каждымъ новымъ днемъ, все подымались выше на сѣверъ, пока не доходили до чужаго, бендерскаго цынута (уѣзда): тогда уже начиналось обратное шествіе, такое-же безпрепятственное. Но стали появляться нѣмецкія колоніи, съ 1818 года (изъ Великаго Герцогства Варшавскаго) и старое приволье и раздолье для скота и человѣка все сокращалось, пока не наступили новые порядки, а старая свобода пропала.—Мицкевичъ засталъ Степь уже въ переходномъ состояніи. И мнѣ, въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ, часто приходилось навѣщать Степь лѣтомъ; живо помню величественныя картины ея природы еще тогда: цвѣтущіе луга и—безконечныя нивы, слѣдовательно, уже густое населеніе. А теперь—Степь уже слишкомъ перепахана, отсюда и неурожаи, старой «цѣлины» ни вершка, картины совсѣмъ прозаическія. Впрочемъ, единодержавіе колоса въ Степи сближаетъ Аккерманъ съ старою Турой. Былые порядки жизни Буджака, но въ меньшемъ размѣрѣ, можно еще найти въ южной части припрутской Бессарабіи — и безлюдье, и массы пасущихся овецъ подъ командою страшныхъ «мажановъ», вѣчныхъ пастуховъ, выходцевъ изъ Буковины и Венгріи, въ бараньихъ шкурахъ отъ ногъ до головы и лѣтомъ, со множествомъ ножей у пояса, знающихъ одинъ шалашъ для жилья, печенаго хлѣба не знающихъ. Здѣсь еще старое царство брынзы и качкавала.

при вступленіи моемъ въ область низовья Днѣстра, по оставленіи Аккермана и Лимана—парное расположеніе кургановъ... Курганы обрамляютъ правый берегъ нижняго Днѣстра и тѣмъ какъ-бы выдаютъ идею своего бытоваго предназначенія—быть сторожевыми ведетами, но не намѣчая тѣмъ ни времени своего появленія, ни народности своихъ архитекторовъ. Можно загадывать и въ глубокую старину, въ эпоху ранѣе Траянова вала; но можно останавливаться и на вчерашнемъ днѣ—на XVI—XVII вѣкахъ, на турецкой эпохѣ. Богатый Буджакъ въ эти вѣка былъ лакомствомъ и для пановъ Подолья, не только для гайдамакъ: эти «защитники Креста» — «муръ христіанства», съ грабительскими инстинктами весьма нерѣдко врывались въ «кишла» злополучныхъ татаръ Буджака, умерщвляли мирное населеніе, а его богатство — скотъ и табуны лошадей — переводили къ себѣ за Днѣстръ[1]).

Я склоняюсь въ пользу турецкой эпохи Аккермана, по крайней мѣрѣ—для большинства кургановъ, этихъ оригинальныхъ украшеній нашихъ, нѣсколько однообразныхъ, степей.

Прибавлю, что когда лѣтъ пять тому назадъ мнѣ пришлось присутствовать при ночномъ вскрытіи кургана вблизи Одесы непереводящимися у насъ любителями кладовъ, то были найдены части татарской збруи и части татарской обуви.

До Бибея, на пространствѣ 25 верстъ, мнѣ встрѣтились только на одномъ мѣстѣ два кургана. И это обстоятельство — тяготѣніе

---

[1]) Объ этихъ хищническихъ набѣгахъ поляковъ на Буджакъ см. мою книгу: «Остерманъ и раздѣлъ Турціи», стр. 232, прим. Ср. и жалобы турецкаго султана Амурата III королю Стефану Баторію о злочастной долѣ Буджака, съ его скотскимъ богатствомъ, въ «Запискахъ Имп. Од. Общ.», т. XI, р. 468 и сл.—Тоже парное расположеніе кургановъ отмѣчено мною и въ Степи по лѣвому, херсонскому, берегу нижняго Днѣстра, во время экскурсіи въ село Троицкое въ 1895 году (см. «Записки Имп. Од. Общ.», т. XIX, Смѣсь, р. 2). Въ своемъ отчетѣ Обществу я высказался въ пользу сторожеваго характера кургановъ (ib.). Позже я нашелъ, что той-же мысли о сторожевомъ значеніи кургановъ былъ давно и военный статистикъ Херсонской губерніи, полк. А. Шмитъ («Записки Имп. Од. Общ.», т. IV, р. 470). Иного взгляда на курганы — они могильные памятники- былъ авторъ «Статист. описанія Буджака». «На горахъ и долинахъ, говоритъ онъ, находится множество кургановъ, называемыхъ могилами; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ найдены военныя оружія и камни, изъ чего доказывается, что въ древности погребались въ нихъ умершіе и насыпаны они для памятниковъ» (р. 28).—Къ слову о моемъ отчетѣ по поѣздкѣ въ село Троицкое. Въ IX т. «Запискъ Имп. Од. Общ.», р. 286, напечатанъ документъ, свидѣтельствующій, что село то основано въ 1794 году повинившимися некрасовцами изъ Добруджи.

кургановъ къ берегу Днѣстра — говоритъ въ пользу сторожеваго ихъ значенія.

Дорога пошла отъ взгорья прямо къ старому почтовому трактату отъ Лотосъ къ Каушанамъ, перерѣзавъ его подъ прямымъ угломъ. Всюду была роскошная растительность — роскошныя нивы высокаго ячменя, жита, гирки, кукурузы. Зерно уже было такъ полно, что колосъ гнулся. Я вспомнилъ опять стихъ Мицкевича:

«Повозка въ зелени ныряетъ будто чёлнъ»,

но въ зелени не 20-хъ годовъ или времени татаръ, а современной, коммерческой.

Чрезъ 8 верстъ показалось справа село Слободзея; въ глубокой долинѣ виднѣлись ставки—дѣло рукъ стараго времени. Но передъ нами, въ небольшой ложбинѣ, открылся колодязь съ журавлемъ, вмѣстилище прекраснѣйшей воды, и это въ глубокой Степи. Думаю, и онъ—дѣло рукъ турокъ: они и мастера, и ихъ религіозное чувство воспитало въ нихъ благородную заботу о ближнемъ — о водѣ. И сейчасъ даже въ серединной Бессарабіи, нетурецкой, пользуются плодами турецкаго «варварства». Напомню дивный колодязь-фонтанъ, прямо посреди дороги, въ Онисканахъ, на знакомомъ уже намъ почтовомъ трактѣ между Кишиневомъ и Слободзеей-Душкой на Днѣстрѣ, т. е. на старомъ турецкомъ трактѣ изъ Измаила въ Кіевъ, чрезъ Кріуляны: на широкой улицѣ стараго села Онисканъ (отсюда были «пріятели», т. е. наши лазутчики въ турецкую войну гр. Миниха) фонтанъ и мраморная плита сверху; турецкая луна на верхней части плиты ясно говоритъ, что фонтанъ—земское дѣло турокъ, этихъ скромныхъ, не отъ найма ревнителей. Извѣстны прекрасные колодязи отъ времени турокъ и среди виноградниковъ Аккермана, напримѣръ, у такъ называемыхъ архіерейскихъ садовъ[4]). Промолчу о другихъ пунктахъ — Очаковѣ, Нико-

[4]) Въ садахъ Аккермана есть колодязи, давно, еще при туркахъ, и глубоко въ землѣ закрытые, но не засыпанные. Давно, скоро сто лѣтъ, какъ оставили турки Аккерманъ и свои роскошные виноградные сады, въ которыхъ они ежегодно, съ 1 августа по 1 октября—время созрѣванія и сбора винограда, жили подъ открытымъ небомъ въ «бурдеихъ» (шалашахъ), но и до сихъ поръ на Босфорѣ живутъ среди нихъ свѣжія преданія о кладахъ въ этихъ садахъ, и время отъ времени они наѣзжаютъ въ Аккерманъ отыскивать тѣ клады. Въ одну изъ поѣздокъ въ Шабу (не Шабо, какъ передѣлали это, чисто турецкое, назв. въ прессѣ) я посѣтилъ знаменитый виноградникъ г. Тардана (между коло-

лаевѣ—что было и что стало... Да, о ненавидѣнныхъ толпою сынахъ Агари безстрастный историкъ обязанъ сказать и слово правды, слово признательности, хотя бы даже онъ былъ и русскій славистъ. Недалеко и время, когда мы признаемъ и законность «агарянъ» для общественнаго, наконецъ, порядка Европы, помимо ихъ права земской давности. Злой куколь буйно выросъ въ свободы мѣсто.

Отъ турецкаго колодязя далѣе пошли горки и долины, такъ что аккерманская Степь, это — огромная система возвышенностей, ущелій и овраговъ. Дорога была преутомительная. На-лѣво вдали виднѣлись Кара-Гасанъ, Стефанёвка и Суюндукъ[1]). Первое и третье село еще изъ турецкаго времени, какъ ясно изъ ихъ именъ: к а р а — черный, с у — вода.

Мой возница, молдованинъ Дёрдій (т. е. Георгій), по поводу Стефанёвки замѣтилъ, что тамъ живутъ р а й к и, а иначе ихъ еще называютъ—б у ц ы. На вопросъ мой—почему такъ, возница объяснилъ, что они когда-то давно вышли изъ далекой р а й и и здѣсь поселились.

ніей и городомъ, въ сторонѣ — особенно онъ славился своими винами при отцѣ, авторѣ извѣстнаго руководства по виноградарству и винодѣлію). Хозяинъ передавалъ, что какъ-то пришли къ нему двое турокъ изъ Константинополи и попросили, съ-начала, осмотрѣть садъ. Получивъ разрѣшеніе, они внимательно его обошли, справляясь съ какими-то замѣтками и своими примѣтами, а затѣмъ обратились съ наивною просьбою—продать имъ изъ сада нѣсколько квадратныхъ сажень. Конечно, турки получили отказъ и были очень опечалены. Тогда они просили дозволенія копать на томъ же мѣстѣ, которое желали было купить. Наняты двое рабочихъ и совмѣстно стали копать. На большой глубинѣ открылась громадная к а м е н н а я п л и т а. Обкопали плиту и послѣ большихъ усилій успѣли было ее и приподнять у одного конца, показался колодязь, какъ вдругъ изъ-подъ плиты выползла огромная змѣя. Русскіе рабочіе бросились назадъ, вонъ изъ ямы и—бѣжать, бормоча, что за ними нечистая сила. Сами турки не сробѣли, но позже уже ни за какія деньги не могли достать рабочихъ на «заколдованное мѣсто съ кладомъ»; одни-же были не въ силахъ справиться съ открытою плитою надъ закрытымъ колодяземъ, вѣроятно, при оставленіи турками Аккермана. Турки-кладоискатели тщательно зарыли опять яму съ плитою и колодяземъ и обѣщали пріѣхать въ другой разъ—окончить начатое дѣло.— Во всякомъ случаѣ любопытно—какъ мѣтко турки изъ Константинополя попали на мѣсто съ плитою. Едва-ли это дѣло случая. Припоминается и наше народное повѣріе, что змѣя оберегаетъ кладъ.

[1]) Владѣтельница половины Суюндука, Л. В. Пуришкевичъ, родная внучка указан. выше полк. Корниловича, передавола мнѣ позже, что по дорогѣ отъ Стефанёвки (Степановки) къ ея имѣнію, въ ложбинкахъ и на горахъ, довольно кургановъ и что въ нихъ въ прежнее время поселяне находили много п о л ь с к и х ъ монетъ. Къ сожалѣнію, самыхъ монетъ я не видѣлъ. Польскія монеты въ курганахъ не говорятъ объ особенной старинѣ послѣднихъ.

Далекая р а й я, это—нынѣшній хотинскій уѣздъ въ эпоху турокъ: край управлялся пашею изъ Хотина, почему былъ райей, а его населеніе потому называлось р а й к а м и, т. е. свободными отъ власти господаря въ Яссахъ, въ вѣдѣніи коего была серединная, такъ называвшаяся, запрутская Молдавія. И сейчасъ хотинскіе малоросы (руснаки) называются въ просторѣчіи р а й л я н а м и. Но когда они выселились въ Стефанёвку, т. е. въ другую—южную, аккерманскую райю? «Давно» возницы можетъ обозначить и эпоху турокъ.

Имя б у ц ы мой Дёрдій объяснить не могъ: «такъ зовутъ» и только. Попытаюсь объяснить я

На мой взглядъ, б у ц ы это измѣненное въ мѣстномъ произношеніи г у ц ы, т. е. тѣже малоросы Хотина. Въ сосѣдней Австріи—въ Буковинѣ и ближайшихъ частяхъ Галиціи—одно населеніе съ нашими райками: тотъ же языкъ, («шось ся небо забумбурило, видай моква (дождь) буде», «Фитьтя на-рідке, помогай матеры», говорятъ сейчасъ въ райѣ) [1]), таже одежда (длинная бѣлая рубаха съ широкимъ кожанымъ ч е р е с о м ъ - поясомъ, узкіе штаны подъ рубаху), таже житейская мода (не стричь волосъ на головѣ, но не въ косичку, они прямо падаютъ на плечи, но не кудри, лице брить, оставляя усы). Но оно тамъ, въ Австріи, извѣстно подъ именемъ г у ц у л о в ъ, имен. ед. ч. г у ц у л ъ. Послѣдній слогъ у л есть опредѣленный граммат. членъ, попавшій въ имя изъ румынскаго языка, отъ сосѣдей—румынъ; слѣдовательно, настоящая русская форма—г у ц ъ, въ мн. ч.—г у ц ы.

Итакъ, р а й к и и б у ц ы—два историческія имени для однихъ и тѣхъ же русскихъ людей сѣверной Бессарабіи. Кое-что слышавъ о гуцулахъ или гуцахъ на сѣверѣ, молдованское населеніе Буджака легко могло передѣлать на своемъ языкѣ старое прозвище г у ц ъ на б у ц ъ. Правда, н ы н ѣ ш н і е малоросы хотинскаго уѣзда никогда себя не называютъ гуцулами; но это обстоятельство не отрицаетъ возможности, что въ старину, когда сѣверная Бессарабія и Буковина составляли одно государственное цѣлое—верхнюю Молдавію съ столицею въ Сучавѣ, и русское населеніе обѣихъ этихъ частей русско-молдован-

[1]) Не могу не вспомнить здѣсь языкъ молдавскихъ (изъ Сучавы, Яссъ) грамотъ XV—XVI вѣка, такихъ въ нихъ оборотовъ, какъ: «... и естли бы с я п р и г о д и л о» «а нанъ аже с я прилучитъ». («Записки Имп. Од. Общ. Ист. и Др.», т. IV, p. 328, грамота 1510 года).

ского княжества носило, прежде всего у своихъ сосѣдей и согражданъ—румынъ, общее прозвище—гуцулы[1]). Находится-ли имя гуцъ, гуцулъ въ связи съ именемъ Узы=половцы, какъ предполагаютъ нѣкоторые (ср. гага-узъ=болгаринъ съ турецкимъ языкомъ)—рѣшать не берусь.

«Когда-то давно» моего Дёрдія можетъ быть отнесено и къ эпохѣ турокъ, но скорѣй ко времени послѣ 1812 года. Южнѣе есть еще село Райлянка, колонія тѣхъ-же выходцевъ изъ-подъ Хотина и нашего времени. Наконецъ, на картѣ Буджака 20-хъ годовъ, приложенной къ указ. «Статист. описанію» его, мы находимъ и Слободзею (Ганешты), и Кара-Гасанъ, и Суюндукъ; но Стефанёвки нѣтъ.

Въ самомъ богатомъ Бибеѣ, кромѣ имени, я не нашелъ уже ничего, что-бы перенесло меня въ эпоху турокъ. Базаръ былъ громадный и въ полномъ разгарѣ, а въ немъ полное смѣшеніе языковъ, но главнымъ образомъ—новой даты: малоросъ, великоросъ, нѣмецъ, гагаузъ (болгаринъ), цыганъ, молдованинъ, еврей. Только три послѣднихъ помнили турка[2]). Въ разговорѣ преобладалъ молдавскій языкъ, но нерѣдко у малороса слышалась такая рѣчь — полъ фразы по своему, полъ фразы по-молдавски. Нѣмки съ масломъ говорили только по-нѣмецки, но по-русски понимали. Великоросъ, приторговывая куръ для Одессы и Марсели, приноравливался къ каждому языку. Въ этомъ ему слѣдовалъ еврей. Предъ корчмой молдованинъ отчаянно отплясывалъ го-

---

[1]) Давно я уже пытался привлечь кое-кого изъ нашихъ мѣстныхъ молодыхъ этнографовъ заняться изученіемъ столь интереснаго, на мой взглядъ, но теперь небольшаго клочка русскаго племени въ Бессарабіи, какъ райки или руснаки хотинскаго уѣзда. Къ сожалѣнію, дѣло налаживалось туго. Съ удовольствіемъ на дняхъ прочелъ въ газетахъ, что Императорское Русское Географическое Общество въ Петербургѣ наградило серебряною медалью трудъ нѣкоего П. Я. Нестеровскаго—«О бессарабскихъ русинахъ». Было-бы желательно и дальнѣйшее поощреніе тѣхъ же изученій. Прекрасно замѣтилъ пок. Григоровичъ въ своей «Запискѣ объ археологич. изученіи днѣстровскаго побережья», что этнографія этихъ мѣстъ «будетъ всегда пробуждать пытливость путешественника» (р. 4). Но какъ мало было этихъ путешественниковъ!...

[2]) Еврейская торговля въ Кишиневѣ, Каушанахъ извѣстна уже въ первой половинѣ XVIII в. Ср. «Графъ А. И. Остерманъ...», Приложенія, р. XLVIII. Еще старѣе евреи въ Аккерманѣ, о чемъ ниже. Но въ первые годы по присоединеніи Бессарабіи, въ Буджакѣ ихъ было немного: въ 1827 году—2669 душъ обоего пола. («Статист. описаніе Буджака», р. 26). Зато, въ 1875 г. было: 127.448 евреевъ на 1.138.905 жителей всей Бессарабіи, а въ 1885 г.—180.221 еврей на 1.272.234 христіанъ, т. е. на каждый десятокъ христіанъ $1^1/_2$ еврея. (Изъ данныхъ, сообщенныхъ однимъ мѣстнымъ дѣятелемъ)

пакъ, взявшись подъ-боки, а женщина увивалась передъ нимъ съ кружкою вина... Въ моей памяти воскресли знакомыя бытовыя картины, при самомъ небольшомъ измѣненіи дѣйствовавшихъ лицъ — этнографическаго состава, изъ времени моихъ старыхъ шатаній по сѣверо-восточной Венгріи, по базарамъ Кошицъ, Михали. Одни условія, одна степень культуры. Но не будь этой полукультуры, а лишь одна чинная нѣмецкая культура, было бы нѣсколько скучно — и въ Бибеѣ, и въ Кошицахъ, и вездѣ... Впрочемъ, малорусскій элементъ Буджака могъ помнить и турка.

Извѣстно, что при послѣдней всероссійской переписи въ Аккерманѣ нашлись старики свыше ста лѣтъ, хорошо помнившіе, откуда кто бѣжалъ за Днѣстръ «за турка» — изъ Полтавщины, изъ Уманьщины, изъ Подолья, короче, что были гайдамаками. Привольная жизнь за Днѣстромъ еще долго манила людей изъ русскихъ губерній: извѣстно, что еще недавно въ Аккерманѣ нерѣдко сынъ «по пашпорту» былъ много старше лѣтами своего приписнаго — «пашпортнаго» — отца, а владѣтели извѣстныхъ полицейскихъ видовъ никогда не умирали. Торговля шла бойко. Извѣстный аккерманскій разсказъ, какъ мѣстный мальчикъ хвалился предъ чужимъ, изъ Овидіополя, мальчикомъ, что его «батько вмеръ въ острози», тогда какъ отецъ того только «утонувъ въ Лимани», довольно характеризуетъ пришлый малорусскій элементъ турецкаго и послѣтурецкаго времени. Конечно, это не «holubičí národ», какъ съ гордостью характеризовали славянъ когда-то чешскій поэтъ Челаковскій («О народной пѣснѣ»), а позже знаменитый Палацкій, въ своей Исторіи чеховъ, а народъ — совсѣмъ неидеальный.

Не сомнѣваюсь, къ турецкой эпохѣ Аккермана относятся предметы древности, находимые въ близкихъ къ городу старо-турецкихъ поселеніяхъ, напр. въ Быкозѣ (имѣніе Ярошевичей) и Ханъ-Кишлѣ (Ганъ-Кишлѣ).

Быкозу я посѣтилъ мелькомъ. Прежде всего замѣчу, что современное названіе — народное русское осмысленіе непонятнаго турецкаго названія Буюкъ-Ходжа, т. е. Малый Ходжа. Старики-армяне въ Аккерманѣ еще недавно иначе, какъ по-турецки, не титуловали нашу Быкозу. Съ словомъ «коза» никакого отношенія. По словамъ любезнаго

владѣльца, пок. Ал. О. Ярошевича, въ паркѣ усадьбы и вообще кругомъ постоянно откапываются камни съ турецкими надписями — вѣроятно, чаще всего — надгробныя. Можетъ быть, старая Быкоза была излюбленнымъ мѣстомъ для погребенія, будучи лѣтней резиденціей ходжи изъ Аккермана, малаго духовнаго владыки. Въ самомъ селѣ крайне убогія хатки поселянъ, какія я видѣлъ только въ нѣкоторыхъ «подмосковныхъ», но изъ камня — полагаю, еще турецкаго, кладбищенскаго происхожденія.

Что касается Ханъ-Кишла (Ганъ-Кишла), то тамъ мнѣ приходилось бывать не разъ, въ послѣдній-же разъ во время моей этнологической экскурсіи на нижній Днѣстръ въ 1888 году. О древностяхъ села писали и наши первые археологи—Ф. К. Брунъ, В. И. Григоровичъ.

Какъ показываетъ названіе, нынѣшнее русско-молдавское село, съ обширными садами (градинами), выросло изъ татарскаго кишла, т. е. поселенія, хутора, а прибавка впереди слова ханъ свидѣтельствуетъ, что этотъ хуторъ былъ особаго рода — именно резиденціей хана ногайскихъ татаръ, конечно, лѣтней (зимняя—Каушаны). Большое турецкое кладбище, раскинутое на горѣ, говоритъ о немъ, какъ объ избранникѣ. Оно еще и сейчасъ не однѣ развалины. Турецкихъ надписей довольно.

Итакъ, изъ обѣихъ эпохъ—греко-римской и турецкой — я, какъ уже замѣчено выше, кое-что видѣлъ, кое-что слышалъ, кое-что и пріобрѣлъ; но—все это одна мелкота. Впрочемъ, долженъ оговориться, что не ручаюсь за полноту предлагаемыхъ здѣсь мною свѣдѣній о немаломъ періодѣ времени—двухъ десятковъ лѣтъ, послѣ наброска моего доклада объ Аккерманѣ въ 1871 г. И замѣтки мои были случайной записи—археологомъ я не былъ, и на память свою уже не могу безусловно полагаться. Многое могло быть найдено, что̀ ускользнуло отъ меня—отъ моихъ глазъ и уха. Здѣсь я собралъ все, что̀ могъ извлечь изъ своихъ замѣтокъ, что̀ могъ припомнить, въ дозволительномъ предположеніи, что кое-что изъ этихъ археологико-историческихъ мелочей можетъ сказать что-нибудь опытному изслѣдователю края, новому Бруну. Я въ предложенныхъ строкахъ ни слова о случайно открытой мною, каменной гробницѣ «сарматскаго» царя въ Аккерманѣ, въ центрѣ песчанаго кургана, на высокомъ берегу Лимана, о ея циклопической

кладкѣ и оригинальномъ рисункѣ штукатурки съ-внутри: это обстоятельство имѣло мѣсто въ сентябрѣ 1895 г., а задача, мною поставленная себѣ — дать отчетъ до начала послѣдняго десятилѣтія истекающаго столѣтія. Да и о могилѣ той давно напечатанъ въ нашихъ «Запискахъ» (т. XIX) отчетъ, совмѣстно составленный мною и спеціалистомъ археологическаго дѣла, сочленомъ Э. Р. фонъ-Штерномъ[1]).

Случайный и равнодушный регистраторъ предметовъ древности или сообщеній и слуховъ изъ обѣихъ эпохъ, древнѣйшей и новѣйшей, я съ нѣкоторымъ чувствомъ могъ относиться къ эпохѣ средней, къ эпохѣ не Туры и не Аккермана, а къ времени Бѣлгорода (Λευκόπολις), зацѣпленнаго, по крайней мѣрѣ, славянами (при обычномъ пониманіи исторіи): но эта эпоха все безмолствовала. Ничего положительнаго отъ нея, по прежнему; какъ-будто она и не существовала. Уже-ли правы тѣ, которые въ былое время такъ зло трунили надъ направленіемъ, исполненнымъ юношеской страстности, знаменитаго нашего сочлена, Григоровича — отыскать свидѣтелей славянской древности, напр., надписи, тамъ, гдѣ въ обиліи отыскивался пока одинъ-де кизякъ..., повторяю, изъ эпохи послѣ Туры?..

Ничего положительнаго мнѣ не попадалось отъ средней, желанной эпохи, это правда; но все-же на кое-какіе предметы приходилось натыкаться, если не безусловно изъ этой эпохи, то, по крайней мѣрѣ, на такіе, которые дозволяютъ относить себя къ ней—съ нѣкоторымъ правомъ. Но прежде всего о суетномъ соблазнѣ.

Давно соблазняла меня старая армянская церковь въ Аккерманѣ.

Расположилась она среди убогихъ закоулковъ старой армяно-турецкой «магалы» (въ просторѣчіи—цыганской), въ области открытія

---

[1]) Лѣтомъ 1896 г. я посѣтилъ на короткое время Будаки, въ 20-ти верстахъ отъ Аккермана. На высокомъ обрывистомъ берегу озера, за селомъ, возвышается грандіозный курганъ, думаю, изъ той же, древнѣйшей эпохи Аккермана. Но часть кургана уже обрушилась — вмѣстѣ съ постоянно разрушающимся берегомъ. Конечно, при своей насыпкѣ курганъ этотъ не былъ у самаго обрыва озернаго берега, нѣкогда, несомнѣнно, морскаго. По словамъ мѣстныхъ стариковъ-рыбалокъ, еще на ихъ памяти, лѣтъ 50—60 назадъ, нынѣшній берегъ обрыва представлялъ изъ себя широкую полосу земли, въ нѣсколько десятковъ саженей. Курганъ въ Будакахъ слѣдовало-бы раскопать, пока не поздно.

царственной гробницы, о которой была рѣчь выше, т. е. въ древнѣйшей части нынѣшняго Аккермана, вблизи мѣста, гдѣ былъ замученъ св. Іоаннъ Сучавскій. Глубоко сидитъ она уже въ землѣ. Что церковь жила еще вмѣстѣ съ турками, единственный свидѣтель о христіанствѣ изъ турецкой эпохи — нѣтъ сомнѣнія.

Но мнѣ думалось, что такъ какъ армяне въ нашихъ краяхъ (Бессарабія, Галиція, Подолье) съ XIII—XIV столѣтія, то аккерманская церковь не свидѣтель-ли еще иныхъ дней, болѣе давнихъ, времени до турокъ? Съ двумя-тремя образованными членами армянской общины я когда-то, еще въ 70-хъ годахъ, осматривалъ церковь. Я встрѣтилъ въ ней нѣсколько лапидарныхъ армянскихъ надписей. На мой вопросъ о вѣкѣ — «изъ XII вѣка», пояснили мнѣ мои спутники; «такъ значится на надписяхъ»...

Первыя минуты я былъ въ восторгѣ: нашлись христіанскіе памятники, изъ мѣстныхъ, изъ времени до турокъ. Но — скоро я разочаровался, когда сообразилъ, что у армянъ свое лѣтосчисленіе — отъ конца IV вѣка по Р. Хр., слѣдовательно, тѣ надписи не XII, а XVI—XVII столѣтія, изъ эпохи турокъ, не говоря о томъ, что XII вѣкъ — время, слишкомъ раннее для армянъ въ Бѣлгородѣ-Аккерманѣ[1]).

Отъ армянъ надо было отказаться.

Естественный интересъ возбудили во мнѣ темные слухи въ половинѣ, кажется, 80-хъ годовъ объ открытіи на скалѣ между Лиманомъ и стѣною крѣпости склепа-гробницы и въ немъ разныхъ золотыхъ вещей отъ лежавшаго тамъ гроба съ покойникомъ.

Говорили, что гробница была открыта случайно двумя бабами, копавшими у скалы глину, что, пораженныя богатствомъ драгоцѣнныхъ вещей, онѣ растерялись; потомъ надошли другіе антикваріи и въ мигъ очистили гробницу, вещи порасхватали, а нецѣнныя для нихъ — уцѣлѣвшіе куски отъ дорогой парчи, въ которую-де былъ облаченъ покойникъ, бросили — для скрытія слѣдовъ своего хищенія —

---

[1]) Нѣкоторыя у этихъ надписей были еще въ 60-хъ годахъ отлитографированы однимъ изъ мѣстныхъ армянъ. Экземпляръ этого крохотнаго изданія былъ подаренъ мнѣ, при томъ осмотрѣ церкви.

въ воду Лимана. Между вещей называли перстень съ камнемъ и съ латинскою надписью.

И мнилось мнѣ, что добытъ свидѣтель изъ времени такъ называемаго пребыванія генуэзцевъ въ Бѣлгородѣ-Maurocastrum'ѣ. За цитаделью крѣпости, по видимому, навсегда упрочилось названіе генуэзскаго замка, по имени строителей-властителей. Покойный Одесскій календарь, издававшійся отъ Ришельевскаго Лицея, слѣдовательно, коллегіей профессоровъ, повторялъ это утвержденіе о генуэзцахъ изъ года въ годъ десятки лѣтъ, и оно вошло въ общее сознаніе. Парча, латинская надпись на перстнѣ, и предо мною уже носилась могила католическаго епископа... Но какъ спасти порастасканныя «генуэзскія» вещи, пока онѣ не попали въ руки еврейскихъ агентовъ?

Дѣло было зимою, сообщенія съ Аккерманомъ нѣтъ. По веснѣ я былъ на мѣстѣ.

Открытіе гробницы не было сказкой.

Гробница, какъ разъ для крупнаго человѣка, помѣщалась на надводной скалѣ, высоко, пріютившись у самой подошвы крѣпостной стѣны, въ немногихъ шагахъ отъ старой пароходной пристани.

Она сдѣлана была изъ некрупнаго мѣстнаго известняка, кладка хорошая, на извести. Верхняя часть сферическая — прямой полукруглый сводъ, съ большою пробоиною съ-права — дѣло рукъ тѣхъ бабъ. Стѣнки склепа довольно тонкія, поэтому и бабамъ легко было ихъ разметать. (Эту гробницу, въ ея первоначальномъ видѣ, можно видѣть и сегодня).

Распросы о золотыхъ вещахъ не привели ни къ чему. Оказалось, что бабы отпѣкивались, что ничего не было. Но наличность перстня никто не отрицалъ, только онъ нѣкоторое время ходилъ изъ трактира въ трактиръ, пока не попалъ въ руки одного знакомаго, у котораго я его и видѣлъ. Онъ былъ пріобрѣтенъ за пять рублей.

Перстень былъ круглый, золотой, съ камнемъ, но главный интересъ надпись. Она была дѣйствительно латинская, буквы съ завитками, готическаго типа, чернью, на внутренней сторонѣ перстня, и читалась

AMOR.

Просилъ я владѣльца уступить перстень въ коллекцію нашего Общества, но напрасно.

Такимъ образомъ, почти ничѣмъ окончились мои поиски. Одно только обстоятельство, по осмотрѣ гробницы, ставило меня въ недоумѣніе: если столь хрупкая, съ тонкою стѣнками, гробница отъ времени генуэзцевъ, то какимъ образомъ она могла уцѣлѣть—до нашихъ дней, въ полной своей неприкосновенности, въ то время когда тутъ-же, вблизи ея, выводилась грандіозная, изъ огромныхъ тесанныхъ камней, наружная стѣна крѣпости, клался ея фундаментъ? Двѣ бабы легко сокрушили стѣнки гробницы, а массивы не сдѣлали имъ ничего...

Но, какъ бы то ни было, объ неизвѣстной гробницѣ, ея злополучной судьбѣ на нашихъ глазахъ, нельзя не пожалѣть. Темнота осталась темнотой. Одна только надежда, что историкъ искусства, по изслѣдованіи уцѣлѣвшаго отъ той гробницы перстня, скажетъ намъ свое рѣшительное слово на мѣсто нашихъ гаданій, сомнѣній: была ли гробница до турокъ, до «турецкой» крѣпости, такъ—времени «генуэзской» цитадели, или она позже?...

Наконецъ, пріобрѣтена была мною металлическая (мѣдная) греческая надпись—надгробіе, отчетливаго греческаго устава, но надпись въ отчаянномъ видѣ, и эта надпись долго и долго мучила меня—не изъ эпохи ли она, наконецъ, до турокъ?...

Такъ, въ концѣ 80-хъ годовъ, пришелъ ко мнѣ въ Аккерманѣ одинъ изъ завзятыхъ антикваріевъ—любитель кладовъ, по прозванью, «німець», и въ платочкѣ предложилъ купить греческую мѣдную надпись. Я былъ удивленъ: надпись и—въ платочкѣ. «Я, говорилъ антикварій, только что отъ одного еврея, отъ котораго и спасъ эту надпись: на моихъ глазахъ еврей кромилъ тонкую мѣдную, съ греческими буквами, доску въ котелкѣ, чтобы вылить затѣмъ изъ нея кусокъ мѣди, а дощечка, по его словамъ, найдена въ саду, въ пескѣ и пріобрѣтена имъ у одного рабочаго за нѣсколько копѣекъ».

При первомъ же взглядѣ на эти бѣдные куски (многіе, какъ оказалось впослѣдствіи, безвозвратно погибли—у еврея) я увидѣлъ, что надпись дѣйствительно греческая, и уставное письмо, а не лежачее, курсивъ, отчетливое, красивое. Я былъ преисполненъ радостнаго чувства: наконецъ, нашелъ; не отъ современнаго грека, а отъ старины, вѣроятнѣе—послѣ Туры.

Мѣдные кусочки были такъ хрупки, что когда я укладывалъ ихъ въ коробку съ ватою, на скорую руку приводя ихъ въ порядокъ, то тутъ же они, при перекладкѣ, ломались. Особенно ломки были мѣста выбитыхъ, вытиснутыхъ буквъ: буква прямо отдѣлялась. Мѣстами мѣдь была еще красная, а мѣстами обожженная, какъ это обнаружилось сейчасъ же, при этой первой моей попыткѣ воскресить былой обликъ драгоцѣнной дощечки.

Что-же будетъ за содержаніе греческой надписи и на какое время надпись будетъ притязать? Я возвращался въ Одессу какъ бы съ кладомъ – съ своею мѣдною дощечкой, покоющеюся въ ватѣ.

Послѣ долгихъ и долгихъ комбинацій мнѣ, наконецъ, удалось подобрать кусочки, составить строки, возстановить первоначальную величину и форму доски и самое чтеніе, на-сколько послѣднее оказалось возможнымъ.

Было ясно, что надпись съ памятника (στήλη), надгробная (ἐπιτάφια), памятника, поставленнаго безутѣшной вдовицей-супругою своему супругу, нѣкоему Іоанну Бароци или Вароци, на память о немъ, о ея очень высокихъ супружескихъ чувствахъ къ нему.

Къ сожалѣнію, оказалось, что многихъ кусочковъ не достаетъ, почему не достаетъ довольно словъ, получились строки неполныя, слѣдовательно, все чтеніе прерывистое.

Тѣмъ не менѣе, увлеченіе мое надписью росло по мѣрѣ моего ознакомленія съ нею, т. е. посильнаго детальнаго изученія ея, ея письма. Впрочемъ шелъ я не спѣша, пока не наткнулся на обстоятельство, которое сразу охладило мой пылъ и мои мечтанія о — старинѣ еще Бѣлгорода, а не Аккермана.

Издавая эту надпись только теперь, въ дополненіе моего отчета о случайныхъ замѣткахъ объ Аккерманѣ и его территоріи, я предлагаю сначала мои наблюденія въ пользу старины этого греко-христіанскаго памятника.

Тонкая мѣдная доска имѣла овальную форму, съ небольшимъ загибомъ по окружности, но съ-лѣва загибъ идетъ вверхъ, съ-права — внутрь.

Наибольшая высота доски $7^1/_2$ вершковъ или 34 сентиметра; наибольшая ширина $6^1/_2$ вершковъ или $29^1/_2$ сентиметровъ.

Лицевая сторона, мѣстами вогнутая еще въ-старь, имѣетъ черный фонъ, думаю отъ времени; но онъ исчезаетъ то тамъ, то сямъ подъ пластами, особенно, между буквъ, желтаго песку — почва лучшихъ аккерманскихъ садовъ. Оборотная сторона — однообразнаго сѣраго цвѣта (была защищена отъ атмосфернаго вліянія), но съ слѣдами того-же песку.

8 параллельныхъ строкъ неравнаго протяженія, но всѣ онѣ, за исключеніемъ 4-ой строки, начинаются отъ одного вертикала, заключаются же свободно. Слѣдовательно, предъ нами какъ бы восьмистишіе. Самая длинная строка—седьмая, но наиболѣе пострадавшая—съ 4-мя прогалинами — въ $5^3/_4$ вершка или 26 сент.; самая короткая — четвертая, въ 4 вершка или 18 сентиметровъ.

Каждая строка образуется изъ старательно вытиснутыхъ буквъ греческаго устава, прямаго, изящнаго, вытиснутыхъ со внутренней стороны, слѣдовательно, самая надпись — горельефъ.

Буквы прямыя, высокія, узкія; средняя высота ихъ $1^3/_4$ сент.; наименьшія, отдѣльно появляющіяся буквы, напр. О въ началѣ 2-ой строки, Θ въ началѣ 6-ой, высотою въ $1^1/_2$ сентиметра. Отдѣльныя черты буквъ одной мѣры — прямыя, косыя, круговыя.

Въ 7-ой и 8-ой строкахъ — вязь: два раза, но вязь ординарная, въ первой изъ нихъ, и одинъ разъ — вязь трехъ буквъ, въ послѣдней. Очевидно, мастеръ опасался не помѣстить въ данную строку необходимое число буквъ, безъ переноса, потому и сталъ сжимать ихъ, тогда какъ въ шести строкахъ раньше онъ свободно выбивалъ буквы на просторѣ, отдѣляя замѣтнымъ промежуткомъ одно слово отъ другаго, членъ отъ его имени.

Кромѣ того, вязь въ 4-ой строкѣ — въ концѣ. Но яснѣе всего представленіе о надписи даетъ читателю фототипическій снимокъ въ Приложеніяхъ къ настоящей статьѣ. Снимокъ, по техническимъ условіямъ, уменьшенъ въ три раза[1]).

---

[1]) Приношу живѣйшую благодарность за трудъ фотографированія надписи гг. членамъ Одесскаго Техническаго Общества: П. С. Шестерикову и М. И. Иванову. Снимокъ нельзя считать вполнѣ безупречнымъ: но лучше намъ нельзя было.

Уцѣлѣвшіе куски мѣдной доски предлагаютъ слѣдующее чтеніе надписи (отсутствующія буквы обозначены точками, но безъ ручательства о соотвѣтствіи въ строкахъ 4, 5 и 6 между числомъ точекъ и буквъ):

1 строка: ἸΩΆΝΝΗΝ ΤΌΝ ΒΑΡΟΤΖῊ
2 » ᾽ΟΠΟΥ̃ ΚΡΎΠΤΗ ΠΕΤΡΑ̃Η
3 » ΤΌΝ ΘΡΗΝΕ̃Ι ᾽Η ΣΎΖΥΓΟ.Τ̃Ϛ
4 » ᾽Η ΠΟΛΛΑ ἈΤ̄... ᾽ΗΝ
5 » ΚΑΙΓ....᾽Ο ΝΙΝ ΝΑ.....
6 » ΘΈΛΟΥΣΑ ΤΟΥ̃ ΠΟ..... Ν
7 » ΤΆΥΤΗ. ΓΕΙΡΕΤ. ΣΉΛ. ἈΤΙΜΉΣΙ.
8 » ΕἸΣ ΜΝΗΜΌΣΥΝΟ..ΥΤ̃Ϛ

Прежде всего отмѣтимъ:

1) придыханія, легкое и густое, на мѣстѣ;

2) всѣ три ударенія почти на мѣстѣ. Если кое-какія отдѣльныя слова въ нашемъ чтеніи безъ ударенія, то потому, что соотвѣтствующія мѣста повреждены (при крошеніи) или отъ времени, или загрязнены. Я-же опасался чистки, такъ какъ хрупкая пластинка подъ пальцами ломается. Очень немного словъ безъ отмѣтки ударенія было, по видимому, въ оригиналѣ.

Чтобы разобраться въ содержаніи надписи, съ недочетами, особенно, въ трехъ серединныхъ строкахъ, т. е. чтобы возстановить, хотя приблизительно, чтеніе недостающихъ словъ, приходится сдѣлать мелкій грамматическій, по строкамъ, разборъ каждаго слова: тогда уже мѣсто и догадкамъ, поддерживаемымъ то кое какими остатками отъ былыхъ словъ, то только слѣдами отдѣльныхъ буквъ отъ послѣднихъ. Слова въ надписи безъ переноса.

---

1 строка.

᾽ΙΩΆΝΝΗΝ — вм. ед. отъ личнаго, христіанскаго им. ᾽ΙΩΆΝΝΗΣ.

ΤΌΝ — членъ, м. р., вин. ед., относящійся къ послѣдующему имени и опредѣляющій точнѣе христіанина Іоанна, изъ Аккермана.

ΒΑΡΟΤΖῊ. Видимо, имя собственное, фамилія Іоанна—Вароцѝ, съ

удареніемъ на послѣднемъ слогѣ и внѣ склоненія. Отъ буквы Z сохранилась верхняя горизонтальная черта въ обоихъ смежныхъ кускахъ, а на поперечной какъ разъ идетъ переломъ. Пустое-же пространство, т. е. отсутствующій кусокъ, какъ разъ для помѣщенія нижней горизонтальной черты буквы Z. Конечно, фамилію можно читать и Бароци. Она, въ виду хоть ея конца, звучитъ не совсѣмъ по-гречески—болѣе по-итальянски.

2 строка.

ὍΠΟΥ̃, съ неправильнымъ удареніемъ, вм. ὅπου, подъ вліяніемъ вопр. ποῦ гдѣ? — нар., собственно относит. гдѣ. Но здѣсь эта частица въ значеніи указательнаго нарѣчія — здѣсь. Ср. въ сложеніи: ὅπου μεν... ὅπου δε: здѣсь-тамъ.

ΚΡΎΠΤΗ, откуда лат. crypta, им. ед., сводъ, гробница, склепъ могильный. Ср. чешское sklep, погребъ.

ΠΕΤΡᾶ́.Η. Въ концѣ слова (и строки) явственны остатки буквы Η, особенно перекладина; предшествующая буква отсутствуетъ, за отсутствіемъ крохотнаго куска мѣди: но этотъ кусокъ какъ-разъ для буквы Ι. Прилаг. πετρᾶιος, α, ον каменный, скалистый, отъ πέτρα камень, скала; у насъ необыкновенная, діалектическая форма женскаго рода им. ед. ч., согласованная съ сущ. κρύπτη. Мы бы оба слова перевели: «изъ камня сдѣланная могила».

3 строка.

ΤῸΝ. Вин. муж., ед. ч., отъ мѣст. ὅ, съ значеніемъ этотъ, оный. Относится къ Іоанну, прямое дополненіе въ зависимости отъ послѣдующаго дѣйствительнаго глагола

ΘΡΗΝΕΙ̃. 3 л. ед. наст. вр., отъ д. гл. θρηνεῖν оплакивать.

᾽Η. Членъ ж. р. им. ед. къ послѣдующему имени сущ.

ΣΎΖΥΓΟ(Ν). Послѣ Ο недостаетъ кусочка. Но въ слѣдующемъ кускѣ явственна вертикальная черта, вторая отъ буквы Ν. Обычная форма этого имени сущ. — ἡ σύζυγος супруга, жена. Но разъ при ὁ ζυγός есть το ζυγόν иго, то, по аналогіи, при формѣ ἡ σύζυγος — неправильной въ виду окончанія ος — понятна и форма нашей надписи ἡ σύζυγον, съ тѣмъ-же значеніемъ — супруга, жена. Новое слово, но и ниже.

Τῶ̃ род. муж. ед., отъ мѣст. ὅ, въ смыслѣ его, онаго, а не члена, т. е. того-же Іоанна.

4 строка.

Ἡ. Членъ ж. р. им. ед., объединяющій рядъ послѣдующихъ словъ.

ΠΟΛΛΑ. Ср. рода вин. мн. ч., отъ прил. πολλός, -ή, -όν = πολύς, слово поэтическаго языка. Въ настоящемъ случаѣ πολλά (безъ остраго ударенія на α, какъ это ясно видно на оборотѣ нашей доски), въ обыкновенной формѣ, съ значеніемъ нарѣчія—весьма, очень.

Отъ слѣдующаго слова сохранилось лишь первая буква А съ легкимъ придыханіемъ, да отъ второй буквы верхняя горизонтальная черта, съ самостоятельнымъ положеніемъ и нѣсколько большая той-же черты въ буквѣ Т. Въ виду послѣднихъ условій я полагалъ бы, что вторая буква была Ξ. Но все слово? Можно предположить чтеніе: ᾽ΑΞΙΑ, имен. п. ж. р. ед. ч., отъ прил. ἄξιος, α, ον достойный, ая, ое, относящееся къ слову ἡ σύζυγον(-ς)—къ супругѣ Іоанна.

Но далѣе—большая пустота, слабо уменьшаемая въ началѣ буквами Ι и Α предполагаемаго нами чтенія: ᾽ΑΞΙΑ. Но если видоизмѣнить чтеніе и вмѣсто обыкновеннаго прилагательнаго предположить его синонимъ, но развитый чрезъ сложеніе изъ того-же основнаго прилагательнаго—ἀξιόχρεως, εων, и съ тѣмъ же синтаксическимъ управленіемъ—съ род. пад., достойный, то тогда наше пустое мѣсто въ мѣру восполняется.

Въ концѣ строки двѣ буквы: послѣдняя, вполнѣ явственная—N; предпослѣдняя—только вѣроятная—Η, и въ вязи съ послѣднею. Эти двѣ буквы могли-бы образовывать слово

ΗN — въ вязи, 3 л. ед. ч. несов. вр., отъ εἰμί, была. Смыслъ получился бы достаточный. (Отъ Η только вторая часть, впереди разломъ, слѣд., безъ знаковъ).

5 строка.

Первыя четыре буквы ясны:

ΚΑΙΤ. Отъ пятой буквы ясна вертикальная черта, полагалъ бы, отъ буквы Η. Кажется, есть еще слѣдъ отъ облеченнаго ударенія: это вполнѣ утверждало-бы наличность здѣсь буквы Η и форму именно родительнаго падежа отъ предполагаемаго нами существительнаго — κλιτήρ, родит. κλιτῆρος. Далѣе — пустота, въ 4 сентиметра. Если я правъ, что пятая буква была Η, то въ пространство 4 сентим. помѣстилось бы кромѣ буквы Η еще слѣд. три буквы: ΡΟΣ. Мы предполагаемъ, такимъ образомъ, первое слово 4-ой строки въ формѣ род.

падежа ед. ч. отъ именит. Ὁ ΚΛΙΤΉΡ ложе—ΚΛΙΤΗ̃ΡΟΣ, а род. пад. зависѣлъ бы отъ прилагательнаго ἄξια или ἀξιόχρεως 4-ой строки. Что искомое имя существительное мужескаго рода, говоритъ и послѣдующее мѣстоименіе

Ὅ, ясно читаемое съ густымъ придыханіемъ: имен. пад. муж. р. ед. ч., съ значеніемъ этотъ. Это мѣстоименіе — подлежащее для послѣдующаго опредѣлительнаго придаточнаго предложенія.

NIN. Слово ясно выдѣлено изъ сосѣдства. Мѣстоименіе общаго рода, вин. пад. ед. ч., дорич. и аттич. μίν, съ значеніемъ αὐτόν, αὐτήν, αὐτό, въ данномъ случаѣ — самоё меня, ибо относится къ женѣ нашего покойника. По правилу—νίν вм. αὐτόν и αὐτήν, рѣдко вм. αὐτό.

Отъ послѣдующаго слова осталось двѣ буквы:

NA, при чемъ отъ второй вторая наклонная черта отсутствуетъ. Пустое мѣсто, въ границахъ письма, тянется на 4 или 5 сентим. Отъ какого-же слова могъ-бы быть осколокъ NA?

Смыслъ придаточнаго предложенія требуетъ глагола къ подлежащему ὅ, и глагола дѣйствительнаго залога, въ виду прямаго дополненія νίν. Я предположилъ бы, что въ надписи былъ употребленъ глаголъ νάσσειν гнести, угнетать, и въ формѣ 3 л. ед. наст. времени: νάσσει. Смыслъ для 4-ой и 5-ой строкъ получается удовлетворительный: «супружеское ложе гнететъ, удручаетъ меня, а недавно-де оно было такъ пріятно». Было ли еще что̀ далѣе куцаго глагола νάσσει? Мѣста въ строкѣ еще довольно. Но, можетъ быть, 5-ая строка была короткая, и еще слова не было въ надписи: строки не кончаются въ шеренгу, какъ было замѣчено уже раньше.

6 строка.

ΘΈΛΟΥΣΑ. Прич. наст. вр. им. ж. р. ед. ч., отъ гл. θέλειν, желающая. Слѣдовательно, продолжается конструкція въ зависимости отъ члена Ἡ, т. е. все супруга-вдова о себѣ говоритъ. Но въ виду синтаксическаго употребленія глагола θέλω (=ἐθέλω) — съ неопредѣленнымъ, особенно, въ формѣ причастія (какъ въ данномъ случаѣ), слово θέλουσα можно передать и нарѣчіемъ=охотно, добровольно. Если же принять во вниманіе, что гл. θέλω позже имѣетъ значеніе: быть въ состояніи, мочь, и значеніе вспом. гл. μέλλω, то θέλουσα можно передать и словами—имѣющая впереди, могущая только.

ΤΟΥ̃. Ср. ΤΟ̃ выше: род. ед. м. р. отъ ὁ, его, того. Родит. падежъ въ зависимости, очевидно, отъ послѣдующаго глагола, но отъ котораго сохранились лишь первыя двѣ буквы

ΠΟ. Далѣе идетъ пустота въ 6 сентим. и въ заключеніе строки буква

N.

Какой же это глаголъ, съ слогомъ πο въ началѣ и къ смыслу строки идущій?

Въ виду отмѣченнаго выше синтаксическаго употребленія глагола θέλω — съ неопредѣленнымъ, мы должны предположить глаголъ въ формѣ неопредѣленнаго наклоненія, а въ виду род. дополненія τοῦ — глаголъ, управляющій этимъ падежемъ. Конечное N строки поддерживаетъ наличность требуемой формы—неопредѣл. наклоненія.

Можно бы предположить, что въ надписи здѣсь стоялъ глаголъ ποθεῖν томиться, сокрушаться отъ кручины. Какъ разъ состояніе духа, по крайней мѣрѣ, для ближайшаго будущаго, печальной вдовицы. Глаголъ управляетъ именно родит. пад. Но слово короткое, а пустота до буквы N въ 6 сентим., слѣдовательно, имъ не заполняется. Нужна иная комбинація.

При глаголѣ ποθεῖν есть синонимъ, глаголъ составной, въ образованіи котораго участвуетъ и тотъ глаголъ, но въ формѣ отглагольнаго нарѣчія: ποθεινῶς ἔχειν, и также управляющій родит. пад., и съ тѣмъ же значеніемъ—тосковать, сокрушаться. Этимъ двусоставнымъ глаголомъ заполняется какъ разъ наша пустота. Противъ смысла сказать ничего нельзя.

До сихъ поръ шла мотивировка или предложены основанія для рѣшенія или поступка любящей вдовы, о которомъ рѣчь въ послѣднихъ двухъ строкахъ надписи.

7 строка.

ΤΆΥΤΗ. Если вм. τὸ αὐτό употребляется ταὐτόν, то по аналогіи возможно образованіе мѣстоименія въ надписи: ΤΆΥΤΗ, им. п. ед. ч. женскаго рода: эта-то, вотъ эта. Ср. нар. ταύτῃ.

Первая буква слѣдующаго слова отсутствуетъ, за изломомъ: но отъ нея сохранилась вертикальная черта. Въ связи съ послѣдующими

буквами втораго слова я полагаю, что здѣсь была буква Ἡ. Итакъ, второе слово

(Ἡ)ΓΕΙΡΕΤ., съ недостающею послѣдней буквой, за изломомъ, но безъ труда возстановляемой — буквою О. 3 л единств. ч. аориста, отъ глагола ἐγείρομαι — воздвигаюсь, сооружаюсь. Получается и надлежащее значеніе, и терминъ техническій, обыкновенно употребляющійся въ греческихъ надписяхъ, часто и съ предлогомъ: ἀνεγείρειν. Такъ въ «Corpus inscriptionum Graecarum», vol. IV, fascic. III (Berolini, 1877), изд. Т. Момсеномъ и заключающемъ въ себѣ «Inscriptiones christianas», въ надписи изъ Константинополя неизвѣстнаго времени, № 8797: ΑΝΗΓΕΙΡΕ (т. е. τὸ τεῖχος, какъ добавляетъ издатель); въ другой надписи: ΑΝΕΓΕΙΡΕ ΝΙΚΟΛΑΟΣ и пр. Терминъ ἀνήγειρε, по словамъ французскаго знатока греческихъ надписей, г. Соломона Рейнаха, принадлежитъ, наравнѣ съ другими синонимами, какъ-то: ἔκτισε, ἐποίησε, къ эпохѣ древнихъ надгробій («Traité d'épigraphie grecque», p. 427).

ΣΤΉΛ., съ недостающей послѣдней буквою; но, очевидно, здѣсь была буква Η; ср. выше опредѣленіе въ женск. родѣ — ταύτη. Στήλη им. ед. ж. р., подлежащее, съ значеніемъ — колонна, намогильный столбъ, надгробный памятникъ, почему стало синонимомъ — τὸ μνῆμα, τὸ μνημεῖον — монументъ. Обыкновенный эпитетъ стелы — λευκόλιθος, бѣлокаменная, т. е. мраморная, или просто — изъ бѣлаго матеріала.

᾽ΑΤΙΜΉΣΙ., съ недостающею послѣднею буквой, но легко возстановляемой — въ виду предшествующаго имени существительнаго, буквою Α: имя прилаг., им. п. ед. жен. рода, трехъ окончаній ἀτιμήσιος, -ια, -ον неоцѣнимый, безцѣнный, -ая, -ое. Въ лексиконѣ (Passow'a, Коссовича) слово это безъ отрицанія: τιμήσιος тоже, что τιμητός, достойный почтенія, цѣнный. Слѣдовательно, слово новое для словаря.

8 строка.

ΕΊΣ. Предлогъ въ, на.

ΜΝΗΜΌΣΥΝΟ., съ пропускомъ, за изломомъ, послѣдней буквы (и первой буквы послѣдующаго, т. е. послѣдняго слова надписи), буквы Ν. Μνημόσυνον (τὸ) — имя сущ., у позднѣйшихъ писателей, въ Новомъ Завѣтѣ, по значенію тоже, что τὸ μνημεῖον память, помин-

ки. Позже, въ христіанскихъ греческихъ надписяхъ—μνῆμα, ὑπόμνημα на память. Напр., въ фригійской надписи III—IV в. по Р. Хр., составленной, по словамъ издателя, Момсена, sermone barbaro: «ἐν(ε)χεν τούτου ἔστησα τὴν στήλην χάριν μνήμης». (Momsen Th., Corpus inscriptionum Graec., v. IV, f. III, № 9266 («Tituli sepulcrales», отъ № 9110). Ср. № 9225, 9226 и др., № 9257.

Послѣдное слово, съ недостающею первой буквой, но легко по смыслу возстановляемой,

(А)ΥΤΟΥ. Род. п. ед. ч. муж. р. отъ мѣстоименія αὐτός самъ; здѣсь съ общимъ значеніемъ—его, о немъ = τοῦ, что̀ выше.

Относительно чтенія 1-ой и 2-ой строкъ могутъ замѣтить, что въ 1-ой строкѣ одни винительные падежи, во 2-ой — одни именительные. Гдѣ-же дѣйствительный глаголъ?

Но наша надпись не оригинальничаетъ: она только свято блюдетъ пріемъ, преданіе старины, что̀, скажемъ напередъ, не можетъ не говорить о старинѣ ея самой, и она пріобрѣтаетъ тѣмъ уже законное мѣсто среди однородныхъ памятниковъ, право на наше вниманіе.

Г. Соломонъ Рейнахъ, въ указанной своей Греческой Палеографіи, говоритъ по поводу употребленія въ надписяхъ одного винительнаго падежа для лица чествуемаго и безъ глагола: «L'accusativ seul, même sans ὁ δῆμος et sans verbe, est de règle dans les inscriptions honorifiques. L'héroon est le monument élevé en l'honneur du mort.... Plus tard, le nom (т. е. чествуемаго лица) est généralement à l'accusatif, et l'ont met au nominatif celui de la personne... qui a voué la statue»[1]). Въ нашей надписи вмѣсто именительнаго лица именительный самаго предмета славы, а винительный лица можно бы передать родительнымъ, съ прибавленіемъ впереди: для, ради.

Въ виду всего изложеннаго, я полагалъ бы, что наша надпись имѣла, до сокрушенія ея мѣдной доски въ рукахъ аккерманскаго еврея, приблизительно слѣдующее чтеніе (что̀ по догадкѣ, то въ скобахъ):

---

[1]) Reinach Sal., Traité d'épigraphie Grecque, Paris, 1885, p. 380, 381.

1 строка: ἸΩΆΝΝΗΝ ΤῸΝ ΒΑΡΟΤΖῊ
2 » ῾ΟΠΟΥ̃ ΚΡΎΠΤΗ ΠΕΤΡΑ̃(Ι)Η
3 » ΤῸΝ ΘΡΗΝΕ̃Ι ῾Η ΣΎΖΥΓΟ(Ν)ΤΑ̃
4 » ῾Η ΠΟΛΛΑ ᾽Α(ΞΙΌΧΡΕΩΣ)᾽ΗΝ
5 » ΚΛΙΤ(Η̃ΡΟΣ) ῾Ο ΝΙΝ ΝΆ(ΣΣΕΙ)
6 » ΘΈΛΟΥΣΑ ΤΟΥ̃ ΠΟ(ΘΕΙΝΩ̃Σ ῞ΕΧΕΙ)Ν
7 » ΤΆΥΤΗ (᾽Η)ΓΕΙΡΕΤ(Ο) ΣΤΉΛ(Η) ᾽ΑΤΙΜΊΣΙ(Α)
8 » ΕΙ῎Σ ΜΝΗΜΌΣΥΝΟ(Ν Α)ΥΤΑ̃

Въ переводѣ эта надпись гласила бы (подчеркнутыя слова добавлены):

Для Іоанна Бароци
здѣсь изъ камня сдѣланный склепъ.
Его оплакиваетъ его супруга.
Она была вполнѣ достойна
того ложа, которое ее самое теперь гнететъ:
впереди она имѣетъ одно—сокрушаться о немъ.
Этотъ безцѣнный памятникъ воздвигнутъ
на память о немъ.

Остается сдѣлать попытку приблизительно опредѣлить — къ какому времени въ жизни Аккермана можетъ быть отнесена надпись? Тогда установится и время постановки памятника, и время жизни умершаго въ Аккерманѣ Іоанна Бароци.

Разсмотримъ палеографическія особенности письма надписи, пріемы письма и характеръ ея греческаго языка.

1) Палеографическія особенности (формы буквъ).

Изящный уставъ, одинъ рисунокъ буквъ самъ по себѣ еще мало говоритъ: вѣдь опытною рукою рисунокъ могъ быть воспроизведенъ во всякое время. Вѣдь и мало художественная, но наловчившаяся рука юркаго, но благороднаго въ своихъ побужденіяхъ, В. В. Ганки у чеховъ, въ началѣ этого столѣтія могла, произвести палеографическій опытъ

даже съ зелеными чернилами[1])... Но зачѣмъ итти далеко: вспомнимъ нашего очаковскаго антикварія—извѣстнаго всѣмъ намъ еврея, его досадныя удачи по археологическимъ сношеніямъ съ пок. нашимъ сочленомъ, И. К. Суручаномъ, и другими, по продажѣ—начиная отъ простаго мрамора и кончая знаменитою «короною». Но имѣетъ, какъ извѣстно, значеніе форма или рисунокъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ буквъ. Пользуемся въ этихъ цѣляхъ указанными выше изданіями: «Inscriptiones» Момсена и «Traité» Сол. Рейнаха.

Фигуры буквъ Ω и Σ нашей надписи — это «древнѣйшія формы этихъ буквъ», и идутъ въ христіанскихъ надписяхъ отъ VI в., напр., Іерусалимской. Momsen, № 8643.

Фигура буквы Θ нашей надписи въ тѣхъ-же надписяхъ старѣйшей эпохи чередуется съ формою Θ. И въ одномъ словѣ и такъ, и сякъ. Ср. ib. № 8960.

Такого же безразличнаго характера и фигура буквы А: она въ древнѣйшихъ надписяхъ; но тамъ-же и ⅄.

Фигура буквы Z и въ древнѣйшихъ надписяхъ. Ср. ib. № 8653.

Архаическую форму имѣетъ и буква М нашей надписи.

Но оставимъ эту глубокую старину. Тотъ-же архаическій стиль въ рисункахъ тѣхъ-же буквъ мы находимъ и въ греческихъ надписяхъ болѣе поздняго времени: XII—XIII вѣка.

Такъ, къ нашей надписи фигурою своихъ Σ, Ω, А подходитъ лапидарная надпись въ портикѣ церкви Пантократора въ Константинополѣ, отъ первой половины XII вѣка (Momsen, № 8722). Но здѣсь нѣтъ удареній, придыханій, и ΟΥ, а не 8, Θ, а не Θ. Подходитъ и другая надпись въ Константинополѣ, отъ второй половины XIII вѣка—ib. № 8754. Обѣ надписи — царскія. По смѣшанному употребленію буквъ ΟΥ и 8 подходитъ и надпись на гробницѣ импер. Мануила Комнина, ум. 12 іюля 1212 года, въ Никеѣ — ib., № 9262, (...ΠΡΩΤΤΟΥ ΛΑΜΙΡ8 ΓΕΝ8), но только—ибо надпись эта совсѣмъ неграмотная.

---

[1]) Припомню здѣсь свои замѣтки въ Журн. Мин. Нар. Пр., за 1880 годъ, въ прерванной печатаніемъ серіи статей — «Историки литературы Славянъ», а еще раньше въ моихъ «Отчетахъ изъ-за границы». Конечно, въ 1869 году, при первомъ знакомствѣ съ Зеленогорскою рукописью въ Прагѣ, я, неоперившійся славистъ, былъ еще правовѣрнымъ. (См. «Отчетъ г. Попечителю Одесск. Учебн. Округа», въ «Циркулярѣ Округа» за 1870 годъ.

Относительно сокращенія 8 замѣчу, что въ надписи XIII вѣка у Момсена № 8970 — «in triptycho ligneo», но съ буквами, небрежно сдѣланными, только 8. Небрежность, соображеніе экономіи мѣста могли играть роль. Но этотъ пріемъ отъ старины: «les sigles pour la diphtonge ΟΥ, говоритъ г. С. Рейнахъ, se trouvent surtout à partir de Septime Sévère et de Caracalla»[1]).

Такимъ образомъ, по рисунку и составу буквъ, аккерманскую надгробную надпись можно-бы отнести къ XII—XIII вѣку по Р. Хр.

2) Пріемы письма.

Мастеръ былъ изъ хорошей грамматической школы. Онъ не смѣшиваетъ буквъ и слоговъ, легко мѣшавшихся въ византійской графикѣ уже древнѣйшаго времени, не смѣшиваетъ:

Η и Ι, Υ,
Υ и Ι, Η,
ΕΙ и Ι,
ΑΙ и Ε,
Ω и Ο.

У Момсена, ор. с., надпись № 8780: IOANNI, но № 8781: IΩANNH; № 8782: ΔΕΣΠΟΤΙΣ (т. е. δεσπότης), ΔΙΔΟΣΙΝ (т. е. δίδωσιν). № 8654 —Η вмѣсто Υ. Каждый изъ тѣхъ знаковъ въ нашей надписи на мѣстѣ, по грамматикѣ.

Такимъ образомъ, о нашей надписи нельзя сказать словами Момсена, относящимися ко многимъ изъ изданныхъ имъ византійскихъ надписяхъ: «a barbaro homine barbare scripta». Упомянутая надпись надъ гробницею импер. Мануила Комнина (вѣроятно, отъ начала XIII в.) сдѣлана во многихъ отношеніяхъ «barbare».

Отмѣтимъ и два N въ IΩANNHΣ, тогда какъ уже и въ старыхъ надписяхъ одно N, напр. у Момсена, ор. с., № 8950. О самыхъ разнообразныхъ написаніяхъ этого имени въ надписяхъ, см. ib., Index, s. v.

Грамотность писца говоритъ болѣе въ пользу древности надписи.

Спорадически встрѣчающаяся вязь и особенно въ послѣднихъ двухъ строкахъ нашей надписи знакома греческимъ надписямъ отъ ранняго времени:

---

[1]) Op. c., p. 211.

у Момсена, ор. с., № 8694: ΝΗ, ΓΡ
» » » » № 8654: ΗΡ (вм. ΥΡ).

Слѣдовательно, эта черта письма не говоритъ о новизнѣ. Прибавимъ, что тотъ-же пріемъ — вязь — и въ греческой надписи Туры времени имп. Коммода (182 г.), и въ греческой надписи Аккерманской крѣпости отъ XV вѣка, изданной Мурзакевичемъ, а въ 1889 г. переизданной мною («Записки И. Од. О. Ист. и Др.», томы XIII и XV).

Знаки акцента и придыханія, вообще тщательно проставленные на своихъ мѣстахъ (объ исключеніяхъ и разломѣ см. выше) образованнымъ авторомъ или мастеромъ нашей надписи, допускаютъ относить послѣднюю ко времени XII—XIII в.

Отмѣтка акцента — не пріемъ старины. «Quelques inscriptions de l'epoque byzantine, говоритъ г. Рейнахъ, portent des accents; dans l'inscription commémorative de la reconstruction des murs de Cavalla au X siècle l'accent circonflexe a la forme d'un segment de cercle» («Traité d'epigr. Grecque», p. 211).

Въ нашей надписи знакъ облеченнаго ударенія въ формѣ змѣйки: надо полагать потому, надпись позже X вѣка.

«M. Schlumberger, продолжаетъ г. Рейнахъ, a publié un sceau byzantin où tous les mots sont accentués — Sigillographie byz., p. 51, № 58» (ib.).

Дѣйствительно, г. Шлумберже говоритъ о византійской печати около 1264 года, что она, можетъ быть, по исключенію — единственная, ибо въ чтеніи печати почти каждое слово съ удареніемъ (p. 52). Но печать не надпись на доскѣ, на памятникѣ, позволяющемъ свободно разойтись.

Обращаюсь къ указанной тетради «Inscriptiones» Момсена.

Если въ виѳинской надписи (въ банѣ) № 8912 надбуквенные знаки только въ первыхъ трехъ строкахъ; если только слѣды легкаго и густаго придыханій, а змѣевидный знакъ съ значеніемъ титла или сокращенія, въ аѳинскихъ надписяхъ 1017 и 1030 г. — (№№ 9366, 9364): то въ римской надписи № 8967 (въ Христіанскомъ Музеѣ Ватикана) на лице всѣ надбуквенные знаки: придыханія ʾ, ʿ, ударенія ̀, ́, ̃. Эту надпись (съ вязью, но письмо слитное) на «tabula lignea» Момсенъ относитъ къ XI или XII вѣку.

Съ XIII вѣка греческія надписи на Востокѣ уже съ знаками. Ср. №№ 8969, 8970. Въ рукописяхъ раньше — IX в., см. Wattenbach, Scripturae graecae specimina.

Изъ греческихъ надписей Запада («Tituli Occidentis») имѣетъ для насъ интересъ большая надпись изъ Сициліи отъ 1141 г., № 9535.

Здѣсь острое и тупое удареніе въ видѣ одной вертикальной черты;

облеченное удареніе въ видѣ змѣйки;

слабое придыханіе отмѣчено, но нѣтъ густаго придыханія.

Кромѣ того, слова раздѣлены и фигуры буквъ, но не Ω, стараго стиля.

Такимъ образомъ, всѣ внѣшніе признаки — пріемы письма, особенно отмѣтка (и форма) удареній и придыханій — разрѣшаютъ пріурочить нашу надпись къ XII—XIII вѣку по Р. Хр.

3) Языкъ.

Языкъ правильный, а словорасположеніе — въ поэтическомъ духѣ. Правда, нѣсколько странны формы: τὸν Βαροτζῆ, πετράιη (вм. — ια), ἡ σόζυγον, вм. ἡ σόζυγος; но о языкѣ нашей надписи все-же нельзя сказать: «sermo barbarus».

Отмѣтимъ относительную старину въ словахъ и соблюденіе общепринятыхъ терминовъ въ языкѣ греко-христіанскихъ надписей: ἡ κρύπτη, ὁ κλιτήρ (не κλιντήρ), ἐγέιρειν, ἡ στήλη; не безъ интереса — ἀτιμήσιος (въ формѣ неизвѣстной — у Дюканжа только ἀτίμητος honorandus).

Итакъ, въ соображеніе указанныхъ данныхъ, надпись на намогильномъ памятникѣ Іоанна Бароци (Вароци), воздвигнутомъ отъ его безутѣшной супруги, можно бы отнести къ XIII вѣку.

Но настоящій судъ принадлежитъ болѣе свѣдущимъ лицамъ, а не автору этихъ строкъ, который во первыхъ — неспеціалистъ, во-вторыхъ — не можетъ скрыть своего смущенія въ виду того, что ему, автору, извѣстна изъ книгъ давно фамилія Бароци — изъ Бессарабіи и даже изъ Аккермана, но — отъ конца XVIII и начала XIX в.

Что, если аккерманская ΣΤΗΛΗ воздвигнута въ началѣ истекающаго XIX столѣтія, и совпаденіе именъ не дѣло случая?

Въ началѣ 1790 г., когда турки на нижнемъ Дунаѣ какъ-будто готовы были на миръ съ нами, въ лагерѣ ихъ находился тогда агентъ князя Потемкина, Бароцій, нарочно посланный туда имъ для предварительныхъ переговоровъ.

Визирь предлагалъ конгресъ въ Рущукѣ, конечно, чрезъ Бароція. Потемкинъ 22 февраля 1790 г. писалъ на это своему агенту: «назначеніе конгреса въ Рущукѣ для меня неудобно, Рущукъ отъ меня удаленъ и конгресъ не нуженъ».

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Потемкинъ опять пишетъ Бароцію, въ отвѣтъ на жалобы турокъ на его, князя, медленность, что онъ всегда за миръ, но если опять война, то онъ «посадитъ такую вошъ въ голову, какой они еще не имѣли».

Когда же выяснилось, что турки только проводятъ, Потемкинъ писалъ Бароцію: «пріѣзжайте ко мнѣ скорѣй... вамъ нечего дѣлать». Какъ близкаго къ себѣ человѣка, князь просилъ его привезти «самой тонкой кисѣи, апелсиновъ, каштановъ и лимоновъ»[1]).

Черезъ 30 лѣтъ мы встрѣчаемся съ полковникомъ русской службы—Бароци. Онъ былъ сослуживецъ изв. Липранди, а въ 1818 г. состоялъ комендантомъ Мобежа (во Франціи). Сынъ ли это потемкинскаго Бароція, или самъ послѣдній? Мы увидимъ сейчасъ, что сынъ.

По видимому, семья Бароци жила въ Бессарабіи. Въ годы жизни Пушкина въ Кишиневѣ (1820—23), тамъ должность предсѣдателя гражданскаго суда занималъ д. с. с. Ѳ. Ив. Недоба, бывшій до 1813 г. нашимъ дипломатическимъ агентомъ въ Бѣлградѣ, а затѣмъ вмѣстѣ съ Кара-Георгіемъ и митрополитомъ сербскимъ Леонтіемъ Ламбровичемъ удалившійся въ Бессарабію. Этотъ дипломатъ былъ женатъ на сестрѣ полковника Бароци[2]).

Наконецъ, тогда-же, въ тѣхъ-же 20-хъ годахъ, проживалъ и въ самомъ «жалкомъ» Аккерманѣ, въ городѣ, населеніе котораго, по свидѣтельству очевидца А. Ѳ. Вельтмана, въ 1820, помѣщалось въ 500 хатенкахъ, лѣпившихся вокругъ «почернѣвшихъ отъ времени башенъ

---

[1]) «Записки И. Од. О. Ист. и Др.», т. VIII, p. 194, 196, 198.

[2]) Ср. Халиппа Ив., «Городъ Кишиневъ временъ Пушкина», въ «Трудахъ Бессарабской Ученой Архивной Коммиссіи», т. I, p. 149 (оттискъ, p. 53). Историческая наука не можетъ не встрѣтить съ признательностью первенца новой нашей архивной Коммиссіи; но желательно меньше этимологіи и чтобы изданія ея въ будущемъ выходили изъ печати безъ чрезвычайныхъ опечатокъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 165 приводится предложеніе русскаго министра внутреннихъ дѣлъ въ 1837 году и министръ названъ — Д. Н. Бауеръ, а надо читать: Д. Н. Блудовъ. Этотъ небывалый министръ мнѣ напомнилъ небывалаго принца въ одномъ одесскомъ листкѣ: тамъ извѣстный англійскій титулъ мужа королевы Викторіи—«Prince-Consorts»—т. е. принцъ супругъ, переведенъ по-русски—«принцъ Консортскій...». Но quod licet..., non licet—образованной коллегіи...

замка Аккермана»[1]), д. ст. сов. Бароци. Помимо его чина (въ то время этотъ чинъ не давался такъ легко, какъ въ наши дни), тотъ-же Липранди, бывавшій не разъ въ Аккерманѣ по дѣламъ службы, напр. въ декабрѣ 1821 г. вмѣстѣ съ Пушкинымъ, свидѣтельствуетъ, что Бароци былъ глубокій старецъ, хотя и женатъ на молодой, былъ втрое старше своей жены[2]). Въ виду же того, что жену бывшаго дипломата Недобы Липранди называетъ дочерью аккерманскаго дѣйств. статскаго совѣтника, то очевидно, что полковникъ Бароци, какъ братъ госпожи Недобы, былъ сынъ того-же аккерманскаго старика; старикъ-же Бароци былъ дважды женатъ: его вторая жена была моложе его дочери—Недобы, говоритъ Липранди.

Естественно полагать, аккерманскій д. ст. сов. Бароци 20-хъ годовъ, это — бывшій агентъ Потемкина.

Думаемъ, что и семья этихъ бессарабскихъ Бароци, какъ и ихъ современниковъ и товарищей по русской дипломатической службѣ на Югѣ — Пизани, Минчіаки, Базили, греческая, но итальянскаго происхожденія[3]).

Въ виду этихъ справокъ съ страницами изъ недавней исторіи Бессарабіи, набивается искусительный вопросъ — да наша ΣΤΗΛΗ не

---

[1]) Майковъ Л., Пушкинъ, біографическіе матеріалы и ист.-лит. очерки, Спб. 1899, стр. 108.—Вскорѣ послѣ 1813 г. поселился въ Аккерманѣ сербскій офицеръ-артиллеристъ, бѣжавшій съ Кара-Георгіемъ, Ѳома Малиновичъ (род. 1769 г.). Онъ былъ и поэтъ, но Аккерманъ дурно встрѣтилъ бѣглеца-поэта, потерявшаго отечество. Вспоминая родныя мѣста, Малиновичъ «пѣлъ»:

«У Аккерман' Малиновић седи,
На висину ведра неба гледи
Испред врата м а л о г дома свога...
Најпосље га къ Русији поведе (т. е. судьба),
У А к е р м а н' ж а л о с н и доведе,
Ђе Србина не вићет не може...
Малиновић грдне јаде јади,
Од жалости в и н о г р а д е сади...».

Но злополучный поэтъ такъ и умеръ въ Аккерманѣ, и только въ 1845 году. (Миличевић М., Поменик знаменитих људи у Српскога народа, Београд, 1888, 346—347).— Сербское ж а л о с н и = рус. жалкій.

[2]) Изъ дневника и воспоминаній И. П. Липранди, «Рус. Архивъ», 1866, р. 1247.

[3]) Вѣроятно, старикъ Бароци умеръ ранѣе 1827 г. ибо въ указ. «Статист. описаніи Буджака» среди жителей Аккермана 1826 г. значатся съ наивысшими чинами двое штабъ-офицеровъ. Генералъ не могъ быть пропущенъ.

поставлена-ли была въ «жалкомъ» Аккерманѣ надъ однимъ изъ Бароци XIX вѣка, напр. надъ аккерманскимъ дѣйств. стат. совѣтникомъ, послѣ 1821 года?...

Но мое смущеніе нѣсколько умиряется нѣкоторымъ соображеніемъ:

1) старикъ Бароци былъ женатъ на молоденькой русской, Пущиной, сестрѣ друга Пушкина[1]); едва-ли можно допустить, чтобы вдова, молодая, русская, хорошей петербургской семьи, могла остановиться на греческомъ памятникѣ въ стилѣ греческой старины и такъ горько плакать;

2) едва-ли можно допустить, чтобы въ началѣ нашего столѣтія въ «жалкомъ» городкѣ могъ найтись такой глубокій знатокъ стараго греческаго эпиграфическаго стиля, какъ мастеръ-авторъ нашего надгробія, могъ воспроизвести столь вѣрно давнюю старину. Въ 50-хъ годахъ я хорошо помню одного изъ мѣстныхъ греческихъ даскаловъ или «граматевсовъ»: понадобился священникъ для греческаго служенія въ греческой церкви Аккермана и былъ посвященъ тотъ даскалъ. Но онъ, бѣднякъ, не безъ труда по-гречески писалъ и читалъ, а по-русски совсѣмъ не умѣлъ.

Если-бы надпись была заказана на сторонѣ: вѣдь потемкинскій Бароци—дипломатъ, тузъ былъ, и самимъ старикомъ Бароци, то едва-ли юная вдова дозволила такъ многословно трактовать о своемъ горѣ, при мысли о потерѣ своего старца-генерала.

Если наша надпись не воспоминаніе о вчерашнемъ днѣ, то, въ виду своего довольно чистаго эллинизма, она должна относиться къ тому времени жизни Бѣлграда — Ἀσπροκάστρον, Λευκόπολις — когда тонъ ей давали греки, когда они еще не «вопили», а сами душили другихъ. А это время было давно, и очень давно.

Бѣлгородъ, до турокъ, напр. въ половинѣ XV вѣка, управлялся перколабами, ставленниками молдавскихъ господарей. Такимъ правителемъ въ 1438 году былъ панъ Луціянъ Херманъ[2]). Въ городѣ и вблизи

---

[1]) Липранди, op. c., тамъ-же, p. 1254.

[2]) Перколабъ этого имени въ надписи 1438 г. изъ Аккерманской крѣпости, изданной мною въ 1889 г. См. «Лапидарныя надписи и пр.», въ «Зап. Имп. Од. Общ. Ист. и Др.», т. XV. О перколабахъ въ др. городахъ Бессарабіи см. мой «Остерманъ», Грамоты.

его жили разные люди: но особенную роль въ указанное время желали было играть итальянцы, отнюдь же не греки.

Послѣ взятія Константинополя Магометомъ II, лѣтомъ 1453 года, генуэзскія владѣнія въ Крыму, отрѣзанныя отъ далекой метрополіи турками на Босфорѣ, очутились межь двухъ огней — межь турокъ съ моря и татаръ съ суши. Для безопасной доставки военныхъ припасовъ и войскъ оставался теперь одинъ нелегкій путь — изъ Генуи чрезъ Венгрію, Молдавію въ Бѣлгородъ-Аккерманъ, отсюда уже водою въ Кафу. Такимъ путемъ и прошелъ одинъ изъ генуэзскихъ отрядовъ въ 1455 году («terrestri via prima Mocastro, т. е. Moncastro, deinde maritime...») [1]). Но когда въ томъ же году постигъ Крымъ страшный неурожай и изъ Кафы отправлена была галера за покупкой хлѣба въ

---

[1]) Пользуемся генуэзскими матеріалами, извлеченными въ несуразной, путанной статьѣ М. Волкова: «Четыре года города Кафы» (1453—1456), въ «Запискахъ И. О. О. Ист.», т. VIII (1872), p. 109—144. Въ одномъ изъ документовъ — въ просьбѣ жителей Кафы (нын. Ѳеодосіи) къ своимъ владыкамъ въ Генуѣ прислать имъ подмогу сухимъ путемъ — земли, чрезъ которыя шелъ этотъ путь, названы въ такомъ порядкѣ: Венгрія, Польша и край «Бѣлаго владыки» («domini Blanchi»). Можно думать о «владыкѣ Бѣлгорода», т. е. господарѣ Молдавіи. Но мнѣ кажется, дѣло проще: здѣсь описка и dominus Blanchus есть dominus Blacchus, т. е. Валашскій; да и поитальянски было бы biancho, а не blancho.—Толкованіе автора, Волкова, произвольно (p. 116). Въ этой статьѣ правитель Аккермана названъ «жупаномъ», но не ясно — титулъ этотъ дается ему генуэзскими актами, или сочиненъ отъ себя авторомъ? Въ числѣ многочисленныхъ значеній этого въ высшей степени любопытнаго термина изъ исторіи публичнаго права у славянъ — отъ князя и до приходскаго священника (у хорватовъ), есть и значеніе, близкое къ молдавскому термину перколабъ. Коснувшись этого послѣдняго термина, не могу не вспомнить здѣсь о несогласіи недавняго любезнаго критика моего изслѣдованія: «Графъ А. И. Остерманъ и раздѣлъ Турціи», извѣстнаго нашего историка В. А. Бильбасова, съ моимъ толкованіемъ слова «перколабъ», въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1900, іюнь, p. 343. Это слово, при многочисленныхъ варіяціяхъ передачи его въ славяно-молдавскихъ памятникахъ отъ XIV и по XIX столѣтіе: пърколабъ, първълабъ, пъркалабъ и пр., я считалъ (p. 231 и др.) славяно-румынской передѣлкой нѣм. Burggraf, ср. н. burcgrâve, не безъ чешскаго посредничества, его purkrabí, и настаиваю и сейчасъ на этомъ производствѣ любопытнаго государственно-правоваго термина у Славянъ. Правда, мой высокоуважаемый критикъ можетъ указать мнѣ на теорію пок. В. И. Григоровича, который перколаба притягиваетъ къ византійскому «κουρκι» (см. у насъ выше), въ его первой части, и во второй видитъ передачу какого «лабас» (у Дюканжа я не нашелъ), съ значеніемъ «защитникъ», все-же слово готовъ считать не-то болгарскимъ, не-то еще кельтскимъ («Записка антиквара...», p. 44, прим.). Но дѣланность теоріи пок. Григоровича бросается въ глаза сама собой.

За мое толкованіе слова «перколабъ» говоритъ слѣдующее:

1) Полное звуковое соотвѣтствіе, при естественныхъ измѣненіяхъ звуковъ при переходѣ отъ одного народа къ другому, съ запада на юго-востокъ, между формами: перко-

Бѣлгородъ, она, прійдя по назначенію, какъ-разъ наткнулась на кровавую исторію — на ближайшихъ берегахъ моря и Лимана. Банда въ нѣсколько десятковъ отчаянныхъ рыбаковъ (piscatores) изъ Аккермана (ихъ достойные потомки — въ лицѣ нынѣшнихъ «рыбалокъ» по обоимъ берегамъ Лимана) напала на владѣнія какихъ-то, самовольно усѣвшихся у моря (Бугасъ?), 4 братьевъ-итальянцевъ, связала гостей, и, захвативъ громадныя сокровища, уничтожила укрѣпленную усадьбу фряжскихъ проходимцевъ[1]). Съ трудомъ послѣ этого эпизода подпустили къ себѣ аккерманцы и новыхъ фряговъ — голодныхъ изъ Кафы, прибывшихъ къ нимъ за хлѣбомъ.

Бѣлгородъ своими силами очистился отъ своихъ непрошенныхъ гостей изъ Италіи, гостей съ притязаніями. Но его населеніе, сохраняя свою туземную этнографическую окраску, имѣло въ своей средѣ и тѣхъ-же итальянцевъ, только въ скромной роли обыкновенныхъ гражданъ.

О столицѣ генуэзскихъ поселеній въ Крыму того времени, Кафѣ, оффиціально свидѣтельствуется, что тамъ между прочимъ жили: итальянцы, армяне, валахи, евреи, козаки и — греки[2]). Тѣже народы жили и въ Бѣлгородѣ тогда, но — безъ грековъ. По крайней мѣрѣ, о послѣднихъ нѣтъ упоминаній. Иное дѣло греческая культура: она въ надписяхъ его крѣпости.

лабъ, purkrabí и Burggraf; для историка славянскихъ языковъ являющіяся здѣсь мѣны звуковъ вполнѣ органическаго характера, слово вошло и въ плавн. сочетаніе;

2) Надлежащее соотвѣтствіе въ самомъ значеніи этого слова во всѣхъ трехъ языкахъ: славяно-русскомъ, чешскомъ и нѣмецкомъ, въ значеніи административнаго чиновника — правителя края, уѣзда, области (въ началѣ, по Гримму, comes castrensis, W.buch);

3) Извѣстность того-же термина, съ тѣмъ-же реальнымъ значеніемъ и прямо сопоставляемаго съ нѣмецкимъ Burggraf, въ старину, и въ языкѣ такихъ славянъ, какъ хорваты и хорутанцы: porkolab. Ссылаюсь на матеріалы для біографіи изв. Риттера-Витезовича, т. е. изъ XVII вѣка, въ изданіи Загребской Академіи наукъ — «Gradja za povijest književnosti Chrvatske», I, p. 40. Бургграфы нѣмецкіе очень памятны были тѣмъ славянамъ — дисциплину вводили. Объ исторіи слова «жупанъ», идущаго въ сѣдую доисторическую старину, см. мой докладъ на Седьмомъ археологическомъ Съѣздѣ, въ Ярославлѣ, въ 1887 г., въ «Трудахъ» этого Съѣзда, т. II: «О русскомъ племени въ Дунайскомъ Залѣсьѣ».

[1]) Усадьба-замокъ назывался — Lerice. Волковъ читаетъ — Лериче. Мнѣ думается — не скрывается ли подъ этимъ невѣдомымъ географическимъ терминомъ — простое русское слово — ерики, какъ и сегодня называется мѣстность на югъ отъ Аккермана, и моря, у такъ наз. Бугаза, т. е. у входа въ Лиманъ. Рыбалки изъ Аккермана очень цѣнятъ этотъ уголокъ — рыбы — кефали ради. Вѣроятно, цѣнили по тому-же тѣ мѣста и тогда.

[2]) Волковъ М., op. c., p. 119.

Въ 20-хъ годахъ того-же XV столѣтія (1421 г.) проѣзжалъ чрезъ Аккерманъ французъ Лануа, оставившій описаніе своего путешествія. Городъ онъ называетъ «Maucastre ou Bellegard» (т. е. и по-итальянски, по западному, и по туземному), а среди жителей его именуетъ «Gênenois, Wallackes et Hermins», т. е. генуэзцевъ, валаховъ и армянъ[1]). Нѣтъ сомнѣнія, что подъ нѣжно-звучащимъ Hermins надо понимать армянъ. Въ кафскомъ постановленіи 6 сент. 1455 г. армяне такъ и прописываются: «...terra ista populata esse in majori parte Ermenis, qui sunt nobis fidelissimi et boni mercatores»[2]). Ermenus = Hermin — армянинъ. Въ славянскихъ грамотахъ Молдавіи — «армѣне», въ Аккерманѣ у народа и сейчасъ — «нермэнъ». Источникъ обоихъ терминовъ — славянской; но откуда славянское армянинъ?

Что касается наличности евреевъ въ Бѣлгородѣ XV ст., то о нихъ свидѣтельствуется въ Житіи Іоанна Новаго (Сучавскаго) — масса евреевъ, еврейская улица; даже палачъ, усѣкшій главу мученику, былъ еврей. Конечно, Житіе не прямо историческій источникъ, да и время — 1492 г., эпоха уже турокъ. Но не турки-же привезли за собой евреевъ. Уже въ Ипат. лѣтописи, 1289 г. во Владимірѣ: «нѣмьци и сурожьци и жидове плакахуся». Впрочемъ, позже послѣдовалъ отливъ.

Такимъ образомъ, Аккерманъ лежалъ на большомъ торговомъ пути изъ Запада Европы на далекій Востокъ, на горизонтальномъ средне-европейскомъ пути, почему въ его населеніи, естественно, могли быть, и были, юркіе и горячіе сыны Италіи. По Житію Іоанна Новаго, Святый пріялъ вѣнецъ мученичества въ Аккерманѣ потому, что былъ твердый грекъ изъ Синона и на пути заспорилъ съ ненавистнымъ фрягомъ — генуэзцомъ, капитаномъ своего корабля, о сошествіи Св. Духа, т. е. о filioque. Но Бѣлгородъ лежалъ и на другомъ средне-европейскомъ пути, вертикальномъ — съ Сѣвера на Югъ, лежалъ какъ разъ по серединѣ его, и былъ повидимому, центральной станціей для западно-

[1]) Переводъ этого любопытнаго для насъ путешествія сдѣланъ пок. Ф. К. Брунномъ, этимъ историческимъ членомъ нашего Общества, и напечатанъ имъ въ «Запискахъ» Общества, т. III, 443 и сл. Другой французскій путешественникъ, монахъ де-Люкъ, въ 1625 году, называетъ Bilogrod — форма нѣсколько польская, каковая и на многихъ географическихъ картахъ XVI—XVII стол. («Записки Имп. Од. Общ. Ист.», т. XI, р. 488).

[2]) Волковъ М., op. c., p. 130. По Мурзакевичу, армяне — «потомки сиѣтическаго племени». («Записки Имп. Од. Общ.», т. IX, р. 311, прим. 3). Тоже наука! Можно говорить лишь о духовномъ родствѣ. О нестромъ составѣ населенія Бѣлгорода въ XV стол. я отчасти уже говорилъ въ статьѣ: «Лапидарныя надписи», p. 33.

русскихъ паломниковъ, направлявшихся въ Константинополь и въ Іерусалимъ [1]).

Такъ, въ Сказаніи мниха Епифанія о пути къ Іерусалиму, по рукописи Чудова монастыря, XVI—XVII вѣка, мы читаемъ: «...отъ великаго случ'ска (Слуцкъ теперь) до бѣла града Ф (т. е. 500 верстъ). отъ бѣла града до прл. града Ф». Варіантъ по рукописи 1657 года — «Бѣлаго града» [2]). Естественно, если по этому проторенному пути изъ Литовской Руси проползалъ въ Бѣлгородъ и русскій элементъ съ Сѣвера, помимо мѣстныхъ русскихъ, напр. по Днѣстру, которые могли къ тому времени еще не овалашиться: вѣдь въ первой половинѣ XV в. Бѣлгородъ съ престоломъ молдавскаго князя, съ первой въ жизни молдавской Церкви епископской каѳедрой, стоявшей въ церковной зависимости отъ Червоной Руси (Галиціи) [3]); органомъ умственныхъ

---

[1]) Кажется, западно-европейскій, горизонтальный путь на Аккерманъ и обратно былъ изъ-стари проторенною дорогою, и несомнѣнно, что не отъ вчера, не съ XV стол. Но, къ сожалѣнію, лично наши свѣдѣнія недостаточны для времени болѣе ранняго. Монеты (брактеаты) чешскихъ князей XI—XII стол. отыскивались въ сѣверной Бессарабіи, но не у Аккермана. Ср., впрочемъ, соч. г. Тадры (Tadra Ferd.): «Kulturní styky Čech s cizinou až do válek husitských», Praha, 1897, p. 150. О торговомъ значеніи вообще старыхъ чешскихъ монетъ, ихъ, такъ сказать, добросовѣстности, ср. ib., p. 395. Вспомнимъ, какую живую картину торговой жизни представляло наше Черное море въ X столѣтіи, если мы возьмемъ въ руки знаменитые Договоры русовъ съ греками. Правда, тамъ рѣчь о прибрежьѣ у Днѣпра. Но едва-ли и современное прибрежье у Днѣстра было непричастно той общей торговой жизни... Едва-ли правое устье Днѣстра, у впаденія Лимана въ море, единственно проходимое, случайно получило названіе Царьградскаго гирла. Шли какимъ-то путемъ въ Царьградъ послы чешскаго (моравскаго) князя Ростислава въ 861 году, шли съ ними наздъ Свв. Кириллъ и Меѳодій, Климентъ севастополецъ, но—какимъ?... Можетъ быть, и здѣсь надо вспомнить Днѣстръ.

[2]) Ягичъ В., «Изслѣдованія по русскому языку», т. I, Спб. 1895 г., p. 972. Счетъ довольно правильный: отъ Аккермана до Измаила около 150 верстъ, отъ устья Дуная до Босфора—350 верстъ, итого—500 верстъ.

[3]) Епископская каѳедра въ Аккерманѣ, какъ старѣйшая въ Молдавіи, имѣла все время въ жизни Молдавской православной Церкви то значеніе, что святители ея почитались прямыми, первыми кандидатами на избраніе въ митрополиты Господарства въ Яссахъ. Въ виду этого обычая-закона, избранникъ кн. Потемкина, знаменитый нашъ архимандритъ Гавріилъ Банулеско (позже митрополитъ Кіевскій, и экзархъ-митрополитъ Бессарабскій, но Пушкинымъ неосторожно задѣтый, а въ наши дни Мурзакевичемъ—«Записки И. О. О.», т. IX, 301, пр. 12), въ заключеніе нашей второй войны съ турками при Имп. Екатеринѣ II, 26 декабря 1791 г., былъ посвященъ въ санъ именно епископа Аккерманскаго (episcop al Levcopoliei), чѣмъ онъ напередъ какъ-бы предназначался на митрополичью каѳедру всей Молдавіи. (См. изъ «Исторіи молдавской митрополіи», букарештскаго профессора К. Erbicianu, въ монографіи А. Сгадницкаго—«Гавріилъ Банулеско-Бадони...» Кишиневъ, 1894, p. 69, прим.). Дѣйствительно, въ слѣдъ за этимъ епископъ Аккерманскій

интересовъ для всего Молдавскаго Господарства былъ едино русскій (мало-) языкъ [1]). Тонъ жизни Аккерману XV в. могъ давать одинъ славянскій элементъ. Языкъ его высшаго сословія былъ славянскій (см. ниже, р. 80). Но что̀ допустимо для XV вѣка, то еще допустимѣе для вѣка предшествующаго.

Такимъ образомъ, греческая стихія въ Аккерманѣ могла доминировать только раньше образованія (правда, не вполнѣ яснаго) изъ юго-западныхъ русскихъ земель у Днѣстра (у молдованъ Нистрў), Прута и Серета Молдавскаго Господарства, т. е. раньше конца XIII в. (до 1290 г.).

Вѣрный преданіямъ старины, полный почтенія къ мѣстнымъ авторитетамъ, къ ихъ суду, напримѣръ, въ «Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи» (Мурзакевича, Волкова и др.), не говоря о лицейскомъ «Новороссійскомъ календарѣ», я чистосердечно и правовѣрно исповѣдывалъ и генуэзскій замокъ, и турецкую крѣпость въ Аккерманѣ. Безъ особеннаго участія относился я къ эпохѣ Туры, къ ея монетамъ и остаткамъ изъ того времени; но, какъ замѣчено уже было раньше, живой интересъ возбуждала во мнѣ одна эпоха, эпоха, отъ

Гавріилъ былъ поставленъ митрополитомъ Молдовлахійскимъ. По присоединеніи Бессарабіи и послѣ смерти перваго ея архіерея, экзарха-митрополита, упомянутаго Гавріила Банулеско († 1821), за его преемниками былъ усвоенъ титулъ епископа Кишиневскаго и Хотинскаго (!), и только викарный епископъ сталъ называться Аккерманскимъ (Бѣлградскимъ, т. е. Бѣлгородскимъ), и въ первые годы, и по возстановленіи викаріатства. Очевидно, досадная произошла путаница. И вотъ этого старика—Аккерманъ, съ его особеннымъ церковно-историческимъ значеніемъ не только для одной нынѣшней Бессарабіи, возвращенной русской земли, но и для всей Молдавіи, съ значеніемъ вѣковымъ, собираемся мы отнять отъ его родной, кровной страны, отъ вѣка православно-культурной, и соединить неестественными узами—съ кѣмъ?... Осторожно поправилъ Мурзакевичъ пророченіе извѣстнаго Дерибаса, что его Одесса—«ожерелье Имперіи»: «а что̀—если въ этомъ ожерельи да появятся вши», въ «Записк. И. Од. О.», т. XI, p. 319, прим. Конечно, всякія историческія реминисценціи денегъ не дадутъ, наживы не принесутъ; но—можно быть бѣднымъ, а должно быть—чистымъ. Одно и другое вполнѣ достижимо и чаще всего, одно обусловливается другимъ въ жизни. И у насъ не всѣ еще жалостливо стонутъ и слезно причитываютъ: «на жа ло-ва-ли на чести, а не-че-го ѣсти»...

[1]) Въ грамотѣ 1395 г. — ленное обязательство Молдавіи къ Польши—напр. выраженія: «не однымъ временемъ; богоявленья, крещенья («Записки И. Од. О.», т. IV, p. 320). Любопытна по языку и грамота господаря Валахіи, Мирчи, отъ 1403 г.—тоже о ленѣ къ Польшѣ, напр.: «писанъ листъ—оу недѣл по святомъ Мацѣи (польскій счетъ), а по руску по оузвижени чесного хреста» (ib. 332). Ср. и грамоты въ «Приложеніяхъ» у насъ. Но иной языкъ, болгарскаго тона, въ грамотѣ валашскаго-же Мирчи, позже — ib. — языкъ, мѣстами, прямо уже намъ непонятный.

которой еще знаменитый нашъ покойный сочленъ, В. И. Григоровичъ, ожидалъ откровеній, эпоха среднихъ вѣковъ, до появленія турокъ, и все пытливо искалъ и искалъ.

Откровеній однако не было. Правда, объявилась вторая греческая надпись Туры, отъ 182 года по Р. Хр., и тамъ-же и столь-же великолѣпная, какъ и первая, съ любопытными варварскими фамиліями аккерманцевъ того времени (Мокка, Писка, Зуре,) — но все не та, желанная эпоха [1]). Правда греческая надпись на мѣдной доскѣ, спасенная нами отъ неминуемой гибели, явилась съ правомъ на вниманіе — съ правомъ на помѣщеніе свое въ загадочную эпоху исторіи Аккермана-Бѣлгорода; но героемъ своимъ — Бароци — она досадно все-же искушаетъ...

А между тѣмъ простой случай далъ цѣлое открытіе — открылъ намъ Аккерманъ до турокъ, его величественные монументальные памятники времени до турокъ, открылъ и его письменные славянскіе памятники. Правда, еще ранѣе, въ 1850 г, была извѣстны двѣ надписи изъ Аккермана, въ Музеѣ нашего Общества, изданныя Мурзакевичемъ; но онѣ были пріурочены (неправильно) къ 1480 году и были греческія [2]).

Я имѣю въ виду находку въ 1886 году однимъ аккерманскимъ евреемъ, при закладкѣ дома, вблизи турецкой крѣпости, славянской надписи. Эта надпись, по пріобрѣтеніи ея для Музея Общества, заставила автора настоящихъ строкъ заняться вторичнымъ изученіемъ уже изученныхъ отъ тѣхъ мѣстныхъ авторитетовъ раньше однородныхъ въ томъ-же Музеѣ памятниковъ, въ результатѣ коего явилось изслѣдованіе: «Лапидарныя надписи XV столѣтія изъ Бѣлгорода, что нынѣ Аккерманъ», Одесса, 1889 г, изъ «Записокъ И. Од. О. Ист.», т.

---

[1]) «Записки И. Од. О.», т. XIII р. 7—16. Надпись эта заслуживала-бы обстоятельнѣйшаго обслѣдованія, въ связи, напримѣръ, съ этническими отношеніями въ старой Дакіи. Календарныя изслѣдованія очень почтенны, но они не исчерпываютъ интересовъ исторической науки. Наука румынъ зашла далеко (проф. Ксенополъ) и требуетъ сдержки.

[2]) «Записки И. Од. О.», т. II (1850 г.), стр. 482. Надписи — о постройкѣ Аккерманской крѣпости, собственно, «стѣны» какой-то — или «начала стѣны», какъ поясняетъ ученый издатель, Мурзакевичъ. Позже оказалось, что Мурзакевичъ и прочесть надписи сносно не умѣлъ, а время — конецъ XV вѣка — тоже неточно. Тутъ-же и посильное объясненіе самаго названія «Бѣлъ-Городъ». Покойный изслѣдователь Юга всегда былъ вѣренъ себѣ.

XV. Настоящая статья, вызванная тоже новою случайною находкою, есть прямое продолженіе или дополненіе статьи 1889 года, какъ новая надпись — дополненіе серіи средневѣковыхъ надписей изъ Аккермана.

Въ 1889 г. оказалось: аккерманская крѣпость, какъ турецкая, съ своимъ якобы генуэзскимъ замкомъ, есть миѳъ: она какъ разъ памятникъ давно искомой эпохи, славяно-русской или валашской, съ свидѣтелями мѣстной славянской и славяно-греческой письменности, славянскаго языка и искусства, эпохи до появленія турокъ на мѣстѣ (въ 1484 г.), хотя, правда, не сѣдой средневѣковой старины, а всего — изъ первой половины XV вѣка. «Турецкая», т. е. славяно-румынская крѣпость Аккермана младшая сверстница дѣйствительно генуэзскихъ крѣпостей: въ Судакѣ, 1422 г. и въ Балаклавѣ, 1434 года[1]).

Оказалось, что Аккерманская крѣпость строилась (какъ можно было предполагать въ 1889 году) въ два пріема:

Въ 1438 году воевода (δπάτος) Стефанъ построилъ «великія врата», каменную башню съ бойницами, вѣроятно, въ бывшемъ дотолѣ земляномъ укрѣпленіи.

Не далѣе какъ чрезъ два года тѣмъ-же Стефаномъ былъ сдѣланъ дополнительный актъ по укрѣпленіи своего стольнаго города, столицы Нижней («Дольней» — въ грамотахъ) Молдавіи, гдѣ умеръ и, вѣроятно, погребенъ его отецъ, господарь Александръ Добрый (1402—1432).

Въ 1440 году инженеръ по имени Ѳедорка (изъ Галиціи?), по приказанію того-же Стефана Александровича, построилъ и самую крѣпость — κάστρον т. е. каменныя крѣпостныя стѣны, въ дополненіе «великихъ вратъ», или первой закладки Аккерманской крѣпости.

Такъ представлялась намъ исторія происхожденія твердыни столицы Нижней («Дольней Земли») Молдавіи, — этой духовной столицы всей Молдавіи, первой, русской купели православныхъ румынъ, крѣпости Бѣлгорода-Аккермана — въ 1889 году, при изданіи «Лапидарныхъ надписей»[2]).

---

[1]) «Записки И. Од. О.», т. VIII, p. 152. Ср. id., т. XII, p. 140, прим.

[2]) Подъ конецъ своей жизни, Мурзакевичъ нѣсколько измѣнилъ прежній формуляръ Аккерманской крѣпости и утверждалъ: «каменная крѣпость сначала построена генуэзцами, а позже, между 1388 и 1391 годами, была расширена молдавскимъ господаремъ Стефаномъ I». См. его комментаріи къ переводу греч. Житіе Св. Іоанна Сучавскаго въ IX томѣ «Записокъ И. Од. О.», p. 158, вышедшемъ въ 1875 г.—Откуда эта хронологія?

Но сегодня, по истеченіи 10 лѣтъ, въ виду новой, случайно открывшейся лапидарной надписи въ стѣнѣ Аккерманской крѣпости, приходится видоизмѣнить, т. е. пополнить, прежнее наше представленіе: былъ, еще третій актъ въ исторіи постройки Аккерманской крѣпости, имѣвшій мѣсто черезъ 14 лѣтъ послѣ втораго — въ 1454 году. Въ этомъ году совершена была постройка еще одной крѣпостной стѣны, новаго каменнаго укрѣпленія. Но гдѣ? Можно думать — со стороны города или сухаго пути, а каменныя стѣны, выведенныя на второй пріемъ, въ 1440 году, инженеромъ Ѳедоркою, защищали княжескую столицу, гнѣздо Молдавской Церкви, лишь со стороны болѣе опасной — надводной, со стороны глубокаго здѣсь Лимана. Ѳедоркѣ, надо думать, принадлежитъ честь постройки такъ называвшагося генуэзскаго замка или цитадели: до послѣдняго времени истинное украшеніе всего нашего Юга, изящный образецъ крѣпостнаго строенія, но современными аккерманцами, жалкой наживы ради, въ 80-хъ годахъ обезображеннаго, въ конецъ (см. выше) погубленнаго. Извѣстно, что одна изъ лучшихъ четырехъ башенъ цитадели, сначала, нѣкоторое время висѣла на воздухѣ, а потомъ, конечно, рухнула, на вѣчный срамъ городу предъ Россіей, людьми [1]).

Въ августѣ 1899 г., по возвращеніи моемъ изъ-за границы, хранитель Музея нашего Общества, уважаемый сотоварищъ, проф. Э. Р. фонъ-Штернъ, сообщилъ мнѣ, что собраніе предметовъ древности

---

[1]) Многоуважаемый вице президентъ нашего Общества иного взгляда на время и на виновника постройки цитадели: «построеніе замка турками внѣ сомнѣнія и относится къ концу XV или началу XVI стол.» (А. Л. Бертье-Делагардъ, докладъ объ Аккерманѣ, въ протоколѣ 318 засѣданія Общ ства 29 апрѣля 1899 г., р. 30). Но плиты съ турецкими надписями и на другихъ башняхъ крѣпости; висячія постройки для отхожихъ мѣстъ обусловлены тѣснотой помѣщенія—признакъ, по мнѣ, безразличный; арки, ниши— и въ другихъ средневѣковыхъ постройкахъ. Намъ кажется—что одна кладка, одинъ характеръ постройки какъ въ цитадели, такъ и въ стѣнахъ и башняхъ крѣпости. — Не могу не обратить вниманія, что изящная постройка подземныхъ залъ въ башняхъ цитадели, съ конусообразнымъ каменнымъ потолкомъ, едва-ли можетъ быть отнесена на счетъ строительнаго искусства турокъ. Не менѣе уважаемый членъ нашего Общества, академикъ В. В. Латышевъ, въ своемъ «Сборникѣ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ Южной Россіи», Спб., 1896, посвятивъ моему изданію надписи 1440 г. сочувственныя строки (р. 3—4), одобрилъ мое чтеніе, объяснилъ мое недоразумѣніе о датѣ (мѣсяцъ и число), но не согласенъ со мной о моемъ инженерѣ Ѳедоркѣ и изъ одного лица

въ Музеѣ нашего Общества обогатилось новою славянскою, на камнѣ (мраморѣ), надписью изъ Аккермана, что эту надпись извлекъ изъ крѣпостной стѣны минувшимъ лѣтомъ членъ-корреспондентъ нашего Общества, В. И. Штулкерцъ, завѣдывавшій тогда отъ насъ крѣпостью въ Аккерманѣ, и доставилъ въ Музей, что надпись — не позже XV столѣтія, и что г. Штулкерцъ вычиталъ въ ней какого-то «Радула».

Новая славянская надпись изъ Бѣлгорода — новое удовольствіе для меня, и я съ удовольствіемъ обѣщалъ заняться ею. Но такъ какъ въ Обществѣ не было точнѣйшихъ свѣдѣній о мѣстѣ и обстоятельствахъ находки новой надписи, то изученіе надписи мнѣ необходимо было дополнить, при первой-же представившейся возможности, поѣздкою въ самый Аккерманъ, что̀ и сдѣлано было мною въ началѣ октября 1899 года.

Новая аккерманскзя надпись относится къ 1454 году. Какъ показалъ бѣглый просмотръ ея первыхъ словъ, она славянская, а не греческая, не какъ ея непосредственная предшественница отъ 1440 года, а какъ первая, отъ 1438 года[1]), гласившая о постройкѣ «великихъ вратъ», при «панѣ Луціанѣ Херманѣ»; затѣмъ, надпись выбита или высѣчена на гладкой, тщательно отполированной сторонѣ, почти квадратной формы, большаго куска б ѣ л а г о, хорошаго м р а м о р а.

дѣлаетъ двухъ—Ѳеодора и Стефана. Но, не говоря о мелкихъ обстоятельствахъ, изъ сопоставленія 1 и 7 строкъ надписи видно, что она знаетъ «моленіе» о д н о г о «раба» — о д н о г о дѣйствующаго лица, а не двухъ. Но что-же дѣлать съ именемъ «Стефанъ»? Сегодня я полагалъ-бы, что оно относится къ тому же «рабу божію» Ѳедоркѣ, что въ этомъ имени его от'ество—пріемъ и молдавскихъ грамотъ, а неточность, т. е. неполнота въ воспроизведеніи имени въ греческихъ надписяхъ—пріемъ обыкновенный. Въ виду вычурности нашей надписи, выдѣленіе втораго имени того-же лица въ послѣднюю строку надписи, но за предѣлы ея главнаго текста, не можетъ казаться страннымъ.

[1]) Благосклоннаго читателя прошу имѣть въ виду мою первую статью, 1889 года, о надписяхъ Аккермана, въ XV т. «Записокъ Имп. Од. О. Ист.». Пользуюсь случаемъ, чтобы отмѣтить въ той статьѣ двѣ опечатки:

стр. 520, строка 13, снизу, вм. «менѣе всего», чит.—«лучше всего».

стр. 527, строка 14, пропущено: «говоритъ».

О новой лапидарной надписи изъ Аккермана былъ сдѣланъ мною краткій докладъ въ засѣданіи Имп. Од. Общества Исторіи и Древн. 15 декабря 1899 г. Мысли того доклада въ настоящей статьѣ получили бо́льшую отдѣлку.

Кусокъ этотъ, вѣсомъ около 4 пудовъ, съ тщательно отдѣланными краями (рандами), но съ поврежденными своими четырьмя углами. Ширина (по площади надписи) въ 48 сентиметровъ, высота въ 38 сентиметровъ (т. е. болѣе полуаршина), толщина въ 19 сентиметровъ. Въ задней, не оттесанной, волнистой сторонѣ куска высверлена круглая ямка, въ видѣ воронки; діаметръ ея 7, глубина 3 сентиметра. Можно думать, что въ эту воронку входилъ стержень (гвоздь?), для лучшаго утвержденія («водруженія») самаго камня въ стѣнѣ, но, конечно, лицевою стороною его или съ надписью — по плоскости стѣны.

Осмотръ на мѣстѣ показалъ, что мраморъ съ надписью былъ замурованъ въ лицевой сторонѣ одной изъ башенъ той части главной или внутренней стѣны крѣпости, которая глядитъ на юго-востокъ. Здѣсь, на пространствѣ между Лиманомъ и «великими вратами» 1438 года, четыре башни; три изъ нихъ многогранной формы и безъ бойницъ или узкихъ просвѣтовъ, и только одна, счетомъ вторая отъ Лимана и третья отъ «вратъ», въ парѣ болѣе выдающихся башенъ, четырегранная и съ бойницею, смотрящею въ расположеніе стараго города. Въ эту-то башню, столь замѣтно отличающуюся отъ своихъ сосѣдей, у праваго края ея бойницы, близь ранда и нѣсколько выше середины, на разстояніи двухъ сажень отъ верха башни, и была вдѣлана надпись. Мѣсто для надписи было избрано видное, прямо передъ городомъ, да вѣщаетъ она свободно каждому въ потомствѣ о себѣ. Видимо, эта мысль руководила строителемъ крѣпости (стѣны), при выборѣ мѣста для своего историческаго документа.

Но — время, вѣка брали и сдѣлали свое. Не смотря на свой блестящій, снѣжнаго цвѣта мраморъ, надпись стала мало-по-малу слабо выдѣляться изъ общаго сѣраго фона каменной стѣны: она постепенно поростала мхомъ, богато покрывалась пылью, чему особенно способствовала глубокая сѣчка буквъ, а высокая, тонкая форма ихъ обусловливала скорую ихъ ломку, и на площади письма образовались то меньшія, то большія впадины — самый любезный пріютъ для пыли. Поврежденіе буквъ въ надписи могло имѣть мѣсто при разновременныхъ осадахъ крѣпости — въ 1454 г. отъ турокъ, въ 1789, когда посѣтилъ Аккерманъ самъ кн. Потемкинъ, въ 1806, когда бралъ крѣ-

пость герц. Ришелье изъ Одессы. Могла надпись служить и мишенью при упражненіи въ стрѣльбѣ козаковъ уже въ наше время — пуля легко отбивала буквы: отъ козаковъ особенно досталось крѣпости — уничтоженъ мостъ чрезъ крѣпость, валъ и послѣдній засыпанъ навозомъ и проч.[1]). Есть вѣроятіе думать, что и сами турки намѣренно кое-что испортили въ надписи, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

Указанныя условія обезличили надпись и упованія строителя башни не оправдались. Присутствіе надписи въ стѣнѣ никто не подозрѣвалъ. Сколько разъ въ годы моего дѣтства мнѣ приходилось тататься около этой видной башни, но никогда ничего не замѣчалъ, а между тѣмъ турецкая надпись въ одной изъ стѣнъ т. наз. «дѣвственной» башни — въ той-же линіи крѣпости, но у противуположнаго конца — и мнѣ, и всѣмъ моимъ сотоварищамъ по улицѣ была хорошо извѣстна. Хорошо были извѣстны намъ и преданія, связанныя съ этою южною, изящною башнею — о заключеніи въ ней якобы турками какой-то дѣвицы. Къ слову о старыхъ дняхъ. Внутри крѣпости я нерѣдко пробирался, конечно, въ компаніи изъ своей болгарской «магалы», въ длинный подземный, выложенный камнемъ, ходъ, который былъ полонъ чугунныхъ, разной величины ядеръ; охотно мы, мальчики, тащили оттуда эти предметы боевой славы Аккермана; но тщетно я ищу теперь этотъ подземный ходъ: онъ словно куда-то запропастился...

Такимъ образомъ, нельзя не быть признательнымъ нашему сочлену, г. Штулкерцу, что ему, въ одну изъ прогулокъ около крѣпости, посчастливилось подмѣтить очертанія буквъ и плиты въ сплошной сѣрой поверхности стѣны башни. Болѣе тщательное изслѣдованіе обнаружило полную надпись, высившуюся надъ прилегающимъ

---

[1]) Но не могу не вспомнить, что козаки со дна Лимана у крѣпости ловко доставали громадныя ядра, изъ гранита и мрамора, употреблявшіяся турками отъ XV и по начало XIX вѣка. О XV вѣкѣ см. «Записки И. Од. О. Ист.», т. VIII, р. 124—какъ пробирались въ 1455 году генуэзскіе суда въ Кафу; о XIX-мъ—«Записки морского офицера» Броневскаго.—До сихъ поръ я храню на воротахъ моего дома въ Аккерманѣ два громадныхъ мраморныхъ ядра, выложенныхъ козаками, а два во дворѣ. Заплачено было по рублю. Мелкія мраморныя ядра я раздарилъ. Они пріобрѣтены были также у козаковъ. Прибавлю, что это были козаки покойнаго Новороссійскаго, раньше Дунайскаго, войска, первоначально сформированнаго, послѣ нашей войны съ Турціей 1828 года, изъ запорожскихъ козаковъ, бѣглецовъ за Дунай. Но въ мое время это войско пополнилось уже цыганами и «волонтирами», т. е. дезертирами изъ первыхъ румынскихъ войскъ князя Ив. Кузы.

рвомъ, и прочно утвержденная надпись только послѣ большихъ усилій могла быть извлечена рабочими изъ своего гнѣзда. Безъ насильственнаго извлеченія надпись была неприступна. О фотографическомъ снимкѣ съ нея не могло быть рѣчи. Въ этихъ тяжелыхъ условіяхъ — посильный отвѣтъ на слышанныя много нареканія, что̀ мы, члены Общества, сами разрушаемъ, а не оберегаемъ отъ разрушенія крѣпость. При иныхъ условіяхъ и я лично былъ-бы, конечно, противъ насилія.

При осмотрѣ башни съ внутренняго (перваго) двора крѣпости, оказалось, что обѣ смежныя съ лицевой сто́роны ея имѣютъ по узкой амбразурѣ, а съ четвертой стороны—прямо противъ внѣшней бойницы—большое окно или входъ, въ $2^1/_2$ аршина высотой и въ 1 аршинъ 2 вершка шириною. Стѣны самой башни — $9^1/_2$ аршинъ. Взобравшись чрезъ окно внутрь башни, я увидѣлъ хорошо сохранившійся дубовый потолокъ (время?), покоившійся на толстой поперечной, изъ дуба же, балкѣ; главная бойница весьма широкая — болѣе 2 аршинъ — во-внутрь башни, у наружной-же стороны около четверти. Мѣсто, гдѣ былъ утвержденъ мраморъ съ надписью, представлялось крупною выбоиною, такъ какъ рабочимъ пришлось удалить и сосѣдніе плитняки. Масса залитой извести говорила о заботливости при помѣщеніи мраморной плиты, но о стержнѣ ничего не слышалъ. Поверхъ указаннаго потолка башни лежалъ толстый слой земли, очевидно, въ видахъ защиты внутренняго помѣщенія отъ выстрѣловъ.

Перехожу къ внѣшнему описанію надписи.

На тщательно, какъ было замѣчено, отполированной четыреугольной площади мраморнаго куска, съ отполированными краями, предварительно письма были проведены рѣзцомъ два вертикала; изъ нихъ правый, въ 31 сентиметръ, идя внизъ, опредѣляетъ сначала границу строкъ надписи, а затѣмъ опускается по чистой плоскости мрамора; а лѣвый, всего въ 23 сентиметра, идетъ только отъ второй строки, такъ что строчное изображеніе креста (этимъ крестомъ начинается чтеніе надписи) дѣлаетъ видимый выступъ въ-лѣво.

Внизу той-же площади также ясна горизонтальная линія, въ 32 сентиметра. Вѣроятно, параллельная черта были и на-верху; но отъ плохой сохранности этой части надписи она не видна.

Разграфка эта — обычный пріемъ на страницѣ въ рукописяхъ, для предварительнаго установленія площади письма.

Очерченное пространство занято четырьмя строками славянскаго уставнаго, съ вязью письма, и мѣстомъ (около $^1/_3$) для исчезнувшаго теперь, но раньше бывшаго, не сомнѣваюсь, герба Молдавіи, высѣченнаго въ окаймленномъ почти полуовалѣ, какъ разъ по серединѣ.

Каждая изъ первыхъ трехъ строкъ покоится на толстой, въ 1 сентиметръ, параллельной чертѣ — также обыкновенный пріемъ въ рукописяхъ. Высота всѣхъ строкъ одна: $4^1/_4$ сентиметра, но длина различна въ томъ смыслѣ, что первая строка выступаетъ на лѣвой сторонѣ на $1^3/_4$ сентиметра (крестъ въ началѣ), остальныя-же три строки имѣютъ одну длину — $32^1/_4$ сентиметра.

Что касается полуовала съ гербомъ, то въ ширину и въ высоту онъ имѣетъ 14 сентиметровъ.

Въ 1-й строкѣ, кромѣ указаннаго креста (опять пріемъ рукописи еще изъ византійской письменности) 16 буквъ, при двухъ вязяхъ;

во 2 й строкѣ — различаемыхъ 15 буквъ и нѣсколько выломанныхъ, съ слѣдами и безслѣдно;

въ 3-й строкѣ — 15 буквъ, при одной вязи;

въ 4-й строкѣ — различаемыхъ 8 буквъ и нѣсколько выломанныхъ, съ слѣдами и безслѣдно.

Что касается предполагаемаго герба, то отъ него, кромѣ каймы полуовала, ни слѣда. Наличность герба требуется общими соображеніями: смыслъ надписи законченъ, обычай, фигура мѣста; но объ этомъ еще рѣчь ниже

Буквы высокія, тонкія, сдѣланныя рѣзцомъ, которымъ водила опытная рука художника-ваятеля: въ церковно-славянской лапидарной графикѣ того времени и раньше, кажется, нѣтъ подобнаго изящнаго образца. Особенно тонко и осторожно сдѣлана трудная для вырѣзки буква ж: на-верху она въ $2^1/_4$ сентиметра, внизу — 3; двѣ пары желобковъ, верхняя и нижняя, въ плоскости представляютъ 4 прямоугольныхъ треугольника, каждая поперечная пара которыхъ одного объема; желобки-же или нижнія площадки каждаго изъ четырехъ углубленій, по мѣрѣ своего расширенія вверхъ и внизъ, постепенно понижаются или углубляются. Ножки этой буквы отмѣчены особенно тонкой работою

Также внимательно исполнены и другія, нелегкія для рѣзца, буквы — ѕ,с: фигура ихъ правильна и красива. Буква ѕ внизу имѣетъ 4 сентиметра; буква с — въ два сентиметра ширины.

Правильно, необыкновенно рельефно и изящно сдѣлана буква ѧ. Очень изящна и фигура буквы ц и оригинальна въ томъ отношеніи, что ея лѣвая вертикальная черта не доходитъ до верхней строки, дѣлаетъ уклонъ въ-лѣво и какъ-бы небольшою дужкою опирается на предшествующую букву. Вообще фигура этой буквы какъ-бы сжата, тонка и не потому, что мѣста — напр. во 2-й строкѣ, было немного: въ 3-й строкѣ буква ц межь первыхъ; правда, отъ нея сохранилась лишь нижняя часть; но весь рисунокъ тотъ-же [1]).

Буквы ѯ, ь, ρ, ѣ имѣютъ на соотвѣтствующихъ мѣстахъ весьма небольшіе кружки или завитки.

Оригинальна фигура буквы а: она какъ-бы переходъ отъ полукурсивнаго ⱥ къ уставному Я. Въ верхней долѣ эта буква имѣетъ точку или ямочку. Но есть одинъ примѣръ и настоящаго полукурсивнаго ⱥ, если мы вѣрно читаемъ слово, понимаемъ мѣсто во 2-й строкѣ.

Не удались ваятелю буквы л, о (въ 2 сентиметра ширины) и ѳ: вездѣ одинаково жирная, безъ варіаціи линія. Тоже можно сказать и о отдѣлкѣ буквы а.

Совсѣмъ своеобразна фигура буквы г въ 3-й строкѣ, если только мы вѣрно читаемъ самое слово; но объ этомъ ниже.

Всѣ эти замѣчанія читатель легко провѣритъ на прилагаемомъ фотоцинкографическомъ снимкѣ надписи 1454 года, въ концѣ настоящей статьи.

Самая надпись, какъ обыкновенно въ старину, предлагаетъ непрерывное чтеніе — scriptio continua, съ однимъ только какъ будто небуквеннымъ знакомъ — вертикаломъ, соединяющимъ двѣ первыя строки; но онъ имѣетъ для себя объясненіе.

---

[1]) Къ сожалѣнію, приложенный снимокъ надписи, какъ исполненный при помощи фотографіи, не позволяетъ даже предполагать, что въ остаткѣ 4-ой буквы 3-ьей строки мы имѣемъ дѣло съ буквою ц. Но оригиналъ не допускаетъ никакого сомнѣнія: мѣра толщины линій, пространство между нихъ и внизъ до строчной черты — одни. Въ виду этого, я полагалъ-бы, что старый пріемъ — литографія — въ воспроизведеніи надписей, особенно, читаемыхъ нелегко, какъ настоящая, въ воспроизведеніи чтенія на старыхъ монетахъ и печатяхъ имѣетъ преимущество предъ фотографіей. Сошлюсь на классическое изданіе греческихъ печатей Шлюмберже (Schlumberger): «Sigillographie de l'empire Byzantin»): тамъ рисунки отъ руки.

Въ пріемахъ письма мы встрѣчаемъ вязь и сокращеніе оу въ 8. Но были-ли введены титла? Не только подозрѣвать, но утверждать можно, что титло было—въ двухъ мѣстахъ 2-й строки, хотя мѣста эти совсѣмъ повреждены. Объ этомъ ниже. Не сомнѣваюсь, что и подстрочный знакъ для обозначенія тысячи былъ на своемъ мѣстѣ, но онъ отломанъ: на его мѣстѣ глубокая ямка.

Вязью—въ 1-й строкѣ—высѣчены три буквы: ь, ш, и, вслѣдствіе чего буква ш высоко стоитъ надъ строчной чертою; затѣмъ буквы и, м; въ 3-й строкѣ буквы ц и ь; всего три случая вязи.

Итакъ, трудность, кропотливость работы на твердомъ камнѣ не удержала художника или редактора надписи отъ тонкаго воспроизведенія всѣхъ пріемовъ славянской старины—церковно-славянской графики. Третья строка надписи ясно показываетъ, что соображенія экономіи мѣста въ разсчетъ входить не могла. Крестъ открываетъ наше письмо: такъ у славянъ, такъ у грековъ.

Пріемами правописанія настоящая надпись не рѣзко различается отъ своей славянской предшественницы аккерманской: надписи 1438 года, и отъ грамотъ вообще Молдавіи старѣйшаго времени.

Такъ, въ обѣихъ надписяхъ встрѣчается буква ѧ; изрѣдка она и въ грамотахъ.

Правда, въ нашей надписи одно слово плавной вокализаціи (cons.+л,р+з,ь+cons.) изображено по правиламъ церковно-славянской графики, точнѣе, для даннаго времени, по правиламъ схоластической графики, но съ ь, а не съ ѕ, какъ это было-бы, если бы надпись своимъ происхожденіемъ обязана была Валахіи, въ славянской письменности которой, соотвѣтствующаго времени, господствовали правила старо-болгарской графики. Но, хотя въ надписи 1438 года мы находимъ пріемъ живаго русскаго правописанія: СѢВЕРШИСѦ, съ е, а не съ ь, тѣмъ не менѣе ей извѣстенъ и пріемъ старины или нерусской школы: ВѢПЛѢЩЕННА, съ ѕ, а не съ о. Если-бы въ надписи 1454 года было-бы не одно слово изъ той группы условнаго правописанія, то есть вѣроятіе полагать, что намъ встрѣтился бы и пріемъ русской школы, отпечатокъ живаго русскаго языка. Въ правописаніи грамотъ, записей и пр. изъ Молдавіи таже варіяція пріемовъ въ воспроизведеніи словъ плавнаго сочетанія, но съ несомнѣннымъ наклономъ въ сторону русской (южно-) школы. Сошлюсь на молдавскую

грамоту изъ средней Бессарабіи, изъ второй половины XV столѣтія (1471 г.), впервые изданную, и въ возможно точной транспранціи, въ моемъ разборѣ книги г. Житецкаго по исторіи малорусскаго языка, при присужденіи Имп. Академіей Наукъ Уваровскихъ наградъ въ 1890 году, въ подкрѣпленіе моихъ мыслей о дипломатическомъ значеніи малорусскаго языка въ былой письменности за Днѣстромъ, въ Молдавіи. Прибавлю, что ту-же варіацію можно встрѣтить и въ памятникахъ съ родиной въ Россіи.

Въ виду рѣдкости оттисковъ того разбора и въ видахъ полноты, въ Приложеніяхъ къ настоящей статьѣ печатаю вторично ту-же грамоту 1471 года (кстати и опечатки будутъ устранены). За нею я помѣщаю другую грамоту — оттуда-же, изъ Сучавы, того-же языка и того-же правописанія и въ значительной долѣ повторяющую или воспроизводящую текстъ первой грамоты, но грамоту отъ 1617 года, т. е. писанную спустя 150 лѣтъ, чтобы видѣть, на-сколько знаніе стараго дипломатическаго или государственнаго языка ослабѣло, упало въ подлежащихъ оффиціальныхъ сферахъ Господарства: въ ней русскій языкъ уже граничитъ съ совсѣмъ неосмысленнымъ употребленіемъ словъ, формъ. Такъ постепенно, самъ-собою, упразднялся вѣковой государственный обычай — русскій языкъ на вѣковой дипломатической службѣ Молдавіи.—Въ заключеніе, подъ № 3, помѣщаю новую грамоту, писанную въ Яссахъ почти черезъ сто лѣтъ, въ 1715 году: въ ней письмо (южно-русскій курсивъ) пріемы письма, правописанія все тѣже, все мѣстная, вѣковая старина; но — писана она уже на румынскомъ языкѣ, а старый оффиціальный языкъ, языкъ русскій, пробивается въ ней въ немногихъ отдѣльныхъ, своего рода сакральныхъ, формахъ выраженія, напр., въ титулѣ, въ указаніи происхожденія и др. Эволюція населенія вносила соотвѣтственную эволюцію въ жизнь.

Въ отличіе отъ славянской надписи 1438 году, въ нашей надписи вообще буквы ь, ѣ, ѥ на мѣстѣ, безъ смѣшенія, безъ ошибокъ противъ правилъ школы; языкъ грамматически правильный, письмо съ выдержаннымъ стилемъ. Но славяно-русскій языкъ надписи, какъ и языкъ грамотъ Молдавіи, только прикрытъ болгарскимъ сваномъ: ибо во 2-й строкѣ есть примѣръ о вм. ѫ, а въ 3-й ь вм. этимологич. ѥ, т. е. во вкусѣ совсѣмъ русскомъ. Но это ь можно понимать и иначе.

Нельзя отгадать, которую изъ двухъ формъ — жд или ж — употребилъ бы редакторъ надписи: обѣ онѣ и въ грамотахъ Молдавіи. Но любопытна южно-русская, теперь только галицкая, фонема дж въ бессарабской записи 1569 г. Роксанды, жены молдавскаго воеводы Александра изъ Лопушна (не далеко отъ Кишинева): «съи тетроевангель обнови и окова господжа Роксанда от вѣтхое сребро от стараго Стефана воевода»[1]...

[1]) Въ «Записк. Имп. Од. Общ. Ист.», отъ перваго появленія ихъ на свѣтъ, помѣщались славянско-молдавскія грамоты изъ Бессарабіи—что, безспорно, составляетъ заслугу предъ наукою Общества. Такъ, въ I томѣ грамота отъ 1407 г., во II—отъ 1434 г., въ IV—отъ 1395, 1403 и 1436 годовъ и пр. Но онѣ изданы были подъ редакціей Мурзакевича (многія изъ нихъ и отысканы, переписаны были имъ въ 50-хъ годахъ въ Кишиневѣ и, кажется, теперь уже затерялись—за изданіе ихъ нельзя не быть признательнымъ ему) и потому ручаться за дипломатическое воспроизведеніе текста ихъ трудно. Сошлюсь только на мои «Лапидарныя надписи изъ Аккермана», на указанныя тамъ пріемы Мурзакевича по изданію греческой изъ Аккермана надписи 1440 года. Къ сожалѣнію, мнѣ только по имени извѣстно грандіозное изданіе грамотъ Ѳеодора Кодреску (Codrescu) — «Uricarul romîn», 17 томовъ, въ Яссахъ, 1875—1891. Грамоты-грамотами, но, пожалуй, еще болѣе интересны простыя записи изъ Молдавіи того-же XV вѣка: пріемы, языкъ въ нихъ безхитростнѣе. Нашъ маститый сочленъ, русско-уніатскій каноникъ А. Ст. Петрушевичъ, во Львовѣ, давно уже обратилъ вниманіе на значеніе вообще подобныхъ мѣстныхъ записей и для болѣе поздняго времени (съ 1700), собралъ и издалъ ихъ въ своей «Сводной Галицко-русской лѣтописи», I (Львовъ, 1887). Приведу запись, близкую по времени къ Аккерманской, кратную, но изъ Верхней Молдавіи. т. е. главнаго удѣла Господарства, изъ монастыря Сочавица, на иконѣ: «сія икона окова сѣ въ митрополіи о у Радовци при епископѣ кур Пахоміе влѣто 7013. 18 пр.», т. е. 1505 г. (Изъ газеты «Православная Буковина», въ Черновцахъ, 1897, № 9, ст. о. Эм. Воробкевича). Къ сожалѣнію, одна транскрипція, а въ Черновицкой типографіи не было славянскаго шрифта. Въ этой газетѣ цѣлый рядъ мѣстныхъ историко-литературныхъ замѣтокъ того-же автора—отъ XV—по XVIII стол., но подъ слишкомъ громкимъ титуломъ — «Сокровища славянской литературы въ Буковинѣ». Ср. иной языкъ, съ пріемами школьной дрессуры въ записи Минеи того-же Сочавицкаго монастыря, 1606 г. (ib. № 19). Такъ какъ эта русская Черновицкая газета мало извѣстна, то считаю нелишнимъ извлечь изъ статьи о. Воробкевича нѣкоторыя современныя записи; одна изъ нихъ даже устанавливаетъ литературныя отношенія нашего Хотина съ Сучавою изъ конца XVI вѣка. Въ монастырѣ Путна, основанномъ воеводою Стефаномъ Великимъ, въ Буковинѣ, хранятся два пергаменныхъ славянскихъ евангелія, заказанныя самимъ Стефаномъ. Въ одномъ запись: «благочестивіи господинь Іо. Стефан воевода господарю (да?) сеи тетро-евангел монастирю своему от путнои въ 32. лѣто господства его и при архимандритѣ паисіа нязскаго рикоя многогрѣшнаго тах монахъ паладіа въ лѣт 6997. и начя с мѣсяца сент. 3. и съвръшис март. 3.». Въ другомъ: «благоизволеніем' отца и поспѣшеніем' сына и съвръшеніем' святаго духа блгочестивыи и хрістолюбивыи господинь Іон Стефан воевода божіею милостію господарь земли молдавскои. еже он' божественным' желаніем' ражедея и хрістовых' словес' рачителних' сын'. потщател поначя сыи тетроевангель монастирю своему путенскому. идеже есть храм' успеніе прѣсвятѣи богородици и у том' обрѣте его смъртъ и непостиже съвръшити. а сын' убо его Богдан' воевода б. м. господарь земли молдавскои окова его и съвръши въ задушіа свято-

Обращаясь теперь къ самому чтенію надписи 1454 года, предварительно замѣчу, что какъ ни мала она — 4 строки, но, благодаря

почевшаго родителя своего Стефана воеводы и за свое здравіе и спасеніе». Въ томъ-же евангеліи: «Іо богданъ воевода божіею милостію господарь земли молдавскои окова сын тетроевангель монастирю путенскому идеже есть храм' успеніе богородици въ задушие святупочившаго родителѣ своего Стефана воеводы и за свое здравіе и спасеніе в' лѣто 7015». («Православная Буковина», 1896 г., № 21.—Въ томъ-же монастырѣ бумажное есть евангеліе, писанное въ Сучавѣ, но по заказу изъ Хотина, для Хотина, 1598 года: «сіе евангеліе сътвори и окова рабъ божіи панъ Георге пръкълабъ хотинскій вкупѣ съ кнѣгинѣ (=жена) господства ему на имѣ Кръстине въ діни благочестиваго господинъ Іереміі Могилъ воевод божію милостію господарь земли молдавскои в лѣто 7106. мѣс. март». Въ концѣ рукописи: «въ діни благоч. и христол. господина нашего милостиваго Іо Іеремія Могиля воевода божію милостію господаръ земли молдавскои. повелѣніемъ раб божіихъ панъ Георгіе Излозѣи пръкълаб хотинскіи вькупѣ и съ кнѣгинѣ господства ему на имѣ Крестина написасе сіе святое тътрьевангеліе и дотогиде и оковаше я съ помощія божіея и съ въсъм усердіем их и дадоша я въ церков въ град хотинскіи идеже есть храм успеніе прісвяти владичиця наша богородиця въ молбъ и въ наметъ имъ и яко да будетъ им и чадом их и родителемъ ихъ и въсему роду ихъ близнему и далнему и отдадоша и положиша я съ благословеніемъ божіим и рекоша тако покладаюче сіе св. евангеліе на пристолъ божіи и рекоша обое от них вѣдящи въ едина мыслъ въздъхнувши от глъбини сердца их приклонше рекоша: прівми от насъ отче, невидимін отче сыне и дъше святіи единосущен бившіи въ тройци славимін прівмѣте от нас и мати божія еиже есть храмъ сіе наше малое приношеніе даръ въ молба от насъ недъстоиних чисто отци святіи чьтите и за насъ грѣшних бога молите. Ми же... все исповѣдуемъ и покладаем зде въ святѣмъ храмѣ вище описанои успеніе а кто би имѣл отдалити и възѣти сіе наше надмніе, от сія святія церкви или заклад положити и имѣл бы я порушити от сег святаго мѣста от град отъ хотинъ... да будетъ проклѣт и триклѣт... и именем божіим анаѳема. и азъ Георгіе пръкълаб въ купѣ и въ кнѣгиня моя и мы хощемъ съ таковим человѣкомъ ктоби въсхотѣлъ възѣти их святая книга и отдалит от тог свѣтаго мѣста где дадохом ми хощем соби питати съ таковимъ человѣкомъ на страшном суде идаже нѣсть лицемѣрія и исписасе сіе святое евангеліе рукоу унылаг и нетребнаг и многогрѣшнаг раба божія Мартин васевич от рахотин от земли ладіамска и окова е рукоа бренов раб бжіи Яким златар от сучав в' лето 7107. месяца марта въ 22 день». («Правосл. Бук.», 1897 г., № 2). Ср. галицко-перемышльскую запись 1598 года въ Октоихѣ, № 730, изъ собранія И. А. Ваxромѣева (Титовъ А., Рукописи славянскія и русскія, в. III, p. 13). Ср. ib. № 738. Къ сожалѣнію, записи въ газетѣ не напечатаны точно. О другихъ записяхъ изъ Путнянскаго мон—ря см. «Славяно-русскія рукописи В. М. Удольскаго», p. 105, №№ 80—85; вообще изъ Молдавіи (Буковина, Бессарабія) Sava Chilandarec, Rukopisy a starotisky Chilandarské (Pr., 1896), напр. № 52, Апостолъ, 1463 г., съ аккерманскою записью того-же времени лица, стоявшаго тогда во главѣ города: «се азъ панъ влаикуль прѣкалаба бѣлоградского купили есмы сія книгѫ на има праѣіу отъ трифа діака за 18 златыхъ». Это — обращикъ языка высшаго сословія въ Аккерманѣ, въ XV в. Ср. и № 212, 329, и особенно—А. И. Яцимірскаго—«Изъ славянскихъ рукописей. Тексты и замѣтки» (М., 1898). Изъ стараго времени ср. pass. Востокова «Опис. рукоп. Рум. Музеума». — Отмѣтимъ одинаковость фамильныхъ именъ въ Бессарабіи и Буковинѣ: Галины, Ганецкіе, Монастырскіе, Галипы, Киптари (мѣховая шапка), Лазо, Билевичи, Ончулы, и тамъ, и здѣсь. Фамиліи у простыхъ людей въ Буковинѣ: Стрильчуки, Киристюки, Козарчуки и пр. Тотъ-же пріемъ и въ Бессарабіи.

плохой мѣстами сохранности, она дозволяетъ читать себя здѣсь только по догадкѣ; затѣмъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ буквы вообще явственны, она, славянская надпись, не понимается, на мой взглядъ, изъ славянскаго языка и требуетъ прибѣгнуть къ языку иному. Повторяю, это мое личное разумѣніе дѣла, посильная для меня гипотеза. Люди, болѣе опытные въ дѣлѣ надписей, быть можетъ, возмогутъ предложить иное, настоящее чтеніе; я-же въ состояніи дать лишь настоящее — конъектурное.

Въ виду указанныхъ особенностей надписи, предварительно чтенія ея необходимо сдѣлать отмѣтку о каждомъ словѣ каждой строки, чтобы видѣть — на-сколько слова читаются сами собой и на-сколько приходится прибѣгать къ догадкѣ или для возстановленія погибшихъ буквъ, или для пониманія чтенія. Если предположеніе о присутствіи въ чтеніи надписи неславянскаго, именно, румынскаго элемента не результатъ моей неопытности, и опора его не въ моей фантазіи, то аккерманская надпись 1454 года является въ такомъ случаѣ оригинальнымъ историко-этнографическимъ памятникомъ мѣстной старины, единственнымъ въ кругу лапидарныхъ надписей края, но въ полномъ соотвѣтствіи съ исконнымъ двойственнымъ характеромъ въ самомъ населеніи его — русскимъ и румынскимъ.

1-я строка.

Крестъ, равнораменный, своею лѣвою половиной выходящій изъ лѣваго вертикала рамки. Объ обычаѣ этомъ въ христіанской письменности, его значеніи мы говорили мелькомъ выше, обстоятельнѣе въ первой статьѣ о надписяхъ Аккермана (1889). И сейчасъ я вижу связь креста и 1-й глагольской буквы. Cp. G. Wattenbach, Scripturae graecae Specimina, ed. II, t. IX, c. 2: здѣсь фигура креста и той буквы одна.

Первое слово надписи читается явственно, за исключеніемъ 7-ой буквы н, которая стоитъ въ необыкновенной связи съ предшествующею буквою ш, имѣющей потому необыкновенную форму и положеніе, и съ послѣдующею буквою, отъ которой можно теперь различить только нижнюю половину — нижній завитокъ или полуовалъ, съ буквою с. Все слово: сѫкрьшисѧ, съ правильнымъ школьнымъ правописаніемъ, но русскимъ, не болгарскимъ, и читалось оно, вѣроятно, въ виду надписи 1438 г. и современныхъ грамотъ Молдавіи — совершися[1]).

[1]) Иначе пришлось-бы читать, если-бы писалъ юго-славянинъ, съ его сѫвръшисѧ.

Второе слово ясно своею первою буквою — с. Но, пристально вглядѣвшись, мы можемъ подмѣтить нижнюю половину отъ буквы і и букву н, находящуюся въ связи съ послѣдующею буквою, отъ которой лишь небольшіе слѣды, но которая безъ затрудненія проэктируется въ формѣ м. Все слово: сіи.

Третье слово начинается, какъ только что указано, съ буквы м. За нею ясно слѣдуютъ буквы ѕ, р и ѯ; но всѣ онѣ въ своихъ верхнихъ частяхъ повреждены. Объ ѯ, а не ь, заключаю изъ наклоннаго положенія основной вертикальной черты: въ ь'ѣ эта черта строго вертикальна. Все слово: мѕрѯ.

Итакъ, чтеніе 1-ой строки (съ раздѣленіемъ словъ):

сѫврьшисѧ сіи мѕрѯ.

Славянскій глаголъ **сѫврьшити**, и въ правописаніи славянскихъ грамотъ Молдавіи, т. е. русскомъ, и въ правописаніи тѣхъ-же грамотъ Валахіи, т. е. болгарскомъ, вошелъ въ современный румынскій языкъ: svârșesc, sfârșésc, съ массой производныхъ. Впрочемъ, и это отъ вѣка румынское слово не ушло отъ анаѳемы современныхъ румынскихъ шовинистовъ, истребителей всего славянскаго въ ихъ языкѣ, и въ новѣйшемъ «Русско-румынскомъ Словарѣ» проф. Эмман. Григоровицы (Bucaresci, 1897) уже стоитъ (р. 640) латинскій замѣститель его, глаголъ «a comite, împlini», и только на третьемъ мѣстѣ — «sâvârși».

Имя существительное мѕрѯ извѣстно въ малорусскомъ нарѣчіи (въ общерусскомъ только отъименный глаголъ, въ значеніи задѣлать въ стѣну — замуровать) и польскомъ языкѣ съ значеніемъ стѣны вообще. Въ памятникахъ церковно-славянскаго языка слово не встрѣчается, какъ и въ чешскомъ, за исключеніемъ его словацкаго нарѣчія (múr), и его источникъ — средненѣмецкій языкъ своимъ mûr, нынѣ Mauer, а источникъ для этого — латинскій языкъ: murus. Первый этапъ отъ нѣмцевъ — польскій языкъ, куда слово mur вошло въ началѣ XIV ст.[1]). Въ народный языкъ румынъ слово «муръ» —

---

[1]) Ср. Linde, «Słownik języka polskiego», s. v. Слово вошло при польскомъ королѣ Казимірѣ Великомъ: раньше на постройку шло одно дерево. Ср. kościół изъ лат. castellum.

не вошло, гдѣ — z i d u l, но тоже славян.слово, ѴЗьД; самое латинское слово весьма ранняго заимствованія у нѣмцевъ[1]). Правда, есть наше слово m u r въ языкѣ румынъ Македоніи, у т. наз. куцовлаховъ — см. примѣръ у Гастера, «Chrestomatie Română» — «musca pe m u r» (II, 268), т. е. муха на стѣнѣ; но это слово могло быть взято прямо изъ латинскаго языка, безъ славянскаго посредничества.

Первая строка надписи утверждаетъ окончаніе постройки, по меньшей мѣрѣ, той стѣны Аккерманской крѣпости, въ составъ которой входила и башня съ нашимъ мраморомъ. Эта работа третьяго періода въ исторіи постройки твердыни Аккермана[2]).

2-я с т р о к а.

Первое слово этой строки открывается почти совсѣмъ исчезнувшею буквою.

Принимая въ расчетъ пространство исчезнувшей буквы, слѣдъ ея контура внизу и явственную фигуру в т о р о й буквы строки — ⊙, я полагалъ-бы проэктировать здѣсь букву в.

Третья буква ρ, но неожиданной фигуры: буква какъ-бы сдавлена; всей высоты строки, какъ это слѣдовало бы, она не занимаетъ. Почему? На шеѣ у нея сидѣла, несомнѣнно, небольшая буква Д, она выходила головой поверхъ строки, а двумя своими рожками сжимала букву ρ, т. е., помѣщеніе буквы Д было подъ титломъ. Отъ этой погибшей Д буквы сохранился, въ видѣ явственнаго треугольника ▽, лѣвый крючекъ.

Пятая буква ясна: ѕ, но съ укороченнымъ лѣвымъ усикомъ.

---

[1]) J. Grimm, Wörterbuch der deutsch. Sprache, s. v. Mauer.

[2]) Извѣстно, что одна изъ двухъ греческихъ надписей изъ Аккермана, его крѣпости, найденныхъ, дурно прочтенныхъ и дурно изданныхъ Мураакевичемъ во II т. «Записокъ» нашего Общества, надпись небольшаго размѣра, вдѣланная въ какую-то башню, погибла, затерялась гдѣ-то. Дурное изданіе заставляетъ современныхъ эпиграфистовъ, у насъ и за-границей, предлагать то одну, то другую редакцію погибшей надписи. (См. Латышевъ, «Сборникъ греч. надписей и пр.», р. 2). Но несомнѣнно, что надпись говорила объ окончаніи крѣпостной стѣны, т. е. «мура» (τὸ τεῖχος). Нельзя-ли понимать эту погибшую надпись, какъ побочную, греческую редакцію нашей с л а в я н с к о й, главной, отъ 1454 года? Понятна была-бы и ея краткость, напр., отсутствіе даты. Но изъ которой башни эта греческая была извлечена—неизвѣстно!

Шестая — ж. Объ особенно удачномъ, чисто художественномъ выполненіи этой буквы рѣзцомъ рѣчь была выше.

Отъ седьмой буквы — съ неясною фигурою остатокъ. По направленію линій, входившихъ въ составъ былой буквы, можно догадываться о буквѣ а. Но тутъ эта буква въ своеобразной для нашей надписи формѣ: она сближается съ полукурсивнымъ греческимъ и кирилловскимъ а, съ треугольникомъ вмѣсто брюшка. Правая нижняя ножка отъ предшествующей буквы ж захватила внизу очень много мѣста, почему образовалось, далѣе, пространство, какъ нельзя болѣе удобное для указанной своеобразной фигуры а, и уголъ отъ треугольника прямо упирается въ ножку предшествующей буквы ж.

Восьмая буква — въ видѣ слѣда отъ верхняго обломка. Въ виду формы этого остатка и мѣста былой буквы, я читаю здѣсь є. Стоитъ обратить вниманіе на форму завитка: треугольникъ, основаніе котораго упирается въ горизонтальную черту 1-ой строки, а остріе опущено перпендикулярно внизъ — чтобы видѣть, что эта буква не могла быть с, подобная, при разломѣ, буквѣ є и занимающая столько-же мѣста: въ буквѣ с верхній завитокъ тотъ-же треугольникъ, но только въ обратномъ положеніи.

Девятая буква почти отсутствуетъ: только какой-то намекъ на вертикалъ предъ ясно читаемой слѣдующею, десятой буквой — а. Въ виду обнаруживающагося смысла я предполагаю здѣсь букву м. Въ виду удлиненной фигуры этой буквы въ 1-ой строкѣ, мѣста для нея въ этой точкѣ 2-ой строки вполнѣ достаточно.

Одиннадцатая буква, начинавшая новое слово въ строкѣ, и послѣдующая — одна или двѣ — отбиты. Но слѣдующія затѣмъ буквы довольно ясны: это — т (съ поврежденной покрышкою) и ь. Въ виду этого даннаго и въ виду требованія смысла, я исчезнувшія буквы возстановилъ бы такъ — бz̆i. Ямка на верху указываетъ, что здѣсь была буква подъ титломъ и, полагаю, буква с, такъ какъ въ самой строкѣ можно разглядѣть слѣды кружка отъ главной части буквы, отъ z. Пространства не болѣе какъ для двухъ буквъ. Но вторая часть буквы zi, т. е. i, отсутствуетъ, но — только изъ своего мѣста. Предполагаемая нами глагольная форма (3 s. aor., отъ гл. бziти), какъ слишкомъ знакомая, и въ славянскихъ грамотахъ Молдавіи пользуется сократительнымъ для себя пріемомъ; тѣмъ болѣе у мѣста былъ этотъ

пріемъ въ лапидарной надписи, гдѣ появленіе каждой новой буквы есть новый, нелегкій, трудъ.

Букву ѣ замыкаетъ изящная вертикальная черта, непосредственно соединяющая 1 и 2 строки. Ее должно считать за букву і. Ср. остатокъ той-же буквы въ 1-ой строкѣ. Странно только ея самостоятельное положеніе, да и смыслъ чтенія не требуетъ здѣсь союза. Что-жь это за і? Это — поправка рѣзчика: онъ возмѣстилъ недостающій, пропущенный имъ знакъ въ ꙑ сейчасъ впереди.

Мы здѣсь на минуту остановимся на разборѣ отдѣльныхъ буквъ и переходимъ къ чтенію второй строки до этой буквы і.

Итакъ, чтеніе значительной части 2-ой строки:

(в)ѡ҃рꙋж(ае)ма (бꙑ҃)ть.

Глаголъ въдроузити,—жати, въ церковно-славянскихъ памятникахъ всѣхъ редакцій, имѣетъ одно опредѣленное значеніе—вбивать, прибивать: тамо вьдрꙋзисмо крьсть вь дꙋбѣ[1]).

Въ нашей надписи идетъ рѣчь о прибитіи чего-то на память, конечно, о завершеніи стѣны аккерманской крѣпости — «мура».

Первая послѣ і буква, вторая и третья ясны: а, ц и а. Но при этомъ, въ первомъ а вмѣсто ожидаемой внутри точки — треугольное углубленіе—и оригинальная лѣвая черта: получается фигура въ родѣ нашего русскаго я. Но ср. послѣднюю букву а въ 4-ой строкѣ. Второе а — въ своей обычной формѣ. О фигурѣ буквы ц рѣчь выше. Буквы эти смысла не даютъ. Необходимо предположить переносъ, т. е. разносъ межь двухъ сосѣднихъ строкъ одного слова. Поэтому перехожу къ

3-ьей строкѣ.

Первая буква 3-ьей строки — с, съ отбитымъ верхнимъ носикомъ, вторая и третья буква прекрасно сохранились: т и а, послѣдняя съ точкою внутри. Получается новый слогъ, но вмѣстѣ съ предшествующими, въ концѣ 2-й строки, аца никакого славянскаго слова не дающій.

---

[1]) Даничић, Рјечник из књиж. старина српских, s. v.

Отъ четвертой буквы сохранился остатокъ—нижняя часть, въ видѣ тонкаго, усѣченнаго прямоугольника выше строчной черты, съ-права опирающагося на эту строку. Въ виду этихъ особенностей — предъ нами несомнѣнный остатокъ буквы ц, какъ замѣчено было выше. За это говоритъ и одна толщина линій, и одно междучертное разстояніе здѣсь и въ сохранившейся буквѣ ц 2-ой строки.

Далѣе шла буква, которая была въ вязи съ буквою ц: у обѣихъ была общею вертикальная линія, а внизу, съ-права, она замыкалась небольшимъ полукругомъ, который явственно различаемъ. Эти особенности требуютъ признанія на пятомъ мѣстѣ буквы ь. Ея фигура ясна въ 1-ой и 2-ой строкахъ. Противъ буквы ѫ говоритъ вертикальность главной линіи, противъ ѣ—мѣсто или положеніе, отчасти также вертикальность[1]). Что касается ямки внутри полукруга, то она по своему размѣру и формѣ сближается съ такой-же ямкою какъ буквы ь, такъ и буквы ѣ.

Итакъ, вязь въ 3-ьей строкѣ предлагаетъ слогъ ць.

Шестая буква вполнѣ сохранилась, это—буква г, но съ оригинальнымъ—обратнымъ—помѣщеніемъ своей верхней линіи, и самая эта линія выведена обратно: ея конечный крючекъ не опущенъ, а поднятъ вверхъ, такъ что образовался желобокъ между главною чертою и параллельнымъ ей крючкомъ. Соображеніе экономіи мѣста было, по видимому, причиною для придачи буквѣ г столь оригинальной фигуры или положенія. См. снимокъ.

Буквы 7, 8 и 9-ая ясны: ѕ, л, а. Въ буквѣ л лѣвая черта на половину отбита. Прекрасно сохранилась буква ѕ, вообще изрядной работы. Но слоги: ць, гѕла изъ какого слова?

Слѣдующія двѣ буквы сохранились на-половину; но онѣ легко возстановляются: это — вѫ.

Наконецъ, послѣднія четыре буквы 3-ьей строки читаются ясно; за исключеніемъ первой изъ нихъ, поврежденной буквы л въ своей лѣвой чертѣ, остальныя три вполнѣ сохранили свою правильную, красивую форму, какъ онѣ вышли изъ-подъ руки опытнаго рѣзчика. Эти по-

---

[1]) На фототипическомъ снимкѣ этотъ важный остатокъ буквы не виденъ отчетливо и приходится сожалѣть о литографіи.

слѣднія шесть буквъ даютъ уже опять вполнѣ понятное славянское чтеніе: вѫ лѣто.

Какія же слова заключаетъ рядъ буквъ—отъ а 2-ой строки (третья буква отъ конца) и до того-же а 3-ьей строки, по счету, девятой буквы? Что за языкъ здѣсь предъ нами? Тотъ-же славянскій, что и въ первыхъ двухъ строкахъ—до извѣстнаго мѣста? Или предъ нами необходимость — обращаться къ иному языку?

Для разрѣшенія поставленнаго вопроса начнемъ съ конца — отъ послѣднихъ буквъ указаннаго ряда, имѣя въ виду общее положеніе, что такъ какъ во второй строкѣ дано сказуемое («водружаема бысть») и выражено оно причастіемъ въ женскомъ родѣ един. числа, то третья строка должна заключать въ себѣ подлежащее, именно — соотвѣтствующаго рода и числа.

Уже первый слогъ ла указываетъ, что предъ нами дѣйствительно какое-то слово въ именит. падежѣ ед. ч. женскаго рода. Но гдѣ самое слово? Можетъ быть, въ соединеніи слоговъ ла и предшествующаго гѕ, т. е. въ гѕла?

Дѣйствительно, для славянскаго языка возможно допустить имя существительное гула, при предположеніи, что здѣсь буква г стоитъ вм. буквы к. Въ сербскомъ и болгарскомъ есть сущ. кула, съ турецкаго, съ значеніемъ башни; могло быть потому извѣстно это слово и на Днѣстрѣ. Въ виду того, что наша надпись была вдѣлана именно въ башню., и смыслъ какъ будто можетъ говорить за это соединеніе двухъ послѣднихъ слоговъ, за это слово.

Но что мы будемъ дѣлать тогда съ третьимъ отъ конца слогомъ ць? Если соединимъ его съ предшествующимъ, четвертымъ слогомъ — ста, то получается слово, которое неизвѣстно ни русскому, ни южнославянскимъ языкамъ. Правда, оно нѣсколько подходило-бы къ польскому имени — stacya (станція, положеніе); но въ 1-хъ) только нѣсколько, во 2-хъ) никакого смысла не получалось-бы тогда въ чтеніи 3-ей строки.

Попробуемъ теперь соединить слогъ ць съ обоими послѣдующими за нимъ слогами — гѕ и ла. Не получится-ли тогда искомое подлежащее — имя существительное, женскаго рода въ им. п ед. числа?

Итакъ—что такое сочетаніе слоговъ ць-гѫ-лѧ: слово это или нѣтъ, и если слово, то какого языка?

Можно бы вспомнить польское слово cegła, чешское cíhla кирпичъ, черепица, оба изъ нѣмецкаго Ziegel (die). Изъ польскаго оно перешло и въ южнорусское нарѣчіе, а отсюда въ румынскій языкъ, съ глухимъ гласнымъ въ обоихъ слогахъ, какъ это ясно изъ передачи этого слова старымъ, кирилловскимъ правописаніемъ: цѫглѫ. Въ современной, латинской, графикѣ слово это передается вычурнымъ способомъ: teglă, хотя яснѣе указываетъ на свое южнорусское (польское) происхожденіе[1]).

Слово cègła, цегла — женскаго рода, а что касается смысла, то при предположеніи, что значеніе слова *цьгла кирпичъ, черепица, могло нѣсколько расшириться у редактора надписи до понятія о плитѣ вообще, съ этой стороны противъ допущенія существительнаго *цьгла въ текстъ надписи особеннаго препятствія не было-бы. Не было бы затрудненія и съ формальной стороны: изъ слав. грамотъ Молдавіи намъ хорошо извѣстенъ пріемъ — русскій звукъ е передавать не только при помощи буквы є, но и буквою ѣ. Сошлюсь хоть на грамоту, напечатанную мною въ разборѣ книги г. Житецкаго по литературной исторіи малорусскаго нарѣчія (1891), а теперь переиздаваемую въ Приложеніяхъ.

Но что тогда дѣлать съ серединнымъ гласнымъ ѫ? Вѣдь предъ нами слово цьгѫлѧ, а не *цьгла. Вставка для разъединенія двухъ согласныхъ? Но если предъ нами славянское слово, то, при данной формѣ конечнаго слога лѧ, нѣтъ условія для появленія вставочнаго (бѣглаго) гласнаго, да если бы и явилось это условіе, то вставоч-

---

[1]) «Kleines walachisch-deutsches und deutsch-walachisches Wörterbuch», von Andr. Clemens, Ofen, 1821, p. 126. Словарь старый, потому дорогой: онъ регистровалъ слова, извѣстныя языку румынъ, не выбрасывая словъ, непріятныхъ для румынскихъ писателей и ученыхъ нашего времени, именно, словъ славянскаго происхожденія, не замѣняя ихъ иными — заново сфабрикованными латинскими или взятыми изъ какого другого языка, только бы не изъ славянскаго. Вотъ почему въ указанномъ выше «Русско-румынскомъ Словарѣ» Эмм. Григоровицы того слова нѣтъ, а есть—olana, въ значеніи черепицы, cărămida, въ значеніи кирпича. Въ Глоссаріи г. Гастера къ изданнымъ имъ историческимъ памятникамъ румынскаго языка—«Chrestomatie Română» de M. Gaster (Bucuresci, 1891, v. II) — слова «tègla» нѣтъ, но здѣсь, за отсутствіемъ его въ текстахъ книги.

ный гласный едва-ли принялъ-бы форму гласнаго ѕ. Обычная форма такого звука — ѕ-о, ь-е (псалмъ = псаломъ).

Въ виду этого, имя сущ. нашей надписи цьгѕла необходимо выдѣлить изъ какого-либо отношенія къ мало-русскому слову цегла, польскимъ cegła. Но что это, какого языка слово?

Въ сербско-кирилловскихъ грамотахъ XV ст. изъ Дубровника (Ragusa) встрѣчается фамилія Цигулић[1]), слѣдовательно, какъ-бы идущая отъ существительнаго *цигула. Но въ самомъ сербскомъ или хорватскомъ языкѣ такого существительнаго нѣтъ. Мало того, фамиліи «властелей» (дворянъ) изъ Дубровника для славянской этимологіи весьма ненадежный и опасный матеріалъ. Въ другихъ славянскихъ языкахъ мы равнымъ образомъ не находимъ сколько нибудь соотвѣтствующаго родоваго имени.

Но предположимъ, что въ данномъ начертаніи слова цьгѕла, при ь=е, буква г замѣщаетъ букву д — по ошибкѣ-ли автора текста надписи, ваятеля-рѣзчика или въ силу какого-то діалектическаго вліянія: тогда — все выясняется, и мы получаемъ чтеніе надписи безупречно — твердое.

Всѣмъ живымъ славянскимъ языкамъ знакомо слово цедула, съ значеніемъ записки, вообще записи. Ср. польское cedułа, русск. цедулка, серб. цедуља, но въ старосербскомъ читѕла index. (см. Даничић, op. c., s. v.).

Всѣ эти слова вышли изъ общаго источника (русское слово изъ обозрѣнія исключается — его ближайшій источникъ — польскій языкъ) — изъ средневѣковаго латинскаго cedula дощечка съ надписью; а это, въ свою очередь, развилось изъ болѣе старой латинской формы schedula = parva scheda, а это — уменьш. форма отъ латинскаго scheda доска, это-же, въ свою очередь, изъ греч. σχέδη съ тѣмъ-же значеніемъ — tabella[2]). Нѣмецкій языкъ также позаимствовалъ оттуда-же свое Zettel (die); но его форма не можетъ быть посредникомъ для живыхъ

---

[1]) Даничић, Рјечник изъ књиж. старина српских, s. v.

[2]) О латинскомъ cedula, см. Du-Cange, Glossarium mediae et infimae latinitatis, s. v. Ceda, о греческомъ общеисточникѣ—Stephanus H., Thesaurus graecae linguae, v. VII, s. v.—Linde, Słownik języka polskiego, s. v. e, особенно — Matzenauer A., Cizí slova v slovanských řečech.

славянскихъ языковъ, такъ какъ форма латинскаго языка цѣликомъ воспроизводится этими послѣдними.

Ясно, что значеніе записки, записи (scribula), это — дальнѣйшее развитіе основнаго значенія слова цедула — таблица, дощечка съ письмомъ. Той же семасіологическій процессъ имѣлъ мѣсто и въ латинскомъ языкѣ — см. изв. Словарь Forcellini, s. v.

Въ аккерманской надписи 1454 года и дано слово цедула, но въ уклоняющейся формѣ цьгѕла, и здѣсь оно съ своимъ первоначальнымъ значеніемъ — съ значеніемъ таблицы, доски съ надписью, теперь утраченнымъ въ славянскихъ языкахъ.

Итакъ, мы получили искомое подлежащее — слово соотвѣтствующаго, т. е. женскаго рода и числа, но что̀ главнѣе — по своему значенію оно вполнѣ у мѣста: на память о постройкѣ «мура» была прибита доска съ надписью. Но какого языка?

Естественно бы здѣсь думать о южнорусскомъ языкѣ. Одна только замѣна зубнаго звука гортаннымъ, г, а не д, наводитъ на нѣкоторое сомнѣніе и наводитъ на мысль — въ данной формѣ славяно-русскаго слова не сказалось-ли вліяніе особеннаго этническаго элемента? Или предъ нами просто графическая ошибка?

Для выясненія вопроса о той или другой возможности обращаемся къ послѣдней группѣ буквъ изъ разсматриваемаго ряда: какъ ихъ связать въ слово и прочесть?

Естественно предположить, что эта группа буквъ заключаетъ въ себѣ опредѣлительное слово къ подлежащему цьгѕла = доска и вполнѣ согласованное съ нимъ — т. е. прилагательное или мѣстоименіе, въ имен. пад. ед. ч. женскаго рода. Будемъ его находить.

Непосредственно стоящій слогъ ста не даетъ слова. Ни намека на титло, слѣдов. нельзя подозрѣвать слав. прилагательнаго «сѧта», въ сокращеніи. Да и почему бы памятная доска могла проименоваться святой? Связи понятій нѣтъ.

Привлекаемъ изъ 2-ой строки послѣднюю серію непрочтенныхъ нами буквъ — аца и соединимъ съ слогомъ ста, открывающимъ собою 3-ю строку. Въ результатѣ мы получаемъ чтеніе: ацдста. Но что̀ оно даетъ?..

Оно даетъ намъ вполнѣ умѣстное, вполнѣ понятное слово, но только его мы не найдемъ ни въ одномъ изъ славянскихъ

языковъ. Это слово вполнѣ извѣстно языку румынскому, именно, какъ мѣстоименіе указательное, слѣдовательно, съ значеніемъ: сей, этотъ, настоящій, т. е. съ значеніемъ, вполнѣ идущимъ къ данному мѣсту. Поставлено въ соотвѣтствующей грамматической формѣ — имен. пад. ед. ч. женскаго рода, т. е. въ формѣ, требуемой подлежащимъ цѣѕла.

Въ мѣстоименіи АЦАСТА второе А рѣшаетъ вопросъ о родѣ, ибо въ формѣ мужскаго рода было-бы: АЧЕСТЪ, АЧЕСТА этотъ, сей[1]). Наиболѣе точное воспроизведеніе румыскаго мѣстоименіе въ формѣ женскаго рода было бы съ ѣ или ꙗ на мѣстѣ втораго А; но и наше правописаніе съ А — поддерживается массою примѣровъ изъ старой кирилловской письменности румынъ[2]). Гастеръ въ латинской транскрипціи форму женск. р. этого указат. мѣстоименія передаетъ такъ: această, aceasta, т. е. употребляетъ ту пару буквъ — еа, которою принято у румынъ теперь передавать славян. ѣ, ꙗ, А (послѣ шип. ч) и которая въ румынскомъ, какъ и въ дѣйствительномъ болгарскомъ, обозначаетъ особенную палатальность звука ч.

Что касается разбивки этого мѣстоименія межь двухъ строкъ, то какъ-разъ тотъ-же переносъ того-же мѣстоименія предлагается румынскою грамотою молдавскаго господаря Симеона Могилы отъ 1602 года:

.....НѢ СЕ ИСПИТѢСКЪ ПРЕСТЕ АЧѢ

СТА КАРТЕ... [3])

Но возразятъ: почему-же въ надписи ц, тогда какъ румынскій языкъ всегда зналъ звукъ ч въ указательномъ мѣстоименіи АЧЕСТЪ? Почему АЦАСТА, а не АЧАСТА?

Едва-ли это просто ошибка рѣзчика, отъ неумѣнья прочесть слово изъ румынскаго языка. Я полагаю, что это ц — указаніе нерумынской и неславянской народности рѣзчика. Вѣроятнѣе всего, онъ былъ грекъ, и потому не могъ не прочесть про себя румынскаго звука ч

[1]) Ср. Гинкуловъ Я., Начертаніе правилъ валахо-молдавской грамматики, Спб. 1840, 10. Hasdeu B. Etymologicum magnum Romaniae, f. II (Bucur., 1886), p. 166.

[2]) Ср. Hasdeu, op. c., Gaster M., Chrestomatie Română, I, 173—175, и Словарь ко 2-му тому. Напр.: пентръ ачаста пара—въ яссой грамотѣ 1657 г.

[3]) Hasdeu B. Limba romana vorbita, intre 1550—1600, Bucur., 1878, p. 116. Ср. p. 135, 136 и др.

въ бывшей предъ его глазами редакціи надписи иначе, какъ по своему, по-гречески, т. е., какъ ц; съ грамотой-же кирилловскою онъ долженъ былъ быть близко знакомъ и не воспроизводилъ потому на мраморѣ своимъ рѣзцомъ заказанный текстъ машинально. Передача грекомъ въ своей живой рѣчи негреческихъ шипящихъ звуковъ соотвѣтствующими свистящими для насъ, жителей Юга, явленіе слишкомъ заурядное: когда шутя копируютъ грека, то именно обращаются къ этому пріему. Обратное явленіе въ русскомъ выговорѣ литовца, особенно латыша.

Но румынское мѣстоименіе АЦАСТА въ нашей надписи дозволяетъ предполагать, что и существительное, которое имъ опредѣляется, т. е. слово ЦЬГ8ЛА — существительное также румынскаго языка. Правда, слово взято изъ славянскаго, южнорусскаго языка; но оно потерпѣло уже фонетическія измѣненія, въ согласіе съ духомъ румынскаго языка, отуземилось.

Такъ, прежде всего, гортанный звукъ вм. ожидаемаго зубнаго, т. е. ЦЬГ8ЛА вм. ЦЬД8ЛА, могъ-бы считаться элементомъ румынскаго языка. Такъ, общерумынское gura, особенно частое въ мѣстныхъ названіяхъ Бессарабіи (Гура-Роша), это — передѣлка славянскаго ДЪІРА, дыра (о значеніи этого слова въ памятникахъ старины см. указ. Глоссарій Гастера, II, 442). Къ иллюстраціи этой мѣны согласныхъ прибавлю, что въ народной рѣчи молдованъ Бессарабіи слышится только гине, а не бине, изъ лат. bene. Обратное явленіе въ передѣлкѣ Георгія на Дёрдія. Любопытно, что и въ Ипат. лѣтописи: Дюргій, Дюрди.

Далѣе, въ самомъ звукѣ ь, а не е, въ глухомъ гласномъ послѣ ц можно бы видѣть также элементъ румынскаго языка, который именно такъ склоненъ переводить ясную вокализацію въ глухую. Явленіе это слишкомъ извѣстное, и его раздѣляетъ съ нимъ его по плоти собратъ — языкъ болгарскій. Ср. выше ЦЖГЛА, ЦЖГЛЪ, изъ русскаго цегла кирпичъ. Рум. вліяніе и въ языкѣ гуцуловъ: дрыва, при «дрова».

Самый фактъ — наличность румынскаго языка въ славянской надписи Бѣлгорода — отъ половины XV вѣка — удивительнымъ почитаться не можетъ: онъ указывалъ бы на постепенное усиленіе румынскаго элемента на счетъ стараго, славянскаго, каковое явленіе согласуется съ общимъ ходомъ этническаго измѣненія населенія Бессарабіи, въ старину — сплошь славяно-русской земли, и вообще съ

исторіей письменности у румынъ, сначала употреблявшихъ въ письмѣ славянскій языкъ, а потомъ постепенно, начавши отъ небольшихъ пріемовъ, ставшихъ замѣнять его своимъ, роднымъ. «Скажу вамъ между прочимъ, писалъ мнѣ изъ Николаева 30 авг. 1882 г. мой сотрудникъ по изученію Юга, А. В. Вырланъ, по возвращеніи изъ объѣзда Трансильваніи, что въ Кронштадтѣ (=Брашево), въ румынской части его, нашелъ старинную церковь, на которой есть надписи славянскія и румынскія. Первыя древнѣе послѣднихъ, насколько я могъ разобрать ихъ». Извѣстно, какъ медленно шла эта трансформація письменности у румынъ, съ какою любовью писцы-румыны употребляли среди сплошнаго румынскаго текста той или другой грамотѣ славянскіе союзы, предлоги, поминали тѣмъ свою культурную старину [1]).

Итакъ, конецъ 2-ой строки и 3-я строка могли-бы быть прочтены такъ:

АЦА
СТА ЦѢГѪЛА ВѢ ЛѢТО.

Это чтеніе даетъ полный смыслъ и чтенію 2-ой строки: что на память о завершеніи постройки крѣпостной стѣны «вбита была настоящая доска съ надписью» — въ наиболѣе видную башню вновь возведенной противъ турокъ аккерманской твердыни — «мура».

4-я строка.

Первая буква дѣло: ѕ, весьма тщательной, изящной работы. Она въ счетѣ у писцовъ, пользовавшихся т. наз. кирилловской азбукою, обозначала число 6, при извѣстныхъ условіяхъ — столько-же тысячъ. Здѣсь она имѣетъ это послѣднее значеніе.

Вторая буква сохранилась дурно: ясна вертикальная черта, а углубленіе съ-лѣва на-верху какъ разъ для отбитыхъ двухъ небольшихъ линій, вертикальной и горизонтальной, соединявшися подъ прямымъ угломъ — отъ, несомнѣнно, бывшей здѣсь крупной буквы ц. Въ счетѣ эта буква обозначаетъ 900.

---

[1]) Любопытна въ этомъ отношеніи грамота валашскаго господаря Михны, 1579 г., отмѣчаемая, какъ таковая, самимъ издателемъ ея, г. Гиждеу, въ «Limba română vorbita», p. 253. Ср. и 3 грамоту у насъ въ «Приложеніяхъ». Да, только въ наше время, подъ вліяніемъ Франціи и Австріи, внѣдрился въ духовную жизнь румынъ злой шовинизмъ.

Третья буква ѯ и четвертая к сохранились довольно хорошо; только нижній кружокъ у буквы к отбитъ. Въ счетѣ буква ѯ обозначаетъ 60, к — 2.

Внизу, подъ первыми двумя буквами счета, внѣ площади строки — углубленіе. Не сомнѣваюсь, что это мѣсто той косой черты, которая въ церковно-славянскихъ памятникахъ обозначала счетъ на тысячу. Черта отбита.

Итакъ, годъ («въ-лѣто») завершенія крѣпостной стѣны — 6962, т. е. отъ сложенія міра, а въ переводѣ на наше лѣтосчисленіе — 1454-ый.

Отъ пятой буквы лишь слабые намеки на фигуру буквы м, а далѣе крупная выбоина, т. е. исчезъ черезъ поломъ цѣлый рядъ буквъ.

На правой сторонѣ этой выбоины довольно явственно выступаетъ бува т, но съ отбитой покрышкой, а за нею — буква а, также съ отбитою верхушкой.

Не трудно возстановитъ рядъ погибшихъ буквъ послѣднихъ словъ надписи. Начну съ конца.

Дѣло въ надписи идетъ объ обозначеніи мѣсяца. Изъ славянскихъ, издревле употребительныхъ въ славянской православной церкви (сошлюсь на новгородскаго дьякона Григорія, автора художественной рукописи Остромірова Евангелія) названій мѣсяцевъ только два въ род. пад. ед. ч. могли дать въ концѣ слогъ та: мартъ и августъ. Оба они имѣютъ и по 31 дню, а 31-й день, какъ увидимъ сейчасъ, и проставленъ въ нашей надписи.

Который-же изъ обоихъ этихъ мѣсяцевъ былъ названъ въ нашей надписи?

Принимая во вниманіе общій пріемъ писцовъ церковно-славянскихъ памятниковъ, въ частности-же писцовъ старыхъ грамотъ Молдавіи и Валахіи — не ограничиваться одной простановкой названія мѣсяца, безъ прибавленія впереди его обычнаго аттрибута — слова «мѣсяцъ», обыкновенно, подъ титломъ: м҃сц или просто — «мсц҃» и даже «мс» [1]), мы a priori должны допустить, что и въ нашей над-

[1]) См. Gaster, ук. Историч. Христоматія, II, 478, 474; Hasdeu, «Limba» и проч. — грамоты (записи) 1573, 1581 и др. Въ продажной записи (zapis de vînzare) или купчей 1581 года, Баковскаго уѣзда Молдавіи, именно читаемъ: «... м҃с марта...». Рѣдко въ актахъ одинъ только годъ данъ.

писи, кромѣ названія мѣсяца, присутствовалъ и его аттрибутъ. Что это было дѣйствительно такъ, ясно изъ первой (по счету въ строкѣ пятой) послѣ указанія года буквы — м.

Допуская, что слово мѣсяць редакторомъ надписи было изображено въ его кратчайшей формѣ — двумя въ строкѣ буквами, мы въ своемъ распоряженіи имѣемъ свободнаго мѣста отъ выбоины какъ-разъ на столько, чтобы заполнить его не болѣе, чѣмъ тремя буквами. Эти искомыя три буквы можетъ предложить только названіе мѣсяца марта, а не августа, такъ какъ названіе этого послѣдняго мѣсяца требуетъ для себя помѣщенія на пять буквъ.

Въ виду указанныхъ соображеній я возстановляю исчезнувшій рядъ буквъ такъ:

ц̃мар.

Тогда все мѣсто читалось-бы такъ:

м̃ц марта

Предпослѣдняя буква сильно повреждена, но общая фигура ея ясна. Это буква л. Въ счетѣ она обозначала число 30.

Наконецъ, послѣдняя буква строки (и надписи) сохранилась вполнѣ — буква а, но не съ точкою внутри въ своей верхней части, а съ трехъугольнымъ углубленіемъ, какъ это мы имѣли уже въ той же буквѣ 2-ой строки — 3-я отъ конца. Въ счетѣ эта буква обозначала число 1.

Слѣдовательно, послѣдними двумя буквами датуется день мѣсяца марта — именно 31-ое число марта.

Итакъ, чтеніе 4-ой строки слѣдующее:

„ѕцѯв м(ц̃ мар)та л҃а,

т. е. 6962 (=1454) мѣсяца марта 31.

Отъ середины четвертой строки внизъ, до края или нижняго ранда плиты, идетъ полуовалъ, отороченный изящною полусферическою каймой. Середина его — глубокая впадина, одна яма. Принимая во вниманіе прежнія лапидарныя надписи Аккермана и общій обычай

при государственныхъ памятникахъ того времени, равно какъ и при изданіи важныхъ, напримѣръ, богослужебныхъ, книгъ, позволяю себѣ полагать, что въ зіяющей теперь впадинѣ на мраморѣ былъ высѣченъ гербъ Молдавіи: голова быка съ звѣздою межь рогъ [1]). Скорѣе всего этотъ гербъ позаботились уничтожить турки, послѣ овладѣнія Аккерманомъ въ 1484 году, или въ первые годы своего владычества,—да не будетъ нижѣ намека о государствѣ, которое простирало власть свою сюда — до нихъ. Вѣдь также они, въ своемъ невѣжествѣ и ослѣпленіи, поступили съ крестами на дивныхъ мраморныхъ дверяхъ Св. Софіи: тщательно соскобили ихъ, хотя оставшійся слѣдъ отъ исчезнувшихъ крестовъ ярко свидѣтельствуетъ и сегодня о нихъ...

Такимъ образомъ, новая на мраморѣ надпись изъ Бѣлгорода-Аккермана, отъ 1454 года, гласящая о третьемъ пріемѣ въ постройкѣ знаменитой крѣпости — которая есть результатъ огромнаго труда и таланта нѣсколькихъ инженеровъ, предлагаетъ, на-сколько я въ состояніи разобрать эту надпись, зане всеже «даскали писменнои недостигохъ», слѣдующее чтеніе (въ скобахъ возстановляемыя буквы), на славянскомъ, въ перемежку съ румынскимъ, языкѣ, съ раздѣленіемъ словъ текста:

\+ съвршися сіи м8ръ
(в)ôр8ж(ае)ма (б̑жі)ть аца
ста цьг8ла въ лѣто
҂ѕцѯв м(ц̑ мар)та л̄а

ГЕРБЪ

Мы у конца нашихъ замѣтокъ о новооткрытой лапидарной, славяно-румынской надписи изъ Бѣлгорода-Аккермана, отъ 1454 года,

[1]) Мимо моей статьи «Лапидарныя надписи»—см. для старопечатныхъ румынскихъ книгъ художественное, на дняхъ начатое Корол. Румынскою Академіей наукъ, изданіе: «Bibliografia românésca veche, 1508 — 1830», подъ редакціей J. Bianu и Nerva Hodoš (Bucuresti, 1898—99), f. I, II. Тутъ снимки туземныхъ гербовъ изъ старыхъ книгъ, нашъ гербъ—f. II, p. 138, 149, 157. Эта тетрадь обнимаетъ изданія 1635—1656 г. Водный знакъ въ бумагѣ для грамотъ господарей — тотъ-же гербъ. Ср. грамоту 1715 г. въ «Приложеніяхъ».

третьей въ порядкѣ надписей, относящихся въ постройкѣ знаменитой твердыни Нижней Молдавіи, древне-русскаго «Понизья»[1]).

Надписи устанавливаютъ три пріема этой постройки: въ 1438, 1440 и 1454 годахъ. Всѣ эти работы имѣли мѣсто при господарѣ Нижней или Дольней, Приднѣстровской Молдавіи, Стефанѣ III, сынѣ Александра Добраго, умершаго въ Аккерманѣ, и вызваны опасностью отъ приближенія турокъ къ нижнему Дунаю. Въ 1453 году турки овладѣли Константинополемъ, формально упразднили фактически давно упраздненную Византію, опасность усугубилась и, какъ новая мѣра противъ нея, было новое укрѣпленіе Аккермана, завершеніе его фортификаціонныхъ работъ уже весною слѣдующаго, 1454, года.

Въ расчетахъ своихъ Стефанъ не ошибся: гроза сейчасъ-же явилась, и гроза была отведена — только благодаря крѣпости.

Въ началѣ 1454 года на Босфорѣ рѣшили покончить съ владѣніями «Франковъ», т. е. генуэзцевъ на Черномъ морѣ, особенно, въ Крыму, и снаряжена была для того морская экспедиція, подъ командою Темиръ-кая. Но, предварительно движенія на Кафу (Θеодосію), турецкая эскадра изъ 52 галеръ (biremi et triremi) весною 1454 г. вошла въ Лиманъ и посѣтила Бѣлгородъ (Moncastro). Но турки были отражены и поспѣшно двинулись на Крымъ[2]).

Такъ какъ Аккерманская крѣпость была вполнѣ готова къ 31 марта 1454 года, то свое первое огненное крещеніе — отъ турокъ, она приняла, спустя мѣсяцъ, другой, послѣ этого крупнаго событія въ исторіи старѣйшей столицы Молдавіи и выдержала его съ полнымъ успѣхомъ[3]).

---

[1]) Ср. въ Ипат. лѣтописи, 1227 г.: «ты возми Галичь, а язъ — Понизье».

[2]) Изъ указ. выше статьи М. Волкова въ «Запискахъ И. Од. С. Ист. и Др.», т. VIII, р. 114. Конечно, здѣсь наша крѣпость названа «генуэзскою».

[3]) На третьемъ у насъ снимкѣ предложенъ видъ аккерманской крѣпости, ея надводной у Лимана стѣны и башни, изъ половины XVII столѣтія. Конечно, онъ несовершененъ; но любопытенъ, какъ памятникъ старины. Онъ взятъ изъ старопечатной румынской церковной книги, изъ—«Карте Ромънѣскъ»; митр. Варлаама, Яссы, 1643 года, изъ перепечатки его въ указанномъ выше изданіи Румынской Академіи наукъ: «Bibliografia românéska veche», втор. выпуска, p. 143. Эта стѣна и башня съ воротами къ Лиману болѣе не существуютъ. За ними та часть крѣпости, гдѣ, какъ замѣчено было раньше, совершались турками казни. На снимкѣ—впереди—Св. Іоаннъ Сочавскій, въ особенной позѣ, съ мечемъ, а отъ меча онъ пріялъ смерть въ Аккерманѣ. Кто былъ героемъ дня,

Правда, покоритель Царьграда подъ стопы своя, султанъ Магометъ II, былъ въ томъ-же 1454 году дважды разбитъ въ нынѣшней Сербіи отъ соединеннаго ополченія славянъ и венгровъ подъ начальствомъ Яноша Гуньяди, у Смедерева и Крушевца; но этотъ успѣхъ былъ только временной передышкой для Средней Европы. Судьба ея была рѣшена, а съ нею и Аккермана.

Въ началѣ слѣдующаго столѣтія турокъ уже полный господинъ средняго Дуная, на порогѣ Вѣны, и утверждалъ тамъ интересы вѣротерпимости, а еще раньше, въ 1484 году, турецкій паша возсѣлъ и на твердыняхъ Аккермана. Тщетно воинственный господарь Молдавіи, Стефанъ IV Великій, призывалъ Европу на отстояніе Бѣлгорода-Аккермана предъ супостаты-турки, умилительно умолялъ — 22-го іюня 1475 года — не допустить ихъ выполнить ихъ намѣреніе — «cum maximis munitionibus bombardarum magnarum (осадныя орудія) expugnare Albam», т. е., не пощадить никакихъ средствъ, лишь-бы овладѣть Бѣлгородомъ [1]). Чтобы понять и оцѣнить этотъ кличъ отчаянія, надо имѣть въ виду, что двѣ съ половиною недѣли передъ тѣмъ, 6 іюня 1475 года, была взята турками Кафа. На очередь сталъ Аккерманъ, и палъ онъ черезъ девять лѣтъ. Работы, совершенныя инженеромъ Ѳедоркою противъ турокъ — «высокія башни Аккермана», теперь въ рукахъ тѣхъ-же турокъ стали наилучшимъ орудіемъ для

т. е. перколабомъ аккерманскимъ, въ весеннюю осаду крѣпости турками — не знаю. Во всякомъ случаѣ не тотъ Луцінъ Херманъ, при которомъ строились «великія врата». Ибо въ половинѣ XV стол. перколабами Аккермана были: въ 1438 г. панъ Луц. Херманъ; 1443 г. панъ Юргичъ (=Дёрдій?), съ зятемъ Оанча (т. е. Иванче, Иванъ, рум. форма); 1463 г. панъ Влайкулъ (рум. форма юго-слав. Влайко); 1468—1470 г. Станчулъ = Станчюлъ (рум. форма юго-слав. Станко) и сынъ его Моерьяя (Мурза?); 1473 г. панъ Збярой. См. «Графъ Остерманъ», Приложенія, р XXX; здѣсь, грам. 1471 г. И сейчасъ фамилія Станчуловъ очень извѣстна среди населенія Аккермана, но — среди болгаръ, т. е. переселенцевъ начала XIX в., впрочемъ, только въ большинствѣ, ибо болгаре должны были быть въ Аккерманѣ и при туркахъ. Въ октябрѣ 1802 г. имп. Александръ приказываетъ новороссійскому губернатору Миклашевскому принять условія переселенія на югъ турка Омера-аги и разныхъ лицъ изъ Аккермана «на особенныхъ условіяхъ, предложенныхъ ими чрезъ переселившагося болгарина». («Русск. Старина», 1899, ноябрь, 452).

[1]) Отрывокъ, изъ современныхъ документовъ Генуи, у Hasdeu «Etymologicum magnum Romaniae», fasc. II, p. 168. Еще далеко впереди лежала эпоха интервенцій, корыстныхъ и нашихъ. Оправдываются-ли онѣ съ точки права соображеніями выгоды одной стороны, напр., у Isambert'a, въ его «L'indépendance Grecque et l'Europe», Paris, 1900? Завоеваніе вездѣ одно, какъ и право одно—должно бы быть... Нѣсть турокъ, нѣсть нѣмецъ·

своеобразнаго воспитанія въ непріученныхъ къ порядку «христіанахъ» чувства нѣкотораго порядка — залогъ лучшаго будущаго ихъ, хотя не безъ правды и поговорка—горбатаго могила выправитъ... Великій царь Россіи самолично побывалъ за Прутомъ:

«Надъ Могилою Рябою, надъ рѣкою Прутовою,
Было войско въ страшномъ бою»,

какъ пѣвалось у насъ на югѣ когда-то давно въ старину [1]). А сегодня эти запрутскіе «христіяне» что для насъ!.. Все непріятная «райя»... Вспомнимъ хоть наше пользованіе Дунаемъ.

Аккерманъ не безъ значенія въ судьбахъ Средней Европы.

Королевская Академія наукъ въ Букарештѣ, которая своими многочисленными изданіями матеріаловъ служитъ уже рядъ десятковъ лѣтъ съ достоинствомъ интересамъ исторической науки (позволю себѣ здѣсь сослаться на мое недавнее изслѣдованіе: «Графъ А. И. Остерманъ и раздѣлъ Турціи», которое обязано своимъ появленіемъ не въ малой долѣ и трудамъ юной Румынской Академіи), только отвѣчала очередному запросу, когда въ 1897 году, на соисканіе преміи имени Бодеску, предложила тему: «Историческія извѣстія о городахъ Килія и Бѣлгородѣ» («Cercetari istorice asupra oraşelor Chilia şi Cetatea Albă» [2]).

Наше Общество, съ своей стороны, никогда не забывало Аккермана въ теченіе всей своей, уже долгой, дѣятельности; но въ послѣд-

---

[1]) Изъ южно-русскаго Сборника первой половины XVIII ст. — «Описаніе рукописей Тверскаго Музея», трудъ М. Н. Сперанскаго, p. 234. Пишa своего «Остермана», я не зналъ объ этомъ интересномъ Сборникѣ. Но эта южная пѣснь, поминка о «Прутской акціи», судя по началу, мало, вѣроятно, похожа на наши «историческія» пѣсни о Петрѣ Великомъ, гдѣ ни полъ-звука о Прутѣ, гдѣ сливаются Швеція и Турція, гдѣ Полтава и — «виватъ». Въ текстѣ ошибочно «равою»; вѣроятно, раньше было по-малорусски — «рабою». Такъ рано передѣлана нами, по созвучію, румынское «Монила-робіей», т. е. могила рабовъ, названіе памятнаго намъ грандіознаго кургана у Прута въ Молдавіи. Мы не догадывались, что рум. Мовила — только слегка орумынизов. южно-русское могила, какъ рум. ватава изъ ватага (уже въ Ипат. лѣтоп., 1183 г.), что второе роб также изъ южно-русск. робъ (ср. землеробъ, хліборобъ). И сейчасъ на югѣ курганъ у народа могила, какъ и въ Ипат. лѣтоп., 1206 г.: «княже, уже еси на Галичин могилѣ посидѣлъ, тако и въ Галичѣ княжилъ еси». Не есть-ли этотъ Галичскій курганъ, «Могила» — Мовила робіей? Очевиденъ ироническій намекъ на что-то непріятное, да и форма — поговорка. Ср. въ «Прилож.» у насъ грам. 1471 г.: Близнята-Могилы (строка 12).

[2]) См. «Analele Academiei Romane», Seria II, t. XX, 1897—98, Part. Administr., Bukur., 1898, p. 379. Конечно, Аккерманъ 1826 года, съ его историческою «конвенціей» (господари изъ своихъ, не метисы, поводъ къ войнѣ 1828 г., ср. Isambert, op. c., 328, 337, 383), въ тему не входилъ.

нее время оно трудами своими особенно оживило научный интересъ къ судьбамъ вѣковаго города — Туры (Тираса) - Бѣлгорода - Аккермана, города о трехъ названіяхъ, въ согласіе съ тремя эпохами его, болѣе чѣмъ двухтысячелѣтней, жизни. Ему-то у мѣста и юбилей править...

Въ частности, мраморная надпись 1454 года важна:

въ историческомъ отношеніи, какъ свидѣтель серьезной эпохи и ея теченій;

въ историко-культурномъ, какъ художественный памятникъ, свидѣтельствующій объ извѣстной высотѣ греко-славяно-румынской или русско-молдавской культуры — имѣю въ виду тщательную и изящную отдѣлку вообще памятника и особенно — изящество рѣзца въ выдѣлкѣ многихъ отдѣльныхъ буквъ;

въ филологическомъ отношеніи, какъ оригинальный двуязычный памятникъ, какъ старѣйшій памятникъ и румынскаго «limba vorbita», живаго языка румынъ, но пока мирно жившаго съ своимъ вѣковымъ учителемъ — славянской стихіей. Только мало-по-малу румынская стихія какъ вездѣ, такъ и здѣсь — у Прута и Днѣстра, увеличивалась брала верхъ, вытѣсняла и — вытѣснила, наконецъ, своего добраго стараго наставника, хотя до самаго послѣдняго времени славянскій языкъ и въ наивысшихъ проявленіяхъ государственной власти непреложно сохранялся, какъ священный законъ-завѣтъ старины, напр. въ собственноручныхъ подписяхъ господарей, какого бы сомнительнаго происхожденія сами они ни были, — отъ поляка до арнаута-грека, подобно тому какъ въ Англіи — старофранцузскій. И тамъ, и здѣсь это символъ исторически слагавшейся государственности [1]), умный пріемъ, достойный уваженія.

Д. чл. Общества *Александръ Кочубинскій.*

Одесса,
31 декабря 1900.

---

[1]) Ср. любопытное начало записи 1581 г. Вся грамота по-румынски, но первыя ея два слова русскія: «ѥто аз дрѣцѣ скрнѹ и пр. (Hasdeu, «Limba rom. vorb.», p. 28). Аналогическая исторія польскаго языка въ Литвѣ: сначала онъ крошечными дозами входитъ въ канцелярскій русскій языкъ, потомъ болѣе и, наконецъ, совсѣмъ съѣлъ старый языкъ. Въ Ипат. лѣтоп., 1187 г.: восе, но 1229 г.: «осе же вы далъ», «осе есмы готовы». Есть румынскія грамоты, гдѣ грамотный мужчина подписывается по-славянски: аз, а за неграмотную женщину — по-румынски: ѥѹ, (ib. p. 101). Это мнѣ напоминаетъ населеніе г. Овидіополя, что противъ Аккермана: мужчины говорятъ по-русски, но женщины между собою и въ семьѣ только по-румынски. Такъ до-недавна.

ДОПОЛНЕНІЯ, ОПЕЧАТКИ.

Къ стр. 85. Во время печатанія попалась мнѣ случайно въ руки новая мѣдная монета Туры, времени Юліи Домны, прекрасной сохранности, какъ моя подъ № 1.

Ae.

На лицевой сторонѣ бюстъ молодой женщины; волосы падаютъ прядями, сзади перевиты лентою. Вокругъ, подъ точечнымъ ободкомъ, крупными, вполнѣ сохранившимися буквами:

IOVLIADOMNACEB, т. е.
IOVLIA DOMNA CEB.

Слѣдов., изображеніе принадлежитъ императрицѣ Юліи Домнѣ, женѣ Септимія Севера, 193 — 211 по Р. Хр. Въ экземплярѣ нашего Музея (см. Юргевичъ, ор. с., № 81) тоже чтеніе оканчивается только буквою C.

На оборотѣ:

Стоящая женщина-Фортуна, глядящая въ-право; въ лѣвой рукѣ рогъ изобилія, съ совершенно явственными, сыпящимися плодами; въ правой — якорь. Вокругъ, подъ точечнымъ ободкомъ, тѣми-же буквами:

TVPANΩNC

Послѣдняя буква C ясна. Въ экземплярѣ нашего Музея (Юргевичъ, ор. с., таблица 2, № 81) никакой буквы. Но на другомъ экземплярѣ, только съ фигурою иного рисунка и значенія (ib., № 87),

есть также послѣдняя, лишняя буква — только буква Δ. Оба символа этой монеты туранъ — Фортуна съ рогомъ и якорь, естественно, не случайно помѣщены: одинъ символъ знаменуетъ природныя богатства хлѣбнаго края, другой — морскую торговлю самой Туры.

Къ стр. 103, прим. Первый изъ русскихъ случайныхъ путешественниковъ, обратившихъ вниманіе на Траяновъ валъ, былъ офицеръ Мартосъ. Въ своихъ неизданныхъ воспоминаніяхъ о кампаніи противъ турокъ въ 1810 году онъ посвящаетъ цѣлую статью—«О Трояновомъ (!) валѣ». Рукопись Записокъ Мартоса въ ярославскомъ Музеѣ И. А. Вахрамѣева. (Титовъ А. А., Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. В—му», вып. II, М., 1892, p. 400). На картѣ юга Россіи, изданной къ открытію VI Археологическаго Съѣзда въ Одессѣ, неточно показано направленіе верхняго Траянова вала и невѣрно совсѣмъ проставлены города: Бендеры и Тирасполь.

Къ стр. 108, прим. Графъ Г. Кушелевъ, боевой морякъ еще отъ Чесмы, въ письмѣ къ сыну 1826 г., упрекая его въ невниманіи къ памяти имп. Павла, съ особеннымъ чувствомъ говоритъ объ этомъ «неусыпномъ работникѣ» на Россію: «но чемъ заплаченъ»! («Письма гр. Г. Г. Кушелева къ сыну Александру 1821—26», Черниговъ, изд., съ ошибкою уже въ титулѣ, мѣстною Арх. Коммиссіей, p. 74).

Къ стр. 112, прим. Къ слову моканъ (маканъ — опечатка), пастухъ. Въ крайевскомъ (Крайева, изъ Кралева, такъ народъ на мѣстѣ, ошибочно Крайово) нарѣчіи румынскаго языка моканъ = жаба. (Weigand G., Die rumän. Dialekte der kleinen Walachei, Serbiens und Bulgariens, Leipz., 1900, p. 85). Полагаю, и южно-бессарабское моканъ отъ румын. мокан жаба, въ виду злаго права тѣхъ моканов и народнаго взгляда на жабу, какъ на злое земноводное животное, съ ядовитостью. Въ Крайевѣ есть и фамилія Моканъ.

Къ стр. 113, прим. Ла-Ландъ, изъ первой половины XVIII ст., въ описаніи битвы гр. Миниха у Кодымы 30 іюня 1738 г., говоритъ, что въ пылу боя «турки удалились на возвышеніе, которое служитъ для погребенія и которое они называютъ курганомъ (kurgan)». См. у меня «Гр. А. И. Остерманъ и раздѣлъ Турціи», p. 393, прим. Смыслъ тотъ, что турки утилизировали курганы для погребенія.

Къ стр. 114, прим. Когда молодой гр. А. Кушелевъ въ 1825 г. купилъ Анчакракъ (Парутино), отецъ совѣтуетъ ему тамъ «завести большіе сады винограда, ибо въ Очаковѣ у турокъ были прекрасные сады, изстребленные въ войнѣ нашими войсками». (Письма гр. Г. Г. Кушелева и пр., р. 74).

Къ стр. 115, прим. Сербъ, капитанъ Юговичъ, сомнительный сербскій выходецъ изъ Австріи, въ 1798 году, въ прошеніи на Высочайшее имя доносилъ, что въ Тавріи, въ гор. Ѳеодосіи, подъ башнею находятся скрытыя съ давнихъ лѣтъ сокровища. Имп. Павелъ назвалъ это открытіе вздоромъ. (Титовъ А. А., Рукописи славянскія и русскія, принадл. И. А. Вахрамѣеву, вып. III, 1892, р. 190).

Стр. 126, строки 5,7: ТО́N; *стр. 8:* HN; *стр 12:* ѸТ8̃.

Къ стр. 158, прим. Пань (опечатка — «мань») Георге, пръкълабъ Хотинскій, свою жену величаетъ «кнѣгиня». Пріемъ обще-русскій, и до сихъ поръ не выведшійся въ пѣсняхъ галичанъ, даже у далекаго Перемышля:

«Пійшла княгинойка,
Пійшла Горпинойка»...
(Русалка Днѣстровая, р. 45).

Примѣръ изъ Ипатьевской лѣтописи нерѣшающаго значенія: «людье како-то за мя страдалѣ, тако и на княгиню мою» (1228 г.).

Къ стр. 159. Обычай ставить крестъ въ началѣ всякаго писанія, въ письмахъ передъ датою, сохранялся у нашихъ стариковъ — дворянъ даже въ 20 годахъ XIX столѣтія. См. указ. письма гр. Г. Г. Кушелева къ сыну Александру: предъ датою каждаго письма крестъ.

Къ стр. 170, прим. Къ сожалѣнію, при настоящей работѣ мнѣ остался неизвѣстнымъ трудъ г. Санцевича (Sancewitsch) въ «Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache», 2-ой годъ, Лейпцигъ, 1895, о русскомъ языкѣ, какъ посредникѣ, при переводѣ словъ романскаго и нѣмецкаго происхожденія въ языкъ румынскій. Авторъ — русскій. Мѣсто труда ручается за его серьезность.

О мѣнѣ зубныхъ и гортанныхъ въ западныхъ нарѣчіяхъ румынскаго языка см. указанный отчетъ проф. Вейганда, напримѣръ, und'e

и unghie (p. 32). Правда, здѣсь участвуетъ мягкій выговоръ; но есть примѣры и безусловной мѣны: dodă, слово, съ которымъ обращаются къ теткѣ, къ старшей сестрѣ, но и gagă, съ тѣмъ-же значеніемъ (ib, Глоссарій, s. v.). Любопытно, что для обращенія къ дядѣ употребляется слово tete (ib. s. v.). Возможно полагать, что рум. dodă въ связи съ славянскимъ дѣдъ, дядя.

И въ обще-румынскомъ (литерат.) языкѣ извѣстна также мѣна согласныхъ: gâsésc, хотя изъ славян. дѣс-ити, но въ нарѣчіяхъ —udesk, a udi, verweilen, zurückbleiben. (Weigand, op. c., Глоссарій, s. v.). Ср. въ Ипат. лѣтописи: «не удоси его, но удоси владыку», 1229 г. Вспомнимъ фамилію Іоргаки и—Іордаки, Іордакеско, болгар. Іорданъ.

Для аналогическаго явленія въ области иныхъ согласныхъ, но также въ группѣ словъ изъ славянскаго языка, ср. формы: румын. ibomnikŭ, jibovnikŭ и слав. любовникъ, briftă и бритва (у Weigand'а, op. c., Глоссарій), вражбъ, врежмашѣ (врать) и вражда, ganganŭ и кабанъ, gogoshŭ и кокошь, virfŭ и врьхъ, movila и могила, сфатул ръзбоюлуй — съвѣтъ военный и др.

О грекахъ, о ихъ безотлучномъ сибилизмѣ въ произношеніи изв. чужихъ словъ, замѣчаетъ и проф. Вейгандъ, op. c., p. 51.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Грамоты:

Двѣ подлинныя молдавскія грамоты, на русскомъ языкѣ, изъ нынѣшней Буковины, въ Сучавѣ, бывшія у автора:

I) отъ 1471 года, господаря Стефана Стараго или Великаго;

II) отъ 1617 года, господаря Радула.

Обѣ на одну и туже вотчину «Пояно» на Днѣстрѣ, въ нынѣшн. Сорокскомъ уѣздѣ Бессарабской губерніи.

Въ грамотѣ 1471 г. еще замѣтны элементы русскаго языка; но въ грамотѣ 1617 г., т. е. въ письменномъ актѣ чрезъ полтораста лѣтъ, уже невообразимо порченные, не столько звуки, сколько формы того-же языка.

III) Третья грамота — отъ 1715 г., перваго господаря-фанаріота, Николая Мавро-кордата, на румынскомъ языкѣ, издается съ подлинника, что у автора, изъ за-Прутской Молдавіи.

Б. Снимки:

I) Греческая надпись изъ Аккермана, на мѣди, христіанской эпохи (XIII стол.?).

II) Славянская (румыно-) надпись изъ Аккермана, на мраморѣ, отъ 1454 года.

III) Видъ Аккерманской крѣпости въ половинѣ XVII стол.

I

Жалованная грамота отъ 1471 г. Молдавскаго воеводы Стефана Стараго или Великаго (1458—1504)

Григорашкѣ Хрупкому и Дёрдію Шилу, на вотчину «село Поянное» (т. е. Полянное), въ нынѣшнемъ Сорокскомъ уѣздѣ Бессарабской губ., писанная въ Сучавѣ, что̀ нынѣ въ Буковинѣ.

(Абзацъ обозначаетъ начало строки въ грамотѣ; строки очень длинныя, на пергаментѣ, нарѣзы острымъ стилемъ, буквы поверхъ нарѣзовъ).

---

1. + Милѡ̀ божьꙗ мѣ Стифа̀ вва гопо̀ вѣи земли мѡда̀вскои знаменито чинѣм всѣм[1]) лито̀ нашѣм кто
2. ван ꙁьрит или почитꙁчи ꙗслишꙁт wтжѣ то ѝѝно ѐт слꙁги нашѣ вѣрьномь афьтанасѣд[2]) сьнь
3. нꙁ мꙁ глиго̀рако̀ храпькꙁмꙁ да иисанꙁ мꙁ сѣнꙁ мꙁ диорьдиа пѣлꙁмꙁ изь сѣло бакьсань[3]) что
4. ѐт ꙗ сороцкаго[4]) цѣнꙁто̀ слꙁжѣли на̀ право и вѣрно та̀ мѣ видѣвьшь право и вѣрь ѝ слꙁжьбъ до на̀ жа
5. ловали смо мѣ ѝ особꙁ wт нашꙁꙗ мило̀ дали и потвьрьдѣлно мѣ ѝ wтнино изь цѣлоѐ вотчинꙁ

---

[1]) Можно читать и всѣм.

[2]) Малорусская форма: ср. Атанасъ.

[3]) Теперь Боксаны, село сорокскаго уѣзда, западнѣе г. Сорокъ.

[4]) Правильная форма: теперь «сорокскій».

6. сѣло поѧ҃ное[1]) что е҃т на рѣка ни҃тро ꙗ вь сороцько҃м цѣнꙋто҃м гдѣ бѣли и домѣ и҃х дѣдка҃м и҃х садовь

7. и лесь которѣ да е҃т и҃м ѡт на҃ ꙋрѣкь[2]) со вьсѣмь доходо҃м по ꙋкрꙋгѣ на вь и дѣтѧ҃м и҃м. внꙋка҃м имь. и

8. праꙋнꙋка҃м то҃м и҃м пращꙋрато҃м и прапращꙋрато҃м и҃м всѣмь плименьствꙋ и҃м кто наиближь

9. бꙋдѣт ѡт и҃х родꙋ. ꙗ хотарѣ сѣижѣ вотчинои сѣло поѧно҃ начинаꙗтцѧ перьвои ѡт рѣка нѣстра[3]) и зь

10. камѣнь что е҃т ꙗ рат[4]) до҃ крайно что разьдѣлаетцѧ изь вотчино҃м рашьково҃[5]). и ѡт цѧда на горь ест

11. полꙋнои пока ꙗкꙋпана. ест и тамо е ками҃ хотарꙋ розьдѣ҃ всо[6]) изь вотчино҃м рашковꙋ҃м. и ѡттꙋдо всо

12. ꙗ вь горь пока ꙗ близьнѧти҃х могили҃х[7]) тами ест розьдѣ҃л ꙗ ко҃цѧ ѡт вотчино҃м шѣпько҃м что назѣ

13. ваѧт и главанѣща҃х[8]). и розьдѣ҃л и вотчино҃м рашково҃м ест ꙗ моги҃л. старо҃м хотарꙋ вотчино҃н поѧнои. гдѣ ест и҃м

---

[1]) Теперь Поянa, на границѣ сорокскаго и оргѣевскаго уѣздовъ, первое село послѣдняго уѣзда. Еще въ 30-хъ годахъ, т. е. въ первыя десятилѣтія по соединеніи Бессарабіи съ Имперіей, употреблялся старый административный терминъ — цынутъ, позже замѣненный словомъ уѣздъ. Сущ. цынутъ, округъ, отъ глаг. цин содержать, лат. tendere, корень ten.

[2]) Старорум. ꙋрик, urik грамота. Хотаръ (отсюда рус. «хуторъ») граница, межа.

[3]) Выше—нистро, Днѣстръ. Народная форма названія рѣки и сейчасъ у румынъ: «dela Nistru pân la Tisa», т. е. — «отъ Днѣстра вплоть по Тису» (лозунгъ румынскихъ ултрапатріотовъ, стихъ политическаго поэта Eminescu). Малорусское происхожденіе формы Нистро ясно: и вм. ѣ, конечное о вм. ъ, подъ удареніемъ. Для вопроса о старинѣ русскаго элемента на Днѣстрѣ фактъ не безразличный.

[4]) Надо читать: «у ряд». Въ грамотѣ 1617 г. испорчено: «изь роть», строка 16.

[5]) Теперь мѣстечко Ваду-Рашковъ, т. е. бродъ рашковскій, напротивъ мѣст. Рашкова, Подольской губерніи. Рашко, вѣроятно, личное имя. Растицъ? Ср. Лѣшко, Мѣшко и др. Вотчина, въ рум. языкѣ mošie, отъ moš старый дѣдъ. Ср. въ Ипат. лѣт., 1204: «сій всю землю нашю и отцину держить».

[6]) И теперь въ языкѣ гуцуловъ Буковины и прилегающихъ частей Галичины — всьо: «А татари на всьо поле» (Русалка Днѣстровая, р. 16).

[7]) Близнята-Могилы, народное названіе кургановъ по Днѣстру, расположенныхъ попарно. Ср. выше. Древность такихъ сторожевыхъ кургановъ видна въ этомъ имени ихъ у народа, у почти исчезнувшихъ русскихъ на среднемъ Днѣстрѣ. Конечно, эти курганы не турецкой эпохи. Вспомнимъ и Ипат. лѣтописи—«Галичикю могилу». Ср. выше. Они стражи Днѣстра отъ вѣка.

[8]) Теперь Шибка, оргѣевскаго уѣзда. Синонимъ Главанешты неизвѣстенъ.

14. ȣ камин хотарѣх. жѣ ѡттамо е возьврат ꙗ вьнѣзь вотчиноѧ поѧнон да всо напрѣдь отѡли вотчи

15. ное шѣпко которѣѧ вьзѣвает и главанѣщих пока задот [1]) ꙗ бѣлои скалȣ [2]). тамо ест жѣ розьдѣл их

16. изь вотчино шѣпьком что назѣваѧ и главанѣщи. ест камин хотарȣ ꙗ вьдном вотчином поѧноен.

17. и ѡтȣда жѣ ꙗ вь до вьшь. ꙗ всходь сонца коло вотчином орьчидарѧ [3]) да идот прѧм ꙗ та бѣром (въ грамотѣ 1617 г. — бѣрот)

18. гдѣ тамо ест камѣнь хотарȣ розьдѣлъ изь вотчинȣ орьчидарьꙗм и ѡттамо е от та бѣром и идот

19. по вѣрхь овьчȣꙗм опро орьчидарѧ и на прѣдоем ꙗ вьсхол сонца по грѧдȣ и по вьшоѣ ѿ и

20. спита кȣратȣра [4]) ест камин хотарȣ вотчином поѧнон. и на прѣ ꙗкр (!) вь нѣсьтра коло вотчино тарасовон [5])

21. да совьсо ꙗ прѣдь пока ꙗ рѣкȣ нистра гдѣ ест ꙗ бьрѣгȣ рькȣ нѣстра камин хотарȣ розьдѣл

22. вотчинои поѧнон ѡт вочинон тарасовои. котора хотарȣ ест ꙗ противь черьвонои каминь [6])

23. что ест. за рѣка нѣстра. ижь ест тамо ꙗ вь горь всо по рѣка нѣстра пока задот ꙗ хотарȣ

24. ѡткȣда начѧсѧ. ѡтжѣ вонѣно на то ест с вѣра гва мѣ вьшьи пино гонȣ сьтифанȣ мѣ

25 ввод и с вѣра боѧрь нашѣх. вѣра пана стачȣла и сьнȣ его пана моерьзѣ перькалабовь бол

---

[1]) Не малорусская, а бѣлорусская форма, и далѣе тоже. Предъ нами XV вѣкъ.

[2]) Очаровательный высокій берегъ Днѣстра въ этихъ мѣстахъ состоитъ изъ громадныхъ, бѣлыхъ известковыхъ скалъ. Бѣлизна ихъ ослѣпительна. См. въ моей книгѣ: «Графъ А. И. Остерманъ...», р. 405.

[3]) Теперь Алчадарь, среди лѣсовъ, на с.-в. отъ Шибки, близь Днѣстра.

[4]) Теперь Калатуреле, на в. отъ Алчадаря, среди лѣсовъ.

[5]) Теперь Тарасова, на самомъ Днѣстрѣ, оргѣевскаго уѣзда. Ср. грамоту 1617 г., строку 22: «прѣх до краꙗ рѣка нѣстра». Такъ надо и поправить.

[6]) Вѣроятно, мѣстное имя уже въ нын. Подольской губерніи.

26. грацькаго[1]). вѣра пана влаик8л8 и сѣн8 его. пана дѣмое старота хотицькаго[2]). вѣра пана

27. годна перькалабовь килик(а)го[3]). вѣра пана исаиа дворьнѣка. вѣра пана збѣарое перькала

28. бови бѣилоградцѣ. вѣра пана альп8ла[4]) перькалаба нимецькаго. вѣра пана б8хьтиновь

29. вѣра пана петр...[5]) данѣмовича. вѣра пана пашька перькалабови киликаго. вѣра

30. пана фетень новограцькаго[6]). вѣра пана ганг8ра орьхийкаго. вѣра пана стифань чарьнат

31. вѣра пана чокоа рьлинь[7]). вѣра пана цька х8дича. вѣръ пана ивашѣко сре.ьковича[8])

32. вѣра пана боди спѣтарѣи. вѣра пана го.[9]) оинь витерьника. вѣра пана соинь постѣника.

33. вѣра пана нипрѣла чашнѣка. вѣра пана л8ки стоника. вѣра пана нѣига комиса.

34. и вѣра всѣхь боарѣхь нашѣ модавьскы вѣлики и малы. а по наш8 жѣвwт кто б8д8т гопр

---

[1]) Надо бы читать: «бѣлградцькаго», т. е. бѣлгородскаго, аккерманскаго. Но это съ «ол» — настоящая румынская форма и въ другихъ памятникахъ. Именно нашъ Станчулъ такъ проименованъ въ грамотѣ 1468 г. См. у меня «Граѳъ Остерманъ...», р. 234, прим. Ср. выше, стр. 98, прим. Но ниже, въ числѣ тѣхъ-же свидѣтелей-боеръ, называется панъ Збярой перколабомъ бѣлгородскимъ. Вѣроятно, панъ Станчулъ былъ сейчасъ предъ паномъ Збяроемъ въ Аккерманѣ и сохранялъ прежній титулъ. Дважды въ грамотѣ называются и килійскіе перколабы. Мѣна бѣл на бол, бъл въ имени Бѣлградъ, Karlsburg въ Трансильваніи: сейчасъ у румынъ «Бълград». Въ 28-ой строкѣ нашей грамоты уже книжная — «бѣило».

[2]) Староста, въ другихъ грамотахъ — перколабъ хотинскій. Вліяніе Литовской Руси. Этотъ Влаикулъ, въ 1471 г. въ Хотинѣ, вѣроятно, одно лицо съ Влаикуломъ, перколабомъ аккерманскимъ въ 1463 году. См. выше.

[3]) Дыра.

[4]) Буква «п» неясно. Скорѣе: Альбулъ, отъ рум. алб — бѣлый.

[5]) Нѣсколько буквъ стерто.

[6]) Гдѣ Новгородъ былъ? У нын. Бѣльцъ?

[7]) Рум. чокóю — холопъ, хамъ. Второе имя этого пана напоминаетъ извѣстнаго героя сербскихъ пѣсенъ стараго времени — Релю Крилатовича. Въ сербской пѣсни и событія Валахіи и Молдавіи являются сюжетами, напр. о Радулъ-бегѣ. Слово русское; ср. Ипат. лѣтоп., 1229 г.: «во Браневичаве рьли».

[8]) Сречьковича? Сейчасъ фамилія извѣстнаго сербскаго историка, отъ сербскаго срећа, счастье.

[9]) Дыра. Вѣроятно—Гостоинъ. Для «Гастуна» у нашего Хомякова вм. «Gastein»? («Сочиненія», VIII, М. 1900, р. 113).

35. прѣ наше земля молдавскои ѡт дѣти нашѣх и го плимѣ бꙋдь кто бꙋдѣто кого Богь.

36. изьбѣрот про то що бѣ нѣпорꙋшьно и некьто а неко не вь че. да ещо дати и потвѣрьдит

37. и какь имь да и подвѣрьди но мѣ и по право и вѣрьнои и слꙋжьбѣ. ꙗ на бошꙋ крѣпот

38. мꙋ вѣшѣ пиное вѣлелимꙋ[1]) нашѣмꙋ вѣрьнꙋмꙋ болѣрьанꙋ вѣликꙋмꙋ панꙋ мꙋноилѣ

39. ꙗковѣило ѳепкꙋ ѡтписат и нашꙋ пичѧт прѣвикьсит к сѣмꙋ нашѣмꙋ литꙋ. писалѣ

40. власѣꙗ харѣньковь диѧкь. ꙋ сочѧвѣ: вовь лѣтѡ ѕꙋоѳ ꙗли меца ꙁ днѧ.

М. П.	(Разбитая, изъ чернаго воску печать Господаря, привѣшенная на красно-зеленомъ шелковомъ шнуркѣ).

На пространствѣ почти пяти вѣковъ населенность и топонимія этого небольшаго приднѣстровскаго участка Бессарабіи одна, неизмѣнна. Самыя названія — отчасти славянскія (Пояно, Нистро, Близнята-Могилы, Шибка, Главанешты, Овчія, Тарасова), но нѣкоторыя уже прошедшія чрезъ уста румынъ, отчасти румынскія (Боксаны, Ваду, Орьчадарь=Алчадарь, Куратура=Калатуреле).

Самый языкъ этой сучавской, изъ второй по времени столицы Молдавіи, грамоты тотъ-же, какой былъ въ современномъ письменномъ употребленіи и у правящаго, высшаго сословія Аккермана, столицы старшей Господарства, языкъ, напримѣръ, бѣлгородскаго перколаба въ 1463 году, пана Влайкула, писавшаго тогда: «се азь пань Влаикуль прѣкалаба бѣлоградского купили есмы сія книгѫ на имѧ праѯіу отъ Трифа діака за 18 златыхъ».

---

[1]) Ср. въ пѣсняхъ нынѣшнихъ гуцуловъ:

«Мы не прійшли твое вино пити,
Але прійшлисмы твое житье взьети».

(Галичанинъ, Литературный Сборникъ. Ч. II, Львовъ, 1863, р. 20).

II.

Подтвердительная грамота отъ 1617 г. Молдавскаго воеводы Радула

(часто у историковъ пропускаемаго)

Аксентію и Ивану Марьдарямъ со сродники, правнукамъ Григорашки Хрупкаго, на тоже село Пояно (Пояну).

---

1. + Милоꙗ Божѣꙗ мъ радꙋл вово гопо вѣи зѣли модавько знаменито
чинѣ всѣ литмо нашѣ. кто на ꙗрѣ. или почитꙋчи ꙗслишꙋтъ.
2. ѡтъжѣ прѣшѣ ꙗ прѣ мнѣ да ꙗ прѣд всѣ боꙗрѣ нашѣ. слги нашѣ
окьситиꙗ марьдарꙗ да и братꙋ его иоань сѣновѣ гавьрѣ
3. ило марьдарꙗ. изь сꙋщіхь бѣвь. вѣ[1]) витерьнѣка сачꙗвьскаго вовь мѣ-
сто изь сфои родꙋмь. нѣколаꙗ и адрѣе внꙋки
4. диорьдиꙗ шѣломꙋ из сѣло бакьса которѣ ест вовь сь внꙋки иоанꙋмꙋ
и афьтанасѣꙗ и праꙋнꙋки глигорашькꙋмꙋ грꙗпкꙋмꙋ
5. изь сѣло понѣꙗ[2]) сороцькаго цѣнꙋто. но ниное ꙋказасꙗ ꙗ прѣ мое
гопоство. изь вѣлики жалобѣ. да изь сфидѣтистьвомѣ
6. ѡт боꙗрь околашѣ. и ѡт сосѣдь[3]). сказаное что вовь си право е и
рѣпьсо (!) что имѣли и дѣка вѣшь помꙗнꙋтьи и вочино ешь
7. гꙋша что ест ꙗ кꙋвꙋрьлꙋйкаго цѣнꙋта[4]) и за вочинꙋмь грапꙗнь. и за
вочинꙋмь сѣло поꙗномь что ест ꙗ сороцькаго цѣнꙋто

---

[1]) Обычное сокращеніе = велій или великій, предъ изв. придворными титулами высшихъ сановниковъ обоихъ Господарствъ въ старину.

[2]) Конечно, описка, вм. «поꙗно», далѣе правильно: «поꙗно», какъ въ старшей грамотѣ 1471 года.

[3]) Цынутъ дѣлился на околья, отсюда околашъ — помѣстный, уѣздный.

[4]) Гушъ—городъ въ нижней Молдавіи, недалеко отъ Прута, выше нашего Леово, и главный кувурлуйскаго цынута.

8. ѡстаⷭ҇а и токо одⷩ҇ ȣрѣкь. даное и҆ дѣкамь ище ѡт стараго іѡ стифань воевода: ꙗ дрȣгⷯ҇ правⷯ҇ рѣпьсⷯ҇ и хотарѣ нѣком. что

9. имелѣ билѣ ѡт петра воевода и ѡт арона воевода[1]) вовьси пропаⷭ҇а ꙗ вь городь сороцькаго ѡт враговь татаръ и зь запорожцы[2])

10. да вѣдѣвьши мѣ и҆ правиⷯ҇ ȣрѣкь . .[3]) да и сфѣдѣтиⷭ҇твоми тѣмѣ. . .[4]) рдⷭ҇и нашⷯ҇ боꙗрь хотарь нѣковь на место вотчино сѣло поꙗны

11. и обь хотарь и по ȣкрȣгь всо по ȣрѣкȣ. и даⷭ҇ наⷨ знат которѣм моеи гⷭ҇опⷭ҇ство вѣдѣвьшь сфидѣтиⷭ҇ство. хотарь нѣко(торь!)[5])

12. ѡт нашⷯ҇ боꙗрь иоан коромⷭ҇ана бѣ вѣⷭ҇ дворьника. и михаила пȣтеⷭ҇ника ротка[6]) сачꙗвьскаго. да и капитана ѡт хатмана глигорѣки асна

13. ша[7]). ѡт ꙗсь тѣмь и мѣ ѡт нашѣ гⷭ҇опⷭ҇ство даеⷨ и ȣтвѣжьдаемь и҆ нѣно ѿ наⷭ҇ иⷭ҇писокь по и҆ право на цѣлȣ вѡтчинȣ сѣломь

14. поꙗномь ꙗ сороцькоⷨ цьнȣтоⷨ. да бȣдѣть и҆ на вѣкь по ȣкрȣгь по староеⷨ и҆ хотарѣⷯ дѣтꙗⷨ и҆. внȣкаⷨ. праȣнȣкаⷨ и҆ пращȣраⷨ и҆

15. прапращȣратоⷨ и҆. да и вьсѣмь плименьствȣмь и҆ кто наибиⷭ҇жѣ бȣдѣто ѡт и҆ родȣ вѣшⷯ жалованѣⷯ ꙗ хотарь сѣꙗ вѡтчиномь

16. сѣло поꙗно начинаетцꙗ ѿ перьво хотарȣ изь рот (!) краи[8]) на еⷨ ест камⷩ розьдѣⷭ҇. изь вотчино рашьково. и ѡттȣда ꙗ горь и. . .[9])

17. ꙗкȣпано ест камⷩ хотарȣ разьдѣⷭ҇ всои ѣѣ. вотчино рашьково. и ѡт та напрѣⷭ҇ ꙗ вь горь пока задѣт ꙗ близьнꙗⷮ моги. таⷨ ест

18. хотарȣ разьдѣⷭ҇ изь вотчиноⷨ шѣкоⷨ что назѣвает и главанѣщиⷯ таⷨ ест разьдѣⷭ҇ да изь вотчинȣмь рашькова. вотчиноⷨ поꙗноⷨ

---

[1]) Петръ воевода—или Рарешъ, 1527—1546, или V, 1583—1586, или Хромой, 1586—1591. Ааронъ воевода, 1591—1595. Что такое «—рѣпьсиⷯ»? По смыслу—документъ. Ср. ниже.

[2]) Татаре врывались въ среднюю Бессарабію изъ Буджака, изъ-подъ Аккермана, а запорожцы проторенною дорогою именно чрезъ Рашковъ (да и не одни—а и паны изъ Подолья, чиновники польскіе): слѣд. вотчина Пояна была дѣйствительно въ первой линіи огня. Объ этомъ значеніи Рашкова, о мѣрахъ въ началѣ XVII в. сколько-нибудь защитить край отъ гостей—см. у меня «Гр. А. И. Остерманъ», р. 232, прим.

[3]) Дыра.

[4]) Дыра.

[5]) Сильно стерто.

[6]) Вѣроятно, Ратка. И теперь, какъ и Караманъ, фамиліи въ Бессарабіи.

[7]) Аснашъ—и теперь фамилія въ Бессарабіи.

[8]) Испорчено. См. первую грамоту.

[9]) Стерто.

19. и ѡт тȣдажь воврат ꙗ вьнѣзь ко҃ главанѣщи҃х пока ꙗ бьилȣ скалȣ ест каминь хотарȣ розьдѣ҃ вотчино҃м поѧно и ѡт вотчино҃м

20. шѣко҃м (на)зьвает главанѣщи҃х ꙗ дно҃м и ѡтам вьдо҃шь идот ꙗ вьсхо҃ соньца. ꙗ ко҃ орьчидарь да пра҃м ꙗ та бѣро҃ ест хота

21. рȣ раз(дѣ҃) изь вотчино҃м орьчидарь и ѡттамо еи идот повѣрхь овьчиꙗ҃м о҃про орьчидарь. и ѡттȣда всо по грѧдȣ по...[1])

22. соньца...[2]) ого вишо испито кȣратȣра҃х. ест каминь хотарȣ розьдѣ҃ вотчино҃м поѧно҃м. и ѡттамо ежѣ ꙗ прѣ҃ до краꙗ рѣ

23. ка нѣс(т)ра ест камин хотарȣ роздѣ҃. изь вотчино҃м тарасово҃м. которѣ каминь со҃тоит во противь черьвѣнои

24. каминь что ест за рѣка нѣстра. и ѡттамо жѣ все по рѣка нѣстра пока заидот ꙗ разкраи на е҃м ѡткȣда начина҃

25. сѧ. да бȣдѣть на вѣкь слȣгомь и къ дѣтиꙗ҃м мардарѧ да и братȣмȣ его иоанȣм сѣнова҃м боѧрȣ нашаго гавьрѣ

26. лȣмȣ марьдарѧ ѡт хȣшь ве҃ ви҃терьнѣка сачавьскаго и нѣколаꙗ҃м и а҃дрѣꙗ мȣ. да и вьсѣ҃м и҃х плиме҃ствȣ҃м

27. ѡтжѣ во҃нѣ имь. на то ест вѣра г҃ва мѣ ви вѣшь писано. г҃днȣ ра҃дȣла воевод: и с вѣира боѧрѣ҃х нашѣхь

28. вѣра пана асоѧна[3]) вѣ҃. дворьнѣка сачвьскаго. вѣра пана михлѧ. хатмана. вѣра пана оѣкора вѣ҃ дворьнѣка.

29. вѣра пана иоки҃м и ионь парькалабѣхь хоти҃цкаго. вѣра пана҃м дѣорьдѣѧ. и чо҃панȣмь перькала

30. бѣхь нѣмецькаго. вѣра пана҃м маноило҃м и лȣка перькалабѣхь ѡт романа. вѣра пана баракака. вѣ҃. пȣсьте҃

31. нѣка. вѣра пана васѣлиѧ вѣ҃ спатарѧ дȣмитрѣѧ вьль пахарьнька. вѣиара[4]) пана дѣорьдиѧ вѣ҃.

32. сто҃нѣка. вѣра пана ȣрѣскиѧ вьль ви҃терьника и с вѣироѧ всѣ҃х борѣхь (!) нашѣ҃х мо҃давьскихь вьлики҃х

---

[1]) Стерто.

[2]) Дыра. Въ скобахъ въ предшеств. строкахъ возстановлено по смыслу; въ грамотѣ-же тоже дыра.

[3]) Вѣроятно, надо читать Асанъ, Асѣнъ. Извѣстны Асаны, румыны, воскресители Болгарскаго царства въ концѣ XII в.

[4]) Любопытная фонетическая форма и для болгарскаго языка, напр. для его Асѣней. Дифтонгъ—радость румына.

33. и мали҃х. ꙗ по нашꙋꙗ жѣвот кто бꙋдꙋт гдпо поѣ нашꙋ зѣмьлꙗ мо҃давьско҃ ѡт дѣти҃х наши҃х или

34. го҃ ли нѣ бꙋ҃ кто бꙋдѣть. кого Богомь изьбѣрот про то що бѣ нѣкьто непорꙋши҃но а нѣко҃ не вь чемь

35. да ещо да҃ и по҃вѣрьди҃ рѣпьса и҃ гдѣ бꙋдꙋт поꙗвитсꙗ како и мѣ да҃ по҃вѣрьди҃но и҃: нѣно ѡт

36. на҃ и҃писовь ꙗ на болшꙋꙗ крѣпо҃т мꙋ вѣшь пи҃ное велели҃мꙋ нашьмꙋ вѣрьнꙋ вѣ҃ логофьтꙋмꙋ

37. панꙋмꙋ диорьдѣꙗ ѡтписат и нашꙋ пичать привикьсит к сѣмꙋ нашѣмꙋ ли҃тꙋ: писа҃

38. дими҃ро питриковь[1]) диꙗкь. ѡт сочꙗвь: вовь лето ҂ѕрке: ме҃цꙗ: авьгꙋста: г: днꙗ.

М. П.

(Большая, красивая восковая печать Господаря, съ славянскою подписью его вокругъ ободка, привѣшенная на красномъ шелковомъ шнуркѣ).

Засвидѣтельствованія перколабовъ бѣлгородскаго и килійскаго уже нѣтъ, такъ какъ въ обоихъ городахъ: Бѣлгородѣ и Киліи, еще съ конца XV-го столѣтія сидѣли турки.

---

[1]) Въ грамотѣ воеводы Стефана Великаго, 1503 г.: «панъ Петрикъ комисъ». («Лѣтопись занятій Археограф. Коммиссіи», IV, отд. II). Полагаю, южно-рус. уменьшит. форма отъ имени Петро. Имя Радулъ, изъ южно-славянскаго Радъ, Радо, было очень распространено: въ грамотахъ оно—отъ господаря и до цыгана.

III.

Грамота Господаря Молдавіи Николая Александра [1]), родоначальника фанаріотовъ, отъ 1715 года, въ Яссахъ, на румынскомъ языкѣ,

укрѣпляющая за Ѳеодоромъ Шляхтою его права на владѣніе разнымъ недвижимымъ имуществомъ и пятью шалашами (семьями) цыганъ, по рядной записи его тещи, сердарихи Маріи Милеско, въ Молдавіи.

(Оригиналъ у меня. Южно-русскій красивый курсивъ, съ титлами, удареніями (но не послѣдовательно), и традиціонными знаками надъ начальными а, и, ѡ и др. Плотная лощенная бумага, съ проточнымъ водянымъ знакомъ—гербъ Молдавіи. Листъ пополамъ сложенъ. Письмо вдоль, по тонкимъ линіямъ, въ предѣлахъ отмѣченнаго двойными чертами пространства. Въ изв. альбомѣ къ грамотамъ у Венелина, № XIX, грамота того-же Николая воеводы такого-же красиваго письма. Славянскія слова у насъ—проложеннымъ наборомъ, помимо однозначныхъ славянскихъ предлоговъ).

---

1. Іѡ҃ Никола́е Алеѯа҃дрꙋ Воево҃. Бж҃іею Мл҃тью. Гп҃ръ Земли Мо҃ской [2]). Адекѫ аꙋ вень҃ ѧ наьнте ноа҃рѫ.
2. шь де наи҃ а лѡ҃ нѡщри Мо҃дованéщь Боѧ҃ а мáрь ши а мии҃. тоáда҃ шлѧ҃та. шь нѣ҃ арѫта҃ ꙋ зáпи҃ ѧкредица дела

---

[1]) У Голубинскаго, «Очеркъ исторіи правосл. церквей», р. 344, отъ 1711 по 1716 г. никто не показанъ. Этотъ господарь Николай Александръ, полагаю, одно лицо съ Николаемъ Маврокордатомъ, господаремъ въ 1708 — 1710 годахъ. Изъ нашей грамоты видно, что въ ноябрѣ 1715 г. Николай считалъ уже второй годъ своего господарствованія; слѣдовательно, свою фанаріотскую инвеституру отъ султана получилъ въ 1714 г.—Но по другимъ извѣстіямъ, этотъ родоначальникъ безсеребренниковъ — гражданъ Фанара на престолахъ обоихъ Господарствъ, въ Яссахъ уже съ ноября 1711 года. (См. мою книгу: «Мы и Они», Одесса, 1878, р. 161).

[2]) Первая буква І—заставная: узлы, плетенья, и красками. Первыя буквы каждаго изъ послѣдующихъ славянскихъ именъ существительныхъ — киноварью, какъ и первая буква слѣдующаго, перваго молдавскаго слова. Отъ перваго штриха грамоты все таже славянская старина—отовсюду стариною вѣетъ.

3. соа́кръ са Ма́ръѧ џ8пънѣса л8и щефаи миле́к8 ча8 фѡстъ съдар. шь дела фечо́рьи е́и фраг8лѣ. шь мърандж. ши мърикꙋ́ца.

4. икълит де д8нел8и иѡдар р8съ бив. ве. вонь шь де щефа л8ка вистеньк8. шь сад8 ст8ѕѧ¹) бив ве стонь. шь мочъдѣ

5. бий съдар. шь де ѳеѡдѡр ивановичи Кобѣ²) секретарю. Скрьи марьѧ съдърóае к8 фiт се ѫтраче запи ало пре

6. к8 де немѣ силици ниче. ас8прици че де алѡ б8нъ вóѧ. а да ѕъстрѧ³) џиниреl8 съ л8 тоадѫ Шлатей. ши

---

¹) Стефанъ Лука, Сандо, т. е. Александръ, Стурдза переселились въ Россію послѣ 1711 года, почему они и титулуются — «бывшіе». (См. «Мы и Они», р. 155). Славянскіе филологи долго недоумѣвали предъ «лишнею» буквою ѕ въ азбукѣ Св. Кирилла, пока справки съ македонскимъ нарѣчіемъ болгарскаго языка и съ польскимъ не дали имъ аріаднину нить, и затрудненіе устранилось — съ 70-хъ годовъ. Но почему они игнорировали кирилловскую графику у румынъ, на нашихъ дняхъ только смѣненную западною соперницею? Не только старая письменность румынъ, напр. наша грамота своими: Ст8рѕѧ, т. е. Стурдза, ѕѣстрѧ (рядная запись, въ другихъ грамотахъ— ȥиестрѧ), въѕут, но и любой старый словарь румынскій, напр. Клеменса, 1821 года, давно могъ бы разрѣшить то удручавшее недоумѣніе. Согласно съ тѣмъ, что буква ѕ уже въ церковно-славянскихъ памятникахъ чередуется или мѣняется съ буквою ȥ, но съ горизонтальною чертою чрезъ верхнюю половину, и въ письменности румынъ ȥ вытѣснило ѕ, но сохранивъ значеніе и какъ знакъ для звука «дз». Позволяю себѣ думать, что румынскій языкъ и его старая письменность найдутъ большое мѣсто въ церковно-славянской филологіи. У румынъ высказывалась мысль, что Свв. Кириллъ и Меѳодій едва-ли не румыны... Повидимому, парадоксъ... Но эта мысль заслуживаетъ вниманія славистовъ.

²) Единственное лицо, проставленное съ отчествомъ, т. е. по-русски, и съ русскимъ чиномъ — секретарь. Ѳеодоръ Корбе переселился въ Россію послѣ прутскаго похода, въ 1711 году, а братъ его Давидъ, раньше умершій, былъ дѣятельнымъ агентомъ Петра Великаго до кампаніи. (См. мою книгу: «Мы и Они», р. 158).

³) Рядныя записи («ѕѣстра») были просты въ старину, не только за Прутомъ, но и у насъ, въ Бессарабіи, среди мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Привожу рядную надпись отъ 1825 года, изъ ясскаго (нынѣ бѣлецкаго) цынута, въ легализованномъ переводѣ съ молдавскаго. Молдавскій подлинникъ на двухъ длинныхъ лоскутахъ бибулы. «Божіею помощью приданный регистръ что имѣетъ сестра наша Солтана. Учиненъ 1825 г. окт. 25. 1) Образъ пресвятыя богородицы, покрытый серебромъ. 2) 208 саженей земли (мошіе) со всѣми доходными по расчету ихъ изъ всего состава вотчины Цыра. (Особо того изъ вотчины Сирецъ, состоящей уѣздѣ Фольчій (!) въ Молдавіи, наслѣдственная часть земли по матерѣ Екат. Цыкѣвя). 3) Кольцо діамантовое. 4) Крестикъ діамантовіи. 5) Серебренные пряжки для пояса. 6) Пара пряжекъ таковыхъ-же. 7) Тазъ. 8) 8 Тарѣлочекъ. 9) Двѣ ложечки. 10) 6 столовыхъ ложекъ. 11) Ложка большая разливная серебренные. 12) Двѣ души крѣпостныхъ цыганъ (въ подлинномъ: «дѡе робилете циганче»). 13) Салопъ суконный на самурьемъ мѣху, а воротникъ на лисьемъ мѣху. 14) Кацавейка со всѣмъ на самурьемъ мѣху. 15) Таклитовый шаль. 16) Малый шаль. 17) Капотъ съ хорошими тесiом-

7. фьйчь са́ле Катри́ней. ди́тралѡ дре^пте ѡ ч н и шь мошь́й. ка̀ре си^нт дела мо́шь́й ши пъри́цьй се. Ан8́ме са̀т8 Ми

8. ле́щь. съ Б8д8га́нь—ѿ ва̀л8ю[1]). ши фре́ч8чь ти ѿ ва̀л8. ши тътжра́шь ѿ с8ча́вж. шь ꙗ да ши дрѣсъ ачесто

9. са́те. Ка съ а̀бж ацина к8 тѡ хота́р8. прѣк8^м скрь дьрѣсъле. к8 ва́д8ри де моа́рж. ши к8 хелещѣа́ шь лакж

10. п8. шь ѧпъд8́ра. Аши́дѣра лꙗ ма да ши касе ди а^mi к8 лѡ́к8 лѡ кж асте. ка́ре ка́ре си^нт. лжгъ ка́селе.

11. л8 рама̀ди по: Аши́дѣра лꙗ ма да. ши па́тр8 погоа́не де вьй. че си^нт ла хжце́щи. ла цин8́т8 тек8

12. чюл8.[2]) Шь лꙗ ма да ши чи́чи съла́шѣ[3]) де ц и г а. ан8́мѧ нькола кити́цьѧ8. к8 ири́на ц и г а к а. ши пе и́тра́

13. тье ме́щер8 де хіе. к8 са̀да ц и г а к а. шь пре нькола си т8 к8 л е к о б8 з а́ р ю. к8 фъме́ѧ са. Шь пе страти́на

ками. 18) Платье называемое дилги. 19) Платье газовое. 20) Два платье бѣлые съ вышитыми полами. 21) 2 платья ситцовые. 22) 2 тесомки. 23) 4 пара чулокъ. 24) 4 пара башмаковъ. 25) Грибешокъ головной. 26) Одѣяло. 27) Тюфякъ. 28) 4 пуховые подушки. 29) 4 наволочки къ подушкамъ. 30) 4 батистовыхъ наволочекъ. 31) 4 полубатистовыхъ. 32) 3 коленкоровые домашней работы простини. 33) 6 женскихъ рубахъ калинкоровыхъ. 34) 4 скатерть. 35) 24 солфетокъ домашней работы. 36) 6 утеральниковъ. 37) 1 коверъ. 38) 2 коверчика. 39) 6 коровъ. 40) 4 вола рабочихъ. (Чрезъ №№ 38—40 отмѣтка: «отъ дяди Ивана Густи»). 41) 2 коровы. 42) 4 вола. 43) 3 назимки. (Чрезъ послѣд. 3 №№ отмѣтка: «наслѣдственное отъ родителей»). 44) 2 бочки отцовскихъ. Это все есть; но ежели по волѣ Божіей назначиться день свадьбы, тогда собравшись вмѣстѣ всѣ родство, умножимъ изъ денегъ и изъ скота. Афанасій Крушеванъ, Апакатій Крушеванъ, Иванъ Густи удостовѣряемъ, что все это есть на лицо; такъ же свидѣтельствуетъ Александръ Мука и Иванъ Бузня, какъ наличные свидѣтели. Переводъ вѣренъ переводилъ штатный переводчикъ Кишиневской Градской Полиціи губ. секретарь Саницкій». Эти фамиліи и сейчасъ заслуженныхъ дворянъ Бессарабіи. Въ концѣ подлинной записи современное засвидѣтельствованіе: «Что дѣйствительно сей регистръ по собственному согласію подписавшихся выше особъ данъ г. штабскапитану Донцу при бракосочетаніи на родственницѣ ихъ дѣвицѣ Солтанѣ, въ томъ удостовѣряю. Ноября 8 дня 1825 года. Коммисаръ Ясского Земского Исправничества порутчикъ Лупу». Неприхотлива была жизнь, но жили въ довольствѣ, въ трудѣ.

[1]) Цынутскій городъ въ Молдавіи, на Берладѣ (Васлуѣ).

[2]) Текучскій цынутъ по городу того-же имени въ Молдавіи, что на Берладѣ, близь впаденія его въ Серетъ.

[3]) Рум. с ъ л а ш ъ, русск. шалашъ, собственно, плетневая хата, кое-какъ состряпанная пастухомъ. И сейчасъ въ восточныхъ округахъ Сербіи, занятыхъ румынами, первоначально, пастухами изъ того берега Дуная, слово «салаш» обозначаетъ убогую хату,

14. фа́та попе̑ циганȣлȣ̑. Шь пре мъри́ка ти̑ фа́та попе̑ цига́нȣ̑. Ачѣстѧ
тоа̑ лѧ̑ да̑ ꙋи́нере съ̑. лȣ̑ тоаде̑

15. Шлѧ̑ть̑. Ши фьичь̑ са́ле Катрь́не̑. ка съ̑ фре́ дре̑те ѡчинь шь мошь̑
ло̑. шь фьчо́рило̑ лѡ̑. ши непо́цило̑ лѡ̑:

16. съ̑ цье̑ ѧ̑вѧ̑. Ѝрѫкъ̑ лѧ̑ да̑ ѕѣстре ма̑ буне лѡ̑ пе̑трȣ къ ѡдра́рѫ.
са̑ шь ди̑тра̑лте дȣпре ѡбичéю. на̑ авȣт

17. деȣ̑де съ̑дѣ. фри̑ ѧ̑стрепна́тѫ ди̑ пътѫ̑тȣ̑ съ̑. че ѧ̑къ ꙋь́нире съ̑ а̑ фъкȣ̑
мȣ̑тѫ ке̑тȣ́ѧлѫ кȣ соа̑рѫ са̑. ши

18. нь́ме ди̑трȣ фьчорь̑ е̑. са̑ дь̑ фрацъ̑ е̑. са̑ ди̑ рȣда лѡ̑. съ на̑бѫ асѫ
Ясъ̀ аме̑тека. пе̑те ачь̑тѫ да́нье алѡ̑

19. шь кȣ ма́рѣ блѣ̑тъ̑ а̑ лега̑. Дре̑пт ачѣѧ ши до̑ньѧ мѣ дѣк а̑ въѕȣ̑. аче̑
запи̑ адевъра̑ кȣ и̑къли̑тȣ̑ а боѧ̑ ма́рь.

20. шь кȣ блѣ̑тѫ̑ лега̑. а̑ креѕȣ̑. ѧ̑трȣ ячѣ́ѧ ма̑ милѡ̑тиви̑. ши дела
до̑ньѧмѣ ѧ̑къ а̑да̑. шь а̑ ѧ̑търи̑ лȣ̑ тодѧ̑

21. Шлѧ̑те̑. ши ꙋȣпѫнесъ̑ са̑ Катри́не̑.[1]) пре тоате ачѧ̑те мошь̑ че са̑ нȣми̑
ма̑ сȣ̑. Сатȣ̑ милѧ́щь̑ съ бȣ̑дȣга́

стоящую особнякомъ (Weigand, op. c., p. 4), но не землянку — «бордей». Извѣстно, что сельская жизнь у настоящихъ сербовъ хуторская, и домъ серба - «селяка», это красивая среди сада обширная усадьба; онъ крытъ обыкновенно красною черепицею, слѣдов., мало похожъ на «салаш» румына—серба. Словаки, эти и сегодня первобытные Славяне отъ пятъ и до макушки, по Карпатамъ спустившіеся и осѣвшіе еще въ XVIII стол. въ юго-восточныхъ краяхъ Моравіи, въ Австріи, въ Градецкомъ округѣ, по свидѣтельству знаменитаго перваго статистика австрійскихъ Славянъ изъ самаго начала минувшаго столѣтія, нѣмца Ререра, въ его время назывались «Salaschaken» (Röhrer, Versuch über die slaw. Bewohner der oestereichischen Monarchie, Wien, 1804, I Th., 29). Очевидно, народное чешское прозвище — отъ того-же слова «салаш», хотя у словаковъ Венгріи болѣе употребительно иное слово—«колиба». Если чехи Моравіи тѣхъ пришельцевъ прозвали шалашниками, то, очевидно, въ виду ихъ убогихъ хатъ. Цыгане, до сихъ поръ кочующіе даже въ Чехіи, не смотря на отчаянное преслѣдованіе ихъ за неосѣдлость полиціей, но въ Молдавіи — изъ-стари рабы, крѣпостные (ср. и рядную запись 1825 г. изъ Бессарабіи), только въ свободной постройки шалашахъ могли чувствовать себя по душѣ, отсюда въ румынскихъ документахъ «сълаш» — по отношенію къ цыганамъ — синонимъ семьи, цыганскаго хозяйства. Но и крѣпостные, цыгане съумѣли найти занятія по своему вкусу, подальше отъ земли. Отсюда въ нашей грамотѣ изъ пяти цыганскихъ семей одна семья—коваля—«мастера въ дѣлѣ желѣза», какъ онъ названъ тамъ, другая — музыканта — «кобзаря». И сейчасъ въ Бессарабіи музыканты — цыгане; лучшія каппелы — ихъ (Лупашко, Хіеръ и др.). А въ Венгріи? Словакъ — все одна аркадская цѣвница, а цыганъ—на все.

[1]) Здѣсь дочь называется джупанясой (въ другихъ грамотахъ румынскихъ жупанѣса, жупанъ, какъ вообще буквы дж и ж употребляются смѣшанно, см. Hasdeu, «Limba

22. нъ ѿ валѣю: шь фречѣчѣй ти ѿ валѣю. ши тътѫрашь ѿ сѣчавѫ. кѣ вадѣри де морь. шь кѣ хелещѣѫ. шь дь

23. кѣмпѣ кѣ пъдѣри. ши лѡкѣ каселѡ дь Ашй. шь ача патрѣ погоане де вьй. че си ла хѫцъщь¹) ла цинѣтѣ текѣ

24. чюлѣ. ши чичи съла де цигани. каре са нѣми ма сѣ. некѣла кимицьѹ кѣ цьгака лѹ ирина. ши итрать

25. мещерѣ де хіе кѣ циганка лѣ сада. ше некола си тькѣле кобѣзарю кѣ фемѣѫ лѣй. ши стратина циганка,

26. фата попе циганѣ, кѣ сорѣ са кѣ мърика. Ка съ фье ши дела Домньамѣ дрѣпте ѡчини. шь мошьй. шь

27. циганъ дреци шеби. лѡ. ши фьчорилѡ лѡ. шь непоцилѡ. ши стрънепоцилѡ лѡ. Шь ѡѣрь дитъритѣрѫ

28. кѣ тѡ венитѣ стътътѡрю авачи. шь атѣ ньмѣ съ набѫ а сѫ аметека. прѣ си литѡ Гптвами.

ѡу ıа. Вл̃тѡ ,зскг: ное. ві.

фтораго.

Гптва.

Азитье ѹка.

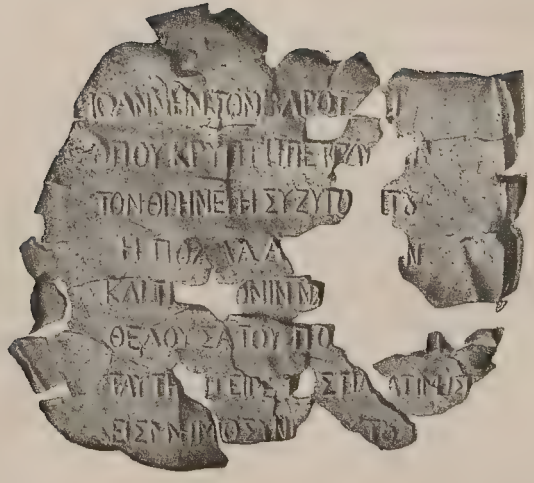
(Безъ печати Господаря).

---

vorbita», passim, какъ это и въ записяхъ пѣсенъ Гуцуловъ), какъ въ началѣ протитулована мать. Но званіе матери было только сердарихи, а сердарь — полицейскій чинъ не важный; самъ же Шляхта былъ, вѣроятно, просто натурализованный русскій или полякъ, совсѣмъ не чиновный, такъ, podlejszego gatunku; если-же обѣ женщины — здѣсь жупанясы, то очевидно — по старому русскому обычаю величать женъ княгинями, отъ жупанъ — князь. Въ послѣднее время въ нашей печати входитъ буква џ вм. ц.; это грубая ошибка: буква џ и сейчасъ въ сербской письменности и галицкой (отчасти), а въ старину въ письменности юго-славянской и румынской, обозначаетъ (и обозначала) звукъ дж, слѣд. ничего общаго съ буквою ц.

¹) Въ славянской графикѣ румынъ буква х искони обозначала звуки х и лат. h: «ѿ два берести росохати до конець дороги... оу единь липь росохат... до самом прутѣ» (грамота воеводы Стефана V, 1520 г., въ «Лѣтописи Археогр. Коммиссіи, IV, II). Но тамъ-же: «до хребли»; ср. въ Ипат. лѣт., 1229: «ни гребле высокы».

I.



Греческая надпись изъ Аккермана,
на мѣди, христіанской эпохи (XIII стол.?).

II.

Славянская (румынo-) надпись изъ Аккермана,
на мраморѣ, отъ 1454 года.

III.

Видъ Аккерманской крѣпости
въ половинѣ XVII стол.

Сосуды со знаками—изъ находокъ на площадкахъ Трипольской культуры.

Въ концѣ каменнаго вѣка въ Приднѣпровьи замѣчается привнесеніе какой-то чуждой, болѣе совершенной культуры, появляющейся наряду съ мѣстными издѣліями грубаго и несовершеннаго характера. Первыя зачатки ея наблюдаются уже въ землянкахъ кіевскихъ возвышенностей, гдѣ, вмѣстѣ съ орудіями и керамикой самаго примитивнаго типа, встрѣчаемъ фрагменты сосудовъ прекрасной выдѣлки, отличающейся какъ тонкостью и нѣжностью глины, такъ и тщательностью орнамента, представляющими рѣзкую противоположность съ окружающей ихъ обстановкой. Впослѣдствіи чрезвычайно изобильные памятники этой культуры были открыты на громадномъ пространствѣ по правому берегу р. Днѣпра между Кіевомъ и р. Росью, особенно въ окрестностяхъ мѣст. Триполья, Кіевск. уѣзда, отъ котораго и вся вновь открытая культура первоначально получила свое названіе Трипольской [1]). Дальнѣйшее распространеніе ея оказалось возможнымъ прослѣдить въ Кіевскомъ, Васильковскомъ, Черкасскомъ, Чигиринскомъ и Уманскомъ уѣздахъ, Кіевской губ., затѣмъ въ части Херсонской и Подольской губ., откуда она переходитъ въ Галицію. Повторяющіяся условія и обстановка находокъ предметовъ этой культуры позволили установить общую ихъ характеристику. Обыкновенно на небольшой возвышенности, спускающейся одной стороной къ рѣкѣ или ручью, расположена надъ поверхностью земли цѣлая группа отдѣльныхъ площадокъ, представлявшихъ всегда болѣе или менѣе правильный кругъ, въ срединѣ котораго находилось еще нѣсколько такихъ-же площадокъ. Занимаемое каждой изъ нихъ

[1]) Честь открытія и обслѣдованія площадокъ этой культуры, какъ извѣстно, всецѣло принадлежитъ В. В. Хвойко. Прим. *И. А. Л.*

пространство равнялось въ длину 3 — 30 метр., въ ширину 2 — 20 метр.; глубина-же была различна: отъ 1 до 2 и болѣе метровъ. Каждая площадка состояла изъ слоевъ сильно обожженной глины (отъ 1 до 3 — 5), лежавшихъ горизонтально или волнообразно; иногда они были разбиты на части, и тогда площадка состояла изъ однихъ комьевъ. Толщина отдѣльныхъ слоевъ не превосходила 3 — 10 см. Нѣкоторые изъ нихъ были сглажены съ одной или съ обѣихъ сторонъ, а иногда носили и слѣды послѣдовательной окраски бѣлой, желтой и различныхъ оттѣнковъ красной краски. Очень часто на одной изъ сторонъ ихъ находились отпечатки прутьевъ и кольевъ, очевидно, появившіеся еще на сырой глинѣ, въ которой, кромѣ того, замѣчалась примѣсь мякины различныхъ хлѣбныхъ зеренъ (пшеницы, ячменя, проса и т. д.). Иногда лежавшіе другъ на другѣ въ видѣ стѣнки пласты глины прерывались, и между ними находилось незаполненное глиной углубленіе, за которымъ слѣдовала другая стѣнка такихъ-же пластовъ, въ одинаковомъ количествѣ съ прежнимъ, или въ меньшемъ сравнительно съ нимъ. Въ нѣкоторыхъ площадкахъ находились вылѣпленные изъ глины цилиндры, въ родѣ пьедесталовъ, въ верхней части которыхъ были укрѣплены большіе камни съ выемкой въ видѣ чаши или мисы; кромѣ того между и подъ пластами глины встрѣчалось множество полуобработанныхъ камней, иногда сложенныхъ пирамидальной кучкой у одной изъ стѣнокъ, а также различныя орудія изъ кремня, кости и рога: топорики, ножи, серпы и т. д.; наиболѣе выдающую находку составляютъ между ними плоскіе топорики изъ чистой мѣди, указывающіе на появляющееся уже въ эту эпоху употребленіе металла. Но самыми главными и наиболѣе характеристическими предметами находокъ слѣдуетъ признать безчисленныя керамическія издѣлія — сосуды и статуэтки, на основаніи которыхъ явилась возможность подраздѣлить описываемые предметы на двѣ отрасли, обозначенныя по времени ихъ находки буквами А (позднѣйшая) и Б (болѣе ранняя); послѣдняя отличается отъ первой полнымъ отсутствіемъ металла и просверленныхъ орудій, а также формой и орнаментомъ сосудовъ, въ которыхъ преобладаютъ типы съ углами и ломаными линіями, въ противоположность округленнымъ сосудамъ первой. Какъ по выдѣлкѣ глины, такъ и по затѣйливости и трудно опредѣлимому практическому назначенію сосудовъ,

украшенныхъ къ тому-же тщательнымъ и роскошнымъ орнаментомъ, долгое время оставалось нерѣшеннымъ, что такое представляютъ заключающія ихъ площадки; можно однако предположить, что онѣ представляли изъ себя остатки глинобитныхъ стѣнокъ погребальныхъ сооруженій, а также чего-то въ родѣ храмовъ и мѣстъ молитвенныхъ собраній.

Изъ числа этихъ сосудовъ въ особенности обращаютъ на себя вниманіе тѣ, которые расписаны по оранжевому фону черными или коричневыми разводами; въ верхней части ихъ, между узорами росписи, оставлено въ двухъ или четырехъ мѣстахъ небольшое поле, отдѣленное одной — двумя полосками отъ остальнаго рисунка, гдѣ находятся особаго рода знаки, не могущіе быть причисленными къ орнаменту въ виду ихъ особой формы и положенія. Сосуды эти, въ цѣльномъ или фрагментарномъ состояніи, находились сосредоточенными вмѣстѣ съ другими сосудами въ западной или сѣверозападной сторонѣ площадки, или по одиночкѣ надъ пластами обожженной глины, между ними, или подъ ними. Сосуды со знаками никогда не встрѣчались въ площадкахъ культуры А; находящійся въ числѣ ихъ маленькій сосудъ съ бѣлыми знаками въ видѣ надписи относится, однако-же, къ болѣе позднему времени, именно къ концу культуры А, имѣющей болѣе отношенія къ западноевропейскимъ. Обыкновенно знаки встрѣчаются на сосудахъ небольшихъ размѣровъ, отъ 10 до 12 см. вышиной, 40 см. въ окружности и съ горлышками 6 — 7 см. въ діаметрѣ; донышко ихъ имѣетъ не болѣе 3 — 4 см. До сихъ поръ найдено 17 различныхъ знаковъ, но несомнѣнно при дальнѣйшихъ раскопкахъ число ихъ значительно увеличится. Наиболѣе типичными для культуры Б. являются сосуды формы усѣченнаго конуса, обращеннаго вершиною внизъ и увѣнчаннаго въ верхней части расширяющимся кверху и книзу горлышкомъ съ выгибомъ посрединѣ и болѣе или менѣе отогнутыми краями.

Находки этихъ сосудовъ были сдѣланы въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) с. з. часть с. Веземья, 2) с. Жуковцы, 3) с. Халепье, 4) с. Стрѣтовка, 5) с. Стайки, 6) с. Юшки и 7) с. Паникорчи — всѣ Кіевскаго уѣзда.

На прилагаемой таблицѣ изображенъ прежде всего крайне любопытный сосудъ съ какой-то надписью. Сосудъ этотъ очень незначительныхъ размѣровъ (высота—$4^1/_2$ см., окружность—16 см., діаметръ

верхняго отверстія — 2 см., донышко — 1,3 см.), формы современной лампадки; въ широкой его части съ трехъ сторонъ по отверстію, въ которыя вѣроятно были продѣты веревочки для подвѣшиванія сосуда; сдѣланъ онъ очень грубо, вылѣпленъ отъ руки изъ желтовато-сѣрой глины и носитъ слѣды копоти или обжига. Надпись идетъ спирально отъ донышка сосуда кругомъ большей его части. Надпись эта имѣетъ болѣе блѣдный оттѣнокъ, чѣмъ цвѣтъ сосуда, и довольно явственно видна. Болѣе блѣдный цвѣтъ надписи быть можетъ можно объяснить тѣмъ, что надпись была нарисована какой-нибудь краской и занятыя надписью части были краской защищены отъ дѣйствія огня. Сказать что-нибудь о характерѣ буквъ очень трудно; однако мы позволимъ себѣ обратить вниманіе ученыхъ, которыхъ эта находа заинтересуетъ, на сходство нѣкоторыхъ буквъ надписи съ буквами изданныхъ академикомъ Радловымъ среднеазіатскихъ надписей.

На прилагаемомъ рисункѣ изображенъ сначала сосудикъ съ двухъ его сторонъ, а затѣмъ и вся надпись — отдѣльныя ея части сняты помощью фотографіи и затѣмъ соединены вмѣстѣ.

Что касается знаковъ, то они встрѣчаются на сосудахъ (къ сожалѣнію только на обломкахъ) чаще всего по одному на сосудѣ, рѣже по два — три на одномъ сосудѣ; при чемъ въ послѣднемъ случаѣ знаки всегда разные (первый съ лѣвой стороны отъ зрителя — въ нижней строчкѣ, второй съ той-же стороны — въ верхней строчкѣ, и тотъ, который справа соединяетъ обѣ строки,— встрѣчались по два раза на разныхъ сосудахъ; средній въ верхней строчкѣ даже три раза; остальные только по одному разу). На первый взглядъ эти знаки очень напоминаютъ іероглифы.

Дд. чч. *И. А. Линниченко* и *В. В. Хвойко.*

Находка орнаментированныхъ костей мамонта.

Въ 1893 г., какъ извѣстно уже изъ многихъ сообщеній [1]), въ Кіевѣ на Кирилловской улицѣ, въ усадьбахъ Зиваля и Багрѣева сдѣлана была находка стоянки первобытнаго человѣка весьма замѣчательная, какъ по количеству и роду найденныхъ предметовъ, такъ и по цѣлому ряду несомнѣнныхъ доказательствъ сосуществованія человѣка и мамонта (открыта эта стоянка была В. В. Хвойко). Съ 1893 г. и по сіе время раскопки продолжаются, при чемъ изслѣдована площадь въ 53 сажени длины и 32 саж. ширины.

На этомъ пространствѣ, на глубинѣ 26 — 28 арш., непосредственно на третичныхъ отложеніяхъ (отчасти на зеленомъ пескѣ, но по большей части на синей глинѣ) отъ самаго начала раскопокъ до послѣдняго времени попадался культурный слой, состоящій преимущественно изъ костей мамонта (слоновъ) и изрѣдка другихъ крупныхъ животныхъ, какъ напр. носорога. Кости эти встрѣчались почти на цѣломъ означенномъ пространствѣ, то въ большемъ, то въ меньшемъ количествѣ; кромѣ нихъ замѣчены были разной величины кострища, одно изъ которыхъ занимало пространство около 300 кв. саж.; оно состояло изъ пережженныхъ костей; толщина слоя ихъ доходила мѣстами до 40 — 50 см.

Независимо отъ кострищъ, необожженныя кости тѣхъ-же животныхъ, цѣльныя и перебитыя, встрѣчались вокругъ и отдѣльно отъ послѣднихъ, а иногда цѣлыми кучами вмѣстѣ; изъ числа ихъ собрано около 70 (67) экзем. нижнихъ челюстей мамонтовъ молодыхъ и старыхъ.

---

[1]) См. Х. Вовк. Передісторичні знахідки на Кирилівській улиці у Київі (Матеріяли до українсько-руської этнольогіи, Львів. 1899, т. I); Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева, читанныя проф. П. Я. Армашевскимъ и В. Б. Антоновичемъ, Кіевъ, 1897.

Вмѣстѣ съ костями попадались изрѣдка небольшія кремневыя орудія въ видѣ осколковъ, обработанные въ видѣ обуховъ и палицъ бивни и берцовыя кости мамонта, а также окаменѣвшіе или превратившіеся отъ времени почти въ бурый уголь куски дерева. На разстояніи 50 саж. вдоль отъ первоначальнаго мѣста раскопки въ послѣднее время *найдено окончаніе бивня, украшеннаго весьма искусно вырѣзанными*, какъ позволяетъ видѣть фотографія, *различными изображеніями*. Невдалекѣ отъ него найденъ цѣльный бивень съ продолбленнымъ во всю его длину желобкомъ и части древесныхъ стволовъ громадныхъ размѣровъ.

Толща земли, покрывавшая эти предметы и доходящая до 28 арш., состоитъ изъ слѣдующихъ слоевъ:

1) Небольшой слой сѣрозеленоватыхъ песковъ (очень мелкозернистыхъ), 2) слой валуновъ, 3) слоистые пески, 4) суглинокъ и 5) слой желтой глины (лессъ) толщиною 12 — 13 арш., заканчивающій собою всѣ отложенія.

Въ слоистыхъ пескахъ открытъ былъ перемежающійся съ ними на одномъ и томъ-же уровнѣ культурный слой въ формѣ гнѣздъ отъ 3 до 5 арш. въ діаметрѣ; такихъ отдѣльныхъ гнѣздъ было по нѣсколько на одномъ уровнѣ.

Заключающійся въ нихъ культурный слой состоялъ изъ различныхъ костей животныхъ (размельченныя), значительнаго количества отбивныхъ кремневыхъ орудій (всѣ небольшой величины), угля и золы.

Изъ болѣе сохранившихся костей встрѣтились здѣсъ черепъ и верхняя часть челюсти льва, зубы медвѣдя, гіены и другихъ животныхъ, породы которыхъ еще не опредѣлены; кости же мамонта уже отсутствовали за исключеніемъ 3 — 5 незначительной величины осколковъ.

Далѣе въ суглинкѣ и въ лессѣ признаковъ культурнаго слоя на цѣломъ протяженіи раскопки болѣе не оказалось.

Отличительными чертами описываемой стоянки, по сравненію съ другими доселѣ извѣстными въ литературѣ находками подобнаго рода, служатъ:

1) Глубина залеганія найденныхъ предметовъ, 2) громадные размѣры занимаемаго ими пространства, 3) толщина и размѣры куль-

турнаго слоя, состоящаго изъ пережженныхъ костей, 4) особый типъ и незначительная величина кремневыхъ осколковъ (орудій), 5) обработка бивней и костей мамонта, приспособленныхъ для пользованія ими, какъ орудіями, 6) своеобразная рѣзьба и самыя изображенія на фрагментѣ орнаментированнаго бивня, 7) находки окаменѣвшихъ кусковъ и части стволовъ деревьевъ древнихъ породъ, 8) массовое присутствіе костей исключительно мамонта и попадающіяся кости носорога въ слоѣ, гдѣ былъ найденъ орнаментированный бивень, 9) полное отсутствіе костей животныхъ, принадлежащихъ къ позднѣйшей фаунѣ, характерныхъ для западно-европейскихъ пещеръ, — сѣвернаго оленя, лося и др. Отсутствіе это замѣчено было не только въ нижнемъ слоѣ, но и въ послѣдующихъ слоистыхъ пескахъ и гнѣздообразномъ культурномъ слоѣ, въ которомъ кости мамонта почти, а носорога совершенно, отсутствовали.

Что касается вопроса о древности данныхъ находокъ, то въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ противоположныя мнѣнія: профессора Армашевскій и Антоновичъ считаютъ эту находку «древнѣйшимъ слѣдомъ человѣка, открытымъ на пространствѣ всей Россіи» (по мнѣнію проф. Армашевскаго, высказанному на Кіевскомъ Археологическомъ Съѣздѣ, эпоха, къ которой относится данная стоянка — тысячъ за 20 до нашей эры). Проф. Анучинъ высказываетъ сомнѣніе относительно принадлежности этой находки къ такой отдаленной отъ насъ эпохѣ и дѣлаетъ предположеніе, что скопленіе въ одной площади такого значительнаго числа мамонтовыхъ костей могло произойти путемъ сноса ихъ въ одно мѣсто водою (причемъ кости уже были ископаемыми).

Мы считаемъ однако болѣе вѣроятнымъ первое мнѣніе. Наиболѣе сильное доказательство этого мнѣнія даетъ находка обдѣланныхъ въ видѣ палицъ бивней мамонта. Ископаемыя вывѣтрившіяся кости мамонта совершенно не пригодны для приготовленія изъ нихъ орудій. Въ настоящее время въ Сибири, правда, приготовляютъ мелкія подѣлки изъ костей ископаемаго мамонта; но для этихъ подѣлокъ изъ очень крупныхъ костей утилизируется лишь самая незначительная часть, да и то всѣ подѣлки отличаются значительной хрупкостью; между тѣмъ свѣжая кость, какъ извѣстно, представляетъ матерьялъ весьма значительнаго сопротивленія, и дубина изъ такой кости — орудіе очень внушительное и устойчивое при ударѣ.

На прилагаемой фотографіи рисунокъ, сдѣланный какимъ-то твердымъ орудіемъ по всему куску бивня мамонта, представленъ въ раскрытомъ видѣ и на плоскости.

На рисункѣ ясно можно различить изображеніе какого-то щитоноснаго животнаго (черепахи?) и птичью голову. Что касается остальныхъ рисунковъ, то о нихъ трудно сказать что-нибудь опредѣленное; быть можетъ это изображеніе какого-нибудь жилища въ родѣ свайной постройки.

Находка кости съ рисункомъ на Кирилловой горѣ не стоитъ одиноко въ археологіи; во Франціи, Чехіи и другихъ мѣстахъ были найдены кости, въ томъ числѣ и мамонтовыя, съ разными изображеніями; но нѣкоторыя изъ этихъ находокъ сомнительной древности; степень же древности другихъ до сихъ поръ составляетъ предметъ спора [1]). Во всякомъ случаѣ находка на Кирилловой горѣ въ Кіевѣ по всей совокупности условій счастливо выдается среди всѣхъ находокъ подобнаго рода.

Дд. чч. *И. А Линниченко* и *В. В. Хвойко.*

---

[1]) См. Л. Нидерле, «Человѣчество въ доисторическія времена», перев. подъ ред Д. Н. Анучина, Спб. 1898. G. и A. de-Mortillet, Le Prehistorique, Paris, 1900.

Паденіе канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина.

(По новымъ даннымъ Копенгагенскаго и Вѣнскаго архивовъ).

Среди русскихъ государственныхъ дѣятелей мало канцлеровъ съ громкимъ именемъ. Сильную внѣшнюю политику Россіи направляли обыкновенно сами государи, а министры, вѣдавшіе иностранныя дѣла, бывали только ихъ послушными орудіями. Бестужевъ выдался именно тѣмъ, что онъ сумѣлъ выработать свою собственную политическую систему и проводить ее въ теченіе пятнадцати лѣтъ, сначала въ силу безграничнаго довѣрія императрицы, затѣмъ противъ ея желаній, опираясь на молодой дворъ, наконецъ вопреки волѣ и самой Елисаветы, и наслѣдника престола Петра Ѳеодоровича при поддержкѣ одной только великой княгини. Но эта смѣлость, съ которой канцлеръ «нечувствительно въ самодержавное государство вводилъ соправителей и самъ соправителемъ дѣлался», въ концѣ концевъ и повела къ его паденію. Во внѣшней политикѣ гр. Бестужевъ намѣчалъ себѣ двѣ главныя цѣли: съ одной стороны, онъ старался опираться на Австрію, Саксонію и морскія державы, т. е. Голландію и въ особенности Англію, чтобы противодѣйствовать вліянію Пруссіи и Франціи вездѣ, гдѣ были замѣшаны русскіе интересы, т. е. въ Швеціи, Польшѣ, Турціи; съ другой стороны канцлеръ стремился осуществить предложенный копенгагенскимъ дворомъ обмѣнъ великокняжеской части Голштиніи на графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ и этимъ предупредить возможность, что русскіе интересы станутъ въ будущемъ приноситься въ жертву голштинской политикѣ въ виду привязанности Петра Ѳедоровича къ своему герцогству и его притязаній даже на Шлезвигъ. Вестминстерская союзная конвенція между Георгомъ II и Фридрихомъ II отдалила англійскаго короля отъ императрицы Елисаветы и побудила ее рѣшиться на сближеніе съ Франціей. Это нанесло первый ударъ системѣ и положенію гр. Бестужева, который, во что-бы то ни стало, хотѣлъ удержать свои связи съ Великобританіей. Пристрастіе канцлера къ союзу съ морскими державами нашло себѣ сочувствіе у молодого двора, но зато его старанія осуществить голштинскій обмѣнъ разбились объ упрямство самого вели-

каго князя. Въ отличіе отъ обычнаго изложенія событій 1757—58 г.г. мы постараемся доказать, что паденіе канцлера Бестужева стало неизбѣжнымъ именно вслѣдствіе того, что къ своему пріему проводить англійскую политику вопреки рѣшеніямъ императрицы онъ присоединилъ еще попытку осуществить обмѣнъ Голштиніи на графства противъ воли великаго князя.

Въ русской исторической литературѣ было высказано три авторитетныхъ взгляда на событія, непосредственно предшествовавшія паденію гр. Бестужева, т. е. на походъ фельдмаршала С. Ѳ. Апраксина въ Восточную Пруссію въ 1757 году. С. М. Соловьевъ допускалъ, что Апраксину дѣйствительно не хотѣлось ѣхать къ войску изъ С.-Петербурга во время болѣзни Елисаветы осенью 1756 года. Ссылаясь на доступную только ему переписку Екатерины съ Уильямсомъ, историкъ разсказывалъ, что Апраксинъ даже присылалъ спрашивать великую княгиню — ѣхать-ли ему къ арміи, или оставаться, и получилъ въ отвѣтъ, что, если останется, то это будетъ знакомъ его преданности къ ней (Исторія Россіи, т. 24, стр. 98) И въ Ригѣ Апраксинъ, по мнѣнію С. М. Соловьева, вовсе не хотѣлъ торопиться походомъ. Онъ имѣлъ основаніе надѣяться, что дѣло не дойдетъ до настоящей войны, что все ограничится прогулкой для возбужденія страха и ускоренія мира. Кромѣ того молодой дворъ былъ противъ войны, а идти наперекоръ наслѣднику престола и его супругѣ далеко не входило въ планы Апраксина, да и пріятель умница-канцлеръ на сторонѣ молодого двора и при прощаньи сказалъ, чтобъ въ походъ не выступать до тѣхъ поръ, пока все будетъ къ нему приготовлено. Фельдмаршалъ думалъ, что далеко еще не все приготовлено; съ чего-же канцлеръ взялъ торопить русское войско къ выступленію въ походъ — зимою, не дождавшись, что тамъ будетъ у прусскаго короля съ австрійцами? 17-го февраля Апраксинъ пишетъ къ Бестужеву въ сильномъ волненіи, говоритъ, что откажется отъ начальства войскомъ, и оканчивалъ вопросомъ, не перемѣнилъ-ли канцлеръ своихъ мнѣній, ибо въ Петербургѣ мнѣнія Бестужева были извѣстны ему, Апраксину, и во всемъ согласны съ его собственными. Это письмо Апраксинъ отправилъ съ довѣреннымъ человѣкомъ генералъ-квартирмейстеромъ Веймарномъ, чтобъ тотъ хорошенько развѣдалъ у канцлера, зачѣмъ его такъ торопятъ. Вмѣстѣ съ своимъ отвѣтомъ отъ 21-го февраля 1757 года Бестужевъ послалъ фельдмаршалу еще письмо великой княгини, въ которомъ она также просила Апраксина не медлить болѣе (Соловьевъ, т. 24, стр. 126—128, со ссылкой на Архивъ кн. Воронцова, кн. IV, и Слѣдственное дѣло о Бестужевѣ и Апраксинѣ).

Признавая для конца 1756 г. и начала 1757 г. существованіе соглашенія между Апраксинымъ, Бестужевымъ и великой княгиней Екатериной относительно того, чтобы медлить походомъ въ Восточную Пруссію, С. М. Соловьевъ зато отвергаетъ всякую связь между отступленіемъ фельдмаршала

послѣ побѣды при Гроссъ-Егерсдорфѣ и болѣзнью императрицы Елисаветы, припадокъ съ императрицею случился 8 сентября, а отступленіе рѣшено было на военномъ совѣтѣ 27-го августа; наконецъ, Апраксинъ ничего не дѣлалъ самъ собою, а только исполнялъ рѣшенія военныхъ совѣтовъ (Ibidem, стр. 181 и 195). Въ письмѣ изъ Нарвы отъ 14 декабря 1757 года на имя Елисаветы Апраксинъ въ свое оправданіе ссылался на мнѣніе генерала Фермора: «что и о возвращеніи нашемъ отъ Алленбурга я первому открылъ генералу Фермору и, посовѣтовавъ съ нимъ и не открывая никому, съ нимъ однимъ согласно сіе положа, созвалъ военной совѣтъ и, приглася полковниковъ, уже сіе предложеніе сдѣлалъ; почему и согласно отъ всѣхъ положено поворотить къ Тильзиту» (Архивъ кн. Воронцова, кн. IV, стр. 185). Дѣйствительно, запискою отъ 14 октября Ферморъ рѣшительно призналъ распоряженія фельдмаршала необходимыми. Но, по мнѣнію Соловьева, Апраксинъ не подвергался опалѣ за отступленіе: онъ былъ жертвою, принесенною для успокоенія союзниковъ. Главное-же дѣло состояло теперь въ перепискѣ великой княгини съ Апраксинымъ черезъ посредство канцлера (Ист. Россіи, т. 24, стр. 184). Слѣдуя донесеніямъ саксонскаго совѣтника посольства Прассе (Herrmann, Geschichte des russischen Staats, B. V. Auszüge aus den Berichten des Legationsrathes Prasse. Petersburg, d. 31 Jan. 58), Соловьевъ принимаетъ, что объ этой опасной перепискѣ впервые разгласилъ посолъ Маріи Терезіи, гр. Эстергази, чтобы свергнуть гр. Бестужева за его пріязнь къ Англіи: Бестужевъ, получая письма отъ Екатерины для пересылки Апраксину, показывалъ ихъ саксонскому совѣтнику посольства Прассе и пріѣзжавшему въ Петербургъ австрійскому генералу Буккову для успокоенія ихъ насчетъ добраго расположенія молодого двора къ общему дѣлу, потому что въ нихъ Екатерина убѣждала Апраксина спѣшить походомъ. Букковъ разсказалъ объ этихъ письмахъ Эстергази, и теперь, когда захотѣли повредить Апраксину и Бестужеву вмѣстѣ, Эстергази сообщилъ объ этой перепискѣ великой княгини съ фельдмаршаломъ самой императрицѣ, представивъ это дѣло очень опаснымъ (Исторія Россіи, т. 24, стр. 182—183). Пользуясь донесеніями гр. Эстергази, приведенными А. Шефером въ «Исторіи Семилѣтней войны» (Arnold Schaefer, Geschichte des siebenjährigen Krieges, B. II, Abth. 1. S. 545. Beilagen, Esterhazy's Bericht, 19 April 1758), Соловьевъ прибавляетъ еще разсказъ о томъ, какъ великій князь обратился къ австрійскому послу съ жалобами на канцлера, а Эстергази далъ ему совѣтъ обратиться прямо къ императрицѣ; Елисавета была очень тронута, что племянникъ обратился къ ней по родственному, и Петръ, раскаиваясь въ прошедшемъ своемъ поведеніи, складывалъ всю вину на дурные совѣты, а дурнымъ совѣтникомъ оказался Бестужевъ.

Эти выводы профессора С. М. Соловьева были подвергнуты подробной, но несправедливой критикѣ военнымъ историкомъ полковникомъ

Масловскимъ («Рўсская Армія въ Семилѣтнюю войну»», Приложенія къ вып. 1-му, стр. 14—33). Масловскій отвергаетъ положеніе Соловьева, что Апраксинъ вовсе не хотѣлъ торопиться походомъ и т. д., и замѣчаетъ: «столь существенно важное заключеніе почтеннаго историка неизвѣстно на чемъ основано. Ни авторъ исторіи Россіи, ни кто другой не доказываютъ этого убѣдительными доводами и, конечно, ни на какой документъ ссылки не могутъ сдѣлать». Въ дѣйствительности С. М. Соловьевъ ссылается на извѣстную только ему переписку Екатерины съ посломъ Уильямсомъ для изображенія сношеній между Апраксинымъ и великой княгиней осенью 1756 г.; Масловскій самъ ссылается на эти выдержки у Соловьева, говоря о томъ, какъ Апраксинъ жаловался императрицѣ на плохое состояніе войска. (Сравни Масловскій, вып. I, стр. 166, и Соловьевъ, т. 24, стр. 98). Мы не можемъ рѣшить заочно, насколько безусловно надеженъ источникъ Соловьева, сообщающій, будто бы великая княгиня Екатерина задерживала Апраксина въ С.-Петербургѣ, но нѣсколько другихъ источниковъ подтверждаютъ мнѣніе историка, что въ виду болѣзни императрицы между гр. Бестужевымъ, фм. Апраксинымъ и вел. княгиней Екатериной до конца января 1757 года существовало соглашеніе задержать начало похода въ Пруссію. Сама Екатерина въ своихъ Мемуарахъ разсказываетъ о бесѣдѣ съ женой Апраксина передъ отъѣздомъ фельдмаршала и его семьи въ Ригу. Великая княгиня говорила Апраксиной о тревогѣ, которую внушала ей болѣзненность Елисаветы, сожалѣла, что фельдмаршалъ уѣзжаетъ въ такое время, когда Екатерина не вполнѣ можетъ полагаться на Шуваловыхъ, враждебныхъ ей лично. Апраксина передала все это своему супругу, и фельдмаршалъ былъ доволенъ расположеніемъ къ нему великой княгини; радъ этому былъ и канцлеръ Бестужевъ, который не любилъ Шуваловыхъ и дружилъ съ Разумовскими. Фельдмаршалъ могъ быть полезнымъ посредникомъ между всѣми этими лицами, такъ какъ его дочь (по мужу княгиня Куракина) была въ связи съ графомъ Петромъ Шуваловымъ; позднѣе, говоря объ отступленіи Апраксина, Екатерина ссылается на этотъ разсказъ и замѣчаетъ, что фельдмаршалъ считалъ свое присутствіе въ Россіи необходимымъ. По донесеніямъ Уильямса, канцлеръ открыто признавался англійскому послу, что это онъ задержалъ отъѣздъ Апраксина изъ С.-Петербурга и что онъ и впредь будетъ продолжать служить своимъ друзьямъ (v. Raumer, Beiträge, zur neueren Geschichte, Th. II S. 407). По донесеніямъ Прассе, гр. Бестужевъ утверждалъ саксонскому совѣтнику посольства, что фм. Апраксинъ, зная прусскія симпатіи молодого двора, будто-бы нарочно не торопился походомъ, дабы не раздражить противъ себя великаго князя и вел. княгиню; но теперь гр. Понятовскому удалось измѣнить настроеніе молодого двора, и это скажется въ болѣе быстромъ движеніи впередъ фельдмаршала и его арміи. (Донесеніе Прассе отъ 13 февраля 1757 года у Herrmann'a Sächsisch-polnische Beziehungen

während des siebenjährigen Krieges zum russischen Hof, Preussische Jahrbücher, B. 47, S. 576). Наконецъ, и самъ Апраксинъ въ письмѣ къ Бестужеву отъ 17 февраля 1757 года говорилъ о перемѣнѣ сентиментовъ канцлера. Далѣе Масловскій ставитъ С. М. Соловьеву въ упрекъ, что, трактуя о причинахъ, почему Апраксинъ не выступилъ въ походъ въ 1756 году, профессоръ не принялъ даже въ соображеніе инструкціи Елисаветы, данной фельдмаршалу 5-го октября 1756 года. Но военный историкъ самъ неточно изложилъ, а потому и невѣрно оцѣнилъ эту инструкцію (Сравни Архивъ кн. Воронцова, ч. 3, стр. 508 и «Русская Армія въ Семилѣтнюю войну», вып. 1, стр. 164—166). Масловскій старается доказать, что инструкція для Апраксина отъ 5 октября 1756 года, полна противорѣчій, что по этой инструкціи русской арміи слѣдовало въ одно и тоже время и идти, и стоять на мѣстѣ. Военный историкъ считаетъ ошибкой фельдмаршала, что онъ принялъ инструкцію, которой не могъ исполнить, и самъ-же оправдываетъ его тѣмъ, что Апраксинъ имѣлъ въ виду дѣйствовать самостоятельно. Но въ сущности инструкція 5-го октября для внимательнаго читателя совершенно ясна. По § 9-ому Апраксинъ долженъ былъ предпринять походъ «наискорѣе по прибытіи въ Ригу», введя войска въ Курляндію и Польскую Лифляндію. Никакого нападенія со стороны пруссаковъ конференція не ждала. Вся армія своимъ расположеніемъ должна была имѣть такой видъ, «что для васъ все равно, прямо-ли на Пруссію, или влѣво чрезъ всю Польшу въ Силезію маршировать». (§§ 10 и 11). Апраксинъ и самъ долженъ былъ отправиться въ Польшу (§ 14). «Дальнѣйшее ваше движеніе будетъ зависѣть отъ дальнѣйшихъ отъ насъ вамъ впредь присылаемыхъ указовъ» (§ 32). «Когда вы, нынѣшнею-ли зимою, или уже будущею весною, къ прусскимъ границамъ приближетесь» и т. д. (§ 33). «До будущей весны хотя и не признается за удобно всею вашей командѣ поручаемою арміей дѣйствовать противу Пруссіи, или какой городъ атаковать, однакожъ, ежели-бы вы удобный случай усмотрѣли какой-либо знатной поискъ надъ войсками его надежно учинить или какою крѣпостію овладѣть, то... изъ рукъ не упустите» (§ 35). «Вы теперь малыми корпусами только на малое отъ Нашихъ границъ разстояніе выступите, дальнѣйшій-же походъ только въ то время предпріимется, когда вручаемая въ команду вашу армія вся соберется» (§ 36). Апраксинъ долженъ былъ взять для арміи провіанта съ собою на двѣ недѣли (§ 23), а для возки его за границею выписывать курляндскія и польскія подводы съ упряжкою «съ обѣщаніемъ исправной за все платы и съ объявленіемъ, что въ противномъ случаѣ вы съ сожалѣніемъ принуждены будете брать оныхъ силою» (§ 24). «Надлежитъ вамъ, ежели закупкою исправиться нельзя было-бъ, провіантъ и фуражъ въ Польшѣ выписывать такимъ-же образомъ, какъ выше о подводахъ упомянуто» (§ 25). Если-бы не хватало наличныхъ денегъ, то походный комиссаріатъ и генералы-провіант-

мейстеры-лейтенанты могли давать ассигнаціи на Рижскую, Смоленскую и Кіевскую Губернскія Канцеляріи (§ 26). Итакъ, инструкція очень ясно предписывала фельдмаршалу перевести свою армію еще въ 1756 году въ предѣлы Польши, чтобы быть поближе къ границамъ Пруссіи, и организовать систему продовольствія приблизительно такъ-же, какъ это было сдѣлано зимой 1759—60 г.г. (См. Масловскій, вып. III, стр. 216), когда нашли необходимымъ гораздо шире воспользоваться средствами Рѣчи Посполитой, отказавшись отъ щепетильнаго къ нимъ отношенія. Вотъ этотъ-то зимній походъ въ Польшу и затянулъ Апраксинъ свѣдома канцлера въ угоду молодому двору; благодаря этому предположенное вторженіе главныхъ силъ въ Пруссію совершилось не весной и даже не въ началѣ лѣта, а лишь къ концу его. Отъ этого упрека Масловскій не могъ защитить фельдмаршала и напрасно толкуетъ дѣло такъ, какъ будто-бы отъ Апраксина требовали зимняго похода прямо въ Восточную Пруссію. Зато Масловскій принимаетъ положеніе С. М. Соловьева, что между припадкомъ съ императрицей 8-го сентября и отступленіемъ арміи 28-го августа, разумѣется, не могло быть никакой связи. Однако, военный историкъ напоминаетъ при этомъ, что на совѣтѣ 27-го августа было рѣшено отойти только къ Тильзиту съ тѣмъ, чтобы осенью-же перейти въ наступленіе на Лабіаву; самыя-же важныя (по своимъ послѣдствіямъ) рѣшенія военныхъ совѣтовъ относятся къ 13-му и 28-му сентября, когда было постановлено отступить за Нѣманъ и идти на зимнія квартиры. Такимъ образомъ, если-бы дѣйствительно была интрига, то Бестужевъ или гр. Петръ Шуваловъ черезъ княгиню Куракину (предположеніе Мемуаровъ Екатерины II) имѣли возможность дать знать Апраксину о болѣзни императрицы, (напримѣръ, извѣстіе о побѣдѣ при Гроссъ-Егерсдорфѣ 19 августа привезено въ Царское Село вечеромъ 27-го августа). Но, по изслѣдованію Масловскаго, нелѣпость этихъ слуховъ опровергается разсмотрѣніемъ того стратегическаго (въ обширномъ смыслѣ) положенія, въ которомъ находилась русская армія («Русская армія въ Семилѣтнюю войну», вып. I, стр. 311); военный историкъ признаетъ безусловно необходимыми всѣ стадіи отступленія фельдмаршала на Тильзитъ, за Нѣманъ, къ Мемелю.

Третій авторитетный взглядъ на событія, предшествовавшія паденію Бестужева, высказанъ В. Бильбасовымъ въ «Исторіи Екатерины II» (томъ I-й). По Бильбасову, Уильямсъ ошибался относительно прусскихъ симпатій Екатерины. Желая увѣрить Фридриха II въ склонности великой княгини къ Пруссіи, англійскій посолъ будто-бы сообщалъ въ своихъ депешахъ о такихъ письмахъ къ нему Екатерины, которыхъ она никогда не писала и писать не могла. Письмо великой княгини къ Уильямсу о планахъ Апраксина (Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen, B. XIV, № 8508, Уильямсъ Митчеллю отъ 18 декабря 1756 г.) Бильбасовъ объ-

являетъ подложнымъ, а заключающееся въ немъ извѣстіе о намѣреніи Апраксина идти походомъ не въ Восточную Пруссію, а въ Силезію — вздорнымъ слухомъ. Фельдмаршалъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга 30-го октября: ночью съ 29-го на 30-е число мѣсяца долженъ былъ происходить разговоръ Апраксина съ великой княгиней; 30-го октября Екатерина будто-бы прислала Уильямсу письмо. Почему-же англійскій посолъ сообщаетъ о немъ только въ декабрѣ? Бильбасовъ самъ отвѣчаетъ на поставленный имъ вопросъ такъ: въ началѣ декабря разсматривались въ конференціи различные планы военныхъ дѣйствій; Уильямсъ почерпнулъ отсюда свой слухъ о походѣ въ Силезію и приписалъ его выдуманному имъ письму Екатерины. Все это разсужденіе В. Бильбасова сначала до конца крайне произвольно и мало правдоподобно. Посолъ не могъ поддѣлывать или выдумывать писемъ особы царствующаго дома; и резидентъ Вульфъ, и преемникъ Уильямса Кейтъ всегда могли провѣрить подобныя донесенія и изобличить посла передъ его правительствомъ въ Лондонѣ или великой княгиней въ С.-Петербургѣ. Между Уильямсомъ и Екатериной несомнѣнно существовала переписка (см., напр., у Raumer'a, l. c. S. 408, очень интимное письмо отъ великой княгини 9 ноября нов. ст. 1756 г.). Переписка эта свидѣтельствуетъ о такой близости и единомысліи между ними, что сообщеніе новостей, которыя Екатерина узнавала къ тому-же не какъ офиціальное лицо, а частнымъ образомъ, не удивительно. Черезъ Уильямса англійскій король ссужалъ великой княгинѣ деньги, чтобы она могла противодѣйствовать въ С.-Петербургѣ французскому вліянію; 8-го августа 1756 года король согласился на ссуду ей 20 тысячъ дукатовъ (Raumer l. c. S.S. 347—348. Сравни «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества», т. VII, гдѣ двѣ расписки Екатерины на тысячу дукатовъ и на 44 тысячи рублей). Наконецъ, отвергая наличность прусскихъ симпатій у великой княгини, Бильбасовъ самъ признаетъ ея сочувствіе къ союзу съ Англіей; въ письмѣ къ Уильямсу отъ 19 августа 1757 года Екатерина выражаетъ желаніе вернуть русскую политику на этотъ путь (Raumer, l. c., S 451). Къ тому-же великая княгиня задерживала Апраксина въ С.-Петербургѣ во время болѣзни императрицы, какъ преданнаго ей человѣка, а не по соображеніямъ внѣшней политики. Въ «Политической перепискѣ Фридриха II» напечатано нѣсколько писемъ Уильямса къ Митчеллю, и всѣ они связаны между собою. Въ письмѣ отъ 11 ноября 1756 года (Pol. Cor., B. XIV, № 8373) англійскій посолъ сообщаетъ о болѣзни Елисаветы и предсказываетъ, что смерть императрицы измѣнитъ политику русскаго двора; далѣе Уильямсъ излагаетъ содержаніе письма къ нему Екатерины отъ 9-го ноября, напечатаннаго у Раумера, о томъ, что въ виду болѣзни императрицы Шуваловы просили у великой княгини покровительства въ будущемъ и предлагали ей зато свои услуги въ настоящемъ. Уже въ этомъ письмѣ къ Митчеллю посолъ очевидно воспользовался и запиской Екатерины отъ 30-го октября

стар. ст. (сравни слова въ письмѣ Уильямса отъ 11-го ноября нов. ст.: «Apraxin, en prenant congé, dit à la Grande-Duchesse qu'il était envoyé à Riga pour prendre le commandement d'une armée dépourvue des officiers et de la cavalerie» съ тождественной фразой въ письмѣ отъ 18 декабря: «Il se plaignait beaucoup comme il avait fait à l'Impératrice, qu'il était envoyé à se mettre à la tête d'une armée dépourvue de cavalerie et d'officiers»). Но въ письмѣ отъ 11 ноября Уильямсъ еще ничего не писалъ о предполагаемомъ движеніи русской арміи, такъ какъ Мичтелль еще не просилъ у него этихъ свѣдѣній. Только когда письмо Уильямса отъ 11 ноября было сообщено Фридриху II, тогда прусскій король просилъ 28 ноября Митчелля, справиться у англійскаго посла въ С.-Петербургѣ о намѣреніяхъ русской арміи (Pol. Corr. № 8373 «Si, au reste, il y avait moyen que M. le Chevalier nous sache instruire de ce que la cour de Russie voudra faire, à la fin, de ses troupes assemblées en Livonie et en Courlande, je lui en saurais un gré infini»). Вотъ въ отвѣтъ на подобный запросъ Уильямсъ, очевидно, и отвѣчаетъ 18 декабря выдержкой изъ письма Екатерины о ея бесѣдѣ съ Апраксинымъ въ ночь съ 29 на 30 октября. Мысль о томъ, что русская армія могла-бы идти прямо въ Силезію, возникла отнюдь не въ декабрѣ, какъ предполагаетъ Бильбасовъ, а встрѣчается еще въ инструкціи для фельдмаршала 5 октября. Разговоръ Апраксина съ великой княгиней мы понимаемъ въ томъ смыслѣ, что фельдмаршалъ намѣренъ былъ медлить походомъ подъ предлогомъ неустройствъ въ арміи и неопредѣленности военныхъ плановъ. Итакъ, попытка Бильбасова поколебать довѣріе къ перепискѣ между Екатериной и Уильямсомъ, какъ историческому источнику, должна быть признана неудачной. Письмо Екатерины къ гр. Бестужеву отъ 30 января ст. ст. 1757 года (Preussische Jahrbücher, B. 47, S. 576) свидѣтельствуетъ въ глазахъ Бильбасова о сочувствіи великой княгини войнѣ противъ Фридриха II. Но письмо это написано напоказъ по просьбѣ Бестужева и указываетъ только, что канцлеръ и Екатерина съ конца января рѣшились не задерживать болѣе похода Апраксина. Бильбасовъ думаетъ, что великая княгиня слѣдовала за общимъ настроеніемъ: пока Апраксинъ былъ въ С.-Петербургѣ и убѣдительно доказывалъ невозможность зимняго похода, не только Екатерина или канцлеръ Бестужевъ, но даже и конференція соглашалась съ нимъ. (Ссылка на инструкцію 5-го октября!) Затѣмъ въ С.-Петербургѣ по чисто политическимъ соображеніямъ конференція стала находить, что въ виду перемѣнившихся обстоятельствъ необходимо немедленно открыть кампанію, чтобы замыслы короля прусскаго уничтожить; отголоскомъ этого общаго настроенія будто-бы и явилось письмо Екатерины отъ 30 января. Но такому представленію В. Бильбасова, будто бы великой княгинѣ не доставало ясности и опредѣленности взгляда, самостоятельнаго почина и твердости воли въ отношеніяхъ къ людямъ и событіямъ, противорѣчитъ все поведеніе Екатерины въ голштин-

скомъ вопросѣ, выборъ, сдѣланный ею въ разгаръ соревнованія англійской и французской партіи, наконецъ, борьба, которую она весною 1758 года выдержала противъ Шуваловыхъ, Брокдорфа, великаго князя. Между инструкціей 5 октября и тремя рескриптами конференціи (отъ 6-го, 7-го и 9-го ноября), посланными Апраксину въ догонку въ виду слуховъ, будтобы пруссаки думаютъ захватить Курляндію, разница не по существу, а только въ степени настойчивости, съ которой требовалось выступленіе въ походъ. Но и Бильбасовъ, подобно Масловскому, не замѣчаетъ различія между походомъ въ Польшу, котораго требовали немедленно, и вторженіемъ въ Восточную Пруссію, которое намѣчалось на весну; между тѣмъ первоначально и самъ Апраксинъ (17 ноября, т. е. черезъ недѣлю по прибытіи въ Ригу) находилъ возможнымъ вступить полками отъ Смоленска, Стародуба и Чернигова въ Польшу и, не отдаляясь отъ границъ и поддерживая связь съ главной арміей, непрестанно подвигаться впередъ всѣмъ своимъ расположеніемъ, какъ этого требовала инструкція 5-го октября. (Масловскій, вып. I, Приложенія, стр. 250). Итакъ, существеннаго перелома въ воззрѣніяхъ конференціи не было, а измѣнили свой взглядъ на начало похода только великая княгиня и гр. Бестужевъ, вѣроятно, въ связи съ выздоровленіемъ императрицы и закрѣпленіемъ союза съ Австріей и Франціей; объ этой перемѣнѣ сентиментовъ и писалъ Апраксинъ канцлеру 17-го февраля. Новые матеріалы копенгагенскаго и вѣнскаго архивовъ даютъ намъ право отъ взглядовъ Масловскаго и Бильбасова вернуться къ изображенію событій у С. М. Соловьева и измѣнить и дополнить ихъ лишь настолько, насколько того требуетъ установленное нами вліяніе голштинскаго вопроса, совершенно обойденнаго московскимъ профессоромъ.

Въ 1760 году Екатерина подъ названіемъ «Анекдота» сама записала разсказъ о своемъ управленіи Голштиніей и борьбѣ съ вліятельнымъ любимцемъ великаго князя, голштинцемъ Брокдорфомъ. Видя, что положеніе дѣлъ въ Голштиніи грозило полнымъ банкротствомъ, Петръ Ѳедоровичъ, въ концѣ 1754 года, рѣшился поручить супругѣ заботы о ихъ поправленіи. Послѣ долгихъ отговорокъ Екатерина, наконецъ, согласилась на это и потребовала у великаго князя указъ за его подписью и печатью для голштинскихъ чиновниковъ, чтобы они слушались ея. Прежде всего великая княгиня велѣла представить себѣ отчетъ о положеніи финансовъ и списокъ долговъ герцогства. Она нашла, что ежегодный расходъ превышалъ доходъ на 27 тысячъ талеровъ, увидѣла милліоны долговъ и 180 тысячъ талеровъ дохода. Своими попытками привести въ порядокъ финансы и внести больше справедливости въ управленіе Голштиніей великая княгиня вооружила противъ себя Брокдорфа. Чтобы найти противовѣсъ вліянію этого голштинца, Екатерина помирилась съ своимъ преж-

нимъ врагомъ — канцлеромъ Бестужевымъ. Сначала любимецъ великаго князя, желая укрѣпить свое положеніе, передавалъ бывало Екатеринѣ и Петру Ѳедоровичу слухи объ опасныхъ замыслахъ Шуваловыхъ въ ущербъ молодому двору, но, не встрѣтивъ сочувствія у великой княгини, вдругъ рѣшительно перешелъ на сторону родни фаворита и сумѣлъ отдалить Петра Ѳедоровича отъ жены и сблизить съ Шуваловыми. Тогда великая княгиня попросила свиданія съ императрицей и разсказала Елисаветѣ все, что̀ знала о вредномъ вліяніи Брокдорфа на ея супруга и на дѣла Голштиніи. (По Мемуарамъ Екатерины II это свиданье состоялось черезъ нѣсколько дней послѣ празднованія побѣды при Гроссъ-Егерсдорфѣ). Между тѣмъ Шуваловы испугались союза Екатерины съ Бестужевымъ, и это ускорило паденіе канцлера. Императрицу убѣдили не только не удалять Брокдорфа, но назначить ему 7 тысячъ пенсіи и посовѣтовать великому князю пользоваться указаніями этого почтеннаго человѣка, Брокдорфъ, говоря о великой княгинѣ, выражался теперь, что надо раздавить змѣю (écraser le serpent), и, послѣ ареста Бестужева, клятвенно завѣрялъ великаго князя, будто-бы Екатерина съ канцлеромъ затѣвали заговоръ противъ жизни Петра Ѳедоровича. Но правда открылась; въ ту минуту, когда враги думали уже восторжествовать надъ Екатериной, великій князь раскаялся и помирился съ своей супругой. (Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. VII, стр. 92). Донесенія датскихъ посланниковъ Мольцана и Остена вполнѣ подтверждаютъ этотъ разсказъ Екатерины II о вліяніи голштинскихъ дѣлъ на борьбу партій при дворѣ Елисаветы и паденіе канцлера Бестужева [1]).

Съ начала 1756 года канцлеръ поддерживалъ мысль посла Уильямса о необходимости поднести сто тысячъ рублей Екатеринѣ, чтобы довести до конца дѣло объ обмѣнѣ великокняжеской доли Голштиніи на графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ, поднятое копенгагенскимъ дворомъ. Въ концѣ марта Мольцанъ сообщилъ Бестужеву, что датскій король Фредерикъ V согласился сдѣлать подарокъ въ 100 тысячъ рублей великой княгинѣ и въ тысячу дукатовъ золотыхъ дѣлъ мастеру Бернарди. Съ осени канцлеръ сталъ усиленно торопить Мольцана и его преемника Остена съ дѣломъ обмѣна, указывая на опасную болѣзнь императрицы, которая часто заставляла опасаться за ея жизнь; напримѣръ, въ субботу 19—30 октября и въ понедѣльникъ 21 октября—1 ноября Елисаветѣ стало такъ дурно, что она на нѣсколько часовъ утратила зрѣніе; ей пустили кровь противъ

[1]) Сношенія Екатерины съ копенгагенскимъ дворомъ были впервые затронуты датскими учеными, П. Веделемъ въ изслѣдованіи о министерствѣ гр. Бернсторфа Старшаго и профессоромъ Э. Гольмомъ какъ въ статьяхъ въ Historisk Tidskrift, такъ и въ Danmark-Norges Historie under Frederik V, Кар. 12, p.p. 240 – 249. Довѣренность великой княгинѣ на управленіе Голштиніей выдана Петромъ Ѳедоровичемъ къ марту 1755 г. См. Historisches Taschenbuch VI F, 1. J, 1882, S. 307.

ея воли и только этимъ спасли отъ смерти. Бестужевъ высказывалъ опасеніе, что императрица не переживетъ весны. Мольцанъ слышалъ, что таково мнѣніе главнаго доктора Елисаветы, Кондоиди, а въ началѣ ноября сама государыня сказала датскому посланнику, что ея жизнь была въ опасности. Только 18 января 1757 года великая княгиня черезъ Бестужева передала свой отвѣтъ на письмо датскаго министра Бернсторфа къ Мольцану отъ 28 декабря, предлагавшее ей денежный подарокъ. Екатерина высказывала здѣсь предположеніе, что министръ неточно выразилъ мысль своего государя и что рѣчь могла идти только о ссудѣ. Какъ-бы тамъ ни было, но она отказывалась отъ денегъ. Датскій король долженъ знать, что только ея привязанность къ Россіи можетъ побудить ее посовѣтовать своему супругу пожертвовать правами и притязаніями на Голштинію и Шлезвигъ. Разъ Фредерикъ V въ дѣлѣ обмѣна ищетъ выгоднаго закругленія своихъ владѣній, такъ онъ долженъ и великому князю предложить всѣ выгоды, какія только можетъ, потому что интересы Екатерины и ея супруга нераздѣльны. Въ началѣ марта въ разговорѣ съ Остеномъ великая княгиня яснѣе выразила свою мысль; за всѣ права и притязанія своего мужа она требовала сверхъ обоихъ графствъ и уплаты всѣхъ долговъ по Голштиніи еще полтора милліона талеровъ наличными. Посланникъ находилъ эти условія чудовищными, но надѣялся, что нужда въ деньгахъ заставитъ молодой дворъ сдѣлать уступки. По свѣдѣніямъ Остена Ихъ Высочества были должны купцамъ свыше 300 тысячъ талеровъ и потеряли всякій кредитъ; въ половинѣ марта великой княгинѣ понадобилась сотня дукатовъ, но она тщетно искала занять ее у кого-либо изъ купцовъ; наконецъ, канцлеръ послалъ ей эту сумму, хотя самъ крайне нуждался въ деньгахъ. Бернарди съ своей стороны прилагалъ къ дѣлу всѣ старанія, такъ какъ Екатерина была должна ему 24 тысячи рублей и могла-бы заплатить ихъ только въ случаѣ обмѣна Голштиніи. Датскій посланникъ со словъ покойнаго голштинскаго министра Пехлина исчислялъ долги герцогства въ полтора милліона талеровъ и предполагалъ, что молодой дворъ удовольствуется приплатой въ пятьсотъ тысячъ; тогда все дѣло можно было-бы устроить за два милліона, т. е. обойтись какъ разъ той суммой, на которую король въ крайнемъ случаѣ готовъ былъ согласиться. Преемникъ Пехлина, Штамбке, при первомъ своемъ появленіи произвелъ было на Остена неблагопріятное впечатлѣніе. Онъ высказался передъ Бестужевымъ противъ обмѣна герцогства на графства, потому что это будто-бы пониженіе для великаго князя. Однако онъ тотчасъ-же измѣнилъ свое отношеніе, когда канцлеръ показалъ ему письмо, полученное имъ отъ Екатерины: великая княгиня соглашалась поддерживать Штамбке только потому, что этого желалъ Бестужевъ; въ общемъ же онъ внушалъ ей подозрѣнія вслѣдствіе своего брака съ родственницей Брокдорфа; впрочемъ, она готова была относиться къ нему съ довѣріемъ

подъ условіемъ, чтобы онъ отказался отъ всякой близости и дружбы съ Брокдорфомъ, повиновался ей во всемъ, что касалось Голштиніи, и докладывалъ о дѣлахъ великому князю не иначе, какъ выслушавши предварительно ея мнѣніе.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1757 года канцлеръ возобновилъ вопросъ о ста тысячахъ, обѣщанныхъ великой княгинѣ. Дѣло въ томъ, что 16 числа по ст. ст. Екатерина обратилась къ Бестужеву съ просьбой найти ей 15 тысячъ рублей. Тотъ отвѣчалъ, что знаетъ только одно средство, а именно поговорить объ этомъ съ датскимъ посланникомъ. Великая княгиня согласилась, но подъ условіемъ, чтобы вся сдѣлка носила видъ займа у канцлера. Остенъ далъ ассигновку въ 15 тысячъ рублей на фирму «Петръ Гиссъ», а Екатерина прислала расписку на имя Бестужева съ обязательствомъ уплатить деньги предъявителю ея. Въ сентябрѣ канцлеръ потребовалъ еще 15 тысячъ рублей для великой княгини. Хотя Остенъ и сталъ затягивать дѣло, но находилъ болѣе благоразумнымъ исполнить это требованіе. Въ виду того, что другіе иностранные дипломаты тщетно добивались возможности ссужать деньги Екатеринѣ, датскій посланникъ полагалъ, что предпочтеніе, которое она оказываетъ Фредерику V, можетъ принести плоды для его политики. По свѣдѣніямъ Остена, австрійскій посолъ давно имѣлъ разрѣшеніе предложить ей 100 тысячъ рублей, а французскій посолъ имѣлъ еще болѣе широкія полномочія; но ихъ первые шаги были встрѣчены такъ дурно, что они не рѣшались повторить ихъ. Въ половинѣ ноября датскій посланникъ узналъ, что его король одобрилъ выдачу 30-ти тысячъ рублей великой княгинѣ. Онъ извѣщалъ свое правительство, что эта сумма не поможетъ Ихъ Высочествамъ ни взойти на престолъ, ни даже выйти изъ денежныхъ затрудненій. Ни одинъ долгъ не заплаченъ, и великій князь не получилъ изъ этихъ тысячъ ни гроша. Первыя 15 тысячъ ушли на три маскарада въ Ораніенбаумѣ, при чемъ Екатерина каждый разъ дарила своимъ придворнымъ дамамъ нарядовъ на три тысячи рублей. Второй заемъ былъ израсходованъ въ С.-Петербургѣ менѣе, чѣмъ въ двѣ недѣли, и Остенъ былъ увѣренъ, что великая княгиня опять сидитъ безъ денегъ.

Между тѣмъ на глазахъ датскаго посланника разыгрывалась при русскомъ дворѣ драма, для которой завязку дало отступленіе Апраксина послѣ егерсдорфской побѣды. Въ концѣ сентября ст. ст. канцлеръ высказывалъ ему свое неудовольствіе на фельдмаршала за то, что въ теченіе кампаніи онъ слѣдовалъ исключительно совѣтамъ графа Петра Шувалова — не очень удаляться отъ границы, поскорѣе окончить походъ и вернуться въ столицу. Когда началось слѣдствіе надъ Апраксинымъ, то къ началу ноября Остенъ сталъ убѣждаться, что въ его лицѣ хотятъ покарать не столько плохого полководца, сколько стараго друга канцлера. По-

сланникъ подѣлился этой догадкой съ Бестужевымъ; канцлеръ допускалъ, что Апраксинъ предастъ его, но въ виду того, что въ сношеніяхъ съ фельдмаршаломъ всегда соблюдалъ крайнюю осторожность, ждалъ въ худшемъ случаѣ только упрековъ отъ государыни, къ которымъ давно уже привыкъ. Однако Бестужевъ находился въ тревогѣ, началъ сжигать тайныя бумаги, а иныя передавалъ своимъ друзьямъ Остенъ понималъ, что дѣло идетъ теперь уже не объ отступленіи Апраксина, а объ его сношеніяхъ съ великой княгиней черезъ посредство Бестужева. Правда, было извѣстно, что Екатерина въ письмѣ къ фельдмаршалу только убѣждала его исполнить волю государыни и напасть на пруссаковъ, но все-таки Елисавета видѣла въ этомъ вмѣшательство въ свои права и оскорбленіе Величества. Поѣздка гр. Александра Шувалова въ Нарву за письмами великой княгини не дала новыхъ данныхъ для враговъ Екатерины и Бестужева, да и не могла дать, такъ какъ великая княгиня писала Апраксину по просьбѣ канцлера, чтобы разсѣять боязнь фельдмаршала, будтобы движеніемъ впередъ онъ разгнѣваетъ молодой дворъ. Александръ Шуваловъ, по свѣдѣніямъ Остена, сказалъ Апраксину, что тайну этой переписки выдалъ императрицѣ гр. Эстергази. Самъ канцлеръ тоже считалъ австрійскаго посла виновникомъ разразившейся надъ ними грозы. Только Остенъ думалъ, что это генералъ Букковъ сообщилъ вице-канцлеру и фавориту Шувалову о письмахъ Екатерины, которыя ради успокоенія вѣнскаго двора показывалъ ему самъ Бестужевъ; этимъ объясненіемъ датскій посланникъ старался предупредить раздраженіе великой княгини противъ гр. Эстергази. Но канцлера ему такъ и не удалось переубѣдить; уже въ октябрѣ мѣсяцѣ Бестужевъ негодовалъ на австрійскаго посла за то, что онъ старался очернить его въ глазахъ великаго князя и изображалъ защитникомъ голштинскаго обмѣна. Въ глазахъ Петра Ѳедоровича это было, дѣйствительно, тяжкимъ обвиненіемъ. Еще весной 1757 года великій князь, по словамъ канцлера, сказалъ за столомъ въ присутствіи Штамбке и Екатерины: я знаю, почему хотѣли-бы удалить этого честнаго малаго Брокдорфа; меня хотятъ лишить моихъ владѣній и моихъ подданныхъ, но я знаю эти интриги и сумѣю покарать ихъ. Бестужевъ увѣрялъ, будто-бы эти слова мѣтили въ Штамбке и побудили великую княгиню просить Елисавету объ удаленіи Брокдорфа въ виду того, что онъ поддерживаетъ ея супруга въ склонности къ вину и къ союзу съ прусскимъ королемъ. Эти подозрѣнія противъ канцлера и Штамбке въ связи съ боязнью за свое герцогство довели Петра Ѳедоровича до того, что въ февралѣ онъ рѣзко отшатнулся отъ Бестужева и Екатерины и принесъ повинную императрицѣ и Шуваловымъ. Орденъ Бѣлаго орла, присланный польскимъ королемъ для Штамбке, былъ послѣдней каплей, переполнившей чашу его терпѣнія. Это было дѣломъ великой княгини, канцлера и гр. Понятовскаго. Но великій князь не утвердилъ пожалованія, и лента была отослана на-

задъ. Во вторникъ, 10 — 21 февраля 1758 года Петръ Ѳедоровичъ сказалъ на придворномъ балу графу Эстергази, что варшавскій дворъ думалъ угодить этимъ великой княгинѣ, такъ какъ Штамбке — ея креатура; но онъ покажетъ, что не позволяетъ женщинамъ управлять собой. Послѣ этого великій князь около часу у всѣхъ навиду бесѣдовалъ съ императрицей, а камергеръ Шуваловъ старался, чтобы никто не подслушалъ этого разговора. Датскому посланнику удалось только узнать, что Елисавета осталась очень довольна чувствами, выраженными при этомъ случаѣ ея племянникомъ. Такъ какъ государыня съ большой похвалой отозвалась тутъ о Брокдорфѣ, то великій князь на слѣдующій-же день сдѣлалъ его своимъ оберъ-камергеромъ. Екатерина, Бестужевъ и всѣ ихъ приверженцы были страшно поражены этими событіями. Остенъ предчувствовалъ уже теперь паденіе канцлера и просилъ министра Бернсторфа написать шифрованное письмо графу Воронцову съ завѣреніями уваженія и довѣрія къ нему датскаго короля. Дѣйствительно, въ субботу вечеромъ 14 — 25 февраля гр. Бестужевъ былъ арестованъ. Екатерина понимала, что ударъ направленъ противъ нея, но тѣмъ не менѣе на слѣдующій день, 15 февраля, появилась при дворѣ на свадьбѣ Бутурлина съ такимъ высокомѣрнымъ видомъ, что вызвала безпокойство у всѣхъ своихъ противниковъ. Она дала понять, кому слѣдовало, что со временемъ это будетъ стоить головы имъ и ихъ дѣтямъ, если они не будутъ обращаться съ арестованными мягко, и такъ обошлась съ тремя слѣдственными комиссарами — Бутурлинымъ, гр. Александромъ Шуваловымъ и кн. Трубецкимъ, что они очень тяготились своимъ порученіемъ. Кн. Трубецкой тайно обѣщалъ ей, что никто не будетъ подвергнутъ допросу подъ кнутомъ.

Итакъ, донесенія датскаго посланника подтверждаютъ разсказъ Екатерины II въ ея Мемуарахъ. Подводя итогъ всѣмъ своимъ свѣдѣніямъ объ этихъ событіяхъ, Остенъ писалъ копенгагенскому двору, что даже соединеннымъ усиліямъ обоихъ пословъ, французскаго и австрійскаго, Шуваловыхъ, Воронцова, Олсуѳьева все-таки никогда не удалось-бы свалить канцлера, если-бы противъ него не высказался великій князь, постоянно подстрекаемый Брокдорфомъ. Бестужевъ погубилъ себя въ его мнѣніи тѣмъ, что выхлопоталъ польскій орденъ Штамбке, завѣдовавшему голштинскими дѣлами. Въ разговорѣ съ императрицей 10 — 21 февраля Петръ Ѳедоровичъ просилъ у нея прощенія за все свое прежнее поведеніе и винилъ во всемъ гр. Бестужева, который будто-бы совѣтовалъ ему противиться волѣ государыни; съ этой минуты гибель канцлера была рѣшена. Его тайная переписка съ Екатериной должна была оправдать этотъ шагъ; поэтому одновременно съ Бестужевымъ арестовали Бернарди, носившаго письма великой княгинѣ, и Ададурова, часто служившаго ей секретаремъ. Эта переписка давно тревожила императрицу, которая опасалась, что тутъ

замышляется что-либо лично противъ нея. Враги канцлера, побаиваясь въ будущемъ мщенія Екатерины, старались погубить и ее, раздражая противъ нея Елисавету. Шла уже молва, что великую княгиню сошлютъ въ монастырь. Но на другой-же день послѣ ареста Бестужева великій князь сказалъ Александру Шувалову свою волю, чтобы въ дѣлѣ не касались его супруги и не подвергали арестованныхъ пристрастному допросу. Тогда французскій посолъ, гр. Петръ Шуваловъ, даже самъ фаворитъ тайно другъ отъ друга стали унижаться передъ Екатериной и просить у нея прощенія. Великая княгиня соглашалась простить ихъ подъ условіемъ, чтобы несчастныхъ не подвергали пыткѣ и обращались съ ними мягко. Остенъ вѣрилъ, что примиреніе состоится, и находилъ, что положеніе канцлера уже облегчено. Въ началѣ іюля Екатерина говорила посланнику, что ея примиреніе съ мужемъ изумляетъ и даже тревожитъ государыню и ея дворъ, но именно въ силу этого она готова всѣми средствами поддерживать и впредь добрыя отношенія съ великимъ княземъ; они рѣшили не стѣснять другъ друга въ своихъ привязанностяхъ. къ гр. Понятовскому и фрейлинѣ Воронцовой.

Однако всеобщее примиреніе не улучшило опаснаго положенія Остена среди борющихся партій. Великая княгиня еще въ мартѣ просила у него взаймы 6 тыс. рублей, но онъ долженъ былъ отказать ей въ виду обстоятельствъ, требовавшихъ отъ него особой осторожности. Впрочемъ, когда гр. Понятовскій передъ отъѣздомъ изъ С.-Петербурга просилъ датскаго посланника быть посредникомъ въ его перепискѣ съ Екатериной, то Остенъ ради вліянія своего двора рѣшился согласиться, и далъ ему въ іюлѣ шифръ для тайныхъ писемъ. Великая княгиня съ своей стороны пересылала посланнику письма къ ней фаворита И. И. Шувалова, въ которыхъ онъ замѣтно искалъ у нея прощенія и милости, и ждала отвѣта и совѣта. Остенъ совѣтовалъ ей постараться всецѣло подчинить своему вліянію Петра Ѳедоровича, никого не пугать угрозами и принимать въ друзья всѣхъ, кто станетъ выказывать привязанность къ ней. Но сильный страхъ за свое положеніе и за честь своего двора вызвало у Остена письмо «государственнаго преступника» и «оскорбителя Величества» А. П. Бестужева, вдругъ сообщенное посланнику Екатериной. Уже съ начала декабря 1758 года она сулила подѣлиться съ нимъ своею тайною. Оказалось, что ей удалось найти надежный путь для сношеній съ бывшимъ канцлеромъ. «Онъ поручилъ мнѣ просить у Васъ денегъ» писала великая княгиня: «Вульфъ уже обѣщалъ ему, по крайней мѣрѣ, если вѣрить его словамъ, но проситъ подождать; ему надо 10 тысячъ и тысячу теперь-же; онъ полонъ плановъ и отваги; можно подумать, что изъ своей тюрьмы онъ управляетъ Европой и увѣщеваетъ свою стражу прійти мнѣ на помощь. Онъ просилъ меня взыскать съ великаго князя 4 тысячи, которыя тотъ ему долженъ, и

говоритъ, что не хочетъ подарить ихъ ему; пусть лучше бросятъ эти деньги въ воду. Вы видите, что онъ не измѣнился». Остенъ испугался и за себя, и за Екатерину. «Отвага и непоколебимость графа Бестужева меня нисколько не изумляютъ», отвѣчаетъ онъ великой княгинѣ: «такъ какъ онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ представленію, которое я всегда имѣлъ о его характерѣ. Несчастія никогда не раздавятъ его, а опасные планы къ тому-же умѣстны въ его положеніи: онъ какъ птица въ клѣткѣ, которая старается вырваться изъ нея даже подъ страхомъ удавить себя; если ей удастся, такъ она спасена, если-же нѣтъ, такъ она вѣдь не можетъ стать болѣе несчастной, чѣмъ была. Но я долженъ сказать Вамъ, что такое поведеніе прилично только неудачникамъ, и я заклинаю и умоляю Васъ во имя Господа и всего, что̀ есть для Васъ дорогого въ мірѣ, отнюдь не принимать участія въ замыслахъ, которые онъ, какъ видно изъ Вашего письма, составляетъ въ Вашу пользу. Его усердіе по отношенію къ Вамъ заслуживаетъ похвалы и Вашей глубокой благодарности, но, сообщая о немъ, онъ подвергаетъ Васъ такой опасности, что одушевляемый усердіемъ, которое связываетъ меня съ Вами, я долженъ просить Васъ не продолжать и даже порвать переписку, способную стать для Васъ гибельной. Взвѣсьте въ то-же время, что̀ можете Вы выиграть въ случаѣ удачи, и Вы увидите, что выгоды не окупаютъ опасности. Престо̀лъ не можетъ болѣе уйти отъ Васъ. Неужели, чтобы взойти на минуту раньше, Вы захотите подвергаться случайности утратить его навсегда? Простите, если я говорю слишкомъ откровенно, предполагая замыслы, которыхъ, можетъ быть, вовсе не существуетъ, но одной возможности ихъ существованія достаточно для того, чтобы встревожить меня. Я знаю графа Бестужева. Онъ никогда не умѣлъ ограничивать своихъ замысловъ, и трудность исполнить ихъ онъ всегда замѣчалъ только тогда, когда бывало уже поздно помочь дѣлу». Остенъ отказалъ въ деньгахъ графу Бестужеву, просилъ Екатерину отвѣтить бывшему канцлеру, что она даже не передавала его просьбы датскому посланнику, и никогда не упоминать имени Остена въ перепискѣ съ заключеннымъ. Въ половинѣ декабря великая княгиня прислала посланнику успокоительное письмо. Она не только не сердилась на его свободный языкъ, но даже благодарила за него: «Вы предполагаете во мнѣ духъ болѣе предпріимчивый, нежели то есть на самомъ дѣлѣ, и Ваша дружба ко мнѣ увлекла Вашу проницательность за предѣлы дѣйствительности. Я хочу вывести Васъ изъ заблужденія съ тою искренностью, какую только заслуживаетъ Ваша собственная, и я съ удовольствіемъ забываю о томъ, какъ Вы сочли меня такой взбалмошной головой, тѣмъ болѣе, что замысловъ, которые Вы предполагаете у графа Бестужева, слава Богу, вовсе не существуетъ. Когда явилась возможность сноситься намъ, онъ возобновилъ свои обильные совѣты и распросы, прибавилъ, что я найду у Васъ деньги, въ которыхъ, какъ онъ знаетъ, нуждаюсь на тотъ

рѣшительный случай, если императрица умретъ. Я отвѣчала ему, что мнѣ тяжело просить у Васъ. Тогда онъ завелъ, не знаю какимъ путемъ, переговоры съ Вульфомъ, но, получивъ отвѣтъ, какъ я Вамъ его уже сообщила, онъ вернулся къ мысли обратиться за деньгами къ Вамъ. Изъ чувства ложнаго стыда я предпочла сдѣлать это лучше отъ его имени, нежели отъ моего; отсюда все это quid pro quo. Если я прибавила тысячу немедленно, то имѣя въ виду Шкурина, который служитъ мнѣ усердно и умно; онъ купилъ землю въ три тысячи, и я обѣщала ему тысячу на покупку. Теперь позвольте изъ личнаго самолюбія сказать Вамъ, что я неспособна на преступленіе въ родѣ того, какое Вы предполагаете. Если-бы Вы знали меня глубже, Вы увидали-бы, что у меня гораздо меньше высокомѣрія, чѣмъ мнѣ приписываютъ, и что у меня въ характерѣ, быть можетъ, болѣе безстрашія, нежели отваги. Ваше имя ни разу не было и не будетъ упомянуто». Увидавъ, что его боязнь была не у мѣста, датскій посланникъ рѣшился дать тысячу рублей за собственный счетъ, занявъ ихъ у Эстергази. На будущее время онъ думалъ предложить Екатеринѣ занимать у австрійскаго посла, который самъ просилъ его доставить ему случай ссудить великой княгинѣ. Остенъ считалъ своимъ долгомъ щадить казну короля; но онъ далъ Екатеринѣ завѣреніе, что въ рѣшительную минуту смерти императрицы доставитъ ей нужныя деньги, и надѣялся, что Фредерикъ V одобритъ это. По его словамъ, если-бы для восшествія на престолъ ей не доставало только умѣренной суммы денегъ, она, конечно, найдетъ ее тогда въ любомъ другомъ мѣстѣ; итакъ, для интересовъ датскаго двора было-бы крайне выгодно, если-бы она считала, что своей короной обязана благодѣяніямъ короля. Сообщая великой княгинѣ о своемъ согласіи на новую ссуду, Остенъ указывалъ ей, что она можетъ добыть денегъ и у барона Вульфа, но совѣтовалъ лучше просить прямо отъ своего имени, а не для Бестужева, которому никто при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не осмѣлится давать въ долгъ. Тогда великая княгиня просила посланника добыть ей черезъ гр. Эстергази отъ вѣнскаго двора 50 тысячъ рублей, ссылаясь на то, что Австрія два года тому назадъ предлагала ежегодную пенсію въ 12 тысячъ дукатовъ, которую она не нашла въ то время удобнымъ принять.

Всеобщее замиреніе поколебало, наконецъ, упорство Брокдорфа въ его борьбѣ противъ вліянія Екатерины. Въ самомъ концѣ 1758 года по ст. ст. датскій искатель приключеній Беринг-скіольдъ, игравшій неразъ роль тайнаго дипломатическаго агента и даже шпіона, сообщилъ посланнику отъ имени оберъ-камергера великаго князя, что тотъ согласенъ не только отказаться отъ сопротивленія голштинскому обмѣну, но даже совершенно уйти со службы Петра Ѳедоровича, если датскій король обезпечитъ ему безбѣдное существованіе, подаривъ 50 тысячъ талеровъ. Остенъ нахо-

дилъ, что это слишкомъ дорого, но обѣщалъ написать королю. Если-бы каждый изъ пословъ, французскій и австрійскій, согласился дать по десяти тысячъ талеровъ, то и представитель Даніи готовъ былъ прибавить столько-же и предложить Брокдорфу 30 тысячъ за то, чтобы онъ довелъ до конца дѣло обмѣна, такъ какъ Остенъ не имѣлъ полномочія платить только за отъѣздъ Брокдорфа.

Если донесенія датскаго посланника рисуютъ, какъ попытка гр. Бестужева осуществить обмѣнъ Голштиніи черезъ воздѣйствіе великой княгини на мужа отшатнула отъ канцлера Петра Ѳедоровича и дала послѣдній толчекъ къ его паденію, то по дипломатической перепискѣ графа Эстергази можно прослѣдить долю участія въ этихъ-же событіяхъ Австріи.

Въ январѣ 1757 года императрица Елисавета лично подтвердила австрійскому послу, что она предписала Апраксину постараться еще этой-же зимой предпринять что-либо противъ Пруссіи. Вообще, когда въ С.-Петербургъ прибылъ генералъ-фельдмаршалъ-лейтенантъ фонъ-Букковъ для выработки плана военныхъ дѣйствій, то гр. Эстергази замѣчалъ, что дѣла сейчасъ-же идутъ быстрѣе, какъ только здоровье государыни поправляется и на великаго князя перестаютъ обращать вниманіе. Зато при каждомъ недомоганіи Елисаветы всѣ начинаютъ со страхомъ оглядываться на Петра Ѳедоровича. Вскорѣ (донесеніе отъ 9-го марта нов. ст.) посолъ могъ съ достовѣрностью сообщить своему двору, что дерзкій канцлеръ ведетъ недозволенную и опасную для государыни переписку съ Екатериной и поддерживаетъ молодой дворъ въ его неповиновеніи. Бестужевъ, дѣйствительно, показалъ генералу ф.-Буккову кой-какія письма къ нему великой княгини въ подлинникахъ. По словамъ Эстергази, императрицѣ все это извѣстно, и она, болѣе чѣмъ когда-либо, недовольна поведеніемъ канцлера. Однако, если Елисавета не приметъ какой-либо рѣшительной мѣры, то Бестужевъ безъ сомнѣнія всѣми силами будетъ противиться общимъ цѣлямъ союзниковъ, вытекающимъ изъ новой политической системы, и, во чтобы то ни стало, придумывать и ставить имъ препятствія. Точно такъ-же, узнавши, что Апраксинъ не считаетъ возможнымъ начать операціи ранѣе мая, посолъ писалъ въ мартѣ австрійскому военному агенту при русской арміи генералу С. Андрэ, что фельдмаршалъ очевидно нарочно затянулъ начало похода: онъ настолько пренебрегалъ нужными приготовленіями, что теперь дѣйствительно раньше лѣта ничего невозможно сдѣлать. Поэтому Эстергази просилъ внимательно слѣдить за каждымъ шагомъ Апраксина и не довѣрять его заявленіямъ. Все это не могло улучшить личныхъ отношеній между посломъ и Бестужевымъ, которыя при первомъ-же появленіи австрійскаго дипломата въ Россіи приняли оттѣнокъ непріязни. Въ апрѣлѣ Эстергази послалъ графу Кауницу обширное донесеніе, направленное противъ всего поведенія и всей политики рус-

скаго канцлера. Посолъ черезъ барона Буккова и гр. Понятовскаго пытался разузнать, что̀ именно имѣетъ противъ него Бестужевъ, дабы сообразоваться съ этими указаніями, но оба они не могли найти никакихъ опредѣленныхъ причинъ для неудовольствія, кромѣ глубоко засѣвшаго предубѣжденія противъ гр. Эстергази. Напротивъ, австрійскій посолъ могъ выставить противъ канцлера ясныя обвиненія: Бестужевъ сблизилъ Уильямса съ молодымъ дворомъ. Эта интрига сдѣлала великаго князя и всѣхъ, кто заглядываетъ въ будущее, врагами «новой системы»... Болѣзнь и долготерпѣніе императрицы съ одной стороны, а съ другой происки Уильямса, находящіе поддержку у Екатерины, и нашептыванія Бестужева противъ французской политики дѣлали великаго князя съ каждымъ днемъ все болѣе дерзкимъ, такъ что, наконецъ, онъ заговорилъ громко и сталъ грозить будущимъ, что̀ здѣсь совершенно неслыханное дѣло. Петръ Ѳедоровичъ замѣтилъ хорошее дѣйствіе совѣтовъ канцлера, такъ какъ все стало дрожать передъ нимъ. Такимъ образомъ Бестужевъ достигъ желанной цѣли, превративъ прежнюю глубокую непріязнь молодого двора сразу въ полное довѣріе къ нему. Это теперь его новая, но и послѣдняя опора; канцлеръ ухватился за нее, отбросивъ всѣ другія соображенія, чтобы только спастись отъ гибели въ послѣднюю минуту, когда онъ былъ уже совсѣмъ близокъ къ паденію. Даже камергеръ Шуваловъ видѣлъ въ этомъ какъ бы обезпеченіе себѣ будущаго, если Бестужевъ будетъ своимъ спасеніемъ обязанъ его заступничеству. Такъ какъ явился самый удобный случай унизить Пруссію, то очевидно, что пристрастіе канцлера къ «старой системѣ» надо приписать не твердости, основанной на ясности пониманія, а исключительно его личнымъ побочнымъ цѣлямъ. Молодой дворъ тоже старался создавать новой системѣ всевозможныя препятствія и поддерживать намѣренія Англіи. Для этого Ихъ Высочества обратились къ Апраксину и безъ зазрѣнія совѣсти дали ему понять свой истинный образъ мыслей. Это поставило фельдмаршала въ затрудненіе, какъ исполнять приказы императрицы, безъ опасности навлечь на себя неудовольствіе великокняжеской четы и этимъ подготовить себѣ неизбѣжную гибель въ случаѣ перемѣны царствованія. По словамъ Эстергази, Апраксинъ совершенно опредѣленно высказывался объ этихъ обстоятельствахъ и подъ ихъ давленіемъ отсрочивалъ, какъ можно долѣе, свой отъѣздъ, упустилъ распорядиться относительно мѣропріятій первой необходимости, которыя между тѣмъ легко подготовить, и, наконецъ, покинулъ С.-Петербургъ съ твердымъ намѣреніемъ отнюдь не нарушать обѣщаній, данныхъ великой княгинѣ, а именно: въ ожиданіи будущихъ временъ затягивать подъ благовидными предлогами начало военныхъ операцій и предоставить свою защиту дрожащимъ передъ молодымъ дворомъ противникамъ, а также своему вовому другу — Петру Шувалову. Непозволительныя увертки канцлера — главный источникъ всего этого зла. Императрицѣ онѣ хорошо из-

вѣстны; она чувствуетъ къ нимъ отвращеніе, равно какъ и къ самому виновнику ихъ. Елисавета давно прибѣгла-бы противъ нихъ къ самому дѣйствительному средству, если-бы она нашла среди своего окруженія людей, владѣющихъ рутиной иностранной политики. Впрочемъ, въ концѣ концовъ, удержится-ли гр. Бестужевъ или нѣтъ, но австрійскій посолъ былъ увѣренъ, что онъ не можетъ болѣе сильно вредить; найдутся средства въ нѣкоторыхъ случаяхъ заставить его самого служить цѣлямъ союзниковъ, а многое, чему онъ вздумаетъ помѣшать, можно другими путями осуществить черезъ саму государыню. Поэтому въ апрѣлѣ Эстергази не сомнѣвался болѣе, что русское войско двинется теперь въ походъ и силою вещей окажетъ содѣйствіе дѣлу союзниковъ. Когда, наконецъ, русская армія перешла за Нѣманъ и Елисавета въ іюлѣ ждала извѣстія о вступленіи ея въ предѣлы Пруссіи, австрійскій посолъ еще разъ поясниль своему правительству, что Апраксинъ опоздалъ съ походомъ не по недостатку денегъ, а по своей извѣстной нерѣшительности и въ значительной долѣ въ силу взглядовъ, навязанныхъ ему въ началѣ молодымъ дворомъ. Эстергази былъ всего болѣе озадаченъ тѣмъ, что императрицѣ до мелочей было извѣстно все поведеніе великокняжеской четы, и однако, когда объ этомъ заходила рѣчь, она обыкновенно говорила: пусть они только такъ продолжаютъ. При этомъ она впрочемъ, болѣе, чѣмъ когда-либо, не выносила канцлера за то, что онъ подстрекалъ молодой дворъ во всемъ идти ей наперекоръ. По поводу извѣстія о побѣдѣ при Гроссъ-Егерсдорфѣ посолъ опять повторялъ, что русскій дворъ, очевидно, всегда относился къ походу серьезно; итакъ, не прусское и англійское золото удерживали его до сихъ поръ отъ настойчивыхъ предпріятій; задержку въ военныхъ дѣйствіяхъ надо объяснять исключительно негодностью приготовленій Апраксина, его нерѣшительностью и боязнью передъ великокняжеской четой въ связи съ минувшей болѣзнью государыни.

Новый припадокъ съ Елисаветой, когда она навиду нѣсколькихъ сотъ людей лежала 8—19 сентября безъ памяти передъ церковью въ Царскомъ Селѣ, ея набожность, пугавшаяся дальнѣйшаго кровопролитія, и, наконецъ, отступленіе Апраксина послѣ его побѣды, все это поколебало осенью надежды австрійскаго посла на продолженіе русскаго похода. Правда, Бестужевъ открыто винилъ во всемъ только фельдмаршала, складывая на него отвѣтственность и за позднее открытіе кампаніи, и за отступленіе. Но, напримѣръ, Петръ Шуваловъ держалъ сторону Апраксина. Чтобы добыть точныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ положеніи русской арміи, гр. Эстергази послалъ на мѣсто военныхъ дѣйствій къ генералъ-фельдмаршалу-лейтенанту барону С. Андрэ свое довѣренное лицо — капитана Ф. Кемпеля. Кемпель вернулся 14—25 октября и представилъ подробный отчетъ. Плачевный исходъ кампаніи онъ приписывалъ не какой-

либо измѣнѣ, а исключительно боязливости и неопытности фельдмаршала; только позднее начало похода безспорно слѣдовало приписать его тайному соглашенію съ молодымъ дворомъ, главнымъ образомъ съ великой княгиней. Канцлеръ прекрасно зналъ это, но скрывалъ отъ императрицы самымъ непозволительнымъ образомъ. Въ общемъ Кемпель пришелъ къ выводу, что и въ будущемъ нельзя разсчитывать на успѣшную поддержку съ русской стороны, пока не подвергнется полному измѣненію внутреннее управленіе и не будутъ вырваны съ корнемъ существенныя злоупотребленія въ арміи. Отступленіе Апраксина австрійскій капитанъ считалъ ошибкой, которая ничѣмъ не оправдывается. Вѣдь баронъ С. Андрэ предложилъ навыборъ нѣсколько выходовъ изъ затруднительнаго положенія, а именно: 1) Можно было тотчасъ-же овладѣть Велау и Тапіау или, по крайней мѣрѣ, позднѣе, когда непріятель очистилъ оба городка и мѣстный бюргермейстеръ самъ привезъ объ этомъ извѣстіе; затѣмъ слѣдовало-бы сплавить сюда по рѣкѣ оставленные въ Гумбинненѣ и Инстербургѣ запасы провіанта, достаточные на то время, пока не достигли-бы Лабіау и не организовали-бы обильный подвозъ изъ Мемеля по Куришъ гафу или даже изъ Тильзита. 2) Можно было также всю безполезную и даже вредную орду казаковъ вмѣстѣ съ раненными, больными и излишнимъ обозомъ тотчасъ-же послѣ битвы направить въ Тильзитъ; тогда для здороваго зерна арміи хватило-бы на мѣсяцъ провіанта, доставляемаго изъ Инстербурга и Гумбиннена. Съ этимъ войскомъ слѣдовало-бы расположиться за Деймой, опираясь правымъ крыломъ на Лабіау и притомъ на близкомъ разстояніи отъ Кенигсберга. Сюда доставлялось-бы все, что нашлось-бы въ благословенной всякимъ изобиліемъ низинѣ, т. е. въ нетронутомъ еще округѣ и островѣ Руссъ Это дало-бы возможность выждать, пока выяснятся намѣренія непріятеля, овладѣть Кенигсбергомъ, а слѣдовательно сразу избавиться отъ недостатка и обезпечить себѣ зимнія квартиры. Кемпель считалъ, что время для выполненія такого плана еще не ушло. Но вмѣсто этого русскій генералитетъ избралъ худшее: двинулся не на Велау, какъ совѣтовалъ С. Андрэ, который даже обслѣдовалъ эту мѣстность, а къ Алленбургу. Отсюда пошло отступленіе къ Инстербургу и Тильзиту. На военномъ совѣтѣ 13 — 24 сентября было, правда, постановлено выбрать еще по возможности хорошо укрѣпленный самой природой лагерь за Нѣманомъ Однако, стоило показаться немногимъ гусарамъ, чтобы русскіе вообразили передъ собой всю непріятельскую армію; это дало генералу Фермору поводъ посовѣтовать фельдмаршалу перевести войска на правый берегъ. Отъ барона С. Андрэ такое рѣшеніе скрывали до послѣдней минуты. Непріятель не мѣшалъ русскимъ переправиться обратно за Нѣманъ.

Этими свѣдѣніями объ исходѣ русскаго похода и руководился гр. Эстергази въ своемъ образѣ дѣйствія въ С.-Петербургѣ. Въ ноябрѣ на

свадьбѣ Салтыковой и Измайлова посолъ имѣлъ откровенный разговоръ съ государыней. Казалось, что Елисавета неожиданное отступленіе Апраксина приписывала какой-то тайной причинѣ. Она сказала графу Эстергази, что потребовала у фельдмаршала всю его переписку и назначила слѣдственную комиссію. Затѣмъ она опять стала подробно описывать происки и интриги гр Бестужева и даже выразилась, что не знаетъ, какъ съ нимъ поступить На это посолъ отвѣчалъ, спокойно улыбаясь, что, если дать канцлеру достаточную для его существованія пенсію, то затраченныя сюда деньги принесутъ сотни процентовъ для политическихъ интересовъ самой государыни и связанныхъ съ нею дворовъ. Елисавета говорила и о великомъ князѣ, жалуясь на его дурное поведеніе и на то, что отъ него никогда не услышишь умнаго слова. Эстергази дѣйствительно узналъ, что въ разговорѣ съ фаворитомъ Шуваловымъ Петръ Ѳедоровичъ разносилъ французовъ: по его словамъ отъ версальскаго двора Россіи нечего ожидать. Великій князь жаловался при этомъ на стѣсненія, которымъ онъ подвергался въ С.-Петербургѣ, и просилъ Ив. Ив. Шувалова выхлопотать ему у императрицы разрѣшеніе вернуться лучше въ свое герцогство и жить тамъ простымъ полковникомъ. Елисавета была оскорблена этой просьбой. Въ довершеніе всего изъ словъ Петра Ѳедоровича было ясно, что всѣ эти рѣчи вложилъ ему въ уста дерзкій канцлеръ. Вліяніе молодого двора усиливалось каждый разъ, когда занемогала императрица. Въ Николинъ день 6—17 декабря 1757 года Елисавета простудилась въ церкви и опять подверглась глубокому обморку, напоминавшему ударъ. Весь дворъ былъ охваченъ страхомъ, а вся семья Шуваловыхъ, графиня Воронцова, жена болѣвшаго тогда вице-канцлера и даже самъ гр. Бестужевъ наперерывъ одинъ передъ другимъ заискивали у великаго князя и его новаго фаворита Брокдорфа. Но здоровье Елисаветы опять поправилось, а въ началѣ 1758 года обнаружилось охлажденіе между канцлеромъ и Петромъ Ѳедоровичемъ. Брокдорфъ подорвалъ, наконецъ, вліяніе графа Бестужева. По словамъ самой императрицы, ея племянникъ говорилъ теперь о канцлерѣ съ большимъ презрѣніемъ; только великая княгиня оставалась еще преданной ему. За послѣднее время Петръ Ѳедоровичъ замѣтно измѣнилъ къ лучшему свое поведеніе въ отношеніи къ государынѣ, такъ что она могла выразить свое полное удовольствіе. О гр. А. П. Бестужевѣ Елисавета говорила въ январѣ, что онъ становится старымъ, неспособнымъ къ труду и брюзгливымъ; за послѣдніе мѣсяцы она видѣла его не болѣе 3-хъ или 4-хъ разъ; онъ то боленъ, то притворяется больнымъ; но посолъ можетъ быть увѣренъ — таковы были подлинныя слова государыни — что скоро всѣ освободятся отъ него. Однако Эстергази все еще боялся, что канцлеръ увернется отъ направленнаго удара; онъ, напримѣръ, сомнѣвался, чтобы гр. Александръ Шуваловъ, посланный въ Нарву для отобранія переписки у фельдмаршала, нашелъ

еще письмо Екатерины къ Бестужеву, разрѣшавшее будто-бы Апраксину начать военныя операціи противъ Пруссіи, — это то письмо, которое Бестужевъ показывалъ ф.-Буккову. Зато согласіе между императрицей и великимъ княземъ продолжалось; посолъ въ свое время сильно содѣйствовалъ ихъ примиренію и былъ теперь въ милости у Петра Ѳедоровича. Напротивъ, канцлеръ, благодаря своимъ новымъ происканъ, сталъ окончательно всѣмъ ненавистенъ. Его притворная болѣзнь разрѣшилась опять интригой: по требованію великой княгини польскій король неожиданно для всѣхъ прислалъ орденъ голштинскому тайному совѣтнику Штамбке. Елисавета и ея племянникъ были возмущены этимъ и отказали въ своемъ согласіи, а отъ 15 (26) февраля гр. Эстергази доносилъ уже о паденіи Бестужева.

Послѣ ареста канцлера великая княгиня почуяла опасность и дважды присылала Штамбке къ австрійскому послу съ просьбой о совѣтѣ и помощи для улаженія всей этой неурядицы. Но такъ какъ императрица передъ этимъ жаловалась графу Эстергази на неблагоразумное, высокомѣрное и даже дерзкое поведеніе Екатерины, то посолъ сталъ на точку зрѣнія, что иностранный дипломатъ не долженъ мѣшаться въ домашнія дѣла двора и въ вѣжливыхъ выраженіяхъ уклонился отъ всякаго содѣйствія ей; онъ совѣтовалъ ей обратиться прежде всего къ посредничеству своего супруга, который всецѣло пользуется милостью и довѣріемъ Елисаветы. Объ этихъ переговорахъ черезъ Штамбке посолъ сообщилъ великому князю. Петръ Ѳедоровичъ былъ польщенъ такой откровенностью и жаловался, что, каждый разъ, когда онъ давалъ супругѣ добрый совѣтъ, тотчасъ-же другіе своимъ нашептываньемъ портили ему все дѣло; по мнѣнію великаго князя для Екатерины не было другого средства выйти изъ непріятнаго положенія, какъ подчиниться волѣ императрицы. Оглядываясь назадъ на борьбу партій за послѣдній годъ, Эстергази рисовалъ своему двору такую картину: Бестужевъ сталъ искать опоры у молодого двора, когда замѣтилъ, что вліяніе его у Елисаветы падаетъ. Но, желая всюду проводить свою волю, канцлеръ слишкомъ натянулъ струну и сразу потерялъ довѣріе великаго князя. Петръ Ѳедоровичъ отшатнулся отъ него и сблизился съ государыней. Австрійскій посолъ до конца сохранялъ свою увѣренность, что гр. Бестужевъ и Екатерина съ осени 1756 года задерживали начало похода Апраксина и этимъ погубили всю кампанію. Итакъ, гр. Эстергази нигдѣ въ своихъ донесеніяхъ не говоритъ прямо, что именно онъ сообщилъ Елисаветѣ о существованіи тайной переписки между вецикой княгиней, канцлеромъ и фельдмаршаломъ; признаваясь, что онъ по силамъ содѣйствовалъ примиренію Петра Ѳедоровича съ его теткой, посолъ умалчиваетъ о томъ, чтобы онъ подстрекалъ великаго князя противъ гр. Бестужева, играя на его привязанности къ Голштиніи. Но косвенно дипломатическая

переписка австрійскаго посла подтверждаетъ, что онъ сочувствовалъ партіи, враждебной канцлеру, а своими разговорами съ Елисаветой и ея племянникомъ даже вдвойнѣ содѣйствовалъ его паденію. Невольно является вопросъ, имѣлъ-ли онъ полномочія отъ своего двора на сверженіе гр. Бестужева двойной интригой — обнаруженіемъ его сношеній съ Екатериной и совѣтомъ великому князю опираться на государыню для противодѣйствія канцлеру? Отвѣтъ могутъ дать только рескрипты Маріи Терезіи и письма графа Кауница къ ихъ послу.

Въ началѣ 1757 года вѣнскій дворъ все еще стоялъ на точкѣ зрѣнія, установившейся послѣ донесеній гр. Зинцендорфа изъ С.-Петербурга въ 1755 году, а именно — опираться сразу и на гр. Бестужева, и на гр. Воронцова. Въ тайномъ рескриптѣ графу Эстергази отъ 9 января 1757 года Марія Терезія высказывала увѣренность, что при жизни Елисаветы нельзя ждать полнаго устраненія отъ дѣлъ канцлера или вице-канцлера, такъ какъ основное правило государыни поддерживать и питать разладъ и соперничество среди министровъ ради собственной безопасности. Императрица-королева держалась взгляда, что ея посолъ вообще не долженъ мѣшаться въ домашнія дѣла чужого двора и можетъ принимать въ нихъ участіе, развѣ только въ крайнемъ случаѣ, чтобы содѣйствовать главной цѣли политики или отстранять вредныя вліянія. Лучшимъ средствомъ для предупрежденія вредныхъ послѣдствій, которыя могли-бы произойти изъ противодѣйствія канцлера и молодого двора новой системѣ, вѣнскій дворъ признавалъ попытку, не оскорбляя русской императрицы, снискать въ то-же время довѣріе и даже расположеніе великокняжеской четы. Изъ этихъ основныхъ взглядовъ вытекалъ очень опредѣленный наказъ — ловко и осторожно пользоваться сразу и гр. Бестужевымъ, и гр. Воронцовымъ для достиженія одной и той же цѣли. Когда затѣмъ въ мартѣ мѣсяцѣ графу Эстергази было предписано содѣйствовать дѣлу голштинскаго обмѣна, дабы привлечь и Данію на сторону «праваго дѣла», то Марія Терезія сдѣлала въ рескриптѣ оговорку — дѣйствовать при этомъ такъ, чтобы не раздражить Петра Ѳедоровича. Но отступленіе Апраксина сразу измѣнило отношеніе вѣнскаго двора къ враждебной партіи въ С.-Петербургѣ. Отъ 9-го октября нов. ст. гр. Кауницъ писалъ послу, что поведеніе фельдмаршала внушаетъ страшныя подозрѣнія. Достовѣрно извѣстно, что Апраксинъ состоялъ въ частной перепискѣ съ канцлеромъ и молодымъ дворомъ, но нельзя сказать положительно, не зависѣло-ли отступленіе отъ интригъ и англійскаго золота. При такомъ критическомъ положеніи дѣла гр. Эстергази долженъ былъ соблюдать осторожность и избѣгать крайностей въ своемъ образѣ дѣйствія. Пусть онъ съ одной стороны постарается открыть глаза императрицѣ на истинный смыслъ событій и добиться если не наказанія, то по крайней мѣрѣ устраненія виновныхъ, дабы они не могли болѣе

вредить, но пусть съ другой стороны попытается при этомъ не возбуждать личной непріязни и избѣжать клички доносчика. По связи конца письма съ началомъ подъ «виновниками» (Urheber) австрійскій канцлеръ могъ разумѣть только Апраксина, Бестужева и Екатерину. Такимъ образомъ этотъ рескриптъ гр. Кауница снималъ съ посла Эстергази личную отвѣтственность за его глухую борьбу противъ русскаго канцлера и давалъ даже право на болѣе рѣшительное нападеніе. Когда гр. Бестужевъ былъ свергнутъ, то Кауницъ опять писалъ отъ 15 марта нов. ст. 1758 года такимъ искусственнымъ офиціознымъ слогомъ, что его рескриптъ гр. Эстергази свободно могъ-бы показать новому канцлеру — гр. Воронцову: вѣнскій дворъ держится правила не мѣшаться въ домашнія дѣла сосѣдей; онъ искалъ довѣрія и расположенія графа Бестужева, только пока тотъ былъ канцлеромъ, исключительно изъ уваженія къ русской императрицѣ.

Гр. Эстергази былъ убѣжденъ, что вина за плачевный исходъ кампаніи 1757 года падаетъ на Екатерину, Бестужева и Апраксина, такъ какъ въ угоду молодому двору фельдмаршалъ затянулъ приготовленія къ походу, отодвинулъ этимъ начало военныхъ дѣйствій къ концу лѣта, поставилъ такимъ образомъ свою армію въ затруднительное положеніе и незамѣтно погубилъ все дѣло. Но ни гр. Кауницъ, ни самъ посолъ не рѣшались утверждать съ достовѣрностью, что С. Ѳ. Апраксинъ отступалъ послѣ егерсдорфской побѣды въ силу приказовъ великокняжеской четы или подъ вліяніемъ извѣстій о болѣзни императрицы Елисаветы. Мы не нашли обвиненій противъ фельдмаршала въ прямой измѣнѣ государынѣ и среди донесеній барона С. Андрэ, хотя онъ не считалъ отступленіе къ Тильзиту неизбѣжнымъ, а того менѣе обратный путь на крѣпость Мемель. Австрійскій военный уполномоченный переслалъ гофкригсрату въ Вѣну обстоятельный журналъ операцій русской арміи за конецъ августа и начало сентября. Числа дней, которыя онъ даетъ, иногда противорѣчатъ указаніямъ полковника Масловскаго; причина разногласія коренится, вѣроятно, въ томъ, что авангардъ, главная квартира и арьергардъ русской арміи достигали мѣстъ стоянокъ въ разные дни. Но есть и прямыя неточности въ журналѣ, который написанъ поспѣшно и притомъ, кажется, заднимъ числомъ. По журналу барона С. Андрэ русская армія 31-го августа и 1-го сентября нов. ст. оставалась на полѣ сраженія для погребенія убитыхъ и отправки раненныхъ; только 2-го сентября она двинулась впередъ, но по причинѣ лѣсовъ прошла всего милю. На слѣдующій день майоръ полка, ввѣреннаго австрійскому военному агенту, а затѣмъ и самъ С. Андрэ произвели рекогносцировку пути на Велау. Баронъ совѣтовалъ фельдмаршалу занять возвышенность около Велау и 5-го сентября нов. ст. на разсвѣтѣ повторилъ рекогносцировку съ 2 гусарскими и 1 казацкимъ полкомъ; онъ нашелъ, что непріятель удерживалъ и даже еще болѣе укрѣпилъ эту воз-

выпенность. 26 августа (6 сентября) армія снова поднялась и продолжала путь до Алленбурга, гдѣ 7-го и 8-го числа по нов. ст. былъ роздыхъ. Послѣ полудня пришло извѣстіе, что непріятель покинулъ свой лагерь позади Велау и сталъ у Тапіау; въ то-же время (можетъ быть 28—8 числа) прибыли бюргермейстеръ изъ Велау и двое присяжныхъ и сказали, что пруссаки уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ послали въ Кенигсбергъ свои пекарни и обозъ [1]). Тогда фельдмаршалъ собралъ весь генералитетъ, бригадировъ и полковниковъ (несомнѣнно 7-го числа), сообщилъ имъ эту вѣсть (позднѣе ?) и въ присутствіи С. Андрэ спросилъ ихъ по чести, на сколько дней хватитъ имъ еще провіанта. На это одни заявили, что у нихъ остается запасъ на 6—8 дней, другіе-же, у которыхъ много людей пало въ битвѣ, разсчитывали на бо́льшее число дней. Всѣ эти лица считали, что такого количества провіанта недостаточно для преслѣдованія непріятеля, а потому и было рѣшено приблизиться съ арміей къ Тильзиту, пополнить тамъ походные запасы, пріютить въ безопасномъ мѣстѣ находившихся при войскѣ многочисленныхъ больныхъ, принявъ мѣры для обезпеченія имъ продовольствія, усилить при этомъ самое войско и тогда снова двинуться на враговъ. Сообразно этому армія 9-го сентября нов. ст. выступила изъ Алленбурга на Ильменсдорфъ и Іодлаукенъ, гдѣ 13-го числа былъ роздыхъ. 14-го числа съ полпути къ Инстербургу посланъ былъ подполковникъ Сиверсъ курьеромъ въ С.-Петербургъ. Въ тотъ-же день (?) пришло извѣстіе, что 13-го ночью 2 эскадрона прусскихъ гусаръ появились въ Гумбинненѣ и уничтожили тамъ складъ муки въ тысячу четвертей. Затѣмъ армія шла на Инстербургъ (15 сентября) и Зоммерау, откуда двинулась 23-го къ Тильзиту. Изъ Тильзита баронъ С. Андрэ сообщалъ гофкригсрату отъ 13 (24) сентября подробности о военномъ совѣтѣ у Алленбурга 27 августа (7 сентября). Здѣсь было единогласно рѣшено идти черезъ Инстербургъ къ Тильзиту, хотя потомъ (8-го сентября н. с.) и пришло извѣстіе, что непріятель очистилъ Велау и отошелъ къ Кенигсбергу. Австрійскій уполномоченный

[1]) По слухамъ этотъ бюргемейстеръ разсказывалъ, что Апраксинъ въ его присутствіи получилъ изъ С.-Петербуга какое-то письмо, замѣтно обрадовавшее его и, вѣроятно, побудившее начать отступленіе. (Чтенія, 1870, кн. III, Матеріялы иностранные, стр. 16). По Масловскому прусская армія очистила позицію у Велау и отошла къ Тапіавѣ 27-го августа ст. ст., т. е. одновременно съ рѣшеніемъ русскихъ отступить къ Тильзиту; только тогда Демолинъ закончилъ свою рекогносцировку и донесъ 28 августа Апраксину объ отступленіи пруссаковъ изъ Велау, но это извѣстіе уже не могло измѣнить постановленія военнаго совѣта отъ 27 го авг. Напротивъ, по журналу С. Андрэ и письму голландскаго посланника Сварта фельдмаршалъ еще 27 авг.—7 сент. узналъ отъ бюргермейстера Велау объ отступленіи Левальдта и подъ вліяніемъ этого извѣстія созвалъ военный совѣтъ. Впрочемъ, въ донесеніи изъ Тильзита самъ С. Андрэ говоритъ, что извѣстіе объ отступленіи прусской арміи отъ Велау было получено уже послѣ созыва военнаго совѣта 27 августа ст. ст.

съ своей стороны старался измѣнить это рѣшеніе и предлагалъ лучше держать путь черезъ Велау въ мѣстность у Лабіау, достичь такимъ образомъ Куришъ-гафа и подвезти по нему нужный провіантъ, оставаясь въ то-же время вблизи Кенигсберга. Но представленія барона С. Андрэ ни къ чему не привели; впрочемъ, его завѣряли, что русская армія изъ Тильзита опять двинется на Лабіау и овладѣетъ берегомъ Куришъ-гафа. Наконецъ, изъ Мемеля С. Андрэ извѣстилъ отъ 20-го октября, что отступленіе русской арміи продолжалось далѣе Тильзита, не смотря на всѣ его возраженія и совѣты, какъ именно слѣдуетъ преслѣдовать врага.

Вѣнскій гофкригсратъ отнесся довольно спокойно къ отступленію русскихъ до Тильзита. Въ отвѣтъ на донесеніе С. Андрэ отъ 24 сентября онъ писалъ ему 11-го октября н. с., что, хотя это событіе и очень прискорбно, однако, если русская армія удержитъ полосу земли вдоль рѣкъ Гильге и Руссъ вплоть до р Мемеля, то еще можно ждать новаго движенія впередъ и во всякомъ случаѣ это задержитъ прусскій корпусъ на восточной границѣ и помѣшаетъ ему двинуться на другой театръ войны. Но гофкригсратъ отказывался понять, какимъ образомъ примирить ссылку на недостаточность провіанта съ извѣстіемъ журнала С. Андрэ объ истребленіи муки въ Гумбинненѣ. По мнѣнію вѣнскихъ военныхъ, нуждѣ легко было помочь, если-бы запасы изъ Гумбиннена и другихъ тыловыхъ магазиновъ продвигались вслѣдъ за арміей подъ охраной отъ непріятеля.

Хотя австрійскіе военные, Кемпель и С. Андрэ, не говорили объ «измѣнѣ» Апраксина послѣ егерсдорфской побѣды, а ставили ему въ вину только ненаходчивость и нерѣшительность, однако полковникъ Масловскій старается оправдать его и отъ этихъ обвиненій. Во всякомъ случаѣ военный историкъ долженъ признать одну ошибку за фельдмаршаломъ. Дѣло въ томъ, что Левальдтъ, приведя послѣ пораженія въ порядокъ армію у Пушдорфа и переправясь на правый берегъ р. Прегеля, отступилъ на подготовленную имъ укрѣпленную позицію у Вилькендорфа (Петерсдорфа) и такимъ образомъ совершенно очистилъ путь на Кенигсбергъ, отдавая безъ боя оборонительную линію р. Алле. Только 21 августа (1 сентября) Левальдтъ исправилъ эту капитальную ошибку, занявъ позицію за р. Алле у Велау. Не воспользовавшись случаемъ захватить Велау и тѣмъ обезпечить переходъ черезъ р. Алле на прямомъ пути наступленія къ Кенигсбергу, Апраксинъ, не дожидаясь результатовъ двухъ рекогносцировокъ (Демолина 20 августа и 22 августа казачьяго отряда), отказался отъ мысли форсировать переправу у Велау, а остановился на планѣ обойти прусскую армію справа и 25-го августа стар. ст. занялъ окрестности Алленбурга. Масловскій оправдываетъ это уклоненіе въ сторону недостаткомъ положительныхъ данныхъ относительно укрѣпленной позиціи непріятеля у Велау, такъ какъ подробное донесеніе Демолина относитъ лишь къ 28-му августа

стар. ст. Но онъ самъ приводитъ (стр. 302 и 304 вып. I) краткое донесеніе того-же Демолина уже отъ 20-го августа, когда высоты около Велау еще не были заняты пруссаками, а С. Андрэ сообщаетъ о своихъ рекогносцировкахъ 23 августа (3 сентября) и 25 августа (5 сентября) и поданномъ имъ совѣтѣ занять возвышенность у Велау. Итакъ, надо признать, что Апраксинъ проявилъ 20 августа стар ст. нераспорядительность, пропустивъ время, удобное для занятія Велау, а 25—26 августа стар. ст. нерѣшительность, отказавшись отъ мысли форсировать здѣсь переходъ черезъ р. Алле. Занятіемъ Алленбурга и лѣваго берега р. Алле русскіе сдѣлали позицію Левальдта у Велау опасною, а потому пруссаки, одновременно съ рѣшеніемъ Апраксина отступить къ Тильзиту, 27-го августа стар. ст. отошли къ Тапіавѣ. 28-го августа стар. ст. Демолинъ донесъ фельдмаршалу объ отступленіи прусской арміи изъ Велау по направленію къ Тапіавѣ для прикрытія Кенигсберга, но это не могло заставить Апраксина измѣнить постановленіе военнаго совѣта 27-го числа. Тщетно С. Андрэ совѣтовалъ теперь двинуться отъ Алленбурга черезъ Велау къ Лабіау, чтобы остаться вблизи Кенигсберга и завладѣть Куришъ-гафомъ для подвоза провіанта. Фельдмаршалъ предпочелъ болѣе безопасное отступленіе черезъ Инстербургъ къ Тильзиту. Правда, Масловскій признаетъ, что подвозъ провіанта по Куришъ-гафу былъ невозможенъ, такъ какъ для плаванія по гафу русскія галеры были непригодны, а необходимы особаго рода мелкосидящія суда и вооруженная флотилія для ихъ прикрытія (стр. 99—100, 104, 235—236, вып. I и прилож. стр. 56). Но С Андрэ указывалъ и другую возможность для обезпеченія продовольствія у Лабіавы, а именно организовать подвозъ провіанта изъ Гумбиннена, даже Тильзита и округа Руссъ. По Масловскому, 2-го сентября стар. ст. было получено въ русской главной квартирѣ извѣстіе о набѣгѣ прусскихъ гусаръ на Гумбинненъ, но военный историкъ самъ не придаетъ ему большаго значенія, такъ какъ еще раньше полковникъ Гернсдорфъ съ частью запасовъ отбылъ въ Тильзитъ (стр. 317, вып. I) и доставилъ оттуда транспортъ на встрѣчу арміи къ 8-му сентября стар. ст. Наконецъ, Масловскій совершенно не касается вопроса о томъ, насколько личныя мнѣнія Апраксина могли вліять на постановленіе военнаго совѣта 27-го августа. Между тѣмъ фельдмаршалъ не только не скрывалъ отъ генералитета своихъ взглядовъ, но въ докладной запискѣ отъ штаба главнокомандующаго прямо заявилъ генералитету о «всѣмъ довольно вѣдомомъ» недостаткѣ продовольствія и указывалъ на цѣлый рядъ преимуществъ арміи Левальдта передъ русскими («Русская армія въ Семилѣтнюю войну», вып. I, стр. 306. Сравни «Архивъ кн. Воронцова», кн. IV, стр. 185). При такомъ порядкѣ военныхъ совѣтовъ С. Ѳ. Апраксинъ, намѣренно или невольно, всегда могъ произвести давленіе на подчиненныхъ, а потому и вся отвѣтственность за операціи арміи должна падать на него.

12-го сентября русская армія достигла Тильзита, а на слѣдующій день военный совѣтъ рѣшилъ перевести ее на правый берегъ Нѣмана и продолжать отступленіе далѣе къ крѣпости Мемелю. Масловскій оправдываетъ и это рѣшеніе русскаго генералитета переходомъ Левальдта въ наступленіе. Прусскій фельдмаршалъ 9-го сентября стар. ст. занялъ Алленбургъ, а 13-го сентября его авангардъ былъ уже въ окрестностяхъ Тильзита; такимъ образомъ онъ всегда могъ вынудить Апраксина къ рѣшительному бою подъ Тильзитомъ при самой невыгодной обстановкѣ. Оставаться и упорно оборонять этотъ городъ было невозможно, такъ какъ коммуникаціонныя линіи не были обезпечены. Движеніе на Лабіаву было возможно лишь послѣ побѣды надъ арміею Левальдта. Такимъ образомъ Апраксину оставалось одно средство — атаковать прусскую армію и въ случаѣ неудачи рисковать окончательнымъ пораженіемъ. Если на столь рискованный шагъ русскіе генералы не рѣшались подъ Алленбургомъ, то тѣмъ болѣе это было неумѣстно подъ Тильзитомъ. Все это доказываетъ въ глазахъ Масловскаго, что единственнымъ правильнымъ рѣшеніемъ было — уклониться отъ боя и дать арміи оправиться за рѣкой Мемелемъ. Съ 13-го по 17-е сентября стар. ст. продолжалась переправа, а 18-го числа пруссаки заняли Тильзитъ (I вып., стр. 321—324). По нашему мнѣнію военный историкъ своими фактами отнюдь не опровергъ мнѣнія барона С. Андрэ о возможности удержаться въ мѣстности Тильзита и, оправившись, даже перейти въ наступленіе на Лабіау. Осторожное преслѣдованіе арміей Левальдта свидѣтельствуетъ, что прусскій фельдмаршалъ не намѣренъ былъ безъ крайней необходимости вступать въ битву. О состояніи провіантскихъ запасовъ въ Тильзитѣ ко дню вступленія туда арміи даже самъ Масловскій замѣчаетъ, что въ этомъ случаѣ провіантъ не могъ служить препятствіемъ для перехода въ наступленіе и запасъ довольствія, необходимый для движенія къ Лабіавѣ, безъ сомнѣнія былъ налицо (вып. I, стр. 106). Это очевидно изъ того, что 1) для обратнаго движенія до крѣпости Мемеля армія взяла изъ Тильзита часть запасовъ, которыхъ хватило-бы и до Лабіавы, что 2) часть провіанта въ Тильзитѣ вынуждены были бросить и что 3) транспортъ, высланный въ сентябрѣ изъ Ковно, послѣ отступленія изъ Тильзита былъ уничтоженъ около Юрбурга изъ опасенія, чтобы онъ не попался въ руки непріятеля. Тѣмъ не менѣе военный историкъ объявляетъ, что переходъ въ наступленіе русской арміи изъ Тильзита на Лабіаву въ сентябрѣ 1757 года былъ окончательно невозможенъ въ виду полнаго разстройства русскихъ войскъ, вытаскивавшихъ на себѣ изъ непролазной грязи обозы. Однако С. Андрэ ничего не говоритъ объ дезорганизаціи арміи, а вѣнскій гофкригсратъ охотно удовлетворился-бы и тѣмъ, если-бы С. Ѳ. Апраксинъ оставался въ области Тильзита и «низины», связывая руки корпусу Левальдта.

Итакъ, слѣдуя мнѣнію очевидцевъ, барона С. Андрэ и капитана Кемпеля, мы признаемъ, что русскій фельдмаршалъ проявилъ въ сентябрѣ 1757 года такое неумѣнье найтись и столько нерѣшительности, что психологическое объясненіе для его поведенія невольно приходится искать въ сознаніи безотвѣтственности. Эта безотвѣтственность и послѣ размолвки съ канцлеромъ была, повидимому, обезпечена С. Ѳ. Апраксину заступничествомъ гр. Петра Шувалова. Да, наконецъ, и затрудненія, которыя преодолѣть казалось фельдмаршалу не по силамъ осенью, были созданы его небрежностью при подготовкѣ похода и затяжкой начала военныхъ дѣйствій зимой. Соглашеніе между С. Ѳ. Апраксинымъ, гр. А. П. Бестужевымъ и великой княгиней Екатериной, возникшее въ концѣ 1756 года, въ связи съ болѣзнью императрицы, отразилось такимъ путемъ и на отступленіи фельдмаршала изъ Восточной Пруссіи, и на безуспѣшности всей кампаніи 1757 года [1]).

Матеріалы, легшіе въ основаніе доклада.

Донесеніе Мольцана отъ 23 января (3 февраля) 1756 года. Бестужевъ съ своей стороны поддерживалъ мысль Уильямса о необходимости поднести 100 тыс. рублей Екатеринѣ: «qu'il étoit persuadé que l'affaire se feroit alors» (т. е. голштинскій обмѣнъ).

Донесеніе 30 марта (10 апрѣля) 1756 года. Мольцанъ передалъ Бестужеву все, что предписано было Бернсторфомъ въ депешѣ отъ 13 марта, а именно — согласіе короля сдѣлать подарокъ въ 100 тыс. рублей великой княгинѣ и въ тысячу дукатовъ Бернарди.

---

[1]) Еще *П. Пекарскій* въ статьѣ «Походъ Русскихъ въ Пруссію подъ начальствомъ фельдмаршала Апраксина въ 1757 году» (Военный Сборникъ», т. III, 1858), ссылаясь на донесенія Уильямса, признавалъ, что замедленіе Апраксина ѣхать къ арміи было дѣломъ Бестужева. *М. Семевскій* въ статьяхъ «Противники Фридриха Великаго. Апраксинъ и Бестужевъ-Рюминъ» («Военный Сборникъ», 1862 г., №№ 5, 6, 11) шелъ дальше и даже отступленіе С. Ѳ. Апраксина на Тильзитъ, за Нѣманъ, къ Мемелю объяснялъ тѣмъ, что будто-бы фельдмаршалъ продолжалъ соображаться съ политикой молодого двора. На допросѣ въ маѣ 1758 года С. Ѳ. Апраксинъ дѣйствительно показалъ, что онъ получилъ отъ великой княгини въ общемъ шесть писемъ, а не три и что нѣкоторыя письма были имъ разорваны еще до слѣдствія; но и въ первыхъ письмахъ отъ Екатерины (о нежеланіи получать отъ него письма иначе, какъ черезъ Бестужева, о необходимости помириться ему съ гетманомъ К. Разумовскимъ) по словамъ самого фельдмаршала ничего не было «о воздержаніи отъ похода». Апраксинъ сознавался, что еще до отъѣзда изъ С.-Петербурга склонность Ихъ Высочествъ къ королю прусскому была ему хорошо извѣстна, но Бестужева, торопившаго его съ началомъ военныхъ дѣйствій, онъ, напротивъ, даже подозрѣвалъ въ денежной зависимости отъ дрезденскаго и вѣнскаго дворовъ, такъ какъ

Донесеніе Мольцана отъ 26 октября (6 ноября) 1756 года. По поводу Голштинскаго обмѣна Бестужевъ говорилъ: «que la prompte conclusion de cet accommodement étoit à l'heure, qu'il est plus nécessaire que jamais à cause du mauvais état de la santé de l'imp—ce qui augmentoit tous les jours et faisoit souvent craindre pour sa vie; qu'elle s'étoit encore samedy et lundy passés trouvée si mal que pendant plusieurs heures elle avoit été privée de l'usage de la vüe; que les medecins attribuoient cet accident à ce que ses règles ayant tout à coup cessé, les humeurs lui en étoient montées à la poitrine et à la tête et l'auroient peut être suffoqué si l'on n'étoit pas parvenu à la faire saigner même contre son gré. Бестужевъ nous (Мольцана и Остена) assura que tous les symptomes de cette maladie faisoient beaucoup craindre, que Sa Maj—té Imp—le ne survit pas le printemps prochain, de sorte qu'il falloit faire son possible pour finir promptement notre affaire».

Донесеніе Мольцана 2 (13) ноября 1756 года. Мольцанъ сообщаетъ de bonne part, что по мнѣнію перваго доктора при императрицѣ — Кондоиди, Елисавета не проживетъ дольше весны.

Донесеніе Мольцана отъ 5 (16) ноября. Императрица сама сказала Мольцану, что ея жизнь подвергалась опасности.

Донесеніе Остена отъ 1 (12) марта 1757 года. Отвѣтъ Екатерины черезъ Бестужева на письмо Бернсторфа отъ 28-го декабря. Здѣсь между прочимъ говорится: «Quant au reste de la lettre de Monsieur de Bernstorff à feu Ms-r de Moltzahn, j'imagine, qu'il n'a pas suffisamment expliqué la pensée de son maître, qui tout au plus aura apparement voulu parler d'une avance en forme de prêt; de façon ou d'autre je n'en veux pas. Je ne veux pas douter, que le Roi de Dannemarc ne rende à ma personne et à mon caractère tous les égards et toute la justice que je me crois dûs; et qu'il doit savoir et être très persuadé que mon attachement pour la Russie est le seul et unique motif, qui puisse me porter à conseiller à mon espoux de sacrifier des droits et des prétensions aux quelles la force ni le malheur n'ont certainement pas encore imposé de prescription. Mais aussi, comme le roi de Dannemarc cherche un arrondissement si profitable de sa couronne dans cette échange, elle doit être nécessairement accompagnée de tout ce

---

зимній походъ будто-бы казался фельдмаршалу гибельнымъ для арміи. (Показанія С. Ѳ. Апраксина: «Канцлеръ прежде соглашался, чтобы изъ Риги зимою не идти и къ тому меня не побуждать, а, между тѣмъ, понужденія чинены были непрестанно; въ этомъ я и видѣлъ отмѣну канцлерскихъ сентиментовъ». — «Правда, я говорилъ о канцлерѣ, что онъ подкупленъ вѣнскимъ и саксонскимъ дворами, да и теперь тоже думаю». — «Несмотря, однако, на это, я хотѣлъ идти въ походъ въ прямое время, а не зимою, такъ какъ видѣлъ, что зимній походъ былъ-бы для арміи весьма разорителенъ»).

qui peut la rendre la plus agréable et la plus commode au Grand Duc, dans les avantages duquel je trouverai tousjours les miens puisqu'ils en sont inséparables». (Письмо отъ 18 января 1857 г.).

Донесеніе Остена отъ 4 (15) марта: «Madame la Gr. Duchesse s'est expliquée envers moi sur notre affaire, de la manière comme je l'avois appréhendé. Ses prétensions sont énormes. Elle demande outre le payement des dettes un million et demi en argent comptant»; разговоръ относится ко 2-му марта.

Донесеніе Остена отъ 20 (31) марта 1757 года. «Que ce ne sont pas les représentations du Grand Chancelier et de l'ambassadeur d'Angleterre, ni l'intérêt de la Russie, qui persuaderont jamais le Grand Duc de consentir au troc des pais, mais uniquement le grand besoin que Leurs Altesses Impériales ont d'une some d'argent, pour payer leurs dettes qu'elles ont ici. Leur détresse est incroyable; elles doivent aux marchands d'ici au delà de 300/m écus et elles ne trouvent plus personne qui voudra leur en prêter. Il n'y a que huit jours que M. la grande duchesse ayant besoin de cent Ducats a envoyé envain chez plusieurs marchands pour emprunter cette somme modique, laquelle enfin le chancelier, touché de pitié, lui a envoyé, quoiquil en eût grandement besoin lui même». «Tout depend à cette heure de savoir le montant des dettes du Holstein. S'il est vrai ce que feu M—r de Pechlin disoit qu'elles ne passoient pas la somme de 1500/m écus, alors supposant le cas qu'on se contentât ici de cinq cent mille écus outre cela, l'accomodement ne couteroit pas au roi au delà de deux millions, qui est la somme que Sa Majesté a permis d'accorder à l'extremité». «Le sieur Bernhardi me sert avec assiduité et fait de son mieux; son intérêt personel est attaché à la réussite de notre affaire, parce que madame la Grande Duchesse lui doit 24/m Roubles qu'Elle ne pourra pas payer, sans que l'accomodement se fasse».

Донесеніе Остена 5 (16) апрѣля. Замѣститель Пехлина, Штамбке, при первомъ появленіи произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе на Остена. Онъ высказался передъ Бестужевымъ противъ обмѣна герцогства на графства, потому что это будто-бы пониженіе для вел. князя. «Mais il changeoit bien tôt quand le comte de Best. lui montroit une lettre qu'il venoit de recevoir de M--e la Gr Duchesse où cette princesse s'exprime à peu près dans les termes suivants, autant que j'en ai pu retenir en la lisant: Je recevrai Ms—r Stampcke parce que vous le voulez, mais comme son mariage avec une parente de Brockdorff le rend suspect à mes yeux, je ne lui accorderai ma confiance qu'à condition qu'il renonce à toute liaison et à toute amitié avec Brockdorff, qu'il m'obéisse en tout ce qui regarde le Hol-

stein et qu'il n'en parle jamais au Grand Duc qu'après m'avoir écouté auparavant» etc.

Донесеніе Остена весной (апрѣль — май) 1757 года. По словамъ Бестужева великій князь за столомъ въ присутствіи Екатерины и Штамбке сказалъ: «Ich weiss wohl, warum man Brockdorff, der ein ehrlicher Kerl ist, weghaben will; man will mich um Land und Leute bringen, ich kenne aber schon die Intriguen und werde sie zu bestraffen wissen». Бестужевъ думалъ, что Петръ мѣтилъ на Штамбке. Екатерину раздражило, что Брокдорфъ смѣетъ внушать такія мысли вел. князю и, по словамъ Бестужева, она ходатайствовала письменно о свиданіи у Елисаветы, дабы просить объ удаленіи Брокдорфа и Брауна въ виду того, что они поддерживаютъ вел. князя въ его склонности къ вину и къ союзу съ прусскимъ королемъ.

Донесеніе Остена отъ 18 (29) августа. Канцлеръ возобновилъ вопросъ о 100 тыс. руб., обѣщанныхъ вел. княгинѣ, и Остенъ долженъ былъ «tirer sur Pierre Hiss pour la somme de 15 000 roubles. Madame la Gr. Duchesse avoit demandé avant — hier par écrit Ms—r le Grand Chancelier de lui trouver cette somme, dont Elle avoit indispensablement besoin; mais ce Premier Ministre lui ayant répondu, qu'il ne sçavoit où la trouver à moins qu'elle ne permît qu'il m'en parlât. Elle y a consenti, mais que cela ne seroit qu'un prêt fait à Ms—r le Gr. Cancelier contre le quel Elle signeroit le billet, dont je joins ici la copie («J'avoue d'avoir reçu de M—sr le Gr. Cancelier, C. de Best, la somme de 15000 roubles, que je promets de payer à celui qui tiendra ce billet quand il le demandera») Ce billet me sera remis et restera entre mes mains jusqu'à ce que la dite somme sera remboursée».

Донесеніе Остена 19 (30) сентября. Канцлеръ потребовалъ еще 15 тыс. руб. для Екатерины. Хотя Остенъ и сталъ затягивать дѣло, но находилъ болѣе благоразумнымъ исполнить требованіе: «La peine que les autres ministres étrangers se donnent envain pour parvenir à donner de l'argent à madame la Gr. Duchesse me fait croire que la préference qu'Elle nous y donne ne nous sera peut être pas désavantageuse L'ambassadeur Imp—l a ordre depuis long temps de lui offrir 100/m roubles, l'ambassadeur de France a des ordres moins limités encore; mais leur première proposition qu'ils ont fait faire sous main, a été si mal reçue qu'ils n'osent plus revenir».

Донесеніе Остена 23 сентября (4 октября). «Ms—r le Grand Chancelier continue d'être très mécontent de Ms—r d'Apraxin, qu'il dit s'être conduit pendant cette campagne uniquement par les conseils du comte

Pierre Schouwaloff, qui n'a pas voulu qu'il s'éloignât trop des frontières afin que la campagne fût bientôt finie et que dès lors le dit comte le feroit venir ici en ville».

Донесеніе Остена отъ 17 (28) октября 1757 г. Канцлеръ негодуетъ на Эстергази за то, что тотъ сказалъ вел. князю «que lui, Ms—r le chancelier, étoit très porté pour notre négociation, et il croit, qu'il l'a fait par malice pour le perdre dans l'esprit de ce prince». Но Остенъ думалъ, что Эстергази сдѣлалъ все это по безтактности.

Донесеніе Остена 31 октября (11 ноября). Понятовскій отозванъ по представленію версальскаго двора за его близость съ Англіей. «On veut que la correspondance que Ms—r le Gr. Chancelier entretiendra tousjours avec le C. de Poniatowsky passe par mes mains de la manière que toutes les lettres chiffrées du dernier seront adressées à moi et écrites au Nom du ministre ou secretaire du Roi à Varsovie, auquel seront adressées toutes celles que Ms—r le Gr. Chancelier écrira dans mon Nom... En rendant ce service à nos amis j'expose ma personne, mais je crois exposer les intérêts du roi en m'y refusant По поводу слѣдствія надъ Апраксинымъ Остенъ убѣждается que c'est moins le mauvais général que l'ancien ami de Ms—r le Gr. Chancelier qu'on persécute dans la personne du dit maréchal. J'en ai fait marquer mes inquiettudes à ce ministre qui m'en a sçu bon gré, et m'a fait dire que quoique persuadé que Ms—r d'Apraxin pour ce sauver soi même le trahiroit, il avoit tousjours usé de tant de précaution qu'il ne se croyoit exposé qu'aux simples reproches de sa souveraine, auxquelles il étoit trop accoutumé pour en craindre les suites. Malgré tout cela son inquiétude est extrême et il a déjà commencé à bruler plusieurs papiers secrets et en a confié d'autres à ses amis. L'Imp—ce ayant appris que Madame la Gr. Duchesse par le canal du Gr. Chancelier a écrit au maréchal pour l'animer d'attaquer les Prussiens, en a été fort offensé et regarde les ordres de S. A. Imp—le quoique conformes à ses propres volontés, comme une atteinte portée à Son Authorité et semble vouloir s'en prendre à ce premier ministre».

Донесеніе изъ половины ноября. Остенъ радуется, что король одобрилъ выдачу денегъ вел. княгинѣ, и замѣчаетъ: «Cet argent ne mettra point L. A. I—les sur le Trône et ne les a pas tiré de leurs embarras. Aucune dette n'en a été payée et Msg—r le Grand Duc n'en a pas touché un obole. Les premiers 15/m roubl. furent depensés à Oranienbaum dans trois Bals masqués que M—me la Gr Duchesse donna à sa cour où chaque fois Elle donna à ses dames des Nippes pour la valeur de 3000 roubles. La dernière somme fut gaspillée ici en ville en moins de quinze jours et je suis sûr qu'il n'en reste pas un sou dans la caisse de Son Alt. Imp—le».

Донесеніе Остена 23 января (3 февраля). «Le Comte Alexandre Schouwaloff a pourtant été à Narva pour demander à Ms—r le maréchal d'Apraxin toutes les lettres qu'il a reçûes de Madame la Gr. Duchesse lorsqu'il commanda l'armée. Le dit maréchal les lui a toutes remises en prêtant serment de n'en avoir cachè aucune; mais au grand étonnement et à la honte de tous ceux qui croyoient y trouver de quoi perdre et cette princesse, et Ms—r le Grand Chancelier, on a vu que ces lettres ne contenoient rien qui fût contraire aux intentions de l'Imp—ce. Madame la Gr. Duchesse n'y fait qu'animer le maréchal Apraxin d'avancer avec l'armée et d'attaquer les Prussiens et je crois avoir déjà mandé à Votre Excell. que ces lettres ne furent écrites que par le conseil du Premier Ministre pour détruire en Ms—r le maréchal la crainte qu'on lui supposoit avoir de déplaire à leurs Altesses Imp—les, en avançant avec les trouppes... On en accuse le Comte Esterhasy et le dit comte Schouwaloff a dit à Ms—r d'Apraxin que c'étoit cet ambassadeur qui avoit découvert cette correspondance à Sa Maj—té Impériale». Но Остенъ думалъ иначе: «c'est à l'indiscrétion du général Buckow que j'attribue tout ce qui s'est fait. Ce général au quel le Gr. Chancelier avoit montré une de ces lettres, pour le mettre en état d'assurer sa cour de la bonne disposition de M—me la Gr. Duchesse, l'a d'abord redit au Vice-Chancelier et au Chambelan Schouwaloff, lesquels actuellement ont profité de l'Imprudence du premier ministre et du général». Остенъ передалъ свое объясненіе Екатеринѣ, дабы она не возненавидѣла Эстергази.

Донесеніе 27 января (7 февраля). Но самого Бестужева ему не удалось убѣдить. «Je n'ai pas été aussi heureux avec Ms—r le Grand Chancelier comme je crois l'avoir été avec M—me la Gr. Duchesse, pour disculper le C Esterhasy. Ce Premier Ministre, qui conoit la haine que l'ambassadeur a contre lui, persiste dans son opinion qu'il est le seul Dénonciateur ou Délateur de cette Correspondance secrète».

Донесеніе Остена 13 (24) февраля. «Le Roi de Pologne vient de donner l'ordre de l'aigle blanc à Ms—r de Stambcke. C'est l'ouvrage de madame la Gr. Duchesse, du Gr. Chancelier et du C. de Poniatowsky». Но вел. князь не утвердилъ этого пожалованія, и лента отослана назадъ. Et il s'est expliqué Mardy passé durant le Bal à la cour envers le C. Esterhasy dans les termes suivants, scavoir: qu'il voyoit bien, que c'étoit une intrigue du Gr. Chancelier et du C. de Poniatoswky et que la Cour de Varsovie a voulu par là plaire à Madame la Gr. Duchesse, dont Stambcke étoit la créature. Ce prince ajoutoit encore qu'il étoit fort étonné de voir qu'on s'imaginoit qu'il se laisseroit gouverner par une femme, mais qu'il montreroit qu'il ne se laisseroit mener par aucune de ce sexe». Затѣмъ вел. кн. у всѣхъ на виду около часу бесѣдовалъ съ императрицей, а камергеръ Шуваловъ старался, чтобы никто не подслушалъ этого разговора.

«Tout ce que j'en sçais c'est que l'Im—ce a été très contente de son neveu à cette occasion et l'a prié de continuer dans ces sentiments, qu'il venoit de lui marquer. Madame la Gr. Duchesse et tous ses partisans en sont fort allarmés, et V. E. s'imaginera facilement à quel point le Gr. Chancelier doit l'être. Ce Premier Ministre en m'en parlant le lendemain, s'est laissé emporter jusqu'à faire des souhaits que je n'oserai pas écrire. La Maj—té Imp—le ayant dans cette rencontre donné beaucoup de louanges à Ms—r de Brockdorff, Msg—r le Grand Duc l'a nommé dès le lendemain son Grand Chambellan». Остенъ просилъ Бернсторфа написать шифрованное письмо Воронцову «d'assurer le Vice Chancelier de l'Estime et de la confiance du Roi».

Донесеніе 15 февраля. Въ субботу вечеромъ (14 (25) февраля Бестужевъ былъ арестованъ. Въ нотѣ, сообщенной Воронцовымъ Остену, говорилось о великодушіи, съ которымъ императрица переносила канцлера: «Enfin Sa Majesté a vu avec regret que ce n'a été sans fondement qu'elle avoit soupçonné la fidelité de cet homme, vu qu'on en a découvert quantité de crimes, d'intrigues, de machination et d'autres actions noires qui ne tendoient pas à moins qu'à lézer la Majesté».

Донесеніе Остена 26 февраля (9 марта) о Екатеринѣ: «Quoique cette princesse s'apperçût que c'étoit contre Elle qu'on visoit, Elle parut néanmoins le lendemain à la Noce de Ms—r Butterlin, qui fut celebrée à la Cour, avec un air de Hauteur qui embarassoit tous ses adversaires, et paroissoit leur donner autant d'inquiétude qu'ils en avoient donné à leurs amis. Elle fit entendre à quelques uns que cela couteroit un jour la tête à ceux et à leurs enfants qui ne traitteroient pas les prisonniers avec douceur. Elle donnoit des Espérances à ceux qui montreroient de l'Humanité, et elle cajoloit les trois commissaires (Бутурлина, Трубецкаго и Александра Шувалова) d'une manière qu'ils sont fort embarassés de leur commission, et souhaitent de n'en avoir jamais eu à faire. Elle s'adressoit surtout au prince Trubetzkoy qui lui a promis secretement d'empêcher que personne n'eût le knout».

«Monsieur de l'Hôpital voudroit cependant volontiers qu'on crût qu'il n'y a point de part, et que tout ce que cette affaire a d'odieux, tombât sur le comte Esterhasy. Mais on sçait bien que le dit Marquis n'a jamais cessé un moment de travailler à perdre le C. de Best. Il n'y a que deux mois qu'il disoit à l'Impératrice à la cour: qu'il devoit l'avertir qu'Elle avoit à sa cour un homme pernicieux à sa gloire et à ses intérêts et qui d'un moment à d'autre devenoit plus dangereux... Les reproches, qu'il reçut de sa cour, et les ordres, qu'il eut de cesser de poursuivre le Grand Chancelier, ne servirent qu'à enflammer sa haine et à

doubler ses peines. Il declara enfin au C. de Woronzoff que si dans deux mois le C. de Best. n'étoit pas arrêté, il ne s'adresseroit qu'à ce Premier Ministre et lui donneroit toute sa confiance. Le Comte Esterhasy de son côté ne manqua aucune occasion à perdre l'ancien et le véritable ami de sa cour, pour satisfaire sa haine personnelle, mais malgré les efforts unis des ambassadeurs, des Schouwaloffs, de Woronzow et d'Olsouffief, je doute, Sire, qu'ils eussent jamais obtenu leur but, si Monseigneur le Grand-Duc animé sans cesse par Ms—r de Brockdorff ne s'étoit pas declaré contre le C. de Best., qui s'étoit perdu entièrement dans l'Esprit de Son Alt. Imp—le par l'ordre de Pologne qu'il avoit demandé pour Ms—r de Stambcke; et ce fut à cette occasion que ce prince dans l'entretien, qu'il eut avec l'Imp—ce le 10/21 du passé, demanda pardon à Sa Maj—té Imp—le de la conduite qu'il avoit tenue jusqu'ici, en donnant toute la faute au C. de Best. qui lui avoit conseillé de s'opposer aux volontés de Sa Maj—té Imp—le et dès ce moment sa perte fut resolue. La Correspondance secrète avec Madame la Gr. Duchesse fut choisie, comme la cause pour le perdre, et dans cette vue on se saisit de Bernhardy, qui avoit été le porteur des Lettres et l'Entremetteur des intrigues amoureuses de Son Alt. Imp—le. Le S--r Adadouroff fut aussi pris, parce que l'on sçavoit qu'il avoit souvent servi de secrétaire à cette princesse. L'Impératrice en étoit déjà depuis long temps fort inquiète et craignoit qu'il ne s'y tramât quelque chose contre sa personne. D'un autre côté les ennemis du Gr. Chancelier, prévoyant que madame la Gr. Duchesse le vangeroit un jour, s'appliquèrent à aigrir Sa Maj—té Imp—le contre Elle et je ne doute point qu'ils ne fussent resolus de la perdre entièrement (pour) se mettre à l'abry de son ressentiment. On disoit partout qu'on pensoit de l'enfermer dans un couvent.. Msg—r le Grand Duc declara dès le lendemain au comte Alexandre Schouwaloff qu'il ne vouloit point qu'on attaquât son épouse, ni qu'on donnât la question aux prisonniers... L'ambassadeur de France, le comte Pierre Schouwaloff et le chambellan de ce nom, chacun séparément, l'un à l'insçu de l'autre, se sont humiliés devant elle et ont demandé ses bonnes graces. Son Alt. Imp—le les leur a promises, à condition qu'on ne donnât point la question aux malheureux et qu'on les traitât avec douceur et, quoiqu'on y négocie encore, je crois que la reconciliation se fera. Le C. de Best. s'en ressent déjà et est traité avec plus de distinction que les premiers jours».

Донесеніе Остена отъ 3 (14) марта 1758 г. Въ послѣднюю субботу арестованъ Штамбке: «par ordre de Msg—r le Grand Duc. La raison en est qu'il a entretenu une correspondance avec le C. de Best. depuis qu'il étoit enfermé. On avoit trouvé une lettre de lui à ce dernier et, quoiqu'elle ne contenoit que des assurances que ses amis faisoient tous leurs efforts pour le sauver, on soupçonna pourtant qu'il en a écrit d'autres, dont on

vouloit sçavoir le contenu. Dès qu'on eut découvert cette lettre dans la moelle d'un os, qu'on alloit porter sur la table du C. de Best., on relevoit les guardes de son Hôtel, qui avoient déjà commencé a se familiariser avec ses domestiques, et on ne lui sert plus de viande, qui ne soit coupée et visitée auparavant. La même nuit le valet de Ms—r de Stambcke fut enlevé, qui confessa d'abord qu'il avoit été le porteur de plusieurs lettres». Штамбке подвергнутъ домашнему аресту. Екатерина просила у Остена 6 тысячъ рублей, но онъ въ виду обстоятельствъ уклонился отъ займа.

14 (25) апрѣля «Je viens d'apprendre que Mad—me la Gr. Duchesse a vu aujourd'hui l'Imp—ce en présence du Grand Duc.».

12 (23) мая. «Son Alt. Imp—le parut Dimanche passé à la comédie à la cour».

Донесеніе 27 мая (7 іюня) сообщаетъ о второмъ свиданіи между Елисаветой и Екатериной.

16 (27) іюня. Понятовскій передъ отъѣздомъ просилъ Остена служить посредникомъ для его переписки съ Екатериной.

26 іюня (7 іюля). Бестужевъ «est traité avec distinction dans sa maison. L'imp—ce lui accorde 25 roubles par jour pour l'entretien de sa table et lui a envoyé dans la semaine passée 1500 roubles pour subvenir aux autres dépenses qu'il pourroit avoir».

10 (21) іюля. Екатерина «dit qu'Elle s'est bien appeçue que sa réconciliation avec le prince son epoux étonne autant qu'elle inquiète la Souveraine et les sujets, mais cela fait une raison de plus pour Elle pour la conserver et elle est résolue de ne rien négliger pour être bien avec lui. Les conditions aux quelles L—rs Alt. Imp—les se sont reconciliés, sont les plus extraordinaires, qu'on ait jamais vues entre Mari et Femme. Il a non seulement consenti qu'elle voye le C. de Poniatowsky, mais il a même promis de lui en faciliter les moyens. De l'autre côté la Gr. Duchesse a promis de rendre les mêmes services à son epoux et à mademoiselle de Woronzow».

21 іюля (1-го августа). Остенъ далъ Понятовскому шифръ для переписки.

Донесеніе 18 (29) августа. «Je ne suis pas moins exposé à présent, me voyant obligé d'entretenir un commerce de lettres avec Madame la Gr. Duchesse. Elle m'a envoyé diverses lettres, que le chambellan Schouwaloff lui a écrites, où l'on voit l'empressement et le désir, qu'il a pour gagner ses bonnes graces. Elle demande mes conseils dans la situation présente. Je n'ay pu qu'y répondre, en lui conseillant de tâcher de s'emparer de l'espri

du Gr. Duc, de ne menacer personne et de recevoir pour amis tous ceux qui lui prouveroient leur attachement».

Донесеніе Остена 15 (26) декабря 1758 г. Письмо Екатерины къ Остену: «La confidence, que je Vous ai promise il—y—a huit jours, consiste en ce qu'il s'est ouvert une communication aisée et sûre entre le C. de Best. et moi. Il m'a chargé de Vous demander de l'argent; Wolff lui en a promis autant, à ce qu'il dit du moins, mais lui demande du temps; il veut dix mille et mille d'abord; il est tout plein de projets... et de courage; on diroit qu'il gouverne l'Europe de sa prison et prêche ses gardes en ma faveur. Il m'a fait dire de tirer de Monseigneur quatre mille, qu'il lui a prêté, car, dit il, je ne veux pas qu'il les aye, devroit on les jeter dans l'eau. Vous voyés qu'il n'est pas changé».

Остенъ отвѣчаетъ въ письмѣ Екатеринѣ между прочимъ: «Le courage et l'inflexibilité de Ms—r le Comte de Bestoucheff ne m'étonnent point, parcequ'ils sont conformes à l'idée que j'ai tousjours eue de son caractère; les malheurs ne l'accableront jamais et les projets périlleux conviennent d'ailleurs à sa situation: il est comme un oiseau dans une cave qui cherche à se sauver au péril même de s'étrangler; s'il reussit, il est sauvé et, s'il échoue, il ne peut guères être plus malheureux qu'il ne l'est présentement. Mais aussi faut il que je vous dise, qu'une telle conduite ne convient qu'aux infortunés, et je Vous conjure et Vous supplie au Nom de Dieu et au Nom de tout ce qui vous est cher dans le monde, de ne jamais entrer avec lui dans les desseins que je m'apperçois par Votre Lettre qu'il forme en Votre faveur. Son zèle pour Vous est louable et mérite toute Votre reconnoissance, mais la communication qu'il vous en fait, vous expose à tant de revers, qu'animé par le zèle, qui m'attache à Vous, je dois Vous prier de rompre plustôt, que de continuer avec lui une correspondance qui pourroit Vous devenir funeste... Pesez en même temps ce que Vous gagnerez, s'il réussit, et Vous verrez que l'avantage ne vaut pas le péril. Déjà le throne ne peut pas Vous échapper; voudriez — vous, pour y monter un moment plustôt, risquer d'en perdre à jamais l'accès? Vous pardonnerez, si je vous parle avec trop de liberté, en supposant des projets, qui peut-être n'existent point, mais la seule possibilité de leur existence suffit pour m'allarmer. Je connois le comte de Bestoucheff. Il n'a jamais sçu limiter les projets, et il n'a jamais vu de la difficulté dans l'exécution, que lorsqu'il ne fut plus temps d'y remédier».

Остенъ отказываетъ въ деньгахъ для Бестужева, проситъ Екатерину отвѣтить Бестужеву, что она даже и не передавала его просьбы Остену, и никогда не упоминать его, Остена, имени въ перепискѣ съ Бестужевымъ.

Донесеніе 18 (29) декабря. Екатерина прислала снова объяснительное письмо: «Loin de me fâcher de la franchise avec laquelle Vous me parlez, je Vous en remercie. Vous me croyez l'Esprit plus entreprenant qu'il ne l'est, et Votre amitié pour moi a fait aller Votre pénétration au de là de ce qui en est. Je m'en vais vous détromper avec autant de sincerité, qu'en mérite la votre, et j'oublie avec satisfaction que Vous me croyez l'esprit aussi peu réglé, que les projets que Vous supposez à Ms-r de Bestoucheff, mais dont Dieu mercy il n'en existe rien. Je me hâte de Vous tirer d'inquiétude. Lorsqu'il s'ouvrit une voye (pratiquée avec succès au commencement par moi, mais pas chez lui et qui pourtant l'a sauvé) il me fit renouveller beaucoup de conseils et d'informations, il y ajouta, que je trouverai chez vous de l'argent, qu'il connoissoit que j'en avois besoin, pour qu'au moment critique de la mort de l'Imp—ce je n'en manquasse pas. Je lui répondis, que j'avois répugnance de Vous en demander; il négocia chez Wolff, je ne sais comment, et la réponse faite, comme je Vous l'ai mandé, il en revient à Vous en demander; ce que j'ai fait en son Nom plustôt qu'au mien par une mauvaise honte, qui a causé ce quid pro quo; et lorsque j'ai ajouté mille d'abord, c'étoit par la raison que Sch(k)ourin, qui me sert avec zèle et entendement, a acheté une terre de 3000, sur laquelle je lui ai promis mille. Permettez présentement que mon amour propre vous dise, que je suis incapable d'un crime de la nature de celui que Vous supposez. Si Vous me connoissiez plus particulièrement, Vous verriez que je suis moins altière de beaucoup, qu'on ne me croit, et que j'ai peut-être plus d'intrépidité dans l'Esprit que de hardiesse... Votre nom n'a point été nommé, ni ne le sera». Тогда Остенъ далъ тысячу рублей за собственный счетъ, занявъ у Эстергази. Остенъ хочетъ предложить Екатеринѣ занимать у Эстергази «qui m'a prié de lui procurer l'occasion d'en fournir à S. A. I. Je ne puis pas faire autrement si je dois épargner la caisse du roi. J'espère, Monseigneur, que l'assurance que je donne à cette princesse de lui fournir de l'argent au moment critique de la mort de l'Imp—ce, trouvera l'approbation de Sa Majesté; car si pour monter sur le trône il ne lui faut qu'une somme modique, elle en trouveroit certainement dans ce moment là partout ailleurs, et alors il seroit fort avantageux pour les intérêts du Roi, qu'Elle crût devoir la couronne aux bienfaits de Sa Majesté. (18—29 дек. 1758 г.) Остенъ поэтому писалъ Екатеринѣ: «Voici les mille roubles, que je Vous envoye pour mon propre compte. Je ne saurois pas Vous en fournir d'avantage dans le moment présent. Si vous aimez mieux prendre de l'argent chez le baron de Wolff, Vous en trouverez plus facilement, si vous demandez en Votre nom, que quand Vous employez celui du C. de Best, auquel personne n'osera rien prêter dans sa situation présente... Si c'étoit dans le moment critique de la mort de l'Imp—ce, je n'hésiterais certainement pas de tirer sur ma Cour et de Vous fournir la somme, dont Vous pourriez avoir besoin,

assuré comme je le suis dans ce cas de l'approbation et des intentions du roi». (Донесеніе Остена отъ 18 — 29 декабря).

Донесеніе Остена 29 декабря (9 января). «Ms—r Beringschiold m'a dit hier que Ms—r de Brockdorff l'avoit chargé de me dire en confidence que non seulement il ne s'opposeroit pas à l'échange, mais qu'il s'en iroit d'ici et quitteroit entièrement le service du Grand Duc pour donner sa place à quelqu'un, qui pourroit mieux finir cette affaire, si le roi vouloit lui donner une somme d'argent, dont il pourroit vivre ensuite honnêtement, mais il me fit entendre en même temps qu'il s'attendoit à cinquante mille écus». Остенъ находилъ, что это слишкомъ дорого, и отвѣтилъ, «que je lui donnerai la réponse dans le courant de cette semaine et la seule, que je lui donnerai, sera que j'en ai fait mon rapport au roi. Si cependant je puis porter messieurs les ambassadeurs à fournir chacun dix mille écus, je risquerai d'y ajouter autant et lui offrir les trente mille, à condition qu'il finisse l'affaire... Le comte Esterhasy m'a déjà dit qu'il donneroit volontiers quelques milliers de ducats pour qu'il s'en aille simplement, et il croit que Ms de l' Hôpital en fera autant; mais comme je ne suis pas authorisé de lui en offrir uniquement pour s'en aller...». «La Grande Duchesse m'a chargé en même temps de prier le C. Esterhasy de lui faire avoir de sa cour 50/m roubles, en me confiant que la cour de Vienne lui avoit offert il—y—a deux ans une pension annuelle de 12/m ducats, qu'elle n'avoit pas jugé à propos d'accepter alors. Le dit ambassadeur a répondu... qu'il en écriroit cependant à sa cour.

Донесеніе отъ 16 января нов. ст. 1757 г. гр. Эстергази: Эстергази имѣлъ разговоръ съ Елисаветой. Императрица подтвердила лично, что она «dem Feldmarchallen Generalen Apraxin aufgetragen hätten, alles dahin anzuwenden und zu versuchen, damit derselbe noch diesen Winter gegen Preussen etwas unternehmen und ich versicheret seyn solle, что она Ihro Orts alles, was nur immer möglich seye, zu Ausführung der gemeinsamen Absicht aufrichtig beytragen würde».

1-го февраля 1757 г. нов. ст. прибылъ въ С.-Петербургъ австрійскій генералъ-фельдмаршалъ-лейтенантъ Ф. Буккевъ. По поводу переговоровъ о голштинскомъ вопросѣ и о войнѣ Эстергази писалъ отъ 9-го февраля: «Das beste ist, dass die Russ. Kays. dermahlen ziemlich gesund ist, wobey besonders merckwürdig, dass, sobald sich dieselbe wohl befinden, die Geschäfte gleich geschwinder gehen, und man auf den Grossfürsten wenige Rucksicht trage; sobald aber die hiesige Monarchin etwas unpässlich ist, so stehet schon jedermann wegen des Grossfürstens in Forcht».

Донесеніе Эстергази отъ 9 марта: «Der Gross-Canzler ist so kek, dass er mit der Grossfürstin einen unerlaubten und der Russischen Kayserin May—tt

nachtheiligen Briefwechsel unterhaltet, und diese junge Herrschaft in ihrem Ungehorsam noch zu steifen suchet. Dem Generalen von Buccow hat der Gross-Kanzler ein-und anderes von der Grossfürstin an ihn geschriebenes original Billet vorgewiesen .. Gleichwie nun der Russischen Kayserin dieses garnicht verborgen, so ist (она) auf den Gross-Canzler höchst aufgebracht und mit seinem so gestalteten Betrag nunmehro auch m'ssvergnügt, dass seit meiner Anwesenheit wegen des Gross-Kanzlers gewiss noch niemahlen eine so grosse fermentation, als dermahlen, gewesen ist; und wan die Russische Kayserin hierinfalls nicht eine Acte d'Autorité vorniehmt, so ist sicher und fest, dass der Gross-Kanzler, so viel von ihm abhangen kan, sich allen Anliegenheiten und denen aus dem neuen Staats-Systemate herfliessenden gemeinnuzlichen Absichten nach seinen äussersten Kräften zu widersezen und alles, was denenselben — es koste, was es wolle — Hindernusse im Weeg zu legen vermag, von allen Orten horvorzusuchen, niemahlen aufhören werde».

Донесеніе Эстергази отъ 15 марта 1757 г. Узнавъ, что Апраксинъ не считаетъ возможнымъ начать операціи ранѣе мая, Эстергази писалъ генералу С. Андрэ въ русскую армію: «Alle Umstände haben nun in das klare gesezet, dass der Fm. Apraxin die operationen mit Willen verschoben, und die darzu gehörige Nothwendigkeiten herbey zu schaffen solchergestalten vernachlässiget habe, dass dermahlen freylich nicht mehr möglich vor den Sommer etwas zu unternehmen; es will dahero nöthig seyn, dass auf seine Demarchen ein obachtsames Aug gehalten, und seinen Monstrationen nicht getrauet werde. 15 марта 1757 г.».

Донесеніе 24 апрѣля 57 г. Эстергази представилъ Кауницу обширную ноту, направленную противъ всего поведенія и всей политики Бестужева: «So sehr ich mir aber auch Mühe gegeben durch Baron v. Buccow sowohl, als durch den bei ihm in gewissen Vertrauen stehenden Poniatowsky zu erfahren getrachtet, in was dann eigentlich seine wider mich habende Griefs mit Namen bestehen mögten, um mich darnach achten zu mögen, haben doch beede nach wiederhohlten Verwendung keine andere, als die Spuhren eines fest sitzenden Vorurtheils entdecken können. Бестужевъ сблизилъ Уильямса съ молодымъ дворомъ. Эта интрига канцлера сдѣлала вел. князя и всѣхъ, кто глядитъ въ будущее, врагами «новой системы». «Der üble Gesundtheits-Stand und die Langmuth der Kaiserin von einer Seite, des Williams durch die G. Fürstin gestützte Unterbauungen von der anderen, und, so weit es die Verhinderung der französchen Absichten betraf, des G. Canzlers Einblassungen von der dritten Seite, machten den G. Fürsten täglich dreuster, bis dass er endlich eine ganz laute Sprache zu führen und auf eine hier unerhörte Arth sich mit Bedrohungen künftiger Zei-

ten herauszulassen nicht mehr gescheuet. Hiermit hat die Politique des G. Canzlers den gesuchten Endzweck erreichet, denn, da der G. Fürst die gute... Würkung dessen an Hand gegebenen Raths abzuspühren und alles zu zitteren angefangen, so hat der G. Canzler dadurch der G. Fürstlichen Herrschaft vormahlige starke Abneygung auf einmahl in ein gänzliches Zutrauen zu veränderen gewust Diese neue Stütze nun ware und ist einiger Massen noch die einzige, nach welcher der G. Canzler mit Hintansetzung aller Rucksicht gegriffen, um zu einer Zeit seinem Untergange zu entrinnen, da er nur noch zwey Finger breit von seinem ohnfehlbahren Verderben entfernet gewesen... Ja es gienge so weit, dass selbst der Cammerher Schuwalow eine Arth der künftigen Sicherheit darinnen zu finden glaubte, wann, wie würcklich geschehen, der G. Canzler seine Erhaltung dessen äusserster Verwendung zu verdanken haben würde.. Und da der einzigste Zeitpunct erschienen Preyssen zu demüthigen, so ergiebet sich's, dass man seine Vorlieb vor das alte Systeme nicht der Klugheit seiner Einsicht, nicht seiner daraus entstandenen Fermeté... sondern bloss seinen Nebenzwecken beyzumessen habe(n)..

Mittler Weile hat man G. Fürstl—r Seits... dem neuen Systemati alle Thüren zu verschliessen, denen Englischen Absichten aber Beförderung zu schaffen gesuchet. In dieser Absicht hat man sich an dem Apraxin gewendet, und solchen, nach dreist zu erkennen gegebener Gedenkens-Arth, in die Verlegenheit gesetzet, denen von der Kaiserin selbst empfangenen Befehlen nicht nachleben zu können, ohne Forcht dem jungen Hofe äusserst zu missfallen, und bey etwa erfolgender unglücklicher Veränderung sich selbst in ein unvermeydliches Verderben zu stürzen. Ein Umstand worüber Apraxin sich dem klaren Buchstaben nach geäusseret und welcher selben bewogen nicht nur seine Abreysse so lang möglich zu verschieben, sondern auch die leicht zu verfügende Veranstaltungen der Nothdurft versäumen und endlich ihn mit dem festen Vorsatze, ja gegen die G. Fürstin gegebenen Worte, abgehen gemacht: die künftige Zeiten abwarten, die Operationen durch alle scheinbahre Ausflüchten auszusetzen und seine Beschützung selbst seinen vor der jungen Herrschaft zitterenden Gegnern, wie auch seinem neuen Freund dem Peter Schuwalow überlassen zu wollen... Des G. Canzlers unerlaubte menées — da ist die Quelle alles Unheils zu finden!... Alles dieses ist der Kaiserin nicht unbekannt: Sie weiss und verabscheuet es nebst den Urheber! würde auch bereits die ergiebigste Mittel getroffen haben, wann Sie in der Geschäften Routine bewandelte subjecta vor sich zu haben glaubte. Ich kann mit der vollkommesten Gewisheit sagen, dass diesem allen ungeachtet die Frau vor kurzen schon auf den point gewesen seye, den Coup zu frappiren... Es mag aber der G. Canzler sich weiters erhalten, oder nicht, so ist in beeden Fällen eben kein allzugrosses Unheil mehr durch

Ihn zu beförchten; denn entweder giebt es Mittel ihn über vieles selbst zum Ziehl zu führen, oder wird endlich durch andere Weege bey der Kaiserin selbst durchgesezet werden können, was jener vereitelen trachten dürfte... Dahero denn auch nicht zu zweiflen stehet, dass die Russische Armée endlich auch in Bewegung gelangen und, wann die Machine einmahl im Gang ist, auch das angehofte beytragen werde».

Донесеніе Эстергази 2 августа 1757 г. Русская армія перешла Нѣманъ. Елисавета сказала Эстергази, что Апраксинъ долженъ быть уже въ Пруссіи. Эстергази замѣчаетъ Кауницу: «dass die so langsame Zuwerckgehung nicht dem Geld Mangel, sondern... des Fm Apraxin bekanter Bangigkeit und denen ihm von der jungen Herrschaft anfänglich beygebrachten principijs guten Theils zuzuschreiben seye».

Донесеніе 27 августа 1757 г. «Das bedencklichste ist, dass die Russ. Kayserin von des Grossfürsten und seiner Gemahlin thun und lassen und allen ihren Kleinigkeiten exacte informiret seye und, wan davon die Rede ist, sich gleichwohlen nicht anderst als mit diesen Worten äussere: lasset sie nur so fortfahren. Ingleichen kan die Russ. Monarchin den Gross-Canzler als den Urheber und Aufhezer, dass der Grossfürst und sie (Екатерина) höchstderoselben (Елисаветѣ) recht in allem zu missfallen suchen, dermahlen weniger als jemahlen leyden, welches der Gross-Canzler auch gar wohl beobachtet, mithin nicht wenig niedergeschlagen... ist»...

Донесеніе Эстергази 9 сентября. По поводу извѣстія о побѣдѣ при Гроссъ-Егерсдорфѣ Эстергази пишетъ свой выводъ: «Dass es dem hiesigen Hof doch jederzeit wahrer Ernst gewesen seyn müsse, und keineswegs das Englische und Preussische Geld denselben bis nun zu von vigoreusen Unternehmungen abgehalten habe, sondern dass die diesseitige Verzögerung einzig und allein des Fm Grafen Apraxin schlechten Vorkehrungen und seiner damit verknüpften Bangigkeit, dan der Rueksicht auf die junge grossfürstliche Herrschaft ob der Russischen Monarchin vormahligen Kranckheit zuzuschreiben seye».

Донесеніе Эстергази 23 сентября. Извѣстіе объ отступленіи Апраксина. «Ich vernehme auch von einem ganz zuverlässigen Ort, dass Sie über die in der Bataille bey Grossjägersdorf gebliebene Russen scrupulos zu werden anfange, worzu insonderheit die bey ihr in grossen Ansehen stehende Geistlichkeit Schuld tragen solle».

Донесеніе 27 сентября. Эстергази не надѣялся, чтобы Апраксинъ исполнилъ приказъ Елисаветы — «alles menschmögliche anzuwenden, um festen Fuss in Preussen zu behalten», когда онъ узнаетъ о болѣзни императрицы. «Und da die hiesige Monarchin lezthin... scrupolos und perplexe

zu werden anfanget, benebst die Geistlichkeit wegen der in der Bataille gebliebenen Russen Ihr immer in denen Ohren liegen, so ist noch dahin gestellet, захочетъ-ли она продолжать войну. Dan da Sie den 19 (сент.) zu Czarsko selo nicht in der Schloss-sondern in der offentlichen Kirchen in Gegenwart einiger 100 Menschen zur Erden gefallen, einige Viertel Stund ganz ausser sich und fast ohne Leben gelegen, so will Sie solches nicht einem natürlichen, sondern ominosen Zufall ausdeuten». Эстергази счелъ даже нужнымъ сдѣлать запросъ Кауницу, «ob ich die Medio Novembris fällige weitere Conventions-Gelder hier auszahlen solle, oder nicht».

Донесеніе Эстергази 4 октября. «Der Gross-Canzler aber in meiner und deren meisten Gliederen Gegenwart dem F. M. Apraxin auf eine freye und offenherzige Art die Schuld der so spät eröfneten Campagne und des Zuruck Marsches einzig und allein beyzumessen, kein Bedencken getragen». П. Шуваловъ держалъ сторону Апраксина.

Донесеніе 14 октября. Нотой отъ 30 сент. 1757 г. русское правительство увѣдомило союзные дворы объ отступленіи Апраксина и признало его доводы заслуживающими уваженія. По Эстергази въ этой нотѣ русскій дворъ «gar kein Geheimnuss mehr machet, aufrichtig zu bekennen dass der Feldzug dieses Jahr... geendiget seye».

Донесеніе Эстергази 20 ноября. Чтобы имѣть точныя свѣдѣнія о положеніи русской арміи, Эстергази посылалъ къ генералъ-фельдмаршалъ-лейтенанту барону С. Андрэ въ русскую армію «den Hauptmann v. Kempel». 25 октября Кемпель вернулся и представилъ отчетъ. Изъ него выяснилось, «dass der üble Ausschlag der diessjährigen campagne nichts weniger als einer Verrätherey, sondern einzig und allein des Fm. Apraxin Bangigkeit und Unerfahrenheit, sodan die so lang verzögerte Kriegs Operationen denen zwischen ihm und der jungen Herrschaft fürnemblich aber der Grossfürstin fürwaltenden geheimen Umständen (wovon der Gross-Canzler vollkommen Wissenschaft gehabt, solches aber auf eine unerlaubte Weiss der Russ—en Monarchin verhellet) unwidersprechlich zuzuschreiben seye. Кемпель въ своемъ отчетѣ о кампаніи 1757 г. приходитъ къ выводу, wie wenig auch künftig auf die Ergiebigkeit einer Russischen Hülfe zu bauen seye, insolange die dermahlig innerliche Verfassung nicht gänzlich umgegossen und unendlich viele wesentliche Missbräuche bey der Armée aus der Wurzel geriessen werden mögen». Отступленіе Кемпель считалъ ошибкой, которая ничѣмъ не оправдывается:

«Nichts wäre billiger und natürlicher gewesen, woferne dem Übel kein Rath übrig geblieben wäre. Es wurden aber deren verschiedene von dem Herren Generalen Baron v. St. André zur Auswahl unterleget und zwar

1-o) sich, wie gedacht von Welau und Tapiau so fort zu bemächtigen, oder wenigstens, nachdem Beydes vom Feind verlassen und von dem dortigen Bürgermeister selbst darüber die Nachricht gebracht worden, davon Besitz zu nehmen, so dan das in Gumbinen und Insterburg hinterlassene Proviant auf der Inster nachzuschiffen... biss man das nur 3 Marche davon entlegene Labiau erreichet und Anstalten getroffen hätte, von Memel auf dem Haff, ja selbst von Tilsit, wohin man sich der vivres wegen replijren wolte, die erforderliché Abundanz zur Armée zu schaffen oder 2—do .. all das unnütze und verderberische Gesinde derer Cosaquen... nebst der Menge blessirten, Krancken, unnützen Bagage und Dross, gleich nach der Action gerad nacher Tilsit zu schicken, mit dem Kern der Amée aber (so nach ansich Ziehung des Vorraths in Insterburg und Gumbinen beinahe auf einen ganzen Monath genau ausgerechnet, verproviantiret gewesen wäre) sich jenseits der Demme mit dem rechten Fliegel an Labiau und a porte von Königsberg zu setzen, sodan aus der mit allem Überfluss gesegneten Gegend der so genanten Niedrigung, des noch unverlezten Amts und Insul Russe, alles das aufzubringende herbey zu schaffen; hiermit hätte man die Entblössung der feindlichen Absichten abwarten, Königsberg einnehmen und folglichen allen künftigen Abgang ausweichen, benebst aber auch die nöthige Winter-Quartier versichern können». Кемпель считалъ, что время для выполненія такого плана еще не ушло. Но русскій генералитетъ избралъ худшее: «rückte unversehens (anstatt den schönen, vom General S—t André recognoscirten, vom General-en-Chef Fermor aber aus verborgenen Ursachen voller Defileen und inpracticable angegebenen Weeg nach Welau... zu nehmen) nach Aallenburg, гдѣ der Armée und Bagage durch einen ganzen Wald erst eine Öfnung gebahnet werden müssen [1])». Затѣмъ отступленіе пошло на Insterburg и Tilsit. «Man hielte den 24 sept Kriegs-Rath, beschoss ein durch die Laag selbst fast unangreifliches Laager jenseits dem Memel (Niemen) annoch best möglichst zu sortisiciren... Einige wenige Hussaren liessen sich kaum sehen, als man die ganze feindliche Macht zugegen haben wolte und dieses gabe dem General Fermor Anlass посовѣтовать фельдмаршалу перевести армію на другой берегъ Мемеля. Отъ барона С. Андрэ davon bis die lezte Stund ein Geheimnus gemacht und der Fluss würcklichen ohne von Feind beunruhiget zu werden, solchergestalten passiret worden».

Донесеніе Эстергази отъ 25 ноября. На свадьбѣ Салтыковой и Измайлова Эстергази велъ разговоръ съ Елисаветой (вѣроятно, 11 ноября

[1]) С. Андрэ два раза подавалъ совѣтъ идти черезъ Велау — въ первый разъ непосредственно послѣ егерсдорфской битвы и, вторично, въ Алленбургѣ. Кемпель въ своемъ донесеніи невполнѣ различаетъ ихъ.

ст. ст.) «Wobey merkwürdig ist, dass die hiesige Monarchin des F. M. Apraxin unvermuthete Zuruckziehung einer geheimen Ursach unterworfen seyn zukönnen, vast zu glauben geschienen habn; dahero höchstdieselbe mir eröfnete, wasmassen sie in einem eigenhändigen Schreiben von ihm Apraxin seine ganze Correspondenz anverlanget, und den Gral Procureur Knees Trubezkoy, dan den Vice-Canzler Woronzow nebst den 2 Brüdern Best. und Gr. Peter Schubalow zu commissaires ausersehen hätte. Nach diesem hatte die Russ. Kayserin mir abermahlen von des Gross Canzlers widriger Gesinnung, Intriguen und Nebenabsichten eine sehr schlechte Beschreibung gemacht und sich gegen mich dahin geäusseret, wie sie nicht wüste, was Sie mit ihm anfangen könne noch solle? Worauf ich lächlend und ganz natürlich geantwortet, dass eine ihm Gross-Canzlern zu seiner Versorgung zugebende zulängliche Pension in Ansehung ihres und des damit verknüpften Interesse gewiss hundertfältige Zinsen abwerfen würde. Ingleichem hatte mir die hiesige Monarchin von dem Grossfürsten angefangen, sagende: dass sie gern dan und wan sich mit ihm bereden und von ihres Reichs und anderen Sachen sich in einen Discours einlassen wolte; allein gienge zu ihrem grösten Leydwesen nicht ein vernünftiges Wort aus seinem Mund und wäre überhaubt sein ganzes Betragen und Ausführung gar schlecht beschaffen».

Донесеніе Эстергази 25 ноября. «Übrigens vernehme ich weiters, dass der Grossfürst bey dem favoriten Schubalow über die Franzosen erst recht lossgezohen habe, sagende: dass von diesem Hof niemahlen etwas zu erwarten seye, und gleichwie er Grossfürst von der Russischen Kayserin nichts zu hofen hätte, benebst hier in einem beständigen Zwang nicht leben könnte, so mögte er favorit von der hiesigen Monarchin ihm die Erlaubnuss auswürcken, dass er sich von hier weg und nach seinem Land, wo er lieber als Obrister leben wolte, begeben dörfte. Gleichwie nun Елисаветъ Шуваловъ alles erzehlet hat, so können sich Euer Exlz unschwer vorstellen, wie die Russ. Kayserin über diese unvernünftige Äusserungen gekräncket seyn müsse? und ist aus des Grossfürsten Reden nicht undeutlich abzunehmen, dass ihm alles dieses von dem kecken Canzler in den Mund gelegt worden seye».

Донесеніе Эстергази отъ 6 декабря. Канцлеръ сообщилъ Эстергази, что Фермору «gestern durch einen Courier der geschärfte Befehl zugeschickt worden seye, dass Er coûte qu'il coûte nach Preussen zuruckkehren, alda die Winter-Quartier nehmen und sich der Stadt Königsberg bemächtigen solle».

Донесеніе Эстергази 20 декабря. Императрица «17—t hujus als an St. Nicolai Fest, da sie 4 Stunden in der Kirchen gewesen und sich verkältet

haben, abermahlen mit einer so schweren und einem Schlag-Fluss vast gleichkommenden Ohnmacht, oder so genanten Syncope überfallen und der ganze Hof andurch in nicht geringe Forcht und Schrecken gesetz worden... Unbeschreiblich ist, wie sich die ganze Schubalowische Famille und die Gräfin Woronzow, da er Vice-Canzler noch nicht ausgehet, nicht minder der Gross-Canzler dem Grossfürsten, seinem nunmehrigen Favoriten-dem General Major von Brockdorff zugedrungen, und sich über die andern zu erheben gesuchet haben».

Донесеніе Эстергази 30 декабря. Вчера императрица сказала Эстергази, «dass der General Fermor den 26—tn Decembris Styli Veteris mit der ersten Colonne den Marche nach Preussen antretten und der Rest der Russ. Armée sogleich nachfolgen solle».

Съ курьеромъ отъ 31 января 1758 г. Брокдорфъ подорвалъ вліяніе Бестужева у вел. князя. «Die Russ. Kayserin selbsten hat mir lezthin gesagt, dass die Umbstände und der vorige Zusammenhang zwischen dem Gross Fürsten und dem Canzler sich ganz und so abgeänderet hätten, dass der erstere von dem lezteren mit vieler Verachtung rede, nur die Gross-Fürstin seye dem Grafen Bestoucheff noch etwas zugethan; und finge in Ansehung ihr, der hiesigen Monarchin, seit kurzem sich der Gross-Fürst ganz anderst und so zu benehmen, dass Sie hierüber mehrere Zufriedenheit zu bezeigen Ursach hätte. Was den Gross Canzlern betrafe, so hätte Sie, die hiesige Monarchin, seit einigen Monathen ihn nicht über 3 oder 4 mahlen gesehen, und wäre ihr nicht verbogen, dass er Sich kranck zu seyn öfters simulire, öfters aber auch in der That kranck wäre; er der Gross-Canzler finge an alt und zur Arbeit untichtig und verdriesslich zu werden; allein könte ich versichert seyn (waren Ihre eigene Worte), dass wir seiner bald quit seyn würden».

Донесеніе 3 февраля 58 г. По поводу посылки Александра Шувалова въ Нарву для отобранія переписки у Апраксина Эстергази замѣчаетъ: «Ich zweifele aber sehr starck, dass das von der Grossfürstin an ihn Canzlern geschriebene und dem H—n Gralen Baron von Buccow vorgelesene original Billet, vermöge welchen der Apraxin nunmehro die operationes in Preussen anfangen könne, sich unter denen abgenohmenen Briefschaften befinden werden».

Донесеніе Эстергази 24 февраля. Курьеръ привезъ ключи Маріенвердера. «Der Grossfürst ist dermahlen mit der Russischen Kayserin in bestem Vernehmen und Ihro May—tt seynd mit dessen Betrag sehr zufrieden, ich schmeichele mir, darzu ein vieles beygetragen zu haben und ich fahre fort, von S—r Kays. Hoheit mit vieler Güte und Vetrauen be-

gnädiget zu werden... Dagegen hat sich der Gross-Canzler nun auch damit äusserst verhast gemacht. Seine bisherige Kanckheit hat abermahlen eine Intrigue ausgehocket und bestunde darinnen: dass dem Grossfürstl. geheimen Rath Stambke auf Verlangen der Grossfürstin der Pohlnische Orden durch des Poniatowsky Verwendung zugestecket worden. Nicht nur die Kayserin, sondern auch der Grossfürst seynd darüber sehr aufgebracht und da beyde ihre Einwilligung darzu versagt, so ist der Orden wiederum zuruckgeschickt. worden».

Донесеніе 26 февраля. Вчера арестованъ Бестужевъ. Нотой отъ 15 февраля с. с. русское министерство извѣщало объ этомъ Эстергази.

Донесеніе Эстергази отъ 14 марта 1758 г. «So hat man währendem Arrêt des gewesten Gross-Canzlers sowohl von ihm selbsten, als von verschiedenen Personen, worunter fürnehmlüh die Grossfürstin, der B. Stambke und der Rasumowsky zu zählen seynd, ein-und andere Briefe zu intercipiren Gelegenheit gefunden... Was nun den geheimen Rath Stambke betrift, so hat die hiesige Monarchin von dem Grossfürsten, da sein Ministre mit einem Staats-Arrestanten sich in einen strafbaren Brief-Wechsel eingelassen, eine zulängliche Satisfaction begehret; worauf der Grossfürst denselben so gleich arretiren und das examen vornehmen lassen... Ehe und bevor aber der Stambke gefallen ist, so hatte die Grossfürstin, welcher leicht begreiflicher Massen bey dieser Sache nicht gut zu Muth seyn kan, denselben zweymahl zu mir geschickt, und sich meinen guten Rath und bona officia zu Beylegung dieses Unwesens mit vieler Angelegenheit ausbitten... gleichwie aber die Russische Kayserin sich lezthin über der Grossfürstin unvernünftiges Betragen, Hoffart und Trotzigkeit gegen mich sehr beklaget und ohnedas ein fremder M—nre sich in die domestica nicht mischen muss, so habe in ganz unverfänglichen, jedoch Compliment-vollen Ausdrückungen diese Sache mit dem von mir abzulehnen getrachtet, dass meines geringen darfürhaltens das beste seye, wan sie vor Allem die Vermittelung ihres H—n Gemahls, welcher der Russischen Monarchin höchste Gnad und Vertrauen vollkommen besizete, bey diesen Umständen suchen würde. Dem Grossfürsten habe die Abschickung des Stambke nicht verhalten zu sollen für gut befunden, welcher diese Offenherzigkeit auch überaus wohl aufgenohmen und mir geantwortet hat, dass, wan er auch ihr der Grossfürstin was gutes rathen will, gleich wiederum andere, welchen sie Gehör giebt, solches zu verderben trachten; unter dessen wäre für sie kein anderes Mittel übrig, als sich der Russischen Kayserin gänzlich zu submittiren».

Эстергази доноситъ 31-го марта. Новая вина Бестужева выплыла наружу. «Da aber unter anderen von den in seinen Händen gewesten Geldern sich bey 70 m. Rubel unrechtmässiger Weiss zugeeygnet und in Rech-

nung gebracht hatte, dahero er vielleicht nicht ohne alle Leibs-Straf bleiben dörfe».

Донесеніе Эстергази 7-го апрѣля. «Was ich sonsten von dem Grafen Bestuchef Hartnäckigkeit... erwehnet, bestehet fürnehmlich in deme, dass, da die Russische Kayserin ihn fragen lassen, ob er an dem für den Baron Stambke destinirt gewesten Pohlnischen Orden nicht Antheil gehabt, er solches platter Dingen geläugnet und das heylige Abendmahl hierauf empfangen zu können betheueret; da man ihn aber frey seines eigenen Billets überwiesen und er sich entschuldiget, dass ihm solches aus der Gedächtnuss entfallen, so hatte die Russische Kayserin ihn Best so gleich nach der Vestung bringen lassen wollen, wovon man sie aber damahlen noch abzuhalten gesuchet hat.».

Донесеніе Эстергази 19-го апрѣля. [1]) Эстергази повторяетъ, что Бестужевъ сталъ искать опоры у молодого двора, когда замѣтилъ, что вліяніе его у Елисаветы падаетъ. Но канцлеръ, желая всюду проводить свою волю, слишкомъ натянулъ струну и потерялъ сразу довѣріе великаго князя, который сталъ тогда сближаться съ императрицей. «Der junge Hof, so vorhero niemahls in einige Rucksicht gezohen werden dürfte, noch einen Willen oder irgend einen Antheil an deren Geschäften zu haben pflegte, fienge mit einmahl, zufolge der gesteckten Rathschlägen den Kopf zu erheben, zu drohen und mit einem Worthe ihren Willen der Kaiserin Maytt höchsten und erspriesslichsten Gesinnungen entgegen zu setzen, auch öfters würckl. durchzusetzen... So hat er (Бестужевъ) auch durch seine übertriebene Dristigkeit, seine Personel-Passionen und die beständige Fortsetzung sich selbst creuzender intriguen den Bogen so hoch gespannet, dass sein bey dem Grossfürsten erworbener Credit auch mit einmahl gäntzlich verschwunden». По наблюденіямъ Эстергази кредитъ Бестужева сталъ падать уже съ сентября 1752 года. Эстергази по прежнему былъ увѣренъ, что канцлеръ и Екатерина задержали дѣйствія Апраксина. «Benebst ist Euer Excellenz aus meinen... Berichten satsam bekandt, was abwechselenden Zusammenhang zwischen der Grossfürstichen Herrschaft und Ihm, Er Bestoucheff zu errichten getrachtet, welches endlich dahin gekommen ist, dass durch seine Unterhandlung der Williams insonderheit die Gross-Fürstin zum Behuf derer Englisch-und Preusischen Absichten so weit gewonnen, dass der Feld-Marschall Apraxin die Kriegs-Operationen nicht ehender, als nach der von der Gross-Fürstin gegebenen Erlaubnus angefangen, welche Verzögerung aber leyder die üble Folgen nach sich gezogen, dass der vorige Russische Feldzug fruchtlos abgelofen ist».

Тайный рескриптъ Маріи Терезіи къ гр. Эстергази отъ 9-го января нов. ст. 1757. года. «So lange die jezige Russische Kayserin im Leben

[1]) Всѣ донесенія графа Эстергази помѣчены новымъ стилемъ.

bleibet, nicht leichtlich geschehen wird, dass entweder der Gross Canzler oder auch der Vice-Canzler gänzlich fallen und einer aus Zweyen völlig gestürzet werden solte, indeme wir dir schon vor langer Zeit die gegründete Anmerckung bedeutet haben, wasmassen es der Russischen Kayserin Haubt-Grund-Saz zu seyn scheinet, Ihrer eigenen Sicherheit und Ihrer Erhaltung auf dem Thron halber, die Entzweyung und Scheelsucht in dem Russischen Ministerio sorgfältigst zu nähren und lebendig zu erhalten. Um nun endlichen auf jenes zu kommen, was bey so gestalten Sachen von dir zu beschehen hat, so ist dir zwar ohnehin bevust, dass wir an die Domestica und personal-Händel anderer Höfe und auswärtiger Ministrorum keinen weiteren Antheil als einen solchen zu nehmen pflegen, welcher den Nuzen der Haubt-Geschäften beförderen, oder den diesen Geschäften daraus bevorstehenden Schaden abwenden kan... Es kommet also dermahlen Alles darauf an, auf was Arth den üblen Folgen, so aus denen contradictorischen Gesinnungen des Grose Canzlers und des grossfürstlichen Hofs entstehen könten, wohl begegnet werden möge. Das gedeylichste Mittel hierzu wäre freylich jenes, wann man, ohne zugleich die Russische Kayserin zu beleydigen, des Grossfürstl—n Hofs vorzügliches Vertrauen auf unsere Seite ziehen und du selbst dessen Wohlwollen gewinnen köntest als welches wir für einen Haubt glücklichen Zufall anseheten. Отсюда предписание: Dass, obschon es ebenfalls ohnmöglich ist, den Gross Canzler und den Vice Canzler unter einem Huthe zu bringen und beyde zugleich für sich zu haben, des einen und des anderen jedoch sich zu dem nehmlichen Endzweck geschickt und vorsichtig zu bedienen ist...».

Рескриптъ для гр. Эстеразги отъ 26 марта 1757 г. «Zur Beförderung des bekannten Hollsteinischen Austausch-Geschäftes hast du dich auch in Zukunft freundschaftlich, zugleich aber unverfänglich und auf eine solche Art zu verwenden, welche dich keiner Gehässigkeit bey dem Gross-Fürsten aussezen möge. Hiebey aber ist vorzüglich darauf zu sehen, dass der dähnische Hof in dieser Angelegenheit dergestalten begünstiget werde, dass er nicht von und nach Erhaltung dessen, so er wünschet, Anlass nehme, sich völlig auf die Hannoverische Seite zu schlagen, da sich der Berichtigung dieses Austausches vielmehr statt eines Mittels zu bedienen wäre, um Dännemarck von der abgeneigten Seite gänzlich abzuziehen und sich von demselben Hofe dessen Beytritt zur Parthey der gerechten Sache auszudingen».

Рескриптъ гр. Кауница отъ 9 октября къ гр. Эстеразги: «Der Betrag des Feld Marschallen Apraxin macht das ärgste vermuthen. Gewiss ist es, dass er mit dem Gross-Canzlern und dem Grossfürstl—n Hof in particular Correspondenz gestanden... aber ungewiss ist es, ob nicht sein Ruckmarsch aus Intriguen hergerühret und durch das Englische geld beförderet worden seye. Bey diesen critischen Umständen haben Euer Ellz mehr als jemahlen

alle vorsicht zu gebrauchen, damit Sie der Sachen weder zu viel, noch zu wenig thun und eines theils sich bemühen, der Russischen Kayserin May—tt die wahre Beschaffenheit der Sachen einsehen und die Urheber, wo nicht bestraffen, jedoch ausser Stand sezen zu machen, dass sie nicht weiter schaden können, anderen theils aber sich keine persönliche feindschaft noch den Nahmen eines Anklägers zuziehen».

Письмо Кауница къ гр. Эстергази 15 марта 58 г. въ отвѣтъ на его письмо отъ 26 февраля. «Euer Excell. werden ohnschwer ermessen, dass die darinnen enthaltene Nachricht von dem, was mit dem gewesten Gross-Canzlern H. Grafen Best. vorgefallen, hier für sehr wichtig angesehen worden Ich halte mich an die von Ihro May—tt bestättigte Grund Regel, dass sich der hiesige Hof in die Domestica anderer Höfen auf keine weisse einmischen, sondern nur seinen graden weeg fortgehen und das weesentliche der geschäfften durch übezeugende freundschafftliche Vorstellungen zu betreiben sich begnügen wolle. So lang dem H. Gr. Best. das wichtige Amt eines Gross-Canzlern und die Besorgung der auswärtigen geschäften anvertrauet war, so hat man vor ihn, nicht so wohl wegen seiner Person, als in Rucksicht auf seine Monarchin alle Achtung getragen, und sich beflissen sein Wohlwollen und Vertrauen zu gewinnen».

Журналъ операцій русской арміи, пересланный барономъ С. Андрэ гофкригсрату: «Den 31 Aug. und d. 1. Septb. 1756 ist die russisch. Kays Armée auf dem champ de bataille stehen geblieben, um das Te Deum zu halten, auch ihre und des Feindes Todte zubegraben und die blessirte fortzuschicken. Den 2 Sept brache die Armée auf und marchirte wegen vieler Wälder und Defileen nur eine Meil weit... Den 3—n in der früh wurde H. Major von Papilla von dem mir Gdgst anvertrauten Regiment mit einigen Hussaren, um des Feindes Position zu recognosciren, abgeschicket, welcher auch biss gegen Welau an das Wasser gekommen, retournirte sodann wieder im Haupt-Quartier, nachdeme die armée ausgebrochen und sich bey Nuer (?) gelagert. Eben diessen Tag bin ich selbsten voraus und eben den Weg biss gegen Welau gegangen, um den Augenschein einzunehmen, wie der Feind postirt stehe, hievon auch dem Feldmarchall alle Auskunft geben, mit dem Vorschlag, dass es Höchst nöthig seye auf einer Anhöhe nahe bey Welau posto zu fassen... D. 5 Sept. mit Anbruch des Tags bin ich selbsten abermahlen mit 2 Hussaren und 1. Cossaquen Regiment, um obgedachte Anhöhe, welche nun noch mehrers verschanzt und besezt worden, in Augenschein zu nehmen, recognosciren gangen und befunden, dass diesse Nacht der Feind die Schantz besezt behalten, es geschahe aber beederseits kein Schuss, derwegen zuruckkehrte vnd davon Feldmarchalln rapport erstattete. Den 6 ist die Armée aufgebrochen vnd hat Ihren March biss Allenburg fortgesezet und in dassiges Lager eingeruckt. D. 7 und 8 ist Rasttag. Nach-

mittag kame die Nachricht, dass der Feind sein Lager hinter Welau verlassen vnd sich bey Tapiau gesezt, zu gleicher Zeit ist der Burgermeister von Welau mit 2 Geschwornen ankommen, welche aussagten, dass der Feind bereits vor etlichen Tagen seine Backöffen und übrige Equipage nacher Königsberg geschickt. Auf disse Nachricht liesse Herr Feld Marschall die ganze Generalität, wie auch H. Brigadiers und Obristen zusammenrufen und eröfnete denenselben vorstehende Nachricht, fragte leztere in meiner Praesence auf Ihre Ehre zusagen, wie lange Sie noch Proviant hätten, worauf einige declarirten, dass Sie auf 6—8, andere aber die in der Action viele Leuthe verlohren etliche wenige Tage mehr hätten; da nun disses zu weiterer Verfolgung des Feinds von vorbenambsten Personen nicht vor sufficient gehalten wurde, so ward beschlossen mit der Armée sich dem Magazin gegen Tilsit zu nähern, solche wieder mit Proviant zu versorgen und alsdann, wann zuvor die bey der Armée befindliche viele Krancke in Sicherheit gebragt und vor deren Verpfleg-vnd Versorgung die Anstalt vorgekehret, auch die Armée wider verstärckt worden, dem Feind aufs Neue zu Leib zugehen». Сообразно этому армія 9 сентября нов. ст. выступила изъ Allenburg'a на Ilmensdorf, Jodlauken (13-го сентября здѣсь роздыхъ). «Den 14-t ruckte die Armee halbweg Insterburg in das Lager ein, von wannen der Obrist-Lieutenant Sibers alss Courier von der armée nacher Petersburg abgeschickt worden,... Eben dissen Tag kam die Nachricht ein, dass den 13-tn in der Nacht 2 Esquadrons Preussische Hussaren zu Gumbinen ankommen, das alldorten befindliche Meel-Magasin, so in 1000 Czettwett Meel bestanden und ungefähr 3000 Pressburger Mezen ausmachen möchte, gänzlichen ruiniret»... 15-го сентября нов. ст. армія достигла Инстербурга, а 21-го Зоммерау, откуда 23-го выступила въ Тильзитъ.

Донесеніе С. Андрэ Гофъ-Кригсъ-Рату отъ 24-го сентября изъ Тильзита. Здѣсь С. Андрэ сообщаетъ о русскомъ военномъ совѣтѣ отъ 7-го сентября нов. ст. у Алленбурга, о мнѣніи, что провіанта осталось всего дней на 6, на 8. «Und alsso einhellig beschlosen (unerachtet nach der Hand die Nachricht eingeloffen, dass der Feld-Marschall Lehwald die Gegend Welau verlassen und sich gegen Königsberg zuruckgezogen) sich Ihren Magazins bey Tilsit zu nähern, Ihren March aber über Insterburg nacher Tilsit zu nehmen; Ich meines Orts suchte disses abzuänderen und glaubte, dass vielbesser gethan seyn würde, den Marsch über Welau in die Gegend Labiau zunehmen, wodurch man den Churischen Haf gewinnen und Proviant genug an sich bringen könnte, zugleich in der Nähe bey Königsberg verbliebe. Alle meine Vorstellungen aber fruchteten nichts anders, alss dass man mir Versicherung gab, von Tilsit aus wider gegen Labiau vorzurucken und sich alsdann disses posto und des Churischen Haffs zu versichern».

Письмо фельдмарш. лейт. барона С. Андрэ изъ Мемеля отъ 20 октября нов. ст.: «Dass gleich einige Tage nach dem erhaltenen Sieg, wegen des nicht in Zeiten beschehenen Vorsehung der Mangel an Proviant sich geäussert hat, dahero H. F. M. Apraxin nebst seinen übrigu Herrn Generalen, wie er mir solches den 7 Sept. declarirt, den Schluss gefasst, sich zuruckzuziehen und dem Magazin, welches zu Tilsit ware und von wo aus man zwar die Promessen gethan aufs neue gegen dem Feind anzugehen, zunähern. Endlich aber so weit gekommen ist, dass wir biss hiehero gerucket seynd. Ich habe nicht ermanglet hierwider alle triftige Vorstellungen zu machen und im Gegentheil meine Vorschläge, wie und auf was Art der Feind weiters zu verfolgen seye, zuübergeben».

Гофкригсратъ отвѣчаетъ 11-го октября нов. ст. фельдмаршалъ-лейтенанту С. Андрэ на его письмо отъ 24-го сентября: «Obzwar daraus die erfolgte Zuruckziehung der Russischen Armée sehr unangenehm zu ersehen ware, so kommet es doch dermahlen noch darauf an, ob man den Strich Landes längst des Gilge—und Russe-Fluss biss Memel zu souteniren Vorhabens seye, welchen falls dann eine neuerliche Vorruckung wohl anzuhofen und wenigstens soviel dadurch gefruchtet wäre, dass das darendige Preussische Corp d'Armée in jenen Gegenden erhalten und demselben nicht gegen eine andere Seite sich zu wenden Luft gegeben würde... Inzwischen begreifet man nicht, wie bloss der Abmangel des Proviants diese Zuruckziehung veranlasset habe, da doch in dem eingeschickten Journal sich angemerket findet, dass durch die Preussische Hussaren eine nahmhafte Quantität Mehl zu Gumbinen ruiniret worden, mithin der vorgebrochenen Noth garleicht dadurch hätte gesteuret werden können, wann nicht nur sothanes Proviant, sondern noch ein mehreres hieran aus denen etwa auch weiters zuruckligenden Magazinen der Armee nachzuschieben und vor denen feindl. Anfällen sicher zu stellen, der vorsorgliche Bedacht genohmen worden wäre».

Д. и. *Евг. Щепкинъ.*

МАТЕРІАЛЫ.

Лѣтопись прихода Петро-Павловской церкви села Мигеи, Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской епархіи.

ВВЕДЕНІЕ.

Лѣтопись прихода Петро-Павловской церкви села Мигеи написана постепенно въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, такъ какъ для составленія ея нужно было имѣть подъ руками не мало разныхъ сочиненій, изъ которыхъ иныя составляютъ уже библіографическую рѣдкость; необходимо было поговорить по нѣкоторымъ вопросамъ съ людьми извѣстной компетенціи; разобраться въ церковномъ архивѣ; разспросить о многомъ стариковъ-обывателей и пр. Къ тому-же искреннее наше желаніе разсмотрѣть Мигейскій приходъ возможно всесторонне не мало усугубляло нашъ трудъ и затягивало время.

Считаемъ долгомъ оговорится: нѣкоторыя мѣста нашей лѣтописи, касающіяся исторической жизни Мигеи, а также ея административной и духовной зависимости, представлены въ связи съ общимъ ходомъ историческихъ событій и съ постепенной колонизаціей Новороссійскаго края, что какъ будто не совсѣмъ соотвѣтствуетъ такому сравнительно малому интересу, какой можетъ представлять описаніе столь незначительнаго уголка Херсонской епархіи, какъ Мигейскій приходъ; но избѣжать этого было невозможно, потому что нѣкоторыя событія, имѣвшія мѣсто въ Мигеѣ или относящіяся къ ней какимъ-бы то ни было образомъ, были-бы неполными и недостаточно понятными, если ихъ представить отрывочно, безъ указанной выше связи.

Далѣе, къ главѣ нашей лѣтописи «О Мигейскомъ метеоритѣ» приводится, вслѣдствіе слѣдующихъ исключительныхъ условій, подробный строго-научный анализъ этого метеорита, сдѣланный проф. Ю. Симашко: 1) такихъ метеоритовъ, какъ Мигейскій, за послѣднее столѣтіе упало на глазахъ наблюдателей только пять, и рѣдкая счастливая случайность выпала

на долю Мигеи; 2) метеоритъ этотъ, подобно другимъ метеоритамъ («Оханскому», «Метеориту Оргейля»), также имѣетъ въ метеоритикѣ опредѣленное названіе: «Метеоритъ Мигеи» или «Мигейскій метеоритъ» и заключаетъ въ себѣ совершенно новый углеводородъ «Эрделитъ»; 3) статья о Мигейскомъ метеоритѣ была напечатана, насколько намъ извѣстно, только въ «Нивѣ» за 1891 г. и потому мало кому извѣстна даже изъ Мигейскихъ интеллигентовъ..... Принимая все это во вниманіе, мы признали недостаточнымъ ограничиться однимъ только описаніемъ паденія этого метеорита, а сочли необходимымъ также помѣстить на страницахъ нашей лѣтописи и очеркъ научнаго анализа его, произведеннаго проф. Ю. Симашко.

Потомъ, въ «Описаніи Буга» мы отвели мѣсто не только топографическому описанію Буга въ Мигеѣ, но отчасти и описанію его вообще, на что были вынуждены обстоятельствами, о которыхъ говорится въ началѣ указанной главы.

Словомъ, всякая глава нашей лѣтописи имѣетъ на право своего существованія какія-нибудь данныя.

Наконецъ, лѣтопись наша важна, главнымъ образомъ, для Мигейскаго прихода, и посему мы задались цѣлью сказать обо всемъ, что его касается, по возможности подробно и побольше, дабы запечатлѣть на бумагѣ то, что въ недалекомъ будущемъ можетъ исчезнуть безслѣдно. Исходя изъ этого положенія, мы и помѣстили въ настоящей лѣтописи все, что нашли относящимся къ Мигейскому приходу, и всякій интересующійся имъ можетъ найти здѣсь если не все, то, по крайней мѣрѣ, многое, касающееся этого прихода, собраннымъ въ одно цѣлое изъ различныхъ сочиненій и документовъ, а также—изъ народныхъ преданій и обычаевъ.

При составленіи настоящей лѣтописи мы имѣли подъ руками слѣдующій матеріалъ: «Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійскаго края», А. Скальковскаго; «Мамай» или «Порубежники», его-же; «Исторія Новой Сѣчи», его-же; «Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа», Д. И. Эварницкаго; «Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей»; «Курганы и городища Херсонскаго края»; «Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры», Д. И. Багалѣя; «Труды Херсонскаго Губернскаго Статистическаго Комитета», кн. 1; «Кіевская Старина», іюнь, 1893 г.; «Мои воспоминанія объ Иннокентіи, Архіепископѣ Херсонскомъ и Таврическомъ», И. У. Палимпсестова; «Мои воспоминанія», его-же; «Историко-хронологическое описаніе церквей Херсонской епархіи», Преосв. Гавріила Розанова; «Осада и взятіе Очакова», А. Русова; «Краткія біографическія свѣдѣнія о князѣ Г. А. Потемкинѣ-Таврическомъ», С. Н. Шубинскаго; «Изслѣдованіе о гайдамачествѣ по актамъ 1700—1768 г.», Вл. Антоновича; «Нива» № 21 за 1891 годъ;

«Гайдамачина», Д. Мордовцева; «Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости» за нѣсколько лѣтъ, «Исторія Россіи», Соловьева; «Энциклопедическій Словарь», подъ ред. профессора И. Е. Андреевскаго, Брокгауза и Ефрона; «Къ столѣтнему юбилею. Одесскій Каѳедральный Преображенскій соборъ», свящ. С. Петровскаго; «Матеріалы для географіи и статистики Херсонской губерніи», ч. 1, Шмидта; церковный архивъ; переписка съ нѣкоторыми компетентными лицами и народныя преданія.

Петро-Павловской церкви села Мигеи священникъ

Іоаннъ Филипповичъ[1]).

I.

Топографія села Мигеи.—Значеніе названія «Мигея» и время его появленія.—Основаніе села и первой церкви.

Село Мигея, родовое имѣніе Скаржинскихъ,—расположено на лѣвомъ берегу Буга, 8 верстъ ниже г. Ольвіополя, въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, Херсонской губерніи, и, нужно сказать, расположено довольно живописно: надъ самымъ Бугомъ,—пожалуй отчасти въ видѣ амфитеатра, если смотрѣть на него со стороны Ананьевскаго уѣзда, откуда только и видно все село, раскинувшееся по балкамъ и оврагамъ. Отсюда вы видите передъ собой Бугъ, врѣзавшійся значительной дугой въ Мигею, затѣмъ котловину, примыкающую плотно къ Бугу, а дальше возвышенную мѣстность, постепенно понижающуюся къ этой котловинѣ по серединѣ и круто спускающуюся къ ней справа и слѣва. Кромѣ того возвышенность эта прорѣзывается двумя оврагами: справа Мигейскимъ Ташлыкомъ, а слѣва Сухимъ Ташлыкомъ, благодаря которымъ получается какъ-бы три холма. Черезъ село идетъ почтовый трактъ изъ Ольвіополя въ Вознесенскъ. Черезъ оба Ташлыка по почтовой дорогѣ находятся довольно хорошіе мостики. Отъ моста, перекинутаго черезъ Мигейскій Ташлыкъ, до конца села проложено шоссе. Съ западной стороны Мигея граничитъ угрюмой Компанійской скалой, а съ восточной — живописной Протичанской скелей. У ногъ первой шумитъ Компанійскій порогъ, а вторая омывается клокочущимъ, бурлящимъ и пѣнящимся свирѣпымъ Запорожскимъ порогомъ. Правѣе Компанійской скалы, надъ самымъ Бугомъ, утвердилась художественной архитектуры водяная вальцевая мельница, а чуть дальше пріютились затѣйливыя конюшни и барскій домъ съ башней. На среднемъ холмѣ красуется Ольгинская сельско-хозяйственная школа въ видѣ замка

---

[1]) Нынѣ въ с. Боркахъ Харьк. губ.

воздушной феи, какъ выразился о ней нѣкій корреспондентъ, съ различными не менѣе изящными сельско-хозяйственными постройками. Почти рядомъ со школой стоитъ величественная, красивая церковь. Прибавьте къ этому достаточно растительности, груды разбросаннаго повсюду гранита, бѣленькія малороссійскія хатки съ тоненькими струйками дыма, шумъ пороговъ, пѣнящуюся и клокочущую воду справа и слѣва, и спокойную зеркальную по серединѣ, зеленѣющія поля вдали, окутанныя синеватой дымкой,—и вы составите себѣ полное представленіе о Мигеѣ, этомъ прекрасномъ уголкѣ Херсонской губерніи, напоминающемъ своими красотами, какъ говорятъ, чудные берега Рейна и величественныя скалы Крыма и Кавказа.

Что-же значитъ названіе «Мигея» или «Мигія», какъ говорятъ иные? Трудно судить за неимѣніемъ точныхъ историческихъ данныхъ, какое изъ этихъ двухъ названій будетъ болѣе правильное и какого происхожденія это слово: малорусскаго, татарскаго или какого-нибудь другого? Попытаемся, насколько возможно, на основаніи историческихъ данныхъ и народныхъ преданій, установить эти обстоятельства и опредѣлить, хотябы приблизительно, время происхожденія названія «Мигея» или «Мигія», а также и значеніе его.

Насколько намъ приходилось слышать, многіе, пытающіеся объяснить значеніе слова «Мигея», производятъ его отъ корня «миг» (быстрота, мгновеніе) и говорятъ, что въ такомъ значеніи названіе «Мигея» какъ нельзя лучше подходитъ къ данной мѣстности. Насколько такое объясненіе цѣлесообразно, увидимъ ниже. Но будемъ говорить по порядку.

Достовѣрно, что подъ именемъ Мигеи были извѣстны островъ или островки на р. Бугѣ еще во времена гайдамачины, когда не было здѣсь не то что деревни, даже и хуторка, но когда все таки «Мигея, т. е. Мигейскіе островки», какъ говоритъ А. Скальковскій въ повѣсти «Мамай», «со всѣми своими порогами были знамениты во всей полуденной и западной Руси, отъ Волынскаго рубежа до самой Гетманщины, отъ Кубани до Тясьмина»... Что дѣйствительно подъ именемъ Мигеи, далеко раньше основанія села, разумѣлись островъ или островки на Бугѣ и при томъ какъ мѣсто довольно извѣстное и опредѣленное во времена гайдамачины, это обстоятельство подтверждается документальными данными. Пока обратимся къ показаніямъ 1750 хъ годовъ мѣщанина крѣпости св. Елисаветы Герасима Коваля, приведеннымъ А. Скальковскимъ въ повѣсти «Мамай» и позаимствованнымъ, какъ онъ самъ говоритъ, изъ «подлинныхъ показаній 1750 годовъ». Герасимъ Коваль, послѣ того какъ былъ уличенъ въ гайдамачествѣ и закованъ въ кандалы, далъ въ крѣпости св. Елисаветы такое показаніе: «Зовутъ меня Герасимомъ Ковалемъ, по прозванію Хромымъ, ибо я въ хлопцахъ еще ногу себѣ вывернулъ. Я мѣщанинъ крѣпости св.

Елисаветы; гдѣ и когда родился, не знаю; зашелъ сюда изъ Польши, будетъ годовъ съ два, а какъ я въ гайдамачество пошелъ, скажу. Прошедшаго года о праздникѣ Сошествія Св. Духа пришелъ ко мнѣ здѣшній мѣщанинъ-же Безпоясный и сказалъ, что онъ на рыбныхъ ловляхъ въ Мигейскомъ островѣ видѣлъ, что тамъ знатная гайдамацкая партія на Польшу сбирается. Я, подумавъ, что на мнѣ болѣе ста рублей долгу имѣется, а ихъ заплатить нечѣмъ, на то грабительство тоже рѣшился. Четыре дня спустя, подъ видомъ полученія у одного казака денегъ, взявъ паспортъ въ магистратѣ, вмѣстѣ съ Безпояснымъ на свою телѣгу сѣлъ и туда отправился. На броду р. Синюхи въ «Карантинномъ домѣ» у прапорщика (командира аванпоста) паспортъ мы показали и ему оставили, а сами съ его билетомъ на Мигейскій островъ поѣхали. Тамъ была уже партія въ шестьдесятъ шесть человѣкъ, при ватажкѣ запорожскомъ казакѣ Яковѣ Соломѣ; съ нею я пробылъ недѣлю, пока шайка увеличилась еще девятью человѣками, изъ которыхъ пять было запорожскихъ казаковъ. Когда всѣхъ собралось до семидесяти пяти человѣкъ, то рѣшились идти въ Польшу пѣшіе, для нападенія на Польскій лагерь, стоявшій подъ мѣстечкомъ Медвиномъ. Мы пошли и передъ вечеромъ, въ сумерки, у села Шестерницъ, когда плотину переходить хотѣли, нѣсколько Польскихъ дворянъ и ихъ казаковъ дорогу намъ перегородили и ружейными выстрѣлами на плотину не пускали. Ватажокъ нашъ Солома, крикнувъ своимъ людямъ, что-бы уходили, самъ первый бѣжалъ; но только одинъ изъ нашихъ за нимъ послѣдовалъ, другихъ-же я удержалъ и, скомандовавъ: «въ пики!», Поляковъ съ плотины согнали и въ болотѣ затоптали, да вокругъ на всю ночь караулы поставили, чтобы они уйти не могли, а утромъ всѣхъ перекололи; семьдесятъ одну лошадь и оружіе забрали. Я, Коваль, трехъ Поляковъ самъ убилъ. Откуда воротились и границу перешли близъ Ольшанскаго шанцу, тамъ своей добычѣ дуванъ[1]) сдѣлали, и мнѣ лошадь одна, пара пистолетовъ, сабля, бѣлая гусарская епанча и польская шапка съ сѣрою опушкою достались. Кромѣ того вся наша ватага для подарка Гардовому полковнику[2]) саблю хорошую и ладовницу оставили. Изъ семидесяти одного гайдамака пять человѣкъ остались въ Новосербіи, а я и шестьдесятъ пять другихъ поѣхали въ свой притынъ на Мигею, но на дорогѣ въ с. Красномъ, въ Новослободскомъ поселеніи, для пьянства осталось еще сорокъ человѣкъ, такъ что я въ Мигею прибылъ съ двадцатью едва людьми. На другой день десять человѣкъ только изъ Краснаго воро-

---

[1]) Дуванъ—раздѣлъ.

[2]) Гардовой полковникъ — начальникъ Буго-Гардовыхъ казаковъ, оберегавшихъ нашу границу по Бугу; жилъ въ такъ наз. Гардѣ на Бугу, версты 3 ниже нынѣшняго мѣстечка Константиновки.

тились, остальные или разбѣжались, или были пойманы разными вашими командами. Едва пробыли мы тамъ нѣсколько дней, какъ одинъ казакъ прибѣжалъ къ намъ съ извѣстіемъ, что въ балкѣ Добрянкѣ, надъ самою границею, запорожскій-же козакъ Иванъ Неѣжалый съ шестьюдесятью гайдамаками таборомъ стоитъ и въ Польшу намѣренъ идти. Всѣ мы сейчасъ туда-же въ числѣ тридцати человѣкъ пустились. На дорогѣ намъ никто препятствія не дѣлалъ, и мы въ той балкѣ нашли уже восемьдесятъ человѣкъ, такъ что съ нами до ста добрыхъ гайдамакъ набралось и мы того Неѣжалаго атаманомъ избрали. Тутъ совѣтовались, куда идти; но атаманъ сказалъ: «Братья! пойдемъ подъ Умань, тамъ на ярмарку Татары съ большими табунами лошадей пришли. Согласны?» — Согласны! отвѣчали всѣ. «Да точно-ли есть тамъ и лошади и Татары?» спросилъ я. Одинъ Добрянскій житель Волохъ вызвался идти впередъ и о томъ провѣдать, и черезъ три дня вернувшись намъ сказалъ, что лошадей тамъ пропасть. Мы немедленно туда пошли, слѣдуя берегомъ р. Синюхи и выше новаго шанца Новоархангельскаго, въ бродъ верхами перешли на Польскую сторону и на другія сутки къ Умани за три версты поспѣли. Остановясь за три версты отъ Умани, мы пошли «на подъѣздъ» и одинъ табунъ въ четыреста слишкомъ лошадей отогнали и домой пустились; Татары-же, его хозяева, въ Умань убѣжали просить помощи. Не прошли мы и двадцати верстъ назадъ, какъ Татары и сорокъ или болѣе Уманскихъ козаковъ насъ догнали и такъ удачно въ ружья ударили, что одного нашего въ смерть убили, а четырехъ жестоко ранили. Тогда мы остановились и сдѣлали по нихъ тоже залпъ, а послѣ, съ яростію бросившись въ списы, всѣхъ почти перекололи, — кажется, пять только ушло. Я самъ одного только закололъ. Лошадей погнали и счастливо за Синюху перебрались на степи запорожскія; остановясь за десять верстъ отъ Гарду, лошадьми подѣлилися и разошлись. Когда я все уже пропилъ, взялъ оставшіяся двѣ лошади и поѣхалъ къ Синюхину-броду, для полученія обратно паспорта, чтобы послѣ въ Новомиргородъ на ярмарку для ихъ продажи ѣхать; но не доходя Карантиннаго дому[1]), встрѣтилъ тринадцать человѣкъ гайдамакъ, которые, сказавъ, что идутъ въ Мигейскій островъ, гдѣ запорожскій козакъ Федоръ Швыдкій не малую шайку собралъ и на городъ Немировъ идти собирается, и меня, Коваля, съ собою взяли. На Мигеѣ оказалось всего до шестидесяти человѣкъ; Швыдкій пошелъ въ м. Торговицу для покупки пороху и свинцу и оттуда еще восемнадцать человѣкъ польскихъ гайдамакъ привелъ. Тогда восемьдесятъ почти человѣкъ на Польшу пошли, Бугъ верхами въ бродъ переплыли, Синюху тоже и такъ до самаго Ха-

[1]) Карантинный домъ — таможенно-карантинная застава, бывшая на р. Синюхѣ противъ польскаго рубежа.

шеватаго лѣсу дошли. Здѣсь въ пасѣкѣ скрывались цѣлый день, но утромъ услышали неожиданную тревогу, стрѣльбу и колокольный звонъ. «Видно уже насъ Ляшки почуяли, сказалъ нашъ атаманъ,—скорѣе назадъ, братцы!» и раздѣлилъ насъ на три чаты[1]). Раздѣлившись, я съ Швыдкимъ впереди идучи, по дорогѣ забралъ жидовъ съ повозками и скотомъ, да одинъ хуторъ ограбилъ, чтобы добыть немного съѣстного, и, дошедши до рѣки Синицы, узналъ отъ другихъ, что купеческій греческій обозъ въ степи одна малая чата ограбила и капитана Боя убила» ..

Это показаніе, какъ документальное, для насъ весьма важно: изъ него видно, что подъ именемъ Мигеи въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія разумѣлся извѣстный островъ,—если не нѣсколько съ тѣмъ-же названіемъ,—на Бугу, куда гайдамаки стекались на рыбныя ловли, гдѣ они совѣщались относительно «наѣздовъ» и вообще считали его однимъ изъ главныхъ своихъ мѣстопребываній и безопаснымъ тайникомъ. Это мнѣніе подкрѣпляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1758 году генералъ-маіоръ Иванъ Хорватъ, поселившійся въ 1752 году среди нашихъ степей съ сербскими эмигрантами, серьезно былъ обезпокоенъ вѣстями о появленіи многочисленной шайки Герасима Котляра, Неживаго и др., пребывавшихъ то на Мигеѣ, то въ Польшѣ. Кромѣ того Хорватъ неоднократно жаловался правительству, что Чута, Черный лѣсъ и окрестности Орлика[2]), къ которымъ относилась и Мигея, служили главнымъ поприщемъ гайдамацкихъ безчинствъ. И дѣйствительно, съ 1750 г. восемь лѣтъ сряду польская граница не имѣла покоя отъ «гайдамацкихъ наѣздовъ»[3]). Итакъ, если въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія мѣстность подъ названіемъ Мигеи существовала, какъ нѣчто уже опредѣленное и извѣстное въ Степи, то имѣемъ полное основаніе допустить, что и въ первой половинѣ прошлаго столѣтія,—если не раньше,—эта мѣстность была извѣстна подъ тѣмъ-же названіемъ, служа удобнымъ сборнымъ пунктомъ и превосходнымъ тайникомъ для гайдамакъ.

Такъ какъ названіе Мигеи существовало въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, когда мѣстность эта была обитаема гайдамаками, то можно допустить, пожалуй, что и названіе это дано гайдамаками, ибо нужно-же было обозначить какимъ-нибудь опредѣленнымъ именемъ то мѣсто, которое служило для нихъ сборнымъ пунктомъ и тайникомъ. Для подкрѣпленія этого мнѣнія необходимо лишь, на основаніи историческихъ данныхъ, доказать, что Мигея до второй половины прошлаго столѣтія была обитаема

---

[1]) Чата—постъ, пикетъ; въ переносномъ значеніи—шайка разбойниковъ.

[2]) Орликъ—теперешній г. Ольвіополь, Елисаветградскаго уѣзда.

[3]) См. «Мамай», А. Скальковскаго; «Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійскаго края», его-же; «Гайдамачина», Д. Мордовцева.

одними гайдамаками[1]). Извѣстно, что въ первой половинѣ XVIII столѣтія все необозримое пространство юго-восточнаго края Европы было почти необитаемою Степью. Но вотъ въ 1705 году, какъ говоритъ А. Скальковскій въ «Хронол. обозр. истор. Новоросс. края», «собравшіеся на верховьяхъ Буга (у Польской границы) комиссары: русскій думный дьякъ и намѣстникъ Каргопольскій Емеліанъ Игнатьевичъ Украинцовъ и турецкій Его Милость Еффенди Кочь-Мегметъ паша, для составленія межевой записи о границахъ заднѣпровскихъ мѣстъ, т. е. о раздѣленіи Степи, первымъ пунктомъ для начертанія границы избрали конецъ польской межи, а вторымъ свой таборъ[2]). Отъ ставки комиссаровъ тянулась далѣе грань между двумя враждебными тогда державами и, проходя по Степи, должна была держаться живыхъ урочищъ, другъ отъ друга весьма отдаленныхъ, ибо нечѣмъ было ее обозначить. Потому и говорится въ записи: «Початокъ границы отъ польскихъ концевъ, внизъ рѣкою Бугомъ до рѣки Ташлыка[3]), который по-турецки называется Великій Конарь, а отъ Великаго Конаря, идучи полемъ, поперегъ рѣки Мертвовъ (Мертвыхъ водъ); а перешедъ Мертвово полемъ черезъ Еланецъ, который по-турецки называется Енгулою, гдѣ впадаетъ Великій Ингулъ; потомъ, перешедъ Великій Ингулъ, полемъ до р. Исуни (Висунь), а Исунь поперегъ перешедши полемъ до р. Малаго Ингульца, а перешедъ Малый Ингулецъ, черезъ бродъ Бекенесскій, который отъ Кизикерменскихъ пустыхъ мѣстъ въ 10 часахъ; а отъ того брода прямо до устья рѣки Каменки, гдѣ она впадаетъ въ Днѣпръ; а отъ Кизикерманскихъ пустыхъ мѣстъ до того мѣста 4 мили, и тамъ кончится граница». Инструментъ, заключенный въ 1740 году, ноября 4 дня, въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, послѣ Бѣлградскаго мира, на Великомъ Ингулѣ, уполномоченными: со стороны Россіи Кіевскимъ губернаторомъ тайнымъ совѣтникомъ Неплюевымъ и турецкими благородными и почетными господами Мустафою-Беемъ и Селихтаромъ Кятибы, ясно говоритъ, что край между Днѣпромъ и Бугомъ былъ совершенно необитаемъ, потому что русская граница, измѣненная въ 1740 году только у польскихъ концовъ, идетъ по тѣмъ-же почти безлюднымъ берегамъ рѣчекъ и ручьевъ, на которые ссылается и Межевая Запись 1705 года[4]). И только по указу Императрицы Елисаветы Петровны 1751 года, 24 декабря, полковникъ австрійской службы Хорватъ и переселившіеся съ

---

[1]) Относительно обитаемости мѣстности «Мигея» въ болѣе раннюю эпоху будетъ сказано дальше.

[2]) См. «Запись Межевая, постановленная у р. Буга 1705 года октября 22», «Полное Собраніе Законовъ», IV, 324.

[3]) Черный Ташлыкъ.

[4]) «Полное Собраніе Законовъ», XI, 291.

нимъ Сербы получаютъ «земли плодоносныя, обширныя и для житья человѣческаго выгодныя» на Украйнѣ, т. е. въ Степи, начиная отъ впаденія рѣки Синюхи въ Бугъ, на польской границѣ, прямою почти линіею до верховьевъ рѣки Ингула (до Елисаветграда), и весною 1752 г. появляется такимъ образомъ первое военно-земледѣльческое поселеніе въ Степи[1]).

Изъ этихъ документальныхъ данныхъ явствуетъ, что мѣстность, занимаемая нынѣшней Мигеей, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія была еще не заселена и могла быть обитаема только гайдамаками, какъ весьма удобная для нихъ, ибо верстахъ въ 15 — 20 отсюда проходила турецкая граница, верстахъ въ 7—8 польская граница и въ 5—6 верстахъ татарское мѣстечко Голта.... Сама Мигея, представлявшая изъ себя прекрасный тайникъ для гайдамакъ, изобиловавшая рыбой, совершенно изолированная, вмѣстѣ съ тѣмъ такъ близко находившаяся отъ Польши, гдѣ гайдамаки всегда находили себѣ поживу, и стоявшая почти на границѣ трехъ враждебныхъ другъ къ другу государствъ, не могла, конечно, укрыться отъ гайдамацкихъ взоровъ. Что-же касается гайдамакъ, то въ первой половинѣ прошлаго столѣтія недостатка въ нихъ не было, такъ какъ еще въ 1648 году, во времена Богдана Хмельницкаго, образовалось множество такъ называемыхъ въ исторіи «гайдамацкихъ загоновъ», которые ходили по городамъ и имѣніямъ польскимъ и мстили своимъ «друзьямъ»: панамъ и жидамъ. Если Мигея со своими скалистыми островами, поросшими камышомъ, лозой и разными кустарниковыми породами, не такъ давно еще служила мѣстомъ укрывательства воровъ и бродягъ, то что нужно сказать о временахъ гайдамачины?

Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, лица, производящія названіе «Мигея» отъ корня «миг», въ смыслѣ быстроты, мгновенія.... и говорятъ, что названіе это дано потому, что гайдамаки, воры и разбойники, спасаясь отъ преслѣдованія, почуявъ опасную тревогу, замѣтивъ врага, скрывались на неприступныхъ Мигейскихъ островахъ въ мигъ, моментально, въ мгновеніе ока и могли считать себя уже внѣ опасности. Хотя это объясненіе довольно распространено и посему нужно съ нимъ считаться, но намъ оно предстявляется черезчуръ натянутымъ и едва-ли объясняющимъ названіе «Мигея». Другіе говорятъ, что Мигея должна называться «Мигіей», по имени славнаго и страшнаго Туркамъ гайдамацкаго ватажка Мигія, подвизавшагося нѣкогда въ этихъ мѣстахъ. Это объясненіе болѣе цѣлесообразно, чѣмъ первое, но мы, къ сожалѣнію, объ атаманѣ Мигіи ничего не знаемъ; да и въ запорожской литературѣ не

[1]) «Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійскаго края», А. Скальковскаго. Введеніе.

приходилось встрѣчаться съ какимъ-нибудь Мигіемъ, а посему трудно согласиться и съ этимъ мнѣніемъ.

Существуетъ еще одно предположеніе относительно названія «Мигея». Говорятъ, что с. Мигея получило свое названіе отъ могилы (кургана) съ тѣмъ-же именемъ, находящейся вблизи села. Дѣло въ томъ, что Мигейскіе старожилы передаютъ объ этой могилѣ слѣдующую быль: Извѣстный кампанейскій полковникъ Чеснокъ, печальная участь котораго, какъ увидитъ читатель ниже, воспѣта даже народомъ, посланный изъ Глухова для водворенія порядка по Бугу, на турецкой границѣ, гдѣ безчинствовали гайдамаки, направляясь отъ Запорожскаго Гарда вверхъ по Бугу, расположился, послѣ тщетныхъ поисковъ гайдамакъ, на отдыхъ недалеко отъ могилы «Мигеи», въ балкѣ, названной послѣ случая, съ которымъ мы сейчасъ познакомимся, «Компанійской» балкой.

Турки, замѣтивъ движеніе кампанейскаго войска и переправившись черезъ Бугъ, оставили все лишнее около могилы, названной, говорятъ, съ тѣхъ поръ «Турчиновой», подкрались незамѣтно къ могилѣ «Мигеѣ» и отсюда уже въ мигъ напали совершенно неожиданно на ничего неподозрѣвавшихъ кампанейцевъ. Результатомъ битвы было поголовное избіеніе кампаніи Чеснока[1]). Правда, въ устьѣ Компанейской балки, надъ самымъ Бугомъ, есть и теперь запавшая яма, изъ которой послѣ весенняго разлива рѣки вымываются наружу человѣческіе черепа и кости. Передаютъ, что это и есть та могила, которая послужила послѣднимъ земнымъ пристанищемъ для кампанейцевъ.

Здѣсь, какъ и въ первомъ предположеніи, слово «Мигея» производится отъ того-же корня «миг»; но это мнѣніе—совершенно несостоятельно. Достовѣрно извѣстно, что избіеніе кампаніи Чеснока относится ко времени десять лѣтъ спустя послѣ первой его кампаніи, какъ видно изъ рапорта Чеснока на имя кошевого атамана Сѣчи Запорожской объ окончаніи и результатахъ этой первой кампаніи, почти буквально приведеннаго А. Скальковскимъ въ повѣсти «Мамай», въ которомъ подъ именемъ Мигеп разумѣется островъ на Бугу.

Но желая все-таки объяснить названіе «Мигея», мы послѣ долгихъ изслѣдованій и изысканій по этому поводу пришли къ слѣдующему заключенію: мѣстность, занимаемая нынѣшней Мигеей, въ началѣ XVIII столѣтія принадлежала еще туркамъ; запорожцы въ свою очередь считали ее «своею вольностью», на основаніи польскихъ жалованныхъ грамотъ. Граница наша въ первый разъ была проведена здѣсь при Петрѣ В. 22 октября 1705 года. Для опредѣленія этой границы съ Ханствомъ Крымскимъ

---

[1]) Историческій фактъ; см. «Мамай», А. Скальковскаго.

съѣхались въ Степи, на Бугѣ, какъ мы уже сказали, Думный Дьякъ и Намѣстникъ Каргопольскій Емеліанъ Украинцовъ съ Турецкимъ Комиссаромъ Пашею Кочь-«Мегметомъ». Тогда и была учинена такъ называемая «Межевая Запись, постановленная у р. Буга 22 октября 1705 года». Не будемъ вторично приводить ее, замѣтимъ только слѣдующее: если провести, согласно записи, прямую линію отъ устья р. Чернаго Ташлыка до устья р. Каменки, то мѣстность подъ именемъ Мигеи будетъ лежать какъ разъ въ вершинѣ того Днѣпровско-Бугскаго треугольника, который устуналася по этой записи подъ кочевья Татаръ. Затѣмъ сопоставимъ слѣдующія обстоятельства: мѣстность находится въ 15 — 20 верстахъ отъ русской границы, въ 8 верстахъ отъ польской межи и при томъ надъ самымъ Бугомъ, находясь въ то-же время въ чертѣ турецкихъ владѣній, которыя запорожцы въ свою очередь считали, какъ находящіяся по лѣвую сторону Буга, «своею вольностью». А что мѣстность между Днѣпромъ и Бугомъ была вообще спорною, объ этомъ ясно говорятъ трактаты 1712, 1720 и 1729 годовъ, инструментъ, заключенный при В. Ингулѣ 4 ноября 1740 года, размежеваніе для опредѣленія границъ Крыма 26 ноября 1742 года и пр. Если-бы граница шла по Бугу, то она была-бы естественной и положительной, а то она проходила поперекъ рѣчекъ малоизвѣстныхъ и почти незаселенныхъ. Спрашивается, кому собственно принадлежала эта земля и въ частности мѣстность, извѣстная въ свое время подъ именемъ Мигеи? и кто изъ татаръ или ногайцевъ могъ рѣшиться загонять свои стада въ эту спорную землю и особенно въ вершину указаннаго треугольника, гдѣ такъ близки двѣ враждебныя границы? Свободнѣе и безопаснѣе было татарамъ кочевать со своими стадами по правую сторону Буга. Посему естественнѣе и удобнѣе всего было поселиться въ Мигеѣ гайдамакамъ, что они и сдѣлали. Изъ сказаннаго естественно вытекаетъ вопросъ: не должны-ли были гайдамаки назвать какимъ-нибудь опредѣленнымъ именемъ то мѣсто, гдѣ они собирались для всякихъ цѣлей, и не могла-ли Мигея получить свое названіе отъ имени Мегмета паши, участвовавшаго въ составленіи «Межевой записи 22 октября 1705 года»? А быть можетъ, Мегметъ паша прямо таки владѣлъ этимъ мѣстомъ. Важно здѣсь то, что слово «Мигея» могло свободно произойти отъ слова «Мегметъ»: корень почти одинъ и тотъ-же, а главное—большое созвучіе. Конечно, сначала могло получиться слово «Мегмея», потомъ «Мегея» и наконецъ «Мигея» или «Мигія». Въ старинныхъ документахъ мы встрѣчали слѣдующія названія: «Мегея, Мигеи, Мигѣй и Мигія». Въ пользу татарскаго происхожденія этого слова можетъ свидѣтельствовать и то обстоятельство, что по Бугу вообще встрѣчаются татарскія названія селъ, какъ напримѣръ, «Голта, Акъ-Мечеть» и др.

Желая исчерпать вопросъ до конца, можно допустить, пожалуй, что названіе Мигея или Мигія—болѣе древняго происхожденія, чѣмъ мы предполагаемъ, и произошло отъ имени римской провинціи Мизіи, такъ какъ по свидѣтельству Птоломея, подтверждаемому замѣчаніемъ Агаѳимера, такъ называемая провинція Нижняя Мизія (Moesia или Mysia inferior) заключала въ себѣ весь прибрежный край по обѣимъ сторонамъ Дуная, отъ города Мисемвріи до устьевъ Борисѳена (Днѣпра)[1]).

По мнѣнію профессора Э. Р. ф. Штерна, изложенному, по нашей просьбѣ, въ письмѣ отъ 5 августа 1899 г., слово «Мигея», повидимому,—греческаго происхожденія (отъ глагола μίγνυμι — «смѣшивать») и указываетъ, должно быть, на смѣшанное населеніе мѣстности съ этимъ именемъ.

Изъ всего сказаннаго до сихъ поръ ясно только одно, что названіе мѣстности «Мигея» существовало далеко раньше основанія села Мигеи. Къ какому-же времени относится основаніе села? Точныхъ указаній относительно этого мы не встрѣчали, а потому, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, нужно-бы установить, хотя приблизительно, и это обстоятельство. Нечего и говорить, что въ первой половинѣ прошлаго столѣтія не могло возникнуть село Мигея. Быть можетъ, и было здѣсь нѣсколько хижинъ скотарей и рыболововъ, промышлявшихъ въ то время на Мигейскомъ островѣ, но и только. «Межевая Запись 22 октября 1705 года» не имѣла опредѣленнаго характера, такъ какъ трактатами 1712, 1720 и 1729 годовъ часть степей, лежащая по правую сторону Днѣпра, отводилась подъ власть Порты. Инструментъ, заключенный 4 ноября 1740 года при р. В. Ингулѣ, опредѣлилъ опять тѣ-же границы, что и межевая запись 1705 г., только немного точнѣе. Въ 1743 году запорожцы были приняты въ подданство Россіи, а потому и земли, лежащія между Бугомъ и Днѣпромъ, обозначались на картахъ первой половины прошлаго столѣтія то въ числѣ владѣній запорожскихъ, то—Эдисанской орды, то—тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, безъ обозначенія какихъ-бы то ни было границъ между ними. Вслѣдствіе указа отъ 30 октября 1743 года было построено при вліяніи рѣкъ Синюхи и Буга, въ урочищѣ Орликѣ, укрѣпленіе подъ названіемъ «Орловскій шанецъ», находившееся въ 8 верстахъ отъ Мигеи, для предупрежденія «непріятельскихъ внезапныхъ набѣговъ». Но этотъ шанецъ былъ построенъ на границѣ, опредѣленной еще записью 1705 года, а мѣстность Мигея все еще входила въ составъ спорныхъ владѣній. Въ 1763 году къ Ново-Сербіи была прибавлена отъ запорожской степи полоса земли по линіи: «Отъ Мигейскаго Ташлыка, ниже м. Орлика, до устья Аджамки, впадающей въ Ингулъ, ниже устья р. Верблюжки, до ручья Самоткани, впадающаго въ

[1]) «Записки Одесск. Общ. Ист. и Древн.», т. III, стр. 62.

Днѣпръ противъ Украинской линіи»[1]). Нужно сказать, что Мигейскій Ташлыкъ, раздѣляющій въ настоящее время село Мигею на двѣ части и до сихъ поръ носящій то-же названіе, что и раньше, служилъ границей между Ново Сербіей и Запорожьемъ. Должно быть, по этой границѣ былъ устроенъ пограничный кордонъ, въ пользу чего говоритъ находящаяся недалеко отсюда надъ самымъ Бугомъ скала, именуемая до сихъ поръ «Гардонъ». Къ этому времени мы и относимъ основаніе села Мигеи, названной такъ по имени мѣстности, на которой оно было основано. Мирные люди могли селиться здѣсь уже свободно, такъ какъ гайдамаки къ этому времени были отчасти изгнаны изъ Мигеи. Извѣстно, что кошевой Григорій Ѳеодоровъ Лантухъ еще съ 1755 года началъ дѣятельно преслѣдовать гайдамакъ и заставилъ ихъ постепенно убраться въ Южную Украину, гдѣ они главнымъ образомъ и проявляли свои безчинства. Особенно неблагопріятнымъ для гайдамакъ былъ 1758 годъ, такъ какъ съ самой ранней весны этого года Лантухъ отправилъ въ Бугогардовую паланку, въ вѣдѣніи которой состояла Мигея, особую команду, спеціальнымъ назначеніемъ которой было истребленіе гайдамакъ. Начальникомъ этой команды былъ панъ полковникъ Дмитро Стягайло, писаремъ при немъ Яковъ Донъ, а есауломъ Харько Ведерка. Командѣ дана была особая инструкція. «Понеже», говорилось въ ней, «войско запорожское низовое черезъ единыхъ умножившихся бродягъ вчиненными ими сосѣдственнымъ заграничнымъ людемъ грабительствомъ, воровствомъ и смертоубійствомъ такъ весьма въ великое безславіе и въ окружность платежа разореніемъ прійшло, что безъ нужды и до нынѣ не оставалось, пачежъ, приведя во исполненіе, въ силѣ монаршихъ указовъ, великія велѣнія, довольно въ кошъ насланныя,—опредѣлено въ кошѣ войска запорожскаго низового ко всекрайнѣйшему ихъ воровъ злого намѣренія истребленію поставить въ пристойномъ мѣстѣ при Бугу рѣкѣ двусотую команду, выбравъ съ каждаго куреня на то по 5 человѣкъ добросовѣстныхъ»[2]). Хотя концомъ гайдамачины нужно считать 1768 годъ; но со времени управленія кошевого Григорія Лантуха, пріобрѣвшаго славу «жестокаго гонителя и истребителя гайдамаковъ»[3]), притонъ «Мигея» уже не могъ представлять такой опасности для мирныхъ жителей, какъ это было нѣсколько лѣтъ назадъ. Мы и полагаемъ, что 1763 годъ былъ самымъ удобнымъ для возникновенія хотя бы то самой незначительной деревушки на мѣстѣ нынѣшняго села Мигеи. Въ пользу этого предположенія говоритъ и то обстоятельство, что въ рапортѣ На-

---

[1]) Эти свѣдѣнія взяты изъ «Хронол. обозр. ист. Новор. края», А. Скальковскаго и «Труд. Херс. Губ. Стат. Ком.», кн. I.

[2]) См. «Гайдамачина», Д. Мордовцева

[3]) Тамъ-же.

мѣстника (протоіерея) округа св. Елисаветы 1758 г., въ территоріи котораго относилась и мѣстность Мигеи, въ коемъ перечисляются первыя селенія Ново-Сербіи, о Мигеѣ вовсе не упоминается; на картѣ, составленной инженеръ-полковникомъ Дебоксетомъ и подписанной Хорватомъ въ 1751 г., Мигеи также нѣтъ[1]). Значитъ, въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія села Мигеи еще не было.

Обращаясь къ архиву Петро-Павловской церкви с. Мигеи, находимъ тамъ первый указъ 1765 г. Отсюда можно заключить, что въ 1765 году было не только село, но и церковь. Хотя въ «Хронологико-историческомъ описаніи церквей Херсонской епархіи» Преосвященнаго Гавріила и говорится, что церковь въ Мигеѣ построена въ 1788 г. помѣщикомъ Скаржинскимъ; но съ этимъ невозможно примирить слѣдующія данныя. Допустимъ, что указъ 1765 г., какъ заключающій въ себѣ свѣдѣнія о томъ, сколько должны получать священнослужители за различныя требоисправленія отъ прихожанъ, и слѣдовательно необходимый при церкви для извѣстнаго основанія и справокъ, могъ попасть въ церковный архивъ случайно; но что нужно сказать о фактѣ, что, начиная съ 1775 года, указы идутъ въ указной книгѣ уже въ непрерывномъ порядкѣ? Далѣе, изъ рапорта священника с. Мигеи Григорія Наговскаго въ Ольвіопольское Духовное Правленіе, отъ 15 сентября 1800 года, видно, что, когда помѣщикъ Петръ Михайловичъ Скаржинскій купилъ Мигею, въ то время не было здѣсь, какъ онъ самъ говорилъ, церковной земли, но была, конечно, церковь; иначе къ чему-же и рѣчь о церковной землѣ? Очевидно, церковь построена раньше 1788 года и не Скаржинскимъ. Въ пользу этого предположенія говоритъ также и народное преданіе: Мигейскіе старожилы передаютъ безъ всякаго колебанія, что первая церковь была перенесена въ Мигею изъ Бугогардовой паланки; вопросъ только въ томъ, когда именно случилось это? Извѣстно, что первая Бугогардовая церковь была разрушена ренегатомъ Саввою Чалымъ, а потомъ была возстановлена. Эта вторая церковь, въ силу инструкціи, данной кошевымъ Лантухомъ полковнику Дмитру Стягайлу, стояла уже не на островѣ, какъ первая, а на берегу, гдѣ были лагери, на зиму-же переносилась въ Великій Ингулъ[2]). Эта-то вторая церковь и была перенесена, какъ говорятъ старожилы, въ Мигею. Но такъ какъ никто изъ нихъ не можетъ указать точно времени этого событія, то мы и предполагаемъ, что случилось оно, вѣроятно, въ 1775 году, т. е. въ то время, когда была уничтожена Запорожская Сѣчь, и слѣдовательно всѣ запорожскія владѣнія прекратили существованіе. Такъ какъ Сѣчь была уничтожена генераломъ Текели, первымъ, какъ говорятъ,

---

[1]) «Хронол. обозр. ист. Новор. края», А. Скальковскаго.

[2]) См. «Гайдамачина», Д. Мордовцева.

владѣльцемъ Мигеи, то имъ-же могла быть перенесена безпрепятственно сюда и Бугогардовая запорожская церковь. Это предположеніе подкрѣпляется и вышеуказанной непрерывной послѣдовательностью указовъ съ 1775 года, а также и тѣмъ фактомъ, что въ 1823 году эта церковь была уже до того ветха, что не устояла противъ бури и была ею разрушена. Если принять во вниманіе періодъ времени пребыванія церкви въ Мигеѣ съ 1775 г. по 1823 г., а также существованіе ея до 1775 г. въ Гардѣ, то и станетъ понятнымъ, почему она не могла противустоять бурѣ.

Такимъ образомъ, не имѣя возможности точно хронологически установить время основанія села и первой въ немъ церкви, скажемъ все-таки не безъ основанія, это село основано въ началѣ второй половины XVIII столѣтія и, быть можетъ, въ 1763 году, а церковь въ 1765 г., или, что вѣроятнѣе, въ 1775 г., будучи перенесенной изъ Бугогардовой поланки.

II.

Прошлое Мигеи. О гайдамакахъ и о Мигейскомъ героѣ Мамаѣ.—Находки въ Мигеѣ.

«Чомъ Мигея не славна була,
Поки въ Мигеи баталія не була?

Чеснокъ полковникъ Богъ благае,
Три тысячи Орды самъ побивае.

Ой, нутежъ, братци, не мала то сила!
Та немажъ и мого ридного сына!!

Чомъ Мигея не славна була,
Поки у Чеснока голова не упала!»

Народная пѣсня о полковникѣ Чеснокѣ[1]).

Такъ какъ мѣстность подъ названіемъ «Мигея» до основанія с. Мигеи служила поприщемъ гайдамацкихъ подвиговъ и была «столь страшна», какъ говоритъ А. Скальковскій, «для Польши, Молдавіи и Малороссіи, какъ Шотландскія горы для Англичанъ прошлаго столѣтія, а Калабрія для Итальянцевъ и туристовъ XIX вѣка», то мы и разскажемъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ подвиговъ, хотя, можетъ быть, нѣсколько преувеличенныхъ, но невыдуманныхъ; разсказъ о нихъ основанъ не на однихъ народныхъ преданіяхъ, но и на документальныхъ данныхъ. Эпоха, о которой идетъ рѣчь, относится къ началу второй половины XVIII столѣтія, къ

[1]) «Мамай», А. Скальковскаго.

царствованію Императрицы Елисаветы Петровны. Для заселенія Новой Россіи сюда являлись по волѣ Императрицы всѣ, кто только хотѣлъ. Первымъ поселился въ Степи весною 1752 года полковникъ Австрійской службы Хорватъ съ Сербами и основалъ крѣпость св. Елисаветы; затѣмъ, по указу 29 мая 1753 года, переселились сюда Сербскіе полковники: Іоаннъ Шевичъ и Райко Прерадовичъ съ соотечественниками и осѣли со стороны Воронежской губ.; потомъ частью Малороссіяне, Венгры и Поляки, принявшіе греческую вѣру, Молдоване и Волохи (съ 1752 по 1760 г.) выходили постепенно изъ разныхъ мѣстъ Европы и заселяли Степь; далѣе старообрядцы и русскіе крестьяне, бѣжавшіе когда-то въ Польшу, Литву и Молдавію, Высочайшимъ Манифестомъ 4 сентября 1755 года также включены въ поселеніе и зачислены въ полки и роты на общихъ правилахъ; позднѣе, въ 1775 г., переселились сюда Греки и т. д. Изъ этихъ переселенцевъ образовались Сербскіе и Слободскіе полки, которые обязаны были стеречь нашу границу со стороны Польши; со стороны Днѣпра нашу границу оберегали казаки запорожскіе; а со стороны Турціи, по Бугу, были на стражѣ также запорожцы, помѣщавшіеся въ Гарду. Хотя тѣ и другіе служили одинаково одному и тому-же Русскому Двору, но между собою вели непримиримую борьбу, обвиняя другъ друга передъ начальствомъ въ грабежахъ, скрываніи отъ поисковъ преступниковъ, потворствѣ ворамъ, разбойникамъ и гайдамакамъ.... Правда была на сторонѣ какъ тѣхъ, такъ и другихъ. При недостаткѣ въ рабочихъ рукахъ и малонаселенности края и тѣ и другіе скрывали многихъ бѣглецовъ, или такъ называемыхъ «зашедшихъ» людей, которые, зная край гораздо лучше Коша и сербскихъ командировъ, въ случаѣ какого-нибудь преслѣдованія тщательно скрывались въ извѣстныхъ имъ тайникахъ. Правительство, конечно, не могло знать объ этомъ; да и что оно могло подѣлать въ громадной и малонаселенной еще Степи, гдѣ не такъ давно цѣлыя арміи, подъ командою Голицына, Миниха и Леонтьева, гибли отъ жажды и холода! Много разъ посылались въ Ново-Сербію приказы отъ гетмановъ, указы изъ Сената и пр. о томъ, «чтобы и слуху гайдамацкаго не было»; но гайдамаки все таки безчинствовали и наводили на всѣхъ страхъ и ужасъ. Хорватъ не разъ жаловался правительству, что Чута, Черный лѣсъ и окрестности Орлика, къ которымъ относится и Мигея, главнымъ образомъ служили поприщемъ гайдамацкихъ безчинствъ. Начиная съ 1750 г., восемь лѣтъ сряду Польская граница опустошалась гайдамаками. Особенный ужасъ наводила въ Украйнѣ шайка какого-то Мамая, запорожскаго казака или простого гайдамака, разорившаго въ 1749 и 1750 гг. половину Кіевскаго воеводства; потомъ этотъ Мамай пропалъ безъ вѣсти. Только черезъ восемь лѣтъ онъ снова появляется на сценѣ, какъ видно изъ письма Черкаскаго

губернатора Ростовскаго къ Хорвату[1]). Но Мигейскій Мамай не тотъ, который злодѣйствовалъ въ Кіевскомъ воеводствѣ, такъ какъ послѣдній былъ повѣшенъ, а это—простой гайдамакъ, самъ назвавшій себя Мамаемъ, какъ гласитъ народная молва, дабы наводить на всѣхъ и вся страхи и ужасы. Послѣ истиннаго Мамая появилось много ложныхъ Мамаевъ, которые принимали это названіе съ цѣлью наводить панику на населеніе. Была въ то время даже картина, напечатанная по иниціативѣ Поляковъ, подъ названіемъ: «Казакъ Мамай», которую они выставляли въ многолюдныхъ мѣстахъ на страхъ гайдамакамъ. О подвигахъ гайдамакъ Мигейскіе старожилы передаютъ массу преданій почти сказочнаго характера; и болѣе всего сохранилось преданій о Мамаѣ. Правда, уже немного осталось стариковъ, передающихъ легенды о гайдамакахъ; молодое же поколѣніе игнорируетъ эти поэтичныя преданія. А сколько пѣсенъ о гайдамацкихъ подвигахъ погибло уже безслѣдно! Слыхали-же мы не разъ, что такихъ пѣсенъ существовало въ Мигеѣ не мало. О Мамаѣ, впрочемъ, никто уже изъ Мигейцевъ не можетъ разсказывать въ извѣстномъ порядкѣ и послѣдовательности, а большею частью выражается безсвязными отрывками, изъ которыхъ трудно составить цѣльное представленіе о дѣятельности Мамая; но въ данномъ случаѣ насъ выручаетъ повѣсть А. Скальковскаго: «Мамай», въ которой историческія данныя и народныя преданія согласованы и связаны между собою.

Считаемъ, впрочемъ, долгомъ оговориться, что повѣсть эта, быть можетъ, поражаетъ преувеличеніями, потому что основана не столько на документальныхъ данныхъ, сколько на народной молвѣ, которая раздуваетъ иногда факты до невѣроятныхъ размѣровъ, хотя, все-таки и основывается на фактахъ: безъ огня дыму не бываетъ! Достовѣрно извѣстно одно, что Мигея не малое время служила притономъ для гайдамакъ, изъ которыхъ болѣе всѣхъ выдается Мамай, личность не придуманная народной фантазіей, а дѣйствительно существовавшая. Священникъ с. Любомирки о. Платонъ Купчевскій передавалъ намъ между прочимъ, что его церковный сторожъ, называющійся «Мамаенко», совершенно увѣренно говоритъ о происхожденіи своего рода отъ Мигейскаго Мамая, съ которымъ его предки видѣлись частенько, предпринимая для этого поѣздки въ Мигею[2]).

---

[1]) См. «Хронологич. обозр. ист. Новор. края» и «Мамай» А. Скальковскаго.

[2]) Далѣе авторъ передаетъ подробно разсказы о нѣкоторыхъ похожденіяхъ Мамая въ окрестностяхъ Мигеи, заимствуя ихъ исключительно изъ повѣсти «Мамай» А. А. Скальковскаго, въ виду чего мы этотъ разсказъ и не приводимъ, равно и послѣдующій о похожденіяхъ Желѣзняка, заимствованный изъ «Гайдамачины» Д. Л. Мордовцева. Эти похожденія гайдамакъ въ окрестностяхъ Мигеи совершенно того-же характера, какъ и тотъ, о которомъ разсказывается въ I главѣ.

Концемъ гайдамачины вообще, а въ Мигеѣ въ частности, можно считать 1768 г., когда были переловлены и казнены почти всѣ гайдамаки какъ въ Польшѣ, такъ и въ запорожскихъ владѣніяхъ. До самаго ноября мѣсяца этого года разъѣзжали въ степи и по границѣ запорожскія команды, въ числѣ 3.000 казаковъ, и поймали болѣе 200 гайдамакъ, которые и были казнены въ Сѣчи.

Объ археологіи Мигеи вкратцѣ можно сообщить, что въ 1889 г. въ Мигеѣ, въ пещерѣ, находящейся въ Компанейской скалѣ и называемой «Кузня», найдено три каменныхъ шлифованныхъ молотка древняго происхожденія, а нѣсколько раньше въ одномъ изъ Мигейскихъ кургановъ найдена древняя бронзовая игла. Въ 1893 году въ хуторѣ Ренницахъ, входившемъ раньше въ составъ Мигейскаго прихода, случайно отрыта изъ земли каменная баба, а около нея обнаружено нѣчто въ родѣ кладбища. Всѣ Мигейскіе курганы, что уже дознано профессоромъ В. Б. Антоновичемъ, имѣютъ характеръ могильниковъ[1]). Сверхъ того, по всей Мигейской Степи, кромѣ кургановъ-могильниковъ, встрѣчается много могильниковъ на ровныхъ мѣстахъ. Находятъ также не мало копьевъ и стрѣлъ древняго происхожденія. Всѣ эти обстоятельства краснорѣчиво говорятъ о томъ, что мѣстность Мигея подолгу привлекала къ себѣ наиманіе номадовъ. На несомнѣнную обитаемость мѣстности Мигеи въ греко-скиѳскую эпоху указываетъ найденное въ 1897 году въ усадьбѣ Мигейскаго крестьянина Даніила Желобенка погребеніе, о которомъ, по нашей просьбѣ, хранитель Херсонскаго Губернскаго Археологическаго Музея В. И. Гошкевичъ высказался въ своемъ письмѣ отъ 4 іюля 1897 г. такъ: «Найденное въ усадьбѣ Желобенка погребеніе относится, внѣ сомнѣнія, къ греко-скиѳской эпохѣ. Въ этомъ убѣждаютъ и бусы «ольвійскаго» типа, и серебряныя спиральки (Haarkalter'ы, какъ зовутъ ихъ нѣмцы) и, наконецъ, маленькая амфорка» .... Въ томъ-же письмѣ, въ отвѣтъ на другую нашу просьбу, говорится: «До сихъ поръ нѣкоторыми указаніями на обитаемость мѣстности Мигеи въ греко-скиѳскую эпоху для меня служили: 1) доставленныя Вами въ музей два мѣдныхъ копья; 2) три шлифованныхъ каменныхъ молотка, найденные, повидимому, въ могилѣ на берегу Буга, и 3) бронзовая игла, найденная гдѣ-то въ курганѣ вблизи Мигеи»...

---

[1]) См. «Курганы и городища Херсонскаго края».

III.

Зависимость Мигеи въ административномъ и духовномъ отношеніяхъ и хронологія всѣхъ вообще событій, имѣвшихъ мѣсто въ Мигеѣ, или-же имѣющихъ къ ней какое-либо отношеніе.

Такъ какъ мы не имѣемъ возможности установить хронологически-строго время основанія села и первой церкви въ Мигеѣ, то, говоря о зависимости ея въ административномъ и духовномъ отношеніяхъ, начнемъ съ той эпохи, когда Херсонскія степи получили начало своего политическаго бытія.

Граница наша на югѣ съ ханствомъ Крымскимъ болѣе положительнымъ образомъ была установлена при Петрѣ Великомъ. Для сего 22-го октября 1705 года посланный царемъ Думный Дьякъ и Намѣстникъ Каргопольскій Емеліанъ Украинцовъ, съѣхался въ степяхъ на Бугѣ съ Турецкимъ комиссаромъ пашой Кочь-Мегметомъ и учинилъ извѣстную «Межевую запись», постановленную у рѣки Буга, у «Польскихъ Концовъ»[1]), о которой мы говорили уже выше. Не будемъ вторично приводить этой записи, а скажемъ только, что весь юго-западный уголъ Днѣпровско-Бугской части нынѣшней Херсонской губерніи уступался по ней подъ кочевники Татаръ, куда отошла и мѣстность нынѣшней Мигеи. Мы уже говорили, что Мигея съ этого времени была удостоена особаго вниманія гайдамакъ, какъ весьма удобная мѣстность для ихъ тайниковъ и прекрасный сборный пунктъ для совѣщаній. Трактаты 1712 и 1720 годовъ подтвердили отдѣленіе всѣхъ степей по правую сторону Днѣпра подъ власть Порты, а въ 1729 году было опять подтверждено тоже самое. Походъ Ласси и Миниха не имѣлъ успѣха относительно нашихъ южныхъ границъ, такъ какъ въ Бѣлградскомъ мирѣ не было даже и упомянуто о нихъ; но такъ какъ граница все-таки должна была быть обозначена, то для этого 4 ноября 1740 года былъ составленъ «Инструментъ, заключенный при Великомъ Ингулѣ» уполномоченными комиссарами: Кіевскимъ губернаторомъ Тайнымъ Совѣтникомъ Неплюевымъ съ Мустафою-Беемъ и Селихтаромъ Кятибы. Этимъ инструментомъ граница опредѣлилась нѣсколько точнѣе, чѣмъ межевою записью 1705 года, но все-же она шла по тѣмъ-же безлюднымъ и безвѣстнымъ берегамъ, какъ и прежде. Инструментъ этотъ опредѣлялъ границы такъ: «Отъ окончанія Польской границы, внизъ Бугомъ до Ташлыка[2]) или Великаго Конара, а отсюда ведена граница полемъ и

---

[1]) Мѣст. Конецполь (Пороновка), Под. губ., Балтск. уѣзда.

[2]) Черный Ташлыкъ, впадающій въ Синюху.

разстояніемъ отъ онаго (Ташлыка) въ 10 верстахъ перешедъ рѣчку Гарбузинку, тою-же линіею до р. Мертвыя воды, а оттуда до старой мечети у р. Громоклеи даже до р. Великаго Ингула, оставляя весь лѣсъ по берегу той рѣки державѣ Оттоманской; далѣе до Векеневскаго броду (39 верстъ), до р. Исуни и оттуда до Малаго Ингульца, въ 10 миляхъ отъ Кизикермена и наконецъ до устья рѣки Каменки въ Днѣпръ»[1]). Мѣстность Мигеи все-таки осталась въ чертѣ Турецкихъ владѣній, которыя, впрочемъ, какъ находящіяся по лѣвую сторону Буга, запорожцы считали своею «вольностью». 26 ноября 1742 года комиссарами: генералъ-лейтенантомъ Репнинымъ и Хаджи-Ибрагимомъ-Капиджи-пашею было совершено новое размежеваніе для опредѣленія границъ Крыма. Тогда было присоединено къ Россіи Запорожское войско съ его землями. Съ этого времени Мигея вошла, значитъ, въ составъ Русскаго государства, хотя была въ вѣдѣніи Войска Запорожскаго, которое перешло въ подданство Россіи еще 1734 года. Въ это время мы видимъ въ Степи уже значительныя заселенія, но о Мигеѣ, какъ о мѣстѣ заселенномъ, не встрѣчаемъ еще указаній.

Съ 1752 года, по почину полковника Ивана Хорвата, пришедшаго въ Степь съ 218 сербами, происходитъ постепенное заселеніе нынѣшней Херсонской губерніи; но Мигея все еще входила въ составъ территоріи Запорожскаго войска. Съ этого времени до 1764 года, т. е. до учрежденія Новороссійской губерніи, Новороссійскій край въ административномъ отношеніи былъ въ вѣдѣніи Кіевскаго генералъ-губернатора; духовными-же дѣлами въ Ново-Сербіи первоначально завѣдывалъ митрополитъ Кіевскій, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, ставилъ архимандритовъ и священниковъ въ Войскѣ Запорожскомъ, а потомъ—епископъ Переяславскій и Борисполькій. Новозаселенный край подраздѣлялся на три протопопіи: Новомиргородскую (первоприсутствующій протопопъ Петръ Буличъ), Крыловскую (— прот. Симеонъ Петровъ) и Елисаветинскую (— протоп. Іоаннъ Орловскій) Генералу лейтенанту Хорвату, основателю Ново-Сербіи, сильно не нравилась такая духовная зависимость края, а посему онъ доносилъ Сѵноду, что имъ основанъ въ 1724 году монастырь (Преображенскій), настоятелемъ котораго назначенъ архимандритъ Софроній Дорошевичъ (изъ сербовъ), и что онъ вызывалъ даже изъ Сербіи (Венгерской) епископа съ цѣлію посвятить Софронія епископомъ Ново Сербскимъ; но Сѵнодъ указомъ отъ 22 сентября 1760 года далъ знать Хорвату, что онъ не согласенъ на устроеніе новой епархіи (почти не русской), вовсе еще ненужной по малочисленности церквей и скудости жителей, и накрѣпко запретилъ Хорвату «отрѣшать самовольно отъ Сѵнода или отъ епархіальнаго архіерея духовныхъ персонъ»; отсюда видно, что Хорватъ позволялъ себѣ незаконно отрѣшать

[1]) «Труды Херс. Губ. Стат. Ком.», кн. I, ч. I, стр. 227.

отъ мѣстъ нѣкоторыхъ священниковъ. Въ 1758 году была составлена геодезистомъ Симеономъ Леонтьевымъ межевая карта Ново-Сербскаго поселенія, изъ которой видно, что южная граница Ново-Сербіи проходила гораздо выше нынѣшней мѣстности Мигеи[1]). Хотя въ 1756 году около Елисаветграда считалось (уже за чертой Ново-Сербіи) 27 слободъ: были уже, напр., Ольшанка, Добрянка, Ново-Архангельская и пр., но Мигеи еще не было[2]). Въ 1763 году Хорватъ, послѣ многократныхъ на него жалобъ, былъ удаленъ, и Ново-Сербіей управляла временно Военная Коммиссія. Для приведенія въ устройство дѣлъ края былъ составленъ комитетъ, состоявшій изъ генералъ-поручика Мельгунова, генералъ-аншефа Глѣбова и пяти штабъ-офицеровъ поселенныхъ полковъ. Этотъ комитетъ составилъ планъ, по которому положено было ввести въ Ново-Сербіи губернское учрежденіе, преобразовать ее въ губернію, назвать «Екатерининскою» и, между прочимъ, прибавить отъ Запорожской степи полосу земли по линіи: отъ «Мигейскаго Ташлыка»[3]) ниже м. Орлика до устья Аджамки, впадающей въ Ингулъ, а оттуда черезъ Ингулецъ, ниже устья р. Верблюжки, до ручьи Самоткани, впадающаго въ Днѣпръ противъ украинской линіи. Планъ этотъ былъ Высочайше утвержденъ 22 марта 1764 года, но Императрица замѣнила собственноручной резолюціей названіе Екатерининской губерніи—Новороссійскою. Въ составъ Новороссійской губерніи вошелъ Ново-Сербскій Корпусъ и поселеніе, расположенное отъ верховьевъ рѣки Ингула косою линіею до м. Орелъ (Ольвіополь); на устье рѣки Синюхи, на Польской границѣ, съ запада; по шанецъ Мишуринъ Рогъ на Днѣпрѣ, съ восточной стороны. Здѣсь кстати замѣтимъ, что Мигейскій Ташлыкъ перерѣзываетъ Мигею въ юго-восточномъ направленіи на двѣ части, а посему, по плану вышеуказаннаго Комитета, Высочайше утвержденному 22 марта 1764 г., половина теперешней Мигеи вошла въ составъ Новороссійской губерніи, а другая осталась въ числѣ Запорожскихъ владѣній, доходившихъ по Бугу до устья Мигейскаго Ташлыка. Къ этому времени мы и относимъ, какъ говорили въ началѣ лѣтописи, основаніе села Мигеи. Кромѣ того въ 8 верстахъ отъ Мигеи, въ Орликѣ, было учреждено таможенное управленіе и пограничное комиссарство. Съ 1764 г. Новороссійская губернія имѣла уже своихъ губернаторовъ. Однимъ изъ выдающихся администраторовъ этого края, не говоря о Потемкинѣ, былъ извѣстный Иванъ Максимовичъ Синельниковъ. Въ 1777 г., по порученію Новороссійскаго губернатора, генералъ маіора Матвѣя Васильевича Муромцева, Синельниковъ открылъ временно «Провинціальную Канцелярію» Новороссійскаго края въ

---

[1]) «Записки Одесск. Общ. Ист. и Древн.», т. III, табл. I.

[2]) «Записки Одесск. Общ. Ист. и Древн.», т. III, стр. 85.

[3]) «Мигейскій Ташлыкъ» существуетъ и теперь съ тѣмъ же названіемъ.

городѣ Полтавѣ, которая по своему географическому положенію входила въ составъ Новороссійской губерніи, не имѣвшей пока еще губернскаго города. Въ томъ-же году, по порученію Муромцева, онъ открылъ «Провинціальную Канцелярію» въ городѣ называемомъ тогда «Покровскѣ». Въ 1778 г. по порученію князя Потемкина Синельниковъ перевелъ «Провинціальную Канцелярію» изъ г. Покровска въ село Никитино, переименовавъ его, по волѣ князя, въ «Никополь (городъ побѣды). Въ 1782 г., по учрежденіи на правой сторонѣ Днѣпра двухъ провинцій: Словенской и Херсонской, Синельниковъ несъ должность воеводы и коменданта обѣихъ провинцій. Въ 1784 г. было открыто «Екатеринославское намѣстничество», и Синельниковъ назначенъ первымъ намѣстникомъ; жилъ онъ во временномъ губернскомъ городѣ Кременчугѣ.

По докладу Мельгунова, утвержденному въ мартѣ 1765 г., Новороссская губернія раздѣлена была оффиціально на три провинціи: Елисаветинскую, Екатерининскую и Бахмутскую. Мигея въ административномъ отношеніи находилась въ вѣдѣніи Екатерининской провинціи, судя по ордеру Новомиргородскаго Духовнаго Правленія отъ 11 апрѣля 1799 г. Генералъ маіоръ Исаковъ, помощникъ главнаго командира Новороссійскаго края, въ письмѣ изъ Кременчуга отъ 5 декабря 1765 г. просилъ Гервасія, епископа Переяславскаго и Бориспольскаго, назначить новыхъ духовныхъ лицъ въ города и шанцы Новороссійскаго края, «ибо де, по Хорватову ходатайству, отъ архіерея Іоанна (1756 г.) поставленные попы недостаточны отъ сугубаго увеличенія губерніи». Преосвященный Гервасій 18 января 1766 г. отвѣтилъ генералъ-поручику Фонбранту, что представленіе Исакова исполнено, и кромѣ того обозначилъ, въ какія роты какого полка какіе священники поставлены. Въ этомъ отвѣтѣ перечисляются только военныя поселенія, а о Мигеѣ все еще нѣтъ никакихъ указаній Въ томъ-же году было учреждено духовное управленіе для цѣлой губерніи; вмѣсто Петра Булича, бывшаго протопопа въ крѣпости св. Елисаветы, назначенъ былъ протопопомъ (намѣстникомъ) Елисаветинской провинціи и духовныхъ дѣлъ ея правителемъ Семенъ Сулима. Кромѣ того церкви Елисаветинской провинціи были раздѣлены на три намѣстничества, или протопопіи, находившіяся: 1) въ крѣпости св. Елисаветы, 2) въ Новомиргородѣ и 3) въ шанцѣ Крыловскомъ. Мигея была подчинена въ духовномъ отношеніи протопопіи Новомиргородской, протопопомъ которой былъ Петръ Буличъ до 1794 г.

4 іюня 1775 г. генералъ-поручикъ Текели, по Высочайшему повелѣнію, уничтожилъ Сѣчь запорожскую; слѣдовательно и другая половина Мигеи вошла въ составъ Новороссійской губерніи, такъ какъ съ уничтоженіемъ Сѣчи запорожцы окончили свое существованіе и въ Бугогардовой поланкѣ, которая охраняла границу по Бугу до Мигейскаго Ташлыка.

Въ 1776 г. тотъ-же самый Текели стоялъ лагеремъ у Екатерининскаго шанца (Ольвіополь) для обороны Бога. Нѣтъ сомнѣнія, что мѣстомъ стоянки его была Мигея, которая первоначально ему принадлежала.

Указомъ Императрицы Екатерины II отъ 9 сентября 1775 г. въ Новороссійской и Азовской губерніяхъ была учреждена новая епархія подъ названіемъ «Славянскаго и Херсонскаго архіепископства» и подчинены ему всѣ церкви Новороссійскаго края. Съ этого времени всѣ указы, сохранившіеся въ церковномъ архивѣ, присылались въ Мигею изъ Славянской Духовной Консисторіи черезъ Новомиргородское Духовное Правленіе за подписью протопопа Петра Булича. Въ вѣдѣніи этого правленія Мигея оставалась до 1798 г. Титулъ «Славянскій и Херсонскій» архіепископы носили до 1786 г., а потомъ, съ основаніемъ Екатеринослава II, приняли титулъ «Екатеринославскій и Херсонисъ-Таврическій». Каѳедра епархіальныхъ архіереевъ была сначала въ Полтавѣ (по 1797 г.), потомъ въ Новомиргородѣ (до 1804 г.) и, наконецъ, въ Екатеринославѣ II. Въ первые Славянскіе архіепископы былъ посвященъ греческій іеромонахъ Евгеній Булгарисъ, управлявшій епархіей съ 1 октября 1775 г. до 1779 г.; онъ основалъ свою святительскую каѳедру въ г. Полтавѣ, въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ; онъ-же учредилъ въ Полтавѣ Славянскую Духовную Консисторію и 6 протопопій: Кременчугскую, Полтавскую, Кобелякскую, Елисаветградскую, Новомиргородскую и Славянскую[1]). Вторымъ Славянскимъ архіепископомъ былъ Никифоръ Ѳеотокисъ, изъ греческихъ іеромонаховъ, управлявшій епархіей съ 6 августа 1779 г. по 1786 годъ, въ которомъ былъ переведенъ въ Астрахань. Этотъ архіепископъ извѣстенъ своими посланіями микъ раскольникамъ, которыхъ въ новомъ краѣ поселилось не мало, и вообще своею борьбою съ расколомъ. Въ 1776 г. Новороссійская губернія раздѣлялась на двѣ провинціи: Елисаветградскую и Херсонскую; Мигея находилась въ Елисаветградской. Такое раздѣленіе существовало до 1782 г.; въ 1781 г. 5 января былъ составленъ актъ для опредѣленія сѣверной границы Новороссійской губерніи, которымъ опредѣлялась она между Днѣпромъ и Бугомъ такъ: «Начиная отъ Днѣпра, р. Тясьмина, до впаденія въ нее Ирклейца, Ирклеецъ до своей вершины, далѣе Вись, Синюха или Синяя вода до устья ея въ Бугъ». Указомъ 13 іюля того-же года изъ губерній: Новороссійской, Азовской, Астраханской и Саратовской было учреждено генералъ губернаторство и подчинено Потемкину. Въ 1782 г. были учреждены на правой сторонѣ Днѣпра двѣ провинціи: «Словенская и Херсонская», и явилось кромѣ того раздѣленіе на уѣзды; Мигея въ административномъ отношеніи находилась въ вѣдѣніи Словенской провинціи и въ Ольвіопольскомъ уѣздѣ. Въ 1784 г., какъ мы уже сказали, было открыто

[1]) «Записи Одесск. Общ. Ист. и Древн.», т. III стр. 102—103.

«Екатеринославское намѣстничество», въ составъ котораго вошла Новороссійская губернія, раздѣлявшаяся на 15 уѣздовъ, а въ 1787 году Екатеринославское намѣстничество дѣлилось уже на 16 уѣздовъ; Мигея продолжала все время оставаться въ Ольвіопольскомъ уѣздѣ. Указомъ 28 января 1786 г. епархія «Славянская, Херсонская и Таврическая» была переименована въ «Екатеринославскую».

Далѣе умѣстно сказать о томъ, что Потемкинъ составилъ въ 1787 г. Бугскій казачій полкъ въ 1500 человѣкъ, начальникомъ котораго былъ назначенъ Петръ Михайловичъ Скаржинскій, отъ котораго ведетъ свой родъ нынѣшній владѣлецъ Мигеи. Въ 1788 г. 24 мая 40000 регулярнаго войска и 6000 казаковъ перешли Бугъ у Ольвіополя, подъ предводительствомъ Потемкина, и направились вдоль праваго берега Буга къ Очакову, который былъ взятъ 6 декабря того-же года. Такъ какъ переправа эта происходила «у Ольвіополя», то есть основаніе предположить, что была она въ Мигеѣ, которая въ то время принадлежала П. М. Скаржинскому, начальнику Бугскаго казачьяго полка, участвовавшаго въ штурмѣ Очакова: Мигея была мѣстомъ весьма удобномъ для переправы; въ этомъ убѣждаетъ насъ и преданіе старожиловъ, которые хорошо помнятъ разсказы своихъ отцовъ и дѣдовъ о томъ, что Потемкинъ стоялъ со своими полчищами въ Мигеѣ въ томъ году, когда была страшно суровая зима и голодъ, что несомнѣнно относится къ 1788 году—голодному и холодному, зима котораго даже называется «Очаковскою» зимою.

Съ 28 ноября 1786 г. по 13 сентября 1790 г. архіепископомъ Екатеринославскимъ и Херсонисъ-Таврическимъ былъ Амвросій Серебряниковъ, бывшій до того епископомъ Олонецкимъ. Этотъ архіепископъ, особенно уважаемый Потемкинымъ, встрѣчалъ въ 1787 г. въ с. Половицѣ, гдѣ въ то время воздвигался городъ Екатеринославъ, Императрицу Екатерину II и Австрійскаго Императора Іосифа II. Рескриптомъ Императрицы отъ 27 января 1792 г. къ Екатеринославскому намѣстничеству была присоединена Очаковская земля (между Бугомъ и Днѣпромъ). Въ томъ-же году была отведена сенатору Комбурлею входящая въ составъ Мигейскаго прихода деревня Грушевка, находящаяся на правомъ берегу Буга, бывшая въ составѣ Очаковской земли. Съ 13 сентября 1790 г. по апрѣль 1793 г. епархіей управлялъ Іовъ, епископъ Ѳеодосійскій и Маріупольскій, такъ какъ пр. Амвросій присутствовалъ въ то время въ св. Синодѣ; съ апрѣля-же 1793 г. по сентябрь 1799 г.—Гавріилъ Бодони, переведенный 23 сентября того-же года митрополитомъ въ Кіевъ. Митрополитъ Гавріилъ является среди всѣхъ Новороссійскихъ архипастырей самой замѣчательной личностью, для характеристики которой приведемъ слѣдующій случай изъ его жизни: 19 іюня 1792 г. онъ, будучи митрополитомъ молдавскимъ, былъ арестованъ въ Яссахъ по распоряженію мол-

давскаго князя Мурузи и отправленъ въ Константинополь. Здѣсь за нимъ строго наблюдали. Турки, пытаясь заставить его отказаться отъ Русскаго подданства, обѣщали ему самую лучшую епархію въ Греціи, Молдавскую митрополію и даже угрожали смертію; но онъ былъ непоколебимъ и на всѣ убѣжденія отвѣчалъ: «Я монахъ, плакать по мнѣ некому; умереть когда-нибудь все равно надо; но попрать присягу для того, чтобы нѣсколько лѣтъ дольше пожить, считаю за грѣхъ, и вамъ грѣшно вынуждать у меня противное совѣсти отрицаніе». Послѣ этого онъ былъ оставленъ въ покоѣ. Русское правительство потребовало его выдачи, а Императрица прислала ему бѣлый клобукъ и назначила на Екатеринославскую каѳедру.

Указомъ Новомиргородскаго Духовнаго Правленія отъ 9 февраля 1794 г. было возвѣщено причту с. Мигеи, что первоприсутствующій этого Правленія протопопъ Петръ Буличъ по старости и слабости уволенъ, а на его мѣсто назначенъ благочинный протопопъ, Владимирской Греческой церкви Григорій Саражиновичъ. 10 мая 1795 г. было открыто «Вознесенское намѣстничество»; губернскимъ городомъ былъ избранъ Новомиргородъ. Мигея, какъ видно изъ «Карты Вознесенскаго намѣстничества», сочиненной въ 1796 г. для кн. Зубова, обозначенная въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ находится и теперь, отошла къ Вознесенскому намѣстничеству. Указомъ 12 декабря 1796 г. намѣстничества были уничтожены, и Имперія была раздѣлена на 42 губерніи; при чемъ изъ Екатеринославскаго, Вознесенскаго и Таврическаго намѣстничествъ учреждалась одна губернія «Новороссійская»; а городъ Екатеринославъ въ 1797 г. переименованъ въ «Новороссійскъ»; съ этого времени и до 1804 г., какъ видно изъ церковнаго архива, всѣ указы присылались въ Мигею изъ Новороссійской Духовной Консисторіи. Вслѣдствіе указа отъ 31 декабря 1797 г., митрополитъ Гавріилъ переѣхалъ въ Новомиргородъ, завелъ въ немъ семинарію и прекрасный садъ вокругъ архіерейскаго дома, построеннаго нѣкогда генераломъ Текели. Въ 1798 г. Мигея перешла изъ Новомиргородскаго Духовнаго Правленія въ вѣдѣніе вновь учрежденнаго Ольвіопольскаго Духовнаго Правленія, о чемъ и была извѣщена ордеромъ благочиннаго протопопа Іоанна Сулимы изъ Новомиргорода отъ 15 октября 1798 г., и оставалась въ его вѣдѣніи до 1832 г. Указомъ отъ 4 августа 1799 года епархія стала называться «Новороссійскою и Днѣпровскою», и архіереи стали титуловаться «Новороссійскій и Днѣпровскій»—до 1804 года.

Преемникомъ митрополита Гавріила былъ архіепископъ Аѳанасій Ивановъ, управлявшій епархіей по 18 августа 1805 г., когда онъ и умеръ, какъ сообщаетъ Н. Н. Мурзакевичъ, въ Черноморіи послѣ неудачнаго самолѣченія Пятигорскими водами; онъ, какъ старецъ преклонныхъ лѣтъ и при томъ болѣзненный, особенною дѣятельностію не отличался. По указу 8 октября 1802 г. Новороссійская губернія была раздѣлена на три губерніи:

Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую; въ составъ Николаевской вошелъ уѣздъ Ольвіопольскій, гдѣ оставалась и Мигея. Этимъ-же указомъ городъ Новороссійскъ опять названъ Екатеринославомъ. Указомъ 15 мая 1803 г. Николаевская губ. переименована въ Херсонскую. Указомъ Екатеринославской Духовной Консисторіи, отъ января 1804 г., сохранившимся въ церковномъ архивѣ, причтъ с. Мигеи былъ извѣщенъ, что Новороссійская епархія названа «Екатеринославской», и архіерейская каѳедра, вмѣстѣ съ консисторіей и семинаріей, переносятся изъ Новомиргорода въ Екатеринославъ, а Высокопреосвященный Аѳанасій, вмѣсто «Новороссійскій и Днѣпровскій», долженъ титуловаться «Екатеринославскій, Херсонскій и Таврическій». Этотъ титулъ оставался до 1873 г.; до 1873 г. Мигея состояла въ вѣдѣніи Екатеринославской Духовной Консисторіи. Съ 18 августа 1805 г. по 7 февраля 1812 г. епархіей управлялъ архіепископъ Платонъ Любарскій, а съ 7 февраля 1812 г. по 28 марта 1823 г. архіепископъ Іовъ Потемкинъ, человѣкъ суроваго характера, необходительный со своими подчиненными, не оставившій по себѣ доброй памяти ни какъ администраторъ, ни какъ ученый.

Не умолчимъ и о томъ, что манифестомъ 30 августа 1806 г. было объявлено о союзѣ Россіи съ Пруссіей противъ Франціи и велѣно сформировать милицію, въ которую Новороссійскій край долженъ былъ выставить 12.000 ратниковъ; въ виду этого дворянство Херсонской и Екатеринославской губ. выставило до 20.000 вооруженныхъ воиновъ. Въ числѣ прочихъ и помѣщикъ Викторъ Петровичъ Скаржинскій, владѣлецъ Мигеи составилъ свой полкъ въ 330 человѣкъ. Въ свою очередь и помѣщикъ Корбе, предокъ А. В. Корбе, нынѣшняго владѣльца д. Грушевки, относящейся къ Мигейскому приходу, сформировалъ изъ поселившихся въ Новороссійскомъ краѣ молдавскихъ и сербскихъ дворянъ особый полкъ въ 330 человѣкъ, который и поступилъ въ составъ 13 пѣхотной дивизіи, бывшей подъ командой герцога де-Ришелье и охранявшей границы въ новозанятыхъ пунктахъ по р. Днѣстру и въ Бессарабіи. Кромѣ того въ 1812 г. Скаржинскій составилъ и содержалъ на своемъ иждивеніи эскадронъ въ 180 человѣкъ изъ своихъ крестьянъ; этотъ эскадронъ онъ присоединилъ къ 3-й арміи и находился съ нимъ во всѣхъ дѣлахъ противъ непріятеля какъ въ Россіи, такъ и заграницей.

Въ ноябрѣ 1813 г. Іовъ, архіепископъ Екатеринославскій, Херсонскій и Таврическій, и Гавріилъ, экзархъ—митрополитъ, увѣдомили де-Ришелье, что указомъ 21 августа 1813 г. учреждается во вновь пріобрѣтенной Бессарабской области, какъ весьма многолюдной, имѣющей свыше 700 церквей и многіе монастыри, особая епархія подъ наименованіемъ «Кишиневской и Хотинской» и митрополитъ Гавріилъ, будетъ ея архипастыремъ. Третьимъ пунктомъ этого указа положено: по причинѣ чрезмѣрной обширности епархіи

Екатеринославской всю ту часть Херсонской губерніи, которая находится между Бугомъ и Днѣстромъ, присоединить къ Кишиневскому архіепископству. Въ докладѣ митрополита Гавріила было сказано, что «эта за-Бугская часть, которая нѣкогда называлась Очаковскою степью, составила съ 1791 г. часть Буджака и Бессарабіи; что въ ней до сихъ поръ не болѣе 100 церквей и что жители, большею частію, тѣ-же, что и за Днѣстромъ, т. е. Молдоване, Волохи, Греки и Сербы; Великороссіянъ-же весьма немного». Мигея какъ, находящаяся на лѣвомъ берегу Буга, не отошла къ Кишиневской епархіи, но за то отошла туда находящаяся на правомъ берегу Буга, причисленная къ приходу с. Мигеи въ 1843 году, а до того времени входившая въ составъ прихода Николаевской церкви с. Голты, деревня Гришевка, отведенная, какъ мы уже говорили, въ 1792 г. сенатору Комбурлею. Съ 19 мая 1823 г. по 1827 г. Екатеринославской епархіей управлялъ архіепископъ Ѳеофилъ Таторскій, а съ января 1828 г. по апрѣль того-же года—Онисифоръ Боровикъ; далѣе, съ августа 1828 г. по 9 мая 1837 г. — архіепископъ Гавріилъ Розановъ. Въ 1828 г. изъ казеннаго села «Бобринецъ» былъ сдѣланъ уѣздный городъ, и Мигея съ этого времени и до 1865 г. состояла въ Бобринецкомъ уѣздѣ. Въ 1832 г. она перешла, какъ видно изъ указовъ, хранящихся въ церковномъ архивѣ, въ вѣдѣніи Елисаветградскаго Духовнаго Правленія. 9 мая 1837 г. Высочайше утвержденъ всеподданнѣйшій докладъ св. Сѵнода о раздѣленіи громадной по пространству Екатеринославской епархіи на двѣ епископіи: Екатеринославскую и Херсонскую; въ составъ первой вошла Екатеринославская губернія, въ составъ-же второй—Херсонская и Таврическая. Мѣстопребываніе архіерея назначено въ Одессѣ. Первымъ Херсонскимъ архіепископомъ былъ Гавріилъ Розановъ, архіепископъ Екатеринославскій—«пастырь опытный», по выраженію Сѵнодальнаго указа, управлявшій епархіей до 1848 г. Съ этого времени и до 1859 года архіепископы титуловались «Херсонскій и Таврическій»; Мигея съ этого же времени перешла въ вѣдѣніе Херсонской Духовной Консисторіи. Преосвященнаго Гавріила помнятъ нѣкоторые мигейскіе старожилы. Владѣлецъ Мигеи Викторъ Петровичъ Скаржинскій былъ весьма друженъ съ владыкою. Когда Скаржинскій жилъ въ Одессѣ, въ собственномъ домѣ, на Софіевской улицѣ,—что бывало обыкновенно зимой, такъ какъ лѣто онъ проводилъ въ своемъ имѣніи Трикратахъ, то преосвященный Гавріилъ часто бывалъ у него въ домѣ въ качествѣ гостя, нерѣдко у него обѣдалъ и любилъ слушать въ его домѣ музыку; у В. П-ча былъ собственный прекрасный оркестръ, въ которомъ участвовали большей частью его крѣпостные.

Указомъ Елисаветградскаго Духовнаго Правленія отъ 30 сентября 1842 г. деревня Грушевка, входившая въ составъ прихода Николаевской церкви с. Голты, причислена къ Мигейскому приходу съ тѣмъ, чтобы самое

причисленіе, какъ говорится въ указѣ, «во избѣжаніе запутанности въ церковныхъ документахъ», состоялось съ новаго 1843 г.

Высочайшимъ повелѣніемъ 24 февраля 1848 г. на Херсонскую каѳедру переводится Харьковскій Архіепископъ Иннокентій Борисовъ, замѣтно выдѣляющійся среди всѣхъ упомянутыхъ Новороссійскихъ архіепископовъ. Онъ управлялъ епархіей до 1857 г., въ которомъ, 26 мая, мирно почилъ въ Одессѣ. Не говоря о выдающейся дѣятельности Архіепископа Иннокентія, по справедливости, названнаго «Русскимъ Златоустомъ», какъ хорошо всѣмъ извѣстной, а многимъ еще и памятной, скажемъ, что имя его тѣсно связано съ именемъ покойнаго владѣльца Мигеи В. П. Скаржинскаго, который по душѣ пришелся Владыкѣ и котораго онъ называлъ «почтеннымъ лѣсоводомъ и патріархомъ лѣсоразведенія на югѣ Россіи.» Преосвященный Иннокентій не разъ посѣщалъ В. П-ча въ его имѣніи Трикратахъ; былъ также и въ Мигеи; въ Одессѣ Владыка тоже былъ постояннымъ его гостемъ. Это и понятно: Преосвященный Иннокентій обладалъ прекрасными познаніями по сельскому хозяйству и лѣсоводству и состоялъ почетнымъ членомъ Императорскаго Общества сельскаго хозяйства Южной Россіи, членомъ котораго состоялъ также и В. П. Скаржинскій, опытный хозяинъ-лѣсоводъ. И. У. Палимпсестовъ въ сочиненіи «Мои вспоминанія» говоритъ, что и онъ вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Иннокентіемъ «обозрѣвалъ дивныя лѣсонасажденія Трикратъ и другихъ мѣстностей», принадлежавшихъ В. П. Скаржинскому. Въ одно изъ своихъ путешествій по епархіи, въ сопровожденіи И. У. Палимпсестова, преосвященный Иннокентій заѣхалъ въ Трикраты, но, не заставъ почтеннаго хозяина дома,—такъ какъ онъ былъ въ это время въ другомъ своемъ имѣніи, Мигеѣ,—обратился къ своему спутнику, какъ передаетъ самъ Палимпсестовъ въ сочиненіи: «Мои воспоминанія объ Иннокентіи, Архіепископѣ Херсонскомъ и Таврическомъ», съ слѣдующими словами: «Дѣлать нечего, надо ѣхать и въ Мигеи; я непремѣнно хочу передать тебя съ рукъ на руки твоему учителю; да кстати, до сихъ поръ я еще не видѣлъ лѣсковъ его въ томъ имѣніи». Посѣщеніе Мигеи преосвященнымъ Иннокентіемъ описано въ томъ-же сочиненіи Палимпсестова; и такъ какъ въ этомъ описаніи есть много весьма интереснаго и характерно освѣщающаго личности преосвященнаго Иннокентія и владѣльца Мигеи В. П. Скаржинскаго, то мы и приведемъ его здѣсь.

«Въ Мигеяхъ[1]) патріархъ лѣсоразведенія (такъ Иннокентій называлъ В. П. Скаржинскаго) принялъ насъ съ радушіемъ самаго гостепріимнаго хозяина. Онъ глубоко уважалъ именитаго архипастыря, который платилъ

[1]) Преосвященный Иннокентій посѣтилъ Мигею въ іюлѣ или въ августѣ 1851 г. послѣ наблюденія солнечнаго затменія въ г. Бобринцѣ.

ему тѣмъ-же. Почтеннаго старца можно было назвать живою лѣтописью юга Россіи, и бесѣды его были въ высшей степени и поучительны и занимательны; притомъ онъ былъ большой мастеръ разсказывать разнаго рода анекдоты, слушая которые самый серьезный человѣкъ не могъ удержаться отъ смѣха. О его патріотическихъ чувствахъ и говорить нечего; достаточно припомнить, что въ Отечественную войну, когда братъ его сражался въ рядахъ нашего войска (убитъ подъ Кульмомъ), В. П. Скаржинскій, единственный сынъ при овдовѣвшей матери, снаряжаетъ на свой счетъ изъ собственныхъ крестьянъ отрядъ и также спѣшитъ на поле брани, о чемъ упоминаетъ и Михайловскій-Данилевскій въ своемъ описаніи Отечественной войны. Я коснулся этихъ подробностей съ единственною цѣлію показать, почему Иннокентій такъ почиталъ этого помѣщика (владѣвшаго болѣе 60 т. дес.) и любилъ бесѣдовать съ нимъ. Меня принялъ онъ съ истинно-родственнымъ радушіемъ, и впослѣдствіи я считался самымъ близкимъ ему человѣкомъ; зимой, когда онъ жилъ въ Одессѣ, я почти каждый день бывалъ у него, а лѣтомъ ѣзжалъ къ нему въ имѣніе. Ему я премного обязанъ знакомствомъ съ краемъ и онъ не рѣдко давалъ мнѣ матеріалы для моихъ письменныхъ работъ. Вспоминая эту почтенную личность, прежде всего припоминается мнѣ мой воистину приснопамятный владыка: онъ сблизилъ меня съ этою живою, богатою опытами и наблюденіями книгою.

Сутки мы прожили у гостепріимнаго хозяина, и бесѣда касалась самыхъ разнородныхъ предметовъ. Но насколько Иннокентій умѣлъ краснорѣчиво говорить, настолько-же и глубокомысленно молчать. Онъ больше слушалъ, чѣмъ говорилъ: онъ изучалъ прошедшее и настоящее юга Россіи изъ этой живой книги. Само собою разумѣется, что мы не мало употребили времени на обозрѣніе лѣсныхъ насажденій, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ этого имѣнія; здѣсь Иннокентій вникалъ въ самыя мелкія подробности и не рѣдко, обращаясь ко мнѣ, дѣлалъ замѣчанія: «смотри, другъ, въ оба и ничего не пропускай мимо ушей; пригодится тебѣ.» Считаю не лишнимъ отмѣтить здѣсь случай, который, при всей видимой своей ничтожности, можетъ свидѣтельствовать о необыкновенной нѣжности сердца этого архипастыря. В. П. Скаржинскій, садясь въ карету съ Иннокентіемъ, просилъ у него позволенія курить сигару, присоединивши, что она хотя домашняго производства, изъ листьевъ, выращенныхъ въ его саду, но не уступаетъ настоящей «манили». На эту просьбу Иннокентій сказалъ: привычка—вторая природа, а природу насиловать трудно. Но, когда мы пріѣхали къ одному лѣсу и вышли изъ экипажа, владыка подходитъ ко мнѣ и говоритъ: ну, буду я помнить эту «маниль», у меня страшно голова разболѣлась, даже въ глазахъ становилось зелено! Не даромъ наши предки назвали табакъ «проклятымъ зельемъ».—Да почему вы, владыко, дали

позволеніе, если не можете переносить табачнаго дыма?—Другъ мой, отвѣтилъ Иннокентій, этотъ божій старецъ напоминаетъ оную дщерь Авраамлю; онъ около 12 л. не сходитъ съ одра болѣзни; хиагра оставила ему только два цѣлыхъ, но такъ-же въ ранахъ, пальца; онъ чуть-ли не каждую минуты терпитъ отъ язвъ своихъ самую мучительную боль, и я увѣренъ, что это куреніе нѣсколько облегчаетъ его страданія. Какъ-же было не сострадать ему? Моя головная боль пройдетъ, а онъ до могилы останется страдальцемъ».

Далѣе проф Палимпсестовъ приводитъ не мало очень интересныхъ разговоровъ преосв. Иннокентія съ В. П. Скаржинскимъ въ то время, когда они вышли изъ экипажей и остановились на полянѣ лѣска, насажденнаго этимъ неутомимымъ лѣсоводомъ[1]), причемъ разговоръ сперва шелъ о вѣрѣ въ «глазъ», потомъ вообще о вѣрѣ и о необходимости добрыхъ дѣлъ.

Закончилъ свою бесѣду преосв. Иннокентій такъ: Есть, мой возлюбленный старецъ, истины непреложныя, какъ непреложенъ самъ Богъ; онѣ останутся вѣчными, какъ сама высочайшая Истина—Богъ; и умъ человѣческій чѣмъ долѣе будетъ углубляться въ нихъ, тѣмъ онѣ будутъ становиться для него яснѣе и изъ области вѣры переходитъ въ область сознанія, убѣжденности. Я думаю, что такимъ путемъ шли и вы, разводя эти лѣски, которыми мы теперь любуемся: сначала, когда вы бросали первыя сѣмена, у васъ была одна вѣра, что лѣсъ можетъ расти въ нашихъ степяхъ; но въ настоящее время, когда вы и другіе имѣютъ передъ собою «толикъ облакъ свидѣтелей» (владыка указалъ на окружавшій насъ разнообразный лѣсъ), вмѣсто вѣры явилось убѣжденіе ума.

Но, владыка святой, сказалъ В. П. Скаржинскій шутя: вѣра насъ часто обманываетъ. Вѣрю я, что въ моихъ обильныхъ рыбою запрудахъ мой Терентій наловитъ хорошей рыбы для нашего обѣда; но вѣдь можетъ и не наловить; и вѣра наша безъ этихъ добрыхъ дѣлъ будетъ мертва.

Иннокентій отъ всей души засмѣялся. Мы сѣли въ экипажи и отправились къ обѣденному столу.

Оказалось, что вѣра нашего гостепріимнаго хозяина сопровождалась самыми добрыми дѣлами. Терентій успѣлъ наловить прекрасныхъ окуней въ Бугѣ, изъ которыхъ вышла отличнаго вкуса уха, а изъ искуственныхъ рыбныхъ садковъ (запрудъ)—жирныхъ карасей, которые со сметаною, только степнымъ жителямъ знакомой по своему аромату и густотѣ, тоже составили неподражаемо вкусное блюдо и т. д. Конечно, въ богатомъ погребкѣ богатаго хозяина нашлись и лафитъ, и рейнвейнъ, и хересъ, и мадера, и портеръ, и шампанское, къ которымъ, по обычаю, именитый архи-

[1]) Такъ назыв. «Лѣтній хуторъ».

пастырь только прикасался и то, само собою разумѣется, не ко всѣмъ. Онъ всегда желалъ, по его собственному выраженію, сохранить свою голову свѣжею. И безъ того, т. е. безъ омраченія головы винными парами, не рѣдко говаривалъ онъ, всюду мракъ среди людей, какъ испорченный плодъ испорченной души вождѣленіями плоти.

Послѣ обѣда владыка и почтенный старецъ легли отдохнуть; а я занялся твореніемъ своихъ набросковъ о видѣнномъ и слышанномъ.

Къ вечернему чаю всѣ, включая сюда конечно и необыкновенно ласковую семью именитаго лѣсовода, собрались на террассѣ дома, который стоялъ при самой рѣкѣ, въ этомъ мѣстѣ съ шумомъ и грохотомъ мчавшейся черезъ гранитныя скалы и камни, образующіе пороги Бога[1]).

Къ 10 часамъ ночи мы только втроемъ остались на террассѣ. Въ деревняхъ, какъ извѣстно, ранѣе, чѣмъ въ россійскихъ (именно только въ россійскихъ) городахъ, ложатся спать; и благо дѣлаютъ: тамъ испитость, худосочіе не вѣдомы.

Ночь была, какъ говорится, упоительная: Прохлада отъ рѣки, отъ водной пыли разбивающагося бурнаго потока о камни и скалы; ароматъ степного теплаго воздуха; безоблачное небо съ горящими въ бездонной глубинѣ «огненными лампадами»; все это воистину дѣлало ночь дышавшею какими-то обаятельными чарами. А тутъ чарующій потокъ рѣки изъ золотыхъ устъ дивнаго витіи и презанимательные, пересыпаемые неподражаемымъ юморомъ и остротами, разсказы столько видѣвшаго и испытавшаго старожила широкихъ степей. Онъ говорилъ и о взятіи Очакова безсмертнымъ Суворовымъ, по разсказамъ своего отца, бывшаго храбрымъ участникомъ этого боя и вышедшаго изъ него въ ранахъ съ головы до ногъ; говорилъ, по свѣжимъ преданіямъ, объ удалыхъ запорожцахъ, о безстрашныхъ шайкахъ степныхъ разбойниковъ, отъ которыхъ «однажды только какимъ-то чудомъ спаслась эта семья; говорилъ о дивно-роскошной въ иные годы растительности степей, въ травахъ которыхъ нельзя было замѣтить и длиннорогихъ украинскихъ воловъ и т. д. и т. д.

Бесѣда длилась далеко за полночь.... Переночивавши и утромъ простившись съ радушнѣйшимъ хозяиномъ, мы пустились въ обратный путь въ Одессу».

Изъ устъ мигейскихъ старожиловъ намъ приходилось слышать еще о слѣдующихъ случаяхъ изъ жизни преосвященнаго Иннокентія. Однажды В. П-чъ послалъ Преосвященному въ подарокъ нѣсколько коровъ и заводского быка. Преосвященный, передавъ благодарность В. П-чу за подарокъ, велѣлъ накормить усталыхъ и проголодавшихся людей, пригнавшихъ скотъ.

---

[1]) Домъ этотъ находился почти на томъ-же самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь отстроенный заново домъ І. П. Скаржинскаго.

Дѣло было въ страстную пятницу, а посему люди сомнѣвались: можно-ли имъ выпить водки? Тогда Преосвященный, узнавъ объ этомъ, сказалъ, приблизительно такъ: «Я благословляю и разрѣшаю, по трудахъ можно выпить по одной рюмкѣ.» Обласканные Владыкою люди эти долго не могли забыть его вниманія къ нимъ и всегда съ восторгомъ воспоминали о немъ.

Съ юго-восточной стороны Мигеи находится замѣчательно живописная мѣстность надъ Бугомъ, называемая «Протичъ», и особенно художественная скала надъ самымъ Бугомъ «Протичанская скеля». Для любителя запорожской старины Протичанская скеля интересна тѣмъ, что на ней имѣется изображеніе подковы; художнику она послужила-бы прекраснымъ сюжетомъ для картины, поэту дала-бы массу фантазіи, а Преосвященному Иннокентію она показалась, говорятъ, весьма удобной для аскетическихъ подвиговъ. Быть можетъ, Преосвященный высказалъ только мысль о пригодности и удобности этой мѣстности для монастыря, а народная молва передаетъ, что Иннокентій думалъ основать здѣсь монастырь. Конечно, отъ взора владыки, этой поэтической натуры, взбиравшейся, какъ передаетъ Палимпсестовъ, даже на Чатыръ-Дагъ, не могла укрыться и Протичанская скеля съ бурлящимъ Запорожскимъ порогомъ.

Разсказываютъ еще, что въ Трикратахъ, гдѣ у Скаржинскаго былъ довольно большой звѣринецъ, въ присутствіи пр. Иннокентія происходила однажды травля звѣрей собаками; выпустили и затравили молодого медвѣженка. Преосвященный не могъ вынести такой картины и высказалъ по этому поводу сожалѣніе; Скаржинскій приказалъ прекратить травлю и подарилъ владыкѣ этого медвѣженка, который и былъ отправленъ въ Одессу въ архіерейскій хуторъ.

По указу св. Сунода, отъ 24 августа 1851 г. Елисаветградское Духовное Правленіе, въ вѣдѣніи котораго состояла Мигея съ 1832 г., вслѣдствіи представленія Архіепископа Иннокентія, было закрыто, дѣла и суммы его переданы въ Херсонскую Духовную Консисторію, а обязанности его возложены на мѣстныхъ благочинныхъ.

Послѣ преосвященнаго Иннокентія на каѳедру Херсонской епархіи указомъ св. Сунода отъ 17 іюня 1857 г. назначается епископъ Тульскій Димитрій Муретовъ, который 25 октября 1874 г. переведенъ на Ярославскую каѳедру. При немъ, 16 ноября 1859 г., Высочайше была учреждена новая епархія «Таврическая», и Херсонскіе архіереи стали титуловаться «Херсонскій и Одесскій.»

День 19 февраля 1861 г. прошелъ въ Мигеѣ тихо и спокойно; крестьяне, помолившись Богу въ церкви, возратились въ экономію къ своимъ обычнымъ работамъ, которыя продолжались послѣ этого еще цѣлый годъ. Въ томъ-же году въ Мигеѣ было учреждено волостное правленіе и самая волость названа «Мигейской», а д. Грушевка была причислена къ Романко-

Балковской волости Ананьевскаго уѣзда. Въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости мигейцы соорудили икону Христа Спасителя въ серебряной ризѣ. Въ 1865 г. былъ упраздненъ Бобринецкій уѣздъ и учрежденъ, вмѣсто него Елисаветградскій, въ которомъ Мигея состоитъ до сего времени.

Послѣ Преосвященнаго Димитрія епархіей управлялъ бывшій до того Архіепископомъ Подольскимъ Леонтій одинъ годъ, такъ какъ 25 ноября 1875 г. дано было знать, что Архіепископы: Холмско-Варшавской епархіи Іоанникій и Херсонской Леонтій перемѣщены одинъ на мѣсто другого; Архіепископъ Іоанникій скончался въ Одессѣ. Въ 1875 г. были открыты какъ въ с. Мигеѣ, такъ и д. Грушевкѣ одноклассныя земскія школы. Въ 1877 г. апрѣля 25 Архіепископъ Донской Платонъ назначенъ Архіепископомъ Херсонскимъ и Одесскимъ. Указомъ Херсонской Духовной Консисторіи отъ 28 марта 1879 г. мигейскій причтъ увѣдомленъ, что въ Елисаветградскомъ уѣздѣ образуется, вмѣсто прежнихъ, 6 новыхъ благочинническихъ округовъ; Мигея перешла въ вѣдѣніе новообразованнаго Ново-украинскаго округа.

Архіепископъ Платонъ былъ переведенъ митрополитомъ въ Кіевъ, а вмѣсто него съ 20 февраля 1882 г. епархіей управлялъ вторично Архіепископъ Димитрій, скончавшійся въ Одессѣ. Херсонская епархія никогда не забудетъ смиренномудраго Архіепископа Димитрія. Говорятъ, что Преосвященный Димитрій былъ и въ Мигеѣ; были здѣсь также преосвященные: Леонтій, Софроній и Израиль[1]). Послѣдній, передаютъ, осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ домъ крестьянина с. Мигеи Климента Дорошенка, котораго онъ хвалилъ за чистоту и опрятность. 12 декабря 1883 г. на Херсонскую каѳедру Высочайше назначенъ Епископъ Уфимскій Никаноръ, скончавшійся въ Одессѣ. Въ 1883 г. владѣлецъ Мигеи Іосифъ Петровичъ Скаржинскій построилъ не далеко отъ церкви гранитное зданіе съ мезониномъ и подвальнымъ этажемъ, предназначавшееся первоначально для больницы, а впослѣдствіи приспособленное для Ольгинской сельскохозяйственной школы. Въ 1887 г. тщаніемъ І. П. Скаржинскаго заложена нынѣшняя грандіозная колокольня и водяная вальцевая мельница надъ Бугомъ около помѣщичьяго дома. Въ томъ-же году проведенъ черезъ Мигею телеграфъ изъ Ольвіополя въ Вознесенскъ. Въ слѣдующемъ — освящена и открыта новоустроенная мельница. 6 іюня 1889 г., около $7^1/_2$ часовъ вечера послѣ небольшого дождика недалеко отъ с. Мигеи на склонѣ балки, называемой «Сухимъ Ташлыкомъ», упалъ метеоритъ, вѣсомъ въ 25 фунтовъ. Въ томъ-же году 4 ноября была освящена оконченная коло-

[1]) Пр. Израиль былъ въ Мигеѣ въ 1883 г. и здѣсь имѣлъ ночлегъ.

кольня, за постройку которой І. П. Скаржинскій былъ удостоенъ благословенія Св. Сѵнода.

6 мая 1890 г. Мигею посѣтилъ Преосвященный Никаноръ, который послѣ ревизіи церкви отправился въ домъ І. П. Скаржинскаго, гдѣ ему былъ приготовленъ ночлегъ; 17 октября того-же года была освящена и открыта Ольгинская сельско-хозяйственная школа.

12 января 1891 г. назначенъ на Херсонскую каѳедру Епископъ Кишиневскій Сергій, переведенный 9 августа 1893 г. митрополитомъ въ Москву. Въ 1891 г. Мигею посѣтилъ Херсонскій губернаторъ Оливъ и произвелъ ревизію волостного правленія; здѣсь-же представлялся губернатору учитель Ольгинской сельско-хозяйственной школы Введенскій съ учениками.

3 сентября 1893 г. на Херсонскую каѳедру назначенъ Епископъ Курскій Іустинъ, нынѣ Архіепископъ, благополучно правящій епархіей и въ настоящее время.

IV.

О владѣльцахъ Мигеи.

Первымъ владѣльцемъ Мигеи былъ извѣстный генералъ Петръ Абрамовичъ Текели. Документальныхъ данныхъ на владѣніе Мигей Текели не имѣется; но старожилы говорятъ, по преданію, объ этомъ настолько увѣренно, что о сомнѣніи въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи. Говорятъ, что раньше существовали въ Мигеѣ даже пѣсни, повѣствующія о подвигѣ Текели (уничтоженіи Сѣчи), но въ настоящее время отъ нихъ и слѣда не осталось.

Генералъ Текели должно быть получилъ Мигею отъ Императрицы; причемъ мы уже высказывали предположеніе, что онъ же перенесъ изъ Бугогардовой поланки въ Мигею деревянную церковь. Умеръ онъ въ 1792 г. въ Новомиргородѣ, гдѣ и погребенъ въ Николаевской соборной церкви «подъ спудомъ, у правой стѣны, тотчасъ по входѣ въ церковь».

Отъ Текели Мигея, вѣроятно посредствомъ купли, перешла къ генералу Петру Михайловичу Скаржинскому. Основываясь, впрочемъ, на документальныхъ данныхъ, хранящихся въ архивѣ владѣльца с. Большой Скаржинки В. В. Скаржинскаго, нужно признать, что если не всей Мигеей, то по крайней мѣрѣ частью ея владѣлъ еще какой-то бригадиръ Фишеръ. Со временъ П. М. Скаржинскаго и до сихъ поръ Мигея принадлежитъ Скаржинскимъ; отъ П. М. она перешла къ сыну его Виктору Петровичу, потомъ — къ его сыну Петру Викторовичу и, наконецъ, къ сыновьямъ послѣдняго: Виктору и Іосифу П—чамъ и женѣ П. В—вича Анастасіи Іосифовнѣ.

Для знакомства съ небезъизвѣстнымъ въ отечественной исторіи родомъ Скаржинскихъ укажемъ на статью «Свѣдѣніе о лубенскихъ Скаржинскихъ», помѣщенную въ іюньской книжкѣ Кіевской Старины за 1893 г. Здѣсь указывается, что литовскій родъ Скаржинскихъ жилъ въ Малороссіи еще съ начала XVII в.

Первымъ владѣльцемъ Мигеи изъ рода Скаржинскихъ былъ Петръ Михайловичъ; сельскимъ хозяйствомъ занимался онъ мало, такъ какъ всю свою дѣятельность посвятилъ военной и административной карьерѣ. Въ 1787 г. Потемкинъ сформировалъ Бугскій казачій полкъ въ 1500 человѣкъ, начальникомъ котораго былъ назначенъ полковникъ П. М—чъ. Этотъ полкъ участвовалъ въ штурмѣ Очакова 6 декабря 1788 г. и Скаржинскій въ числѣ первыхъ взошелъ на валы крѣпости, за что былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія. Тотчасъ по взятіи Очакова П. М—чъ получилъ изъ дому извѣстіе, что у него родился сынъ[1]), котораго онъ и назвалъ въ честь Очаковской побѣды Викторомъ (побѣдитель). Впослѣдствіи П. М—чъ былъ атаманомъ Астраханскаго войска; именемъ его названъ также одинъ изъ астраханскихъ каналовъ. Карьеру свою П. М—чъ закончилъ правителемъ намѣстничества кавказскаго. За свою военную дѣятельность онъ получилъ отъ Императрицы Екатерины II въ награду такъ называемыя возсоединительныя земли по Бугу между Мигеей и Трикратами. Такъ какъ указомъ 12 декабря 1796 г. намѣстничества были уничтожены, то и намѣстничество П. М—ча на Кавказѣ окончилось и онъ возвратился на покой въ свои обширныя херсонскія помѣстья. Произошло это такъ: Императоръ Павелъ вызвалъ П. М—ча въ Петербургъ и объявилъ ему, что намѣстничество его на Кавказѣ окончено, послѣ чего П. М—чъ, считая себя уже свободнымъ отъ службы, отправился, не сказавъ ни слова о томъ Государю, въ свои владѣнія; дорогой нагоняетъ его царскій курьеръ и передаетъ письмо къ нему Государя, съ назначеніемъ его шефомъ Павлоградскаго полка. П. М—чъ благодарилъ Государя за оказанную ему честь и заявилъ, что служить не можетъ, такъ какъ уже старъ; надѣясь на свои заслуги, онъ думаетъ заслужить прощеніе своему поступку и вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ оказать ему Монаршую милость: принять обратно въ казну всѣ возсоединительныя земли по Бугу, подаренныя ему Императрицей Екатериной II. Послѣ этого онъ поѣхалъ дальше. Черезъ нѣкоторое время П. М—чъ получилъ указъ, въ которомъ говорилось, что эти земли, изъ вниманія къ заслугамъ П. М—ча, принимаются обратно въ казну.

П. М—чъ Ск—скій чуть-ли не первый изъ при-бугскихъ помѣщи-

---

[1]) П. М. С—скій женатъ былъ на Ульянѣ Булацель и, кажется, получилъ за нею въ приданое слоб. Трикраты, гдѣ и жилъ впослѣдствіи.

ковъ пришелъ къ мысли устроить на Бугѣ водяную мельницу. Умеръ онъ въ 1805 г.

Сынъ П. М—ча, Викторъ Петровичъ, родился въ 1788 г. и получилъ имя въ честь Очаковской побѣды; умеръ онъ въ іюнѣ 1861 г., а погребенъ въ церковной оградѣ м. Больш.-Скаржинки. Военная карьера не миновала и его, хотя онъ извѣстенъ больше какъ энергичный хозяинъ и опытный лѣсоводъ. Когда 30 августа 1806 г. было объявлено о союзѣ Россіи съ Пруссіей противъ Франціи и дворянство Херсонской и Екатеринославской губерній выставило до 20,000 вооруженныхъ воиновъ, В. П—чъ Ск—ій составилъ отдѣльный полкъ въ 330 человѣкъ. Въ злочастный для Россіи 12-й годъ онъ также составилъ эскадронъ въ 180 человѣкъ и содержалъ его на полномъ своемъ иждивеніи. Мѣстный губернаторъ назначилъ его начальникомъ этого отряда, а офицеры были приглашены самимъ В. П—чемъ изъ дворянъ. Хотя Государственный Совѣтъ и поставилъ на видъ губернатору, что право собирать войска превышаетъ его власть, но всетаки повелѣлъ отряда не распускать и позволилъ ему въ случаѣ надобности дѣйствовать. Этотъ эскадронъ былъ присоединенъ къ 3-й арміи и находился съ ней во всѣхъ дѣлахъ противъ непріятеля, какъ въ Россіи, такъ и заграницей. Братъ В. П—ча, Николай П—чъ, также участвовалъ въ этомъ отрядѣ и былъ убитъ непріятельской пулей въ 1813 г. подъ Кульмомъ.

Когда улеглось это всероссійское движеніе, В. П—чъ всецѣло посвятилъ свою дѣятельность сельскому хозяйству и главнымъ образомъ лѣсоводству. Всѣ лѣсныя насажденія Трикратъ, Мигеи и Новоселовки, Елисаветградскаго уѣзда, обязаны своимъ возникновеніемъ В. П—чу. Чтобы оцѣнить В. П—ча какъ хозяина и лѣсовода, нужно обратиться къ Палимпсестову, авторитетному современнику В. П—ча, который былъ съ нимъ весьма близокъ и высоко цѣнилъ его знанія по сельскому хозяйству и лѣсоводству. Мы уже говорили, что В. П. Скаржинскій былъ членомъ Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, а Палимпсестовъ—секретаремъ этого Общества. Вотъ какъ отзывается Палимпсестовъ о В. П—чѣ:

«Многіе изъ хозяевъ юга Россіи были моими достойными учителями, и въ числѣ ихъ незабвенный для меня и для края хозяинъ — лѣсоводъ В. П. Скаржинскій. На него, какъ на знатока края и опытнаго хозяина—лѣсовода, первый указалъ мнѣ Высокопреосвященный Иннокентій, съ которымъ я и обозрѣвалъ дивныя лѣсонасажденія Трикратъ и другихъ мѣстностей. Впослѣдствіи я каждый годъ, до самой смерти покойнаго гостепріимнѣйшаго старца, ѣздилъ къ нему, сколько для изученія лѣсоводства, столько же и для другихъ поучительныхъ бесѣдъ. Викторъ П—чъ былъ живая хроника юга Россіи и при томъ въ высшей степени занимательный

ная. Къ тому же почтенный старецъ, не смотря на страданія, длившіяся нѣсколько лѣтъ, имѣлъ свѣтлую голову и владѣлъ неподдѣльнымъ юморомъ. Бесѣды наши шли по цѣлымъ днямъ, и я не видѣлъ, какъ шло время. На зиму онъ обыкновенно пріѣзжалъ въ Одессу, и не было дня, въ который я не навѣстилъ-бы почтеннаго старца[1])». Много статей по сельскому хозяйству было написано въ «Запискахъ Общества сельскаго хозяйства южной Россіи» И. Палимпсестовымъ со словъ В. П—ча. Самъ онъ лично не писалъ ничего, такъ какъ, говоритъ Палимпсестовъ, «нашимъ хозяевамъ не до письменности, къ которой при томъ нужно имѣть и навыкъ.... Бывало такъ: поговоришь съ хозяиномъ и съ позволенія его напишешь подъ его именемъ статью.... И что это были за статьи! Такъ, продолжаетъ Палимпсестовъ, прочитавши статью съ именемъ В. П. Скаржинскаго, мнѣ не рѣдко говорили: на каждую страницу можно было-бы положить по червонцу».

О глубокомъ пониманіи В. П—чемъ лѣсоводства Палимпсестовъ говоритъ: «.... Цѣня высокую важность лѣсоразведенія въ степяхъ юга Россіи, мы не можемъ не сохранить самой благодарной памяти.... о почетныхъ дѣятеляхъ[2]). Главная заслуга ихъ въ указаніи пригодныхъ для юга Россіи и частнѣе для его приморской окрайны древесныхъ и кустарниковыхъ породъ и въ опредѣленіи способа воздѣлыванія ихъ, который можетъ быть выраженъ въ слѣдующихъ короткихъ словахъ: глубокая обработка земли (до 3—4 четв. арш.) и рыхленіе ея до полнаго отѣненія посаженными и подросшими деревьями или кустарниками; этого правила строго держался покойный В. П. Скаржинскій, дорого заплатившій за свои первоначальные опыты, противные этому правилу».

Изъ своихъ питомниковъ В. П—чъ давалъ посадочный матеріалъ и въ другія мѣстности. Такъ извѣстный ботаническій садъ въ Одессѣ при главномъ училищѣ садоводства, переведенномъ впослѣдствіи въ Умань, съ его прекраснымъ хвойнымъ отдѣленіемъ, заведеннымъ когда-то, какъ говоритъ Палимпсестовъ, изъ питомниковъ В. П. Скаржинскаго, съ его тѣнистыми аллеями и рощицами, былъ украшеніемъ г. Одессы и мѣстомъ очень поучительнымъ для любителей древесной растительности.

Интересенъ также отзывъ о В. П—чѣ, какъ лѣсоводѣ, Высокопреосвященнаго Иннокентія. Гуляя въ одинъ изъ своихъ объѣздовъ епархіи по лѣснымъ насажденіямъ г. Вознесенска съ Палимпсестовымъ, владыка замѣтилъ: «... вѣдь и здѣсь сѣмячко-то брошено рукою нашего почетнаго лѣсовода; начальство военныхъ поселеній у него училось разводить лѣсъ, и въ первое время его питомники служили разсадниками для лѣсныхъ на-

---

[1]) И. Палимпсестовъ: «Мои воспоминанія».

[2]) По лѣсоразведенію.

саженій по военному округу. Но для него-ли одного? Теперь не у малаго числа здѣшнихъ помѣщиковъ разведены лѣски и плодовые сады; но В. П. Скаржинскаго можно почитать патріархомъ лѣсоразведенія на югѣ Россіи.

Къ чести В. П—ча нужно также отнести постройку въ 1828 году нынѣшняго прекраснаго въ архитектурномъ отношеніи каменнаго храма въ с. Мигеѣ, выстроеннаго имъ вмѣсто снесеннаго бурею въ 1823 г. ветхаго деревяннаго на свой счетъ всецѣло. По отзывамъ крестьянъ, В. П—чъ былъ человѣкъ съ высокими душевными качествами, въ высшей степени справедливый и всегда отзывчивый ко всѣмъ нуждамъ крестьянъ, особенно—вдовъ и сиротъ, изъ которыхъ не одна была вскормлена при его дворѣ, а нѣкоторыя получали даже отъ него пожизненную пенсію. Любимымъ занятіемъ его была охота на птицъ и звѣрей; для этой цѣли онъ держалъ громадную свору гончихъ и борзыхъ и цѣлый штатъ охотниковъ изъ своихъ-же крестьянъ, которымъ присвоена была и особая форма. Содержаніе цѣлаго штата охотниковъ обусловливалось кромѣ того еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ тѣ времена необходимо было истреблять волковъ, бродившихъ массами и причинявшихъ не мало вреда скотоводству и особенно овцеводству. Въ Скаржинкѣ у В. П—ча былъ почтенныхъ размѣровъ звѣринецъ, въ которомъ были: дикія козы, медвѣди, олени, дикія свиньи, бѣлки, дикіе гуси, лебеди, фазаны и пр. Не малое вниманіе оказывалъ онъ и музыкѣ, имѣя въ своемъ распоряженіи во всякое время прекрасно устроенный оркестръ.

По смерти В. П—ча громадныя его имѣнія были раздѣлены между четырьмя его сыновьями: Константинъ получилъ большое имѣніе Бургонъ-Мажару на Кавказѣ; Григорій—Новоселовку и Николаевку, въ Елисаветгр. уѣздѣ; Викторъ—Трикраты или Скаржинку и Сухинино, тамъ же; Петръ—Мигею.

Петръ В—чъ, полковникъ лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка, родился въ 1817 г., а умеръ 30 января 1863 г. отъ чахотки въ Мигеѣ, гдѣ 2 февраля и погребенъ въ церковной оградѣ за алтаремъ въ особомъ склепѣ.

Получивъ въ наслѣдство Мигею, П. В—чъ расширилъ свои владѣнія, прикупивъ сосѣдніе участки земли у мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, молдавскихъ дворянъ. Такъ, напр., были куплены имъ участки земли у Гинцаря, въ Розмарицѣ, у Мокраго, Безгузаго и др. Любимымъ занятіемъ его, какъ и отца его, была охота. П. В—чъ былъ человѣкъ горячаго темперамента и въ высшей степени вспыльчивый, но при томъ и столь-же, какъ и его отецъ, справедливый и милостивый ко всѣмъ подчиненнымъ, а ко вдовамъ и сиротамъ особенно. Такъ какъ онъ умеръ 46 лѣтъ, поэтому масса его проэктовъ и улучшеній по сельскому хозяйству унесена вмѣстѣ съ нимъ преждевременно въ могилу. П. В—чъ первый изъ

Скаржинскихъ поселился въ Мигеѣ; до тѣхъ поръ всѣ владѣльцы ея жили въ Трикратахъ.

По смерти П. В—ча Мигея, за малолѣтствомъ сыновей его: Виктора и Іосифа Петровичей, была въ опекѣ и затѣмъ попечительствѣ Виктора Викторовича Скаржинскаго, роднаго брата П. В—ча, а впослѣдствіи раздѣлилась между женой П. В—ча, Анастасіей Іосифовной, и двумя ея сыновьями: Викторомъ и Іосифомъ П—чами. Сначала тотъ и другой занимались сельскимъ хозяйствомъ, а потомъ, вслѣдствіе тяжелыхъ сельскохозяйственныхъ и экономическихъ условій, отдали всю свою землю въ аренду. Анастасія Іосифовна, теперь уже почтенная старуха, живетъ обыкновенно съ сыновьями въ Петербургѣ; хотя Іосифъ П—чъ каждый годъ пріѣзжаетъ на лѣто въ Мигею. Такъ какъ онъ сдѣлалъ не мало полезнаго для Мигеи, то мы и скажемъ о немъ нѣсколько словъ въ заключеніе настоящей главы. Благодаря его трудамъ и изящному вкусу, Мигея, этотъ живописный уголокъ Херсонской губерніи, напоминающій своими красотами чудные берега Рейна и величественныя скалы Крыма и Кавказа, украсилась нѣсколькими художественными и полезными зданіями. Имѣемъ въ виду колокольню, Ольгинскую с.-х. школу и водяную вальцевую мельницу. Мельничное зданіе, построенное первоначально изъ гранита въ 1888 г., а затѣмъ возобновленное въ 1897 г. послѣ пожара, состоитъ изъ эффектнаго пятиэтажнаго главнаго корпуса и возвышающейся надъ нимъ на два этажа башни, служа какъ-бы дополненіемъ къ чуднымъ красотамъ Буга съ его зеленѣющими островками и угрюмыми скалами. Многимъ мигейскимъ крестьянамъ она доставляетъ кусокъ насущнаго хлѣба. Другимъ важнымъ дѣломъ Іосифа Петровича является постройка на свой счетъ въ 1889 г. прекрасной колокольни, стоимость которой простирается до 13,000 р. За постройку ея І. П—чъ удостоенъ благословенія Св. Синода. Недалеко отъ нея стоитъ причудливой архитектуры Ольгинская с.-х. школа, построенная всецѣло на средства І. П—ча въ память покойной жены его Ольги (Папудовой, одесситки). Стоимость школы простирается до 40,000 руб., не считая разныхъ при ней с.-х. построекъ, а также живого и мертваго инвентаря. Четыре года она содержалась на счетъ І. П—ча съ пособіемъ отъ казны лишь 3,000 р., пока не перешла окончательно въ 1895 г. въ казну. При школѣ имѣется 100 десятинъ земли, подаренной ей І. П—чемъ, за что онъ былъ удостоенъ Высочайшей благодарности. Въ 1898 г. онъ отдалъ въ распоряженіе крестьянъ небольшой участокъ земли для постройки на немъ новой сельской школы, что въ томъ-же году и приведено ими въ исполненіе.

V.

Почва, климатъ, флора и фауна Мигейскаго прихода. Р. Бугъ.

Почва Мигейскаго прихода представляетъ глинистый и суглинистый черноземъ, какъ и вообще почва Елисаветградскаго уѣзда (по картѣ Чаславскаго 1888 г.), съ содержаніемъ гумуса отъ 4 до 7%, по Докучаеву; толщина-же чернозема простирается отъ 4—6 вершковъ до 12—16 и даже мѣстами до 20 вершковъ; на ровныхъ мѣстахъ черноземъ толще, а на склонахъ балокъ тоньше и мѣстами даже отсутствуетъ, обнажая глину и гранитъ. Въ балкахъ идолинахъ Бугa почва состоитъ изъ песчано-илистыхъ наносовъ. Вообще почву Мигейскаго прихода должно признать довольно плодородной. Подпочва—глина и гранитъ. Не говоря уже о большомъ количествѣ песку на берегахъ и островахъ Бугa, во многихъ мѣстахъ находятъ бѣлую и красную глину и желто-красный песокъ съ примѣсью глины. Гранита повсюду масса: и въ землѣ и на поверхности ея; встрѣчаются (на берегу Бугa) его цѣлыя горы; но лучшій гранитъ, поддающійся отдѣлкѣ и шлифовкѣ, находится въ Лѣтнемъ хуторѣ, на такъ называемой Гладкой скалѣ. Мигейскій гранитный хребетъ признается иными за отрогъ Карпатъ.

Климатъ Мигеи, какъ и вообще херсонскихъ степей, континентальный, сухой, чему не мало способствуютъ ничѣмъ неудерживаемые сѣверные и сѣверо-восточные вѣтры, приносящіе сухость и холодъ. Лѣтомъ бываетъ здѣсь очень жарко, а зимой очень холодно; не рѣдкость здѣсь также и гнилая зима; весна отличается большою перемѣнчивостью погоды.

Флора Мигеи, если не измѣнилась сравнительно съ былой флорой степей, то только отчасти; и вполнѣ понятно: степь Мигеи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не пахалась почти до настоящаго времени, а въ другихъ—и совсѣмъ не пахана, благодаря заботливости владѣльцевъ Мигеи, тщательно оберегавшихъ свои пруды отъ засоренія и не позволявшихъ поэтому пахать склоны балокъ, прилегающіе къ нимъ; лѣски и до сихъ поръ оберегаются; острова Бугa и отчасти берега его также строго охраняются; все это въ совокупности способствовало сохраненію прежней флоры, хотябы на указанныхъ мѣстахъ. Мигея такимъ образомъ относительно флоры поставлена, благодаря помѣщикамъ, владѣющимъ ею еще съ прошлаго столѣтія, въ исключительныя условія. Для сравненія теперешней флоры съ прежней обратимся къ труду Д. И. Багалѣя, который, ссылаясь на «Топографическое описаніе земель, доставшихся Россіи по мирному трактату съ Турціей 1774 года», указываетъ на отсутствіе въ этой мѣстности значительныхъ лѣсовъ и говоритъ, что въ балкахъ растутъ мѣстами яблоки, груши, а больше терновникъ, шиповникъ, хмѣль, дикій виноградъ,

вишни, ивнякъ, осокорь, боярышникъ и то изрѣдка: затѣмъ ольха, береза, лознякъ, верба... Изъ травъ указывается на пырей, дикій лукъ, чернобыльникъ, щавель, кропиву, васильки, ромашки, гвоздики и пр.; изъ ягодныхъ растеній—на клубнику и землянику и то изрѣдка...[1]) Теперь мигейская флора представляетъ почти такую-же картину, только въ меньшемъ количествѣ.

Въ Ольгинской сельско-хозяйственной школѣ, въ церковной оградѣ, на такъ называемой Доярнѣ, надъ Бугомъ, у помѣщика Корбе и у нѣкоторыхъ крестьянъ имѣются сады съ самыми разнообразными кустарниками и фруктовыми деревьями, которыя, за исключеніемъ абрикоса, растутъ вообще плохо и недолговѣчны. Около мельницы у Скаржинскаго и на блоквѣ у Болгаръ заведены виноградники (оба на южномъ склонѣ), дающіе прекрасные результаты. Помѣщикъ А. В. Корбе занимается хмѣлеводствомъ въ небольшихъ размѣрахъ.

О фаунѣ Мигеи нужно сказать совершенно противуположное тому, что сказано о флорѣ: о тѣхъ звѣряхъ и птицахъ, которые жили здѣсь въ былое доброе время, и помину нѣтъ. Боплант, описывая фауну Херсонскихъ степей, упоминаетъ о байбакахъ, сугакахъ, оленяхъ, ланяхъ, сайгахъ, дикихъ кабанахъ и пр. Князь Мышецкій говоритъ, что въ концѣ XVIII столѣтія, когда количество дикихъ звѣрей уже уменьшилось, были еще волки, лисицы, зайцы, козы, барсуки, хорьки, сурки или байбаки, въ рѣкахъ—выдры и пр. Гюльденштейнъ упоминаетъ объ оленяхъ въ Елисаветградской провинціи во 2-ой половинѣ XVIII ст.; дикія козы, куница и барсуки были еще и въ XIX ст. [2]). Причиной исчезновенія всѣхъ этихъ животныхъ служитъ, конечно, сильно увеличившееся народонаселеніе, не оставившее ни единаго клочка земли нетронутымъ. Въ настоящее время въ Мигеѣ, въ Лѣтнемъ хуторѣ, масса зайцевъ и лисицъ, которыхъ тамъ рѣдко безпокоятъ; есть хорьки и ласочки, которыхъ иной годъ бываетъ много; затѣмъ, кромѣ овражковъ, полевыхъ мышей и несчастнаго крота, кажется, нѣтъ больше никого. Въ оврагахъ и скалахъ надъ Бугомъ бываютъ иногда волки; въ 1893 г. на блоквѣ вывелось три волчьихъ семейства. Лѣтъ 30—40 назадъ волковъ въ Мигеѣ было еще много. Въ 1877 году появилось было въ Бугу много выдръ; но теперь намъ не приходилось видѣть ни одной. Во времена крѣпостного права В. П. Скаржинскій завелъ въ Лѣтнемъ хуторѣ бѣлокъ; теперь ихъ нѣтъ.

Царство пернатыхъ также значительно сократилось сравнительно съ прежнимъ по той-же причинѣ. Лѣтъ сорокъ назадъ, говорятъ, налетали еще въ Мигею лебеди и дикіе гуси; теперь-же лебедей совсѣмъ не видно,

---

[1]) «Колонизація Новор. Края». Д. И. Багалѣя, стр. 12—13.

[2]) Тамъ-же, стр. 14.

а дикихъ гусей намъ приходилось видѣть на Бугу весной раза три. Во время крѣпостного права В. П. Скаржинскій завелъ въ Лѣтнемъ хуторѣ фазановъ, остатки которыхъ въ количествѣ двухъ экземпляровъ существовали еще въ 1898 г.

О рыбѣ, водящейся въ водахъ Мигеи, будетъ сказано ниже, въ главѣ о рыболовствѣ. Въ прудахъ водится много черепахъ, а въ скалахъ — особенно надъ Бугомъ—достаточно змѣй, изъ которыхъ достойны вниманія такъ называемые желтобрюхи громадныхъ размѣровъ; хотя ихъ уже очень мало.

Изъ вредныхъ насѣкомыхъ отмѣтимъ хлѣбнаго жука кузьку и гессенскую муху, причиняющихъ не мало вреда хлѣбнымъ злакамъ. Въ 1898 году появился долгоносикъ, причинившій большой вредъ свеклѣ, а начиная съ 1894 года по 1899 годъ въ Мигеѣ появился ужасный бичъ садовъ — жукъ «оленка», о которомъ такъ много говорятъ и пишутъ въ настоящее время, но противъ котораго не найдено еще противоядія[1]).

Относительно появленія оленки въ садахъ компетентное лицо, посѣтившее въ 1898 г. Мигею, говорило такъ: первоначальной пищей оленки были дикіе тюльпаны, но когда ихъ не стало вслѣдствіе распахиванія цѣлинныхъ полей, она перенесла свою дѣятельность на сады.

Владѣльцамъ с. Мигеи—Скаржинскимъ принадлежитъ 8568 дес. 2065 кв. саж.

Ольгинской с.-х. школѣ принадлежитъ 98 дес. 1712 кв. саж. Вырѣзана она изъ участка, принадлежащаго І. П. Скаржинскому, въ 1890 г., а при переходѣ школы въ казну въ 1895 г. подарена въ казну.

Крестьянамъ с. Мигеи принадлежитъ 1036 дес. Земля нарѣзана въ 1861 году изъ участка, принадлежавшаго П. В. Скаржинскому.

Церковной земли въ Мигеѣ (полевой, усадебной и подъ церковью) всего 124 дес. 707 кв. саж. Нарѣзана она, должно полагать, въ началѣ настоящаго столѣтія или П. М—вичемъ или В. П. Скаржинскимъ; въ реестрѣ, приложенномъ при указѣ Ольвіопольскаго Духовнаго Правленія отъ 26 августа 1800 г., въ которомъ указываются села, не имѣющія въ отводѣ церковныхъ земель, приведена и Мигея; кромѣ того въ рапортѣ священника с. Мигеи въ Ольвіопольское Духовное Правленіе отъ 15 сентября 1800 г. говорится, что въ Мигеѣ нѣтъ церковной земли по той причинѣ, какъ объясняетъ П. М. Скаржинскій, что при покупкѣ имъ с. Мигеи таковой земли въ отводѣ не имѣлось. Первоначально было отведено надъ

---

[1]) Одинъ изъ Мигейскихъ крестьянъ (Савва Руденко), имѣющій прекрасный садикъ, стряхиваетъ оленку на рядно и сжигаетъ ее, и каждый годъ у него въ саду довольно много плодовъ. Самъ онъ—садовникъ, и крестьяне говорятъ, что «нинъ щось знае», а посему-де оленка не вредитъ его саду.

Бугомъ, въ 3—4-хъ верстахъ отъ села, 120 десятинъ, а впослѣдствіи эта пропорція была сокращена до 33 дес. и самый участокъ перемѣщенъ на то мѣсто, гдѣ находится въ настоящее время (въ 6 верст. отъ села). Въ формулярныхъ спискахъ за 1830 г. значится 33 д. и говорится, что издавна церковной земли было 120 дес., но кѣмъ сокращена эта пропорція, неизвѣстно. Въ тѣхъ-же спискахъ за 1846 г. значится уже 120 дес., а въ спискахъ за 1861 г. говорится, что раньше церковной земли было 120 дес., но въ семъ году помѣщикъ отрѣзалъ опять только 33 дес., о чемъ донесено по начальству, которое не замедлило возстановить прежнюю пропорцію земли въ количествѣ 120 дес.

Владѣльцу д. Грушевки А. В. Корбе принадлежитъ 4213 дес. 1718 кв. саж. Земля эта отведена въ 1792 году сенатору Комбурлею, а въ началѣ нынѣшняго столѣтія куплена у него дворяниномъ В. Корбе.

Крестьянамъ д. Грушевки принадлежитъ 1272 дес., нарѣзанныя въ 1861 г. изъ участка, принадлежащаго владѣльцу д. Грушевки Корбе.

Нѣкоторые изъ любознательныхъ Мигейскихъ прихожанъ не разъ разспрашивали насъ о р. Бугѣ, имѣющемъ немалое значеніе въ ихъ сельско-хозяйственномъ быту, но мы, къ сожалѣнію, мало могли сообщить имъ о немъ, за неимѣніемъ свѣдѣній,—теперь-же имѣемъ возможность нѣсколько удовлетворить любознательность прихожанъ.

Геродотъ называетъ Бугъ Гипанисъ; профессоръ Э. фонъ-Штернъ въ письмѣ отъ 5 августа 1899 г. по нашей просьбѣ сообщаетъ относительно значенія названія «Гипанисъ» слѣдующее:

«Что касается имени рѣки «Гипанисъ» (Бугъ), то оно впервые встрѣчается для насъ у Геродота IV, 52; какъ и когда это имя рѣки дано, установить нельзя. Слово Ὑπανίς произведено отъ глагола ὑπανίστημεν или ὑπανίσχω — «наставать»; Геродотъ сообщаетъ, что рѣка—истокъ большого болота; Ὑπάνις такимъ образомъ, вѣроятно, обозначаетъ «истокъ».

По турецки Бугъ назывался «Акъ-Су», что значитъ бѣлая вода. Названіе это могло получиться вслѣдствіе того, что р. Бугъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего теченія имѣетъ пороги, заборы, дно его во многихъ мѣстахъ каменисто и усѣяно валунами, отчего и вода въ этихъ мѣстахъ клокочетъ и пѣнится, представляясь на видъ совершенно бѣлой.

У г. Ольвіополя берега Бога очень круты и скалисты, оставаясь такими и до с. Александровки, на пространствѣ 70 верстъ. Скалы эти не что иное, какъ отроги Карпатъ, состоятъ изъ гранита, который подымается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на 15—20 саж. надъ уровнемъ рѣки. Между Ольвіополемъ и Александровкой находятся главнѣйшіе пороги Бога и не мало заборъ. Пороги дѣлаютъ эту часть Бога весьма живописной, но совершенно непригодной для судоходства. Всѣхъ пороговъ здѣсь 18—20; противъ Мигеи есть 4 порога: мигейскій первый, запорожскій, мигейскій

второй и компанійскій; выше Мигеи еще два порога безъ названія; глубина р. Буга между Ольвіополемъ и Вознесенскомъ отъ 9 до 20 ф., ширина между Ольвіополемъ и Вознесенскомъ же 40—60 саж.

Теченіе Буга вообще не очень извилистое и при незначительномъ паденіи рѣки весьма слабое, едва замѣтное; и только при порогахъ довольно быстро. Весною Бугъ въ верхнемъ теченіи выступаетъ изъ береговъ и затопляетъ прибрежныя равнины саж. до 300 ширины, а уровень рѣки поднимается тогда на $1^1/_2$ саж.; въ то время вода съ несущимися льдинами валитъ черезъ гребли, и переправа черезъ рѣку прекращается на нѣсколько дней. Замерзаніе рѣки начинается обыкновенно съ средины декабря, а вскрытіе довольно поздно, вслѣдствіе медленнаго теченія и запрудъ, которыхъ въ верхнемъ теченіи довольно много. Иногда рѣка вскрывается раньше у Ольвіополя, гдѣ впадаетъ въ нее р. Синюха, которая, благодаря своему притоку—р. Черному Ташлыку, слишкомъ бурному весною, ломаетъ здѣсь ледъ и вынуждаетъ Бугъ вскрыться въ то время, когда ледъ выше Ольвіополя стоитъ еще нѣсколько дней.

Въ Мигеѣ р. Бугъ имѣетъ протяженіе отъ Ольвіопольскихъ хуторовъ, расположенныхъ ниже г. Ольвіополя, до устья рѣки Корабельной, разстояніемъ до 10 верстъ. Лѣвый берегъ Буга составляетъ владѣнія Скаржинскихъ и отчасти мигейскихъ крестьянъ; правый—Корбе. Средняя ширина рѣки приблизительно 50 саж., а глубина—10 фут. Величина паденія воды, по Шмидту, почти $^1/_2$ саж. на версту. На всемъ указанномъ протяженіи Бугъ течетъ среди довольно высокихъ гранитныхъ береговъ, покрытыхъ мѣстами лѣсомъ и кустарниками, прорѣзанныхъ оврагами и балками, что, вмѣстѣ со множествомъ живописныхъ острововъ, скалъ и пороговъ, представляетъ весьма художественный видъ. Начиная отъ Ольвіопольскихъ хуторовъ, Бугъ течетъ около двухъ верстъ плавно; лѣвый берегъ его представляетъ въ этомъ мѣстѣ блокву, покрытую древесной растительностію, а также использованную подъ огороды; правый—мѣстность, лишенную даже дико-растущихъ кустарниковъ, не особенно крутую, но съ довольно частыми гранитными скалами. Далѣе среди Буга тянется длинный «Компанійскій» островъ, покрытый лѣсомъ и окаймленный камышомъ; островъ, называемый еще «Верхній» или «Пугачъ», съ 22 малыми окружающими его островами занимаетъ площадь въ 11 дес. 1780 кв. саж. На Компанійскомъ островѣ есть довольно высокая скала, называемая «Москаливъ Горбъ». Отъ вершины Компанійскаго острова начинается «Компанійскій» порогъ, противъ котораго возвышается на лѣвомъ берегу «Компанійская» скала, гдѣ раньше было двѣ пещеры: первая, длиною 15 арш., называвшаяся «Кузня», потому что въ ней находили много углей; вторая, длиною 2 арш.; теперь этихъ пещеръ уже не существуетъ. Здѣсь же находится такъ называемое «Гайдамацкое сидѣнье»,

родъ естественнаго дивана, сдѣланнаго на скалѣ и имѣющаго 11 арш. длины, 12 вершк. ширины и $1^1/_2$ арш. высоты (спинка). Около Компанійской скалы видна яма, изъ которой, послѣ большого весенняго разлива воды, вымываются наружу человѣческія кости. Говорятъ, что это и есть могила компанейцевъ, предводительствуемыхъ полковникомъ Чеснокомъ, о которомъ мы упоминали выше. Немного ниже Компанійской скалы впадаетъ въ Бугъ «Компанійская» балка, около которой помѣстилась маленькая водяная мельница Скаржинскихъ. Близъ мельницы находится на Бугѣ «Бойкова» скала, о которую разбился, говорятъ, когда-то плотъ, управлявшійся крестьяниномъ Бойкомъ. На правомъ берегу, противъ Компанійскаго острова, возвышается большая скала «Пугачъ», вблизи которой находится водяная вальцевая мельница А. В. Корбе. За Компанійскимъ островомъ слѣдуетъ отдѣляемый отъ него незначительнымъ протокомъ о. Мигея, называемый еще Малымъ, а во времена крѣпостничества—Виноградникомъ, такъ какъ на немъ росло много дикаго винограда. На этомъ островѣ и пребывалъ, какъ передаютъ старожилы, гайдамакъ Мамай. Площадь о. Мигеи равняется 1740 кв. саж. Около этого острова находится порогъ «Мигейскій второй», спадъ воды котораго приводитъ въ движеніе механизмъ вальцевой мельницы Скаржинскихъ. Около мельницы, ближе къ лѣвому берегу, выступаетъ изъ воды небольшой камень «Коваль», который служитъ для крестьянъ какъ бы меженью, опредѣляющей подъемъ уровня воды въ рѣкѣ. Далѣе слѣдуетъ островъ «Садовый» или «Островецъ», занимающій площадь въ 1 дес. 2330 кв. саж.; образовался онъ лѣтъ 40 тому назадъ и съ каждымъ годомъ увеличивается.

Островъ Садовый протокомъ саж. въ 10 отдѣляется отъ о—ва Большого или Нижняго, пространство котораго равняется 28 дес. 2220 кв. саж. Расположенъ онъ какъ разъ противъ середины села Мигеи въ томъ мѣстѣ, гдѣ Бугъ представляетъ дугу, врѣзывающуюся въ село. Раньше этотъ островъ былъ полуостровомъ, гдѣ находилась деревня Грушевка, а до того—турецкая деревушка, имя которой, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно. Одно большое весеннее половодье разрушило всѣ почти постройки д. Грушевки, и она вынуждена была перейти на гору. Теперь здѣсь занимаются огородной культурой болгаре-арендаторы Корбе. Противъ о. Большого впадаютъ въ Бугъ съ лѣвой стороны двѣ балки: Сухой Ташлыкъ и Мигейскій Ташлыкъ. Съ правой стороны острова Большого находятся еще четыре маленькихъ островка и два большихъ камня, площадь которыхъ равняется вмѣстѣ 1110 кв. саж. Ниже острова Большого начинается «Запорожскій» порогъ, который, встрѣтивъ на своемъ пути могучую стѣну въ лицѣ утесистаго острова, называемаго Багачивъ, Конскій, а нѣкоторыми—Скалёвый, и раздѣлившись на два рукава, съ какимъ-то ожесточеніемъ устремляется впередъ, производя необычайный шумъ и представляя своеобраз-

ную хаотическую красоту. Особенно величественъ и грозенъ этотъ порогъ весной во время ледохода. Любитель запорожской старины Д. И. Эварницкій, говоря, что Запорожскій порогъ совсѣмъ не то, что порогъ на Днѣпрѣ, описываетъ его въ такомъ видѣ: «Представьте себѣ огромнѣйшую скалу, высоты саженъ около пятнадцати (sic!), ширины около десяти, которая, подобно искусственному мосту, перекинута съ одного берега на другой, и это будетъ Запорожскій порогъ на Бугѣ. Вода, бѣгущая по рѣкѣ, встрѣтивъ на своемъ пути неодолимое препятствіе въ видѣ запорожскаго порога, бросается на-право и на-лѣво, въ оба берега, размываетъ себѣ небольшіе жолобы между скалъ и съ страшнымъ ревомъ устремляется впередъ, Для полнаго представленія о запорожскомъ порогѣ представьте еще себѣ огромнѣйшую скалу, втрое выше той, которая протянулась поперекъ рѣки, стоящую у лѣваго берега Буга, противъ самаго порога, и носящую названіе Протичанской скели. Съ нея, какъ съ высоты птичьяго полета, открывается великолѣпнѣйшій видъ на всю эту страшную пучину, которая называется Запорожскимъ порогомъ» («Запорожье въ остатк. стар. и пред. народа», часть II, стр. 156).На Протичанской скалѣ есть очень древнее изображеніе копыта, высѣченное въ камнѣ. Вся мѣстность, занимаемая Запорожскимъ порогомъ, Протичанскою скалою и немного ниже, называется Протичь. Багачивъ островъ занимаетъ площадь въ 2320 кв. саж.; названіе свое онъ получилъ онъ по фамиліи мигейскаго крестьянина Багача, промышлявшаго когда-то здѣсь рыбной ловлей. Ниже этого острова, на лѣвомъ берегу Буга, грудами гранита образуется нѣчто въ родѣ полуострова, именуемаго Оныськова пристань, противъ которой, на правомъ берегу, находится межъ двухъ громадныхъ скалъ весьма удобный водопой, называемый Салогрызове тырло.

Далѣе слѣдуютъ непосредственно одинъ за другимъ три небольшихъ острова, изъ коихъ первый именуется Щукинъ, Юрченкивъ, Кадиновый (площадь его 700 кв. саж.); второй Паршивый или Каменный (площадь его 1770 кв. саж.); третій—Горбатый или Щуривъ (площадь его 2050 кв. саж.). Около острова Щукина есть еще четыре маленькихъ каменныхъ островка, занимающихъ въ общемъ пространство въ 460 кв. саж. Противъ острова Щуроваго, на лѣвомъ берегу, находится Щурова скала и Щурова балка. Слѣдующій островъ называется Зеленый, Бабій или Пухинъ; занимаетъ площадь въ 620 кв. саж.; за нимъ слѣдуетъ довольно большой и живописный островъ Ольховый, который раньше былъ покрытъ исключительно ольхой, а теперь различными древесными породами; площадь его—5 дес. 800 кв. саж.; наконецъ, подъ Ивановской границей есть еще три маленькихъ островка безъ названій, занимающихъ въ общемъ площадь въ 160 кв. саж.

Противъ острова Ольховаго находится на правомъ берегу Буга балка

Дубова, покрытая дубомъ, ольхой и пр., а на лѣвомъ — Ольхова скала, выше которой впадаетъ въ Бугъ Цыганова балка, а ниже Дидова балка, обѣ очень живописныя, поросшія дубомъ, дикими грушами, вязомъ, кленомъ и пр. Ниже острова Ольховаго лѣвый берегъ Буга представляетъ блокву, на которой стоитъ высокая скала Гардонъ (должно быть, испорченное кордонъ); на верху ея закопанъ, какъ убѣждены мигейскіе кладоискатели, большой кладъ. Объ этомъ кладѣ намъ приходилось слышать слѣдующее: лѣтъ 30—40 назадъ какіе-то мигейскіе крестьяне, проѣзжая черезъ Кіевскую губернію, остановились на ночлегъ въ корчмѣ, гдѣ случайно повстрѣчались съ глубокимъ старикомъ, какъ оказалось послѣ, гайдамакомъ, знавшимъ прекрасно не только мѣстность Мигеи, но и скалу Гардонъ; старикъ, узнавъ, что незнакомцы—мигейцы, и передалъ имъ подъ условіемъ секрета, что на скалѣ «Гардонъ» зарыты несмѣтныя богатства.

Начиная отъ острова Ольховаго, какъ правый, такъ и лѣвый берега Буга покрыты лѣсомъ и оба весьма живописны; лѣвый болѣе живописенъ, чѣмъ правый, такъ какъ здѣсь гораздо больше овраговъ и балокъ, больше растительности и безпорядочно разбросанныхъ повсюду гранитныхъ скалъ...

За Дидовой балкой слѣдуетъ Попова балка, получившая свое названіе отъ находившейся раньше вблизи ея церковной дачи, а затѣмъ нѣсколько короткихъ балочекъ, называемыхъ Паньковыми. Около Поповой балки находится Мигейскій первый порогъ, именуемый Поповой броякой. Ниже Паньковыхъ балочекъ стоитъ надъ самымъ Бугомъ громадная почти отвѣсная скала Круча, а дальше Пугачъ, представляющая изъ себя совершенное подобіе головы пугача (филина), и Дидъ и Баба, похожія на двѣ, стоящія рядомъ, сахарныя головы. За Паньковыми балочками есть еще двѣ балки: Мымрыкова и Батрацкая. Наконецъ, владѣнія Скаржинскихъ оканчиваются р. Корабельной, впадающей въ Бугъ извилистой линіей, на подобіе французской буквы S; здѣсь есть еще большая отвѣсная скала, именуемая Ступами.

Скажемъ за одно уже и о тѣхъ балкахъ и курганахъ, которые разбросаны по Мигейской степи и имѣютъ свои названія.

Балка Сухой Ташлыкъ, о мѣстоположеніи которой мы уже говорили, тянется верстъ 6—7 и называется въ вершинѣ Вербовой и Капустяной балкой, въ которую впадаетъ съ лѣвой стороны, въ самой вершинѣ ея, около теперешней церковной земли, Костенкова балка, а чуть выше хуторка Доярни—Крыленкова балка. Извѣстный уже намъ Мигейскій Ташлыкъ имѣетъ протяженіе верстъ на 8; съ правой стороны въ него впадаютъ слѣдующія балки: Очеретоватая, Крутая, Трофанова и Писаренкова; съ лѣвой:—Гладкая, Сукурова, Безгузая и Мокрая.

Изъ кургановъ слѣдующіе имѣютъ названіе: Высокая или Коржева

могила (на срединѣ дороги изъ Мигеи въ с. Благодатное); Гелеверова (на землѣ Ольгинской с.-х. школы); Турчинова (выше Доярни) и группа небольшихъ кургановъ, именуемыхъ Могилки (по дорогѣ въ Софіевку). Кромѣ указанныхъ баловъ и кургановъ есть еще много и другихъ, но не имѣющихъ опредѣленныхъ названій.

Дѣлая краткій перечень балокъ и кургановъ, добавимъ только, что большинство изъ нихъ названы по имени или фамиліи тѣхъ лицъ, которыя имѣли къ нимъ какое-либо отношеніе; устраивали, напримѣръ, на нихъ пасѣки, землянки и т. п.

Въ заключеніе настоящей главы скажемъ также нѣсколько словъ объ археологическомъ значеніи кургановъ Мигеи. Всѣ вообще курганы южнаго степного пространства раздѣляются археологами на четыре разряда: 1) большинство кургановъ имѣетъ значеніе погребальное, т. е. они служили надгробными памятниками, или сами заключали одну или нѣсколько могилъ различныхъ временъ и народовъ; 2) курганы сторожевые; 3) курганы межевые, и наконецъ 4) курганы, служившіе основаніями для храмовъ или крѣпостныхъ башенъ. Курганы Мигеи относятся къ первому разряду, что изслѣдовано профессоромъ В. Б. Антоновичемъ, который занимался раскопкой кургановъ въ Елисаветградскомъ уѣздѣ вообще, а въ Мигеѣ въ частности. Въ брошюрѣ: «Курганы и городища Херсонскаго края» курганы перваго разряда подраздѣляются В. Б. Антоновичемъ на нѣсколько типовъ и о курганахъ Мигеи сказано слѣдующее: «Курганы около $1^1/_2$ арш. высоты; грунтовая яма иногда обложена по краямъ бревнами, засыпана землей и потомъ покрыта тремя слоями бѣлой глины въ перемежку съ слоями чернозема; бока ямы носятъ слѣды побѣлки. Въ другихъ мѣстахъ грунтовая яма прикрыта досчатой покрышкой, или просто засыпана землей. Скелетъ обложенъ досками, а иногда лежитъ въ гробу, на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, головой или къ сѣв., или къ зап.; находки: сабля, колчанъ изъ березовой коры съ желѣзными стрѣлами, желѣзное копье, кинжалъ, части желѣзнаго щита, остатки длинныхъ кожаныхъ сапогъ, костяная пуговица, мѣдный тазикъ, остатки сѣдла и сбруи: ремни, желѣзныя пряжки, гвозди, удила; серьги изъ серебряной проволоки, стеклянная бусина, желѣзныя ножницы для стрижки овецъ, горшокъ изъ черной глины, огниво и кремень, мѣдное конусообразное украшеніе. Такія могилы найдены въ двухъ разныхъ пунктахъ Елисаветградскаго уѣзда, при чемъ въ одномъ мѣстѣ курганы представляли цѣлый могильникъ (Мигея). Намъ извѣстны такія могилы еще въ Донской области».

(Окончаніе слѣдуетъ).

Свящ. Іоаннъ Филипповичъ.

Матерьялы для исторіи возникновенія церквей въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи*).

Основаніе посёлку, изъ котораго впослѣдствіи образовался нынѣшній городъ Александрія, положилъ запорожецъ Усыкъ. Въ 1734 г. Запорожскіе казаки, жившіе въ Крыму, получили отъ Императрицы Анны Іоанновны прощеніе, съ разрѣшеніемъ возвратиться въ Россію и поселиться на прежнемъ мѣстѣ. Вслѣдствіе этого они построили на р. Пидпильной, впадающей въ Днѣпръ, Новую Сѣчь. Съ того времени нѣкоторые изъ запорожцевъ, почувствовавъ упадокъ силъ отъ неустанныхъ военныхъ дѣйствій, постоянныхъ тревогъ и смертельныхъ опасностей, стали оставлять войско и обращались къ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ, для чего на излюбленныхъ степныхъ мѣстахъ заводили зимовники, т. е. хутора, состоявшіе изъ хаты, повитки, пасѣки и крыныци. Возлѣ стараго запорожца проживало нѣсколько молодыковъ, которые, по достиженіи зрѣлаго возраста и пріобрѣтеніи необходимыхъ казацкихъ принадлежностей, большею частію пополняли ряды сѣчевиковъ.

Одинъ изъ таковыхъ запорожцевъ, по прозвищу Усыкъ, устроилъ обычный зимовникъ на лѣвомъ берегу р. Ингульца, вблизи впаденія въ нее рѣчки Малой Берёзовки. По Бѣлградскому договору въ 1740 г. Россія получила земли, составляющія нынѣ уѣзды: Александрійскій, Елисаветградскій и отчасти Херсонскій и Верхнеднѣпровскій. Новоприобрѣтенная земля, подъ именемъ Заднѣпровской Украины, причислена была къ ближайшему Миргородскому казачьему полку. Тогда потянулись длинныя вереницы переселенцевъ изъ гетманщины и Кіевоподоліи и заселили сѣверныя лѣсныя части Александрійскаго и Елисаветградскаго уѣздовъ. Новообразованные въ Заднѣпровской Украинѣ села, деревни и хутора раздѣлены были на сотни; такъ по архивнымъ документамъ извѣстна Крылов-

*) Считаю пріятнымъ долгомъ принести искреннюю благодарность г. Секретарю Херсонской Консисторіи, дозволившему мнѣ пересмотрѣть документы, касающіеся исторіи возникновенія церквей Херсонской епархіи.

ская сотня. Средняя и южная части Александрійскаго уѣзда, за исключеніемъ зимовниковъ Петрика и Усыка, оставались еще впустѣ; но скоро къ Усыку явились его родные и земляки и образовали цѣлую деревню, которую и назвали «Усыковою». Когда именно Усыкъ завелъ свой зимовникъ и образовалась деревня Усыковка, на это не имѣется пока положительныхъ данныхъ; за то несомнѣнно извѣстно, что въ 1751 г. деревня уже существовала. Это видно изъ рапорта, составленнаго прапорщикомъ драгунскаго полка, посланнымъ съ командою въ 1751 г. для развѣдыванія и поимки гайдамакъ. На его распросы, какъ говоритъ онъ между прочимъ въ своемъ рапортѣ, жители Усыковки Ткаченко и другіе сообщили, что видѣли какихъ то неизвѣстныхъ людей, пробиравшихся балками по направленію отъ Днѣпра.

Въ 1755 г. штабъ-офицеры Штеричъ и Звѣревъ поселили въ Усыковкѣ румынъ, составивъ изъ нихъ 12-ю роту пандурскаго полка, съ переименованіемъ этого населеннаго мѣста въ шанецъ «Бечея». Прежніе жители д. Усыковки, не пожелавшіе подчиниться военно-сербскому артикулу, переходили въ роты Новокозачьяго полка, переименованнаго впослѣдствіи въ Елисаветградскій пикинерный полкъ. Шанцы строились по планамъ [1]).

Заднѣпровская Украина, получившая съ 1752 года названіе «Новосербіи», въ церковно-административномъ отношеніи подчинена была вѣдѣнію Кіевской митрополіи. Въ то время православные жители юго-западной Руси терпѣли сильное гоненіе отъ поляковъ. Священниковъ, не соглашавшихся принять унію, лишали приходовъ, съ строгимъ запрещеніемъ совершать требы для православныхъ. Тогда гонимые священники уходили въ лѣса, плавни и камыши и все же не переставали, съ опасностію жизни, поддерживать духъ въ православномъ народѣ. Съ возникновеніемъ въ Заднѣпровской Украинѣ или Новосербіи селъ и деревень начали возникать и церкви. Тогда гонимымъ въ Польшѣ священникамъ открылся благопріятный случай для выхода изъ своего тяжкаго положенія; таковые іереи, съ благословенія кіевскихъ митрополитовъ, скоро пристраивались къ новообразованнымъ приходамъ. Вѣроятно, въ это время появились здѣсь духовныя лица съ фамиліями: Сѣнѣцкій, Костѣнскій, Попельнѣцкій. Лабѣнскій, Лѣснѣвскій и др.

Переселенцамъ въ Украину или Новосербію дозволено было безплатно рубить лѣсъ для постройки церквей, домовъ и надворныхъ принадлежностей. Тѣ общества, которыя уже пріобрѣли строительный матеріалъ для созиданія церкви и сумму денегъ, необходимую на уплату мастерамъ, пользовались правомъ просить себѣ священника. Черезъ мѣстнаго прото-

[1]) Въ Сентовѣ и до сего времени существуетъ шанцевое укрѣпленіе.

попа (благочиннаго) митрополитъ освѣдомлялся, дѣйствительно ли общество, просящее священника, имѣетъ въ достаточномъ количествѣ лѣсъ и деньги. Получивъ утвердительный отвѣтъ, митрополитъ и назначалъ туда священника, вмѣнивъ ему въ обязанность, между прочимъ, побуждать общество къ скорѣйшей постройкѣ церкви.

Слѣдуя такому порядку, Усыковское общество, заготовивъ лѣсъ и деньги, просило кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго назначить ему священника. Просьба была удовлетворена, и въ шанецъ Усыковку прибылъ священникъ Никита Куличенко. Въ то время въ Усыковкѣ, кромѣ иныхъ шанцевъ [1]) и хуторовъ, считалось мужеска пола 138 душъ, женска 118 д. Но прошли годы, а усыковцы забыли о постройкѣ церкви. О. Никита неразъ напоминалъ усыковцамъ о необходимости приступить къ дѣлу. Мало того, о. Никита просилъ даже ротнаго командира повліять въ этомъ смыслѣ на усыковцевъ; но тотъ отказался выполнить просьбу, такъ какъ на это дѣло онъ не имѣетъ приказанія свыше.

Между тѣмъ Новосербія съ 1756 года переходитъ въ вѣдѣніе Переяславской епархіи [2]). Тогда о. Никита подаетъ Переяловскому епископу прошенье о переводѣ его къ Свято-Николаевской церкви шанца Стецовскаго; на этомъ прошеніи положена была резолюція: «сдѣлать по его желанію». Узнавъ о переводѣ о. Никиты въ Стецовку, усыковцы рѣшили не выпустить добраго пастыря изъ своего прихода, а потому начали умолять его оставаться по прежнему у нихъ, при чемъ дали торжественное обѣщаніе приступить къ закладкѣ церкви тотчасъ по полученіи на это разрѣшенія отъ епархіальнаго начальства. Склонясь на просьбу усыковцевъ, о. Никита, немедля ни мало, посылаетъ Крыловскому протопопу (благочинному) рапортъ, коимъ доноситъ, что усыковцы порѣшили тотчасъ же приступить къ постройкѣ церкви во имя Святителя Христова Николая и поэтому онъ желаетъ оставаться на мѣстѣ, почему проситъ ходатайствовать предъ владыкою, какъ о выдачѣ разрѣшенія на закладку церкви, такъ и о дозволеніи ему оставаться на усыковскомъ приходѣ. Крыловскій протопопъ не замедлилъ по этому дѣлу сдѣлать представленіе владыкѣ, кото-

---

[1]) Слапъ Камень на мѣстѣ деревни того же имени соборнаго прихода; Смедеровъ на мѣстѣ нынѣшней с. Куколовки. Въ числѣ 20-ти шанцовъ пандурскаго полка шанецъ подъ № 10 не обозначенъ по имени, какъ всѣ прочіе. На картѣ року MDCCLXVII, бывшей на выставкѣ Кіевскаго археологическаго съѣзда, на мѣстѣ Куколовки показанъ «Смедеровъ». Хуторъ Пиваровича на мѣстѣ нынѣшней деревни «Вербовая Лоза».

[2]) Епископы Переяславскіе, завѣдывавшіе Новосербіею, были: Іоаннъ II Козловичъ до 1757 г.; Гервасій Линчевскій до 1769 г.; Іовъ Базилевичъ до 1775 г., когда учреждена была новая епархія Словенская съ каѳедрою въ Полтавѣ (Гавріилъ, архіепископъ Херсонскій и Таврическій).

рый предписалъ ему: ѣхать на мѣсто, повѣрить находящійся въ наличности строительный матеріалъ и деньги и, ежели окажется таковыхъ въ достаточномъ количествѣ, то и произвести въ удобномъ мѣстѣ по чиноположенію церковному закладку церкви во имя Святителя Христова Николая. О самой же закладкѣ, если таковая состоится, не замедлить донести въ консисторію [1]).

Крыловскій протопопъ Сумеонъ Петровъ, прибывъ въ шанецъ Усыковку и повѣривъ лѣсъ и деньги, нашелъ ихъ въ требуемомъ размѣрѣ, а потому и совершилъ закладку церкви 12 іюня 1758 г. [2]), о чемъ и донесъ въ Переяславскую консисторію.

Въ февралѣ слѣдующаго 1759 г. священникъ Никита Куличенко и командиръ 12-й роты пандурскаго полка поручикъ Савва Станоевъ [3]) доносятъ крыловскому протопопу Сумеону Петрову, что церковь во имя Святителя Христова Николая въ шанцѣ Усыковскомъ окончена, почему просятъ его ходатайствовать предъ владыкою о скорѣйшемъ разрѣшеніи освятить ее въ виду наступающаго великаго поста. Представляя эту просьбу на благоусмотрѣніе владыки, Петровъ вмѣстѣ съ этимъ доноситъ, что церковь въ шанцѣ Усыковскомъ дѣйствительно окончена и для священнодѣйствія въ ней имѣются на лицо всѣ необходимыя принадлежности, а потому проситъ архипастырскаго благословенія на освященіе означенной церкви, съ выдачею для нея святаго антиминса.

Получивъ просимое, Крыловскій протопопъ освятилъ новопостроенную церковь въ шанцѣ Усыковскомъ 21 марта 1759 г., въ недѣлю чет-

---

[1]) См. далѣе въ документахъ.

[2]) По указанію старожиловъ Захарія Груши и Назаренка, родившихся въ XVIII ст., а также Ѳеодора Харченка, церковь эта стояла на томъ дворѣ, гдѣ въ пятидесятыхъ годахъ находились дома, въ коихъ помѣщались уѣздный и земскій суды; въ этомъ дворѣ при копаніи земли для погреба находили человѣческія кости погребенныхъ здѣсь въ то время, когда земля составляла погостъ, или по малороссійскому выраженію «цвынтарь». Тяжело видѣть православному, что мѣсто бывшаго престола здѣсь ничѣмъ неограждено

[3]) Когда пандурскій полкъ былъ переименованъ въ желтый гусарскій, число ротъ сократилось: вмѣсто 20 стало 16; при этомъ шанецъ Сланъ Камень былъ, вѣроятно, упраздненъ; военно-служащіе причислены были къ шанцу Бечіи, какъ ближайшему, а земля поступила въ ранговое владѣніе командира роты Саввы Станоева. Дѣйствительно, въ спискѣ ротъ за 1766 г. шанца «Сланъ Камень» уже нѣтъ, а подъ 1773 г. значатся въ одномъ мѣстѣ «слобода Станоева», а въ другомъ «слобода Сланъ Каменъ». Въ 1774 г. Потапъ Николаевичъ Бади продалъ деревню Свинарку, мимо которой часто проходили гайдамаки, пробиравшіеся въ Новосербію чрезъ Днѣпровскія плавни (Путешествіе акад. Гольденштедта по Новосербіи). Вмѣсто проданной Свинарки онъ пріобрѣлъ Сланъ Камень, который и въ настоящее время носитъ народное названіе: «Бадына».

вертую великаго поста, о чемъ и донесъ въ Переяславскую консисторію 4 апрѣля 1759 г.

О. Никитѣ недолго пришлось пользоваться въ Усыковкѣ плодами своей пастырской дѣятельности [1]; въ 1761 г. въ усыковскую николаевскую церковь выдана была метрическая книга на имя уже другаго священника. Она надписана такъ: «Метрическая книга епархіи Переяславской, протопопіи Криловской, желтаго гусарскаго полка Свято-Николаевской церкви шанца Бечіи, отъ 1761 года, священника Стефана Назаріева[2]), скрѣпленная канцеляристомъ Яновскимъ». Въ этой книгѣ, содержащей свѣдѣнія о родившихся и умершихъ за нѣсколько десятилѣтій, встрѣчается много фамилій чисто малороссійскихъ, въ томъ числѣ: Усъ, Усенко, Ткаченко и пр.; изъ чего можно заключить, что въ 12-ю роту пандурскаго (пѣхотнаго) полка, переформированнаго потомъ въ желтый гусарскій, вошло немало и прежнихъ жителей Усыковки. Самое названіе шанца «Бечея, Бечія» въ послѣдующее время видоизмѣнилось въ «Беча, Бечка». Подъ такимъ именемъ существовалъ шанецъ у потисскихъ сербовъ, которые на память перенесли такое названіе и въ Россію. Сербскія названія шанцовъ употреблялись оффиціальными лицами до вступленія въ управленіе южнымъ краемъ Потемкина. Отмѣнивъ сербскія названія, онъ повелѣлъ всѣ населенныя мѣста именовать порусски. Пандурскій полкъ состоялъ изъ 20 ротъ, или шанцевъ; штабъ-квартира полка помѣщалась въ шанцѣ Крыловѣ, а командиромъ полка былъ Димитрій Самойловичъ Хорватъ, родной братъ колонизатора.

Въ составъ Жолтаго гусарскаго полка входило только 16 ротъ, или шанцевъ; штабъ-квартира находилась въ шанцѣ Крюковѣ съ командиромъ Ѳеодоромъ Чорбою; Крыловъ же остался съ 3 ротою этого полка. Ближайшій начальникъ церквей Пандурскаго, а затѣмъ Жолтаго гусарскаго полка былъ протопопъ, имѣвшій мѣстопребываніе въ шанцѣ Крыловѣ. Съ 1775 г. протопопъ замѣненъ намѣстникомъ, коимъ былъ священникъ Василій Скибинскій, жившій въ шанцѣ Глинскомъ; онъ подчинялся протопопу Елисаветградской провинціи Павлу Базилевичу, который въ тоже время былъ и первоприсутствующимъ духовнаго правленія.

Въ 1784 г. 22 января послѣдовалъ указъ объ учрежденіи Екатеринославскаго намѣстничества, съ раздѣленіемъ его на двѣ губерніи: Ново-

---

[1]) О дальнѣйшей участи о Никиты Куличенка намъ ничего неизвѣстно.

[2]) По всѣмъ данными фамилія этого священника была «Карюковъ». До 1782 г. многіе священники не писали своихъ фамилій; со времени же ревизіи, бывшей въ 1782 г., всѣ начали прописывать свои фамиліи. У которыхъ были неблагозвучныя прозвища (напр. Романъ Никифоровичъ Никифоровъ, прозвище его было «Бухинниковъ»), тѣ производили свои фамиліи отъ имени отца.

россійскую и Азовскую. При этой реформѣ 12 рота Жолтаго гусарскаго полка, или шанецъ Бечка возведенъ на степень уѣзднаго города съ названіемъ «Александрійскъ», въ честь Великаго Князя Александра Павловича; съ 1 іюля 1784 г. начали здѣсь дѣйствовать верхній и нижній суды. Тогда же назначенъ къ Свято-Николаевской церкви протопопъ Несторъ Павловскій, переведенный сюда изъ с. Васильевки, принадлежавшаго помѣщику Василію Касикову.

Городовое положеніе требовало, чтобы города, особенно новые, строились по извѣстному плану, утвержденному губернскимъ начальствомъ; вслѣдствіе чего и городъ Александрійскъ, состоявшій тогда, какъ увѣряютъ мѣстные старожилы, изъ кучи простыхъ хатъ, началъ планироваться, съ проведеніемъ линій для улицъ и площадей; но при этомъ оказалось, что Николаевская церковь лѣвою стороною очутилась на предполагаемой по плану улицѣ [1]). Необходимость указывала разобрать церковь и перестроить, отступивъ для этого на нѣсколько шаговъ отъ предположенной улицы; поэтому Александрійскій протопопъ Несторъ Павловскій обратился къ Амвросію, архіепископу Екатеринославскому и Херсонисъ-Таврическому, съ прошеніемъ о разрѣшеніи перестроить церковь, отодвинувъ ее на нѣсколько шаговъ отъ прежняго мѣста. На прошеніе это послѣдовала резолюція: «церковь перенести на другое мѣсто и перестроить»; вслѣдствіе чего договоренъ былъ и мастеръ. Но когда приступлено было къ осмотру церкви, то найдено, что она неспособна къ перестройкѣ, а потому приговоромъ прихожанъ рѣшено: оставить церковь въ такомъ видѣ, какъ она есть, а постараться вмѣсто нея строить новую во имя святаго и благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Но приговоръ этотъ почему-то долго лежалъ безъ движенія. Наконецъ, протопопъ Несторъ Павловскій препроводилъ его тому же архіепископу Амвросію съ донесеніемъ отъ 26 января 1792 г., что для построенія новой церкви заготовленъ дубовый и пиленый сосновый лѣсъ. На рапортъ послѣдовалъ указъ Консисторія, отъ 30 марта 1792 г., съ резолюціею Его Высокопреосвященства, коею разрѣшалась просьба о. Павловскаго и прихожанъ въ благопріятномъ смыслѣ. Но протопопа Нестора Павловскаго уже не стало; мѣсто его занялъ протоіерей Садоцкій, который послалъ Гавріилу, митрополиту Екатеринославскому и Херсонисъ-Таврическому, прошеніе, чтобы дозволено было въ новостроющейся церкви во имя Александра Невскаго поставить по бокамъ престолы: справа въ честь Успенія Божіей Матери, слѣва въ честь святителя Хри-

---

[1]) Нынѣ Дворянской повидимому. Церковный погостъ занималъ въ то время нынѣшнюю ограду Николаевской церкви, начиная отъ березовыхъ деревьевъ, Дворянскую улицу и дворъ, принадлежавшій прежде полковнику Воронянскому.

стова Николая, такъ какъ длина и ширина церкви дозволяютъ сдѣлать такія сооруженія. Разрѣшеніе незамедлило послѣдовать 31 августа 1794 г.

На другой годъ г. Александрійскъ, гдѣ числилось 383 д. муж. п., потерпѣлъ немалое крушеніе; 1795 г. іюля 20 дня состоялся указъ о переводѣ учрежденнаго въ Екатеринославской губерніи уѣзднаго города изъ Александровска въ м. Крыловъ и о наименованіи Александровска Александріею. Крыловъ по положенію своему [1]), по числу въ немъ жителей, также казенныхъ и партикулярныхъ домовъ, найденъ былъ весьма способнымъ для уѣзднаго города, почему и переведены въ него всѣ присутственныя мѣста, а для помѣщенія ихъ приспособлено оставшееся праздным таможенное зданіе. Въ 1787 г. въ Крыловѣ числилось казенныхъ поселянъ 774 д. муж. пола.

Но вотъ селеніе Усыковку постигаетъ и другое несчастье. Оконченная Александроневская церковь[2]), освященная 28 мая 1797 г., сгорѣла отъ молніи 18 іюня того же года, въ восьмомъ часу; вещи церковныя, равно какъ и иконостасы были вынесены и сохранены въ цѣлости. Отъ горѣвшей Александроневской церкви сгорѣла и старая колокольня, принадлежавшая Свято-Николаевской церкви. Сію послѣднюю прихожане отстояли; но только, срывая полъ, они тронули престолъ; причемъ на нижней одеждѣ его (сорочкѣ) и въ другомъ мѣстѣ видна была кровь. О такомъ несчастномъ событіи священники селенія Усыковскаго Климентъ Стояновскій, переведенный сюда изъ Пантазіевки, и Іоаннъ Демьяновскій 20 іюня донесли въ Александрійское духовное правленіе, съ просьбою ходатайствовать предъ владыкою о разрѣшеніи, по устройствѣ и освященіи престола въ старой Свято-Николаевской церкви, совершать въ ней священнодѣйствія на Николаевскомъ антиминсѣ, принадлежавшемъ сгорѣвшей Александроневской церкви. Александрійское духовное правленіе, препроводивъ чрезъ Краснокамянскаго діакона Федорова Василія два антиминса Александра Невскаго и Успенія Богоматери, просило Гавріила, митрополита Екатеринославскаго и Херсонисъ-Таврическаго, отъ 22 іюня 1797 г., о разрѣшеніи просьбы причта и прихожанъ селенія Усыковки въ благопріятномъ

---

[1]) Къ Вознесенскому намѣстничеству причислены были южныя части Кіевоподоліи, почему Александрія на рѣкѣ Тясминѣ очутилась въ центрѣ частей александрійскаго и чигиринскаго уѣздовъ.

[2]) По всѣмъ признакамъ она занимала югозападный край нынѣшней ограды Николаевской церкви: сторожилы неправильно передавали, что колокольня отъ сгорѣвшей Александроневской церкви уцѣлѣла и потомъ перенесена была на другое мѣсто для новопостроенной Николаевской церкви; въ дѣйствительности колокольня сгорѣла, а старая Николаевская церковь уцѣлѣла; когда же въ новопостроенной Николаевской церкви началось богослуженіе, то старую Николаевскую церковь разобрали и построили изъ нея колокольню для новой Николаевской; она-то и простояла до 1893 г.

смыслѣ. На рапортѣ Александрійскаго духовнаго правленія послѣдовала архипастырская резолюція, 30 іюня 1797 г., слѣдующаго содержанія: «Церковь очистивъ и престолъ утвердивъ, освятить по чиноположенію церковному и на просимомъ антиминсѣ имѣть во оной церкви священнослуженіе дозволяется». Александрійское духовное правленіе 3 августа 1797 г. донесло Гавріилу, митрополиту Екатеринославскому и Херсонисъ-Таврическому, что старая Свято-Николаевская церковь, по очищеніи и утвержденіи въ ней престола священникомъ селенія Усыковскаго Климентомъ Стояновскимъ, освящена 20 іюля. Кромѣ сего священники Климентъ Стояновскій и Іоаннъ Демяновскій получили разрѣшеніе употребить на уголья дерево, оставшееся отъ сгорѣвшей церкви.

Тяжело приходилось усыковцамъ переносить постигшія несчастья: селеніе опустѣло, новая церковь сгорѣла, старая обветшала на столько, что служить въ ней сдѣлалось небезопасно; но усыковцы, ободряемые своими пастырями и воодушевляемые благоговѣйными прихожанами, не унывали и не теряли надежды на всесильную помощь Божію и на щедрую руку благочестивыхъ жертвователей. Надежда ихъ оправдалась: 3-го мая 1799 г. усыковцы заложили новую церковь во имя Святителя Христова Николая [1]).

На другой годъ церковь уже была окончена, о чемъ протопопъ Климентъ Стояновскій и священникъ Іоаннъ Карюковъ донесли въ Александрійское духовное правленіе, съ препровожденіемъ описи утварямъ и вещамъ принадлежащимъ ново-построенной церкви, произведенной благочиннымъ, протоіереемъ Даніиломъ Давидовымъ. Представивъ прошеніе отъ священнослужителей и прихожанъ Свято-Николаевской церкви селенія Усыковки, а также и сдѣланную опись церковнымъ принадлежностямъ, Александрійское духовное правленіе 3 сентября 1800 г. ходатайствовало предъ Аѳанасіемъ, епископомъ Новороссійскимъ и Днѣпровскимъ, о дозволеніи освятить ново-построенную церковь, со внесеніемъ въ нее антиминса изъ старой церкви. Тому же архіерею и о томъ же подалъ прошеніе и уполномоченный отъ Усыковскаго общества казенный поселянинъ Семенъ Покотинскій.

10-го сентября 1800 года послѣдовала слѣдующая архипастырская резолюція: «Ежели по описи не усматривается въ потребныхъ вещахъ недостатка, то на прежнемъ антиминсѣ церковь благословляемъ освятить чередному изъ присутствующихъ духовнаго правленія». На основаніи этой резолюціи присутствующій Елисаветградскаго духовнаго правленія, онъ же и благочинный, протоіерей Даніилъ Давидовъ освятилъ означенную

[1]) На томъ мѣстѣ, гдѣ и нынѣ стоитъ Свято-Николаевская церковь.

выше церковь 1 ноября 1800 г., о чемъ, отъ 6 числа того же мѣсяца и года, донесъ Его Преосвященству.

Новоосвященная церковь существовала до 1861 г.; построена она была изъ крѣпкаго дерева; имѣла звѣздообразную форму, съ пристроенными съ трехъ сторонъ небольшими притворами, что придавало ей красивый видъ. Подобной архитектуры не приходилось встрѣчать въ нашихъ краяхъ, гдѣ въ то время господствовалъ трехглавый стиль съ высокими сводами; образцемъ послѣдняго стиля можетъ служить старый Новомосковскій соборъ, съ тою разницею, что онъ имѣлъ не три, а девять главъ. При перестройкѣ въ 1861 г. Николаевская церковь приняла другой видъ, крестообразный: фундаментъ подъ нее подведенъ изъ гранитнаго камня; вмѣсто малыхъ притворовъ сдѣланы были пристройки длиннѣе и выше; остался нетронутымъ крестообразный остовъ, надъ которымъ поставленъ широкій осьмирикъ съ лунообразнымъ куполомъ. Душею этой перестройки былъ александрійскій 3-й гильдіи купецъ Иванъ Лаврентьевичъ Астаховъ.

Изъ старой Николаевской церкви, уцѣлѣвшей отъ сгорѣвшей Александроневской, построена была колокольня на новомъ мѣстѣ, съ западной стороны новой церкви. Она стояла въ одномъ положеніи до 1895 г., когда построена новая колокольня, высокая, съ небольшимъ шпицемъ, и соединена длинною трапезою съ церковью.

При обращеніи селенія Усыковки въ городъ Александрію считалось казенныхъ поселянъ неизвѣстно сколько.

Г. Александріи принадлежитъ болѣе 5000 десятинъ земли, которая для обработки отдается съ торговъ. До сороковыхъ годовъ вся эта земля находилась во владѣніи только казенныхъ поселянъ г. Александріи, или правильнѣе сказать крестьянъ, которые и распоряжались ею по своему усмотрѣнію. Когда же эти крестьяне изъ боязни попасть въ сословіе военныхъ поселянъ, по совѣту писаря Порохницкаго, переписались въ мѣщане, тогда и помянутая выше земля изъята была изъ ихъ вѣдѣнія и поступила въ завѣдываніе городской ратуши.

Главныя занятія александрійскихъ мѣщанъ составляютъ: хлѣбопашество, огородничество и производство баштанныхъ продуктовъ. Но нѣкоторые изъ мѣщанъ съ наступленіемъ весны заколачиваютъ свои дома и отправляются на земли, заарендованныя ими вблизи населенныхъ пунктовъ, отстоящихъ отъ города Александріи на разстояніи отъ 40 до 100 верстъ; тамъ они живутъ съ своими семействами въ землянкахъ, шалашахъ и куреняхъ до окончательной распродажи всѣхъ баштанныхъ продуктовъ; затѣмъ на зиму переѣзжаютъ въ свои дома.

Въ настоящее время жителей въ г. Александріи считается мужеска

пола 7069 душъ, женска 6933 д., а всего 14002 д. об. пола [1]). Въ концѣ тридцатыхъ годовъ считалось въ Александріи около 4892 д. об. пола.

Въ городѣ теперь находится три церкви: соборъ [2]) о трехъ престолахъ: Успенія Богоматери, св. Александра Невскаго и св. равноапостольнаго князя Владиміра; затѣмъ деревянная Свято-Николаевская и Покровская, освященная 29 октября 1896 г. [3]). Послѣдняя выстроена изъ кирпича на гранитномъ фундаментѣ; имѣетъ крестообразную форму съ четырьмя пристройками и византійскимъ куполомъ; къ ней пристроена колокольня съ высокимъ шпицемъ, въ нее ведутъ массивныя двери съ запада, юго-запада и юго-востока. Стоя на возвышенной Провіантской площади, она выдается своимъ особенно красивымъ видомъ. На постройку ея израсходовано слишкомъ 32 тыс. рублей.

До проведенія Харьково-Николаевской желѣзной дороги черезъ Александрію проходили почтовый и транзитный пути изъ Москвы, Харькова, Кременчуга въ Одессу, Николаевъ и Херсонъ.

Вблизи Александріи шелъ старый путь отъ Переволочны къ Очакову и Бендеръ, описанный 20 января 1697 г. Въ этомъ описаніи между прочимъ говорится: «3-й—опочивъ на Ингульцѣ, гдѣ воды и дровъ будетъ довольно, гдѣ такой бродъ, что нѣсколько надесять лавъ итить работать, а иныя мѣста плесовыя или прогнойныя и крутобережныя, и конницею и выше и ниже можно перейти».

Въ долинѣ, гдѣ расположенъ городъ Александрія, и на возвышенностяхъ, идущихъ съ обѣихъ сторонъ рѣки Ингульца, находится довольное число кургановъ и раскопанныхъ могилъ. Памятники ясно говорятъ, что и въ давнія времена здѣсь проявлялась жизнь. Изобилуя тучными полями и лугами, рѣчными и ключевыми водами, мѣстность эта притягивала къ себѣ народы, которые, впрочемъ, не могли на ней долго жить потому, что черезъ эту мѣстность тянулись изъ Азіи въ Европу многіе народы, которые тѣснили другъ друга, заставляя подвигаться далѣе и далѣе на западъ, юго-востокъ и сѣверо-западъ. Только Киммеріане и Скиѳы, повидимому, долго пребывали здѣсь. Имъ то, вѣроятно, и обязаны своимъ происхожденіемъ курганы разсыпанные по всей Херсонской губерніи.

Прочіе же народы, временно проживавшіе въ нашихъ мѣстахъ, могли пользоваться курганами для своихъ надобностей. Что же касается раскопанныхъ могилъ, то объ нихъ еще не сказано послѣдняго слова.

Ч. к. Протоіерей Василій Никифоровъ.

Января 19 дня 1901 г. Г. Одесса.

---

[1]) По ревизіи 1897 г.

[2]) Соборъ заложенъ въ 1840 г. 7 іюля, оконченъ въ 1848 г.

[3]) Заложена 19 іюля 1892 г.; она приписана къ собору.

ПРИЛОЖЕНІЯ[1])

№ 1.

Указъ Крыловскому протопопу Сумеону Петрову о разрѣшеніи заложить въ шанцѣ Усыковкѣ церковь во имя Св. Николая.

Божіею милостію смиренный Гервасій, епископъ Переяславскій и Бориспольскій, всечестному протопопу Сумеону Петрову Божіе благословеніе препосылая, предлагаемъ: сего 1758 года настоящаго Маия 6 дня поданними намъ пастиреви вы и священникъ шанца Усиковскаго Никита Куличенко допошеніями между протчимъ представляя, что онъ священникъ Никита обще со обывателями того шанца Усиковскаго неотмѣнное намѣреніе и согласіе приходскую себѣ церковь во имя святители Христова Николая втоможе шанцѣ вновь репаровати положили, на что де уже и деревни строевой отправленной довольное число заготовлено и майстери уговоренны и на заплату того и денегъ малое число имѣется, просили на заложеніе оной церкви нашего благословенія и указа, того ради всечестности вашей впоказанній шанецъ съѣхавъ ежели на соóруженіе той ихъ приходской церкви потребніи матеріали имѣются въ удобномъ мѣстѣ по чиноположенію церковному во имя святителя Христова Николая заложить пастиреви благословимъ, когда же заложена будетъ въ консисторію нашу вамъ репортовать. 1758 года Іюня (нѣтъ числа).

№ 2.

Рапортъ Крыловскаго протопопа Сумеона Петрова о закладкѣ церкви въ шанцѣ Усыковскомъ.

Въ духовную епископіи Переяславской консисторію репортъ. Полку пандурскаго въ шанцѣ Усиковскомъ церковь во имя святителя Христова Николая вновь по чиноположенію церковному мною нижайшимъ съ присутствіемъ священническимъ сего іюня 12 дня въ удобномъ мѣстѣ заложена, какая уже зачалась и строиться.

---

[1]) Изъ архива Херсонской духовной консисторіи.

№ 3.

Рапортъ Крыловскаго протопопа объ окончаніи постройки Николаевской церкви.

«Іасне вбозѣ преосвященнѣйшему господину Гервасію епископу Переяславскому и Бориспольскому нижайшее доношеніе. Сего 1759 года Февраля 27 дня, вѣдомства протопопіи Криловской пандурскаго полку шанца Усиковскаго (какой уже по генеральному опредѣленію переименованъ Бечіи) іерей Никита Куличенко да тогожъ шанца ротній командиръ поручикъ Савва Станоевъ въ духовное правленіе доношеніемъ представляя объявили: за Божіею де помощію и за благословеніемъ вашего ясне вбозѣ преосвященства заложенная прошлаго 1758 года Іюня 12 во ономъ Усиковскомъ шанцѣ церковь во имя святителя Христова Николая (потому что много готовой деревнѣ было) совершенно изряднимъ манеромъ достроилась, извнѣ маліованіемъ и гонтою покрыта, а внутрь престолъ вуказанную мѣрку поставленъ и украшенъ, а для церковнаго благолѣпія всѣхъ иконъ иконостасъ купленній вслободѣ Мурзинкѣ [1]) въ тамошней церкви (яко воонную новый сдѣланъ) за 40 рублей, имѣются таковыхъ сосуды (келепъ) потирь дискосъ ложица звѣзда гробница крестъ напрестольный и катапетасма выбочайно заготовлени книги подлежащія вкругу церковномъ евангеліе апостолъ трифологій тріодь постная и цвѣтная псалтырь часословецъ минея имѣются а иніе вдополненіе будутъ куплени священническія облаченія ризы едни матеріальніе другіе простіе стихаровъ два нарукавицъ паръ двѣ поясовъ два фустъ три аеръ и маліе покровцы и на жертвенникъ подлежащое украшеніе есть колокола же не имѣется помянутій поручикъ Станоевъ подъ совѣстію обѣщалъ сего года Маія 9 дня вгородижскомъ ярмаркѣ впудъ или два купить а поколь оный будетъ на первый часъ сдѣланно деревяное клепало для отправленія и съ церковныхъ о отправленій оніміамъ свѣчи и иніе нужніе потребности одолжились тогожъ шанца жители и помянутій поручикъ приносомъ снабдѣвать и просими тѣмъ своимъ подданимъ доношеніемъ о представленіе къ вашему ясне вбозѣ преосвященству ради испрошенія архипастирскаго благословенія наосвященіе новодостроенной ихъ церкви яко де имъ велѣть святою четыредесятницею ездить за дальностію разстоянія вказацкіе слободы для пріобщенія оніихъ таинъ во освященіое церкви немалая состоитъ нужда и мимошедшихъ бо годовъ туюжъ претерпѣвали: того ради о семъ вашему ясне вбозѣ преосвященству представляя нижайше прошу ежели по усмотрѣнію вашего Преосвященства соблаговоленно будетъ на освященіе новодостроенной шанца Усиковскаго Николаевской церкви упрошаю видачи архипастирскаго бла-

[1]) Нынѣ Новая Прага.

гословительнаго указа и святаго антиминса вашего ясне вбозѣ преосвященства архипастиря моего о семъ донося просить нижайшій послушникъ Криловскій протопопъ Сумеонъ Петровъ. 1759 года Февраля 18.

№ 4.

Прошеніе Александрійскаго протопопа Нестора Павловскаго о разрѣшеніи вмѣсто старой Николаевской церкви построить новую Александроневскую.

Святого Правительствующаго Сунода члену великому господину преосвященнѣйшему Амвросію архіепископу Екатеринославскому и Херсонисъ-Таврическому и Молдовлахійскія епархіи мѣстоблюстителю, Александрійскаго протопопа прошеніе.

На поданное Вашему Преосвященству прошеніе прошлаго 1787 года іюня 17 о дозволеніи Александрійскую Николаевскую церковь закрайнею ея обветшалостію и какъ оная по размежеванію на городское положеніе улицъ пришла къ самой дорогѣ лѣвымъ угломъ передвинуть отстараго мѣста шаговъ на два и вчемъ слѣдовати межъ во оной поправку сдѣлать; послѣдовавшею отъ вашего преосвященства резолюціею велѣно оную церковь на мѣсто другое перенести и перестроить, почему и мастеръ былъ нато договоренъ но какъ по разсмотрѣнію онаго нашлось дерево въ оной къ переносу на другое мѣсто неспособнымъ, то и положенъ общій приговоръ той старой церкви неразламывать но имѣть старательство о со строеніи на мѣсто старой новой во имя Св. благовѣрнаго великаго князя Александраневскаго Августа 30 дня празднуемаго, апосему оная и остается по нынѣ безъ нарушенья въ дѣйствіи; для постройки же новой вывезено уже изъ лѣса для подвалинъ съ дозволенія свѣтскихъ начальниковъ потребное число дубовъ и дерева сосноваго пиленаго коштомъ имѣющихъ на то усердное желаніе нѣкоторая часть заготовлена а для строенія мастеръ приговоренъ стѣмъ чтобы слѣдующей весной и дѣлать начинать, того ради вашего преосвященства всенижайше прошу на мѣсто помянутой обветшалой соборной Николаевской церкви дозволить вновъ во имя Св. благовѣрнаго великаго князя Александра невскаго наудобномъ мѣстѣ заложить и на постройку оной какъ нынѣшнюю сумму церковную такъ и впредь могущую поступать въ приходъ употреблять и о томъ снабдить архипастырскою резолюціею. Вашего Преосвященства нижайшій послушникъ протопопъ Несторъ Павловскій. Генваря 26 дня 1792 года.

Указъ съ резолюціею Его Преосвященства подписанъ 30 Марта 1792 года сокольскимъ архимандритомъ Созонтомъ, секретаремъ Яковомъ Звонцовымъ и канцеляристомъ Василіемъ Попельницкимъ.

№ 5.

Прошеніе о разрѣшеніи поставить въ строющейся Александроневской церкви престолы справа и слѣва.

«Великому господину Высокопреосвященнѣйшему Гавріилу Митрополиту Екатеринославскому и Херсониса Таврическаго, города Александріи протоіерей Садоцкаго и священника Стояновскаго прошеніе. Строющаяся нынѣ во ономъ городѣ на мѣсто старой Николаевской во имяновапіе Св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго церковь по положенію какъ шириною такъ и длиною пространна почему намѣрены въ предѣлахъ оной справой Успенія Богоматере, а слѣвой стороны Святителя Николая престолы дѣлать Ваше Высокопреосвященство покорнѣйше просимъ о дѣланіи оныхъ престоловъ снабдить милостивѣйшею резолюціею. Подписано протоіереемъ Іоанномъ Садоцкимъ и священникомъ Климентомъ Стояновскимъ. Августа 31 дня 1794 г. Резолюція: «Дозволить, однако чтобы оные престолы были бъ отдѣлены алтарями съ иконостасами по обычаю православной Греко-Россійской церкви».

№ 6.

Рапортъ о сожженіи молніею Александроневской церкви.

Великому господину высокопреосвященнѣйшему Гавріилу митрополиту Екатеринославскому и Херсониса Таврическаго, изъ Александрійскаго духовнаго правленія репортъ.

Сего іюня 20 дня присланнымъ въ сіе духовное правленіе казеннаго селенія Усиковскаго священники Климентъ Стояновскій и Іоаннъ Демьяновскій сприхожани прошеніемъ представили, что состроенная въ ономъ селеніи вновъ трехпрестольная во имя Св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго съ придѣлами правой стороны Успенія Пресвятыя Богородицы лѣвой Чудотворца Николая церковь освященная минувшаго мѣсяца Маія въ 28 день, сего жъ теченія 18 числа по утру въ 8-мъ часу отъ чрезвычайнаго громоваго удара средней верхней главы ниже шійки зажглась и до основанія вся ровно иколокольне старая въ оной сгорѣла изъ которой вещи церковные съ иконостасомъ всѣ цѣлостно вынесены остающаясь же въ томъ селеніи старая во именованіе чудотворца Николая церковь охранена но привыносѣ оной пожежи простолюдинами изъ старой церкви помоста безъ позволенія ихъ священниковъ тронутъ престолъ святый предъ коимъ и кровь на помостѣ и на престольной срачицѣ явились почему сего правленія и просили дабы безъ слышанія слова Божія и преподанія требъ жители нужды терпѣть не могли о очищеніи той старой церкви и о дозволеніи въ ней имѣть на новомъ чудотворца Николая престолѣ антиминсѣ священнослуженіе взнесть вашему высокопреосвященству представленіе того ради вашему высокопреосвященству Александрійское духовное прав-

леніе обономъ благопочтеннѣйше симъ представляя нижайше просить о очищеніи помянутаго села Усиковскаго старой Николаевской церкви и о дозволеніи въ оной на новомъ святомъ Николаевскомъ антиминсѣ имѣть священнослуженіе архипастырской резолюціи прописанніи же сгорѣвшей церкви два благовѣрнаго князя Александра Невскаго и Успенія Пресвятыя Богородицы антиминса отправлены при репортѣ къ Вашему Высокопреосвященству изъ сего правленія чрезъ Краснокамянскаго діакона Василія Федорова. Подписи: протоіерея Іоанна Садоцкаго присутствующаго іерея Іакова Грушеваго и канцеляриста Ивана Логинова. Іюня 22 дня 1797 года № 265.

Резолюція іюня 30 дня 1797 года № 765. «Церковь очистивъ и престолъ утвердивъ освятить по чиноположенію духовному и на просимомъ антиминсѣ имѣть въ оной церкви священнослуженіе дозволяется».

№ 7.

Рапортъ объ очищеніи и освященіи старой Николаевской церкви.

Великому господину высокопреосвященнѣйшему Гавріилу митрополиту Екатеринославскому и Херсониса Таврическаго, изъ Александрійскаго духовнаго правленія репортъ.

Всходство указа Екатеринославской духовной консисторіи всіе правленіе Іюля 16 дня послѣдовавшаго по резолюціи Вашего Высокопреосвященства состоявшейся Іюнн 30 дня напредставленіи сего духовнаго правленія вѣдомства же сегожъ правленія казеннаго селенія Усиковскаго старая Николаевская церковь по очищеніи и утвержденіи престола тогожъ села священникомъ Климентомъ Стояновскимъ Іюля 20 числа освящена очемъ Вашему Высокопреосвященству Александрійское духовное правленіе благопочтеннѣйше репортуетъ. Подписи: протоіерея Іоанна Садоцкаго, присутствующаго іерея Іакова Грушеваго и канцеляриста Ивана Логинова. Августа 3 дня 1797 года № 339.

№ 8.

Опись имѣющихъ при церквѣ Николая Чудотворца выстроенной вселеніи Усиковскомъ утварямъ и ризницѣ учинена. Августа 31 дня 1800 года, а именно:

Церковь построена деревянная объ одной главѣ которая жестью объбыта и на оной крестъ деревяный объбытъ жестью вызолоченъ поставленъ а внизъ до заломъ красною а наружа белою красками выкрашена.

Въ ней вещи находящіеся въ старой церкви:

Иконостасъ, святые образа пристойнымъ образомъ и благолѣпнымъ искуствомъ въ 1787 году написаны.

Святый антиминсъ выданной 1797 года Марта 26 дня на желтомъ атласѣ неслинялый.

Дароносница оловянная въ сумкѣ сшитой зеленаго гранитуру.

Престольное одѣяніе: срачица тонкаго чистаго полотна новая по ней матеріи цвѣту вешнёваго называемой морѣ матеріи красной полутабейки красной грезетины снашитымъ золотымъ крестомъ.

Индитія краснаго атласу вокругъ вышитаго разнымъ шелкомъ.

Индитія голандскаго полотна вышита золотыми цвѣтами.

Индитія на немецкомъ холстѣ вышита вокругъ маленкими разними шолкомъ цвѣтами.

На жертвеннике зеленаго тонкаго сукна.

2 тафты тёмнозелёнаго тонкаго сукна.

2 тафты тёмноголубой

Сверхъ оной нашитой золотомъ платокъ.

Катапетасма голубой тафты новая.

Краснаго полутабейки слинялая.

Ризы:

Новые бѣлой парчи одинаковые золотымъ бузументомъ обложенъ.

Конымъ епитрахиль такой же матеріи.

Голубой парчи одинаковия золотымъ бузументомъ обложены.

Конымъ епитрахиль такой же матеріи.

Парчи попелястой одинаковие золотымъ бузументомъ обложены.

Конымъ епитрахиль такой же матеріи.

Парчи жолтой скрасною камьею парчевою золотымъ бузументомъ обложены.

Конымъ епитрахиль той же матеріи.

Зеленаго штофу одинаковие золотымъ бузументомъ обложены

Конымъ епитрахиль такой же матеріи.

Чернаго бархату обложены бѣлымъ серебренымъ бузументомъ

Протертые:

Штофу алаго одинаковие золотымъ бузументомъ обложены, конымъ епитрахиль такой же матеріи.

Штофу разноцвѣтнаго камекофейнаго цвѣту золотымъ бузументомъ обложены, конымъ епитрахиль такой же матеріи.

Ризы съ епитрахилемъ во всемъ какъ выше означено.

Грезету краснаго камя такаго же голубая бузументомъ мишурнымъ обложены епитрахиль такой же матеріи.

Подризники:

Грезету попелястаго цвѣту.
Гранитуру краснаго сцвѣточками нашитыми шолкомъ,
Краснаго атласу.
Голубой тафты.

Стихари діаконскіе:

Штофу краснаго сжелтой такой же матеріи камьею обложенъ золотымъ бузументомъ коному орарь такой же матеріи.

Красной матеріи атласа обложенъ золотымъ бузументомъ коному орарь такой же матеріи.

Чернаго грезету одинаковій обложенъ золотымъ бузументомъ коному такой же орарь.

Краснаго гранитуру скамьею голубой обложенъ золотымъ бузументомъ такого же цвѣту во всемъ какъ выше сказано орарь.

Поручи:

20 паръ матеріи парчевой штофной на гарнитурѣ шитихъ и другихъ цвѣтовъ.

Пояси:

Персидской съ золотомъ вконцахъ бахрамою.
Шолковой квечастой.
Полушолковый красный.
Таковаго же разбору полушалевой голубой.
Полушалевой такой же.
Разныхъ платковъ 13-ть.

Сосуды:

Потиръ серебренный вычиканой внутрь вызолоченъ.
Серебреной вычиканой.
Гробница серебреная съ вызолоченымъ ковчезицемъ.
Звѣзда серебреная вызолочена.
Серебрена такая жъ.

Дискосы:

Серебреной вычиканой вызолоченъ.
Серебреной вычиканой.
Крестъ сподножіемъ большой серебромъ обдѣланъ вызолоченой.
Крестъ серебромъ обдѣланъ сподножіемъ большой.
Безподножія серебромъ обдѣланъ.

Такой же.

Воздуховъ большихъ разной матеріи 10.

Меньшихъ разной матеріи (покровцевъ) 20.

Святое мѵро вдеревяномъ вымалѣванномъ ящикѣ въ сосудѣ стекляномъ вкоторомъ вмѣстѣ и елей всосудцѣ стекляномъ же ножницы губа и сучецъ.

Кадила:

Серебреное большое.

Серебреное.

Мѣдное.

Укропникъ красной мѣди.

Ковшъ серебреный.

Чаша водосвятная жолтой мѣди.

Кропило сдѣланное сдерева выкрашеное.

Сосуды:

Серебреное для благословенія хлѣбовъ.

Блюдце мѣдное для подаванія теплоты.

10 подсвѣчниковъ жолтой мѣди.

10 лампъ большихъ предъ иконами.

2 серебреныхъ маленькихъ.

1 паникадило посрединѣ церкви висящее большое

2 налоя красною кожею покритіи.

Столъ для водосвятія ипанихиды украшенъ на сподѣ полуситцемъ а на верху зеленою мніóною тафтою.

Книги:

Евангеліе большое подъ зеленымъ бархатомъ [1]) свилитыми серебреными четирма евангелистовъ а посрединѣ воскресенія Христова изображеніями.

Подъ зеленымъ плисомъ съ серебреными вилитыми евангелистовъ а посреди изъ распятія Христова изображеніями.

3 служебника.

Псалтырь слѣдована.

Псалтырь толковая.

2 часослова.

---

[1]) Евангеліе это употреблялось въ Николаевской церкви до 1861 г., т. е. до перестройки ея. На политуркѣ его была замѣтка о времени освященья и пораженія молніею Александроневской церкви. При обновленіи этого евангелія замѣтка была уничтожена.

1 требникъ большой.
2 меньшихъ.
1 ирмолой текстовый писаной по древности
Новозданные проповѣди воскресные.
Повседневные проповѣди.
Бесѣды Златоуста.
Купель деревянная обмалёванная.
18 утиральниковъ.
Крестъ руконосный при погребеніи мертвыхъ тѣлъ

Хоругвы:

Назелёномъ тонкомъ суннѣ [1]).
Накрасномъ бугасѣ на холстѣ написаны.
Коверъ вышитій наружнѣ цвѣтами гарусними.
Тканый разними цвѣтами.
Тканый просто.

Колокола [2]):

1-й въ десять пудъ.
2-й въ шесть пудъ.
3-й въ два пуда.
4-й въ двадцать семь фунтовъ.
Свидѣтельствовалъ благочинный протоіерей Даніилъ Давыдовъ.

---

[1]) Хоругвь эта стояла въ Николаевской церкви до пятидесятыхъ годовъ.

[2]) Вскорѣ по освященіи въ 1800 г. Николаевской церкви прихожанинъ капитанъ Радуловичъ обѣщалъ пріобрѣсти для нея колоколъ отъ 30 до 40 пудовъ, съ тѣмъ чтобы общество Усыковское отвело ему землю, примыкающую къ его собственному участку и необходимую ему для выпаса лошадей, такъ какъ онъ былъ ремонтеромъ. Усыковцы, хорошо угощенные, какъ увѣряли старожили, согласились, и колоколъ былъ купленъ и подвѣшенъ на Николаевской колокольнѣ. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ колоколъ этотъ далъ трещину, почему былъ снятъ и замѣненъ новымъ въ 61 пудъ. Въ 1847 г. послѣдній перенесенъ былъ на соборную колокольню, гдѣ на высшемъ ярусѣ виситъ и до настоящаго времени. Сюда же перенесены были 2, 3 и 4 звоны: изъ нихъ четвертый обмѣненъ на новый. Послѣ освященія перестроенной Николаевской церкви соборный староста Игнатій Васильевичъ Чичугинъ произвелъ подписку по всему приходу и на собранныя деньги купилъ пять новыхъ колоколовъ, которые и до сего времени висятъ на Николаевской колокольнѣ; первый изъ нихъ 51 пуд., второй 17 пуд. Усыковская же земля, временно отведенная для пользованья Радуловичу, сдѣлалась собственностію послѣдняго на основаніи земской давности и спокойнаго, никѣмъ не оспариваемаго владѣнія. Теперь межа Радуловичевской земли подходитъ къ самому городу съ южной стороны.

На рапортѣ Елисаветградскаго духовнаго правленія положена 10 Сентября резолюція такова: «Ежели по описи не усмотрится въ потребныхъ вещахъ недостатка, то на прежнемъ антиминсѣ церковь благословляемъ освятить чередному изъ присутствующихъ духовнаго правленія».

№ 9.

Рапортъ Елисаветградскаго духовнаго правленія о разрѣшеніи освятить новопостроенную во имя Святителя Христова Николая церковь въ селеніи Усыковкѣ.

«Великому господину преосвященнѣйшему Аѳанасію епископу Новороссійскому и Днѣпровскому и ордена Св. Анны перваго класса кавалеру, Елисаветградскаго духовнаго правленія рапортъ.

Вѣдомства сего духовнаго правленія казеннаго селенія Усиковки Николаевской церкви протопопъ Климентъ Стояновскій и священникъ Іоаннъ Карюковъ сприхожани поданнымъ въ сіе правленіе минувшаго Августа 17 дня прошеніемъ прописывая что заложенная въ этомъ селеніи прошлаго 1799 года Маія 3 дня на мѣсто обветшалой святителя и чудотворца Николая въ тожъ наименованіе новая церковь нынѣ уже работою совершенно окончена и къ посвященію на выданномъ прошлаго 1797 года святомъ антиминсѣ во всемъ готова, почему и просили о освященіи оной церкви разсмотрѣнія, вслѣдствіе чего по учиненному въ семъ правленіи опредѣленію для освидѣтельствованія нововыстроенной церкви и описанія имѣющихся въ оной вещей и утварей въ селеніе Усиковское сего правленія присутствующій протоіерей Даніилъ Давыдовъ съѣздъ чинилъ и сдѣланную опись въ сіе правленіе представилъ для того Вашему Преосвященству означенную учиненную нововыстроенной въ селѣ Усиковкѣ вмѣсто старой Николаевской церкви всѣмъ утварямъ опись Елисаветградское духовное правленіе при семъ почтенно представляетъ. Подписи: протоіерея Димитрія Смолодовича, присутствующаго іерея Антонія Кедровскаго и канцеляриста Ивана Логинова. Сентября 3 дня 1800 года № 1140.

№ 10.

Великому господину преосвященнѣйшему Аѳанасію епископу Новороссійскому и Днѣпровскому и ордена Св. Анны перваго класса кавалеру.

Елисаветградскаго уѣзда казеннаго селенія Усиковка Николаевской церкви отъ прихожанъ повѣреннаго тамошняго казеннаго поселянина Семена покотинскаго нижайшее прошеніе.

Заложенная прошлаго 1799 года Маия 3-го дня вономъ селеніи Усиковнѣ на мѣсто оной старой Николаевской церкви втожъ имянованіе новая строеніемъ нынѣ совершенно кончена и по освидѣтельствованіи имѣющихся церковныхъ утварей и вещей Елисаветградскаго духовнаго правленія при-

сутствующимъ протопопомъ даніиломъ давидовымъ описи онымъ учинена которую съ рапортомъ онаго духовнаго правленія при семъ къ вашему преосвященству почтеннѣйше представляя всепокорнѣйше прошу о освященіи оной нововыстроенной Николаевской церкви снабдить архипастырскою своею благопрезрительною резолюціею. Сентября 6 дня 1800 года. Къ сему прошенію казенный поселянинъ Семенъ покотинскій подписался а вмѣсто его неграмотнаго по его прошенію руку приложилъ писецъ демянъ Цыгульскій.

№ 11.

Рапортъ объ освященіи Николаевской церкви.

великому господину преосвященнѣйшему Аѳанасію епископу Новороссійскому и днѣпровскому и ордена св. Анны перваго класса кавалеру[1]).

Елисаветградскаго духовнаго правленія присутствующаго благочиннаго протоіерея Даніила Давыдова

Рапортъ.

во исполненіе указа Его Императорскаго величества изъ духовной вашего преосвященства консисторіи, въ Елисаветградское духовное правленіе минувшаго Сентября 13 числа подъ № 2391, по резолюціи вашего преосвященства послѣдовавшаго Елисаветградскаго уѣзда въ казенномъ селеніи Усиковскомъ вновь выстроенную церковь во имянованіе Святителя Христова Николая на выданномъ встарую церковь антиминсѣ я сего Ноября 1-го въ день святыхъ чудотворцевъ и безсребренниихъ Космы и Даміана по предписанному въ большомъ московской печати требникѣ на листахъ съ 324 по 329 чиноположенію соборнѣ освятилъ, о чемъ вашему преосвященству впокорности моей симъ рапортую вашего преосвященства

Нижайшій послушникъ

Благочинный протоіерей Даніилъ Давыдовъ.

Ноября 6 дня 1800 года № 98.

[1]) Мѣстопребываніе владыки Аѳанасія было въ городѣ Новомиргородѣ.

СМѢСЬ.

Генералъ-цейхмейстеръ морской артиллеріи Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ.

И. А. Ганнибалъ въ 1744 г. поступилъ на службу въ сухопутное вѣдомство, 11 февраля 1779 г.[1]) произведенъ былъ изъ подполковниковъ полевой артиллеріи въ цейхмейстеры морской артиллеріи и въ этомъ званіи участвовалъ въ Архипелагской экспедиціи.

Намъ необходимо было имѣть удобный портъ въ районѣ нашихъ военныхъ дѣйствій въ Средиземномъ морѣ, а потому, послѣ многихъ поисковъ, рѣшили основаться въ портѣ Наваринъ[2]). Сначала былъ посланъ туда отрядъ маіора кн. Долгорукова, но онъ донесъ, что городъ слишкомъ хорошо вооруженъ, чтобы его можно было взять приступомъ съ тѣми войсками, которыя были въ его распоряженіи; да и губернаторъ Наварина намѣревался защищаться до послѣдней крайности; а потому послали 24 марта 1770 г. къ Наварину отрядъ судовъ: корабли «Св. Январій», «Три Святителя» и фрегатъ «Св. Николай» съ цейхмейстеромъ морской артиллеріи бригадиромъ Ганнибаломъ, назначеннымъ руководить осадой.

Наши суда были встрѣчены огнемъ береговыхъ укрѣпленій; но все-таки, отвѣчая туркамъ съ неменьшей живостью и съ большей мѣткостью, вошли въ заливъ и стали на якорь внѣ пушечныхъ выстрѣловъ непріятеля.

Транспортныя суда съ десантомъ въ 300 человѣкъ прошли подъ защиту нашихъ кораблей и, ставъ на якорь, немедленно свезли десанты подъ командою бригадира Ганнибала, который, не теряя времени, устроилъ на возвышеніи къ востоку отъ города батарею въ восемь 24-хъ фунто-

---

[1]) Высоч. указъ адмиралтействъ коллегіи. Архив. морск. министерства кн. 28; Матеріалы морской исторіи, XII, 359.

[2]) Собственнор. журналъ адм. С. К. Грейга.

выхъ пушекъ и два единорога, а другую въ двѣ 24-хъ фунтовыхъ пушки по западную сторону входа въ заливъ на возвышеніи, командующемъ надъ городомъ. «Сколько труда ни было въ перевозкѣ пушекъ, но ревность къ службѣ Вашего Императорскаго Величества и усердіе всѣхъ преодолѣли препятствія и въ день праздника Воскресенія Христова открылась батарея[1])». Мѣткій сосредоточенный огонь нашей 8-ми орудійной батареи скоро пробилъ просторную брешь на восточномъ валу цитадели; въ это время другая батарея наносила значительный вредъ городу.

Турки, вообще не отличавшіеся стойкостью въ сраженіяхъ, гдѣ имъ приходилось имѣть дѣло съ русскими (но не съ греками подъ предводительствомъ нашихъ офицеровъ и нѣсколькихъ русскихъ солдатъ), опасались приступа, а потому 4 апрѣля губернаторъ Наварина предложилъ сдать крѣпость и заключилъ капитуляцію съ бригадиромъ Ганнибаломъ и капитаномъ Борисовымъ; 7 апрѣля турки очистили крѣпость, а русскія войска вступили и заняли Наваринъ.

Въ распредѣленіяхъ и въ дѣйствіяхъ войскъ при этой осадѣ, такъ скоро принудившихъ непріятеля покориться, бригадиръ Ганнибалъ высказалъ большое искусство и знаніе, а потому былъ пожалованъ (въ октябрѣ 1771 г.) Императрицей Екатериной II орденомъ Св. Георгія 3 класса.

Въ силу капитуляціи Наварина турки должны были сложить оружіе и аммуницію, сдать всѣ военные запасы, а съ женами и дѣтьми перебраться въ Канею.

«Гарнизонъ состоялъ изъ 500 вооруженныхъ, а всѣхъ было болѣе 1000 человѣкъ въ городѣ. Трофеи были: 7 знаменъ, 42 мѣдныхъ пушки, 3 трехпудовыхъ мортиры, нѣсколько бомбъ, довольное число ядеръ, 800 пудовъ пороху и много гранатъ и всякой мелочи» [2]).

Для усиленія вооруженія крѣпости взята часть артиллеріи съ нашихъ судовъ.

Бригадиръ Ганнибалъ былъ назначенъ комендантомъ крѣпости Наварина [3]), которую онъ очистилъ и привелъ въ надежное оборонительное положеніе.

14-го апрѣля прибылъ главнокомандующій морскими и сухопутными силами графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ къ осажденному нашими войсками городу Корóна. Онъ снялъ осаду и десантъ нашъ, высаженный на берегъ у крѣпости; неудача произошла отъ робости грековъ, бывшихъ при нашемъ отрядѣ. Они только мѣшали своею нестойкостью.

---

[1]) Извлеченіе изъ Всеподдан. доклада гр. А. Г. Орлова. Матеріалы XI, 547.

[2]) Матеріалы XI, 548.

[3]) Журналъ С. К. Грейга.

18 сентября флотъ нашъ, состоявшій изъ пяти 66-пушечныхъ корабля: «Евстафій Плакида», «Три Святителя», «Іануарій», «Европа» и «Три Іерарха»; двухъ фрегатовъ: «Св. Николай» и «Надежда Благополучія»; бомбардирскаго корабля «Громъ»; пакетбота «Почтальонъ», трехъ судовъ: «Соломбаля», «Венера» и «Сатурнъ» и еще нѣсколькихъ посыльныхъ судовъ, подъ кейзеръ-флагомъ самаго графа Орлова, вошелъ въ Навэринскую бухту, причемъ крѣпость встрѣтила флотъ салютомъ, о чемъ такъ доноситъ гр. Орловъ Императрицѣ: «Въ этотъ день пришелъ въ наилучшій портъ всего Средиземнаго моря, въ портъ Вашего Императорскаго Величества и встрѣчены были съ пушечной пальбой съ крѣпости; равномѣрно было отвѣчено съ кораблей. Увидѣвъ на крѣпости кейзеръ-флагъ (т. е. гюйсъ) и войска Вашего Императорскаго Величества, съ радости слезы ручьями капались; 19 и 20 чиселъ всѣ упражнялись въ осмотрѣ и разныхъ учрежденіяхъ, а 21-го на крѣпости поднятъ былъ штандартъ; при собраніи всѣхъ освящена была мечеть во имя мученицы Святой Екатерины; по освященіи, по литургіи и благодарственномъ молебствіи, какъ съ крѣпости, такъ и съ кораблей производилась пушечная стрѣльба и потомъ всѣ корабли расцвѣчены были флагами».

Греки, пришедшіе подъ наши знамена, отличались только склонностью къ разбою и грабежамъ (къ кототорымъ привыкли издревле) и страшною паническою боязнью передъ турками.

Привожу слова достойнаго и правдиваго героя того времени, Самуила Карловича Грейга [1]): «... Графъ Орловъ... съ намѣреніемъ привести майнотовъ и другихъ грековъ въ какой нибудь воинскій порядокъ и дисциплину и обучить ихъ дѣйствію огнестрѣльнымъ оружіемъ,—однимъ словомъ испытать, возможно ли образовать изъ нихъ что-нибудь похожее на регулярное войско, такъ какъ до сихъ поръ они не имѣли ни малѣйшаго понятія о порядкѣ и дисциплинѣ, или о послушаніи начальству: каждый изъ нихъ дѣлалъ что ему хотѣлось. Графъ Орловъ имѣлъ равнымъ образомъ ввиду, посредствомъ обращенія ихъ съ русскими солдатами, ознакомить съ воинской доблестью, искоренить въ нихъ рабскій страхъ, какой они ощущали въ присутствіи каждаго турка, даже плѣннаго. Эти плѣнные обращались всегда съ греками съ гордымъ пренебреженіемъ, и греки сносили это и преклоняли передъ ними выю...».

Вотъ какова была та сила, которая выступила на помощь нашимъ войскамъ. Отряды посылаемы были по большей части подъ командой нашего офицера и состояли изъ нѣсколькихъ русскихъ солдатъ и цѣлой ватаги грековъ, которые при удачѣ были бойки, кровожадны и просто

---

[1]) Англичанинъ родомъ, былъ тогда командиромъ флагманскаго корабля гр. Орлова и руководилъ всѣми морскими операціями.

звѣрски обращались съ плѣнными своими бывшими господами, а при малѣйшей неудачѣ толпами бросали оружіе и, наводя паническій страхъ на остальныхъ, разбѣгались нестройнымъ потокомъ, оставляя совершенно безпомощными наши русскія силы.

Сначала турки скоро сдавались при приближеніи русскихъ войскъ и легко соглашались на капитуляцію; такъ было и при сдачѣ Маситры (9 марта 1770 г.), когда турки по основаніи капитуляціи вышли изъ города въ числѣ 5500 вооруженныхъ воиновъ, сложили оружіе и аммуницію и удалились отъ крѣпости; но вдругъ греки, не знавшіе законовъ войны и святости соблюденія условій капитуляціи, съ страшной яростью набросились на обезоруженныхъ турокъ и безъ всякой пощады, все болѣе и болѣе приходя въ ярость при видѣ крови, рѣзали и звѣрски убивали беззащитныхъ турокъ—мущинъ, женщинъ и дѣтей.

Капитанъ Барковъ, лейтенантъ Псаро съ 12 русскими солдатами, бывшими съ ними въ этомъ походѣ, съ величайшимъ самоотверженіемъ старались прикрыть и защитить турокъ, но безъ успѣха; греки перебили болѣе 1000 человѣкъ; только очень немногихъ удалось спасти въ предмѣстьи, гдѣ была поставлена на часахъ эта горсточка русскихъ солдатиковъ.

Остервенѣвшіе греки нападали даже на тѣхъ, защищавшихъ отъ смерти своихъ бывшихъ враговъ изъ-за человѣколюбія.

Понятно, что послѣ этого случая турки стали бояться сдачи на капитуляцію, опасаясь участи Мисистрійцевъ и предпочитая умереть съ оружіемъ въ рукахъ на своихъ крѣпостныхъ валахъ, чѣмъ быть перебитыми, какъ бараны, изъ-за звѣрскихъ грековъ. Послѣ двухъ-трехъ неудачъ греки массами оставляли наши войска и уходили въ горы, а многіе даже переходили подъ турецкіе бунчуки.

Къ этому времени вполнѣ выяснилось малое значеніе обладанія занятыми нашими войсками островами и рѣшено было оставить ихъ и постараться встрѣтить и разбить турецкій флотъ, ибо, уничтоживъ его, мы имѣли бы безусловный перевѣсъ надъ турками. Наши суда тогда могли бы ходить безпрепятственно по всему Средиземному морю, не встрѣчая себѣ нигдѣ противниковъ. Турки, ободренные удачами, становились все болѣе и болѣе дерзки и, наконецъ, въ большомъ числѣ появились въ виду Наварина, но не дѣлали открытаго нападенія, а испортили водопроводъ и этимъ лишили насъ простой воды, что было очень важнымъ недостаткомъ. Также пришли извѣстія, что сильный турецкій флотъ вышелъ изъ Дарданелъ и собирается напасть на насъ; тогда гр. Орловъ приказалъ перевести войска наши, бывшія на берегу, обратно на суда и выйти въ море; 23 мая нашими войсками были взорваны главныя Наваринскія укрѣпленія, а 27-го флотъ ушелъ изъ залива на поиски турецкаго

флота, который былъ открытъ 23 іюня стоящимъ на якорѣ въ Хіосскомъ проливѣ, вдоль Анатолійскаго берега. На слѣдующій день нашъ флотъ подъ парусами подошелъ къ туркамъ и послѣ боя, блистательнаго для насъ, непріятель, устрашенный взрывами нашего корабля «Евстафій Плакида», загорѣвшагося отъ упавшей гротъ-мачты турецкаго флагманскаго корабля «Реалъ-Мустафа», который взорвался вслѣдъ за Евстафіемъ, бросился въ страшномъ безпорядкѣ въ бухту Чесма, гдѣ былъ совершенно уничтоженъ въ ночь съ 25 на 26 іюня.

Гр. Орловъ приказалъ командиру Грейгу на бомбардирскомъ кораблѣ «Громъ» подойти поближе къ туркамъ и бросать все время въ непріятеля бомбы и каркасы, дабы не дать врагу оправиться отъ испуга, а бригадиру Ганнибалу поручено было снарядить къ вечеру 25 іюня четыре брандера изъ числа судовъ, назначенныхъ для транспортной службы при нашемъ флотѣ.

Не излагая общеизвѣстныхъ подробностей Чесменскаго боя, отмѣтимъ лишь, что въ немъ принялъ участіе и начальникъ всей морской артиллеріи бригадиръ Ганнибалъ, бывшій на кораблѣ «Громъ», и брандеры Ганнибала оказали на исходъ боя рѣшающее вліяніе.

7 декабря, 1772 И. А. Ганнибалъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры [1]); онъ продолжалъ плавать въ Средиземномъ морѣ на эскадрѣ адмирала Спиридова, а послѣ увольненія послѣдняго на эскадрѣ вице-адмирала Елманова. Въ 1774 г. за отсутствіемъ Елманова Ганнибалъ оставался главнымъ командиромъ порта Ауза.

10 іюля 1774 г. былъ заключенъ съ Портою миръ, а потому всѣ суда постепенно собрались въ портъ Ауза, гдѣ было наше главное адмиралтейство, дабы исправить всѣ свои поврежденія и приготовиться къ переходу обратно въ Россію.

3 августа вице-адмиралъ Елмановъ возвратился въ Аузу и начались поспѣшныя работы на эскадрѣ, причемъ, понятно, много выпало труда и на долю Ганнибала. Затѣмъ онъ былъ назначенъ въ призовую коммиссію, которой было поручено кромѣ того продать оставшіяся за негодностью къ переходу въ Россію суда нашей эскадры.

Въ 1776 году 7 іюля Императрица, посѣтивъ на Кронштадтскомъ рейдѣ суда, вернувшіяся изъ Средиземнаго моря, на кораблѣ Ростиславѣ всемилостивѣйше наградила многихъ, бывшихъ въ Архипелагской компаніи [2]); въ томъ числѣ и Ганнибалъ не былъ обойденъ отличіемъ; онъ былъ пожалованъ генералъ-цейхмейстеромъ.

---

[1]) Журналъ Адмиралтействъ Коллегіи № 5295.

[2]) Выпись наградъ — Матеріалы XII. 345—347.

25 іюня 1778 года состоялся Высочайшій указъ о построеніи портоваго города Херсона на мѣстѣ полуразрушеннаго полевого укрѣпленія «Александръ-Шанецъ», а немного спустя 11 августа былъ назначенъ генералъ-цейхмейстеръ И. А. Ганнибалъ главнымъ командиромъ надъ строеніями крѣпости и главной верфи; причемъ ему дана была инструкція, гласившая: «Вся ожидаемая отъ сего значительнаго для государства зданія польза состоитъ въ томъ, чтобы со всею возможною поспѣшностью до наступленія осени, если не совсѣмъ отстроено, то по крайней мѣрѣ всѣ земляныя работы, обезпечивающія всѣ тѣ мѣста, были дѣйствительно окончены».

Въ виду этого 8 сентября того же года начались фортификаціонныя работы; причемъ правительство не щадило ни средствъ, ни рабочихъ, предоставивъ все въ полное распоряженіе Ганнибала, который былъ 1 января 1779 г. пожалованъ чиномъ генералъ-поручика [1]), оставаясь въ должности генералъ-цейхмейстера морской артиллеріи и прочихъ занимаемыхъ имъ должностяхъ. Работа кипѣла: къ веснѣ была готова верфь и 25 мая 1779 г. былъ заложенъ первый 66-ти пушечный корабль «Слава Екатерины», спущенный 16 сентября 1783 г.; строителемъ его былъ Афанасьевъ.

Въ 1780 пріѣхалъ въ Херсонъ Потемкинъ [2]) и тогда деньги широкой рѣкой потекли на постройку крѣпости, флота и города. Но бѣда въ томъ, что выбрано было неудобное мѣсто для всѣхъ этихъ работъ; тамъ было страшно сыро и нездорово, а мелководье рѣки не давало возможности, даже при высокой водѣ, проводить къ Херсону суда, не разгружая ихъ по дорогѣ у мѣста, называемаго «Глубокая пристань», гдѣ бы и слѣдовало построить портъ.

Постройка Херсона проэктировалась въ столь большихъ размѣрахъ, что, несмотря на всѣ тѣ колоссальныя средства, которыя были потрачены выполнить идею Потемкина оказалось невозможно.

Невозможно было создать въ короткій срокъ изъ ничего столь благоустроенный городъ, какъ того хотѣлъ князь; все дѣлалось на живую руку, да къ тому же не одинъ Херсонъ былъ мѣстомъ работъ и расходовъ; по всему пути, предназначавшемуся для слѣдованія Императрицы, все готовилось въ грандіозныхъ размѣрахъ: строились дворцы, церкви, создавались чуть не цѣлые города на мѣстахъ, гдѣ раньше была необозримая пустыня.

Екатеринославъ, долженствовавшій быть столицей Новороссіи, предполагалось украсить соборомъ, который Потемкинъ хотѣлъ построить хоть

---

[1]) Высоч. указъ Адмиралт. Коллегіи. Матер. XII.

[2]) Ѳ. Ѳ. Веселаго: Списокъ Русск. воен. судовъ, стр. 454.

«аршиничкомъ» выше храма Ап. Петра въ Римѣ. Вотъ этотъ «аршиникъ» и видѣнъ въ большинствѣ сооруженій, которыя дѣлались на живую руку, лишь бы они устояли на время проѣзда Императрицы.

Городъ Херсонъ и крѣпость строились съ изумительной быстротою; но постройка прерывалась иногда, и на долгое время—изъ-за эпидемій, которымъ легко было развиваться при сырости, отличавшей это мѣсто.

Ганнибалъ построилъ нѣсколько церквей для православнаго населенія, а въ 1782 г. началъ строить въ крѣпости каменный соборъ, освященный, въ честь Императрицы, во имя Св. Великомученицы Екатерины. Этотъ храмъ очень хорошъ и теперь (я имѣлъ случай осматривать его нѣсколько лѣтъ тому назадъ); интересна на немъ надпись, хорошо характеризующая ту эпоху: «Спасителю рода человѣческаго *Екатерина II* посвящаетъ»; причемъ «Екатерина II» написано крупными буквами, а все остальное мелкими. Двѣ мѣстныя иконы въ этомъ соборѣ: Св. Екатерины и Св. Григорія, Просвѣтителя Великой Арменіи—портреты Императрицы и Свѣтлѣйшаго Князя.

Не знаю, какая причина принудила Ганнибала оставить Херсонъ: дѣйствительно-ли болѣзнь или просто неудовольствіе Потемкина; но 22 февраля 1784 г. состоялся Высочайшій указъ Адмиралт. Коллегіи: «Генералъ-поручикъ и флота генералъ-цейхмейстеръ Иванъ Ганнибалъ по прошенію его за болѣзнями Всемилостивѣйше увольняется отъ всѣхъ дѣлъ, повелѣвая производить ему по смерть нынѣшнее его жалованіе» [1]).

Уѣхавъ въ С.-Петербургъ, Ганнибалъ больше не занимался дѣлами и 12 октября 1801 г. послѣ продолжительной болѣзни тамъ же и скончался.

Въ 1787 г. Императрица Екатерина, со свойственной ей пышностью, посѣтила Херсонъ, гдѣ была встрѣчена блестящимъ образомъ при звонѣ колоколовъ, громѣ пушекъ и несмолкавшихъ восторженныхъ крикахъ народа. Въ числѣ сопровождавшихъ ее лицъ былъ Австрійскій Императоръ Іосифъ II, путешествовавшій подъ именемъ Графа Фалькенштейна. Онъ пріѣхалъ въ Херсонъ нѣсколько раньше Императрицы, а потому имѣлъ время осматривать всѣ его сооруженія; потомъ выѣхалъ на встрѣчу Екатеринѣ и уже съ нею снова въѣхалъ въ городъ. Императоръ былъ сначала пораженъ величіемъ созданнаго города, но потомъ, разсмотрѣвшись хорошенько, такъ описываетъ херсонскія сооруженія фельдмаршалу Ласси: крѣпость сооружена изъ земли, или вѣрнѣе изъ песку, который не утрамбовываютъ, а верки при значительномъ скатѣ обваливаются. Приготовлялись при встрѣчѣ Императрицы стрѣлять изъ пушекъ, стоящихъ на валахъ,

---

[1]) Матеріалы, XIII, 150.

но по случаю бывшей на этихъ дняхъ грозы опасались, чтобы при первомъ же выстрѣлѣ всѣ укрѣпленія вмѣстѣ съ артиллеріею не сползли въ свои собственные рвы, такъ какъ 4 дня назадъ отъ удара грома крѣпость была такъ потрясена, что цѣлый фасъ съѣхалъ въ ровъ.

О выборѣ мѣста Іосифъ II говоритъ въ другомъ письмѣ: «Нагруженныя купеческія суда до города не доходятъ: имъ приходится останавливаться за 30 верстъ ниже, въ мѣстности, называемой Клобокъ (Глубокая пристань), гдѣ бы собственно и слѣдовало построить городъ. При этомъ, если бы туркамъ вздумалось затопить въ Днѣпровскомъ устьѣ, которое находится въ ихъ рукахъ, хотя одну изъ своихъ каравеллъ, нагруженную камнемъ, то они могутъ остановить навигацію и не пропустить ни одной лодки въ Днѣпръ».

Французскій посланникъ при русскомъ Дворѣ графъ Сегюръ пишетъ въ своихъ запискахъ о херсонскомъ климатѣ: «...испареніе болотъ и островковъ, наполненныхъ тростниками, возлѣ города не только вредно дѣйствуетъ на здоровье жителей, но нерѣдко и смертельно...».

Вотъ каково было мѣсто, гдѣ приходилось работать И. А. Ганнибалу; надо еще сказать, что близкаго для построекъ матеріала было очень мало, а все нужно было привозить издалека. Тогда еще болѣе становится понятнымъ, сколь непреодолимо трудно было Ганнибалу выполнить грандіозный проектъ Свѣтлѣйшаго.

Ч. к. Лейтенантъ *П. И. Бѣлавенецъ.*

Броненосецъ
«Три Святителя». 1900 г.

Открытый листъ И. Скосаревскому 1792 г. на землю въ Очаковской области.

ОТКРЫТЫЙ ЛИСТЪ

№ 1500

во вновь пріобрѣтенной отъ Порты Оттоманской Области назначена земля, по прошенію Господина оберъ провіантмейстера Игнатія Скосаревскаго, по правой сторонѣ рѣки Телигула и по обѣимъ Мокрой Журавки, въ смежности ротмистра Пиваровича, четыре тысячи пятьсотъ десятинъ, да для устроенія на рѣчкѣ Телигулѣ водяной мельницы позволяется ему на основаніи межевой инструкціи имѣть къ лѣвому берегу прикосновеніе плотиною. Я объ оной землѣ прилагая при семъ скопировку, всѣмъ до кого сіе принадлежать будетъ, предписываю: въ поселеніи выводимыхъ изъ заграничныхъ мѣстъ людей и въ заведеніи домостроительства и мельницы не чинить ему Господину Скосаревскому, или кто отъ него будетъ къ тому опредѣленнымъ, никакого препятствія. Для чего, до формальнаго той земли отмеженанія, и сей отъ меня данъ за подписаніемъ и приложеніемъ герба моего печати въ мѣстечкѣ Дубоссарахъ.

Іюля 18 дня 1792 году.

Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшей Государыни моей отъ арміи Генералъ маіоръ, правитель Екатеринославскаго намѣстничества и орденовъ С-го равноапостольнаго князя Владимера 2-й степени большаго креста и С-я Анны Кавалеръ Василій Коховскій.

(Печать)

Сообщилъ д. ч. *А. Маркевичъ.*

---

[1]) На землѣ, отведенной г. Скосаревскому, современемъ устроилась деревня, называемая и нынѣ Скосаревкою (Ананьевск. у., Херс. губ.), но земля перешла къ Новицкимъ, которые частью и теперь ею еще владѣютъ; существуетъ и плотина черезъ р Тилигулъ, а на ней и мельница. *Ал. Маркевичъ.*

Первая одесская газета.

(Страничка изъ исторіи русской печати).

Одессѣ принадлежитъ одна изъ самыхъ раннихъ въ Россіи попытокъ издавать провинціальную газету. Газета эта, издававшаяся на французскомъ языкѣ и носившая названіе: «Messager de la Russie Méridionale, ou feuille commerciale, publiée avec l'autorisation du gouvernement», выходила въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ: съ 1 апрѣля 1820 г. до октября 1823 г. Исторія возникновенія и прекращенія ея не лишена нѣкотораго интереса; этой газетѣ и посвящаются настоящія строки.

До сихъ поръ о первой одесской газетѣ было извѣстно чрезвычайно мало. Небольшія свѣдѣнія о ней сообщилъ незабвенный историкъ Новороссійскаго края, покойный *А. А. Скальковскій* (см. его статью: «О періодическихъ изданіяхъ въ Одессѣ», напечатанную въ «Одесск. Вѣстникѣ» 1858 года, № 1; см. сообщаемыя имъ же свѣдѣнія объ этой газетѣ въ статьѣ: «Изъ портфеля перваго историка г. Одессы», напечатанной въ сборникѣ Л. М. де-Рибаса: «Изъ прошлаго Одессы» (Одесса, 1894 *), стр. 191—199). Въ послѣдней статьѣ онъ сообщаетъ въ самыхъ краткихъ чертахъ исторію этого изданія и приводитъ изъ него нѣсколько отрывковъ.

1 апрѣля 1820 года въ Одессѣ появилась, какъ говоритъ Скальковскій, первая газета. «Издателемъ была какая-то небогатая компанія, подъ руководствомъ весьма образованнаго француза Ивана Даваллона (J. B. Davallon). Онъ былъ агрономъ и хозяинъ овчарнаго заведенія во Франціи; но, испытавъ разныя потери, искалъ средствъ существованія отъ своего пера. Газету свою онъ назвалъ: «Messager de la Russie Méridionale ou feuille commerciale», которая выходила по вторникамъ и пятницамъ, сперва на одномъ полулистѣ—по невозможности, какъ сказано въ программѣ, издавать ее при недостаткѣ типографскихъ средствъ цѣлыми лис-

*) Къ этой книгѣ отсылаемъ интересующихся отрывками изъ первой одесской газеты и другимъ, спеціальнымъ изданіемъ: «Troubadour d'Odessa» (1822 г.), тоже возникшимъ въ Одессѣ.

тами, т. е. на 4 страницахъ печати, какъ это дѣлается теперь. Газета была посвящена преимущественно торговлѣ, а потому въ ней объявлялось о прибывшихъ и отошедшихъ корабляхъ, курсѣ векселей и монетъ, цѣнахъ на товары, о продажѣ съ публичнаго торга; изрѣдка были небольшія обозрѣнія торговли мѣстной и заграничной, но *политическихъ извѣстій помѣщать издателю не было дозволено.* Для нуждъ мѣстныхъ жителей присовокуплялись извѣстія о пріѣзжающихъ и выѣзжающихъ изъ Одессы и, что всего любопытнѣй, нѣкоторыя замѣтки о театрѣ, музыкѣ и увеселеніяхъ, частныхъ и общественныхъ. Цѣна была довольно высока для того времени: годовая 45 руб. ассигнаціями и 25 руб. за полгода. Замѣтимъ мимоходомъ, что Даваллонъ издавалъ свою газету до 1823 года и сдалъ ее типографу Сейцу уже по пріѣздѣ князя Воронцова». Болѣе подробныхъ, чѣмъ у Скальковскаго, свѣдѣній о первой одесской газетѣ, а также и о первомъ одесскомъ журналистѣ мы до сихъ поръ не имѣли. Намъ поэтому особенно пріятно подѣлиться съ читателемъ добытыми нами свѣдѣніями и о старѣйшемъ образчикѣ одесской печати, одинъ номеръ котораго мы отыскали, и объ издателѣ его, являющихся родоначальниками одесскихъ изданій и ихъ издателей.

Въ двухъ одесскихъ архивахъ: бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернаторскаго управленія и канцеляріи Одесскаго градоначальника хранятся два весьма любопытныя «дѣла», проливающія значительный свѣтъ на исторію перваго въ Одессѣ органа періодической печати и нѣсколько рисующія бытъ Одессы интереснѣйшихъ 20-хъ годовъ.

«Дѣло», хранящееся въ архивѣ канцеляріи Одесскаго градоначальника, носитъ не совсѣмъ правильное названіе: «Дѣло о позволеніи издавать въ Одессѣ Коммерческую газету южнаго края Россіи».

Она начинается написанной на французскомъ языкѣ просьбой издателя Ж. Б. Даваллона, обращенной къ памятному нашей Одессѣ Херсонскому военному губернатору графу А. Ѳ. Ланжерону, въ завѣдываніи котораго находилась и гражданская часть въ губерніяхъ: Херсонской, Екатеринославской и Таврической. Письмо Даваллона къ графу Ланжерону помѣчено 10-мъ ноября 1819 года. Вотъ что писалъ гр. Ланжерону предпріимчивый французъ.

«Имѣю честь представить Вашему Сіятельству планъ коммерческаго листка, подъ названіемъ: «Вѣстникъ Южной Россіи». Планъ этотъ—тотъ самый, который я уже представилъ Вашему Сіятельству, и содержаніе котораго Вы изволили одобрить. Честь имѣю быть съ глубокимъ почтеніемъ Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою. Ж. Б. Даваллонъ.

19 ноября 1819 года Ланжеронъ писалъ Министру Полиціи (по цензурному департаменту) и просилъ разрѣшенія на изданіе газеты. Черновикъ отношенія Ланжерона къ Министру Полиціи находится при «дѣлѣ».

Эта бумага весьма интересна,[7] такъ какъ она даетъ намъ указаніе, что уже тогда, на зарѣ благосостоянія Одессы, въ ней назрѣла потребность въ періодическомъ изданіи. «Контора изъ россійскихъ и иностранныхъ подданныхъ»,—писалъ Ланжеронъ — «состоящая подъ управленіемъ французско-подданнаго г. Даваллона, преднамѣреваетъ издавать въ Одессѣ публичную газету, подъ названіемъ «Коммерческой газеты южнаго (зачеркнуто: полуденнаго) края Россіи». Прежде, нежели могъ я согласиться на просимое г. Даваллономъ дозволеніе, счелъ долгомъ донести къ свѣдѣнію Вашего Высокопревосходительства планъ сей газеты, у сего представляемый на благоусмотрѣніе, покорнѣйше испрашивая разрѣшенія какъ въ разсужденіи статей, въ планѣ означенныхъ, всѣ ли таковыя помѣщать дозволено будетъ, или за исключеніемъ, равно и на счетъ цензуры, которую я полагаю учредить на сей только предметъ въ моей канцеляріи, подъ наблюденіемъ правителя дѣлъ. Касательно самой газеты честь имѣю объявить мое мнѣніе, что изданіе такого рода въ Одессѣ очень можетъ быть полезно въ отношеніи коммерціи какъ для города сего, такъ и всего края южнаго». Позволеніе издавать газету Министерствомъ Полиціи и другими вѣдомствами было дано, но Даваллону не было дозволено печатать въ ней какія бы то ни было политическія извѣстія. Исправлявшій тогда должность Одесскаго градоначальника Н. Я. Трегубовъ 21 февраля 1820 года сообщилъ городской полиціи объ изданіи газеты «для должнаго свѣдѣнія». «Въ ней»—писалъ Трегубовъ—«не будутъ помѣщаться политическія извѣстія, а одни только торговыя или до торговли относящіяся». Поэтому Трегубовъ не находилъ со своей стороны «никакого препятствія на позволеніе издавать оную газету въ публику, тѣмъ болѣе, что по уставу коммерческому таковыя изданія позволительны и печатаются уже въ Астрахани *) и Казани». Трегубовъ далъ сперва разрѣшеніе на изданіе газеты отъ себя лично и только рапортовалъ объ этомъ Ланжерону, но 11 марта получилъ отъ Ланжерона отвѣтъ, что *свыше* дозволено издавать «Коммерческую Газету Южнаго Края Россіи», и что градоначальнику не принадлежитъ право разрѣшать подобныя изданія. 18 марта къ Трегубову поступило прошеніе отъ издателей «Вѣстника Южной Россіи» Ж. Б. Даваллона, коллежскаго секретаря Гибаля, Ферварини, Сорона и титулярнаго совѣтника Элкана. Издатели просили градоначальника приказать, чтобы изъ таможни, карантина и канцеляріи градоначальника имъ «доставляемы были для составленія коммерческаго журнала нужныя свѣдѣнія, а именно: роспись прибывшимъ и отправляющимся судамъ, съ означеніемъ на нихъ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, извѣстія о пуб-

*) Въ Астрахани издавалась съ 1813 г. въ теченіе двухъ лѣтъ газета: «Восточныя Извѣстія», первая по времени провинціальная русская газета (см. *Н. Ширяевъ*: «Начало газетнаго дѣла въ Россіи. Одесса, 1876», стр. 29—33).

личныхъ и частныхъ продажахъ, отдача въ наемъ и продажа движимыхъ и недвижимыхъ имѣній, роспись товарамъ въ городъ Одессу транзитомъ или въ Россію для внутренняго употребленія ввозимыхъ, пошлины съ привозимыхъ и отвозимыхъ товаровъ взимаемыя, новыя узаконенія касательно торговли и мѣстномъ правленіи (sic!), цѣна страховымъ преміямъ и извѣстія, относящіяся къ навигаціи,—для того, чтобъ первый нумеръ Вѣстника могъ бы выданъ быть апрѣля 1-го дня, чего требуютъ безъ малѣйшаго отлагательства открытіе навигаціи и возобновленіе коммерческихъ дѣлъ». Поэтому издатели просили Трегубова распорядиться, чтобъ «комитетская», т. е. находившаяся въ вѣдѣніи «городового комитета» типографія, которую арендовалъ у города типографъ Карлъ Сейцъ, была къ ихъ услугамъ «шесть мѣсяцевъ, считая съ 1 апрѣля, по изустно заключаемымъ условіямъ, и чтобы не только Вѣстникъ, но еще предметы, на особливыхъ листочкахъ печатанные, какъ то: роспись прибывшимъ и отправляющимся судамъ, прейсъ-куранты и курсъ о денежныхъ переводахъ, были непремѣнно готовы по вторникамъ и пятницамъ каждой недѣли въ первомъ часу пополудни, такъ чтобъ мы имѣли время оные раздавать, а господа негоціанты переписать и по силѣ ихъ содержанія разсчеты свои дѣлать передъ отъѣздомъ почты». Просьба ихъ была исполнена, и разнымъ учрежденіямъ было предписано доставлять въ газету нужныя сообщенія.

Скажемъ нѣсколько словъ о первыхъ издателяхъ газеты въ Одессѣ. Александръ Варѳоломеевичъ *Гибаль*, родомъ изъ дворянъ, уроженецъ Петербурга, окончилъ въ 1811 году курсъ въ Метцскомъ лицеѣ во Франціи, былъ учителемъ французскаго языка въ одесской коммерческой гимназіи и въ институтѣ; одно время обучалъ одесскихъ лицеистовъ «военнымъ чертежамъ». *Соронъ* былъ содержателемъ французской книжной лавки, перешедшей впослѣдствіи къ Руссо и находившейся тамъ же, гдѣ и нынѣ магазинъ Руссо. Леонъ Леоновичъ *Элканъ*, по происхожденію еврей, изъ купеческой берлинской семьи, питомецъ Кенигсбергскаго университета; въ 1784 году былъ выбранъ въ члены знаменитаго еврейскаго литературнаго общества «Любителей еврейской литературы». Въ Россіи Элканъ занимался сперва педагогическою дѣятельностью въ Петербургѣ, потомъ служилъ по цензурному вѣдомству, потомъ снова вступилъ на педагогическое поприще, былъ учителемъ въ Харьковской гимназіи, въ 1805 г. переведенъ былъ въ Одессу преподавателемъ коммерческой гимназіи, въ 1813 г. былъ назначенъ директоромъ этой гимназіи, а въ слѣдующемъ году былъ уволенъ въ отставку. Іосифъ Фабіевичъ *Феррарини*, изъ итальянскихъ дворянъ, питомецъ Палестринскаго университета, пріѣхалъ въ Россію въ 1809 году и съ этого времени преподавалъ итальянскій языкъ въ одесскихъ учебныхъ заведеніяхъ (Краткія біографическія свѣдѣнія объ этихъ

лицахъ, составленныя на основаніи различныхъ рукописныхъ источниковъ, сообщены намъ глубокоуважаемымъ Ник. Ив. Ленцомъ, которому приносимъ нашу чрезвычайную благодарность). Что касается Даваллона, то нѣсколько ниже онъ самъ познакомитъ насъ со своей полной удивительныхъ перемѣнъ и приключеній жизнью авантюриста. Такая оригинальная компанія лицъ самаго разношерстнаго происхожденія могла собраться только въ разноплеменной Одессѣ. Компаньоны принялись за дѣло, повидимому, энергично, и 1 апрѣля 1820 г. вышелъ въ свѣтъ первый нумеръ газеты на французскомъ языкѣ. Редакція «Messager» два раза пыталась выпустить газету на русскомъ языкѣ, и первый русскій нумеръ ея вышелъ 1-го іюня 1821 г., подъ редакціей Гибаля; онъ носилъ названіе: «Вѣстникъ Южной Россіи». Опытъ этотъ однако не удался. Въ № 41 газеты 1822 г., 29 апрѣля, редакція напечатала по этому поводу слѣдующее весьма откровенное и наивное заявленіе: «Въ прошедшемъ году, по требованію нѣкоторыхъ русскихъ купцовъ, мы предприняли изданіе «Messager» на русскомъ языкѣ. Хотя число подписчиковъ достигло всего *семи*, мы продолжали наше предпріятіе въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Мы льстили себя надеждой, что русское купечество оцѣнитъ всю пользу журнала, издаваемаго для нихъ на отечественномъ языкѣ, и поддержитъ это доброе намѣреніе; но ожиданія наши не оправданы, и мы, потерпѣвъ убытокъ въ 800 руб., прекратили изданіе. Въ нынѣшнемъ году мы хотѣли повторить нашу попытку и, хотя г. полиціймейстеръ, считавшій ее полезною, самъ собиралъ подписку, но нашелъ не болѣе пяти лицъ, желающихъ получать эту газету. Всѣ остальные отозвались, что они чрезъ евреевъ-факторовъ такъ же хорошо получаютъ нужныя свѣдѣнія о торговлѣ, какъ и изъ нашей газеты,—изъ чего мы заключили, что для Одессы не пришло время для изданія журнала на отечественномъ языкѣ». Строго винить тогдашнее одесское купечество въ равнодушіи къ газетѣ нельзя. Пустенькая, бѣдная газета выходила всего два раза въ недѣлю, такъ что сообщенія ея подчасъ могли являться запоздалыми; къ тому же русское купечество тогда было еще весьма малочисленно; тонъ въ Одесской торговлѣ задавали иностранцы-негоціанты. Что же касается до французскаго изданія газеты, то оно, несмотря на малые размѣры изданія и узость программы, пользовалось нѣкоторымъ вниманіемъ публики. Вотъ что разсказывается о первой одесской газетѣ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» 1834 года, № 1: «Первый журналъ, появившійся въ г. Одессѣ подъ названіемъ: «Messager de la Russie Méridionale, ou feuille commerciale, publiée avec l'autorisation du gouvernement»,—весь посвященъ торговлѣ. Онъ выходилъ два раза въ недѣлю въ полулистѣ малаго формата. Въ немъ помѣщались только извѣстія о приходѣ и отходѣ судовъ, о цѣнахъ привозимыхъ товаровъ и главнѣйшія распоряженія правительства, относящіяся

къ торговлѣ. Изданіе подобнаго листка было совершенно необходимо для Одессы и для иностранныхъ купцовъ, торговавшихъ въ черноморскихъ портахъ, а потому и расходъ сего журнала былъ довольно значителенъ, его выписывали въ разныхъ мѣстахъ Европы и получали даже въ Филадельфіи». Какъ на исключительно торговую газету смотрѣло на «Messager» и одесское начальство. Выше мы видѣли, какъ съ помощью администраціи редакція поставила свой репортажъ и обезпечила правильное полученіе необходимыхъ для газеты свѣдѣній изъ разныхъ мѣстъ. Образчикъ такого сообщенія находимъ мы при «дѣлѣ».

«Для напечатанія въ Коммерческой газетѣ. Одесса, 2-го іюня 1820.

«Главный начальникъ въ семъ городѣ дѣйствит. статск. совѣтникъ Трегубовъ объявляетъ торговому обществу о полученномъ имъ нынѣшній день отъ посланника нашего въ Константинополѣ барона Строганова оффиціальномъ извѣстіи, что португальское правительство, позволившее недолго предъ симъ ввозъ въ Португалію пшеницы, называемой *арнаутка*, нынѣ повелѣніемъ отъ 6/18 числа прошедшаго мѣсяца запретило снова привозить туда пшеницу сего рода, наложивъ при томъ и на озимую пошлину по 80 рейсовъ съ каждой алкіеры». Но одними торговыми извѣстіями пробавляться газетѣ было трудно. Уже 15 марта 1821 года управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графъ Викт. Павл. Кочубей писалъ графу Ланжерону о полученномъ имъ отъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына отношеніи о замѣченныхъ послѣднимъ въ 89-мъ номерѣ газеты двухъ *политическихъ* статьяхъ и просилъ Ланжерона подтвердить кому слѣдуетъ, «чтобы впредь содержаніе помянутой газеты въ точности соотвѣтствовало предположенному плану оной».

Это-то стремленіе издателя освѣжить содержаніе своей газеты послужило причиною ея прекращенія. Исторія этого прекращенія и излагается во второмъ «дѣлѣ», трактующемъ о первой одесской газетѣ,— въ «Дѣлѣ канцеляріи Генералъ-Губернатора о бывшемъ въ Одессѣ издателѣ журнала Даваллонѣ». «Дѣло» это, относящееся ко второй половинѣ 1823 г., когда уже былъ генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края графъ М. С. Воронцовъ *), проливаетъ нѣкоторый, совершенно новый свѣтъ на судьбы перваго въ Одессѣ періодическаго изданія и сообщаетъ кое-какія, до сихъ поръ также совсѣмъ неизвѣстныя свѣдѣнія объ его издателѣ, по справедливости имѣющемъ полное право на званіе перваго журналиста въ Одессѣ. «Дѣло» это, все производство котораго велось на французскомъ языкѣ, заключается въ 29 листахъ. Начинается оно письмомъ Даваллона

*) Графъ М. С. Воронцовъ 7 мая 1823 г. былъ назначенъ Новороссійскимъ Генералъ-Губернаторомъ и Полномочнымъ Намѣстникомъ Бессарабской Области.

къ графу М. С. Воронцову. Письмо это настолько любопытно, что мы считаемъ нелишнимъ представить его цѣликомъ въ русскомъ переводѣ. Вотъ что писалъ Даваллонъ:

«Графъ! Я имѣю честь представить Вашему Сіятельству собраніе «Messager de la Russie Méridionale» отъ 1 января до 21 іюля 1823 года. Этотъ коммерческій листокъ переживаетъ четвертый годъ своего существованія со дня выхода въ свѣтъ. Если Ваше Сіятельство удостоите просмотрѣть содержаніе этой газеты, я надѣюсь, Вы одобрите это предпріятіе и почтите его своимъ могущественнымъ покровительствомъ. Какъ прежде я прилагалъ, такъ и нынѣ буду прилагать всѣ мои старанія къ тому, чтобы сдѣлать «Messager» полезнымъ для всѣхъ классовъ населенія, и въ доказательство моей незаинтересованности въ ходѣ предпріятія этого приведу Вашему Сіятельству то обстоятельство, что доходы до сихъ поръ не покрыли расходовъ. Я могъ бы увеличить число подписчиковъ, еслибы былъ въ состояніи печатать въ листкѣ обзоры новостей, напечатанныхъ въ петербургскихъ и московскихъ журналахъ; такъ какъ эти журналы уже прошли цензуру, я представляю Вашему Сіятельству, что навряд ли можетъ произойти какое-нибудь затрудненіе въ предоставленіи мнѣ права печатать подобныя замѣтки, съ указаніемъ газетъ, откуда я ихъ почерпнулъ. Я имѣю честь быть съ глубокимъ уваженіемъ Вашего Сіятельства нижайшимъ и покорнѣйшимъ слугою. Ж. Б. Даваллонъ, бывшій совѣтникъ (Chancellier) французскаго консульства въ Англіи, экс-директоръ склада шерстяныхъ издѣлій въ Парижѣ и проч., редакторъ «Messager». Одесса. 23 іюля 1823 г.».

Какъ видно, Даваллонъ понялъ, что въ коммерческомъ и притомъ почти европейскомъ городѣ, какимъ была тогдашняя Одесса, невозможно было существовать газетѣ, лишенной политическаго отдѣла, и рѣшилъ добиться позволенія помѣщать у себя статьи политическаго характера. Очевидно, на просьбу эту долго не было никакого отвѣта со стороны графа Воронцова. Однако Даваллонъ не отчаивался въ успѣхѣ своего дѣла и 17 сентября послалъ графу другое письмо по тому же предмету. Приводимъ и его:

«Графъ! Я имѣю честь присоединить къ сему копію письма, которое я послалъ Вашему Сіятельству 23 іюля сего года. Я смѣю надѣяться, что Ваше Сіятельство не сочтете затруднительнымъ снизойти къ моей просьбѣ и позволите мнѣ печатать въ «Messager» политическія статьи, извлеченныя изъ журналовъ, напечатанныхъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Это право дастъ листку возможность больше распространиться во ввѣренныхъ Вашему Сіятельству губерніяхъ. Я имѣю честь быть съ глубокимъ уваженіемъ Вашего Сіятельства нижайшимъ и покорнѣйшимъ слугою. Ж. Б. Даваллонъ, редакторъ «Messager».

18 сентября графъ Воронцовъ написалъ Даваллону отвѣтъ на его письма. Приводимъ и его:

«Господину Даваллону, издателю «Messager de la Russie Méridionale». 18 сентября 1823 года. Я получилъ, Милостивый Государь, два письма, которыя вы мнѣ послали 23 іюля и 17 сентября. Такъ какъ я не нахожу никакого неудобства въ исполненіи Вашей просьбы, то я позволяю Вамъ печатать въ «Messager de la Russie Méridionale» политическія и другія статьи, извлеченныя изъ журналовъ, напечатанныхъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Считаю лишнимъ прибавить, что вы должны хорошенько знакомиться съ ихъ содержаніемъ. Примите и проч.».

Даваллонъ, конечно, не замедлилъ воспользоваться этимъ позволеніемъ. Мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобы судить, насколько оно подняло газету и увеличило доходы издателя. Даваллонъ пользовался этимъ правомъ, однако, очень недолго. Въ первой половинѣ октября съ нимъ случилась крупная непріятность, весьма повліявшая на судьбу изданія. 10-го октября въ прибавленіи къ своей газетѣ Даваллонъ напечаталъ, вопреки точному смыслу испрошеннаго имъ и даннаго ему позволенія, кое-какія сообщенія, которыхъ печатать онъ не имѣлъ права. Къ дѣлу приложенъ и самый злополучный номеръ газеты. О немъ необходимо сказать нѣсколько словъ.

При «дѣлѣ» о первой одесской газетѣ, хранящемся въ канцеляріи Одесскаго Градоначальника, нашлось письмо директора Императорской Публичной Библіотеки А. Н. Оленина отъ 13 іюля 1821 г. къ А. Ѳ. Ланжерону, съ просьбой выслать въ государственное книгохранилище два экземпляра «Messager». Ланжеронъ распорядился объ удовлетвореніи просьбы Оленина (см. письмо А. Н. Оленина къ графу А. Ѳ. Ланжерону).

На основаніи этого письма, въ январѣ 1901 г. администрація Одесской Городской Публичной Библіотеки обратилась къ директору Императорской Публичной Библіотеки Н. К. Шильдеру съ просьбою уступить ей одинъ изъ двухъ экземпляровъ «Messager». Но ген.-лейт. Н. К. Шильдеръ отвѣтилъ, что «въ Императорской Публичной Библіотекѣ не только нѣтъ ни одного экземпляра этого изданія, но и не имѣется никакихъ слѣдовъ, чтобы они когда-либо получены были въ библіотекѣ, хотя сохранилась просьба Оленина о доставленіи его въ библіотеку».

Такимъ образомъ находящійся при «дѣлѣ» архива бывшаго Новор. Ген.-Губернатор. управленія номеръ «Messager de la Russie Méridionale» можно покуда считать единственнымъ извѣстнымъ нынѣ экземпляромъ этого любопытнаго изданія. Весьма возможно, что еще гдѣ-нибудь могутъ найтись номера этой газеты; думаемъ, ихъ надо искать въ архивахъ нашихъ правительственныхъ учрежденій, а не въ библіотекахъ частныхъ лицъ, такъ какъ мы издавна не привыкли хранить газеты, и немудрено,

что старыя періодическія изданія становятся у насъ величайшею библіографической рѣдкостью. Надъ заголовкомъ разсматриваемаго номера одесской газеты красуется гербъ города Одессы, заключенный въ лавровомъ вѣнкѣ, верхніе концы котораго не соединены. По обѣимъ сторонамъ его, какъ обыкновенно и нынѣ, находятся свѣдѣнія отъ редакціи о стоимости газеты, о таксѣ на печатаніе объявленій, также адресъ редакціи и т. п. (Помѣщалась редакція противъ Католической церкви, въ домѣ Палеолога, рядомъ съ почтовой конторой). Стоила газета въ городѣ 40 р. въ годъ, а съ пересылкой въ другія мѣста—45 руб.; за объявленія взималось по 40 коп. отъ строки. Полное названіе ея слѣдующее: «Messager de la Russie Méridionale ou feuille commerciale, publiée avec l'autorisation du gouvernement. Supplement au № 80. Odessa, le 10 octobre V. S. 1823» («Вѣстникъ Южной Россіи или коммерческій листокъ, издаваемый съ позволенія начальства. Прибавленіе къ № 80. Одесса, 10 октября стар. ст. 1823 г.»). Это листокъ, состоящій всего изъ двухъ страничекъ, напечатанныхъ на мягкой, но крѣпкой бумагѣ, форматомъ какъ разъ въ одну восьмую долю нынѣшнихъ «Вѣдомостей Одесскаго Градоначальства». Содержаніе его состоитъ исключительно изъ политическихъ извѣстій съ театра греко-турецкой войны—съ острова Занте и изъ Патраса. Извѣстія эти касаются пораженія греками огромнаго корпуса Скутарійскаго паши, который тогда намѣревался вторгнуться въ Пелопоннесъ. Въ этихъ сообщеніяхъ, правда политическаго характера, не было рѣшительно ничего вреднаго, либо возмутительнаго. Тѣмъ не менѣе напечатаніе ихъ Даваллономъ навлекло на него крупную непріятность со стороны генералъ-губернатора, — почему, сейчасъ увидимъ.

Непосредственно за письмомъ графа Воронцова къ Даваллону, въ которомъ заключалось позволеніе печатать свѣдѣнія, сообщенныя столичными изданіями, слѣдуетъ письмо Даваллона къ графу, отмѣченное тѣмъ же числомъ, 10 октября, что и описанный номеръ одесской газеты. Содержаніе его слѣдующее:

«Графъ! Спѣшу исполнить требованіе, предъявленное мнѣ Вашимъ Сіятельствомъ, и посылаю Вамъ при семъ оригиналъ содержанія выпущеннаго сегодня прибавленія. Согласно полученному мною приказанію, я представляю г. Полиціймейстеру, цензору коммерческаго листка, статьи, которыя я намѣреваюсь въ немъ печатать и, только получивъ отъ него разрѣшеніе, я напечаталъ касающуюся грековъ новость, о которой уже говорилось въ 79 № «Conservateur Impartial» [1]). Имѣю честь быть съ глубокимъ уваженіемъ Вашего Сіятельства нижайшимъ и покорнѣйшимъ

---

[1]) Французская газета, которую издавалъ въ Петербургѣ аббатъ Мантэнь (см. «*Русскій Архивъ*» 1901 г., I, 70).

слугою. Ж. Б. Даваллонъ. Одесса, 10 октября 1823 г. N. B. Считаю долгомъ сообщить Вашему Сіятельству, что оригиналъ былъ доставленъ г. Полиціймейстеру въ послѣдній четвергъ, и что онъ мнѣ его вернулъ вчера».

При письмѣ этомъ дѣйствительно приложенъ листъ плотной синей бумаги, на которомъ рукою Даваллона написано все содержаніе этого прибавленія. Внизу его находится цензурное дозволеніе: «Позволяется печатать Полиціймейстеръ (подпись неразборчива)». Запроса, который сдѣлалъ графъ Воронцовъ Даваллону, при дѣлѣ не имѣется, но по приведенному отвѣту Даваллона можно судить и о тонѣ, и о самой сущности этого запроса. Если мы сличимъ посланный Даваллономъ полиціймейстеру оригиналъ съ напечатаннымъ текстомъ, то увидимъ, что они совершенно сходственны. Только у заголовка въ оригиналѣ мы замѣтимъ нѣсколько словъ, подчеркнутыхъ Даваллономъ: «извлеченіе, переведенное *съ греческаго языка*». Въ печатномъ же текстѣ этихъ словъ не имѣется. Этимъ Даваллонъ явно нарушилъ данное ему позволеніе: имѣя право печатать только извѣстія, уже напечатанныя въ столичныхъ газетахъ, онъ превысилъ это право, опубликовавъ свѣдѣнія, сообщенныя не въ этихъ изданіяхъ. Графъ Воронцовъ возмутился этимъ и на другой же день, 11 октября, послалъ Даваллону слѣдующее письмо:

«Г. Даваллону. Одесса, 11 октября. Подписано и отправлено того же дня въ 3 часа пополудни. Давая Вамъ моимъ письмомъ отъ 18 сентября позволеніе печатать въ «Messager de la Russie Méridionale» нѣкоторыя извлеченія изъ политическихъ извѣстій, напечатанныхъ *исключительно* въ петербургскихъ и московскихъ газетахъ, я былъ далекъ отъ мысли, что Вы настолько удалитесь отъ рамокъ, мною Вамъ предоставленныхъ. Такъ какъ Вы, однако, позволили себѣ опубликовать въ прибавленіи къ 80 № новости изъ Греціи, причемъ нарушили мои положительныя распоряженія, я запрещаю Вамъ печатать отнынѣ въ «Messager de la Russie Méridionale» какія бы то ни были статьи политическаго содержанія, извлеченныя даже изъ выпущенныхъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ журналовъ. Впредь до изданія новыхъ распоряженій соблаговолите при редактированіи газеты Вашей руководствоваться тѣми правилами, которыя были Вамъ назначены до 18 сентября. Что касается до указанія Вашего на разрѣшеніе, которое далъ Вамъ Полиціймейстеръ, то это Васъ нисколько не извиняетъ».

Дальнѣйшія строки трудно разобрать. Во всякомъ случаѣ смыслъ ихъ, очевидно, не былъ благопріятенъ для Даваллона. Письмо это сейчасъ было отправлено къ Даваллону и вручено ему, причемъ у него взята была росписка въ полученіи письма, тоже имѣющаяся при дѣлѣ:

«Я получилъ изъ канцеляріи Его Сіятельства Г. Генералъ-Губерна

тора Графа Воронцова пакетъ на мое имя за № 2. Одесса, 11 октября 1823 г., въ три часа пополудни. Ж. Б. Даваллонъ».

За приведеннымъ выше письмомъ Воронцова слѣдуетъ одинъ весьма любопытный документъ, который тоже необходимо отмѣтить. Очевидно, наказывая издателя лишеніемъ дарованнаго недавно позволенія, графъ Воронцовъ хотѣлъ не только сдѣлать наказаніе это болѣе ощутительнымъ, но и довести о немъ до всеобщаго свѣдѣнія черезъ то же изданіе и написалъ объ этомъ своемъ рѣшеніи слѣдующую замѣтку для газеты:

«Въ виду того, что редакція этого листка напечатала въ прибавленіи къ 80 № одну статью, еще неопубликованую въ петербургскихъ и московскихъ газетахъ, и нарушила этимъ тѣ точныя условія, на которыхъ было разрѣшено печатать, кромѣ торговыхъ, еще другія статьи, то это разрѣшеніе у нея отнято; ей запрещено отнынѣ впредь до новаго распоряженія печатать статьи какого бы то ни было содержанія, если онѣ не относятся къ торговлѣ Одессы, и она должна руководствоваться тѣми правилами, которыя были въ силѣ до 18 сентября сего года».

На поляхъ бѣловика этихъ строкъ написано:

«Замѣтка для напечатанія въ слѣдующемъ номерѣ: «Messager de la Russie Méridionale». Одесса, 13 октября 1823 г. Эта замѣтка была г. Марини вручена г. Даваллону, который отказался ее напечатать».

Вслѣдъ за отказомъ Даваллона напечатать набросанныя графомъ Воронцовымъ строки послѣдовало въ скоромъ времени прекращеніе выпуска газеты. Чрезвычайно интересно слѣдующее за только что напечатаннымъ документомъ новое письмо Даваллона къ графу М. С. Воронцову. Вотъ оно:

«Графъ! Уже 4 года, какъ я состою редакторомъ коммерческаго листка, и если Ваше Сіятельство удостоите навести справки о моемъ поведеніи, то вы удостовѣритесь, что въ томъ, что касается изданія, мнѣ нельзя послать никакого упрека. У меня всегда были назначенные свыше цензоры, и статьи, которыя мнѣ доводилось печатать, я представлялъ, если онѣ мнѣ казались подходящими, въ цензуру и *отнюдь не желалъ принимать отвѣтственность за напечатаніе ихъ на себя.* Такъ, сперва цензоромъ былъ Е. П. генералъ Трегубовъ, затѣмъ г. Персіани, г. Шарль Сикаръ и, наконецъ, по распоряженію г. Градоначальника, цензоромъ назначенъ былъ г. Полиціймейстеръ. Условія эти, съ которыми я и сообразовывался, не были отмѣнены.—Г. Полиціймейстеръ, смотря на себя какъ на цензора, въ качествѣ цензора и дѣйствовалъ какъ во всѣхъ случаяхъ вообще, такъ и въ этомъ случаѣ, въ выпускѣ обзора новостей относительно грековъ, напечатаннаго въ прибавленіи къ № 80-му.—Упомянутый документъ я представилъ для цензурнаго просмотра г. Полиціймейстеру; онъ держалъ его у себя *цѣлые 5 дней* и возвратилъ съ позволеніемъ на-

печатать и за своею подписью. Я же считался съ данными мнѣ раньше распоряженіями, и если Ваше Сіятельство хотѣли своимъ письмомъ отъ 18 сентября выразить, что у меня болѣе нѣтъ цензоровъ, то я впалъ въ невольную ошибку, что не истолковалъ его такимъ именно образомъ. Эти обстоятельства, которыя я представляю Вашему Сіятельству, могутъ доказать, что вина моя вовсе не такъ тяжка, какъ хотятъ ее изобразить передъ Вами, и поэтому я съ полнымъ довѣріемъ обращаюсь къ чувству справедливости Вашего Сіятельства и умоляю Васъ разрѣшить мнѣ продолжать редактированіе и изданіе «Messager» на тѣхъ условіяхъ, которыя Вамъ будетъ благоугодно предложить, причемъ о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ прошу меня увѣдомить. Имѣю честь быть съ глубокимъ уваженіемъ Вашего Сіятельства нижайшимъ и покорнѣйшимъ слугою. Ж. Б. Даваллонъ. Одесса, 27 октября 1823 года».

Къ письму этому Даваллонъ приложилъ еще особую «Замѣтку», содержаніе которой чрезвычайно интересно, такъ какъ она даетъ намъ краткое жизнеописаніе перваго одесскаго журналиста. Приведемъ и ее всю цѣликомъ:

«Совершенно незнакомый Вашему Сіятельству, я считаю своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего, что я въ теченіе двадцати лѣтъ занималъ различныя общественныя должности, какъ въ Англіи, такъ и во Франціи, и что за оказанныя мною услуги я получилъ нѣкоторые почетные обо мнѣ отзывы. Уроженецъ Ліона, я въ 1785 году покинулъ отцовскій кровъ и 1 января 1786 г. пріѣхалъ въ Лондонъ. Съ этихъ поръ я оставался въ Англіи до 1806 г и, благодаря натурализаціи, вступилъ по парламентскому акту въ англійское подданство, былъ гражданиномъ Лондона, негоціантомъ, главнымъ секретаремъ комитета по дѣламъ о взятыхъ въ войнѣ съ Франціей плѣнныхъ, совѣтникомъ французскаго консульства въ Лондонѣ. Я вернулся во Францію, когда поѣхалъ требовать у правительства уплаты 1244000 франковъ, израсходованныхъ на содержаніе французскихъ плѣнныхъ. Въ 1807 г. я вступилъ въ канцелярію министерства внутреннихъ дѣлъ въ качествѣ редактора «Обозрѣнія торговли и статистики», былъ секретаремъ коммиссіи по продажѣ шерсти въ Байоннѣ, кассиромъ этой коммиссіи и раздавателемъ вознагражденій въ ней же, затѣмъ директоромъ склада и общественнаго заведенія для мытья шерсти въ Парижѣ и офицеромъ національной гвардіи со дня ея преобразованія. Въ 1816 году, по приглашенію покойнаго герцога де-Ришелье, я пріѣхалъ въ Россію, сдѣлавъ часть этого путешествія на фрегатѣ, везшемъ въ Константинополь французскаго посланника. Я первый ввелъ въ здѣшнемъ краѣ способъ приготовленія шерсти, сдѣлавши ее годной для вывоза и для выдѣлки суконъ; я построилъ на Барабоѣ заведеніе съ новымъ приспособленіемъ для мытья шерсти, а до моего пріѣзда въ Одессу эта от-

расль промышленности была здѣсь неизвѣстна. Я первый предпринялъ изданіе коммерческой газеты; къ ней я прилагалъ особенное мое стараніе и трудился надъ нею въ теченіе *четырехъ лѣтъ*, ничего не зарабатывая и, напротивъ, даже теряя деньги. Неужели изъ-за одной ошибки Ваше Сіятельство захотите лишить меня средствъ къ существованію и въ одинъ мигъ, изъ-за оплошности, которую мнѣ же вовсе невыгодно было дѣлать, погубите тридцать лѣтъ полезной работы! Эти соображенія я почтительнѣйше представляю Вашему Сіятельству».

Повидимому, Воронцову очень не понравились ни письмо Даваллона, ни его «Замѣтка». Въ самомъ дѣлѣ, въ тѣхъ строкахъ письма, гдѣ Даваллонъ говоритъ о «неправильномъ» пониманіи разрѣшенія графа, заключается очевидная иронія, а «Замѣтка» его даетъ основаніе думать объ ея авторѣ, какъ объ авантюристѣ, и внушаетъ очень мало довѣрія. Таково впечатлѣніе, производимое представленнымъ Даваллономъ изображеніемъ пройденнаго имъ жизненнаго поприща. Къ тому же, какъ можно предполагать на основаніи письма Даваллона, у него были враги, старавшіеся вредить ему въ глазахъ графа,—и гр. Воронцовъ не склонился на его доводы. Въ тотъ же день онъ отвѣтилъ ему слѣдующимъ письмомъ:

«Одесса, 27 октября 1823 г. Г. Даваллону. Милостивый Государь! Я очень недоволенъ всѣмъ, что съ Вами произошло, но Вы въ этомъ сами виноваты и самого себя и должны въ этомъ винить. Когда Вы просили меня позволить Вамъ печатать политическія статьи, Вы желали получить право, которымъ Вы не пользовались, и которое я одинъ могъ Вамъ предоставить. Я это сдѣлалъ, но съ однимъ яснымъ и простымъ условіемъ: печатать только то, что уже было въ петербургскихъ и московскихъ газетахъ. Все, что Вы говорите о цензорахъ и полиціймейстерѣ, совершенно не касается нашего дѣла и поставленнаго мною Вамъ условія. Вы же этого условія совсѣмъ не приняли въ соображеніе. Я долженъ былъ уже съ самаго начала и въ виду моей собственной отвѣтственности за это наказать Васъ лишеніемъ права издавать газету, того права, которымъ Вы злоупотребили противъ меня. Однако я только велѣлъ отнять разрѣшеніе помѣщать политическія статьи и требовалъ, чтобы Вы напечатали въ Вашемъ листкѣ причины этого отнятія. Вы не сочли нужнымъ исполнить мое требованіе и отказались повиноваться власти даже послѣ того, какъ она выказала Вамъ благосклонность и требовала только законнаго и справедливаго. Мнѣ непріятно постоянно прибѣгать къ дѣйствіямъ строгимъ, какъ бы они ни были справедливы и законосообразны, но, прибѣгая къ нимъ только тогда, когда другія средства уже истощены, я отдаю отчетъ моей совѣсти и, не будучи въ состояніи себя упрекнуть, я остаюсь при моемъ рѣшеніи относительно Васъ и предупреждаю Васъ разъ на-

всегда, что Вы никогда не получите у меня позволенія издавать въ Одессѣ коммерческій листокъ или какую-нибудь другую газету». Подписано: «В.».

На этомъ и кончается дѣло. На послѣдней страницѣ его обложки мы видимъ удостовѣреніе, что «въ семъ дѣлѣ перенумерованныхъ листовъ двадцать девять», подписанное коллежскимъ секретаремъ Писаренко, тѣмъ самымъ пожилымъ чиновникомъ, который, какъ нянька, ходилъ за жившимъ тогда въ Одессѣ Пушкинымъ. Слову графа Воронцова можно было вѣрить, и въ скорости злополучная газета прекратилась *); надо сказать, что разсмотрѣнный нами № ея однако не былъ послѣднимъ. Какъ говоритъ Н. Н. Мурзакевичъ въ своей запискѣ, приложенной къ хранящемуся въ Одесской Городской Публичной Библіотекѣ экземпляру «Одесскаго Вѣстника» 1827 года, послѣдній номеръ «Messager» былъ выпущенъ въ свѣтъ 16 октября. Стало быть Даваллонъ успѣлъ выпустить еще одинъ или два номера.

Какъ видитъ читатель, Даваллонъ былъ совершенно неправъ, а рѣзкость и строгость джентльмена гр. Воронцова очень понятны, если принять во вниманіе положеніе тогдашней печати и боязнь отвѣтственности за выходки газетъ. Бѣдный издатель дѣйствительно хотѣлъ поднять изданіе; внести въ газету, издаваемую въ пограничной Одессѣ, живость не могли же извѣстія, уже побывавшія въ далекихъ (особливо при тогдашнихъ способахъ сообщенія) Петербургѣ и Москвѣ. Это его немного оправдываетъ, но все-же онъ не долженъ былъ нарушать своего честнаго слова. «Messager» прекратился въ октябрѣ 1823 г., но уже съ 17 ноября 1823 г. начала выходить новая газета — «Journal d'Odessa ou Courrier Commercial de la Nouvelle Russie», причемъ графъ Воронцовъ исходатайствовалъ для нея разрѣшеніе печатать *политическія извѣстія* и метеорологическія наблюденія (см. сборникъ «Одесса», стр. 592).

Въ Одесской Городской Публичной Библіотекѣ хранится полный экземпляръ этой газеты *1824 года*, покуда старѣйшій имѣющійся въ ней образчикъ одесской прессы. Экземпляръ этотъ прекрасно сохранился; тисненіе на переплетѣ показываетъ, что онъ принадлежалъ когда-то архиву московской коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Выходила газета на французскомъ языкѣ—два раза въ недѣлю. Первый номеръ ея помѣченъ 2 января 1824 г., а послѣдній (№ 104)—27 декабря. Содержаніе ея составляли политическія извѣстія, торговыя извѣстія, биржевые курсы, цѣны на товары, извѣщенія о приходѣ и отходѣ судовъ, о берущихъ паспорты за-границу, о

*) *Н. Ширяевъ* въ своей упомянутой выше брошюрѣ ошибочно говоритъ, что «газета эта прекратилась по недостатку подписчиковъ» (стр. 35). Какъ видно, истинная причина прекращенія первой одесской газеты ему не была извѣстна.

пріѣхавшихъ въ городъ и выѣхавшихъ изъ города разныхъ оффиціальныхъ лицахъ и чиновникахъ, объявленія различныхъ казенныхъ учрежденій. Газета эта относится къ 1824 г. — одному изъ самыхъ цвѣтущихъ годовъ, которые пережила Одесса подъ управленіемъ графа М. С. Воронцова. Между прочимъ, тогда жилъ въ Одессѣ А. С. Пушкинъ (выѣхавшій навсегда изъ нашего города 30 іюля 1824 года). Съ пожелтѣвшихъ листковъ твердой бумаги (формата приблизительно въ четверть нынѣшняго размѣра «Вѣдом. Одес. Градоначальства») такъ и вѣетъ духомъ живости, чисто-европейской кипучести, которая такъ плѣнила Пушкина, что онъ отмѣтилъ это «вѣяніе, дыханіе Европы» въ своемъ безсмертномъ описаніи Одессы Къ слову сказать, въ публикаціи № 59, приложенной къ нумеру 2 іюня, значится въ числѣ прибывшихъ 31 мая и А. С. Пушкинъ—«Le Secrétaire de Collège Pouschin». Это, вѣроятно, была незначительная отлучка великаго поэта куда-нибудь въ ближайшія мѣстности. Въ тѣхъ же оффиціальныхъ объявленіяхъ, «Публикаціяхъ по повелѣнію начальства» («Publications par ordre supérieur»), мы встрѣчаемъ еще немало извѣстныхъ въ исторіи Одессы именъ: бар. Франка, бар. Брунова, правителя канцеляріи графа М. С. Воронцова А. И. Казначеева (близкаго пріятеля Пушкина), коменданта Одессы Кобле, генералъ-адъютанта графа Ланжерона, извѣстнаго ген. Сабанѣева, кишиневскаго ген. Пущина, знаменитаго археолога И. К. Бларамберга, гр. Гудовича, Нарышкина, друга Пушкина Раевскаго, Завальевскаго и друг. Въ публ. № 16, приложенной къ номеру отъ 30 апрѣля, мы встрѣчаемъ имя мужа знаменитой воспѣтой неоднократно Пушкинымъ красавицы г-жи Ризничъ, Ивана Ризнича, также очень извѣстнаго въ исторіи Одессы, бывшаго одно время содержателемъ одесскаго театра, послѣ членомъ попечительнаго совѣта Ришельевскаго лицея, умнаго и образованнаго негоціанта. Судя по этой публикаціи, одесскій купецъ Ризничъ выѣзжалъ тогда въ Австрію, взявъ паспортъ подъ поручительствомъ купца Ивана Лучича. Кромѣ этихъ, весьма извѣстныхъ именъ, мы встрѣчаемъ въ «Journal d'Odessa» еще немало фамилій, представители которыхъ благополучно проживаютъ въ Одессѣ и нынѣ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Редакторомъ и издателемъ «Journal d'Odessa» былъ Карлъ-Моритцъ Сейтцъ, завѣдывавшій городской типографіей, въ которой газета и печаталась. Стоилъ «Journal d'Odessa» 40 руб. (конечно, ассигнаціями) въ годъ. Но эта цѣна для многихъ была высока, и нѣкоторыя лица—вѣроятно, по преимуществу купцы, которыхъ интересовали оффиціальныя объявленія,—получали за меньшую плату одни листки публикацій отдѣльно. Редакція находилась въ домѣ Палеолога, около бывшей почтовой конторы, противъ Католической церкви.

Въ 1827 году это изданіе было преобразовано въ двойную, русско-французскую газету—«Journal d'Odessa» или «Одесскій Вѣстникъ». Замѣ-

чательно, что «Journal d'Odessa» въ 1825 году имѣлъ всего 30 подписчиковъ. Однако изданіе газеты въ Одессѣ, видно, давало доходъ, если Даваллонъ такъ держался за свой «Messager».

Такимъ образомъ, первая одесская газета просуществовала всего три съ половиною года. Ея краткое существованіе нѣсколько выяснило тѣ задачи, которыя должна была преслѣдовать тогдашняя одесская печать, и ея преемникъ «Journal d'Odessa», впослѣдствіи преобразованный въ «Одесскій Вѣстникъ», явился лучшимъ періодическимъ изданіемъ на югѣ Россіи.

Такова исторія прекращенія первой одесской газеты, и такова личность ея издателя. Въ это цвѣтущее время газета въ Одессѣ могла бы прекрасно существовать—да вѣдь и существовала кое-какъ,—если бы были болѣе выгодныя цензурныя условія. Коммерческій городъ нуждался въ газетѣ, и живая эта потребность не могла быть удовлетворена крохотнымъ «Messager», съ его узенькой программой и, наконецъ, со старыми извѣстіями, предварительно побывавшими въ столицахъ. О «Messager» ничего не говоритъ бывшій тогда въ Одессѣ Пушкинъ; о немъ ничего не упоминаютъ старожилы въ своихъ воспоминаніяхъ; о немъ нигдѣ не говоритъ долго жившій въ тѣ времена на югѣ Россіи и между прочимъ въ Одессѣ Ф. Вигель, оставившій объемистыя и очень подробныя «Записки». Очевидно значеніе этой газетки было ничтожно, и газета для купца замѣнялась биржею и портомъ. Вспомнимъ слова Пушкина въ «Евгеніи Онѣгинѣ»:

Дитя разсчета и отваги,
Идетъ купецъ взглянуть на флаги,
Провѣдать, шлютъ ли небеса
Ему знакомы паруса,
Какіе новые товары
Вступили нынѣче въ карантинъ?
Пришли ли бочки жданныхъ винъ?
И что чума? И гдѣ пожары?
И нѣтъ ли голода, войны,
Или подобной новизны?..

Такихъ свѣдѣній чахлый «Messager» съ его запоздалыми сообщеніями дать не могъ, и врядъ ли многіе о немъ пожалѣли, когда онъ угасъ. Тѣмъ не менѣе съ уваженіемъ смотришь на дошедшій до насъ (можетъ быть, единственный) экземпляръ первой одесской газеты, цѣнишь тотъ трудъ, съ какимъ многоопытный ея издатель поддерживалъ свое худосочное дѣтище. Съ любопытствомъ читаешь интересныя «дѣла», сохранившія для насъ и нумеръ газеты, эту величайшую рѣдкость, и кое-

какія біографическія свѣдѣнія о первомъ журналистѣ Одессы, и переписку его съ гр. Воронцовымъ, и исторію возникновенія и прекращенія первой одесской газеты—вообще, нѣсколько рисующія одесскую жизнь добраго стараго времени. Когда посмотришь на крохотный номерокъ этого патріарха одесскихъ газетъ, да подумаешь, что лѣтъ черезъ 80 послѣ «Messager», выходившаго, можетъ быть, не больше какъ въ 50—60 экземплярахъ, Одесса ежедневно печатаетъ не менѣе 40000 крупныхъ газетныхъ листовъ, передъ тобою воскресаетъ вся исторія изумительно быстраго роста, какъ Одессы, этого города, нѣкогда столь избалованнаго судьбою, такъ и русской печати, несмотря на всякія тяжкія и неблагопріятныя условія, въ которыя у насъ было поставлено волею судебъ «свободное слово».

Николай Лернеръ.

А. Скальковскій рукою власною

Къ біографіи А. А. Скальковскаго.

Помѣщая нынѣ нѣкоторые отысканные въ архивѣ бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернаторства документы, небезынтересные какъ для исторіи этого архива, такъ и для біографіи важнѣйшаго историка Новороссіи, въ немъ работавшаго, почетнаго члена нашего Общества А. А. Скальковскаго, пользуюсь случаемъ, чтобы приложить копію съ оригинальнаго его портрета, находящагося въ музеѣ Общества.

Д. ч. *Ал. Маркевичъ.*

№ 1.

Управленіе Новороссійскаго и Бессарабскаго Генералъ-Губернатора.
8 Апрѣля 1840 года.
№ 153.
Одесса.

Господину Надворному Совѣтнику Скальковскому.

Предлагаю Вашему Высокоблагородію принять въ вѣдѣніе Ваше дѣла Запорожскаго Сѣчеваго Архива, присланныя при рапортахъ Екатеринославскаго уѣзднаго суда отъ 8-го декабря прошедшаго 1839 и 19 февраля настоящаго года, и составивъ имъ подробный списокъ для представленія мнѣ, хранить впредь до дальнѣйшаго объ нихъ распоряженія. Подлинное подписалъ: Новороссійскій и Бессарабскій Генералъ-Губернаторъ (Воронцовъ).

№ 2.

О Запорожскомъ Архивѣ.

Въ 1839 году удалось мнѣ отыскать небольшіе остатки Запорожскаго Архива, изъ которыхъ, какъ Вашему Сіятельству извѣстно, составилъ я небольшую книгу подъ заглавіемъ: Исторія Новой Сѣчи и пр., изданную въ 1841 году, снискавшую Ваше одобреніе и почти всеобщее участіе. Съ того времени отысканы были мною еще многіе другіе Запорожскіе документы,

составившіе теперь слишкомъ 140 связокъ или дѣлъ, изъ которыхъ нѣкоторыя исполнены удивительнаго интереса. По приказанію Вашего Сіятельства, данному мнѣ въ предписаніи отъ 8-го Апрѣля 1840 г. № 153, я усердно занялся этими уродливыми и почти истлѣвшими обрывками, и послѣ 4 лѣтняго труда наконецъ удалось мнѣ ихъ собрать, совокупить хронологически въ нѣкоторые отдѣлы, сшить и сдѣлать изъ этого ветхаго сборища довольно значительный архивъ, который смѣло назовемъ: *Архивомъ Сѣчи Запорожской.*

Столь драгоцѣнное собраніе достойно того, чтобы на него обратить вниманіе Вашего Сіятельства и упрочить принадлежность онаго здѣшнему краю, городу, и слѣдственно тѣмъ изъ здѣшнихъ ученыхъ, которые по моимъ слѣдамъ захотятъ изучать исторію столь знаменитой Запорожской военной общины. А потому и осмѣливаюсь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство дать мнѣ оффиціальную бумагу, въ которой было бы сказано, что этотъ архивъ собранъ мною по Вашему приказанію изъ разныхъ источниковъ, а не найденъ въ Екатеринославской губерніи, дабы Гидрографическое депо или другое петербургское мѣсто не отняло у насъ этихъ драгоцѣнныхъ актовъ, подобно тому, какъ это было сдѣлано въ 1839 г., когда у насъ забрали всю переписку о Черноморскомъ войскѣ, о крѣпостяхъ Днѣпровской линіи и пр.

Теперь я приступаю ко 2-му изданію моей *Исторіи Новой Сѣчи*, по окончаніи которой архивъ этотъ должно будетъ сдать въ канцелярію Вашего Сіятельства для храненія въ особомъ мѣстѣ и, если можно, подъ моимъ надзоромъ, дабы онъ остался не только въ цѣлости, но и приносилъ пользу свѣдущимъ посѣтителямъ.

Краткая опись, въ хронологическомъ порядкѣ мною составленная, до составленія болѣе подробной и математической, можетъ дать нѣкоторое понятіе о важности сдѣланной мною находки для исторіи Русской вообще и нашего края въ особенности. Я долженъ только присовокупить, что въ Запорожскомъ архивѣ находятся обширныя свѣдѣнія не только о казачествѣ, но и о первыхъ шагахъ Сербскаго водворенія въ степяхъ, а еще болѣе о татарахъ Ногайскихъ, о которыхъ нигдѣ и ничего найти невозможно.

(Скальковскій).

№ 3.

Записка
объ учрежденіи
Историческаго
архива
Новороссійскаго Края
въ Одессѣ.
Апрѣля 1885 г.
Одесса.

До 1836 года не имѣли мы на русскомъ языкѣ никакого сочиненія, относящагося къ исторіи Новороссійскаго края, въ его цѣлости. На французскомъ же языкѣ есть прекрасная книга *Маркиза де Кастельно*, подъ заглавіемъ: «Опытъ древней и новой исторіи Новороссіи». Авторъ этого драгоцѣннаго сочиненія былъ чиновникомъ особыхъ порученій при герцогѣ Ришелье во время его управленія нашимъ краемъ и, хотя иностранецъ и французъ, собралъ и представилъ Европейской публикѣ много достовѣрныхъ свѣдѣній, не только историческихъ, но и статистическихъ, столь еще рѣдкихъ въ русской литературѣ первой половины XIX столѣтія. Древности, политическая исторія и изученіе экономическихъ силъ Россіи разработаны были многими иностранцами и русскими учеными; но мы упомянемъ прежде всего о трудахъ русскихъ писателей, а именно: 1) *Карла Габлица* (въ послѣдствіи Таврическаго вице-губернатора) «*Физическое описаніе Таврической Области*». Спб. 1785. 2) Полковника *Мейера* «*Повѣственное естествословное землемѣрное описаніе Очаковской земли*» (за Бугской части Хер. губ. Спб. 1795. 3) *Павла Сумарокова*: «*Досуги Крымскаго Судьи*, съ картами и рисунками. Спб. 1800. 4) *Исторія о Тавріи* соч. Епископа Католическаго Сѣстренцевича 1804, въ русскомъ переводѣ 1806 года, 2 части, и 5) *Карла Кеппена. Крымскій сборникъ*. 1837.

На французскомъ языкѣ было писано и издано нѣсколько весьма цѣнныхъ сочиненій, тѣмъ болѣе для насъ интересныхъ, что они касаются не только исторіи, но и экономическаго положенія нашего края. Таковы: 1) Барона де Тотъ о туркахъ и татарахъ. Онъ въ качествѣ французскаго консула при ханѣ Крымъ-Гиреѣ участвовалъ въ послѣднемъ наѣздѣ татаръ на Новороссію. 2) *Пейсонеля* о Черноморской торговлѣ. 3) *Антуана* о торговлѣ и судоходствѣ на Черномъ морѣ, тѣмъ въ особенности для насъ драгоцѣнное, что говоритъ о первыхъ дняхъ Херсона, о лѣсной торговлѣ съ Франціею.

4) *Карла Сикара* «Письма объ Одессѣ», писанныя въ 1809 году. 5) «*Письма одного путешественника изъ полуденной Россіи*», очень дурной русскій переводъ весьма любопытнаго сочиненія какого-то француза. Въ немъ помѣщены вполнѣ справедливыя замѣтки о разныхъ частяхъ юго-восточной Россіи; въ особенности же письмо объ *Одессѣ*, въ февралѣ 1809 года, даетъ много положительныхъ свѣдѣній о нашемъ городѣ въ дни его отрочества. Намъ кажется, что эти письма, адрессованныя въ журналъ Biblioteque Britanique, были того же автора, т. е. Карла Сикара, въ послѣдствіи первокласснаго негоціанта нашего города. 6) Сочиненія извѣстнаго археолога *И. Бларамберга* о древностяхъ нашего края, преимущественно слѣдующее: «Объ Ольвіопольскихъ монетахъ и Ольвіи», съ многими таблицами его медалей, и другія его мелкія сочиненія въ журналахъ одесскихъ и заграничныхъ. 7) Наконецъ въ дни уже намъ близкіе соч. *Ю. Д. Гагеймейстера* (впослѣдствіи сенатора), подъ заглавіемъ: Записка о торговлѣ новороссійскихъ, молдавскихъ и валахскихъ портовъ.

Кромѣ упомянутыхъ выше, есть еще краткое, но весьма цѣнное сочиненіе на польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ *Таврика*, польскаго историка и епископа *А. Нарушевича*, написанное по случаю путешествія Императрицы Екатерины II въ 1787 г. въ нашемъ краѣ.

Но всѣ эти сочиненія не составляли цѣльнаго, даже поверхностнаго обзора всего Новороссійскаго края, а о Бессарабіи, кромѣ небольшихъ очерковъ швейцарскаго колониста *Тардана*,—на французскомъ языкѣ, ничего не было писано. Оттого князь М. С. Воронцовъ, всегда готовый на всякое доброе дѣло, радушно принялъ ходатайство служившаго въ его канцеляріи чиновника Скальковскаго о дозволеніи ему осмотрѣть архивы всѣхъ присутственныхъ мѣстъ Новороссійскаго края и Бессарабіи и изучить по возможности ихъ содержаніе, для извлеченія свѣдѣній, могущихъ составить хотя хронологическое обозрѣніе исторіи всѣхъ частей края, находившагося тогда уже 12 лѣтъ подъ управленіемъ доблестнаго фельдмаршала. Какъ скромное доказательство возможности составленія такой исторіи, г. Скальковскій представилъ въ 1835 году небольшую монографію подъ заглавіемъ: *Адмиралъ де Рибасъ и основаніе Одессы*, составленную имъ на основаніи документовъ, добытыхъ въ мѣстныхъ архивахъ нашего города.

Князь М. С. Воронцовъ не только дозволилъ г. Скальковскому сдѣлать эту поѣздку, но испросилъ у высшей власти свободный доступъ къ архивамъ всѣхъ вѣдомствъ и далъ матеріальныя средства на исполненіе столь полезнаго дѣла. Результатомъ поѣздокъ 1835,—а послѣ 1839 годовъ было отысканіе, въ особенности въ архивахъ Черноморскаго адмиралтейства и Таврическаго губернатора, многихъ весьма драгоцѣнныхъ документовъ,—цѣлые фоліанты Царскихъ и Потемкинскихъ автографовъ и ос-

татковъ запорожскаго архива, давшихъ возможность къ составленію если не особенно художественныхъ, то новыхъ на этомъ поприщѣ сочиненій. Г. Скальковскій представилъ своему начальнику слѣдующія книги:

1) Въ 1836 году Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійскаго края, ч. 1, напечатанное въ Одессѣ на счетъ генералъ-губернатора.

2) Въ 1837 году Первое тридцатилѣтіе исторіи города Одессы, напечатанное въ Одессѣ на счетъ города и составленное преимущественно по программѣ князя Воронцова, по случаю ожидаемаго тогда посѣщенія Государя Наслѣдника, впослѣдствіи великаго Царя-Мученика Александра II.

3) Въ 1838 г. II часть Хронологическаго обозрѣнія исторіи Новороссійскаго края.

4) Въ томъ же году: О торговыхъ и промышленныхъ силахъ Одессы.

5) Въ 1841 году—Исторію Новой Сѣчи или послѣдняго Коша Запорожскаго, изд. I, которую въ рукописи просматривалъ самъ князь Михаилъ Семеновичъ прежде, нежели поступила въ печать.

Кромѣ того было напечатано г. Скальковскимъ и другими лицами нѣсколько статей въ Одесскихъ и Петербургскихъ журналахъ, заимствуя постоянно матеріалы изъ того же источника, на который ссылался авторъ Новороссійской исторіи, т. е. изъ мѣстныхъ архивовъ.

Всѣ эти книги удостоились одобренія не только высокопоставленныхъ въ службѣ и наукѣ лицъ: гр. Канкрина, гр. С. Г. Строгонова, Бутенева, академика Буткова, Арсеньева, гр. Уварова и др., но снискали Высочайшія благоволенія и награды Государя Императора Николая I автору ихъ Скальковскому.

Пользуясь столь высокимъ одобреніемъ скромныхъ трудовъ своихъ, г. Скальковскій въ 1843 году сдѣлалъ другое предложеніе, горячо одобренное и поддержанное незабвеннымъ фельдмаршаломъ; это учрежденіе въ Одессѣ особаго *Историческаго Архива* Новороссійскаго края изъ «дѣлъ» и документовъ, извлекаемыхъ изъ архивовъ его присутственныхъ мѣстъ, преимущественно такого содержанія, которые бы указывали на произведеніе и развитіе нашихъ городовъ, селъ и колоній. До сихъ поръ такая лѣтопись политической и экономической жизни бывшаго «Дикаго поля», какъ называли нашу степь лѣтописцы, въ русской литературѣ не существовала. Даже такіе драгоцѣнные архивы для исторіи, какіе имѣемъ въ Кіевѣ и Вильнѣ, тогда еще не были учреждены. Князь Воронцовъ, испросивъ на то согласіе гг. министровъ: Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ и Высочайшее соизволеніе, для начала нашего учрежденія поручилъ г-ну Скальковскому объѣздить вновь главнѣйшіе города края. Избранные тогда дѣла, записки и планы присланы были въ Одессу на разсмотрѣніе князя М. С. и указаніе на тѣ изъ нихъ, которые могли служить основаніемъ

для будущаго историческаго архива. Съ тѣмъ вмѣстѣ тому же Скальковскому дано было порученіе разбирать и Одесскій генералъ-губернаторскій архивъ, хотя весьма не древній, ибо доходитъ лишь до 1803 года, но имѣющій богатые источники для исторіи администраціи и развитія нашего края. Результаты такихъ распоряженій генералъ-губернатора были очевидны: г. Скальковскій составилъ и съ дозволенія князя Воронцова напечаталъ преимущественно въ журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ нѣсколько слѣдующихъ монографій:

1) *Занятіе Крыма въ 1783 году*, изъ архива Таврическаго губернатора.

2) *О ногайскихъ колоніяхъ Таврической губерніи.*

3) *О Некрасовцахъ*, поселенныхъ въ Измаильскомъ градоначальствѣ.

4) *О болгарскихъ колоніяхъ* въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи. Всѣ три на основаніи подлинныхъ документовъ генералъ-губернаторскаго архива.

Но вскорѣ отъѣздъ князя Воронцова на службу въ званіи Кавказскаго намѣстника, перемѣны слѣдственно въ управленіи Новороссіей, а вскорѣ и въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ нанесли смертный приговоръ предположенному историческому архиву. Замѣчательно, что генералъ Бибиковъ, который такъ усердно забиралъ изъ монастырей и присутственныхъ мѣстъ юго-западной Россіи акты, дѣла и книги для основанія драгоцѣннаго архива Кіевскаго,— назначенный Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, былъ постояннымъ противникомъ Одесскаго учрежденія. Онъ нашелъ неправильною перевозку «дѣлъ» въ Одессу и требовалъ немедленнаго ихъ возвращенія въ Николаевъ, Симферополь, Екатеринославъ. Что стало съ этими дѣлами, неизвѣстно.

Такъ прошло 30 лѣтъ слишкомъ; хотя благонамѣренные преемники князя Воронцова: графъ Строгоновъ и графъ Коцебу поощряли статистическія работы и изданія, въ числѣ другихъ было издано сочиненіе Скальковскаго подъ заглавіемъ *Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края*, 2 части; но объ учрежденіи историческаго архива уже не помышляли. Между тѣмъ генералъ-губернаторское управленіе Новороссіи было упразднено и, страннымъ стеченіемъ обстоятельствъ, такое неблагопріятное для края событіе было началомъ возрожденія забытаго уже вопроса.

Въ 1874 году, по представленію члена совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Ф. К. Гирса, управлявшій Министерствомъ князь Лобановъ Ростовскій принялъ въ судьбѣ архива самое благотворное участіе. 21 іюня того года въ письмѣ на имя Одесскаго градоначальника выразилъ свое истинно просвѣщенное мнѣніе, «что въ находящемся въ Одессѣ архивѣ упраздненнаго Новороссійскаго генералъ-губернаторства хранится много важныхъ историческихъ документовъ, и потому его необходимо со-

хранить для государственной и научной пользы». На этомъ основаніи съ Высочайшаго соизволенія учреждена была особая «коммиссія для разбора и устройства упомянутаго архива», въ которой участвовалъ и Г. Скальковскій, сдѣлавшій еще въ 1840 годахъ, какъ сказано выше, предложеніе о томъ-же предметѣ, удостоившееся поддержанія князя Воронцова и утвержденія Высочайшею властью. Коммиссія въ теченіе 6-ти лѣтъ усердно занималась сдѣланной ей задачею и въ концѣ 1882 года, представила свой отчетъ и особую опись тѣмъ дѣламъ, которыя слѣдуетъ немедля передать въ особый «Историческій Отдѣлъ» нашего архива[1]). Кромѣ того было представлено, что въ теченіе тѣхъ 6 лѣтъ коммиссіею для нуждъ администраціи извлечено было около 4000 справокъ по требованіямъ временнаго генералъ-губернаторства, градоначальниковъ Одессы и разныхъ другихъ вѣдомствъ.

Во время существованія коммиссіи, особенно въ послѣдніе 3 года, она встрѣчала постоянныя требованія скорѣйшаго окончанія своихъ работъ съ единственною цѣлью — закрытія кредита на ея содержаніе, но всегда безъ указанія на будущность самаго архива. Было даже одно предложеніе въ 1883 г. о раздѣленіи на части и передачи въ государственный архивъ всего его Историческаго отдѣла.

Къ счастью для архива и для чести нашего края этимъ вопросомъ весьма усердно занялся бывшій одесскій временный генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Гурко, который въ перепискѣ объ ассигновкѣ кредита на содержаніе архива доказывалъ правительству всю несообразность мнѣній какъ о закрытіи дѣйствій архивной коммиссіи, такъ и о передачѣ самаго архива въ Москву или въ петербургскій государственный архивъ. Еще болѣе оказалъ на этотъ вопросъ свое просвѣщенное и усердное вліяніе настоящій начальникъ края Х. Х. Роопъ и достигъ наконецъ цѣли — завѣщанной ему такъ сказать его доблестнымъ предшественникомъ кн. Воронцовымъ: сохраненія генералъ-губернаторскаго архива во всей цѣлости и образованія изъ него и другихъ источниковъ «*Историческо-административнаго архива Новороссійскаго края*».

(Скальковскій).

Сообщилъ д. ч. *Ал. Маркевичъ.*

---

[1]) Напечатана въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ.

Новѣйшія раскопки въ Херсонисѣ.

Профессоръ Э. Р. фонъ-Штернъ, изслѣдованія котораго по разнымъ отдѣламъ классическихъ древностей нашего края всегда отличаются убѣдительностью, первый высказалъ мысль, что при производствѣ раскопокъ, особенное вниманіе должно быть посвящено находимой посудѣ. Въ этомъ я совершенно убѣдился во время раскопокъ въ Херсонисѣ въ послѣдніе два года съ наружной стороны главнаго участка городской оборонительной стѣны. Раскопки заключались здѣсь въ систематическомъ удаленіи, съ помощью вагонетокъ, культурныхъ наслоеній отдѣльныхъ эпохъ, сначала, верхней византійской, затѣмъ римской и, наконецъ, греческой автономной [1]) до самой материковой скалы, у которой найдено даже нѣсколько орудій каменнаго вѣка въ видѣ кремневыхъ и обсидіановыхъ скребковъ. Такъ какъ здѣсь въ продолженіе многихъ столѣтій выбрасывали за стѣну черепки битой посуды и др. негодные предметы, то послойная раскопка въ этомъ мѣстѣ настолько интересна и поучительна, что могла-бы служить практической школой для лицъ, изучающихъ археологію. По мѣрѣ удаленія наслоенія вы можете составить полную опись тѣмъ находкамъ, которыя относятся къ разслѣдываемой эпохѣ, а такъ какъ, благодаря совершенно исключительному и пока не выясненному явленію, стѣны всѣхъ названныхъ трехъ эпохъ сохранились во всей ихъ дѣвственной красѣ, то къ составленной вами по эпохамъ подробной описи находокъ получается еще совершенно безпримѣрная архитектурная иллюстрація!

Вотъ вполнѣ достойное мѣсто, гдѣ наши ученые археологи могли-бы въ каникулярное время читать лекціи по исторіи древняго Херсониса, безъ всякихъ затратъ на туманныя картины!

Въ теченіе этого мѣсяца раскопки здѣсь будутъ окончены съ наружной стороны городища, и если послѣ этого будутъ еще сдѣланы нѣко-

---

[1]) Херсонисъ, собственно, всегда былъ греческимъ городомъ; но, для удобства изученія его исторіи и особенно археологіи, принято дѣлить на 3 эпохи почти 20-ти вѣковый періодъ его существованія, а именно, на эпоху греческую, свободную, и на эпохи подвластія, сначала римскимъ, а затѣмъ византійскимъ императорамъ.

торыя необходимыя измѣненія въ планѣ современныхъ сосѣднихъ сооруженій,—что уже, конечно, зависитъ исключительно отъ степени нашей культурности, такъ какъ при этомъ ради науки потребуются нѣкоторыя жертвы,—то эта маленькая Троя, какъ-бы чудомъ извлеченная изъ земли, благодаря щедрому увеличенію бюджета Его Императорскимъ Величествомъ, могла-бы навсегда считаться гордостью русской археологіи!

Возвращаюсь къ древней посудѣ.

До систематическихъ раскопокъ, предпринятыхъ съ 1888 г. Императорскою археологическою коммиссіею, за недостаткомъ необходимаго матеріала,—какъ результатъ неудачнаго выбора для раскопокъ мѣстности древняго городища съ самымъ ничтожнымъ культурнымъ наслоеніемъ,—среди нашихъ археологовъ составилось убѣжденіе, что Херсонисъ, уступавшій по своей бѣдности и некультурности современному Карасубазару или Бахчисараю, не имѣлъ собственнаго производства и даже глиняные горшки получалъ изъ Греціи въ обмѣнъ на соленую рыбу.

Къ счастію вопросъ о культурности и даже о гражданскихъ доблестяхъ жителей древняго Херсониса вскорѣ былъ выясненъ многочисленными находками эпиграфическихъ памятниковъ и посвященными имъ трудами академика В. В. Латышева, а бѣдность города была вполнѣ опровергнута массой драгоцѣнныхъ украшеній, найденныхъ при раскопкахъ некрополя съ 1890 по 1900 г. включительно. Что касается строительнаго искусства, то о немъ краснорѣчиво говорятъ стѣны, башни и ворота, обнаруженныя у въѣзда въ древній городъ, а о художественномъ вкусѣ свидѣтельствуютъ терракоты, оттиснутыя по найденнымъ при раскопкахъ формамъ и, наконецъ, монеты греческаго періода, изъ которыхъ иныя выдѣлены извѣстнымъ нумизматомъ А. фонъ-Заллетомъ по ихъ рѣдкой красотѣ [1]).

Я даже увѣренъ, что тѣ характерныя и нигдѣ кромѣ Херсониса не встрѣчаемыя ювелирныя издѣлія, самыми типичными представителями которыхъ можно назвать два золотыхъ ожерелья, составленныхъ изъ медальоновъ съ разноцвѣтными камнями и украшенныхъ подвѣской въ видѣ бабочки,—всѣ мѣстнаго производства. Итакъ до минувшаго года всѣ вопросы, за исключеніемъ «горшечнаго», получили разрѣшеніе, благопріятное для самолюбія отошедшихъ въ вѣчность гражданъ славнаго города. Покровительствуемый при раскопкахъ особеннымъ счастьемъ, я въ прошломъ году получилъ, наконецъ, полную возможность отвѣтить и на этотъ вопросъ.

Дѣло объяснилось очень просто.

---

[1]) «Die Darstellungen sind von ungemeiner Anmuth und Zierlichkeit». Dr. A. v. Sallet: «Die Münzen von Chersonesus in der Krim» s. 19.

Находя во время раскопокъ прежнихъ лѣтъ множество черепковъ глиняной, лаковой, часто росписной и несомнѣнно привозной посуды, мы, при нашихъ опредѣленіяхъ, принимали ихъ за исходную точку, какъ на основаніи ихъ глубокой древности, такъ и вслѣдствіе ихъ техническаго совершенства, и такъ какъ мы при этомъ были убѣждены, что Херсонисъ не имѣлъ собственной посуды, то всѣ черепки безъ росписи, покрытые коричневымъ и бурымъ лакомъ, а также лакомъ, имѣющимъ блескъ графитоваго порошка, составляющіе громадное большинство всѣхъ найденныхъ черепковъ, считали также привозными, но относили ихъ къ болѣе поздней эпохѣ упадка искусства.

Раскопки прошлаго года совершенно разрушили эту теорію, которая перешла къ намъ отъ старой школы и сохранилась подобно археологическому гипнозу.

Оказалось, что мѣстность, непосредственно прилегающая къ наружной сторонѣ боевой стѣны, отъ большой фланговой башни и до пересыпаннаго рукава нынѣшней Карантинной бухты [1]), была занята не некрополемъ, какъ я на это имѣлъ основаніе разсчитывать, но разными фабричными производствами.

Здѣсь, у материковой скалы, обнаружены остатки дѣлаго ремесленнаго поселка, какъ-то: стѣны небольшихъ, но прочныхъ построекъ, вырубленныя въ скалѣ ямы для приготовленія глины, превосходный глубокій колодецъ грушевидной формы и печи для обжиганія посуды и теракотъ. Тутъ-же, судя по начатымъ и неоконченнымъ издѣліямъ, помѣщалась также мастерская надгробныхъ памятниковъ.

Внутри большой, къ сожалѣнію, совершенно разрушенной печи, сложенной изъ длинныхъ толстыхъ кирпичей впервые встрѣчаемой формы, было найдено множество обломковъ отъ простыхъ амфоръ; причемъ на 28 ручкахъ съ именными печатями правительственнаго контролера оказалось имя все одного и того-же астинома Истрона сына Аполлонида.

Какое важное значеніе имѣетъ это открытіе!

Херсонисъ, слѣдовательно, не только имѣлъ свою посуду, но и правительственный надзоръ за изготовленіемъ тѣхъ двуручныхъ амфоръ, которыя предназначались для международной торговли. Теперь не подлежитъ никакому сомнѣнію, что длинный рядъ именъ астиномовъ на амфорныхъ ручкахъ, отличающихся качествомъ глины, старательностью исполненія надписей, дорической формой послѣднихъ и отсутствіемъ всякихъ эмблемъ, принадлежитъ херсонисскимъ астиномамъ, которые въ то-же

[1]) Бухта эта въ древности гораздо больше врѣзывалась въ материкъ, но по стратегическимъ и коммерческимъ соображеніямъ была засыпана при въѣздѣ въ городъ. То-же самое повторилось и въ наше время съ Южной бухтой.

время завѣдывали чеканкой монеты, что доказываютъ одни и тѣ-же имена, встрѣчаемыя на ручкахъ и на монетахъ. Изъ этихъ именъ нѣкоторыя носятъ чисто мѣстныя особенности и поэтому не помѣщены въ извѣстномъ словарѣ греческихъ именъ Папе-Бензелера. Можно думать, что упомянутое отсутствіе на ручкахъ эмблемъ,—этихъ фамильныхъ гербовъ древности,—объясняется тѣмъ, что первые поселенцы Херсониса, покинувшіе, какъ извѣстно, свой родной городъ Иракліи Понтійскую [1]) вслѣдствіе непосильной борьбы съ олигархами, принадлежали къ народной партіи, что вполнѣ подтверждается знаменитой «присягой гражданъ города Херсониса-Таврическаго».

Еще покойный профессоръ Бекккеръ, много занимавшійся надписями на амфорныхъ ручкахъ, обратилъ вниманіе на эту серію съ именами астиномовъ и сдѣлалъ попытку отнести ихъ къ Ольвіи. Въ тѣ времена считалось слишкомъ смѣлымъ допускать, что Херсонисъ могъ имѣть свои горшки, и даже дорическая форма надписей не подсказала почтенному профессору, куда, помимо Ольвіи, надо было направить всѣ эти ручки [2]). Теперь только въ архивѣ при херсонисскомъ музеѣ будутъ заведены послужные списки этимъ государственнымъ контролерамъ, и о нѣкоторыхъ изъ нихъ уже собраны весьма интересныя свѣдѣнія. Такимъ образомъ отнынѣ изученіе монетъ греческаго періода исторіи Херсониса будетъ тѣсно связано съ необходимостью изученія амфорныхъ ручекъ съ именами мѣстныхъ астиномовъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ упомянутой печи былъ обнаруженъ колодецъ, оказавшійся непригоднымъ для своего первоначальнаго назначенія, такъ какъ рыхлая скала съ прослойками пропускала воду. Полагаю, что колодецъ поэтому, въ противоположность другому, ранѣе упомянутому, отличающемуся безупречной работой, былъ обращенъ въ сорный ящикъ, и въ немъ до самаго верха была свалена частью битая, частью поврежденная при обжиганіи глиняная посуда, преимущественно блюда, тарелки, блюдца и двуручныя вазочки красивой легкой формы, покрытыя бурымъ или графитоваго цвѣта лакомъ, а послѣднія, кромѣ того, небрежно, но умѣло исполненной, свѣтло-коричневой густо наложенной росписью; причемъ контуры растительнаго и архитектурнаго орнамента всегда вычерчены рѣзцомъ. На этой, несомнѣнно мѣстной посудѣ совершенно отсутствуютъ, конечно, по причинѣ ея малоцѣнности, тѣ нацарапанныя на

---

[1]) Нынѣшняя Пендераклія.

[2]) 39 амфорныхъ ручекъ съ именами астиномовъ и съ монограммами фабрикантовъ, найденныхъ въ Херсонисѣ и пріобрѣтенныхъ мною еще до 1888 г., были переданы мною музею Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, причемъ въ посланной профессору В. Н. Юргевичу замѣткѣ, нынѣ розысканной въ бумагахъ покойнаго, я высказалъ предположеніе о принадлежности этихъ ручекъ Херсонису.

днищахъ монограммы, иниціалы и даже полныя имена собственниковъ, которыя встрѣчаются на большинствѣ днищъ чернолаковой привозной посуды. Тарелки и блюдца всегда украшены внутри по серединѣ одной или нѣсколькими розетками, исполненными штампами, одинъ изъ которыхъ, въ видѣ печати изъ обожженной глины, найденъ тутъ-же и совершенно подходитъ къ многимъ розеткамъ на блюдцахъ. Послѣднее обстоятельство окончательно убѣждаетъ насъ въ томъ, что и лаковая посуда клеймилась и обжигалась здѣсь-же за городской стѣной и при этомъ, какъ относительно формъ, такъ и относительно техники имѣлось въ виду подражаніе образцамъ греческой привозной посуды, которая, вѣроятно, цѣнилась здѣсь

Къ этому необходимо еще добавить, что въ 1899 году здѣсь-же, но въ наслоеніи византійской эпохи было найдено приспособленіе изъ обожженной глины, въ видѣ маленькаго треножника съ площадкой сверху, которое устанавливалось между двумя поливными блюдами, тарелками или мисками во время ихъ обжиганій, причемъ при вынимании ихъ изъ печи, часть поливы отскакивала въ мѣстахъ прикосновенія треножника и такіе слѣды поврежденія можно видѣть на огромномъ количествѣ днищъ, собранныхъ въ мѣстномъ музеѣ; на ножкахъ-же описываемаго приспособленія сохранилась приставшая къ нимъ ярко-зеленая полива.

Изъ этого слѣдуетъ, что и поливная посуда, которая относится къ очень позднему времени, составляла въ Херсонисѣ мѣстное производство и ее незачѣмъ было привозить изъ Персіи, какъ это полагаетъ баронъ де-Бай. Выпуклые кресты и византійскія буквы и монограммы, встрѣчаемые на днищахъ мисокъ, также говорятъ о мѣстномъ происхожденіи по крайней мѣрѣ большей части этой посуды, такъ какъ попадаются, но сравнительно рѣдко, экземпляры типичныхъ блюдъ и мисокъ, несомнѣнно привезенные изъ Персіи. Вполнѣ даже возможно, что эти привозные экземпляры восточнаго происхожденія повторили въ византійскую эпоху туже роль, которую въ древне-греческую эпоху исполнили привозные лаковые, аттическіе сосуды. Что касается мѣстной глины, то бывшій въ прошломъ году въ Севастополѣ и посѣтившій Херсонисъ представитель Обуховскаго завода призналъ ту глину, которою были замазаны щели древнихъ гробницъ, вполнѣ годной не только для посуды, но и для самыхъ тонкихъ издѣлій.

Въ заключеніе небезполезно будетъ отмѣтить тотъ интересъ, который вызвали среди нашихъ ученыхъ систематическія раскопки Херсониса и который выразился въ нижепоименованныхъ спеціальныхъ трудахъ по исторіи и археологіи этого города, напечатанныхъ съ 1891 года:

1) Академикомъ В. В. Латышевымъ изданы всѣ греческія, латинскія и византійскія надписи, найденныя въ Херсонисѣ въ 1888—1898 го-

дахъ; причемъ надписи, найденныя въ 1888 году, изданы на латинскомъ въ приложеніи къ отчету Императорской археологической коммиссіи за 1882—1888 годы, а остальныя, найденныя съ 1889 по 1898 г.,—на русскомъ въ «Матеріалахъ по археологіи Россіи», издаваемыхъ Императорской археологической коммиссіей, № 9, стр. 1—45 съ таблицей; № 17, стр. 1—25, 72—80 и 83—86 и № 23, стр. 1—55 и 76. Въ этомъ важнѣйшемъ для изученія Херсониса трудѣ даны русскіе переводы и подробныя объясненія значенія главнѣйшихъ эпиграфическихъ памятниковъ по вопросамъ древней исторіи, географіи и гражданскаго устройства этой колоніи. Всѣ эти свѣдѣнія войдутъ въ послѣдующіе томы капитальнаго труда того-же ученаго: «Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae», въ 1-мъ томѣ котораго, стр. 173—213, изданы всѣ херсонисскія надписи, найденныя до 1888 г.

«Присяга гражданъ города Херсониса-Таврическаго съ греческимъ текстомъ и краткими объясненіями» издана отдѣльной брошюрой въ С.-П. въ 1900 г. и предназначена для продажи при мѣстномъ музеѣ. Излишне распространяться о томъ, что этой присягѣ посвящено не мало мѣста въ иностранныхъ спеціальныхъ изданіяхъ.

«Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ Южной Россіи» изданъ въ 1896 г. Импер. Русск. Археол. Обществомъ. Херсонису посвящены стр. 7—36.

«Эпиграфическіе этюды. VI. Херсонисскій декретъ въ честь Навклара Синопскаго» помѣщенъ въ «Журн. Мин. Н. П.» за 1895 г.

2) Нынѣшнимъ вице-президентомъ Импер. Одес. Общ. Ист. и Древн. А. Л. Бертье-Делагардомъ составленъ очень цѣнный для византійской эпохи трудъ: «Раскопки Херсониса», помѣщенный въ «Матер. по археол. Россіи», № 12, стр. 1—64, съ 7 табл. и 2 политип.

3) Профессоромъ В. К. Мальмбергомъ издано «Описаніе классическихъ древностей, найденныхъ въ Херсонисѣ въ 1888 и 1889 годахъ», помѣщенное въ «Матер. по археол. Россіи», № 7, стр. 1—31, съ 23 политип. и 4 табл.

4) Хранителемъ Импер. Рос. истор. музея А. В. Орѣшниковымъ помѣщено въ томъ-же выпускѣ матеріаловъ по археологіи Россіи «Обозрѣніе монетъ, найденныхъ въ Херсонисѣ при раскопкахъ въ 1888 и 1889 годахъ», стр. 12, съ 7 политип.

5) Приватъ-доцентомъ А. Н. Ростовцевымъ издано очень цѣнное для римской эпохи исторіи Херсониса изслѣдованіе: «Римскіе гарнизоны на Таврическомъ полуостровѣ», помѣщенное въ «Журн. Мин. Н. П.», мартъ, 1900 г. Здѣсь, кромѣ Херсониса, сообщаются интересные разультаты раскопокъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михаиловича въ айтодорскомъ укрѣпленіи, въ которомъ располагалась не-

большая часть римскаго гарнизона, главныя силы котораго, съ военнымъ трибуномъ во главѣ, сосредоточивались въ Херсонисѣ.

6) Графомъ И. И. Толстымъ и академикомъ Н. П. Кондаковымъ помѣщены «Христіанскія древности Крыма, Кавказа и Кіева» въ IV выпускѣ извѣстнаго труда тѣхъ-же авторовъ: «Русскія древности въ памятникахъ искусства». Византійскому Херсонису посвящены стр. 1—23.

7) Профессоромъ Э. Р. фонъ-Штерномъ помѣщено въ XX т. «Зап. Импер. Одесск. Общ. Ист. и Древн.» «Graffiti» на античныхъ южно-русскихъ сосудахъ». Graffiti изъ Херсониса описано 88.

Цѣнный матеріалъ о раскопкахъ въ Херсонисѣ и въ его окрестностяхъ собранъ въ отчетахъ Императорской археологической коммиссіи съ 1888 по 1897 г. включительно; причемъ съ 1893 г. къ нимъ приложены подробные отчеты завѣдывающаго раскопками въ Херсонисѣ, съ планами и многочисленными рисунками въ текстѣ.

Наконецъ, въ недалекомъ будущемъ можно ожидать появленія въ печати изслѣдованій магистра филологіи Е. М. Придика о надписяхъ на амфорныхъ ручкахъ и приватъ-доцента С. А. Жебелева о памятникахъ классической скульптуры.

Изъ этого, далеко неполнаго, перечня видно, что на изученіе исторіи и археологіи Херсониса обращено серьезное вниманіе, но, не смотря на это, масса собраннаго раскопками матеріала, особенно по церковнымъ древностямъ, лежитъ еще не разработанной и не распредѣленной между нашими учеными.

Точно также увеличивается, и весьма значительно, интересъ къ раскопкамъ между лицами, ежегодно посѣщающими южный берегъ Крыма. Такъ, въ имѣющейся при мѣстномъ музеѣ книгѣ для посѣтителей, расписалось въ 1900 г. 5.128 лицъ, болѣе противъ 1899 г. на 1.644. Если принять во вниманіе, что половина посѣтителей музея не расписывается въ книгѣ, то приведенная цифра весьма внушительна и ясно говоритъ о необходимости сооруженія въ Херсонисѣ благоустроеннаго музея.

К. Костюшко-Валюжиничъ.

Историческая справка объ образованіи въ Таврической губерніи татарскихъ дворянскихъ родовъ.

Высочайшимъ указомъ 25-го марта 1784 года (Собр. узакон. № 17191) Императрица Екатерина, дозволяя грекамъ переселиться съ острова Занта, принадлежавшаго Венеціанской республикѣ, въ Таврическую область, заявила, что, если они представятъ неоспоримыя о благородствѣ своемъ доказательства, то будутъ признаны и здѣсь дворянами, съ распространеніемъ на нихъ всѣхъ тѣхъ преимуществъ, «которыя природнымъ россійскимъ дворянамъ Всемилостивѣйше отъ насъ и предковъ нашихъ пожалованы». По содержанію-же Высочайше утвержденнаго 17-го апрѣля 1816 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, доказательствами дворянскаго происхожденія грековъ могли служить документы, полученные ими отъ константинопольскихъ патріарховъ, или засвидѣтельствованія главныхъ начальниковъ россійскаго флота въ Архипелагѣ, на коемъ служили они до переселенія своего въ Крымъ. Что касается татаръ, то въ этомъ-же указѣ изображено: «Магометане, обитающіе въ Таврической губерніи, не могутъ представить другихъ доказательствъ на знаменитость происхожденія своего, кромѣ свидѣтельствъ своихъ собраній, утверждающихъ ихъ показанія, ибо у нихъ не было обычая утверждать грамотами или какими-либо другими письменными документами пожалованіе за заслуги и сіе сохраняется единственно въ преданіяхъ, живущихъ въ памяти потомства». Для собранія подобныхъ доказательствъ составлена была комиссія изъ муфтія, семи лицъ изъ древнихъ и знатнѣйшихъ родовъ, четырехъ копыхалковъ и двухъ изъ грековъ, пріобрѣвшихъ уже дворянство службой. Комиссія обязана была, по всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ и доказательствамъ, положивъ общее съ дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ мнѣніе, представить его начальнику губерніи для внесенія съ своимъ мнѣніемъ въ Правительствующій Сенатъ. Комиссія эта учреждена по поводу записки генералъ-прокурора, внесенной имъ въ Государственный Совѣтъ въ 1795 году, о встрѣчаемомъ затрудненіи въ рѣшеніи дѣлъ о происхожденіи татаръ отъ князей и мурзъ, каковыхъ дѣлъ тогда производилось въ Сенатѣ объ 11,012 лицахъ, и не полу-

чившихъ окончательнаго рѣшенія. Татарскимъ мурзамъ, Таврической губерніи, представившимъ на дворянство доказательства въ депутатскія собранія, и потомкамъ ихъ дозволено участвовать въ дворянскихъ выборахъ и быть избираемыми въ должности, съ тѣмъ чтобы они соединяли въ себѣ всѣ другія условія для участвованія въ дворянскихъ выборахъ закономъ требуемыя (возрастъ, нравственный и имущественный цензъ). По изслѣдованіямъ А. А. Скальковскаго, мурзы раздѣлялись на двѣ степени: на потомковъ древнихъ завоевателей Крыма и на тѣхъ, кои пріобрѣтали дворянство только отъ возведенія своихъ предковъ въ высокое достоинство. Ниже приводимъ тѣ роды мурзъ, которые признаны особой комиссіей дворянскими. 1) Ширинскіе мурзы; родъ многочисленный, живущій между Карасубазаромъ и Керчью. Этотъ родъ одинъ имѣлъ право сочетаться бракомъ съ дочерьми изъ фамиліи Гиреевъ, а потому въ разныхъ линіяхъ носитъ прилагательное прозваніе Гирея. Это поколѣніе, которое нерѣдко было опасно самому хану и при послѣднемъ Шагинъ-Гирей-Ханѣ наиболѣе пострадало, однако при всемъ томъ было еще довольно многочисленно. Старѣйшіе сего рода носятъ званіе Ширинъ-бея. Ширины тоже имѣли своего калгу, который избирался изъ старѣйшихъ по лѣтамъ мурзъ сего рода. 2) Баринскіе или Барунскіе мурзы жили въ Карасубазарѣ и всѣ вышли за границу. 3) Мансурскіе живутъ до сихъ поръ въ большомъ числѣ около Евпаторіи. Старѣйшіе изъ нихъ именуются также беями. 4) Аргинскіе, довольно многочисленные, обитаютъ между Карасубазаромъ и Симферополемъ. Здѣсь должно замѣтить, что три рода мурзъ: Ширинъ, Баринъ и Аргинъ, вмѣстѣ съ упадшимъ родомъ Кипчакскимъ, составляли съ самаго начала Крымскаго ханства (Крымской орды) главное дворянство татаръ, именуемое дёртъ караджи, т. е. четыре налога (tribut). 5) Седжевутскіе мурзы, отъ которыхъ осталась только одна небольшая младшая отрасль, живутъ въ своихъ селахъ на востокѣ отъ г. Карасубазара. 6) Яшлавскіе мурзы многочисленны, живутъ около Бахчисарая; старшій изъ нихъ именуется беемъ. 7) Даирскіе, имѣющіе равномѣрно своего бея, владѣли землями между Салгиромъ и Зуею. Прочіе дворянскіе роды называются: 1) Кипчакскіе, 2) Акъ-Ракскіе, 3) Мерхатскіе, 4) Абланскіе, 5) Бурульчинскіе, 6) Битакъ-Булгакскіе мурзы, 7) Балатуковы и 8) Хункаловы. Къ таврическимъ дворянамъ должно причислить два рода мурзъ: Зубанъ-Базыоглу и Едей (вѣроятно Айдакъ-оглу), начальствующіе у ногайцевъ, которые, по ханскому росписанію должностей, именовались едикульскими и едисанскими и др. беями и мурзами (вѣроятно за военную службу) и получали жалованье отъ казны. Кромѣ того баронъ Игельстромъ исчисляетъ 146 капыхалковъ, т. е. мурзъ, происходящихъ отъ Аѳганъ-мурзы. Еще есть родъ людей, которые хотя не совершенно принадлежатъ къ дворянству, однако отличены отъ прочихъ и пользуются уваженіемъ; таковы

челебіи, происходящіе отъ муфтіевъ и другихъ знатныхъ духовныхъ особъ. Имѣется оффиціальный документъ 1842 года о признаніи въ дворянствѣ одного изъ упомянутыхъ 7 родовъ, именно рода беевъ-яшлавскихъ. Документъ этотъ — фирманъ турецкаго султана и крымскихъ хановъ, переведенный на русскій языкъ, по своему интересу заслуживаетъ того, чтобы сдѣлать его извѣстнымъ.

(Изъ газетъ).

Въ началѣ марта 1900 года Г. А. Тройницкій прислалъ въ публичную библіотеку весьма цѣнную коллекцію сохранившихся у него рисунковъ изданія «Одесса въ 1837 году». Рисунки прекрасно сохранились и представляютъ слѣдующіе виды Одессы:

1) Заглавный листъ предполагавшагося изданія, на которомъ изображены «Развалины Хаджибея въ 1818 году», 2) Михайловская церковь (нынѣ Михайловскій монастырь), 3) институтъ благородныхъ дѣвицъ, почти не измѣнившійся и теперь, 4) видъ г. Одессы съ Херсонской заставы, 5) домъ графа Воронцова, съ высящейся передъ домомъ мачтой, въ которомъ нынѣ проживаетъ г. Одесскій Градоначальникъ графъ П. П. Шуваловъ, 6) домъ градоначальника и Ришельевская улица; нынѣ городской домъ противъ городского театра, 7) соборъ и Преображенская площадь и 8) Ришельевская дача близъ Одессы въ 1837 году.

(Изъ газетъ).

По порученію одесской городской управы городской архиваріусъ собралъ справки о двухъ могилахъ, находящихся по дорогѣ, ведущей отъ третьей гимназіи къ Ланжерону. Точныя свѣдѣнія удалось установить лишь въ отношеніи одной могилы. На памятникѣ, украшающемъ эту могилу, имѣется слѣдующая надпись на французскомъ языкѣ: «Здѣсь покоится его превосходительство Георгій Доппельмайеръ, умершій $18\frac{4}{1}49$ г., 59 лѣтъ отъ роду. До скораго свиданія!» О причинѣ смерти Доппельмайера имѣются слѣдующія данныя, извлеченныя изъ архивныхъ дѣлъ бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернатора и Одесскаго градоначальника. Въ вѣдомости, представленной Одесскимъ полиціймейстеромъ Одесскому градоначальнику о происшествіяхъ, случившихся въ Одессѣ въ теченіе апрѣля 1849 года, имѣется слѣдующая рапортичка: «Самоубійство. Перваго апрѣля квартировавшій въ гостинницѣ «Парижъ», пріѣхавшій изъ г. Гродно, состоявшій въ должности генералъ-интенданта при отдѣльномъ Кавказскомъ

корпусѣ д. с. с. Доппельмайеръ. Произведеннымъ слѣдствіемъ причина лишенія себя жизни не открыта». Такая причина смерти д. с. с. Доппельмайера подтверждается еще другими документальными данными. Такъ въ архивѣ канцеляріи Одесскаго градоначальника, по описи дѣлъ за соотвѣтствующій годъ, указано одно, уничтоженное затѣмъ дѣло «о самоубійствѣ д. с. с. Доппельмайера», а въ книгѣ первой полицейской части г. Одессы на записку умершихъ имѣется запись о томъ, что «д. с. с. Доппельмайеръ застрѣлился въ «Парижской» гостинницѣ».

Что касается другой могилы, то о ней имѣются скудныя свѣдѣнія. На памятникѣ второй могилы есть такая надпись: «Командиръ первой бригады пятой легкой кавалерійской дивизіи генералъ-маіоръ кавалеръ Іосифъ Яковлевъ Лебедь, скончался въ 1849 году, 19 іюля. Отъ общества штабъ и оберъ-офицеровъ первой бригады пятой легкой кавалерійской дивизіи, въ знакъ уваженія къ покойному». Въ указанныхъ архивныхъ дѣлахъ, а также въ книгахъ Одесскихъ городскихъ церквей за 1849 годъ не имѣется никакихъ свѣдѣній не только о причинѣ смерти генералъ-маіора І. Я. Лебедя, но и вообще о смерти его и погребеніи.

Товарищъ одесскаго гор. головы А. А. Швенднеръ помнитъ, что памятникъ надъ могилой генерала Лебедя былъ увѣнчанъ полумѣсяцемъ[1]) и что крестъ на немъ былъ впослѣдствіи водруженъ, по недоразумѣнію, ремонтировавшимъ пришедшій въ ветхость памятникъ подрядчикомъ, безвозмездно и по его доброй волѣ.

Кромѣ того, отъ Н. В. Эрдели, отецъ котораго еще со времени войны 1812 г. былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ покойнымъ генераломъ Лебедемъ, а мать г. Эрдели помнитъ и его похороны, получены слѣдующія свѣдѣнія: генералъ Лебедь происходилъ изъ литовскихъ (или крымскихъ) татаръ и былъ магометаниномъ. Командовалъ онъ гусарской бригадой, состоявшей изъ Ахтырскаго и Александрійскаго полковъ, стоявшихъ въ г. Вознесенскѣ и окрестныхъ селахъ. На памятникѣ генерала Лебедя, какъ хорошо еще помнитъ и Н. В. Эрдели, находился полумѣсяцъ. Похороненъ онъ былъ не на христіанскомъ кладбищѣ, а вблизи крѣпости и карантина на пустырѣ потому, что духовенство не могло разрѣшить похороны магометанина на христіанскомъ кладбищѣ. Умеръ онъ естественною смертью, а не отъ самоубійства и не на дуэли, какъ ходитъ молва.

Наконецъ, запрошенный по этому поводу главный штабъ военнаго министерства увѣдомилъ, что по формулярному списку за 1847 г. о службѣ командира 1-й бригады 5-й легкой кавалерійской дивизіи генерала-маіора Іосифа Яковлева Лебедя значится, что онъ изъ литовскихъ татаръ, поль-

[1]) Я тоже это помню. *Ал. Маркевичъ.*

зующихся дворянскимъ правомъ, а вѣроисповѣданія магометанскаго. Высочайшимъ приказомъ 29 іюля 1848 г. генералъ Лебедь исключенъ изъ списковъ умершимъ,—слѣдовательно, онъ умеръ въ 1848, а не въ 1849 г. По формулярному-же списку о службѣ бывшаго минскаго гражданскаго губернатора д. с. с. Г. Г. Допельмаира, который Высочайшими приказами о чинахъ гражданскихъ 23 января 1849 г. назначенъ исправляющимъ должность генералъ-интенданта отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, а 24 апрѣля того-же года исключенъ изъ списковъ умершимъ, значится, что онъ происходитъ изъ дворянъ и вѣроисповѣданія православнаго.

Такимъ образомъ, личности погребенныхъ по дорогѣ къ «Ланжерону», а равно вѣроисповѣданіе ихъ должны считаться точно установленными.

Справки эти оказались необходимыми въ виду возбужденнаго въ настоящее время вопроса о перенесеніи находящихся въ ненадлежащемъ мѣстѣ могилъ д. с. с. Георгія Доппельмайера и генер.-маіора І. Я. Лебедя на кладбище [1]).

(Изъ газетъ).

---

[1]) Не сочувствуемъ этому перенесенію; кому эти могилы мѣшаютъ? Слѣдовало-бы только содержать ихъ въ образцовомъ порядкѣ. *Ал. Маркевичъ.*

НЕКРОЛОГИ.

Иванъ Константиновичъ Айвазовскій

(17 іюля 1817 г.—19 апрѣля 1900 г. Д. чл. Общества съ 27 августа 1871 г.).

Иванъ Константиновичъ Айвазовскій родился въ Ѳеодосіи 17 іюля 1817 года. Его отецъ, турокъ по происхожденію, получилъ воспитаніе въ армянской семьѣ и самъ былъ женатъ на армянкѣ. Когда-то Константинъ Гайвазовскій,—таково было правописаніе этой фамиліи до 1840 года, какъ можно судить по грамотѣ на дворянство — благодаря счастливымъ торговымъ оборотамъ, пользовался полнымъ благосостояніемъ, но ко времени рожденія Ивана Константиновича всякія воспоминанія объ этомъ богатствѣ исчезли и дѣтство художника прошло въ маленькой, убогой по своей обстановкѣ и бѣдности квартирѣ.

Иванъ Константиновичъ, братъ ученаго іерарха армяно-грегоріанской церкви, выдающагося лингвиста, занимавшаго почетное мѣсто въ лѣтописяхъ и исторіи восточной литературы епископа Имеретинскаго Гавріила Айвазовскаго, отличался необыкновенно раннимъ развитіемъ и особенно въ области искусства. Уже восьмилѣтнимъ мальчикомъ онъ не разставался съ карандашомъ и срисовывалъ все, что ни представлялось ему интереснаго. Если не было чистой бумаги, онъ испещрялъ своими рисунками книги или набрасывалъ ихъ углемъ на стѣнахъ домовъ. 10—12 лѣтъ онъ самоучкой научился играть на скрипкѣ; обладая хорошимъ слухомъ, онъ легко схватывалъ мѣстные мотивы и такъ художественно передавалъ ихъ, что невольно увлекалъ слушателей. Въ уѣздномъ училищѣ, гдѣ получилъ Айвазовскій свое первоначальное образованіе, онъ съ успѣхомъ изучалъ русскій и турецкій языки. Словомъ, это была талантливая натура, для быстраго развитія которой нужны были только счастливыя обстоятельства,—и таковыя выпали на долю Ивана Константиновича.

Ѳеодосійскій архитекторъ Кохъ рано обратилъ вниманіе на выдающіяся художественныя способности мальчика Айвазовскаго и явился первымъ его учи-

телемъ рисованія. Онъ преподалъ ему также первыя понятія о перспективѣ и обучилъ его архитектурному черченію, онъ же обратилъ вниманіе на способности мальчика Ѳеодосійскаго градоначальника А. И. Казначеева, который познакомилъ мальчика въ рванныхъ сапогахъ со своимъ сыномъ, его ровесникомъ, и подарилъ ему ящикъ водяныхъ красокъ и цѣлую стопу отличной рисовальной бумаги, «лучшій въ жизни и памятный подарокъ», по собственнымъ словамъ Айвазовскаго.

Это знакомство Айвазовскаго съ А. И. Казначеевымъ было рѣшающимъ моментомъ въ жизни Ивана Константиновича, такъ какъ дало толчекъ всему дальнѣйшему его преуспѣянію. Когда Казначеевъ былъ назначенъ таврическимъ губернаторомъ и переселился въ Симферополь, онъ не пожелалъ разстаться со своимъ талантливымъ питомцемъ и взялъ его съ собою. Въ Симферополѣ Айвазовскій учился въ гимназіи вмѣстѣ съ сыномъ своего покровителя; въ домѣ его встрѣчался съ лицами лучшаго общества; вмѣстѣ со своимъ товарищемъ—сыномъ Казначеева, посѣщалъ ихъ знакомыхъ и, между прочимъ, каждое воскресенье проводилъ въ домѣ Натальи Ѳеодоровны Нарышкиной, урожденной Ростопчиной, сынъ которой Ѳеодоръ Дмитріевичъ былъ его товарищемъ по гимназіи. Въ 1831 г. Айвазовскій рисовалъ уже такъ хорошо, что знакомые его покровителя интересовались имѣть его рисунки. Исполненный перомъ рисунокъ его, изображавшій внутренность еврейской синагоги и группу молящихся въ ней евреевъ, получилъ отъ Айвазовскаго и Ѳ. Д. Нарышкинъ. Показанный Натальѣ Ѳеодоровнѣ Нарышкиной, этотъ рисунокъ побудилъ ее позаботиться о дальнѣйшей участи этого очевиднаго таланта. Собравъ рисунки четырнадцатилѣтняго мальчика, она отправила ихъ въ Москву архитектору и въ тоже время извѣстному живописцу Тончи, а этотъ послѣдній передалъ ихъ вмѣстѣ съ письмомъ Н. Ѳ. Нарышкиной и прошеніемъ на Высочайшее имя, въ которомъ ходатайствовалъ объ отправкѣ юноши въ Римъ для обученія живописи, Министру Двора кн. П. М. Волконскому. Прошеніе это было передано на заключеніе тогдашняго президента Императорской Академіи Художествъ А. Н. Оленина съ запросомъ, нельзя-ли напередъ взять Айвазовскаго въ Академію? Отвѣтъ на этотъ запросъ былъ благопріятный, и 22 іюля 1833 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на принятіе Айвазовскаго въ Академію Художествъ пенсіонеромъ Его Императорскаго Величества и доставленіе его въ Петербургъ на казенный счетъ.

Извѣстіе объ этомъ Высочайшемъ соизволеніи дошло до Симферополя ранѣе оффиціальнаго сообщенія и въ августѣ 1833 года Айвазовскій, покинувъ гимназію на половинѣ курса, выѣхалъ въ Петербургъ съ семействомъ В. А. Башмаковой (урожденной княжны Италійской графини Суворовой-Рымникской).

Не красна была матеріальная обстановка жизни въ Академіи для

Ивана Константиновича и не легко было ему къ ней привыкнуть послѣ нѣсколькихъ лѣтъ благоденствія въ семьѣ А. И. Казначеева. Не важно на первыхъ порахъ шли и занятія юнаго художника у извѣстнаго тогда профессора-пейзажиста М. Н. Воробьева, аттестовавшаго его какъ не особенно прилежнаго ученика. Не столько эти занятія у профессора, обладавшаго однако, по словамъ Айвазовскаго, драгоцѣнной способностію внушать ученикамъ любовь къ природѣ и стремленіе къ ея изученію, сколько знакомство съ произведеніями великихъ старыхъ мастеровъ въ петербургскихъ коллекціяхъ и особенно копированіе пейзажей Клода Лоррена принесли талантливому юношѣ существенную пользу въ дѣлѣ художественнаго образованія. Не мало содѣйствовало быстрому развитію художественныхъ способностей Айвазовскаго и та среда, въ которую попалъ онъ въ Петербургѣ.

Въ Академіи какъ разъ въ это время собралась цѣлая кучка талантливыхъ учениковъ (Штернбергъ, Ставассеръ, С. М. Воробьевъ, Фрикке, Завьяловъ, Шамшинъ, Пименовъ, Логановскій, Кудиновъ, Рамазановъ), а извѣстно, какую большую роль въ дѣлѣ художественнаго образованія играетъ взаимное вліяніе товарищей: гораздо болѣе чѣмъ отъ учителя ученики учатся другъ отъ друга и талантливый товарищъ часто увлекаетъ за собой цѣлый классъ; каковъ же долженъ былъ быть результатъ совмѣстнаго обученія цѣлаго ряда выдающихся юношей?! На Айвазовскомъ, отличавшемся вообще общительностью, а съ товарищами всегда бывшемъ въ добрыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, среда не могла не отозваться самымъ благопріятнымъ образомъ.

Внѣ Академіи всѣ праздники Айвазовскій проводилъ либо у Александра Аркадіевича князя Суворова-Рымникскаго, либо у Алексѣя Романовича Томилова. Имъ рекомендовалъ Айвазовскаго въ своихъ письмахъ его первый благодѣтель и покровитель А. И. Казначеевъ, съ которымъ Иванъ Константиновичъ продолжалъ переписываться и въ Петербургѣ и къ которому сохранилъ благодарность на всю жизнь. Особенно цѣнно для Айвазовскаго въ художественномъ отношеніи было знакомство съ А. Р. Томиловымъ, человѣкомъ добрѣйшей души, страстнымъ любителемъ живописи и коллекціонеромъ, имѣвшимъ богатое собраніе картинъ и гравюръ Рембрандта и другихъ первоклассныхъ художниковъ и богатѣйшее собраніе оригинальныхъ рисунковъ русскаго мастера А. О. Орловскаго († 1835 г.). Въ домѣ Томилова талантливый и воспріимчивый юноша познакомился съ цѣлымъ рядомъ извѣстныхъ тогда художниковъ, между которыми въ началѣ самое выдающееся мѣсто занималъ именно этотъ самый А. О. Орловскій, другъ дома и частый его гость. Лѣто Айвазовскій—ученикъ проводилъ обыкновенно въ имѣніи Томилова, селѣ Успенскомъ, на живописномъ берегу Волхова, недалеко отъ Старой Ладоги. Отдыхая въ веселомъ обществѣ на лонѣ природы, онъ въ тоже время дѣятельно занимался чтеніемъ и рисованіемъ съ натуры.

Въ такой блестящей обстановкѣ талантъ Айвазовскаго быстро росъ и крѣпъ и обратилъ на себя вниманіе профессоровъ и президента Академіи; однако эти успѣхи чуть не погубили молодого художника.

Въ 1835 году въ Петербургъ пріѣхалъ французскій художникъ Таннеръ. Быстро сдѣлался онъ любимцемъ высшаго общества и обратилъ на себя вниманіе Государя, дававшаго ему заказы. Государь какъ-то спросилъ у президента Академіи, нѣтъ-ли въ ней кого-либо, кого-бы можно было дать Таннеру въ ученики? и Оленинъ указалъ, какъ на таковаго, на Айвазовскаго. Высокомѣрный французъ свысока смотрѣлъ на своего русскаго ученика и вмѣсто того, чтобы учить его, поручалъ ему растирать краски и дѣлать этюды видовъ Петербурга, которыми намѣревался воспользоваться для своихъ будущихъ картинъ. Айвазовскому хотѣлось иного и вотъ, когда Таннеръ какъ то уѣхалъ въ Кронштадтъ для писанія съ натуры тамошняго порта, поручивъ Айвазовскому написать видъ Петропавловской крѣпости, послѣдній сказался больнымъ, заперся въ Академіи и принялся за картину «Этюдъ воздуха надъ моремъ», тему для которой ему порекомендовалъ Оленинъ. Картина удалась. Совѣтъ Академіи наградилъ за нее Айвазовскаго серебряною медалью, а публика, увидавшая ее на академической выставкѣ, пришла въ восторгъ. О картинѣ и ея авторѣ заговорили. Вернувшійся изъ Кронштадта Таннеръ, усматривая въ успѣхѣ Айвазовскаго подрывъ себѣ и подстрекаемый, вѣроятно, кѣмъ нибудь, пожаловался Государю на своего ученика, который безъ позволенія его, учителя, выставилъ картину. Высокій покровитель художниковъ, но строгій поборникъ дисциплины усмотрѣлъ въ поступкѣ Айвазовскаго нарушеніе таковой. Выслушавъ жалобу Таннера, Государь послалъ своего флигель-адьютанта въ Академію съ приказаніемъ немедленно снять съ выставки картину Айвазовскаго. Это событіе вызвало въ обществѣ массу различныхъ толковъ, а для Таннера, пріѣхавшаго, было, на выставку, такой пріемъ со стороны академистовъ, что онъ принужденъ былъ немедленно уѣхать. Положеніе Айвазовскаго, отъ котораго общество отвернулось; было очень тяжелое: никто не рѣшался вступиться за него предъ Государемъ, но и въ это тяжелое время Айвазовскій находилъ себѣ поддержку и ободреніе въ лучшихъ представителяхъ интеллигенціи, въ В. А. Жуковскомъ и И. А. Крыловѣ, одобрявшихъ его работы. Къ счастію случай позволилъ какъ-то профессору Зауервейду, бывавшему часто въ зимнемъ дворцѣ въ качествѣ преподавателя царскихъ дѣтей, дать Государю вѣрное освѣщеніе личности Айвазовскаго и отношенія къ нему Таннера. Результатомъ этого объясненія были высылка Таннера изъ Петербурга и требованіе картины Айвазовскаго въ зимній дворецъ. Картина Государю очень понравилась. За нея Государь повелѣлъ выдать художнику 1000 рублей, а самого художника назначилъ сопровождать Великаго Князя Константина Николаевича въ его практическомъ плаваніи по Финскому заливу.

Въ результатѣ этого плаванія, на осенней академической выставкѣ 1836 года появилось 7 морскихъ видовъ, въ которыхъ вполнѣ выказались воспріимчивость и впечатлительность молодаго художника, заставлявшія его переживать въ душѣ всѣ оттѣнки природы, набрасывать ихъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ въ альбомъ и поэтически художественно переработывать ихъ въ картинахъ. Особенное вниманіе на этой выставкѣ привлекала къ себѣ картина «Видъ на взморьѣ въ окрестностяхъ Петербурга», исполненная на заданную Академіей тему. За нее Айвазовскій получилъ еще ранѣе выставки 2-ю золотую медаль; первою же золотой медалью онъ былъ награжденъ въ слѣдующемъ году за свои новыя картины: «Штиль на Финскомъ заливѣ», «Большой рейдъ въ Кронштадтѣ» и нѣсколько морскихъ видовъ изъ сѣверной нашей природы, вызвавшихъ общій восторгъ публики. Академическій совѣтъ тогда же рѣшилъ поскорѣе отправить художника для усовершенствованія въ занятіяхъ на первыя два лѣта въ Крымъ, на Черное море, въ качествѣ пенсіонера съ содержаніемъ за-границею находящагося художника.

Итакъ академическое образованіе Айвазовскаго было закончено. Время его прошло подъ теплыми лучами общихъ симпатій и вниманія и надвигавшаяся было на него грозная туча разразилась не страшными ударами грома и молніей, а теплымъ, благотворнымъ дождемъ Высочайшаго вниманія и поощренія. Очевидно судьба улыбалась Айвазовскому съ самаго начала его артистической карьеры.

Въ тяжелое время царской немилости упавшаго было духомъ Айвазовскаго поддерживали добрымъ словомъ утѣшенія и побужденія къ неустанной работѣ и дальнѣйшему развитію, какъ мы видѣли, великіе писатели земли русской В. А. Жуковскій и И. А. Крыловъ, заинтересовавшіеся имъ по его произведеніямъ. Въ 1835 году Айвазовскій впервые увидѣлъ А. С. Пушкина и разговаривалъ съ нимъ; образъ поэта навсегда живо сохранился въ его памяти и не разъ побуждалъ его браться за кисть для увѣковѣченія поэта въ обстановкѣ дорогого обоимъ Крыма.

Первыя картины Айвазовскаго привлекли къ нему не только вниманіе, но и симпатію тогдашней славы русскаго искусства, К. П. Брюллова, допустившаго юнаго художника въ свой интимный кружокъ; а кружокъ этотъ состоялъ все изъ людей интересныхъ. Здѣсь Айвазовскій встрѣчался съ Н. П. Боткинымъ, Панаевымъ, М. И. Глинкою, Несторомъ Кукольникомъ, В. А. Жуковскимъ и многими другими. Весело, живо и поучительно проходили вечера у К. П. Брюллова въ оживленныхъ бесѣдахъ и спорахъ по художественнымъ и литературнымъ вопросамъ, въ музыкальныхъ и вокальныхъ упражненіяхъ. Самъ хозяинъ велъ обыкновенно живыя остроумныя бесѣды о живописи и ея исторіи, высказывая свои взгляды на искусство, Жуковскій читалъ свои плѣнительные стихи, Глинка очаровывалъ присутствующихъ

игрою на фортепьяно и пѣніемъ, Платонъ Кукольникъ и Айвазовскій играли на скрипкѣ, Несторъ Кукольникъ проповѣдывалъ объ искусствѣ, читалъ свои историческіе разсказы и разсказывалъ о широкихъ планахъ новыхъ задуманныхъ имъ работъ. Словомъ, было чему поучиться юному художнику въ этомъ обществѣ и поучиться незамѣтно для себя, такъ какъ на него здѣсь смотрѣли какъ на равнаго, товарища. Иванъ Константиновичъ въ свою очередь могъ принимать дѣятельное участіе въэтомъ пріятномъ времяпровожденіи, такъ какъ недурно игралъ на скрипкѣ и помнилъ массу никому изъ присутствующихъ незнакомыхъ, интересныхъ татарскихъ мотивовъ. Нѣкоторые изъ этихъ мотивовъ М. И. Глинка увѣковѣчилъ въ своей операѣ «Русланъ и Людмила» въ лезгинкѣ и въ сценѣ Ратмира въ 3-мъ дѣйствіи. Въ этомъ кружкѣ окончательно окрѣпли природный вкусъ и наклонности Ивана Константиновича, такъ что на Югъ онъ вернулся въ 1838 году уже сформировавшимся, высокоразвитымъ художникомъ.

Принимая участіе во всѣхъ выдающихся мѣстныхъ событіяхъ, неустанно работалъ Иванъ Константиновичъ на родномъ Югѣ и не въ силахъ былъ оторваться отъ любимаго имъ Крыма и Чернаго моря съ ихъ эффектною, красивою природою, къ назначенному ему сроку. На Сѣверъ въ столицу своевременно къ академическимъ выставкамъ и къ срокамъ заказовъ шли написанныя имъ картины въ большомъ для молодого художника количествѣ, а самъ онъ просилъ срокъ возвращенія отодвинуть и вмѣсто Петербурга, по приглашенію друга Пушкина генерала Н. Н. Раевскаго, начальника Кавказской прибрежной линіи, и А. И. Казначеева, къ этому сроку пустился въ море знакомиться съ величественно красивыми и маловзвѣстными восточными берегами Чернаго моря. Онъ не только присутствовалъ при высадкѣ войскъ, назначенныхъ къ боевому занятію береговъ Мингреліи, но даже принималъ участіе въ экспедиціи для высадки въ долинѣ Субаши (фортъ Лазарева), нѣкоторые моменты которой и увѣковѣчилъ въ своихъ картинахъ, давъ въ нихъ портреты участниковъ. Герои Черноморскаго флота: М. П. Лазаревъ, В. А. Корниловъ, П. С. Нахимовъ и А. И. Панфиловъ, участвовавшіе въ этой поѣздкѣ, радушно приняли художника въ свой кругъ, знакомили его съ техникою морскаго дѣла и вообще оказывали ему самое просвѣщенное вниманіе. Въ этой поѣздкѣ онъ познакомился и съ большимъ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ участвовавшими въ ней въ качествѣ рядовыхъ публицистами: М. М. Нарышкинымъ, княземъ А. И. Одоевскимъ и И. И. Лореромъ и всегда вспоминалъ объ нихъ, какъ о высокообразованныхъ людяхъ. И здѣсь не только природа, но и люди содѣйствовали расширенію художественныхъ и умственныхъ горизонтовъ Ивана Константиновича.

За время пребыванія въ Крыму И. К. Айвазовскій написалъ цѣлый рядъ картинъ, изъ которыхъ «Лунная ночь», «Ясный день на южномъ берегу»,

«Буря» были на академической выставкѣ 1839 года, а «Дессантъ въ Субаши», «Видъ Севастопольскаго рейда съ военными судами» въ 1840 году представлены профессоромъ Зауервейдомъ Государю Императору. За свои картины, присланныя съ Юга, 19 сентября 1839 года Айвазовскій былъ возведенъ въ званіе художника XIV класса.

Работалъ Айвазовскій на Югѣ въ мастерской, устроенной имъ въ Ѳеодосіи, и въ мастерскую его стекалась масса любопытныхъ южанъ. Онъ бросилъ уже въ это время писать этюды съ натуры и началъ писать по впечатлѣнію.

Лѣтомъ 1840 года Айвазовскій былъ уже заграницей. Его особенно тянуло въ Римъ, эту столицу искусства; но ранѣе чѣмъ попасть туда онъ побывалъ въ Венеціи, Флоренціи, Сорренто и Амальфи. Повсюду много копировалъ онъ съ натуры безжизненныхъ зданій и каменныхъ стѣнъ, написалъ виды нѣсколькихъ прибрежныхъ городовъ, но дѣлалъ все это скрѣпя сердце, только въ угоду требованіямъ начальства. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ написалъ и картины чисто творческія: «Бурю» и «Хаосъ», которыя и выставилъ по пріѣздѣ въ Римъ. Еще по дорогѣ въ Римъ въ Венеціи онъ встрѣтился съ Гоголемъ, въ келіи котораго потомъ въ Римѣ неизмѣнно проводилъ свои вечера въ компаніи художниковъ: Моллера, своего ближайшаго друга и товарища по Академіи Штернберга, друга Гоголя А. А. Иванова и нѣкоторыхъ другихъ. Гоголя вообще всѣ любили и уважали и онъ былъ тогда душою небольшого кружка, жившаго совершенно отдѣльно отъ прочихъ русскихъ художниковъ, которыхъ въ то время въ Римѣ было много. Любимымъ занятіемъ въ свободное время у большинства русскихъ художниковъ были кутежъ и попойки до утра; въ кружкѣ же Гоголя много говорили объ искусствѣ, толковали о художественныхъ новостяхъ Рима и вели строгій образъ жизни. Музеи и памятники Рима особенно привлекали Айвазовскаго. Съ нетерпѣніемъ и поспѣшностью знакомился онъ съ этими художественными сокровищами, знакомился съ знаменитыми художниками, посѣщалъ ихъ студіи, совѣтовался съ ними о своихъ работахъ, пользовался ихъ любезными указаніями и въ тоже время всегда оставался самимъ собою, вѣрнымъ своему художественному чутью.

Въ Италіи И. К. Айвазовскій не переставалъ много и усердно работать. Выставки его произведеній въ Римѣ и Неаполѣ имѣли колоссальный успѣхъ. Объ Айвазовскомъ заговорили, его картины «Хаосъ», «Буря», «Неаполитанская ночь» на Римской выставкѣ были признаны первыми, причемъ особенно восхваляли въ нихъ умѣнье художника вѣрно и живо передать свѣтъ, воздухъ, воду. «Хаосъ», очень понравившійся папѣ Григорію XVI-му, была предназначенъ къ покупкѣ папою, но, узнавъ объ этомъ, Айвазовскій преподнесъ эту картину папѣ въ подарокъ. Папа тогда пожелалъ видѣть Айвазовскаго, наградилъ его золотою медалью

а его картину помѣстилъ въ Ватиканѣ, куда удостаиваются быть помѣщаемы только произведенія первѣйшихъ въ мірѣ художниковъ. Въ этой картинѣ Иванъ Константиновичъ, по его воспоминаніямъ, руководился словами книги Бытія (I,2): «Земля же была безводна и пуста, и тьма надъ бездной; и духъ Божій носился надъ водою», а слова эти давали полную свободу творческому воображенію большого художника, выказавшемуся во всемъ блескѣ присущей ему техники. Мрачное смѣшеніе стихій въ ней озаряется блескомъ кометы, которая, при внимательномъ вглядываніи, являетъ въ себѣ очертаніе божественнаго облика Саваоѳа.

Во время своего пребыванія за границей Айвазовскій проводилъ лѣто постоянно въ Неаполѣ, зиму—въ Римѣ, по нѣсколько недѣль онъ проживалъ во Флоренціи, дважды побывалъ въ Парижѣ, ѣздилъ въ Лондонъ, а оттуда моремъ проѣхалъ въ Португалію и Испанію. Въ Біскайскомъ заливѣ его захватила страшная буря; пароходъ потерялъ мачты, дымовая труба была повреждена и пароходъ съ трудомъ достигъ Лиссабонской гавани; всѣ были объяты страхомъ, но страхъ этотъ не помѣшалъ Айвазовскому воспринять и сохранить въ памяти живую картину этой страшной бури, несомнѣнно давшей ему массу мотивовъ для его будущихъ картинъ.

Въ 1843 году въ Парижѣ были выставлены его картины: «Море въ тихую погоду», «Ночь на берегу Неаполитанскаго залива (островъ Капри)» и «Буря у береговъ Абхазіи» съ изображеніемъ русскаго корабля, останавливающаго черкесскую кочерму. Парижская печать, не смотря на все пристрастіе къ своимъ отечественнымъ талантамъ, на привычку свое родное считать за образецъ для всѣхъ иноземныхъ произведеній, съ живѣйшимъ интересомъ отнеслась къ произведеніямъ чужеземнаго художника, осыпала ихъ похвалами и даже не воспользовалась случаемъ похвастаться, что учителемъ Айвазовскаго былъ французъ. Айвазовскому въ Парижѣ была присуждена золотая медаль 3-го класса. Изъ французскихъ художниковъ ему оказывали особенное расположеніе Гране и Орасъ Верне.

Годы пребыванія заграницей не прошли даромъ для Айвазовскаго. Они, въ знакомствѣ съ новыми странами, новыми людьми, старыми, но вѣчно юными сокровищами искусства, широко раздвинули горизонтъ впечатлительнаго художника, дали ему массу новыхъ впечатлѣній, новыхъ мотивовъ, расширили его техническія знанія. Сопровождавшій его повсюду успѣхъ далъ ему увѣренность въ своихъ силахъ, сознаніе своего таланта, если не генія, и въ Россію въ 1844 году Айвазовскій вернулся уже вполнѣ сформировавшимся и притомъ, что составляло исключеніе изъ общаго правила, самостоятельнымъ художникомъ съ европейскимъ именемъ.

Картины, выставленныя въ Парижѣ, дали ему въ Петербургѣ званіе академика и орденъ Анны 3-й степени. Императоръ милостиво принялъ его, повелѣлъ ему исполнить рядъ видовъ русскихъ первоклассныхъ пор-

товъ и приморскихъ городовъ и удостоилъ его званіемъ «живописца главнаго морского штаба Его Императорскаго Величества». Высшій кругъ и столичное общество относились къ нему съ живѣйшимъ вниманіемъ и картины его не только возбуждали истинный восторгъ, но и раскупались очень усердно и по хорошей цѣнѣ. Словомъ, рѣдкое счастіе своимъ яснымъ теплымъ свѣтомъ обливало жизненный путь Айвазовскаго и талантъ его подъ благотворнымъ вліяніемъ, проявляется многіе десятки лѣтъ, не померкая.

По возвращеніи въ Россію первое время Айвазовскій проводитъ въ Петербургѣ, но ни Высочайшія милости, ни вниманіе къ нему высшаго круга и всего петербургскаго общества не могли привязать истаго южанина къ Петербургу навсегда. Съ наступленіемъ весны 1845 года его неудержимо потянуло на солнечный Югъ, въ родной ему Крымъ, къ берегамъ теплаго, краснваго южнаго моря, отнынѣ захватившимъ его навсегда. Въ 1847 году онъ строитъ собственный домъ въ Ѳеодосіи и тамъ ежегодно проводитъ весну и лѣто, особенно усердно и успѣшно работая въ родной, съ дѣтства дорогой ему природѣ. Однако его картины, его частые, чтобы не сказать ежегодные пріѣзды въ Петербургъ на зиму постоянно поддерживаютъ его связи съ Высочайшими особами и съ петербургскимъ высшимъ и художественнымъ міромъ. Высокій покровитель художниковъ, Императоръ Николай Павловичъ не забываетъ Айвазовскаго, милостиво заботится о расширеніи круга его художественныхъ наблюденій, впечатлѣній, поощряетъ его работы: «чтобы ни написалъ Айвазовскій», велитъ онъ передать художнику въ 1854 году, «будетъ мною куплено». Для ознакомленія художника съ эффектомъ рикошета ядра по морской поверхности Государь повелѣваетъ въ присутствіи его произвести нѣсколько выстрѣловъ въ Кронштадтѣ. Для ближайшаго ознакомленія его съ движеніемъ военныхъ кораблей во время морскихъ сраженій онъ всемилостивѣйше предлагаетъ ему присутствовать на морскихъ маневрахъ въ Финскомъ заливѣ; онъ беретъ Айвазовскаго съ собою при проѣздѣ изъ Николаева въ Севастополь на смотръ военныхъ судовъ Черноморскаго флота въ 1851 году. Когда кто-либо изъ царской фамиліи отправляется въ морское путешествіе, Айвазовскій почти постоянно назначается сопровождать его. Такъ въ 1845 году онъ сопровождаетъ Константина Николаевича въ поѣздкѣ его по Боссфору и Архипелагу и посѣщаетъ съ нимъ, кромѣ Константинополя, острова Хіосъ, Патмосъ, Самосъ, Митилене, Родосъ, Смирну, развалины Трои, Синопъ и многія другія мѣстности Леванта и береговъ Анатоліи. Въ 1867 году, по желанію уже Императрицы Маріи Александровны, Айвазовскій сопровождаетъ въ Константинополь Великую Княжну Марію Александровну. Его картины также охотно покупаются и Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, какъ и Николаемъ Павловичемъ. Такое же вниманіе къ нему обнаруживается и семьей этого Государя, съ

разрѣшенія котораго въ 1867 году Великая Княжна Марія Александровна и Великій Князь Сергій Александровичъ посѣщаютъ Айвазовскаго въ его собственномъ домѣ въ Ѳеодосіи, гдѣ проводятъ у него два незабвенныхъ для ѳеодосійцевъ дня сплошнаго праздника.

Въ 1868 году для расширенія художественныхъ впечатлѣній И. К. Айвазовскій предпринимаетъ поѣздку на замиренный Кавказъ, у береговъ котораго, еще воинствующаго, побывалъ въ 1837 году. Въ 1869 году онъ посѣщаетъ Египетъ и присутствуетъ при открытіи Суэзскаго канала, а въ 1879 году, уже 60-лѣтнимъ старцемъ, намѣреваясь писать картины на тему открытія Америки Колумбомъ, отправляется въ Геную, чтобъ близко ознакомиться съ обстановкою первыхъ путешествій въ Америку. Всю жизнь свою онъ не забываетъ о расширеніи круга своихъ художественныхъ впечатлѣній, объ отысканіи новыхъ мотивовъ, новыхъ эффектовъ, новыхъ темъ.

Неустанно работая, онъ постоянно устраиваетъ выставки своихъ произведеній не только въ Петербургѣ, но и въ другихъ городахъ Россіи: Москвѣ, Одессѣ, Николаевѣ, Харьковѣ, Ригѣ и за границей: въ Ниццѣ въ 1878 г., во Флоренціи въ 1874 г., (послѣ нея Айвазовскому было предложено поставить его портретъ въ палаццо Питти, гдѣ собраны портреты всѣхъ знаменитѣйшихъ художниковъ, начиная съ великихъ мастеровъ Возрожденія, и между ними только одного русскаго [Кипренскаго]), въ Константинополѣ, во Франкфуртѣ въ 1878 г., въ Бухарестѣ.

Любимой сферой изображенія у Айвазовскаго было море: «волна Айвазовскаго» сдѣлалась художественнымъ терминомъ, но его привлекали и другія темы. Онъ, при живости своей натуры, не могъ не отзываться на темы дня и среди его произведеній мы находимъ цѣлые ряды картинъ изъ трехъ русско-турецкихъ войнъ, имъ пережитыхъ, находимъ сцены изъ Кипріотскаго возстанія 1866,67 годовъ, сцены изъ войны грековъ за независимость. Правда, всѣ эти сцены происходили преимущественно на родной ему морской стихіи, но и изображенія суши онъ не избѣгалъ. Мы знаемъ его виды величественныхъ горъ Кавказа, виды степей и даже пейзажи сѣверной природы, какъ, напр., «Зима съ видомъ постоялаго двора въ Тульской губерніи». Онъ часто бралъ сцены изъ библейской и ново-завѣтной исторіи, какъ-то: «Потопъ», «Ной на Араратѣ», «Ной послѣ потопа», «Переходъ израильтянъ чрезъ Чермное море», «Христосъ у моря Галилейскаго», изъ классической миѳологіи: «Нептунъ съ Амфитритой», «Олимпъ: Юпитеръ, окруженный богами и богинями, встрѣчаетъ Венеру съ моря». Особеннаго вниманія заслуживаютъ его чисто фантастическія и аллегорическія картины, въ которыхъ надо было все богатство творческой фантазіи, чтобы создать то, приближающагося даже къ чему художникъ никогда не видѣлъ. Мы говоримъ объ его картинахъ: «Сотвореніе

міра» или «Моментъ мірозданья» (1869 г.) и «Знаменія времени» (1877 г.). Въ первой картинѣ внизу—бушующія волны, изъ нихъ направо въ глубинѣ скалы, раскаленныя вулканическимъ пламенемъ; вверху, среди мрачныхъ тучъ, несется въ видѣ лучезарнаго бѣловатаго облака Богъ-Отецъ, повелѣвающій стихіямъ раздѣлиться. Содержаніе второй таково: «Внизу картины взору зрителя представляется часть земнаго шара, расположенная такимъ образомъ, что явственно различаются очертанія суши Балканскаго полуострова, пересѣкаемаго теченіемъ главной рѣки, Дуная, съ его рукавами (Мачинскимъ и Сулинскимъ), получившими извѣстность въ русско-турецкую войну. За чертою славнаго въ пѣсняхъ румынъ и славянъ Дуная, въ пространствѣ, заселенномъ преимущественно славянскими народами, еще не освободившимися отъ власти турокъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ выдѣляются огненныя точки посреди великаго пожарища, отъ котораго къ небесамъ поднимаются черные и густые клубы дыма. Темныя воды Чернаго моря съ Константинопольскимъ проливомъ и Мраморнаго—съ Дарданельскимъ, соединяясь съ бурными волнами греческаго Архипелага, отдѣляютъ рѣзко освѣщенную часть европейскаго материка отъ мрачнаго азіатскаго, и въ этомъ какъ бы олицетворяется многовѣковое противуположеніе міра западнаго и восточнаго: христіанскаго и мусульманскаго, языческаго. До половины ея отъ низу изображено воздушное пространство, по которому текутъ густыя, полныя мрака облака, клубясь въ тучи, надъ чуть сквозящими подъ ними и закутанными ими очертаніями горъ. Огненно-кровавый отблескъ проходитъ полосами по ихъ изгибамъ—тамъ чуется гроза съ громами и гибелью... Мысль зрителя настоящей минуты сама угадываетъ въ этихъ тучевидныхъ горахъ отдаленные и вмѣстѣ близкіе ему теперь грозные Балканы... Справа отъ него внизу темносинѣетъ, подъ мглою нависшихъ облаковъ, Черное море и при немъ, мнится, гдѣ-то очерчивается нѣкій градъ съ завѣтною, влекущею къ себѣ святыней (храмомъ св. Софіи)... Глазъ его не видитъ, но чувство сильно говоритъ, что за этимъ загадочнымъ сумракомъ, подъ покровомъ полуночи, притаился этотъ градъ царя великаго (Константинополь). Слѣва тучи особенно густы: это тучи съ сѣвера—суровыя, холодныя, градоносныя тучи! Онѣ находятъ, надвигаются медленно, тяжело, неотразимо; застилаютъ онѣ собою луну (символъ мусульманства); только ея косвенное отраженіе прорѣзывается изъ-за окраинъ и дрожитъ внизу, на освѣщенной имъ синевѣ пространства.

Картина чудно освѣщена сверху свѣтомъ необычнымъ, невыразимымъ,—свѣтомъ сіяющимъ съ высоты до низу на все пространство до послѣдняго предѣла тонкими, продольными, призрачными лучами, исходящими изъ крестовиднаго свѣтила, блистающаго свѣтло съ высоты небесной... Вправо подъ нимъ исчезаетъ въ его сіяніи звѣзда восточная... Не-

виданное, солнцеобразное! Чѣмъ болѣе устремляется на него зрѣніе, тѣмъ бо́льшимъ свѣтомъ оно разгорается, тѣмъ ярче свѣтитъ изъ него крестъ!».

Какъ мы видимъ, и въ этихъ своихъ произведеніяхъ онъ пользуется преимущественно тѣми эффектами свѣта и мрака, облаковъ и водъ, которыми такъ сильны его марины. Строго оформленные предметы ему не удаются и, если онъ вноситъ ихъ въ картину, то всегда не въ выгоду ихъ. У него нѣтъ ни опредѣленнаго, яснаго рисунка, нѣтъ и жизни въ его живыхъ существахъ, и если ему прощаются эти деффекты, то ради его имени, ради той общей величественной картины, которую онъ даетъ.

На протяженіи болѣе 60 лѣтъ творческой дѣятельности, въ колоссальной массѣ написанныхъ картинъ (болѣе 6000), при необычной быстротѣ исполненія, Айвазовскій, конечно, не могъ оставаться постоянно на зенитѣ и среди этой массы картинъ у него есть и незначительныя, даже прямо слабыя (хотя-бы «Пушкинъ на берегу моря» въ городскомъ музеѣ изящныхъ искусствъ и въ музеѣ Университета); но эти слабыя вещи исчезаютъ въ массѣ прекрасныхъ произведеній, сдѣлавшихъ имя Айвазовскаго всемірноизвѣстнымъ, какъ знаменитаго мариниста.

День безъ работы для Ивана Константиновича какъ-бы не существовалъ: писать было для него такою же потребностью, какъ для другаго ѣсть и пить. Онъ работалъ необыкновенно много, какъ бы играя, и присутствіе посторонняго лица, съ которымъ онъ велъ оживленную бесѣду, мало мѣшало его работѣ. Быстрота работы его была поразительна и чѣмъ сложнѣе, замысловатѣе была тема, тѣмъ быстрѣе шла работа. Айвазовскій какъ бы боялся потерять изъ памяти ту картину, которая внезапно вырисовывалась въ его воображеніи: «Моментъ мірозданія»,—говорятъ,—былъ исполненъ въ 9 часовъ непрерывной работы, отъ 8 часовъ утра до 5 часовъ вечера. Онъ не любилъ пользоваться этюдами, неохотно и писалъ ихъ, увѣренный, что, воспроизводя на нихъ природу въ непосредственномъ ея созерцаніи, художникъ теряетъ значительно, если не вполнѣ, свою цѣнность, становится ея рабомъ, связаннымъ по рукамъ и ногамъ. «Человѣкъ, не одаренный памятью, сохраняющею впечатлѣнія живой природы, можетъ быть отличнымъ копировальщикомъ, живымъ фотографическимъ аппаратомъ, но истиннымъ художникомъ—никогда! Движенія живыхъ стихій неуловимы для кисти: писать молнію, порывъ вѣтра, всплескъ волны—немыслимо съ натуры. Для этого-то художникъ и долженъ запоминать ихъ и этими случайностями, равно какъ и эффектами свѣта и тѣней, обставлять свою картину. Такъ я писалъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, такъ пишу и теперь; писать тихо, корпѣть надъ картиною цѣлые мѣсяцы—я не могу. Сюжетъ картинъ слагается у меня въ памяти, какъ сюжетъ стихотворенія у поэта; сдѣлавъ набросокъ на клочкѣ бумаги, я приступаю къ работѣ и до тѣхъ не отхожу отъ полотна, пока не выскажусь на немъ моей кистью».

«Набросавъ карандашемъ на клочкѣ бумаги планъ задуманной мною картины, я принимаюсь за работу и, такъ сказать, всей душой отдаюсь ей. Обдумывая картину, я не отвлекаю отъ нея моего вниманія не только праздными разговорами, но даже и видомъ предметовъ постороннихъ; не выхожу на улицу, не смотрю на горизонтъ, ни на окрестную мѣстность. Непремѣнное условіе моей мастерской—гладкія стѣны, не обвѣшанныя ни картинами, ни эскизами. Удаленіе отъ мѣстности, изображаемой на моей картинѣ, заставляетъ лишь явственнѣе и живѣе выступать всѣ ея подробности въ моемъ воображеніи. Въ Крыму я пишу виды Балтійскаго побережья, лѣтомъ—пейзажи зимніе, въ пасмурные дни—ясное, безоблачное небо съ восходомъ солнца. Вдохновленный видомъ живописной мѣстности при эффектномъ ея освѣщеніи, либо какимъ либо моментомъ бури, я сохраняю воспоминаніе о нихъ многіе годы. Таково же точно свойство и чувствовательныхъ моихъ способностей: горе и радость я сознаю сильнѣе, когда онѣ переходятъ въ область минувшаго. Воспоминаніе о горѣ, давно прошедшемъ, скорѣе заставитъ меня прослезиться, нежели минута постигшаго меня горя. Мое воображеніе сильнѣе воспріимчивости дѣйствительныхъ впечатлѣній. Они записываются въ памяти моей какъ будто какими-то симпатическими чернилами, проступающими весьма явственно отъ времени или отъ теплаго луча вдохновенія. Въ теченіи сорока лѣтъ моей художественной дѣятельности я написалъ очень много картинъ, на которыхъ сосредоточены воспоминанія о живой природѣ разныхъ мѣстностей и разныхъ эпохъ моей жизни. Бурю, видѣнную мною у береговъ Италіи, я на моей картинѣ переношу на какую нибудь мѣстность Крыма или Кавказа; лучемъ луны, отражавшейся въ Босфорѣ, я освѣщаю твердыни Севастополя. Таково, повторяю, свойство моей кисти и характерная особенность моей художественной складки....»

«... Внимательно изучивъ атмосферическія перемѣны, игру свѣта и тѣни на волнахъ моря, на вершинѣ горы, на кустахъ деревьевъ, я могу воспроизводить ихъ, какъ нѣчто давно мнѣ знакомое, съ тою быстротою, за которую укоряютъ меня нѣкоторые строгіе судьи»!

Въ этой художественной складкѣ, по выраженію Айвазовскаго, была его сила; но въ ней же лежали и его недостатки: нѣкоторая дѣланность, неискренность, вѣчное стремленіе къ эффекту его произведеній и невольныя повторенія, вытекавшія изъ пренебреженія къ изученію природы въ ея непосредственномъ изображеніи. Его картины художественныя, поэтическія произведенія, иногда довольно далекія отъ реальной правды; но это же поэтическое творчество за то и дало ему возможность произвести такія фантастическія, сильныя по образности картины, какъ его «Хаосъ» или «Сотвореніе міра», его «Девятый валъ», «Буря» и многія лучшія изъ его произведеній. Для такого творчества

нужны недюжинныя, изъ ряда вонъ выходящія способности, если хотите—геній, и таковымъ обладалъ Иванъ Константиновичъ. Идти по его слѣдамъ обыкновенному художнику не мыслимо, такъ какъ онъ быстро впадетъ въ искусственность, въ художественную ложь. Изученіе природы въ ея непосредственномъ изображеніи неоспоримо должно быть первымъ актомъ работы всякаго художника!

Необыкновенно быстрый, устойчивый, колоссальный успѣхъ, европейская слава не убили въ Айвазовскомъ сердечнаго, чуткаго къ нуждамъ ближняго, беззавѣтно любящаго свою родину, сыновне заботящагося о ней человѣка, обладающаго способностью отдавать другому заслуженное имъ, оставаться благодарнымъ виновникамъ своего счастія.

На всю жизнь Иванъ Константиновичъ сохранилъ искреннюю благодарность къ своему первому благодѣтелю, давшему ему возможность сдѣлаться человѣкомъ, сдѣлаться художникомъ,—А. И. Казначееву. Живя въ Римѣ въ незнающей Казначеева средѣ художниковъ, поглощенный созерцаніемъ великихъ художественныхъ произведеній, новыхъ мѣстъ, новой природы, Айвазовскій вспоминаетъ день праздника воспитавшей его семьи, день рожденія А. И. Казначеева и изъ Рима въ Крымъ отправлена имъ картина, увѣковѣчивающая первую ихъ встрѣчу на берегу Чернаго моря. Сдѣлавшись уже европейской извѣстностью, пріобрѣтя состояніе своими произведеніями, занявъ почетное мѣсто среди гражданъ Ѳеодосіи, въ 1846 году Айвазовскій устраиваетъ въ Ѳеодосіи роскошный праздникъ и однимъ изъ главнѣйшихъ поводовъ къ устройству его было желаніе художника предъ лицомъ согражданъ и почетныхъ гостей, а слѣдовательно и предъ всѣми, выразить чувства глубокой, искренней благодарности тому же Александру Ивановичу Казначееву, который отеческимъ попеченіемъ о судьбѣ молодого таланта облегчилъ ему путь къ блистательному будущему, путь столь трудный въ началѣ.

Никогда Иванъ Константиновичъ не забывалъ, что счастіемъ своимъ обязанъ помощи добрыхъ людей, и постоянно самъ шелъ на помощь нуждающимся, не обращая вниманія на національность этихъ нуждающихся. Онъ устраивалъ выставки своихъ произведеній то въ пользу нуждающихся учениковъ Академіи Художествъ, то въ пользу пострадавшихъ во время возстанія Кандіотовъ, то въ пользу бѣдныхъ того города, гдѣ была выставка, то, наконецъ, въ пользу армянъ. Вездѣ отзывчивое сердце Ивана Константиновича находило такихъ нуждающихся, было-ли это въ Россіи или за границей.

Конечно, особенно близки И. К. Айвазовскому были интересы его роднаго города, Ѳеодосіи. Объ удовлетвореніи нуждъ города, объ украшеніи его онъ заботился постоянно и ревностно. По его мысли и при его энергичномъ участіи Ѳеодосія украсилась соборнымъ храмомъ; отъ него

въ даръ городъ получилъ столь нужную ему прекрасную воду изъ Субашскихъ прудовъ имѣнія Айвазовскаго Шахмамай. Онъ оставилъ городу свою картинную галлерею, созданную имъ въ мечтахъ дать Югу въ роскошной природѣ его, у прекрасныхъ береговъ Чернаго моря, зерно школы живописи. Въ благодарную память благодѣтеля Ѳеодосіи, давшаго ей торговый портъ, Айвазовскій приложилъ все стараніе и помогъ своими средствами, своимъ талантомъ сооруженію въ Ѳеодосіи памятника Императору Александру III-му. Наконецъ, въ заботѣ объ увѣковѣченіи памяти одного изъ героевъ завоеванія Кавказа, окончившаго свою жизнь въ Ѳеодосіи, генерала Котляревскаго, Иванъ Константиновичъ строитъ въ родномъ городѣ часовню и при ней помѣщеніе для археологическаго музея, находящагося въ вѣдѣніи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, членомъ котораго Айвазовскій состоялъ съ 1871 года. Музей этотъ украшенъ портретомъ героя и маринами работы художника.

Россія, во всѣхъ слояхъ своего общества, достойно почтила своего геніальнаго сына, утѣшила годы его почтенной старости двумя всероссійскими торжествами: празднованіемъ 50-лѣтняго юбилея его дѣятельности въ столицѣ, въ Академіи Художествъ, въ 1887 году, и 60-лѣтняго—въ Ѳеодосіи. Императоръ и общество,—всѣ стремились отдать должное благородному старцу, бодро приближавшемуся къ своему концу въ сознаніи исполненнаго долга и готовности еще энергично работать на пользу столь любимаго имъ искусства. Еще весною 1900 года И. К. Айвазовскій устраиваетъ свою послѣднюю выставку въ Петербургѣ, какъ бы исполняя давнишнюю мечту: «представить на судъ Петербургской публики свои послѣднія произведенія», и мечтаетъ освѣжить свои художественныя впечатлѣнія въ той странѣ истиннаго искусства, гдѣ 60 лѣтъ тому назадъ ярко занялась заря его славы.

Въ этихъ сладкихъ мечтахъ, за обычной художественной работой, на роскошномъ, любимомъ имъ Югѣ, въ родной Ѳеодосіи, на семьдесятъ третьемъ году жизни, 19 апрѣля 1900 года мирно и безболѣзнено опочилъ Иванъ Константиновичъ Айвазовскій.

Д. чл А. Павловскій.

Юлій Богдановичъ Иверсенъ.

Послѣ долгой и тяжкой болѣзни скончался въ С.-Петербургѣ 13-го апрѣля 1900 года Юлій Богдановичъ Иверсенъ, состоявшій дѣйствительнымъ членомъ нашего Общества съ 27 августа 1871 года.

Юлій Богдановичъ родился 5 апрѣля 1823 г. въ Ревелѣ и воспитывался въ учебномъ заведеніи своего отца, принадлежавшаго къ первому выпуску студентовъ Дерптскаго Университета. Осенью 1842 года по окончаніи гимназическаго курса Юлій Богдановичъ поступилъ въ историко-филологическій факультетъ Дерптскаго Университета и занимался здѣсь до 1846 года изученіемъ классической филологіи; экзаменъ же на степень кандидата онъ сдалъ лишь въ 1851 году.

Въ промежутокъ времени отъ 1846 до 1851 г., Ю. Б—чъ былъ въ Эстляндской губ. домашнимъ учителемъ; въ 1850 г. онъ переѣхалъ на жительство въ С.-Петербургъ и скоро получилъ уроки въ англиканскомъ и реформатскомъ церковномъ училищахъ; затѣмъ въ 1855 году онъ сталъ учителемъ древнихъ языковъ въ извѣстномъ церковномъ училищѣ Св. Петра. Это мѣсто онъ занималъ до 1880 года; но уже годомъ раньше былъ назначенъ старшимъ консерваторомъ при нумизматическомъ кабинетѣ Императорскаго Эрмитажа и таковымъ состоялъ до самой смерти. Это почетное назначеніе Юлій Богдановичъ вполнѣ заслужилъ своими учеными изслѣдованіями главнымъ образомъ въ области нумизматики.

Рано сталъ онъ собирать монеты, медали, рѣдкіе портреты и т. д.; но онъ не былъ коллекціонеромъ-любителемъ обыкновеннаго типа, а истиннымъ ученымъ изслѣдователемъ собраннаго имъ или другими матеріала, о чемъ свидѣтельствуетъ уже первый его трудъ въ области нумизматики, изданный въ 1870 году въ программѣ училища Св. Петра, подъ заглавіемъ: «Beitrag zur russischen Medaillenkunde». Насколько серьезна была эта работа, видно хотя бы изъ того, что она послужила причиною избранія Юлія Богдановича въ дѣйствительные члены нашего Общества. Вскорѣ послѣ того въ 1872 году онъ издалъ на счетъ того-же училища Св. Петра болѣе обширное сочиненіе «Medaillen auf die Taten Peters des Grossen», написанное имъ по поводу окончанія второго столѣтія со дня рожденія Петра Великаго. Неутомимо Ю. Б—чъ работалъ въ излюбленной имъ

области русской нумизматики и русскаго медальвѣдѣнія и главнымъ плодомъ этой работы является его знаменитое трехтомное сочиненіе «Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей» (1880—1896). Рядомъ съ этимъ большимъ трудомъ Юлій Богдановичъ напечаталъ длинный рядъ монографическихъ статей, которыя полностью перечислены на обложкѣ послѣдней его работы: «Denkmünzen auf Personen, die in den Ostseeprovinzen geboren sind oder gewirkt haben» (St.-Petersburg u. Leipzig, 1899). Всѣ эти изданія стяжали Юлію Богдановичу вполнѣ заслуженную извѣстность одного изъ лучшихъ знатоковъ русской нумизматики не только у насъ, но и за предѣлами нашего обширнаго отечества. Многія ученыя общества почтили его избраніемъ въ почетные или дѣйствительные члены, а правительство награждало его орденами и чинами до дѣйствительнаго статскаго совѣтника включительно.

Я лично съ большой благодарностью вспоминаю нашего покойнаго сочлена, который не только лѣтомъ 1896 г. съ особенной любезностью познакомилъ меня съ богатымъ собраніемъ ввѣреннаго его попеченію нумизматическаго кабинета, но и съ большой предупредительностью и обстоятельностью отвѣчалъ мнѣ на каждый предложенный ему запросъ въ области интересующей его науки. Имя Юлія Богдановича Иверсена займетъ навсегда почетное мѣсто среди изслѣдователей русской нумизматики.

Д. чл. Э. фонъ-Штернъ.

323 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

28-го Января 1900 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Вице-Президента *А. Л. Бертье-Делагарда*, при секретарѣ *А. И. Маркевичѣ*, дѣйствительные члены: *Л. Ф. Брунъ*, *И. Ю. Вучина*, *А. Е. Егоровъ*, *П. А. Ивановъ*, *В. М. Истринъ*, *А. А. Кочубинскій*, *А. В. Лонгиновъ*, *А. А. Павловскій*, *С. Д. Попадимитріу*, *Г. И. Перетятковичъ*, *С. А. Селивановъ* и *Э. Р. фонъ-Штернъ*.

Слушали:

I. Предложеніе Совѣта Общества объ отправкѣ въ Ѳеодосію особой коммиссіи для провѣрки имущества музея Общества, часть вещей изъ коего была похищена (см. журналъ 322 засѣданія п. I) и для составленія соображеній о послѣдующемъ его устройствѣ и храненіи вещей.

Постановили: Соглашаясь съ предложеніемъ Совѣта, избрать въ коммисію: Вице-Президента А. Л. Бертье-Делагарда, А. А. Кочубинскаго, А. И. Маркевича и Э. Р. фонъ-Штерна.

II. Предложеніе Совѣта о немедленномъ принятіи мѣръ къ лучшей охранѣ древностей, находящихся въ музеѣ Общества въ г. Одессѣ; причемъ Совѣтъ предлагаетъ просить хранителя музея составить соображенія и смѣты для снабженія всѣхъ оконъ въ зданіи музея желѣзными ставнями и электрическими звонками, проведенными въ помѣщеніе для сторожей, а также устроить ночное дежурство сторожей музея.

Постановили: Согласиться съ предложеніемъ Совѣта.

III. Докладъ хранителя музея о вещахъ, поступившихъ въ музей:

А. Куплено:

Три большихъ ольвійскихъ асса (одинъ съ головой Аѳины Паллады отличной сохранности; второй съ реверсомъ: орелъ на одной ногѣ; третій съ надписью АЧІХ—«Р» обратный).

А. Пожертвовано:

1) Императорской Археологической Коммиссіей:

а) пять глиняныхъ сосудовъ и двѣ лампочки съ острова Березани.

б) большая глиняная амфора (штемпель на ручкѣ ΟΑΣΙΩΝ), 2 гвоздя, маленькая бронзовая бляха, простыя бусы и стеклянный флаконъ —изъ Ольвіи.

в) серебряное блюдо, серебряная оправа ноженъ меча, куфическія монеты и фрагменты золотыхъ шпилекъ—изъ Таврической губ.

г) 40 разныхъ талеровъ: 29 нидерландскихъ, 11 франкфуртскихъ, любекскихъ, гамбургскихъ, тирольскихъ и т. п.

2) Одесскимъ Городскимъ Головою, д. ч. П. А. Зеленымъ:

а) три серебряныя русскія монеты XVIII ст.

б) три мѣдныя монеты того же времени.

в) двадцать семь мѣдныхъ монетъ, римскихъ и старыхъ турецкихъ, найденныхъ на землѣ при деревнѣ Зеленовкѣ, Елисаветградскаго уѣзда, и сосѣднихъ съ нею; въ томъ числѣ три тирасскія монеты.

3) Д. ч. Общества Н. П. Кондаковымъ: чернолаковый сосудъ (кувшинъ) съ graffito ΣΙΜΗΣ.

4) Инж. полк. Семеновымъ. два простоглиняныхъ сосуда—миски шарообразной формы, найденныя при желѣзно-дор. работахъ въ Инкерманѣ, на глубинѣ двухъ саженъ.

5) Торговцемъ древностей г. Наделемъ: черепокъ отъ сосуда, на бѣломъ фонѣ черный пѣтухъ, фрагменты черноФигурной патеры, 2 донышка отъ мегарскихъ кубковъ съ штемпелями ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ и ΠΟCЄΙΛ. и фрагментъ желобчатой стеклянной чаши; всѣ предметы изъ Керчи.

6) Ѳеодоромъ Кубчишинымъ: фрагментъ мегарскаго кубка и стеклянный кувшинъ; первый изъ Ольвіи, второй изъ Керчи.

7) Почетнымъ членомъ и вице-президентомъ Общества А. Л. Бертье-Делагардомъ: цѣнная коллекція ольвійскихъ вазъ, и между ними: 3 кувшина и одна миска изъ тонкой красной глины; terra sigillata, съ рельефными украшеніями; большая амфора съ двумя выступами вмѣсто ручекъ и съ нацарапанными острымъ инструментомъ орнаментами, въ видѣ доски для шашекъ (Schachbrettmuster); 4 сосуда съ краснымъ орнаментомъ на бѣлой глинѣ; глазированная античная миска съ изображеніемъ въ рельефѣ эротовъ; черноФигурная аттическая ойнохоэ чудной работы; два краснофигурныхъ аѳинскихъ скиѳоса рѣдкой формы и отличной сохранности; миска съ крышкой съ двумя вертикальными ручками, украшенная краснофи-

гурнымъ изображеніемъ туалетной сценки; чернолаковые киликсы и скифосы; лампочки и т. п.—всего 25 глиняныхъ предметовъ. Кромѣ того сосудъ рѣдкой формы изъ алавастра, бронзовая фибула и бронзовый ключъ, висящій на кольцѣ. Всего 28 предметовъ стоимостью свыше 800 рублей.

Постановили: Благодарить г. Вице-Президента, всегда столь щедро обогащающаго музей Общества, и другихъ жертвователей; вещи хранить въ музеѣ.

IV. Докладъ Секретаря Общества о доставленныхъ Обществу книгахъ.

Списокъ книгъ:

1) Ученыя записки Императорскаго Казанскаго Университета, кн. 12, 1899.

2) Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, т. XVI, вып. I, 1900.

3) Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, т. IV, вып. 1, 2, 1899

4) Православный Палестинскій Сборникъ, вып. 51, 1899.

5) Сообщенія Императорск. Православн. Палестинскаго Общества, Май—Августъ, 1899.

6) Чтенія о святой землѣ, изд. Импер. Правосл. Палестинск. Об-ва чтеніе 22, 30, 48, 50, 52.

7) Бесѣда о содѣйствіи православнымъ во святой землѣ. Преосвящ. Никанора, Епископа Смоленскаго и Дорогобужскаго, №№ I—II, изд. Импер. Пал. Об-ва.

8) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. 26, 1899.

9) Извѣстія Импер. Русск. Географическаго Общества, т. XXXV, вып. IV, V, 1899.

10) Матеріалы для изученія землетрясеній въ Россіи, ред. И. В. Мушкетова, II (приложеніе къ XXXV т. Извѣстій Импер. Русск. Географич. Общ-ва), 1899.

11) Записки Уральскаго Общества любителей естествознанія, т. XXI съ приложеніемъ, 1899.

12) Записки Крымскаго Горнаго Клуба, №№ 9, 10, 11, 1899.

13) Акты Нижегородскаго Печерскаго Вознесенскаго монастыря, съ предисловіемъ А. Титова, 1899.

14) Отчетъ Кишиневской городской обществ. библіотеки за 1898 г.

15) Археологическая лѣтопись Южной Россіи, 1899, т. I, Н. Ф. Бѣляшевскаго.

16) Некрасовскіе казаки, П. П. Короленко, 1899.

17) Записки Наукового Товариства имени Шевченка, т. XXXI и XXXII, 1899.

18) Матеріялы Українсько-русскої етнольогіі, т. II, 1899.

19) Етнографічный збірник, т. VII, 1899.

20) Збірник математично-природописно-лїкарської секциї, ред. Левицкого, т. IV, вып. II, 1899.

21) Kwartalnik historyczny. Zeszyt, IV, 1899.

22) Vjestnik. Godina II. Svezak I, 1900.

23) Analele Academiei Romane, т. XX. s. II, 1897—1898, т. XXI, s. II, 1898—1899.

24) Altgriechisches bronzebecken aus leontini, 1899.

Постановили: Передать въ библіотеку Общества.

V. Предложеніе Совѣта объ избраніи въ дѣйствительные члены Общества лицъ, извѣстныхъ своими учеными заслугами: проф. Л. Нидерле, И. М. Каманина, В. А. Кордта, г-жи Е. Н. Мельникъ, проф. П. А. Лаврова, Арн. Фр. Фогеля (см. журналы: 320 засѣданія п. X и 321 засѣданія п. VIII).

Постановили: Произвести выборы; причемъ В. А. Кордтъ и А. Ф. Фогель избраны единогласно, И. М. Каманинъ, П. А. Лавровъ и г-жа Е. Н. Мельникъ большинствомъ голосовъ.

VI. Предложеніе Совѣта объ избраніи въ дѣйствительные члены Общества членовъ Императорской Археологической Коммиссіи проф. Н. И. Веселовскаго и Ѳ. А. Брауна и одесскаго коллекціонера графа М. М. Толстого.

Постановили: Произвести выборы въ настоящемъ собраніи; избраны: Ѳ. А. Браунъ и гр. М. М. Толстой единогласно, Н. И. Веселовскій большинствомъ голосовъ.

VII. Одобренный и представленный Совѣтомъ проэктъ д. ч. А. В. Лонгинова относительно тѣхъ дополненій, которыя необходимо внести въ правила о преміяхъ, находящихся въ распоряженіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей:

«1) Въ соисканіи премій могутъ принимать участіе всѣ желающіе, не исключая членовъ Общества.

2) По полученіи сочиненія, соотвѣтствующаго условіямъ, требуемымъ при самомъ учрежденіи премій, Общество въ первомъ своемъ очередномъ собраніи поручаетъ составленіе рецензіи о сочиненіи, съ назначеніемъ срока, кому-либо изъ своихъ сочленовъ.

3) Если въ теченіи пяти лѣтъ на соисканіе срочной преміи не поступитъ ни одного, достойнаго преміи сочиненія, Общество, съ согласія учредителя преміи, можетъ присудить ее за отличающіеся особыми достоинствами и появившіеся за означенный періодъ времени печатные труды по исторіи и археологіи южной Руси.

4) Составленная по порученію Общества рецензія, какъ о поступившемъ на соисканіе преміи сочиненіи, такъ и о выдающихся по своимъ достоинствамъ печатныхъ трудахъ, а равно и постановленія Общества о присужденіи премій публикуются во всеобщее свѣдѣніе».

Постановили: а) Принять предложенныя Совѣтомъ дополненія къ руководству; б) въ виду согласія учредителя такой срочной преміи А. Л. Бертье-Делагарда, заявленнаго въ настоящемъ собраніи, примѣнить проэктъ къ его преміи; относительно же срочной преміи, учрежденной Одесскимъ Городскимъ Управленіемъ 13 ноября 1889 года, войти въ сношеніе съ городомъ, не найдетъ ли онъ возможнымъ измѣнить условія преміи въ указанномъ выше смыслѣ, и в) избрать коммиссію подъ предсѣдательствомъ А. Л. Бертье-Делагарда изъ д. ч. А. Н. Деревицкаго, И. А. Линниченка, А. И. Маркевича, А. А. Павловскаго и С. Д. Пападимитріу для обсужденія вопроса, какія изъ напечатанныхъ за послѣднія пять лѣтъ сочиненій могли бы быть удостоены преміи А. Л. Бертье-Делагарда.

VIII. Представленный казначеемъ Общества отчетъ о денежныхъ средствахъ Общества за 1899 г.

Постановили: Поручить разсмотрѣніе отчета д. ч. А. В. Лонгинову, Г. И. Перетятковичу и С. А. Селиванову съ просьбой представить заключеніе къ слѣдующему Собранію.

IX. Представленный казначеемъ Общества проэктъ смѣты прихода и расхода денежныхъ средствъ Общества на 1900 годъ.

Постановили: Утвердить проэктъ смѣты и напечатать его въ приложеніи къ журналу настоящаго Собранія.

X. Докладъ д. ч. Э. Р. фонъ-Штерна «Археологическія замѣтки».

Постановили: Напечатать въ журналѣ настоящаго Собранія.

I. Вновь найденное Ольвійское надгробіе.

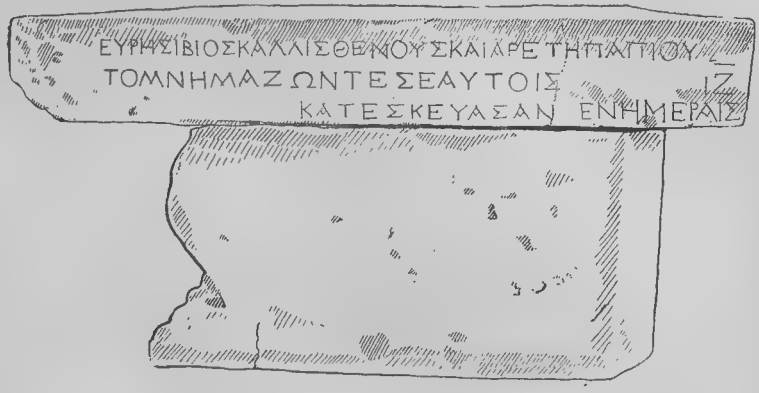
Издаваемый здѣсь надгробный памятникъ изъ Ольвіи заслуживаетъ по своей формѣ особеннаго вниманія. Насколько я знаю, въ нашихъ колоніяхъ пока еще не было найдено такого надгробія въ видѣ скамейки или стола.—τράπεζα въ собственномъ смыслѣ этого слова [1]). Вообще памятники

---

[1]) Какъ проф. Loeschcke (Archeol. Zeitung, 1884. S. 94, folg) основательно указалъ, словомъ τράπεζα обозначается въ болѣе широкомъ смыслѣ вообще вертикально поставленная надгробная плита съ рельефными украшеніями. Употребленіе этого слова въ такомъ переносномъ значеніи объясняется тѣмъ, что у грековъ, помимо настоящихъ столовъ на ножкахъ, были въ употребленіи толстыя, продолговатыя плиты, которыя, положенныя прямо на полъ, въ случаѣ надобности, замѣняли столъ. Когда ими не пользовались, то ставили ихъ на кантъ къ стѣнѣ, и въ этомъ положеніи сравненіе ихъ съ надгробными рельефами прямо напрашивалось. Это тѣмъ понятнѣе, что дѣйствительно существовали надгробія въ видѣ обыкновенныхъ столовъ.

этой формы встрѣчаются не часто: v. Sybel (Sculpturen zu Athen S. XI) въ своемъ каталогѣ аѳинскихъ скульптуръ перечисляетъ всего 11 монументовъ этого рода; есть ли между этими четырехугольными тяжелыми камнями на цоколѣ (Κουμανούδης Ἐπιγρ. ἐπιτ/μβ·οι p. XVI) экземпляры, представляющіе болѣе или менѣе близкую аналогію къ нашему, я по имѣющимся въ моемъ распоряженіи описаніямъ установить не могу.

На нашемъ цинкографическомъ изображеніи памятникъ снятъ въ профиль. Онъ состоитъ изъ четырехугольной продолговатой бѣло-мраморной плиты, имѣющей въ длину 90, въ ширину 65 и въ вышину 13 см. Лицевая, узкая сторона (обращенная на нашемъ снимкѣ влѣво), отдѣлана въ видѣ карниза; остальныя три стороны совершенно гладки. Эта плита покоится на подставкѣ или цоколѣ, состоящемъ изъ двухъ мраморныхъ блоковъ, имѣющихъ въ длину 65, въ ширину 14 и въ вышину 32 см. Лицевая сторона этихъ блоковъ весьма тщательно отдѣлана и обработана въ видѣ ножекъ, кончающихся раздѣльными копытами. Сзади этимъ блокамъ придана клинообразная форма правильнаго треугольника. Сверху въ этихъ блокахъ выдолблены четырехугольныя углубленія, — по одному на каждомъ; на одномъ изъ цоколей эта ямка залита свинцомъ; такъ какъ на соотвѣтствующемъ мѣстѣ на нижней сторонѣ плиты на одномъ боку имѣется также выдолбленное углубленіе,—на другомъ нѣтъ такого углубленія—то можно думать, что плита соединена была здѣсь съ цоколемъ для большей прочности свинцовой скобой; хотя при вѣсѣ плиты едва ли угрожала опасность, что она могла быть случайно сдвинута съ цоколя. На одной изъ боковыхъ сторонъ плиты изсѣчена весьма тщательно слѣдующая надпись, которая, судя по оставшимся слѣдамъ, въ старину выкрашена была въ красную краску:



Εὐρυσίβιος Καλλισθένους καὶ Ἀρετὴ Παπίου
τὸ μνῆμα ζῶντες ἑαυτοῖς
κατεσκεύασαν.

т. е. Эвресибій, сынъ Калисѳена, и Арета, дочь Папія,
этотъ памятникъ при жизни себѣ
устроили.

Надпись эта, вполнѣ правильная и понятная, не нуждалась бы въ дальнѣйшемъ комментаріи, если бы рѣзчикъ избралъ шрифтъ другого размѣра. Теперь же, вполнѣ логично помѣстивъ въ первой строкѣ имена, онъ долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что остальныя слова, при разъ избранномъ шрифтѣ, не помѣщаются въ одной строкѣ и что онъ, слѣдовательно, не можетъ двумя строками, отстоящими другъ отъ друга въ надлежащемъ разстояніи, наполнить всю данную ему площадь; поэтому онъ рѣшился распредѣлить надпись на три строки. Онъ при этомъ распредѣленіи придерживался смысла своего текста, и нельзя ему отказать и въ томъ, что онъ съ точки зрѣнія эстетическаго впечатлѣнія довольно удачно справился съ своей задачей; но онъ не могъ избѣгнуть того, что во второй и третьей строкахъ осталось свободное, незаполненное буквами мѣсто. Еслибъ онъ предугадалъ, къ какимъ это поведетъ послѣдствіямъ, онъ навѣрно измѣнилъ бы размѣръ избраннаго имъ шрифта. Дѣло именно въ томъ, что этими свободными мѣстами воспользовался современный фальсификаторъ для слѣдующей приписки: начавъ съ послѣдней строки, гдѣ больше мѣста, со словъ ἐν ἡμέραις и наполнивъ ими все свободное пространство, онъ перешелъ и на оставшееся еще во второй строкѣ мѣсто, чтобы тамъ начертить необходимое окончаніе своего глубокомысленнаго дополненія текста надписи: ἐν ἡμέραις $\overline{\text{Σ}}$, т. е. «въ продолженіи 17-ти дней».

Если уже по смыслу и по размѣщенію текста на камнѣ не можетъ быть сомнѣнія, что эта приписка не принадлежитъ къ первоначальному тексту надписи, то еще и по другой причинѣ эта приписка выдаетъ себя за произведеніе новѣйшаго фальсификатора. Какъ по техническимъ особенностямъ, о которыхъ я здѣсь, изъ опасенія научить фальсификатора, не смѣю распространяться, не можетъ быть сомнѣнія, что надпись до словъ κατεσκεύασαν—древняя, такъ по тѣмъ же техническимъ особенностямъ ясно, что приписка «ἐν ἡμέραις ις'» изобличаетъ неувѣренную руку современнаго поддѣлывателя.

Но чѣмъ же объясняется рѣшеніе портить интересный древній памятникъ такимъ неумѣстнымъ эпиграфическимъ упражненіемъ?

Чтобы представить объясненіе, мнѣ придется разсказать здѣсь цѣлую исторію, которая съ чисто археологическимъ изслѣдованіемъ ничего общаго не имѣетъ, но само по себѣ не лишена интереса. Она покажетъ, что здѣсь на югѣ Россіи въ археологической дисциплинѣ выдѣляется осо-

бый отдѣлъ, который можно назвать «полицейской или сыскной археологіей». Переходя къ изложенію этой исторіи, постараюсь быть краткимъ.

10 ноября 1899 года я получилъ заказное письмо отъ господина Ш. Гохманна, которымъ онъ меня извѣщалъ, что ему по телеграфу дали знать объ открытіи въ Парутинѣ богатой мраморами гробницы; отправляясь туда, онъ считаетъ умѣстнымъ послать мнѣ заказное письмо, чтобы въ случаѣ возможныхъ препятствій со стороны административной власти предъявить квитанцію почтовой конторы, и этимъ подтвердить, что онъ покупаетъ мраморъ для Одесскаго музея. 14 ноября г. Ш. Гохманъ пріѣхалъ въ Одессу и сообщилъ мнѣ, что имъ куплены два цоколя и одна большая мраморная плита съ надписью въ три строки; другая плита съ надписью, тоже найденная въ этой гробницѣ, до его пріѣзда уже пріобрѣтена была коммиссіонеромъ одного частнаго богатаго собирателя. При этомъ онъ прибавилъ, что многіе мужики недовольны были тѣмъ, что «сходъ» рѣшилъ продать ему эти мраморы за условленную сумму; они будто бы ожидали больше получить отъ другого покупателя, грозили ему, устроили ему засаду и т. д. Цѣль подобныхъ разсказовъ всегда одна и та же—возбудить интересъ къ предлагаемому предмету древности и этимъ стараться получить возможно болѣе высокую за него цѣну. Я, по обыкновенію, заявилъ г. Гохманну, что рѣшить вопросъ о пріобрѣтеніи могу только, увидѣвъ и изучивъ памятники; съ обѣщаніемъ ихъ прислать въ возможно скоромъ времени въ музей онъ и уѣхалъ. Исполнить это обѣщаніе г. Гохманну воспрепятствовали какъ разъ наступившіе въ то время морозы и вызванное ими прекращеніе пароходнаго сообщенія между Одессой и Очаковомъ.

Тѣмъ временемъ, 16 ноября, парутинскій агентъ нашего сочлена П. А. Маврогордато прислалъ ему, на запросъ по телеграфу о содержаніи вновь открытой могилы, вмѣстѣ съ краткой замѣткой о доставшихся г. Гохманну вещахъ довольно тщательную рукописную копію надписи съ того камня, который пріобрѣтенъ былъ часнымъ коллекціонеромъ. Надпись эта изсѣчена на довольно узкой стелѣ въ семи строкахъ и гласитъ слѣдующимъ образомъ:

ΕΥΡΗΣΙΒΙΟΣ
ΚΑΛΛΙΣΘΕΝΟΥΣ
ΚΑΙΑΡΕΤΗΠΑ
ΠΙΟΥΤΟΜΝΗΜΑ
ΖΩΝΤΕΣΣΕΥ
ΤΟΙΣΚΑΤΕΣ
ΚΕΥΑΣΑΝ.

Только въ началѣ декабря, когда вслѣдствіе сильныхъ морозовъ сообщеніе сухимъ путемъ не представляло уже особенныхъ затрудненій,

г. Гохманнъ, которому я въ письмѣ по поводу другихъ древностей напомнилъ и объ обѣщанныхъ намъ мраморахъ, выслалъ эти мраморы на подводѣ въ Одессу. Каково-же было мое удивленіе, когда я долженъ былъ констатировать, что надпись на присланной намъ плитѣ, за исключеніемъ трехъ прибавленныхъ въ концѣ словъ, вполнѣ тождественна съ надписью на пріобрѣтенной частнымъ коллекціонеромъ стелѣ! Я объ этомъ своемъ удивленіи и негодованіи немедленно написалъ г. Гохманну; я написалъ ему, что не можетъ быть, чтобы два одинаковыхъ надгробія найдены были въ одной могилѣ, и что конецъ надписи на этой плитѣ несомнѣнная поддѣлка. На это письмо г. Гохманъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ можетъ представить массу свидѣтелей, готовыхъ подтвердить, что онъ купилъ плиту съ той же надписью, которая теперь читается; что онъ проданной коммиссіонеру частнаго собирателя надписи не знаетъ, но увѣренъ, что и она подлинная, такъ какъ ему сказали, что есть различіе въ текстѣ и т. д. Черезъ нѣсколько дней самъ г. Гохманнъ прибылъ въ Одессу. Стоя передъ камнемъ, настоящимъ образомъ мною очищеннымъ, онъ долженъ былъ согласиться, что слова «ἐν ἡμέραις ις'» изсѣчены другой рукой, чѣмъ остальной текстъ; и защищаемое имъ затѣмъ предположеніе, что эта приписка, хотя относится къ болѣе позднему времени, чѣмъ текстъ надгробія, но тѣмъ не менѣе сдѣлана въ древности, онъ долженъ былъ также оставить, когда я ему показалъ, что углубленія буквъ въ умышленное подражаніе остальному тексту вымазаны также краской, но болѣе свѣтлой, чѣмъ въ первоначальной надписи.

Въ виду этихъ фактовъ г. Гохманнъ не настаивалъ больше на подлинности этой приписки, а лишь на своемъ неучастіи въ этомъ обманѣ; онъ согласился и съ тѣмъ, что изъ двухъ одинаковыхъ надгробныхъ надписей одна должна быть, повидимому, оригиналомъ, другая — копіей; до выясненія этого вопроса онъ де отказывается отъ полученія всякой платы, и если будетъ доказано, что на доставленной имъ плитѣ изсѣчена копія, то онъ, несмотря на всѣ расходы, которые имѣлъ, предоставляетъ этотъ памятникъ даромъ музею.

Это на первый взглядъ весьма великодушное предложеніе г. Гохманна я особенно высоко цѣнить не могу: онъ, навѣрно, такъ же хорошо зналъ, какъ и я, что надпись на доставленной имъ плитѣ, за исключеніемъ приписки, дѣйствительно древняя и онъ при своемъ предложеніи ничѣмъ не рискуетъ. Хотя я, какъ уже сказано, вполнѣ увѣренъ былъ въ подлинности надписи на нашемъ надгробномъ памятникѣ, но тѣмъ не менѣе я охотно согласился на предложеніе г. Гохмана, такъ какъ мнѣ самому казалось крайне желательнымъ получить фактическое доказательство вѣрности моего взгляда, что на нашей плитѣ оригиналъ надписи. Вѣрность моего взгляда могла быть только тогда доказана, если бы изученіе надписи на пріобрѣтенной частнымъ коллекціонеромъ стелѣ довело до несомнѣннаго результата, что эта надпись изсѣчена въ

новѣйшее время. До выясненія этого вопроса я отложилъ изданіе нашей надписи.

Въ началѣ января нашъ вице-президентъ Александръ Львовичъ Бертье-Делагардъ имѣлъ случай видѣть эту интересующую меня стелу. По моей просьбѣ онъ снялъ съ нея эстампажъ и весьма тщательно ее изучилъ; въ письмѣ отъ 11 января 1900 года онъ мнѣ сообщилъ слѣдующее: «Одного взгляда на надпись достаточно было, чтобы признать въ ней поддѣлку совершенно той же руки, что и наши музейскія поддѣлки; вся плита была затерта, конечно, разной гадостью; но я отмылъ ее и дѣло внѣ всякаго сомнѣнія; впрочемъ, мраморъ взятъ древній, котораго у этихъ господъ, надо думать, еще изрядный запасъ». Такимъ образомъ наученный опытомъ глазъ Александра Львовича вполнѣ подтвердилъ правильность моего предположенія.

Итакъ, все дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ: Когда нашли надгробный памятникъ съ надписью, фальсификатору показалось весьма умѣстнымъ на немъ хорошо заработать; и такъ какъ за два экземпляра надписи, повидимому, возможно было больше получить, чѣмъ за одинъ, то онъ рѣшился заказать копію съ этой надписи на имѣющемся въ запасѣ или, можетъ быть, и найденномъ въ этой же могилѣ кускѣ древняго мрамора. На этой узкой стелѣ какъ разъ помѣщалась надпись въ семи строкахъ. Опасность, что на основаніи возможныхъ при свободной композиціи ошибокъ неподлинность надписи будетъ выяснена, при такомъ копированіи вновь найденной надписи и одновременной продажѣ текста въ разныя руки, повидимому, теперь была исключена. Но на всякій случай, такъ какъ слѣдовало разсчитывать на то, что проданный музею текстъ будетъ изданъ и это изданіе можетъ попасть въ руки владѣльцу копіи, не мѣшало разнообразить совершенно сходные тексты какой-либо припиской. Тогда продавецъ-фальсификаторъ могъ на возможное выраженіе недоумѣнія со стороны владѣльца копіи ссылаться на это различіе въ текстахъ; дѣйствительно, г. Гохманнъ въ отвѣтъ на мое выраженіе недоумѣнія и негодованія, сейчасъ же писалъ, «что, по словамъ продавцевъ, тексты невполнѣ сходны». Конечно, было бы безопаснѣе помѣстить эту приписку въ копію на стелѣ, изготовленную для продажи частному коллекціонеру; но на этой стелѣ мѣста для расширенія текста не было, а между тѣмъ на настоящемъ надгробномъ памятникѣ было въ двухъ строкахъ такое соблазнительное мѣсто для помѣщенія этого дополненія. Изсѣчь здѣсь два слова и одну цыфру—на этотъ разъ въ совершенно правильной греческой формѣ—казалось фальсификатору, повидимому, не особенно рискованнымъ.

Кто же авторъ этого новаго обмана? Александръ Львовичъ Бертье-Делагардъ, видѣвшій стелу съ копіей, утверждаетъ, «что поддѣлка той же

руки, что и наши музейскія поддѣлки». Тѣ же, какъ давно установлено, происходятъ отъ братьевъ Гохмановъ. Съ другой стороны, господинъ Ш. Гохманнъ увѣряетъ, что онъ невиновенъ въ этомъ дѣлѣ и съ извѣстной гордостью говоритъ, что «такими пустяками занимался лишь во времена своего археологическаго младенчества». Что въ этомъ заявленіи, если вспомнить его дальнѣйшую дѣятельность: продажу тіары и т. д., есть большая доля справедливости, отрицать не могу. Если вѣрить его заявленію,—и я въ этомъ случаѣ склоненъ къ тому,—то слѣдуетъ констатировать, что въ Парутинѣ дѣйствуетъ теперь новая школа фальсификаторовъ, которая пользуется однако услугами того же рѣзчика, какъ и прежняя.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ остается тотъ несомнѣнный фактъ, что, не смотря на чрезвычайно богатыя находки послѣдняго времени въ Ольвіи, продажа, и выгодная продажа этихъ въ изобиліи раскопанныхъ древностей не утоляетъ жажды къ наживѣ торговцевъ, сосредоточившихъ въ своихъ рукахъ сбытъ этихъ древностей, и они съ корыстной цѣлью все еще прибѣгаютъ къ дерзкимъ поддѣлкамъ. Положить конецъ или, по крайней мѣрѣ, предѣлъ этой дѣятельности, которая имѣла и имѣетъ гораздо болѣе широкіе размѣры, чѣмъ предполагаютъ по единичнымъ, преданнымъ гласности случаямъ, возможно будетъ лишь тогда, когда драгоцѣнная для отечественной археологіи почва Ольвіи станетъ предметомъ систематическихъ и правильно организованныхъ раскопокъ со стороны призванныхъ къ этому институтовъ. Этимъ «ceterum censeo», такъ часто мною повторяемымъ, я позволю себѣ закончить и настоящую замѣтку.

II. Къ вопросу о воздѣйствіи античной культуры на области, расположенныя внѣ района древнихъ поселеній на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря.

При изученіи характера и значенія античной колонизаціи на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря является немаловажнымъ опредѣлить, насколько греческіе колонисты успѣли распространить сферу своего вліянія и культурнаго воздѣйствія на окружающее ихъ варварское населеніе. Но возможно ли вообще такое опредѣленіе при имѣющемся въ нашемъ распоряженіи матеріалѣ и что изъ этого матеріала можетъ служить надежной опорой при попыткѣ рѣшенія этой задачи?

Начну со втораго вопроса; изъ отвѣта на него получится разъясненіе и перваго. Для опредѣленія воздѣйствія грекоримскаг міра на жителей южно-русскаго края, въ широкомъ смыслѣ этого слова, до сихъ поръ обыкновенно обращали главное вниманіе на находимыя въ этомъ краѣ античныя монеты. Для нѣкоторыхъ мѣстно-

стей свѣдѣнія относительно мѣста нахожденія античныхъ монетъ собраны съ большою тщательностью и желательно, чтобы начатыя въ этомъ направленіи работы доведены были до успѣшнаго конца. Вполнѣ сочувствуя этимъ, во многихъ отношеніяхъ немаловажнымъ работамъ, я однако долженъ замѣтить, что въ вопросѣ о непосредственномъ культурномъ воздѣйствіи находимыя у насъ монеты не являются вполнѣ надежнымъ матеріаломъ. Извѣстно, что античныя монеты, особенно римскія, распространены были по весьма большому району, и что онѣ найдены даже въ мѣстностяхъ, гдѣ о какомъ бы то ни было вліяніи античнаго міра и думать нельзя. Римскія монеты, отчасти и греческія въ отдѣльныхъ экземплярахъ завезены были такъ же далеко, какъ впослѣдствіи куфическія, и ихъ присутствіе въ томъ или другомъ отдаленномъ отъ всякихъ культурныхъ центровъ могильникѣ не даетъ еще намъ права предполагать, что данная мѣстность находилась когда-то въ прямыхъ сношеніяхъ съ античными государствами. Больше значенія имѣютъ, конечно, такъ называемыя кладовыя находки (Depotfunde). Но и при нихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ возникаетъ вопросъ, зарытъ ли данный кладъ дѣйствительно проживающимъ въ этой мѣстности представителемъ классической культуры, либо случайно проѣзжающимъ торговцемъ, или не является ли онъ издали привезенной добычей смѣлыхъ кочевниковъ? Подобныя кладовыя находки свидѣтельствуютъ въ лучшемъ случаѣ о существованіи прямыхъ сношеній между варварскими жителями данной страны и обитателями того или другого античнаго торговаго центра,—но о культурномъ воздѣйствіи этихъ послѣднихъ на своихъ варварскихъ современниковъ мы по нимъ не можемъ себѣ составить опредѣленнаго понятія.

Гораздо болѣе надежнымъ мѣриломъ для этой цѣли можетъ служить находимая внѣ района осѣдлости грековъ и римлянъ античная глиняная посуда. Извѣстно, что каждый народъ, и на самой первобытной ступени развитія, самъ изготовляетъ себѣ необходимую для домашняго употребленія глиняную утварь. Слѣдовательно, если въ области, гдѣ не было античныхъ поселеній, раскапываются рядомъ съ простой утварью издѣлія греческой и римской керамики, то мы вправѣ заключить, что населявшій въ извѣстный періодъ эту область народъ испытывалъ на себѣ прямое культурное воздѣйствіе античнаго міра. Глиняные кувшины, миски и горшки не уносились при грабежахъ, какъ драгоцѣнная добыча; они не переходили и изъ рукъ въ руки, какъ монеты, предметы украшенія и издѣлія изъ драгоцѣнныхъ металловъ. Гдѣ мы находимъ привозной глиняный товаръ, тамъ существовалъ, надо думать, дѣйствительно спросъ на него, и этотъ спросъ позволяетъ намъ составить себѣ извѣстное понятіе о культурномъ уровнѣ и житейскихъ потребностяхъ даннаго народа и степени воздѣйствія на него другого народа, удовлетворяющаго этимъ потребностямъ.

Въ виду изложеннаго мнѣ кажется весьма важнымъ для опредѣленія культурнаго воздѣйствія древнихъ колонистовъ крайнихъ форпостовъ античнаго міра въ Черноморьѣ на окружающія ихъ варварскія племена, въ особенности на Скиѳовъ, съ точностью установить районъ, въ которомъ при раскопкахъ найдена была греческая и римская посуда. Сообщаю здѣсь о тѣхъ данныхъ, которыя мнѣ до сихъ поръ удалось собрать изъ центральной области Скиѳіи, теперешней Кіевской губерніи, въ надеждѣ, что мѣстные археологи обратятъ надлежащее вниманіе на затронутый здѣсь вопросъ и благоволятъ пополнить представляемый въ настоящемъ сообщеніи матеріалъ.

I) Древнѣйшимъ до сихъ поръ, насколько я знаю, образцомъ привознаго греческаго гончарнаго товара является фрагментъ верхней части амфоры, окрашенной въ свѣтло-желтую краску. Подъ горломъ изображена въ черной краскѣ собака и козерогъ (Steinbock), а между ними и рядомъ съ этими звѣрями имѣемъ заполняющій площадь орнаментъ (Füllornament) въ видѣ крестовъ, концы которыхъ загнуты крючкомъ, цвѣтовъ и т. д. Характерная особенность изображенія и орнаментаціи не позволяетъ сомнѣваться, что эта амфора происходитъ изъ Милета и относится къ концу VI или началу V вѣка до Р. Х. Этотъ любопытный фрагментъ найденъ въ Кіевск. губ. въ Чигиринскомъ уѣздѣ въ 1863 г. и хранится нынѣ въ Антропологическомъ музеѣ въ Москвѣ.

II. Въ музеѣ университета св. Владиміра имѣется росписной аттическій кратеръ краснофигурнаго стиля IV вѣка, найденный въ Каневскомъ уѣздѣ при раскопкахъ г. Скиргелло 1845 года; имѣется далѣе простая глиняная греческая амфора изъ Звенигородскаго уѣзда и еще нѣсколько фрагментовъ греческой посуды, добытыхъ при раскопкахъ въ разныхъ мѣстахъ Кіевской губерніи.

III. Въ вновь устроенномъ Кіевскомъ городскомъ музеѣ помѣщена изъ богатой коллекціи Б. И. Ханенка цѣлая витрина съ аѳинскими вазами и сосудами IV—III вѣка до Р. Х., найденными въ курганахъ Кіевской губерніи; между ними заслуживаетъ особеннаго интереса съ художественной точки зрѣнія кратеръ съ изображеніемъ похищенія Европы; но съ точки зрѣнія культурнаго воздѣйствія античнаго міра на жителей Скиѳіи еще важнѣе, что между этими находками встрѣчается довольно много обыкновенной греческой посуды, предназначенной для ежедневнаго употребленія.

IV. Въ курганахъ близъ Смѣлы, раскопанныхъ и роскошно изданныхъ графомъ А. А. Бобринскимъ, найдена также привозная чернолаковая посуда: киликсы, чаши, кубки, блюдца и т. д.

V. При раскопкахъ, произведенныхъ въ имѣніи госпожи В. Н. Ханенко, въ Пруссахъ, Черкасскаго уѣзда, осенью 1899 года найдено болѣе сорока черепковъ различной греческой посуды. Между этими черепками

есть фрагменты аѳинской пелики краснофигурнаго стиля IV вѣка; на пеликѣ изображена сцена туалета: одна женская фигура сидитъ съ шкатулкой и туалетными принадлежностями въ рукахъ, другая стоитъ передъ ней. Далѣе имѣются ручки отъ большого чернолаковаго сосуда, черепки желтой іонической посуды съ красными полосами, фрагменты аѳинской амфоры IV вѣка, украшенной вписанными въ круги пальметтами. Въ томъ же Черкасскомъ уѣздѣ при Матронинскомъ монастырѣ произведены также осенью 1899 года раскопки; при нихъ найдены: черепки сосуда, украшеннаго на бѣломъ фонѣ красными полосами (іоническая посуда III—II вѣка до Р. Х.), черепокъ такъ называемой «родосской» посуды: на свѣтломъ фонѣ нарисованъ въ черной краскѣ звѣрь; дальше черепокъ аттической вазы IV вѣка, найденный рядомъ съ тремя грубыми скиѳскими сосудами въ одной могилѣ; наконецъ, фрагменты красноглинянаго римскаго сосуда, аѳинская миска и киликсъ чернолаковые, римская лампочка и много фрагментовъ желтой іонической посуды съ красными полосами и лиственнымъ орнаментомъ (н. п. плющъ).

Представленный здѣсь списокъ случайно мнѣ извѣстныхъ находокъ изъ Скиѳіи обнимаетъ свыше сотни предметовъ классическаго античнаго гончарнаго промысла; можно быть увѣреннымъ, что при систематическомъ собираніи относящагося сюда матеріала легко будетъ безъ особеннаго труда этотъ списокъ увеличить разъ въ двадцать, или тридцать. Но уже изъ приведенныхъ здѣсь данныхъ возможно вывести совершенно опредѣленное заключеніе, что эта найденная въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разныхъ уѣздахъ Кіевской губерніи античная посуда не завезена сюда случайно, а у племени, нѣкогда заселившаго этотъ край, существовалъ спросъ на столь изящный и красивый глиняный товаръ. Фактъ же этого спроса съ своей стороны дозволяетъ предполагать, что это племя или этотъ народъ находился подъ довольно интенсивнымъ культурнымъ воздѣйствіемъ жителей нашихъ Черноморскихъ колоній,— воздѣйствіемъ, которое, судя по характеру посуды, продолжалось съ конца VI вѣка до Р. Х. до временъ Римской имперіи.

Къ какому времени относится начало этого воздѣйствія и торговыхъ связей Греціи съ жителями береговъ Днѣпра вверхъ до Кіева, я опредѣлить не берусь; но очень соблазнительно отнести это начало къ весьма глубокой древности; на эту мысль наводятъ весьма любопытные и важные результаты раскопокъ г. Хвойки. Такъ какъ объ результатахъ этихъ раскопокъ нашъ многоуважаемый сочленъ И. А. Линниченко (срв. протоколъ 309 засѣданія 1898 г.) въ февральскомъ засѣданіи 1898 года представилъ подробный докладъ (срв. и протоколъ 312 засѣданія, 2 октября 1898 года) и на XI Археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ прочитано было о нихъ обстоятельное сообщеніе

г. Хвойки, то считаю лишнимъ распространяться здѣсь объ общемъ характерѣ находокъ, сдѣланныхъ на открытыхъ г. Хвойко культурныхъ площадкахъ. Напомню лишь, что на этихъ площадкахъ найдены керамическія издѣлія въ большомъ изобиліи и притомъ весьма различной формы и весьма различнаго характера. Рядомъ съ очень грубыми, еще отъ руки сработанными и плохо обожженными простыми сосудами попадаются хорошо сформованные желто-глиняные горшки грушеобразнаго вида, суживающіеся внизу и украшенные спиральнымъ орнаментомъ, концентрическими кружками и т. д., врѣзанными острымъ инструментомъ въ мягкую еще глину, — горшки, которые по своей формѣ представляютъ довольно близкую аналогію къ сосудамъ такъ называемой греческой «островной культуры» (Inselkultur); встрѣчается дальше посуда, покрытая темно-красной краской и украшенная черными полосами, посуда изъ плотной желтой глины, покрытая свѣтло-желтой краской, на которой въ красной краскѣ исполнены разные орнаменты, изъ большихъ листьевъ или косыхъ треугольниковъ; найдены, наконецъ, такъ называемыя бинокловыя вазы, сосуды съ грубымъ лицевымъ орнаментомъ и грубые глиняные идолы, напоминающіе въ нѣкоторой степени троянскіе.

Выставить мнѣ на основаніи этихъ находокъ гипотезу о связи этой культуры съ древнѣйшей греческой, представленной добытыми въ Троѣ и на греческихъ островахъ предметами, было бы, конечно, слишкомъ смѣло, тѣмъ болѣе что, напр., сосуды двойные полые съ двойнымъ раструбомъ, соединенные въ серединѣ перекладиной, найдены, кромѣ Трои, и въ Галиціи, и что лицевыя урны распространены, вполнѣ независимо отъ троянской культуры, на весьма большомъ районѣ. Все это, конечно, заставляетъ быть весьма осмотрительнымъ и осторожнымъ въ выводахъ. Но, чтобы подготовить все-таки рѣшеніе вопроса о происхожденіи этой своеобразной и весьма любопытной культуры періода каменнаго вѣка (срв. кремневые серпы, которыми былъ наполненъ одинъ изъ этихъ глиняныхъ сосудовъ) въ сердцѣ Скиѳіи, я рѣшился обратиться къ содѣйствію многоуважаемаго профессора химіи П. Г. Меликова и просилъ его произвести анализъ глины четырехъ разныхъ черепковъ отъ найденной на этихъ площадкахъ посуды. Я руководился въ этой просьбѣ слѣдующимъ соображеніемъ. Если вся эта разнообразная посуда сдѣлана изъ глины одного состава, изъ глины одной мѣстности, то надо при обсужденіи вопроса о происхожденіи этой культуры исходить изъ предположенія, что гончарное производство представителей этой культуры возникало и органически выросло довольно самостоятельно въ одномъ опредѣленномъ районѣ, безъ замѣтныхъ вліяній и воздѣйствій извнѣ; если же, наоборотъ, окажется, что глина этихъ сосудовъ различнаго состава, то допустима догадка, что часть этой посуды — и, конечно, болѣе тонкая и изящно сработанная, — представляетъ собою привозной товаръ, и тогда воз-

можно дальше поставить вопросы: откуда же этотъ товаръ могъ быть доставленъ вверхъ по Днѣпру и гдѣ мы должны искать мѣсто его фабрикаціи?

Я для своихъ цѣлей, какъ сказано, выбралъ четыре черепка: 1) черепокъ типичнаго, грубаго, плохо обожженнаго, сосуда безъ особыхъ украшеній; 2) черепокъ желто-глинянаго грушевиднаго сосуда съ вдавленнымъ спиральнымъ орнаментомъ; 3) черепокъ посуды, покрытой темно-красной краской, и 4) черепокъ желто-крашенной урны съ нарисованнымъ въ красной краскѣ лиственнымъ орнаментомъ.

Анализъ проф. Меликова далъ слѣдующіе результаты:

	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
Кремневая окись Si O_2	57,41%	59,17%	65,66%	60,37%
Окись желѣза Fe_2 O_3	3,72%	5,27%	2,96%	7,37%
Окись аллюминія Al_2 O_3	21,59%	23,12%	22,26%	22,51%
Окись кальція Ca O	12,22%	6,27%	6,43%	6,17%
Окись магнія Mg O	3,77%	3,03%	2,1%	1,92%

Къ этому анализу профессоръ Меликовъ, которому я здѣсь высказать свою искреннюю благодарность за любезно имъ принятый на себя большой трудъ считаю пріятнымъ своимъ долгомъ, прибавилъ, что черепокъ № 1 содержитъ кромѣ того небольшое количество углекислой извести, чего въ другихъ черепкахъ нѣтъ.

Итакъ образецъ простой посуды содержитъ углекислую известь и замѣтно различается отъ другихъ образцовъ еще тѣмъ, что имѣетъ почти двойное количество окиси кальція. Это различіе даетъ намъ, кажется, право предположить, что грубая и болѣе простая посуда изготовлена изъ другой глины, чѣмъ посуда, отъ которой взяты остальные образцы; послѣдніе, особенно раскрашенные, стоятъ весьма близко другъ къ другу; единственное замѣтное различіе въ окиси желѣза объясняется скорѣе всего различнымъ составомъ красокъ.

Такъ какъ болѣе грубая посуда и здѣсь, какъ вездѣ, конечно, мѣстнаго происхожденія, то возможно будетъ предположеніе, что лучшая и болѣе тонкая, различающаяся по своему составу глины представляетъ собой товаръ привозной. Я долженъ признаться, что и другія соображенія говорятъ въ пользу этого предположенія и что результатъ анализа меня не поразилъ. Трудно допустить, чтобы люди, не знавшіе еще бронзы и желѣза, имѣли уже такія совершенныя приспособленія, чтобы изготовлять прекрасно обожженную посуду довольно замысловатой формы. Откуда эта посуда имъ была доставлена, на это я еще не смѣю отвѣчать прямо. Но, если имѣть въ виду, что въ той же Кіевской губерніи найденъ черепокъ милетской посуды VI вѣка, т. е. отъ начальнаго періода сношеній историческихъ грековъ съ берегами Чернаго моря, періода, въ которомъ, насколько я знаю, мы до

сихъ поръ не допускали и мысли о связяхъ грековъ съ жителями глубины южно-русской страны, если дальше имѣть въ виду, что въ послѣдующихъ періодахъ эти связи по керамическимъ находкамъ являются довольно интенсивными и прочными, то, по-моему, недьзя совершенно отвергать возможности, что начало этихъ сношеній морскимъ путемъ вверхъ по теченію Днѣпра относится къ весьма отдаленному періоду распространенія такъ называемой троянской культуры по бассейну Эгейскаго моря. Я, конечно, считаю еще преждевременнымъ выставлять подобную догадку,—но съ возможностью этой догадки, мнѣ кажется, слѣдуетъ считаться. Уже допущеніе одной этой возможности, открывающей весьма широкіе горизонты для древнѣйшаго періода греческой исторіи, заставляетъ высказать пожеланіе, чтобы изслѣдованіе столь загадочной «культуры Хвойки» было продолжено и доведено до конца на возможно широкихъ основаніяхъ, съ предоставленіемъ для этой цѣли значительныхъ средствъ и съ привлеченіемъ самыхъ компетентныхъ ученыхъ.

Д. ч. *Э. Р. фонъ-Штернъ.*

Смѣта прихода и расхода денежныхъ суммъ ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей на 1900 годъ.

Статьи	ПРИХОДЪ	Въ 1900 году Руб	К.	Дѣйствительно поступило въ 1899 г. Руб	К.
	Остатокъ къ 1 Января 1900 г.	1029		—	—
	На рукахъ у казначея	[redacted]	68	—	—
I	Высочайше дарованн. пособія	2500	—	2500	—
II	За дипломы и членскіе взносы	200	—	115	—
III	Продажа записокъ и изданій Общества	300		314	35
IV	» дуплетовъ и ненужн. инвентаря	100		145	72
V	% съ капитала Общества	193	80	193	80
VI	% » Бертье-Делагарда	25	64	25	64
VII	Отъ завѣдыв. Аккерм. крѣпостью	150	—	40	
VIII	% по текущ. счету Общ. Взаимн. Кред.	42	15	30	19
IX	Случайнаго прихода	100	—	500	
X	Невзрасх. % преміи имени Княжевича	483	32	—	
		5390	59	—	—

Статьи	РАСХОДЪ	Въ 1900 году Руб	К	Дѣйствительно израсходовано въ 1899 г. Руб	К
I	Жалованье служащимъ	876	—	876	—
II	Пособія и наградные	65	—	75	—
III	Печатаніе XXII тома Записокъ Общества и др.	750	—	730	—
IV	Изготовл. клише для протов. и таблицъ XXIII тома	270	—	295	—
V	Печатаніе текста для III выпуска музея Общества	200	—	400	—
VI	Отопленіе и освѣщеніе музея	54	—	за выгодн. таблицъ 108	—
VII	Витрины и друг. столярныя работы	150	—	219	90
VIII	Пособіе Мелекъ-Чесменскому музею	100	—	100	
IX	Переписка книгъ, картъ и рукописей	100	—	108	45
X	Выписка книгъ	100	—	24	—
XI	Устройство библіотеки	50	—	[illegible]	—
XII	Канцелярскіе, почтовые и хозяйств. расходы	100	—	113	49
XIII	Пріобрѣтеніе предметовъ древности, экстрен. расх., командир. членовъ съ учен. цѣлью и др.	1580	—	1425	23
XIV	Изданіе IV выпуска монетъ Общества	483	32	—	—
		4878	32	—	—

Казначей *П. А. Маврогордато.*

324 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

9-го Марта 1900 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Вице-Президента *А. Л. Бертье-Делагарда*, при секретарѣ *А. И. Маркевичѣ*, дѣйствительные члены: *Л. Ф. Брунъ*, *А. Е. Егоровъ*, *П. А. Ивановъ*, *В. М. Истринъ*, *А. А. Кочубинскій*, *П. А. Лавровъ*, *А. В. Логиновъ*, *В. Н. Мочульскій*, *Г. И. Перетятковичъ*, *С. В. Петровскій*, *В. Н. Пироговъ*, *Э. Р. фонъ-Штернъ* и *Х. П. Ящуржинскій*.

Слушали:

I. Докладъ ревизіонной коммисіи объ отчетѣ г. казначея Общества за 1899 г. (см. журналъ 323 засѣданія п. VIII).

Постановили: Отчетъ утвердить и напечатать въ приложеніи къ настоящему журналу.

II. Отчеты о состояніи Ѳеодоссійскаго музея древностей и Меленъ-Чесменскаго кургана въ Керчи въ 1899 году, представленные гг. завѣдующими этими учрежденіями. По провѣркѣ Совѣта отчеты эти представляются правильными.

Постановили: Отчеты утвердить и напечатать въ отчетѣ Общества за 1899 г.

III. Отношеніе Императорской Археологической Коммисіи отъ 3-го марта с. г. за № 430 съ благодарностью Обществу за готовность оказать содѣйствіе въ организаціи и веденіи систематическихъ раскопокъ въ Ольвіи и съ извѣщеніемъ, что Коммисіей поручено будетъ своему члену К. Е. Думбергу лѣтомъ с. г. познакомиться съ мѣстоположеніемъ Ольвійскаго некрополя и представить соображенія о наиболѣе цѣлесообразномъ направленіи предстоящихъ тамъ изслѣдованій.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Докладъ г. хранителя музея о поступившихъ въ него предметахъ.

I. Поступило въ даръ:

А) Отъ Императорской Археологической Коммисіи:

1) Амфорочка изъ разноцвѣтнаго стеклянаго сплава.

2) Плоская чашечка о двухъ ручкахъ изъ красной глины.

3) Небольшая амфорочка изъ сѣрой глины съ двумя черными полосами подъ ручками.

4) Сосудъ объ одной ручкѣ, отчасти покрытый чернымъ лакомъ.

5) Одиннадцать разноцвѣтныхъ небольшихъ бусъ изъ яшмы, сердолика и стеклянаго сплава.

6) Двѣ подвѣски изъ мѣди (серьги?) въ видѣ самоварчика.

7) Золотая львиная головка съ ушкомъ.

8) Морская раковина, служившая какъ ἀποτρόπαιον.

9) Лекиѳъ, украшенный черными пальметтами.

10) Чернолаковая чашка на низкой ножкѣ.

11) Другая такая-же.

12) Щитокъ съ умбонами, — вѣроятно, отъ терракоттоваго всадника.

13) Глиняная лампочка.

14) }
15) } Три простыя глиняныя лампочки.
16) }

17) Девять бронзовыхъ щитковъ отъ деревяной двери.

18) Кубокъ изъ красной глины о двухъ ручкахъ.

19) Граненная буса изъ горнаго хрусталя.

20) Двѣ продолговатыя бусы или подвѣски изъ горнаго хрусталя.

21) Стекляной кувшинъ съ ушкомъ.

22) Амфора, покрытая чернымъ лакомъ, съ позолоченнымъ вѣнкомъ на горлышкѣ.

23) Краснофигурная лекана съ изображеніемъ двухъ женскихъ головъ и двухъ лежащихъ грифоновъ.

24) Такая-же лекана, съ изображеніемъ четырехъ женскихъ головъ.

25) Стекляный стаканъ.

26) Кубокъ изъ красной глины о двухъ ручкахъ.

27) Маленькій стекляной флаконъ.

28) Бронзовое зеркало съ ручкой.

29) Круглая стекляная бутылка.

30) Бронзовый перстень съ орнаментомъ.

31) Маленькая раковина.

32) Дрейпельхеръ 1615 года Сигизмунда III.

Всѣ вещи изъ Керчи.

33) Тридцать четыре (34) серебряныя турецкія монеты, найденныя въ с. Саратѣ, Аккерм. уѣзда.

Б) Отъ д. ч. *В. Н. Пирогова* (по распоряженію супруги его М. А. Пироговой, нынѣ скончавшейся):

1) 19 терракоттовыхъ головъ, plaque женской фигуры и plaque головы Медузы—изъ Тарента.

2) 11 глиняныхъ римскихъ лампочекъ (мѣсто нахожденія неизвѣстно), 2 мраморныхъ головы — изъ Рима.

3) Три чернолаковыя вазы изъ Мессины.

4) 16 античныхъ стеклянныхъ слезницъ (4 изъ нихъ цѣлыя)—изъ Керчи и Ольвіи.

5) 140 серебряныхъ и 134 мѣдныхъ монетъ: римскихъ, греческихъ, русскихъ и др.

II. Куплено:

1) Фрагментъ большаго кратера краснофигурнаго строгаго стиля — изъ Ольвіи.

2) Миска о двухъ ручкахъ; верхняя половина — красная полива съ рельефнымъ изображеніемъ лиственнаго орнамента; нижняя половина гладкая, лиловой краски — изъ Ольвіи.

Постановили: Передать поступившіе предметы въ музей для храненія, а д. ч. В. Н. Пирогову выразить благодарность Общества.

V. Отношеніе Императорской Археологической Коммисіи отъ 25-го января 1900 г. за №№ 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162 о высылкѣ Обществу коллекціи древнихъ предметовъ (см. выше п. IV).

Постановили: Коммисію благодарить, а вещи передать въ музей.

VI. Отношеніе Императорской Археологической Коммисіи отъ 12-го февраля 1900 г. за № 275 о высылкѣ Обществу 34 серебр. турецкихъ монетъ султана Махмуда II-го 1223—1255 гг., т. е. 1808—1839 гг. по Р. Хр. (см. выше п. IV).

Постановили: Коммисію благодарить, а вещи передать въ музей.

VII. Представленный секретаремъ Общества списокъ полученныхъ книгъ:

1) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, т. XI, № 3, Октябрь 1899 г. и № 4, Ноябрь 1899 г. С.-Петербургъ, 1899 г.

2) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, годъ LXVII, кн. I. и 2. Казань, 1900, и приложенія къ нимъ: 1) Философія въ Россіи. Проф. Е. Боброва, и 2) Значеніе бактеріологическаго способа распознаванія Азіатской холеры. М. Казанскаго (окончаніе). Листы 53—76-й. Казань, 1900 г.

3) Варшавскія Университетскія Извѣстія. 1899, № IX. Варшава, 1899

4) Записки Историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Часть LIII, LIV. С.-Петербургъ, 1899 и т. LV. С.-Петербургъ, 1900.

5) Ученыя записки Императорскаго Юрьевскаго Университета. 1899 г. № 5. Юрьевъ, 1899 г.

6) Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. X, вып. 3 и 4, новая серія. С.-Петербургъ, 1899 г.

7) Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, в. V. Одесса, 1900 г.

8) Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. 1899 г. Сентябрь—Октябрь. С.-Петербургъ, 1900 г.

9) Записки Читинскаго отдѣленія Приамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, вып. III. Чита, 1898 г.

10) Отчетъ Читинскаго отдѣленія Приамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1897 г. Чита, 1899 г.

11) Записки Крымскаго Горнаго Клуба въ г. Одессѣ. 1899, № 12.

12) Отчетъ о дѣятельности Севастопольской морской офицерской библіотеки за 1898 годъ.

13) Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Рік IX. Р. 1900, кн. I (т. XXXIII) и кн. II (т. XXXIV).

14) Збірник математично-природописно лікарьскоі секциі Наукового Товариства імени Шевченка, т. V, вып. II. Львовъ, 1899.

15) *Памятники древней письменности*: а) Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени. И. А. Шляпкина, CXXVIII, 1898 г. б) Отчеты о засѣданіяхъ Императорскаго общества любителей древней письменности въ 1897—1898 гг. CXXX, 1898 г. в) Изъ исторіи отреченной литературы. CXXXI, 1899 г. г) О научныхъ задачахъ исторіи древне-русскаго искусства. Н. П. Кондакова.—Некрологъ Г. Д. Филимонова. Н. В. Покровскаго. — Памяти Ѳ. И. Буслаева и Г. Д. Филимонова. Гр. С. Д. Шереметева. CXXXII, 1899 г. д) Изъ исторіи отреченныхъ книгъ CXXIX, 1899 г. е) Лицевой иконописный подлинникъ и его значеніе для современнаго церковнаго искусства. Н. В. Покровскаго. CXXXIV, 1899 г. ж) Отчетъ о засѣданіи 5 марта 1899 г., съ приложеніями: 1) «Логика жидовствующихъ и тайная тайныхъ». А. И. Соболевскаго. 2) «Вѣдомость о китайской землѣ и о глубокой индѣи». С. О. Долгова. CXXXIII, 1899 г.

Постановили: Передать въ библіотеку Общества.

VIII. Предложеніе президента Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи проф. Анучина о высылкѣ для Антропологическаго музея этого Общества Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Совѣтъ предлагаетъ согласиться на предлагаемый обмѣнъ, выслать тѣ томы Записокъ Общества, которые имѣются въ достаточномъ числѣ экземпляровъ, и высылать ихъ впредь.

Постановили: Принять предложеніе Совѣта.

IX. Предложеніе Towarzystwa ludoznawczego we Lwowie обмѣниваться изданіями.

Совѣтъ предлагаетъ обмѣниваться изданіями, начиная съ настоящаго времени.

Постановили: Принять предложеніе Совѣта.

X. Сообщеніе Аккерманской Городской Управы отъ 9-го февраля 1900 г. за № 352, что вопросъ о правѣ города на землю, отданную имъ въ аренду купцу Варшавскому, коммисіей еще не законченъ, и предложеніе Совѣта о необходимости предупредить Аккерманскую управу, что Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей потребуетъ отъ г. Аккермана уплаты денегъ за пользованье указанной выше землею съ того времени, какъ она была передана Обществу; а сверхъ того написать г. Бессарабскому губернатору о понужденіи Аккерманской управы къ ускоренію разрѣшенія дѣла о передачѣ Обществу означенной земли.

Постановили: Обратиться въ Аккерманскую Городскую Управу съ письмомъ согласно предложенію Совѣта и просить г. Губернатора о содѣйствіи къ удовлетворенію городомъ требованія Общества.

XI. Сообщеніе Одесской Городской Управы отъ 4 марта 1900 г. за № 232, что ассигнованные постановленіемъ Одесской Городской Думы 13 ноября 1899 года 500 рублей на премію за лучшее сочиненіе по исторіи и древностямъ юга Россіи, за неизрасходованіемъ ихъ для указанной цѣли по отчету за 1895 годъ зачислены обратно въ доходъ города, и заключеніе Совѣта, по которому онъ находитъ снятіе Управой учрежденной городомъ безсрочной преміи въ ознаменованіе исполнившагося 50-лѣтія существованія Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей незаконнымъ и предлагаетъ обратить на это вниманіе Одесской Городской Управы.

Справка. Изъ отношенія Одесской Городской Управы отъ 11 декабря 1889 г. за № 16071 на имя г. Вице-Президента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей усматривается, что означенная премія была учреждена Одесскою Городскою Думою приговоромъ отъ 13 ноября 1889 г. за № 140 по случаю имѣющагося совершиться 14 ноября того-же года пятидесятилѣтія дѣятельности Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Присужденіе преміи за лучшее сочиненіе по вопросамъ, касающимся исторіи или древностей юга Россіи, предоставлено было вышеозначенному Обществу и расходы по напечатанію сочиненія, удостоеннаго преміи, приняты на счетъ города. При этомъ никакого срока для прекращенія существованія преміи не обозначено.

Постановили: Усматривая противорѣчіе въ двухъ отношеніяхъ Одесской Городской Управы къ Обществу: отъ 11 декабря 1889 г. за № 16071 и отъ 4 марта 1900 г. за № 232, запросить Управу, какимъ образомъ можно согласить такое противорѣчіе?

XII. Предложеніе Совѣта о томъ, чтобы Общество уполномочило его обсудить подробно вопросъ о расширеніи помѣщенія музея Общества и вступить относительно того въ переговоры, съ кѣмъ окажется необходимо, а затѣмъ о результатахъ переговоровъ и своихъ соображеніяхъ представить Обществу.

По обсужденіи вопроса, посредствомъ открытаго баллотированія *постановили*: Согласиться съ предложеніемъ Совѣта. Единственно подавшій голосъ противъ такого постановленія д. ч. А. А. Кочубинскій предлагалъ отложить обсужденіе вопроса о расширеніи помѣщенія музея Общества на полъ-года.

XIII. Письмо д. ч. А. Ф. Фогеля съ благодарностью за его избраніе въ члены Общества и, съ препровожденіемъ единовременнаго членскаго взноса въ размѣрѣ 100 рублей и 10 рублей для напечатанія диплома; также письма д. ч. Любора Нидерле, д. ч П. А. Лаврова и д. ч. Н. И. Веселовскаго (послѣдняго на имя секретаря Общества) съ благодарностью за избраніе ихъ въ члены Общества. Присланныя г. Фогелемъ деньги уже переданы г. казначею Общества.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

XIV. Предложеніе Правленія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи почтить Президента этого Общества профессора Димитрія Николаевича Анучина 30 марта с. г., когда исполняется 25-лѣтіе его дѣятельности въ названномъ Обществѣ.

Совѣтъ предлагаетъ избрать Д. Н. Анучина въ дѣйствительные члены Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, а 30 марта привѣтствовать проф. Д. Н. Анучина телеграммою.

Постановили: Произвесть избраніе Д. Н. Анучина въ д. ч. Общества въ настоящемъ засѣданіи и послать ему отъ Общества 30 марта привѣтственную телеграмму.

По баллотировкѣ проф. Д. Н. Анучинъ избранъ былъ въ дѣйствительные члены Общества большинствомъ голосовъ.

XV. Предложеніе Совѣта избрать въ члены корреспонденты Общества протоіерея В. Н. Никифорова (въ Одессѣ) и преподавателя исторіи въ одесскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Н. Н. Родзевича.

Постановили: Баллотировать въ настоящемъ засѣданіи. По баллотировкѣ избраны: прот. Никифоровъ единогласно и Н. Н. Родзевичъ — большинствомъ голосовъ.

XVI. Доклады г. секретаря д. ч. *А. И. Маркевича* «Исторія одесской желѣзной дороги» и д. ч. *И. А. Линниченко* «О новѣйшихъ раскопкахъ г. Хвойки» за позднимъ временемъ заслушаны не были.

ПРИХОДЪ. Отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей за 1899 г. РАСХОДЪ.

			Сумма Рубли	Коп.
	Остатокъ къ 1 Января 1899 года составляетъ:			
	Процентными бумагами:			
	Капиталъ Общества	Р. 5100 —		
	Капиталъ преміи имени Д. М. Княжевича	» 2300 —		
	Капиталъ преміи А. Л. Бертье-Делагарда	» 600 —		
		Р. 8000 —		
	Наличными деньгами:			
	На текущемъ счету по книжкѣ за № 3824 казначея Общества въ Одесскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита	Р. 1400		
	На рукахъ у казначея	» 59 20	1459	20
	Поступило въ 1899 г. наличными деньгами:			
I	ВЫСОЧАЙШЕ дарованнаго пособія (ст. 5, 31, 39)		2500	
II	Пособія на похороны Вице-Президента В. Н. Юргевича отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (ст. 15)		200	
III.	Пожертвованія (заимообразно) для покупокъ древностей отъ А. Л. Бертье-Делагарда (ст. 40)		200	—
	Пожертвованія почетн. члена Его Высокопреосвящ. Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго Іустина (ст. 47)		100	—
	Пожертвованія К. А. и П. А. Скальковскихъ въ память ихъ отца (ст. 50)		200	—
IV	За дипломы и членскихъ взносовъ отъ дѣйствительныхъ членовъ (ст. 1, 9, 10, 11, 13, 17, 18, 19, 23, 38, 48, 52, 55, 56)		115	—
V.	Выручено отъ продажи Записокъ и изданій Общества (ст. 8, 12, 20, 28, 30, 37, 43, 49, 50,—3, 7, 14, 24, 27, 33, 34, 35, 41, 42)		314	35
VI	Выручено отъ продажи дублетовъ и ненужнаго инвентаря (ст. 15, 25, 26, 32, 36, 45, 46)		145	72
VII.	Процентовъ съ капитала Общества (ст. 22, 53)		193	80
VIII.	Процентовъ съ капитала преміи г. Бертье-Делагарда (ст. 21, 54)		25	64
IX	Отъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли за 2 года (ст. 6, 29)		300	—
X	Отъ г. Завѣдующаго Аккерманской крѣпостью (ст. 2)		40	—
XI.	Возвр. отъ г. Завѣд. Судакской крѣп. изъ отпущ. на ремонтъ суммы (ст. 44)		70	—
XII	Проценты по текущему счету въ Одесскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита за 1898 годъ		30	19
			5893	90
	Движеніе %% капитала преміи Д. М. Княжевича			
	Осталось къ 1 Января 1899 г. по книжкѣ № 201 на текущемъ счету Общ. Взаимн. Кредита	383 р. 75 к.		
	Поступило въ 1899 г. %% по текущему счету	87 р. 40 к.		
	% съ % въ Общ. Взаимн. Кредита	12 р. 17 к.		
		483 р. 32 к.		

		Сумма Руб.	Коп.
I	Жалованье смотрителю музея Ивану Глобенко (ст. 22, 41, 53, 61, 71, 79, 83, 92, 100, 120, 136, 159)	300	—
	Жалованье помощнику смотрителя Антону Чумаку (ст. 22, 41, 53, 61, 71, 79, 83, 92, 100, 120, 136, 159)	240	
	Жалованье разсыльному Общества Ивану Бондарю (ст. 22, 41, 53, 61, 71, 79, 83, 92, 100, 120, 136, 159)	216	—
	Жалованье письмоводителю Топалову (ст. 22, 41, 53, 61)	40	—
	Жалованье письмоводительницѣ Н. Максимовской (ст. 91, 79, 83, 92, 100, 120, 136, 159)	78	—
II	Пособія служащимъ на Новый годъ, по болѣзни и за экстренныя работы за 2 года (ст. 1, 63, 152, 153, 155, 156)	151	—
III.	Пріобрѣтеніе древностей для музея (ст. 6, 9, 18, 20, 25, 28, 29, 32, 36, 43, 46, 51, 55, 56, 57, 62, 60, 70, 76, 78, 82, 84, 87, 90, 93, 96, 97, 102, 103, 105, 107, 109, 114, 123, 125, 128, 130, 134, 138, 139, 140)	1425	23
IV	Экстренные расходы (ст. 2, 69, 115)	48	80
V	За печатаніе XXI тома Записокъ (ст. 24)	730	
VI.	Изготовленіе таблицъ и клише для XXII тома Записокъ и таблицъ для изданія III-го вып. «Музей Общества» (ст. 10, 21, 34, 59, 64, 72, 73, 91, 104, 106, 118, 124, 126, 131, 133, 144, 145, 150)	695	03
VII.	Отопленіе музея (ст. 13, 14, 39, 42, 111, 112)	108	29
VIII.	Переплеты книгъ (ст. 16, 17, 27, 35, 37, 116)	108	45
IX.	Выписка книгъ (ст. 8, 8а)	24	—
X.	Витрины и другія столярныя работы, расходы по ремонту и устройству музея (ст. 47, 50, 52, 67, 68, 74, 81, 151)	219	90
XI.	Почтовые, канцелярскіе, хозяйств. и другіе мелкіе расходы (ст. 3, 4, 5, 7, 11, 12, 15, 19, 23, 26, 30, 31, 33, 38, 40, 44, 45, 48, 49, 54, 58, 60, 65, 75, 77, 80, 85, 86, 88, 89, 94, 95, 98, 99, 101, 108, 110, 113, 117, 119, 121, 122, 127, 129, 132, 135, 137, 141, 142, 143, 146, 147, 148, 149, 154, 157, 158, 160, 161)	113	49
XII.	Пособіе Мелекъ-Чесменскому музею (ст. 26)	100	—
XIII	На текущемъ счету въ Одесскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита по книжкѣ № 3824	1029	03
XIV	На рукахъ у казначея Общества	266	68
		5893	90

Казначей Общества *П. Маврогордато.*

325 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

24-го Апрѣля 1900 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена совѣта *Э. Р. фонъ-Штерна*, при секретарѣ *А. И. Маркевичѣ*, дѣйствительные члены: *Л. Ф. Брунъ*, *И. Ю. Вучина*, *А. Е. Егоровъ*, *П. А. Ивановъ*, *В. М. Истринъ*, *А. А. Кочубинскій*, *И. А. Линниченко*, *А. В. Лонгиновъ*, *А. А. Павловскій*, *С. Д. Пападимитріу*, *Г. И. Перетятковичъ*, *М. Ю. Попруженко*, *М. Ѳ. Чемена* и *Х. П. Ящуржинскій*.

Слушали:

I. Заявленіе предсѣдательствующаго о кончинѣ старѣйшихъ дѣйствительныхъ членовъ Общества: знаменитаго художника И. К. Айвазовскаго и Ю. Б. Иверсена, а также дочери перваго президента Общества и одной изъ учредительницъ премій его имени Е. Д. Княжевичъ.

Общество почтило память скончавшихся лицъ вставаніемъ.

II. Телеграмму генералъ-маіора Евреинова отъ 11 апрѣля с. г. на имя предсѣдательствующаго слѣдующаго содержанія: «Великій Князь Александръ Михайловичъ искренно благодаритъ Васъ и Общество за присланный томъ записокъ и отчетъ».

Постановили: Записать въ журналъ настоящаго засѣданія и напечатать объ этомъ въ Отчетѣ Общества за 1900 г.

III. Выраженія признательности со стороны различныхъ лицъ и учрежденій за доставленный имъ XXII т. Записокъ Общества.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Телеграмма отъ 8 апрѣля с. г. отъ Д. Н. Анучина съ благодарностью за поздравленіе (см. журналъ 326 засѣданія п. XIV).

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Письма В. А. Кордта и (на имя предсѣдательствующаго) отъ Д. Н. Анучина съ благодарностью за избраніе ихъ въ члены Общества.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію

VI. Отношеніе С.-Петербургской Духовной Академіи отъ 27 марта с. г. за № 493 съ возвращеніемъ картъ, высланныхъ Обществомъ 8 ноября 1899 г. (см. журналъ 320 засѣданія п. VI). Карты переданы въ библіотеку.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

VII. Отношеніе Императорской Археологической Коммисіи отъ 17-го марта с. г. съ препровожденіемъ въ даръ Обществу 97 цѣльныхъ и 9 обломковъ мелкихъ турецкихъ серебряныхъ монетъ султановъ: Абдулъ Гамида I и Селима III, 1187—1222 гг. гедржы (1775—1807 гг.), найденныхъ въ Батумскомъ участкѣ Закавказской жел. дороги въ августѣ 1899 г.

Постановили: Благодарить Коммисію, монеты же передать въ музей.

VIII. Отношеніе той-же Коммисіи отъ 31 марта съ препровожденіемъ 22 серебряныхъ монетъ, найденныхъ въ с. Бородаевкѣ, Верхнеднѣпровскаго уѣзда (Екатеринославской губ.).

Постановили: Благодарить Коммисію, монеты же передать въ музей.

IX. Отношеніе той-же Коммисіи отъ 12-го апрѣля съ препровожденіемъ 24 талеровъ, изъ числа найденныхъ въ апрѣлѣ 1899 г. въ г. Кіевѣ.

Постановили: Благодарить Коммисію, монеты же передать въ музей.

X. Хранитель музея предъявилъ Обществу вещи, пріобрѣтенныя Обществомъ.

Пожертвовано:

Императорской Археологической Коммисіей:

1) 21 серебряная монета, найденная въ с. Бородаевкѣ, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, Екатеринославской губ. и Саксонскій грошъ 1876 года, повидимому не принадлежащій къ этой послѣдней находкѣ.

2) 97 цѣлыхъ и 9 обломковъ мелкихъ турецкихъ серебряныхъ монетъ султановъ: Абдулъ Гамида I и Селима III (1775—1807 г.), найденныхъ въ 1899 г. возлѣ г. Батума.

3) 24 слѣдующихъ талера, изъ числа найденныхъ въ апрѣлѣ 1899 г. въ г. Кіевѣ:

	Число
Карла V, 1512 г.	1
Фердинанда I, 1563 г.	1
Максимиліана II, эрцгерцога Австрійскаго, 1618 г.	1
Голландскіе, 1619 и 1620 г.	2
Города Базеля, 1621 г.	1
Голландскій, 1621 г.	1
Париса-де-Лодрона, архіепископа Зальцбургскаго, 1622 г.	1

Іогана-Якова-Куена, архіепископа Зальцбургскаго, 15 1
Фердинанда II, 1612 г. 1
Санъ-Галлена(?), 1622 г. 1
Филиппа IV, 1622 г. 1
Леопольда, эрцгерцога Австрійскаго, 1623 и 1624 г. 2
Іоганна-Георга, Саксонскаго, 1632 г. 1
Фердинанда III, 1634 г. 1
Георга Вильгельма, Бранденбургскаго, 1636 г. 1
Людвига-Эбергарда, Остгингенскаго, 1624 г. 1
Города Франкфурта, 1639 г. 1
Нидерландскіе, 1641 и 1644 г 2
Альберта и Елисаветы Нидерландскихъ, 1620 г. (Испанскіе?) . 1
Города Франкфурта (Фердинанда II), 1623 г. 1
Голландскій, 16 1

Г-мъ *Шкорпиломъ*: Терракоттовое изображеніе барана, обломанная маска изъ той же гробницы, фигура негра, фигура съ крыльями — воинъ съ щитомъ, Эротъ съ гусемъ, комическая фигура (№ 4 — 7 изъ одной и той же гробницы), обломокъ краснаго сосуда, чашка такой же работы съ надписью ΡΟΥΦΟΥ, большая чашка на ножкахъ Талгена (черный и желтый лакъ), бронзовая подвѣска и слитокъ изъ нѣсколькихъ монетъ.

Ш. Гохманномъ: Фрагментъ мѣднаго сосуда изъ Ольвіи.

Т. Кубличичнымъ: горлышки и ручки съ штемпелями.

В. Н. Пироговымъ (по распоряженію супруги его М. А. Пироговой, нынѣ скончавшейся):

Греческая серебряная монета, серьги и браслеты изъ раскопокъ въ Херсонской губ. и серія древнихъ авторовъ въ изящномъ французскомъ изданіи; Paris, иллюстраціи Scott et Méaulle.

II. Куплено:

1) Большая амфора (Милитская), 2) крышка отъ амфоры, 3) тарелка съ изображеніемъ пѣтуха, 4) алабастронъ бѣлый, 2 черныхъ пѣтуха и саламандра, 5) красно-фигурный скиѳосъ, внутри красныя листья, 6) большая широкая амфора съ лиственнымъ орнаментомъ на плечѣ и желобчатымъ туловищемъ, 7) мегарскій кубокъ съ штемпелемъ, 8—12) 5 черно-лаковыхъ килика, одинъ съ graffito, 13—14) 2 арибелла, 15) лекиѳъ, 16) одна простоглиняная амфора — всѣ изъ Ольвіи.

10 глиняныхъ сосудовъ, въ ихъ числѣ 3 скиѳоса, 2 миски, тарелка красная и т. д. изъ Ольвіи.

Большая амфора, черная съ красной полосой, гидрія аттическая, жел-

тая съ темнымъ лиственнымъ узоромъ, красная тарелка, арибаллъ съ graffito, алабастръ желтый съ черной сѣтью.

Постановили: Передать въ музей.

XI. Секретарь предъявилъ книги, полученныя Обществомъ.

1) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, т. XI, № 5, 1899 г., т. XII, № 1, 2, 1900 г. С.-Петербургъ,

2) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, годъ LXVII, кн. 3. Казань, 1900 г.

3. Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, т. XVI, вып. 2. Казань, 1900 г.

5) Ученыя записки Императорскаго Юрьевскаго Университета. Годъ 8, № 1. Юрьевъ, 1899 г.

3) Варшавскія Университетскія Извѣстія. № 1 Варшава, 1900.

6) Извѣстія Императорскаго Томскаго Университета, кн. 16-ая. Томскъ. 1900 г.

7) Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. 1899 г. Ноябрь—Декабрь. С.-Петербургъ, 1900 г. и т. X приложенія. С.-Петербургъ 1900 г.

8) Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XXXV. 1899 г. вып. VI. С.-Петербургъ 1899 г.

9) Двѣнадцатый Археологическій Съѣздъ въ Харьковѣ въ 1900 г. Москва 1900 г.

10) Записки Крымскаго Горнаго Клуба въ г. Одессѣ, № 1, 2, 3. 1900 г.

11) Труды Бессарабской Губернской Ученой Архивной Коммисіи, т. I. Кишиневъ, 1900 г.

12) Труды Рязанской Ученой Архивной Коммисіи. Годъ 15-й. Рязань. 1900 г.

13) Отчетъ о дѣятельности Рязанской Ученой Архивной Коммисіи за 1897 и 1898 годъ.

14) Отчетъ по Минусинскому Музею и общественной библіотекѣ за 1899 г. Минусинскъ. 1900 г.

15) Ферганскій областной публичный музей въ гор. Новомъ-Маргеланѣ. Отчетъ и Уставъ. Ташкентъ. 1900 г.

16) Ал. *Смирновъ*. Мессіанскія ожиданія и вѣрованія Іудеевъ около временъ Іисуса Христа (окончаніе). Прилож. къ Учен. Зап. Каз. Унив. за 1900 г. Казань 1900 г.

17) Verhandlungen der Gelerten Estnischen Gesellschaft. Jurjev. 1890.

18) Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1899. Jurjev. 1800.

19) Kwartalnik historyczny. Rocznik XIV, Zeszyt 1, Lwowi.. 1900.

20) Lud, organ Towarzystwa ludoznawczego we Lwowie. т. VI — Zeszyt 1, 2. Lwow 1900.

21) Vjestnik Kr. hrvatsko-slavonsko-dalmatinskog zemalyskog arkiva. Godina 11. Svezak 2. Zagreb 1900.

22) Rad jugoslavenske akademiye znanosti i umjetnosti кн. 140. Zagrebu 1899.

23) Documente privitore la istoria Românilor, volumul IX. partea 2. 1751—1796. Bucuresci 1899; volumul III, 1641—1703. Bucuresci 1900.

24) Fragmente di istorea, Românilor tomul II, Hurmuzaki. Bucuresci 1900.

25) Acte şi Fragmente cu privire la Istoria Românilor I.

26) Bullettino di archeologia e storia Dalmata № 1, 2, 3, 4. Anno XXIII. Spalato 1900.

27) Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia 1896 — 1900. Königsberg 1900.

28) Kongl. Vitterhets historie och antiquvitets Akademiens Manadsblatd 1895. Stockholm 1898.

29) Bulletin historique du Diocèse de Lyon. 1-e Année. Janvier et Février 1900 № 1. Lyon 1900.

30) Livres anciens et modernes. Histoire des pays de l'Europe № 297 1900. La haye Martinus Niyhoff 1900.

31) Annual Report of the Smithsonian Institution 1896. U. S. National Museum June et July. Washington 1898.

32) Annual Report of the Smithsonian Institution. July 1897. Washington 1898.

Принесенныя въ даръ В. Н. Пироговымъ (по распоряженію М. А. Пироговой):

33) Svetone. Des vies des douze Cesars empereurs Romains, LXIII. Amst. 1663. Ельзевиръ.

34) Properce. Les élégies.

35) Apollonius de Rhodes. Jason et Médée.

36) Lucien. Dielogues des Courtisanes.

37) Anacréon et Sapho. Poésies.

38) Catulle. Odes à Lesbie.

39) Lucius. L'ane.

40) Horace. Odes et épodes.

41) Musée. Héro et Léandre.

42) Longus. Daphnis et Chloé.

43) Théocrite. Les idylles.

44) Virgile. Les bucoliques..

45) Tatius. Leucippe et Clitophon.

№№ 34 — 45 изданы Paris 1878 — 1889; иллюстраціи Scott et Méaulle.

XII. Ходатайство Екатеринославскаго Епархіальнаго Братства Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра при Екатеринославской духовной семинаріи отъ 31 марта с. г. о безплатной высылкѣ ему изданій Общества

Постановили: Выслать одинъ томъ Записокъ и указатель къ первымъ XX т. Записокъ.

XIII. Предложеніе редакціи журнала «Bulletin historique du diocèse de Lyon отъ 12 (25) марта с. г. объ обмѣнѣ изданіями, съ заключеніемъ Совѣта, что предлагаемый обмѣнъ не представляетъ для Общества интереса.

Постановили: Высылать протоколы засѣданій и годичные отчеты Общества.

XIV. Сообщеніе главной конторы Р. О. П. и Т. отъ 29 марта с. г. по вопросу объ арендѣ этимъ обществомъ части Судацкаго побережья, находящагося въ вѣдѣніи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

При этомъ Р. О. П. и Т. указываетъ, что владѣлецъ смежной земли въ Судакѣ г. Капонъ присвоилъ себѣ 79,3 кв. с. земли изъ находящейся въ вѣдѣніи И. Од. Общества.

Совѣтъ предлагаетъ: а) разрѣшить, чтобы новыя условія договора съ Р. О. П. и Т. относительно занятой имъ земли въ г. Судакѣ вошли въ силу съ момента заключенія договора, хотя бы срокъ прежняго соглашенія еще и не истекъ.

б) Войти въ предварительныя сношенія съ г. Капономъ черезъ д. ч. И. П. Щелкова.

Постановили: Принять мнѣніе Совѣта относительно отдачи земли въ аренду Р. О. П. и Т., противъ же г. Капона возбудить искъ, уполномочивъ Совѣтъ принять всѣ необходимыя къ тому мѣры.

XV. Извѣщеніе отъ 18 апрѣля на имя предсѣдательствующаго отъ г. завѣдующаго крѣпостью въ г. Аккерманѣ члена-корреспондента В. И. Штулькерца о томъ, что Аккерманское Городское Управленіе снимаетъ часть горы, принадлежащей къ гласису крѣпости, и ломаетъ тамъ камень, и докладъ члена Совѣта Э. Р. фонъ-Штерна и секретаря А. М. Маркевича, бывшихъ по этому случаю въ г. Аккерманѣ.

Постановили: Просить г. вице-президента въ сопровожденіи кого либо изъ членовъ Совѣта отправиться въ Аккерманъ и установить окон-

чательное соглашеніе съ Аккерманскимъ Городскимъ Общественнымъ Управленіемъ относительно территоріи аккерманской крѣпости, переданной въ вѣдѣніе Общества.

XVI. Докладъ д. ч. А. И. Маркевича «Къ исторіи Одесской желѣзной дороги».

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

XVII. Докладъ д. ч. И. А. Линниченко: «О новѣйшихъ раскопкахъ г. Хвойки» за позднимъ временемъ отложенъ до слѣдующаго засѣданія.

326 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

9-го Мая 1900 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта и секретаря *А. И. Маркевича* дѣйствительные члены: *А. А. Андріевскій*, *П. А. Ивановъ*, *В. М. Истринъ*, *А. А. Кочубинскій*, *В. В. Латышевъ*, *И. А. Линниченко*, *Г. Г. Маразли*, *С. Д. Пападимитріу*, *Г. И. Перетятковичъ*, *М. Ю. Попруженко* и *Х. П. Ящуржинскій*, члены-сотрудники: *Е. В. Князевъ*, протоіерей *В. Н. Никифоровъ* и *Н. Н. Родзевичъ* и гость генералъ *Е. В. Богдановичъ*.

Открывая засѣданіе, предсѣдательствовавшій напомнилъ присутствующимъ, что настоящее собраніе состоялось, согласно постановленію Общества, для поминокъ по знаменитомъ русскомъ дѣятелѣ князѣ Италійскомъ графѣ Александрѣ Васильевичѣ Суворовѣ-Рымникскомъ, со дня кончины коего 6-го мая 1900 г. исполнилось сто лѣтъ. Сказавъ затѣмъ нѣсколько словъ объ этой выдающейся исторической личности, предсѣдательствовавшій предложилъ почтить память его вставаніемъ, что и было исполнено присутствовавшими.

Слушали:

I. Сообщеніе д. ч. А. И. Маркевича о дѣятельности Суворова въ Новороссійскомъ краѣ; причемъ докладчикъ представилъ собранію нѣсколько автографовъ Суворова и другихъ относящихся къ его дѣятельности документовъ, или совершенно неизвѣстныхъ, или изданныхъ невполнѣ исправно. Автографы Суворова, по напечатаніи ихъ въ трудахъ Общества, докладчикъ приноситъ въ даръ ему.

Постановили: Выразить А. И. Маркевичу признательность Общества, какъ за его сообщеніе, такъ въ особенности за принесеніе въ даръ Обществу автографовъ столь важнаго новороссійскаго дѣятеля, какимъ былъ Суворовъ; сообщеніе-же, со всѣми представленными докладчикомъ документами, напечатать въ приложеніи къ настоящему журналу.

II. Сообщеніе предсѣдательствовавшаго, что М. А. Полевою принесенъ въ даръ Обществу портретъ Суворова, гравированный въ Москвѣ въ 1812 г. А. Флоровымъ, издевеніемъ Пл. Бекетова, съ извѣстнаго портрета, нарисованнаго въ Прагѣ художникомъ Шмидтомъ.

Постановили: Благодарить жертвовательницу, а портретъ передать въ музей Общества.

Суворовъ въ Новороссійскомъ краѣ.

Окончаніе 6-го мая 1900 г. перваго столѣтія со дня смерти знаменитаго русскаго полководца Суворова возложило на всѣ историческія общества, ставящія главною цѣлью своихъ трудовъ служеніе дѣлу развитія народнаго самосознанія, обязанность въ такую минуту напомнить о заслугахъ этого выдающагося лица и помянуть его цѣлесообразнымъ, по мѣрѣ силъ и возможности, способомъ.

Тѣмъ менѣе могло уклониться отъ такой обязанности Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, въ виду того, что значительная, наиболѣе выдающаяся и особенно полезная часть дѣятельности Суворова прошла въ Новороссіи, которая поэтому всегда заносила его въ число видныхъ своихъ дѣятелей.

Соотвѣтственно этому на меня и была возложена Обществомъ задача изобразить на поминкахъ въ честь Суворова его дѣятельность въ Новороссійскомъ краѣ.

Предлагая нынѣ почтенному собранію сообщеніе на эту тему, я не скрою однако, что встрѣтилъ значительное для него неудобство, вполнѣ понятное для ученыхъ, въ томъ, что я почти не располагаю для своего сообщенія матерьяломъ, который-бы не былъ уже использованъ въ извѣстномъ сочиненіи о Суворовѣ А. Ѳ. Петрушевскаго.

Правда, я имѣю въ своемъ распоряженіи нѣсколько неопубликованныхъ еще документовъ, относящихся къ жизни Суворова, и въ томъ числѣ его автографы, не лишенные значенія для его біографіи; но, къ сожалѣнію, эти документы или касаются слишкомъ мелкихъ событій въ новороссійской дѣятельности Суворова, или даже совсѣмъ къ ней не относятся; поэтому главнымъ источникомъ для моего сообщенія все-же является прекрасный трудъ г. Петрушевскаго. Я счелъ долгомъ самъ сдѣлать эту оговорку, чтобы мнѣ не сдѣлали такого указанія другіе; но я думаю, что я именно искуплю свой, въ сущности небольшой, грѣхъ опубликованіемъ новыхъ документовъ о Суворовѣ.

Мнѣ нѣтъ цѣли распространяться о важности для Россіи нынѣшняго Новороссійскаго края: здѣсь развернулись важнѣйшія страницы ея исторіи; здѣсь и впредь долженъ протекать важнѣйшій потокъ ея исторической жизни. Точно также не вижу основаній говорить подробно о значеніи въ исторіи Новороссійскаго края царствованія Императрицы Екатерины II. Если даже признать за преувеличеніе высказываемое иногда предположеніе, что исторія Новороссіи можетъ быть раздѣлена на два періода: отъ сотворенія міра до царствованія Екатерины II и отъ этого времени до нашихъ дней, то все-же нельзя отрицать, что въ исторіи нашего края царствованіе это было временемъ первенствующаго значенія. Тогда почти весь край былъ возсоединенъ съ Россіей, было упрочено его охраненіе въ ея интересахъ и, наконецъ, положено было начало той культурной работѣ, какая привела Новороссію къ ея нынѣшнему состоянію. Если не все, что дѣлалось здѣсь при Императрицѣ Екатеринѣ, заслуживало похвалы съ точки зрѣнія позднѣйшихъ историковъ, объ этомъ можно пожалѣть; но надобно помнить, что въ Новороссію переносились тогда общерусскіе порядки, считавшіеся если не вполнѣ идеальными, то во всякомъ случаѣ къ нимъ приближающимися.

Въ томъ, что совершалось при Императрицѣ Екатеринѣ въ Новороссіи, видная роль принадлежала Суворову; недаромъ о пребываніи его здѣсь сложились уже легенды, въ силу которыхъ, напр., Савуръ гора подъ Бендерами, одна изъ нѣсколькихъ памятныхъ населенію горъ того-же имени въ Новороссіи, называется нынѣ Суворовскою горою; указываются дома, въ которыхъ будто-бы жилъ Суворовъ и пр.

Болѣе всего потрудился Суворовъ надъ присоединеніемъ Новороссійскаго края къ Россіи, принималъ немаловажное участіе и въ примѣненіи мѣръ для его охраненія и только въ развитіи здѣсь культуры роль знаменитаго полководца представляется сравнительно менѣе важною; да такая миссія рѣдко на него и возлагалась; но и то, что имъ дѣлалось въ этомъ случаѣ, всегда заслуживало похвалы.

Нѣтъ цѣли излагать біографію Суворова до его участія въ I-й турецкой войнѣ, или дѣлать его характеристику; все это слишкомъ хорошо извѣстно, а желающихъ познакомиться ближе отсылаю къ сочиненію г. Петрушевскаго, съ которымъ я, впрочемъ, несовсѣмъ согласенъ во взглядѣ на личность Суворова, ибо считаю его въ значительной степени симулянтомъ, странностями своими облегчавшимъ для себя трудный, за отсутствіемъ у него важныхъ придворныхъ связей, служебный путь; но изложеніе здѣсь подробныхъ соображеній въ доказательство высказываемаго мною мнѣнія я считаю даже несовсѣмъ умѣстнымъ.

Начало I-й турецкой войны застало Суворова дѣйствующимъ въ Польшѣ противъ барскихъ конфедератовъ, въ подчиненной роли. Громкія

побѣды Румянцова заставили Суворова рваться въ Новороссію, на настоящую войну; но только въ 1773—1774 гг. ему удалось принять въ ней участіе. Это оказался тяжелый для насъ періодъ войны и удачны были лишь подвиги Суворова, стремившагося, какъ и всегда, дѣйствовать самостоятельно; что и здѣсь, и тоже всегда, вовлекало его въ ссоры съ начальствомъ. Не имѣя серьезной опоры въ высшихъ сферахъ, Суворовъ долженъ былъ преждевременно покинуть Новороссію и отправиться на Пугачовщину, куда пріѣхалъ, такъ сказать, къ шапочному разбору; впрочемъ, она почти не задѣла нашего края и потому нѣтъ основанія на ней останавливаться.

Но все-же Суворовъ тогда уже считался полезнымъ генераломъ. Поэтому, когда рѣшено было окончательно утвердить русское вліяніе въ Крыму, уже ставшемъ независимымъ ханствомъ, осуществлять это выпало на долю Суворова. Подготовляла утвержденіе нашего вліянія въ Крыму дипломатія, но безъ особенныхъ удачъ; наоборотъ, мы доработались здѣсь до національнаго бунта; почему въ концѣ 1776 г. прибѣгли къ всегдашнему нашему послѣднему аргументу — къ войскамъ, причемъ командовавшій ими Суворовъ былъ все-же подчиненъ кн. Прозоровскому, въ свою очередь состоявшему подъ начальствомъ гр. Румянцова. Но послѣдній былъ далеко, кн. Прозоровскій въ началѣ 1777 г. заболѣлъ, и Суворовъ могъ дѣйствовать самостоятельно, чѣмъ и не преминулъ съ большимъ успѣхомъ воспользоваться: онъ разгромилъ татарскіе отряды, посадилъ въ Крыму подручнаго намъ хана, поставилъ въ интересныхъ мѣстахъ ханства свой гарнизонъ и пр.; но онъ опять поссорился съ начальствомъ и выѣхалъ изъ Крыма, оставивъ дѣла здѣсь далеко нерѣшенными.

Однако, Суворовымъ нельзя было не пользоваться: этого не могли не понимать такіе дѣятели, какъ Потемкинъ, весьма долго бывшій его покровителемъ; онъ выхлопоталъ въ концѣ 1777 г. назначеніе Суворова начальникомъ войскъ расположенныхъ въ Прикубаньи. Здѣсь онъ пробылъ всего $3^1/_2$ зимнихъ мѣсяца, но можно только поражаться массою того, что имъ за это время было сдѣлано. Онъ объѣхалъ, несмотря на суровую зиму, весь этотъ дикій въ то время край, который по его распоряженію, былъ тогда-же описанъ въ топографическомъ и этнографическомъ отношеніи (причемъ Суворовъ обратилъ вниманіе и на жившихъ еще въ то время на р. Кубани некрасовцевъ); затѣмъ онъ построилъ здѣсь 30 укрѣпленій; подчеркнемъ и заботы о здоровьи ввѣренныхъ ему войскъ; словомъ благодаря его дѣятельности постоянно волновавшееся до того Прикубанье стало успокаиваться.

Между тѣмъ кн. Прозоровскій дѣйствовалъ въ Крыму очень неудачно; бунтъ крымскихъ татаръ становился все болѣе и болѣе значительнымъ, появились во главѣ ихъ претенденты на ханство; положимъ,

къ веснѣ 1778 г. бунтъ былъ подавленъ и въ Крыму стало довольно спокойно, но Румянцовъ находилъ достигнутые результаты не вполнѣ надежными, да притомъ былъ недоволенъ на кн. Прозоровскаго, что онъ допустилъ развиться безпорядкамъ; поэтому весною 1778 г. въ Крымъ и вызванъ былъ снова Суворовъ, который быстро упорядочилъ здѣсь военную часть и замирилъ Крымъ.

Къ этому-же времени относится и печальная исторія выселенія изъ Крыма христіанъ, произведеннаго Суворовымъ-же, но за которую онъ мало отвѣтственъ, такъ какъ дѣйствовалъ согласно распоряженію вліятельныхъ особъ. Зачѣмъ понадобилось переселять крымскихъ христіанъ, т. е. такихъ лицъ, которыхъ намъ въ сущности особенно интересно было удержать въ Крыму? съ точностью сказать трудно. Можно лишь съ вѣроятностью догадываться, что съ одной стороны наша дипломатія, руководимая гр. Н. И. Панинымъ, плохо понимала въ то время черноморскія отношенія, не вѣрила въ возможность удержать за Россіей Крымъ и потому хотѣла ослабить его выселеніемъ такого значительнаго и трудолюбиваго элемента, какимъ представлялись греки-христіане. Съ другой стороны Потемкинъ могъ имѣть въ виду колонизацію излюбленныхъ имъ новороссійскихъ степей. Можетъ быть, думали даже переселеніемъ улучшить положеніе переводимыхъ на новыя мѣста христіанъ! Румянцовъ былъ противъ этого переселенія, запрещалъ Суворову дѣйствовать въ этомъ направленіи, но на этомъ настаивалъ всемогущій Потемкинъ! Суворовъ мучился, сознавая бѣду; однако въ концѣ-концовъ исполнилъ желаніе послѣдняго. Какъ совершилось переселеніе, объ этомъ художественно разсказано въ недавно появившемся сочиненіи нашего уважаемаго вице-президента А. Л. Бертье-Делагарда «Керменчикъ». Во всякомъ случаѣ Суворовъ выполнилъ это дѣло [1]); оставшіеся въ живыхъ христіане усѣлись на новыхъ мѣстахъ, хану уплатили за переселенцевъ деньги, — и вскорѣ все успокоилось.

10 марта 1779 г. Турція признала, наконецъ, независимость Крыма и наши войска, за исключеніемъ небольшого отряда, вышли оттуда; Суворову тоже нечего было дѣлать въ Крыму [2]), и его послали въ Астрахань, гдѣ онъ въ теченіи 4-хъ лѣтъ производилъ обычную свою работу по укрѣпленію края и упорядоченію положенія находящихся въ немъ войскъ; но для насъ эта часть его біографіи интереса не представляетъ [3]).

---

[1]) Нѣкоторыя письма Суворова, относящіяся къ выселенію христіанъ изъ Крыма, помѣщены въ приложеніи къ настоящему журналу.

[2]) Частью изъ Крыма, частью по отъѣздѣ оттуда, въ 1779 г. написано было 3 имѣющихся у меня письма Суворова частнаго характера; см. въ приложеніи.

[3]) Къ этому времени относятся нѣкоторые документы, находящіеся въ Императорскомъ Одесскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей, но они уже использованы г. Петру-

Въ это время рѣшено было, наконецъ, присоединить къ Россіи Крымъ, гдѣ опять наступили смуты; ожидалось, что присоединеніе это вызоветъ войну, и къ ней надо было подготовиться. Суворовъ назначенъ былъ командиромъ корпуса, который долженъ былъ дѣйствовать противъ ногайскихъ татаръ, если они станутъ сопротивляться. Онъ съ этими татарами ладилъ, а съ нѣкоторыми главарями даже былъ въ дружбѣ. Поэтому, когда въ 1783 г. состоялось присоединеніе Крыма, совершившееся сверхъ ожиданія очень спокойно, то Суворову удалось 28 іюня того-же года присоединить къ Россіи Тамань и Прикубанье, а 29 и 30 іюня онъ задалъ татарскимъ главарямъ такой пиръ, что нѣкоторые изъ нихъ допились до потери жизни; за то другіе, уцѣлѣвшіе, получили награды [1]). Правда, позднѣе здѣсь были безпорядки, частью вслѣдствіе интригъ укрывшагося на Кубань послѣдняго крымскаго хана, частью-же изъ-за нѣкоторыхъ распоряженій нашего правительства, неожидавшаго столь мирнаго исхода дѣла; но Суворовъ съ этими безпорядками скоро справился. Непослушаніе, оказанное имъ при этомъ случаѣ самому Потемкину, снова вызвало удаленіе его на 2 года изъ новаго края; лишь въ 1786 г. онъ былъ назначенъ командиромъ войска въ Кременчугѣ, черезъ который должна была проѣзжать Императрица по дорогѣ въ Новороссію, и здѣсь въ то время участвовалъ въ обширныхъ маневрахъ, которые имѣли цѣлью показать пріѣхавшимъ персонамъ подготовку нашихъ войскъ къ предстоящей войнѣ.

Извѣстенъ греческій проэктъ Потемкина; осуществленіе его дѣйствительно доставило-бы Россіи необходимое для нея положеніе въ Черноморіи. Путешествіе Императрицы Екатерины на югъ Россіи и въ Крымъ, въ связи съ этимъ проэктомъ и честолюбивыми планами Императора Іосифа II, привело ко II-й турецкой войнѣ, естественно происходившей на поляхъ Новороссіи и всего болѣе прославившей Суворова, хотя онъ и въ это все-же былъ еще лицомъ второстепеннымъ, подчиненнымъ главнокомандующему — Потемкину.

Суворову сперва былъ порученъ Херсонско-кинбурнскій военный раіонъ, въ сущности самый опасный; здѣсь ожидалось открытіе военныхъ дѣйствій; Суворовъ явился сюда лѣтомъ 1787 г. и занялся укрѣпленіемъ Херсона, Глубокой пристани и Кинбурна — и не напрасно: первыя стычки были именно у Глубокой пристани и Кинбурна [2]), защищаемаго Суворовымъ; здѣсь произошла и первая въ этой войнѣ наша побѣда,

---

[1]) См. въ приложеніи.

[2]) Тамъ-же.

1-го октября 1787 г.[1]). Затѣмъ Суворовъ дѣйствуетъ въ главной арміи Потемкина подъ Очаковомъ; когда-же Очаковъ послѣ несовсѣмъ удачныхъ военныхъ операцій (и Суворовскихъ также) былъ, наконецъ, взятъ, то Суворовъ отправленъ былъ съ корпусомъ въ помощь австрійцамъ на Дунай, почему и не участвовалъ въ покореніи Едисана (и въ томъ числѣ во взятіи крѣпости Гаджибея); но за то, въ то время когда главная армія довольствовалась столь легкими удачами, небольшой корпусъ Суворова лѣтомъ и осенью 1789 г. одержалъ громкія побѣды, создавшія ему не только славу у себя на родинѣ, но и европейскую извѣстность.

1790 г. проведенъ былъ Суворовымъ на Дунаѣ въ бездѣйствіи, частью изъ-за нерѣшительности Потемкина[2]), частью вслѣдствіе измѣненія во внѣшней политикѣ Австріи при новомъ государѣ; но въ концѣ 1791 г. Суворовъ совершилъ едва-ли не самый смѣлый подвигъ въ своей жизни: взялъ крѣпость Измаилъ[3]). Къ сожалѣнію, новое столкновеніе съ Потемкинымъ было причиною, что Суворову не пришлось довести до конца II-ю турецкую войну и участвовать въ закрѣпленіи за Россіей Едисана—Очаковской области, что въ дѣйствительности было слѣдствіемъ лишь его выдававшихся во время этой войны побѣдъ.

Какъ ни скроменъ былъ такой результатъ II-й турецкой войны, но онъ окончательно закрѣпилъ за нами сѣверное побережье Чернаго моря, приблизилъ насъ къ Балканскому полуострову и къ находящимся тамъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ и подготовилъ послѣдующую общеславянскую роль Россіи, сказавшуюся, хотя и не безъ колебаній, уже въ XIX в. Безъ побѣдъ Суворова, кто знаетъ, не пришлось-ли-бы намъ снова и не одинъ разъ добывать Черноморское побережье и тратить для этого силы государства, которыя нужны для дальнѣйшаго роста вліянія Россіи во всемъ Черноморіи.

Плохо награжденный за Измаилъ Суворовъ перемѣщенъ былъ въ Финляндію, что равносильно было его погребенью заживо; тогда онъ сталъ проситься о переводѣ въ различныя мѣста, гдѣ могла предполагаться война, и въ томъ числѣ опять на нашъ Югъ. Здѣсь дѣйствительно ожидался новый разрывъ съ Турціей, и во всякомъ случаѣ надо-же-было продолжать организацію Новороссійскаго края, нѣсколько запущенную по

---

[1]) Сподвижники Суворова, участвовавшіе въ битвѣ подъ Кинбурномъ, получивъ впослѣдствіи земли въ Новороссіи и устраивая здѣсь поселенія, называли ихъ Покровскими.

[2]) См. письма его къ Суворову въ приложеніи.

[3]) Документы относительно взятія его напечатаны въ Запискахъ Общества. См. еще приложенія къ Суворовскому сборнику, изд. редакціей Варшавскаго военн. журнала (В. 1900 г.); здѣсь passim о дѣятельности и заслугахъ де-Рибаса и на стр. 43—44 о нашихъ герцогѣ де-Ришелье и гр. Ланжеронѣ.

смерти Потемкина. Рѣшили поручить войска этого края Суворову, снова явившему въ концѣ 1792 г. въ столь знакомыя ему мѣста.

Вѣсть о назначеніи Суворова принята была въ Новороссіи съ восторгомъ; уже при проѣздѣ его черезъ Бѣлгородъ (Курскій) воспитанники мѣстной семинаріи Мочульскіе привѣтствовали его одой [1]), выражаясь:

«Какое въ сердцѣ утѣшенье!
Облекся въ миръ и южный край».

И далѣе:

«Не нужны дальніе доводы:
Скажи Кинбурнъ, Лимански воды,
Скажи, Рымникская рѣка,
Скажи, Очаковъ и Измаилъ,
Скажи, чѣмъ Россъ себя прославилъ
И чѣмъ сильна его рука?»

Поселился Суворовъ въ Херсонѣ и оставался здѣсь по 1794 г.; онъ, конечно, преслѣдовалъ главнымъ образомъ военныя цѣли [2]); но его заботы о войскѣ носили исключительный для своего времени характеръ; достаточно упомянуть, что за хлопоты о лучшемъ санитарномъ состояніи войскъ онъ получалъ выговоръ даже отъ Императрицы Екатерины II! Немало сдѣлалъ онъ и для благоустройства края, особенно, впрочемъ, обращая свое вниманіе на Херсонъ, что и естественно. Занялся Суворовъ и постройкой крѣпостей въ южной Россіи. Съ этою цѣлью организована была имъ извѣстная Экспедиція для строенія пограничныхъ крѣпостей, намѣтившая такой рядъ ихъ: Фанагорія, Севастополь, Кинбурнъ, мѣсто у Днѣпровскаго лимана, *Гаджибей*, Гаджидеръ (Овидіополь) и — главное депо на р. Ботвѣ (Тирасполь). Исторія построенія Гаджибейской крѣпости и дѣятельность въ этомъ отношеніи памятныхъ Одессѣ де-Рибаса и де-Волана достаточно извѣстны; но не слѣдовало-бы забывать и того, что мѣсто для новой Гаджибейской крѣпости опредѣлено было Суворовымъ и самая крѣпость, отъ коей нынѣ остались лишь небольшія живописныя развалины (въ Александровскомъ паркѣ), все время называлась Суворовскою. Мало того: расположивъ въ Гаджибеѣ главный штабъ войскъ, собранныхъ въ краѣ на случай новой войны съ Турціей, и перенеся сюда-же канцелярію Экспедиціи для строенія крѣпостей, Суворовъ этимъ самымъ нарушилъ еще существовавшее въ то время равновѣсіе между нѣсколькими небольшими пунктами восточной части сѣвернаго побережья Чернаго моря и тѣмъ какъ-бы предопредѣлилъ послѣдующее значеніе Одессы, подчеркнулъ его для будущихъ соображеній. Если приба-

[1]) Напечатана въ Запискахъ нашего Общества.

[2]) См. между прочимъ въ приложеніи.

вимъ къ этому, что Суворовъ заботился о гавани Гаджибея, о торговлѣ его, также о колонизованіи края, населяя инородцевъ въ окрестностяхъ Одессы, равно и о санитарномъ состояніи новой крѣпости (см. далѣе), то можно пожалѣть, что на только-что воздвигнутомъ въ нашемъ городѣ прекрасномъ памятникѣ Императрицы Екатерины II Суворову не нашлось мѣста среди сотрудниковъ Государыни въ ея заботахъ о процвѣтаніи Одессы.

Въ половинѣ 90-хъ годовъ тогдашній временщикъ кн. Зубовъ составилъ грандіозный планъ завоеванія Россіей чуть-ли не половины Западной Европы, и въ томъ числѣ прежде всего, конечно, Турціи. Выработка проэкта турецкой войны пала на долю Суворова; но до нея дѣло не дошло, такъ какъ событія во Франціи, а затѣмъ еще болѣе въ Польшѣ затормозили всякія попытки къ реализаціи зубовскаго плана; Суворовъ передвинулся съ юга къ западной границѣ. Блестящая военная дѣятельность его въ Польшѣ въ это время, проникнутая разумнымъ отношеніемъ къ польскому народу послѣ того, какъ стало уже неумѣстно бранное кровопролитіе, до сихъ поръ не вполнѣ оцѣнена историками, а въ Западной Европѣ даже подвергается совершенно несправедливымъ нареканіямъ — вѣроятно потому, что Суворовъ (какъ раньше Петръ Великій) не считалъ желательнымъ допустить раздѣлъ Польши, чтобы притомъ 2 части этого славянскаго государства стали добычей германскихъ потентатовъ; онъ понималъ, что Польшу можно было тогда цѣликомъ возсоединить съ Россіей, чѣмъ предрѣшенъ-бы былъ славянскій вопросъ въ наиболѣе благопріятномъ для славянъ смыслѣ. Но въ Петербургѣ не могли оцѣнить такихъ соображеній, и finis Poloniae произошелъ при весьма неблагопріятныхъ для исторіи славянъ условіяхъ. По мѣткому выраженію историка, нашего полку убыло, убыло, а нѣмецкаго — прибыло, прибыло!

По окончаніи польскихъ войнъ Суворовъ снова былъ назначенъ начальникомъ войска на югѣ Россіи; но мѣстопребываніемъ ему указанъ былъ г. Тульчинъ (Подольской губ.), по удобству положенія его среди той арміи, которая въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины должна была угрожать Франціи.

И въ Тульчинѣ Суворова занимали главнымъ образомъ заботы о войскѣ[1]); между прочимъ, онъ ссорился съ де-Рибасомъ изъ-за значительной смертности солдатъ въ Одессѣ, доходившей до 25% въ годъ! Суворовъ рекомендовалъ различныя санитарныя мѣры, чтобы уменьшить столь страшную смертность, грозилъ наказаніями и достигъ лучшихъ результатовъ. Только этимъ и можно намъ помянуть тульчинскую дѣятельность Суворова. Затѣмъ съ начала 1797 г. наступили: его опала, пребываніе въ деревнѣ, новое возвышеніе, блестящія побѣды и чисто фанта-

[1]) Здѣсь былъ написанъ извѣстный «Вахтъ-парадъ»; см. въ приложеніи.

стическіе подвиги при неудачномъ ходѣ войны [1]), вслѣдствіе дипломатическихъ интригъ, новая опала и, наконецъ, смерть; но все это уже не затронуло Новороссійскаго края.

Заканчивая этотъ бѣглый очеркъ, посвященный дѣятельности Суворова на югѣ Россіи, я позволю себѣ поднести ей итогъ. Нельзя отрицать, что первенствующая роль въ присоединеніи къ Россіи Новороссіи и насажденіи въ ней современной ему цивилизаціи принадлежитъ Потемкину; но Суворовъ былъ безъ сомнѣнія важнѣйшимъ его сотрудникомъ. Его славными побѣдами завоеваны были Предкавказье, Крымъ и Едисанъ; онъ построилъ для защиты ихъ рядъ крѣпостей, и въ томъ числѣ нашу Одессу; если съ его именемъ связано не такъ много культурныхъ мѣръ, то все же тѣ, которыя онъ предпринималъ, были необычными для своего времени. Этого совершенно достаточно для сохраненія памяти о Суворовѣ на югѣ Россіи. Не говорю уже о томъ, что Новороссія, какъ часть Россіи, не можетъ оставаться равнодушною и къ тѣмъ заслугамъ Суворова, которыя совершены были въ другихъ мѣстностяхъ ея или даже заграницею, но всегда имѣли цѣлью — служеніе своей родинѣ до самопожертвованія.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ pro domo sua. Спеціально я изученіемъ дѣятельности Суворова не занимался; поэтому объ источникахъ для его жизнеописанія имѣлъ лишь общее, отчасти притомъ сглаженное уже временемъ представленіе. Много лѣтъ назадъ я пріобрѣлъ въ Одессѣ коллекцію бумагъ, среди которыхъ были копіи съ писемъ Суворова къ разнымъ лицамъ, а также и нѣсколько, какъ мнѣ казалось, его автографовъ. Были-ли опубликованы эти бумаги — я не зналъ и почему-то полагалъ, что еще не были; это отчасти повліяло на мое рѣшеніе предложить Обществу въ сегодняшній торжественный день бесѣду о Суворовѣ, такъ какъ среди бумагъ были и такія, которыя представляли значительный интересъ для знакомства съ дѣятельностью его въ Новороссійскомъ краѣ. Подготовка настоящаго сообщенія заставила меня, конечно, обстоятельнѣе познакомиться съ исторіей Суворова. Я убѣдился, что многія изъ имѣющихся у меня бумагъ—копій уже были напечатаны. Такъ письма Суворова изъ Херсона отъ 1793 г. къ Императрицѣ Екатеринѣ II, къ кн. П. А. Зубову, къ И. О. Курису, записки Суворова о самомъ себѣ— помѣщены въ VIII т. Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, а письма Суворова къ разнымъ лицамъ изъ итальян-

[1]) Отмѣтимъ его особенно привѣтливое обращеніе со славянами, служившими въ австрійскихъ войскахъ, а равно и пребываніе въ Чехіи, о которомъ уже сложились легенды.

скаго похода — въ XXIV т. Воронцовскаго архива. Я могу, кажется, объяснить даже исторію ихъ тамъ появленія. Повидимому, они сохранялись у извѣстнаго сподвижника Суворова И. О. Куриса († 1838 г.), который подарилъ ихъ гр. М. С. Воронцову. Эти бумаги списаны были Н. Н. Мурзакевичемъ, или для него въ Одессѣ около 1840 г. и затѣмъ часть ихъ напечатана въ нашихъ Запискахъ, а другая издана П. И. Бартеневымъ въ Воронцовскомъ архивѣ; причемъ нѣкоторыя бумаги напечатаны въ обоихъ изданіяхъ (у насъ правильнѣе). Собственно говоря, на имѣющихся у меня копіяхъ съ Суворовскихъ бумагъ нѣтъ тѣхъ указаній, какія я только что сдѣлалъ; но у меня есть еще копіи съ писемъ Потемкина къ Суворову отъ начала 1790 г., сдѣланныя несомнѣнно одновременно съ уже указанными, на одинаковой бумагѣ и тѣмъ-же почеркомъ; на нихъ-же есть въ скобкахъ такая приписка: «Подлинныя письма хранятся у графа Михаила Семеновича Воронцова и подарены ему Иваномъ Онуфріевичемъ Курисомъ». А ниже помѣта: «Одесса. 16 февраля 1843». Въ виду этого нахожденіе писемъ къ И. О. Курису у него самого и передача ихъ графу Воронцову являются болѣе чѣмъ вѣроятными; между тѣмъ нѣкоторыя изъ Суворовскихъ бумагъ списаны на тѣхъ-же листкахъ, гдѣ и письма къ Курису. Словомъ, вся эта группа бумагъ имѣетъ одну и ту-же исторію.

Были-ли напечатаны письма Потемкина къ Суворову отъ начала 1790 г., я не знаю; но, такъ какъ они, повидимому, остались неизвѣстны А. Ѳ. Петрушевскому, то я считаю полезнымъ напечатать ихъ въ нашемъ изданіи.

Тѣмъ-же самымъ почеркомъ и почти на такой-же бумагѣ написаны имѣющіяся у меня копіи съ двухъ относящихся къ 1778 г. писемъ Суворова къ П. И. Турчанинову, списанныя ранѣе указанныхъ выше, такъ какъ онѣ напечатаны въ статьѣ Н. Н. Мурзакевича: О колонизаціи Новороссійскаго края, помѣщенной въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» 1836 г. № 15, даже съ тѣми-же поправками (иногда совершенно невѣрными) и примѣчаніями, какъ и на моихъ копіяхъ. Это служитъ новымъ доказательствомъ, что и прежде указанныя мною бумаги прошли черезъ руки нашего вице президента. Такъ какъ «Одес. Вѣст.» 1836 г. представляетъ нынѣ большую рѣдкость и письма эти остались неизвѣстны А. Ѳ. Петрушевскому, да и напечатаны неисправно, то считаю полезнымъ перепечатать и ихъ въ приложеніи къ этому журналу.

Но пріобрѣтенныя мною Суворовскія бумаги не исчерпываются этими копіями; у меня дѣйствительно оказались автографы Суворова, а именно: 3 письма къ его управляющему Конищеву (см. о немъ у А. Ѳ. Петрушевскаго: Суворовъ ч. I, стр. 254 и слѣд.; но Петрушевскій вездѣ называетъ его Кузнецовымъ), относящіяся къ печальной исторіи разлада Суворова съ своей женой, не безъ пикантныхъ подробностей, какъ

о ней, такъ и о самомъ Суворовѣ. Письма эти писаны лѣтомъ 1779 г., до и во время подачи Суворовымъ прошенія Святѣйшему Синоду о разводѣ. Повидимому, они вырваны изъ какой-то переплетенной рукописи, по листкамъ перемѣченной, и занимали въ ней листки 7—8, 14—15 и 26. Можетъ быть, они входили въ составъ одного изъ тѣхъ сборниковъ, о которыхъ говоритъ А. Ѳ. Петрушевскій въ прилож. къ III т., стр. 419 и слѣд. Такъ какъ эти письма, кажется, не опубликованы, по крайней мѣрѣ, Петрушевскій о нихъ не упоминаетъ и изъ обозрѣнія источниковъ (въ концѣ III тома) не видно, что онъ могъ-бы ихъ знать, то и ихъ интересно напечатать въ нашемъ изданіи, хотя они къ исторіи Новороссіи не относятся. Конечно, они далеко не прибавятъ ничего къ славѣ Суворова, но — «вся прошедшая мимо идоша», а о такихъ личностяхъ, какъ Суворовъ, интересно знать самыя мелкія подробности. Автографы-же эти я приношу въ даръ нашему Обществу.

Точно также приношу ему въ даръ, по напечатаніи, изъ той-же коллекціи, подлинное письмо Суворова отъ 19-го іюля 1783 г. Галлилю Эфенди, на коемъ, впрочемъ, Суворову принадлежитъ только подпись.

Небезполезно напечатать по копіи, находившейся въ той-же самой коллекціи, еще сочиненіе Суворова «Вахтъ-парадъ»; хотя оно уже и напечатано А. Ѳ. Петрушевскимъ (Суворовъ т. II, Приложеніе VII — перепечатка изъ двухъ давнихъ трудовъ, 1805 и 1811 гг.), но есть небольшая разница, а главное А. Ѳ. Петрушевскій напечаталъ это сочиненіе не въ той системѣ какъ оно было написано, и которую поэтому слѣдуетъ возстановить.

Наконецъ, у меня есть и еще одинъ Суворовскій документъ, обстоятельствъ пріобрѣтенія коего я уже не припоминаю, но онъ, кажется, не изъ указанной выше коллекціи. Это брульонъ письма Суворова къ Шарету, предводителю вандейцевъ, писаннаго весной въ 1796 г. въ то время, когда Суворовъ, уже фельдмаршалъ, готовился къ войнѣ съ Франціей и интересовался совершающимися тамъ событіями, а вандейскіе предводители и въ томъ числѣ Шаретъ все еще держались послѣ несчастной Киберонской экспедиціи. Было-ли это письмо дѣйствительно написано Суворовымъ и послано имъ Шарету, не знаю; Суворовъ можетъ быть лишь предполагалъ писать его Шарету, а не писалъ, такъ какъ лѣтомъ 1796 г. узналъ, что Шаретъ попался въ плѣнъ и былъ разстрѣлянъ. Но, если имѣющійся у меня брульонъ не подлогъ, то содержаніе его представляется интереснымъ; во всякомъ случаѣ брульонъ этотъ заслуживаетъ опубликованія хотя-бы ради рѣшенія затѣмъ вопроса о подлинности самого факта. Писанъ брульонъ не рукою Суворова, не имъ сдѣланы и поправки; но въ начертаніи нѣкоторыхъ буквъ какъ будто есть сходство съ писанными Суворовымъ.

Два акта изъ печатаемыхъ въ приложеніи, относящіеся къ 1787 и 1793 г., сохранились среди бумагъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей; содержаніе ихъ не представляетъ особаго интереса, но они все-же могутъ быть небезполезными въ случаѣ дальнѣйшей спеціальной работы надъ біографіей Суворова.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письма А. В. Суворову къ П. И. Турчанинову [1]).

(Статсъ-Секретарю Императрицы Екатерины II).

№ 1.

1778.

Отъ неизвѣстнаго числа.

Нынѣ изъ Армянъ хотятъ сами по ганделю селиться, къ Азову или Таганрогу; они богаче Грековъ и труднѣе къ наклону [2]), а лучше всего сказать: *не нищіе*. И въ нѣкоторыхъ Горскихъ Татарахъ, Жидахъ есть желаніе къ переселенію въ Россію: на сіе отвѣтствуется молчаніемъ... Бога ради, осемьяните Албанцевъ, или наконецъ они вымрутъ, какъ древне Мекленбургская армія. На комъ имъ здѣсь жениться? Одна синица море не сожжетъ. Они храбры, ихъ не много: переженіте ихъ, пусть они плодятся... Довольно набережныхъ Горцевъ подговорены Съѣт. Ханомъ. Митрополитъ трудится, ихъ поспѣшно по Духовенству исправить [3])... Ханъ говоритъ: «пойдутъ мало; кои пошли—разбѣгутся; Татары съ Русскими поссорятся; Татары Христіанъ перерѣжутъ»... Святые Отцы несказанно трудятся. Архим. Петръ Маргосъ поднялъ такъ Армянъ, что разномѣстно отвсюду потянулись. Патеръ Яковъ съ Кефинцами тоже весьма преду-спѣлъ... Съ Успенья то потянутся вправду. Сельскіе еще съ сѣномъ, соломой, зерномъ не управились. Бѣда, какъ не станетъ подводъ—около того первымъ Губернскимъ [4]), надлежитъ быть подъ перекопью; хотѣлось бы Вас. Алекс. [5]) мнѣ четверточкою пособить; кажется, Богъ милостивъ!

---

[1]) Были напечатаны въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» 1836 года № 15. Орѳографія писемъ безъ сомнѣнія сохранена не была.

[2]) Т. е. ихъ труднѣе склонить къ переселенію. Какъ это, такъ и другія примѣчанія въ письмахъ къ Турчанинову сдѣланы, вѣроятно, Н. Н. Мурзакевичемъ. *А. М.*

[3]) Т. е. снабжаетъ Священниками.

[4]) Подводамъ.

[5]) Черткову, тогдашнему Азовскому Губернатору.

Полагайте, Милостивый Государь мой, такъ—какъ дѣло сдѣлано [6]), лишь бы Свѣтлѣйшему Князю [7]) было угодно... Ou César ou rien, или ни одного или все... Денежекъ не мало у меня на Христіанъ вышло: не противно ли будетъ Свѣтлѣйшему Князю? А правда, кажется, по душамъ дешевле нельзя [8]).

Отъ 21 Сентября.

Милостивый Государь мой. Албанцевъ то по ихъ желанію тамъ-же въ Азовской Губерніи переселить и породнить съ бывшими Крымскими Христіанами для пропагаціи... Увѣдомлялъ-же, что къ Митрополиту, по его удаленіи, вооруженные Татары, тотчасъ впадали въ квартиру, и пуще къ Архимандриту ночью тожъ съ дубьемъ и ножами, и о многихъ иныхъ неописуемыхъ сумасбродствахъ и низкихъ интригахъ... Полдюжины семей Христіанъ Козловскихъ къ выѣзду, послѣдніе, громко отказались. Не бывало того: возможные способы къ упрошенію употреблю. Опасный примѣръ, ибо съ благословенія духовныхъ особъ, ста за два душъ здѣсь зимуютъ и по расправамъ [9]) за сады и земли. Еще не взволновались-бы и тѣ: они изъ богатыхъ... Правившій выводомъ Бахчисарайскихъ, Маіоръ Шипиловъ, одолѣлъ гибкостію своею упорство послѣднихъ Козловскихъ: слава Богу!

[6]) Т. е. какъ-бы дѣло уже было сдѣлано.

[7]) Потемкину.

[8]) Сверхъ разныхъ другихъ пособій, Суворовъ роздалъ неимущимъ по червонцу.

[9]) Т. е. за неокончаніемъ дѣлъ о вознагражденіи.

II.

Письма Суворова къ Конищеву [1]).

№ 1.

Ч: 2 Іюня 1779 въ Крыму.

Получено 29-го Іюня Славянской Полтавской Консисторіи отъ секретаря Василія Даниловича Вербицкаго.

Конищевъ запечатавши письмы порядочною печатью, доставь: что въ нихъ то нужное помни: Худо весма ежели невпадался долго съ к. Ивм. Ром.: [2]) а буде и поныне то тотъ часъ его посѣти хот наими, и разкажи ему всѣ подробности не обинуясь.

Дѣвъ [3]) былъ бы благонравенъ: Бѣри съ ним поспѣшныя мѣры какъ раздѣлатца съ приданымъ преждѣ — Разводъ думаю потом и какия на то

[1]) Относятся къ дѣлу о разводѣ, см. Петрушевскій I, 219.

[2]) Князь Иванъ Романовичъ Горчаковъ, зять Суворова.

[3]) Повидимому, лицо служившее въ Синодѣ—см. далѣе.

лутчия мѣры. Первое, сколко всего и столко придетца денегъ, протчихъ чего недостанетъ денегъ занять какъ и гдѣ; дѣло въ томъ, чтобъ скорѣе изъ моего дому выжить. второе, съ освѣдомленіевъ твоихъ, и что къ тому болше потребно, какия правы.

Ибо долго жить въ моемъ домѣ дурно, неприличныя поступки будутъ тѣже: Убыточно по 150 р. [4]) на мцъ и тѣ за неприсылкою иногда отъ меня не занимать ли. въ Рожествѣно вовсѣ ездить недопускать лошеди от 6 до 10. и доброволно остающия мои служители тоже будутъ чего нибудь стоить.

Ежели не часто буду писать на то не смотри помни основаніи.

Терентію Ивановичу [5]) во всѣмъ подробно откроися, а мне еще право стыдно.

От инаго о 2000, или о 1000 душахъ правда всегда хвастовство не могу добратца что такое и отъ знающихъ, по твоему писму нѣтъ того подвоху по приказамъ.

Смешенъ ты что боишся и кого? нетъ ни кого. въ случае необходимости должно быть тебѣ весма знакомымъ съ правитѣлѣмъ к. Мих: Ник: [6]) я бы къ нему ныне же отписалъ. Не знаю кто, а къ к. Мих: Ник: мнѣ писать еще надобно подождать. Ежели изправенъ будешъ то прежде осѣни не можетъ быть ОѲ [7]).

Крайно надобно раздѣлатца съ долгами въ банке и будѣ каретную 1000 употребить въ приданое то уже правда переписать.

Ів: Тим: Бал: [8]) тебя во всѣмъ оправдалъ, не ты одинъ пустыми наглостми напуганъ и лутчѣ тебя, однако хорошо что ты твердъ.

Въ Рожест. и всюду чтобъ былъ прежнѣй порядокъ изключая мѣлкия налоги на деревни надлежитъ сложить и не убавить ли сотни съ Ундола [9]). Пензенскаго старосту облехчить, и поступит милосердо по изволенію Тимофея Ивановича [10]). Я еще не знаю гдѣ буду. Клима присылай ко мнѣ, а буде слабъ то во всѣмъ доволно его содержи и коли можно то хоть жени. Съ Сер: Ѳедм Саѳм. [11]) поступи учтиво а коли... то мне отпиши. Правда иногда самъ собою будетъ съ тобою говорить К. Мих. Ник. толко будь твердъ. къ кому не надлежитъ отнюдь не ходи ты мой штат-

---

[4]) Неясно.

[5]) Московскій ходатай по дѣламъ Суворова — Черкасовъ.

[6]) Князь Михаилъ Никитичъ Волконскій, московскій генералъ губернаторъ

[7]) Неразборчиво.

[8]) Кажется, ошибка—см. ниже.

[9]) Имѣніе Суворова.

[10]) Ошибка, см. ниже.

[11]) Саѳоновымъ ?

нои, проказу что съ тобои хотѣли здѣлать въ Ростовѣ я первой разъ слышу. Подвоху отъ Н. С. [12]) стерегись свелъ онъ 4. серыхъ и чаи буланую хорошо колибъ ихъ какъ нибудь отобрать естли можно обьяви моими, да—это мѣлочь.

№ 2.

Получено 17 июня 1799-го году съ курьеромъ 5-го дніпровскаго егер. (?) баталиона капснармуса.

Конищевъ! Бывшей моеи... весма мне хочетца вѣдать похождение въ дѣвкахъ, съ кемъ и съ кем родила... какъ! І такія извѣстия заставляи мне писать хоть незнакомои рукои какъ хочешъ все ровно.

О 1000 душахъ выходитъ та интрига: жаловали мнѣ деревню я начелъ отъ нѣе отказыватца и будто въ С. п. б. е говорено что ежели не мнѣ то дать ей, здѣлаетца то каналомъ Н. С.а я взялъ предосторожности но не поздо ли? К. Ів. Ро: о семъ второмъ донеся.

Какъ будетъ въ Москвѣ то хоть всѣ мои служитѣли отъ нѣе отстанутъ нужды нетъ пусть нанимаетъ коли хочетъ или скорѣе съедетъ къ матѣри. О раздѣлкѣ съ долгами въ банкѣ увѣдомь. І какъ будетъ въ Москвѣ то что по 150 р. на мцъ пересылать буду толко меня увѣдомить а съ начала Терентеи Івановичъ можетъ мнѣ вѣрить изъ своихъ. Ізвини меня передъ Терентьемъ Ивановичем что я его называлъ въ письмахъ ошибочно Тимофеи Ивановичъ. Ежели Ее поступки въ Москвѣ будутъ такиижъ непотребныя то тебѣ меня тотъ часъ увѣдомить и вѣдомо тогда не тебѣ ее выживати изъ моего дому а ужъ то будетъ мое дѣло, не думай на одного Н. С.а. Еи иногда всякои ровенъ, и такъ весма присматриваися на то она очень лукава однако видали Н. С.а какъ къ неи по ночамъ въ плащѣ бѣломъ гуливалъ, его ко мне на дворъ непускать, а другихъ такихъ сколко можно, толко и то мудрено она будетъ видатца съ такими по церквамъ на гулбищахъ въ чужихъ домахъ, какъ бы хотя и мои служитѣли то ни присматривали. Авсего лутче какъ скоро она въ Москвѣ въ мои домъ въедетъ то бы и раздѣлка по приданому. І такъ благовремянно меня увѣдомь гдѣ пріисканы дѣнги какъ у кого я займу въ банке ли? все сполна чтобъ отнюдь не мѣшкать. Однако ту раздѣлку мнѣ дѣлать заочно какъ и чрезъ кого. Тогда она должна будетъ выехать къ матери коли не уѣдет прежде и тогда сверхъ приданого недолжно ничего моего при нѣи оставатца ни людеи ни

---

[12]) Николай Сергѣевичъ Суворовъ, премьеръ маіоръ С.-Петербурскаго полка, двоюродный племянникъ Суворова; онъ и далѣе часто упоминается въ письмахъ; ср. статью С. Н. Шубинскаго «Жена Суворова» въ Ист. Вѣстн. 1897 г. № 4.

лошѣдѣи ни экипажеи ни моего серебра ни иного чего а толко еще парочка бл....нов [1]) Кузма и Ульяна. После того о разводѣ помышлять, и въ запасъ надлѣжитъ имѣть приятѣлѣи въ Синодѣ чрезъ Дѣева, и подчивать и денегъ не желѣть.

Гдну лекарю Івану Петровичу Шмиту отъ меня очень кланяися коли прилично то что нибудь про непотребство внуши и какъ ныне потребенъ мне отъ него Атестатъ о вылеченной имъ у меня однои дурноi болезни которои включенъ въ приложенномъ къ нему писмѣ, то по подписке его верно тотъ Атестатъ мнѣ сообщи. проси его весма чтоб онъ ныне у меня жилъ по прежнему и приехалъ бы ко мне на моемъ коштѣ. Ныне ему у меня будетъ весѣлѣе: Я не постою за прибавку.

Хотя для писемъ что къ неи будетъ писат Н. С. между ими всѣ предосторожности и въ штилѣ ихъ примутца, однако старатца доставить ихъ наивозможнѣйше. 1е, на почтѣ, очень сумнительно. 2е, у проезжихъ просто отсюда изъ С. П. Б.а, редкои заедетъ въ мои домъ. 3е, у курьеровъ вѣрнѣе: отъ нѣе развѣ не всякои такои курьеръ заедетъ отъ здѣшнѣи стороны въ мой домъ, паки тѣ писмы будутъ якобы Авдотьи Марковнины, однако и тѣ какія бы въ ту сторону гдѣ будетъ Н. С. ни были по возможности отбирать и мнѣ доставлять. Отъ Н. С. къ неи уповательно скорѣе курьеръ отъ С. П. Б.а въ мои домъ заѣдетъ; напримѣръ будтобы я немедленно ожидаюсь изъ иноi стороны въ Москву... а иначе хоть не таитца, какъ лутче. Но вѣдай что тѣ писмы будутъ въ кувертахъ ГР: Θед. Алек. [2]) Суворова то тѣ то и нужны.

Съ Дѣевымъ будь ласковъ

Быть такъ, зачатое строение въ моемъ домѣ хотя и излишественное уже производить: то достанетца и на то иногда денги въ банкѣ занимать. Терентіи Ивановичъ на сие, и на приданое, изволитъ ко мнѣ вѣрющия писмы для подписки пересылать, толко по сему послѣднѣму паки подтверждаю не длить: когдажъ? Какъ мусиемадамъ [3]) приедетъ въ Москву то и начинать а до ее приезду все нацелить

Скотинку рожеств: точно содержать въ комплектѣ 120.

О девичьихъ поступкахъ мусиемадаминых должны знать и к: Ал: Ів: Куракина въ домѣ, у сосѣда Голицына и много такихъ, токмо лутче чрезъ твоихъ знакомыхъ посторонних также въ дому Г: П: И: Панина его родни не подалеку его дому отставного гвардіи офицера Татищева. А. С.

---

[1]) Такъ въ подлинникѣ.

[2]) Неясно.

[3]) Такъ Суворовъ называлъ свою жену.

№ 3.

Полтава ч: 15 сентября 1779 году

Получено 1-го октября от почталиона Андрея Мухина.

Кан—стъ [1]) Конищевъ! какъ плсмянникъ мой маіоръ Николаи Сергѣевъ сынъ однои Θам: (?) явился въ разныхъ непотребствахъ, такожъ сестра моя Авдотья Маркова, дочь Раіевская въ разных еи довѣдомыхъ непозволенныхъ крамолахъ, то симъ: какъ мои домъ со всѣмъ принадлежащемъ мнѣ имъ возпрещаетца, такъ: имѣть тебѣ отъ ихъ зла крѣпкую предосторожность, равно и отъ состоявшеи за мною въ супружествѣ варвары Ів.ы. Чего ради въ свое время изпрашивать тебѣ изъ надлежащихъ мѣстъ прилично охранѣние; тако-жъ и для своеи особы подверженнои послышимому угрожаемому смѣртному убірству, должную безпѣчность. Остерегатся крѣпко и всѣх ихъ клевретъ. Г. П. [2]) Александръ Суворовъ.

[1]) Канцеляристъ?

[2]) Генералъ Поручикъ.

III.

Высокоблагородный и высокопочтенный всѣхъ нагайскихъ ордъ главный началникъ и ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВСЕ АВГУСТѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНИ нашей отъ арміи стабъ афицеръ.

Милостивый государь мой!

Согласно съ волею все могущаго Бога услуги вашего высокоблагородія ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ и Ея Высочайшему дому должны в вѣчной памяти пребытъ, въ нагайскомъ обществѣ которому вы благоразуміемъ вашимъ толь много не ищетныхъ благъ уже при обрѣсти изволили и въ предь вящше при обрѣтать не оставите. О славныхъ подвигахъ вашего высокоблагородія ежевремянно я доношу Его Свѣтлости и Главно командующему во всѣхъ вьюжныхъ странахъ и моряхъ Князю Григорію Александровичу Потемкину: и нынѣ паки Его Свѣтлости докладъ учинилъ о пожалованіи на чинъ вашего высокоблагородія высочаишаго патента. въ предь текущее время моей жизни пребуду всегда съ совершеннымъ почтеніемъ.

Милостивый государь мой!
вашего высокоблагородія
покорнѣйшій слуга
Александръ Суворов [1]).

Его высокобл: Галлиль
Эфендію: аге серд—забыту.
Июля 19-го дня 1783-го года.
При Ейскомъ укрѣпленіи

[1]) Только подпись собственноручная.

IV.

Высокопревозходительный Господинъ Генералъ аншефъ и кавалѣръ

Милостивый Гдрь мой

Сообщение вашего высокопревозъходительства отъ 7-го настоящаго мца я получилъ сего числа, и по оному известясь честь имѣю о здешнемъ произшествіи ваше высокопревозходительство уведомить.

5-го числа отъ нашего флота одна плоучая батарея пронеслась ветромъ сквозь оба турецкия флота при ея курсе съ пальбою несколко попортило одинъ турецкой фрегатъ и ушла из виду. о которои никакова слуха нетъ.

7-го ночью флотъ нашъ перестреливалъся съ очаковскою крепостью примерно часа полтара отчего раза три вней загоралось.

8-го числа со обоихъ сторонъ никакихъ действиевъ не произъходило.

9-го вночи отъ нашего флота созжено одно турецкое при очакове транспортное судно прибывшее вчера от ихъ флота которой стоитъ во 2 линіи отсюда верстъ 25-ть

о произъшедшеи же баталіи при Кинбурнѣ и одержанной над непріятелѣмъ победѣ октября 1 го на 2 число уведомлѣние я имѣлъ честь отъ 5-го сего мца к вашему высокопревозъходительству отъправить. впротчемъ пребываю всегда с моим истиннымъ почтениемъ и преданностію

Милостивый Гдрь мой
вашего высокопревозходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Суворовъ.

Сбоку: № 58-й.
Внизу: Его высокопре: Михаилу
Васильевичу Каховскому
Октября 9-го дня
1787-го года
Кинбурнъ.

(Изъ документовъ, принадлежащихъ Императорскому Одесскому Обществу Исторіи и Древностей).

V.

Письма Потемкина къ Суворову, списанныя съ подлинныхъ съ точнымъ соблюденіемъ правописанія и строка въ строку [1]).

№ 1.

5 Генваря (1790 ?) [2]).

радъ я мой любезной другъ Графъ Александръ васильевичъ спасенію Мимитъ Аги. Желая спасти и Протчихъ Посылаю теперь маіора Ютовича остеречъ, мухафиза бендерскаго [3]). Хорошо Естли догонитъ, Подайте способъ въ случаѣ нужномъ.

вашего сіятелства
вѣрны другъ инокорнѣйшіи слуга
Князь Потемкинъ Таврическій.

№ 2.

25 Генвр. 790.

я слышалъ что одинъ еще изъ бендерскихъ вышелъ. и къ вамъ мои любѣзной другъ явился. Ежели Ето ходжа Барайктаръ Былъ Бы я крайнѣ радъ Поспешите Его Прислатъ ко мнѣ. За симъ я дамъ вамъ знать какія я Получилъ Писмы отъ визиря, во всю жизнь

вашего сіятелства
вѣрнѣишіи другъ и Покорнѣишіи слуга
Князь Потемкинъ Таврическій.

№ 3.

16 Февраля 790. Ясы.

вотъ любѣзной, и милостивой другъ сталъ я Гетманомъ великимъ [4]) дай богъ собрать и войско великое, императоръ [5]) очень боленъ, курьеров моих къ визирю за симъ слѣдующих прикажи препроводить на браиловъ, я Посмѣрть Нелицѣмѣрно

вашего сіятелства
Милостиваго Гдря моего
вѣрнѣишіи другъ, и покорнѣишіи слуга
Князь Потемкинъ Таврическій.

---

[1]) При печатаніи послѣднее условіе не соблюдено.
[2]) Вѣрно, ибо Суворовъ уже тогда былъ графомъ. А. М.
[3]) Неясно, Бендеры сдались еще 4 ноября 1789 г. А. М.
[4]) Пожалованъ 10 января 1790 г.
[5]) Іосифъ II.

№ 4.

21 Февраль 790 Ясы

Мы лишилися нашего союзника [6]). такъ богу угодно. великій Князь Тосканскій [7]) тепѣрь уже долженъ быть въ вѣнѣ. уповаю что онъ отъ насъ неотстанетъ. онъ Человѣкъ твердой и болѣе систематичной, вотъ все что могу вамъ любѣзной и милостивой другъ сказать,

Прилагаю списокъ произведеннымъ, для вашего сведенія. и посмѣртъ.

вашего сіятелства
Милостиваго Гдря моего
Покорнѣишии слуга, и вѣрныи другъ.
Князь Потемкинъ Таврическій.

№ 5.

9 Марта 790.

Я немогу мой Милостивой другъ, и хотя уже Полегче но слабость дѣнь отъ дня умножается, Прикажи Препроводить Ефендія отправленнаго къ визирю, Прилагаю извѣстии Полскія, и Есмъ съ непремѣнным Почитаніемъ на всегда,

вѣрнѣишии другъ и покорный слуга
Князь Потемкинъ Таврическій.

Проозвожденіе Повашимъ рякомендаціямъ на сих днях Пришлю.

№ 6.

Христосъ воскресе,

Поздравляя васъ мой милостивой другъ сторжествомъ христіянства Посылаю нѣкоторыя бездѣлки и Прошу кушать поздоровьѣ.

увѣдомте меня Показываетсяли кормъ Полевой унасъ холодъ чрезъ вычайной остановилъ траву. сія необыкновѣнность была предшествіемъ землетрясенія которое вчера было силное мой домъ чуть неразсыпался. мы чувствовали четырѣ удара. По моему пребыванію въ фокшанахъ а

---

[6]) Императоръ Іосифъ II скончался 9/20 февраля 1790 г.

[7]) Императоръ Леопольдъ II.

паче въ бозовѣ бывало силней другихъ мѣстъ. Скоро дамъ вамъ сведеніе о непріятелѣ. и о моихъ предположеніяхъ. Я посмѣрть

вашего сіятелства
Милостиваго Гдря моего
вѣрнѣишии другъ ипокорный слуга.
Князь Потемкинъ Таврическій.

27 Марта [8])
790
Ясы

[8]) Приписано другою рукою.

(Подлинныя письма хранятся у Графа Михаила Семеновича Воронцова и подарены ему Иваномъ Онуфріевичемъ Курисомъ.)

VI.

Получено Января 25 дня 1793 г.

Ордеръ 227

Господину Бригадиру и Крепости Азовской Коменданту Пеннену [1]).
вашему высокородію предписывaю по полученіи Сего доставить ко мнѣ подробное сведѣніе о числѣ гарнизоновъ состоящихъ въ командѣ вашей. Такъ же Сколько въотлучкахъ и гдѣ имянно и коликое число требуется въ добавку

Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.

Генваря 7 дня
1793 года
Херсонъ

(Изъ документовъ, принадлежащихъ Императорскому Одесскому Обществу Исторіи и Древностей).

[1]) ?

VII.

Письмо отъ фельдмаршала графа Суворова-Рымникскаго къ Шарету.

Герой Ванденъ, знаменитый защитникъ вѣры твоихъ собратій и престола твоихъ Государей.

Богъ брани да блюдетъ тебя во всякое время, да направитъ руку твою сквозь полчища многочисленныхъ враговъ твоихъ, кои по единому мановенію перста сего Бога Мстителя падутъ разсѣянны, яко листъ, вѣтромъ сѣвера отторженный. И Вы безсмертные Ванденне, вѣрные храни-

тели чести французовъ, достойные сподвижники Героя предводительствующаго Вами! возстановите храмъ Господа, и престолъ Государей Вашихъ; нечестивые да погибнутъ, и путь ихъ да потребится; тогда миръ благодѣющій да возродится паки, и древній стеблъ лиліи, бурею преклоненный долу, да возстанетъ посреди васъ блистательнѣе и величественнѣе.

Храбрый Шаретъ, честь французскихъ рыцарей! вселенная исполнена имени твоего,—изумленная Европа созерцаетъ тебя, и я тебя привѣтствую. Богъ избралъ тебя какъ нѣкогда Давида для наказанія Филистимлянъ. Благоговѣй предъ судьбами Его и стремись, ополчайся, рази—и побѣда послѣдуетъ стопамъ твоимъ.

Таковы суть желанія воина, который, посѣдѣвъ на полѣ чести, вездѣ зрѣлъ побѣду, увѣнчивающую упованіе на Бога брани. Слава Ему, ибо Онъ есть источникъ всякія славы; слава тебѣ, ибо ты ему любезенъ.

VIII.

Вахтъ-парадъ. Сочиненіе Фельдмаршала Графа Суворова Рымникскаго.

ВАХТЪ-ПАРАДЪ.

Исправся! бей зборъ!	Отъ онаго главное сліяніе обученіевъ.
Ученье будетъ примѣры и повороты	По командѣ, по флигильману, по барабану.
Пальба будетъ! заряжай ружье.	Плутонгами, полудивизіонами или дивизіонами (при заряжаніи прикладъ отнюдь на землю не ставить, отъскакиваетъ шомполъ, пуля некрепко прибита).
	Наблюдать косой рядъ; прикладъ крепко упертъ възгибъ праваго плеча, стволъ бросить на левую ладонь; пуля бьетъ въ полчеловѣка; примерно; можно и спорохомъ; ружья чистить мѣжду часомъ; выстрелять между одного и двухъ патроновъ.
Наступными плутонгами зачинай;	Отъбою нетъ, сигналъ барабана, походъ, выстрели отъ одного до двухъ патроновъ и меньше.
Атакуй перьвую непріятельскую линію въ штыки. Ура!	Въ зводные коммандиры коли! коли! рядовые Ура! Громогласно краткой отбои.
Непріятельская ковалерія скачетъ на выручку къ своей пехотѣ... атакуй;	Здѣсь держать штыкъ въ брюхо человѣку (Случится что попадетъ штыкъ вморду, вшею, особливо въ грудь лошади).
	Краткой отъбой.

Атакуй вторую непріятельскую линію, или атакуй непріятелскіе резервы!

Отбой. Симъ кончится третья сквозная атака.

Линія равняется въ мигъ въ передъ, никто не смѣетъ пятится назадъ ничетверти шага.

МАРШЪ

Повзводно, полудивизіонами, или дивизіонами.

На походѣ плутонги вздваиваютъ, вполудивизіоны, или сіи ломаются наплутонги.

Солдатской шагъ аршинъ. взахожденіи полтора шага начинаетъ барабанъ, бьетъ свои три колена. Его смѣняетъ музыка, играетъ полной маршъ, паки барабанъ. — такъ — сменяются между собою, бить и играть скорѣе: отътого скорѣе шагъ;

Интервалы между взводомъ вѣсьма соблюдать, дабы пришедъ напрежнѣе мѣсто: комманда стои; всѣ взводы вдругъ стояли и заходили въ линію,

Вторая, или первая половина линій порядамъ на лево или направо, ступай на атаку!

У сея барабанъ фелдъ — маршъ. Заходитъ противъ части стоящей намѣстѣ изъ картечнаго выстрела вонъ.

СТУПАЙ!

Походъ во всѣ барабаны на 80 — саженяхъ отъ противнаго фронта бѣжитъ отъ — 10, до — 15, шаговъ чрезъ картечную черту полевой артиллеріи, на — 60 саженяхъ тожъ чрезъ картечную черту полковой артиллеріи а—60-ти шагахъ вѣрной черты пуль.

Ступай, ступай, въ штыки! Ура´!

Противная линія встречаетъ пальбою на сей послѣдней дистанціи, а на — 30 шагахъ ударитъ сама въ штыки съ обѣихъ сторонъ, сквозная атака,

«Равно сему другая линей«ная атака. обѣ части на «прежнихъ мѣстахъ».

Такожъ отдѣленная часть заходитъ, колонною для деплояды фронта ежели есть мѣсто

Обѣ части дѣлаютъ колонны.

По числу людей въ разводѣ въ одну или двѣ колонны.

Атака будетъ! колонны ступаи!

барабанъ бьетъ маршъ на — 60 шагахъ одни отдругихъ,

Ступай, ступай, атакуй, вштыки! Ура!	Мушкетъ впрагои рукѣ, наперевесѣ колонны между собою насквозь быстро примерно колятъ.
Колонны строй кареи, стрелки стреляй въ ранжирѣ плутонгами! начинай!	Здѣсь кареи намѣстѣ, стрелки бьютъ наездниковъ и набегающихъ турковъ, особливо чиновниковъ. плутонги палятъ въ ихъ толпы. пальба должна быть кратка, ибо тутъ дело больше картечь, потомъ бросаются колоть.
Ступай, ступаи, атакуи вштыки! Ура!	Что воображается сквозною карейною атакою,
Стрелки впередъ! докалывай, достреливай, бери вполон!	Наоставшихъ Басурманъ между карѣев. барабанъ краткой зборъ, стрелки въ свои мѣста.
Кареи! строй, колонны! Колонны строй кареи! кареи маршъ!	Исполненіе тожъ какъ выше о колоннахъ.
Ступай, ступай, атакуй въ штыки! Ура!	Здѣсь безпальбы атакажъ прежняя.
Кареи строй линейны маршъ!	Азаходившей частй поразсмотренію въ место линіи въколонну, или почетыре ряда. комманда оной: порядамъ, или почетыре, направо, или налѣво,
Ступай напрежнѣе мѣсто! стой фронтъ!	барабанъ фелдъ—маршъ.
Сіи основательныя манервы, марши, и еволюціи равно въ батальонныхъ полковыхъ и корпусныхъ экзерціяхъ,	
Началникъ можетъ требовать батальоннаго огня	Исправный прикладъ правитъ пальбою. Здесь онъ разстроеватся понемінуемой торопливости; новъ взводной пальбѣ онъ виденъ, одиначка пальбы набаталіи выдетъ сама собою. Для збереженія пули — тутъ накаждомъ выстрелѣ всякой своего противника долженъ цѣлить, чтобъ его убить.
ЗАЛПЪ	Въ разводѣ, коли съ пальбою, для очищенія ружея. въ иномъ строю только для исправности приклада. противъ непріятеля него-

дится: оной можетъ сколоть ипорубить пока опять заряжаетъ. Наступныя плутонги только для движенія; непротивъ непріятеля сія ломаная линія негодится, особливо онъ её ималою кавалеріею изрубить можетъ,

Можетъ начальникъ спросить отступных плутонговъ. Лучше онихъ непомышлять. инфлюенція ихъ, салдату весьма опасна. ниже окакихъ ретирадахъ впехотѣ икавалеріи.

Подъкурокъ.

Разговоръ съ салдатами ихъ языкомъ.

Коблуки сомкнуты, подколенки стянуты. Салдатъ стоитъ стрелкой. Четвертаго вижу, пятаго невижу,

Военной шагъ аршинъ, въ захожденіи полтора аршина, береги интервалы,

Салдатъ вофронтѣ нашагу строится полоктю, шеренга отъ шеренги три шага, въ маршѣ два, барабаны немѣшай,

Береги пулю натри дня, аиногда инацелую компанію, как негдѣ взять стреляй редко, да метко, штыкомъ коли крепко, Пуля обмишулится, штыкъ необмишулится, пуля дура, штыкъ молодецъ, коли одинъ разъ, бросай басурмана съ штыка; мертвъ, наштыкѣ; царапаетъ саблею шею, сабля нашеи! отъскокни шагъ, ударь: коли другаго, коли третьяго, богатырь заколетъ полдюжины, больше, береги пулю въ дулѣ, трое наскачутъ! перваго заколи, втораго застрели, третьему штыкомъ карачунъ. Ето редко. Азаряжать неколя, въ атакѣ незадерживай,

Для пальбы стрелий сильно въ мишень, начеловѣка пуль 20; купи свинцу изъекономіи Немного стоитъ, мы стреляемъ цельно унасъ пропадаетъ 30-я пуля, апополевой иполковой артиллеріи развѣ меньше десятаго заряда,

Фитиль накартечь, бросся накартечь: лѣтитъ сверьхъ головы, пушки твои, люди твои, вали намѣстѣ — гони — коли, остальнымъ давай пощаду: грехъ напрасно убить: они такіежъ люди.

Умирай задомъ Богородицы, заматушку, запресвѣтлѣйшій домъ, церковь богу молитъ, кто остался живъ, тому честь и слава,

Обывателя необижай, онъ насъ поитъ икормитъ. салдатъ неразбойникъ, святая добычь! возми лагерь, все ваше; возми крепость всѣ ваше, въ Измаиле кромѣ инаго, дѣлили золото исеребро пригорьщьми, такъ и вомногихъ местахъ безприказу отнюдъ неходи надобычь,

Баталья полевая, три атаки: въ крыло, которое слабѣе, крѣпкое крыло закрыто лѣсомъ, ето немудрено. салдатъ проберется, болотомъ, тяжелѣе, рѣку безмосту не перебежишъ шанцы всякія перескочишъ, атака впередину невыгодно, развѣ кавалерія хорошо рубить будетъ, иначе сами сожмутъ, атака втылъ, очень хороша, только для небольшаго корпуса, а арміею заходить тяжело. баталья въполѣ; линіею противъ регулярныхъ, карeями, противъ басурманъ — колоннъ нетъ, аможетъ случится ипротиву турковъ, что пяти сотному карею надлѣжать будетъ прорвать пяти или семи тысячную толпу съпомощію фланговыхъ карѣевъ, натотъ случай бросится онъ вколонну; но втомъ досего нужды небывало, Есть безбожные, вѣтренные, сумазбродные французишки, они воюютъ нанемцовъ; и иныхъ колоннами. Естьлибы намъ случилось противъ ихъ, то надобно намъ ихъ бить колоннамижъ,

Баталія наокопы, на основаніи полевой ровъ неглубокъ, валъ невысок бросся вровъ, скачи чрезъ валъ, ударь вштыки, коли, гони, бери въ полонъ, помни отрезывать тутъ подручныя конницы. въ прагѣ отърезала пехота, датутъ были тройные ибольше окопы, ицелая крѣпость для того атаковали колоннами,

ТРЕТЬЕ: штурмъ, ломи чрезъ засеки, бросай плетни, чрезъ волчьи ямы, быстро беги, прыгай чрезъ полисады, бросаи фашины, спускайся вровъ, ставь лестницы, стрелки очищай колонны, стреляя поголовамъ, колонны лѣти чрезъ стену навалъ, скаливай навалу, вытягивай линію. караулъ къпороховымъ погребамъ, отворяй вороты конницѣ, непріятель бѣжитъ въ городъ, его пушки обороти понемъ стреляй, сильно. въ улицы бомбардируй живо. недосугъ заетемъ ходить. Приказъ. Спускаися въ городъ, режъ непріятеля на улицахъ, конницъ руби. вдомы неходи, бей на площадяхъ. штурмуй где непріятель заселъ, занимай площадь. ставь гоубвахтъ, разставляи въмигъ пикеты, къ воротамъ, погребамъ магазеинамъ,

ТРИ ВОИНСКІЯ ИСКУСТВА:

1-е. Глазомеръ. какъ въ лагере стать, какъ маршировать где атаковать, гнать и бить, 2-е быстрота, походъ, полевои артиллеріи отъ полу доверсты въпереди, чтобъ спускамъ подъемнымъ немешала, колонна сближится; оная опять выиграетъ свое мѣсто, подъ гору. наровнинѣ нарысяхъ. маршъ порядамъ, или почетыре. Для тесной дороги, или улицы, для ускаго мосту, для водяныхъ иболотныхъ мѣстъ, потропинкамъ. итолько когда атаковать непріятеля, то взводами, чтобъ хвостъ сохранить, порядамъ, по четыре, увзводовъ двойные интервалы, на шагъ не останавливайся. Гуляй, играй, пой песни, бѣй барабанъ, десятокъ отломалъ, первой взводъ снимай вѣщи, ложись, Занимъ второй взводъ. итакъ взводъ завзводомъ. первые заднихъ нежди, линія вколоннѣ намаршѣ растянется, коли по — 4, то вполь-

тора, апорядамъ вдвое, стояла нашагу, идетъ надвухъ. стояла наодной вёрстѣ, разстянется надвѣ, стояла надвухъ разстянется начетырехъ, то досталосябы первымъ взводамъ ждать последнихъ полчаса попустому На первомъ десятке отдыхъ часъ. первой взводъ въспрыгнувъ, надѣлъ вѣщи, бѣжитъ впередъ — 10, 15 шаговъ (анамарше прошедъ уское место нагору или подгору отъ — 15 пдо — 50 шаговъ) такъ възводъ завзводомъ, чтобъ задніе между темъ отдыхали. второй десятокъ отбой, отдыхъ часъ больше, коли третей переходъ малъ, то оба пополамъ, итутъ отдыхъ три четверти часа, полчаса, ичетверть часа, чтобъ рабятамъ поспеть скорѣе къ каше. Ето для пехоты; кавалерія своимъ маршемъ въпередъ, съконей долои! отдыхаетъ мало исъвыше десятка, чтобъ дать коннымъ влагерѣ выстоятся, кашеварныя повозки въпереди съ палаточными ящиками, братцы пришли, къ кашѣ поспѣли, артельнои староста, къ кашамъ назавтрекѣ отдыхъ 4 часа, тожъ самое къ ночлегу, отдыхъ — 6 часовъ идо — 8. какова дорога, а съближась къ непріятелю, котлы съ припасомъ снаровлены къ палаточнымъ ящикамъ — дрова запасены наоныхъ,

Присей быстротѣ и люди неустали. Непріятель насъ нечаетъ, щитаетъ насъ за 100 — верстъ, аколи издалека, что надвухъ трехъ стахъ ибольше, вдругъ мы нанего, какъ снегъ наголову. Закружится унего голова, атакуй въ чемъ пришолъ, счемъ богъ послалъ — конница начинай! руби, коли, гони, отърезываи! неупускаи,

Третей, напускъ; нога ногу подкрепляетъ, рука руку усиляетъ въ палбѣ много людей гибнетъ, унепріятеля теже руки, дарускова штыка не знаетъ, вытяни линію тотчасъ, атакуй холоднымъ ружьемъ, недосугъ вытягивать линію, подвигъ изъ закрытаго, изъ тѣснаго мѣста, коли пѣхота въ штыки! кавалерія тутъ иесть. Ущелья наверсту нетъ, картечи чрезъ голову. Пушки твои, обыкновенно кавалерія срубается прежде пѣхота за ней, бѣжитъ только. вездѣ строй, кавалерія должна действовать всюду какъ пѣхота, изключая выби. тамъ ионн наповодахъ, козаки везде пролѣзутъ въ окончательной побѣдѣ, кавалерія гони, руби. кавалерія займется, пѣхота неотстаетъ, вдвухъ шеренгахъ сила, втрехъ полторы силы, передняя рвётъ, вторая валитъ, третья довершаетъ,

Бойся богадельни, немѣцкія лекарствица, издалека, тухлыя, всплошъ безсильны ивредны, руской салдатъ нимъ непривыкъ, Увасъ есть въ артеляхъ корешки, травушки, муравушки, салдатъ дорогъ, береги здоровье, чисти желудокъ, коли засорился; голодъ лутчѣе лекарство. кто не бережетъ людей офицеру арестъ, унтеръ офицеру и ефрейтору палочки, да и самому палочки, кто себя небережетъ, жидокъ желудокъ, есть хочется, позакатѣ солнышка немного пустой кашки съ хлебцомъ, авкрепкомъ желудкѣ буквица въ теплой водѣ, или корень коневьего щевѣля,

Помните, господа, полевой лечебникъ штабъ лекаря белопольскаго въ горячкѣ ничего не ешъ, хоть до — 12 дней, апей салдатской квасокъ, то и лекарство. авлихорадкѣ непей неешъ. Штрафъ, зачто себя неберегъ. лишъбы богъ далъ здоровья, богадельны первой день, мягкая постеля, второй день французская похлебка, третій день её братецъ домовище къ себѣ итащитъ. одинъ умираетъ, десятеро хлебаютъ его смертельнои дыхъ, въ лагерѣ больные, слабые, хворые, въшалашахъ, невдеревняхъ, воздухъ чище... хоть безлазарету ивовсѣ бсзбольныхъ быть нельзя, тутъ ненадобно жалеть денегъ нахорошія лекарства, коли есть гдѣ купить, сверьхъ своихъ инапротчіе выгоды безприхотей. давсѣ ето неважно. мы умѣемъ себя беречь. гдѣ умираетъ отъ ста одинъ человѣкъ. унасъ нетъ 500 въ месядъ меньше умретъ, здоровому питье воздухъ, еда больному воздухъ, питье еда.

Богатыри! непріятель отъ васъ дрожит! да, есть непріятель — больше богадельни, проклятая, немогзнаика! намека, загадка, лживка, лукавка, краснословка, кратко молвка, двуличка, вежливка, безтолковка, отъ немогзнайки много было беды. хличка, чтобъ безтолково ивыговаривать, хрой прихахъ, афахъ, войхихъ, ипротчее стыдно сказать,

Салдату надлѣжитъ быть здорову, храбру, твѣрду, решиму, правдиву, благочестиву, молись богу, отъ него побѣда. Чудо. Богатыри! богъ насъ водитъ, онъ намъ генералъ, занемогзнайку офицеру арестъ, астабъ офицеру отъ старшаго стабъ офицера квартирной арестъ,

Ученье свѣтъ, анеученье тьма, дѣло мастера боится, И крестьянинъ неумѣетъ сохою владеть: хлебъ неродится, Заученого трехъ неученыхъ даютъ, намъ мало трехъ, давай намъ шесть, намъ мало шести, давай намъ десять, наодного всехъ побьемъ, повалимъ, въполонъ возмемъ, вопоследнюю компанію непріятель потерялъ щотныхъ — 75 тысячь, только что несто, онъ искусно иотчаянно дрался, амы иодной полной тысячи непотеряли, вотъ братцы! воинское обученье! Господа офицеры, какой восторгъ!

Къ паролю! съ фланговъ, часовые впередъ ступаи! накараулъ по отдачѣ генералитету, или инымъ пароля, лозунга, исигнала, похвала или въ чемъ хула вахтъ параду игромогласно, субординацін, послушаніе, дисциплина, обученіе, ордеръ воинскій, порядокъ воинскій, чистота, опрятность, здоровье, бодрость, смелость, храбрость, екзерцицін, побѣда; Слава!!!

327 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

26-го Мая 1900 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента *А. Л. Бертье-Делагарда*, при секретарѣ *А. И. Маркевичѣ*, дѣйствительные члены. *В. М. Истринѣ*, *И. А. Линниченко*, *П. А. Мавродиди*, *Г. И. Перетятковичѣ*, *Х. П. Ящуржинскій* и члены-корреспонденты: *В. Н. Никифоровѣ* и *В. И. Штулькерцѣ*.

Слушали:

I. Письмо дочери основателя и перваго президента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Д. М. Княжевича и учредительницы преміи его имени М. Д. Княжевичъ слѣдующаго содержанія:

«Приношу Императорскому Одесскому Обществу Исторіи и Древностей искреннюю, хотя запоздалую, благодарность за присылку мнѣ XXII тома Записокъ Общества. Причиною этого запозданія была тяжкая болѣзнь и, наконецъ, 7-го истекшаго Февраля кончина второй возлюбленной сестры моей Елисаветы Дмитріевны Княжевичъ; такъ что изъ трехъ теперь осталась я одна!

Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей мнѣ дороги. Одинъ уже внѣшній видъ каждаго тома, до знакомства съ содержаніемъ, доставляетъ мнѣ удовольствіе, потому что первый томъ этого изданія редактировалъ и издалъ дорогой, незабвенный отецъ мой.

Дочь основателя и перваго президента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей *Марія Княжевичъ*.»

Царское Село.
2-го мая 1900 г.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

II. Письмо къ г. вице-президенту Общества отъ графа М. М. Толстого съ благодарностью за избраніе его въ дѣйствительные члены Общества и съ приложеніемъ 100 р., какъ единовременнаго взноса, согласно § 12 устава Общества.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію, а деньги передать г. казначею.

III. Сообщеніе одесской городской управы отъ 24 мая сего года, за № 10791, съ согласіемъ, чтобы учрежденная 13 ноября 1889 г. премія въ 500 р. была выдана за печатный или рукописный трудъ по исторіи или археологіи южной Россіи, вышедшій въ теченіи послѣднихъ 5 лѣтъ (См. Журналъ засѣданія 28 января с. г., п. VII и 9 марта с. г., п. XI).

Постановили: Просить одесскую городскую управу о передачѣ означенныхъ денегъ въ кассу Общества.

IV. Докладъ г. вице-президента А. Л. Бертье-Делагарда и д. ч. И. А. Линниченка и А. И. Маркевича, ѣздившихъ въ г. Аккерманъ по порученію Общества (см. Журналъ 325 засѣданія 24 апрѣля с. г., п. XV), о состояніи аккерманской крѣпости и о положеніи дѣла относительно нежеланія аккерманскаго городскаго общественнаго управленія передать гласисъ этой крѣпости во владѣніе Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Постановили: а) благодарить г. завѣдующаго аккерманской крѣпостью члена-корреспондента В. И. Штулькерца за его заботы о сохраненіи этой крѣпости; б) просить его по возможности устроить ворота изъ первой внѣшней крѣпости во вторую, чтобы входъ въ нее былъ доступенъ лишь при наблюденіи со стороны лица, охраняющаго крѣпость; в) выдать чл.-кор. В. И. Штулькерцу новую довѣренность на полученіе доходовъ и производство расходовъ по аккерманской крѣпости, за подписью одного изъ членовъ Совѣта Общества и секретаря, взамѣнъ нынѣ существующей; г) обратиться къ г. Бессарабскому губернатору съ просьбой объ установленіи границъ правъ и владѣнія Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей на упраздненную нынѣ аккерманскую крѣпость, и д) просить г. начальника инженеровъ сообщить на время Обществу планъ этой крѣпости при ея упраздненіи.

V. Докладъ Совѣта относительно новаго проэкта правилъ для безплатной корреспонденціи.

Постановили: Представить Департаменту Министерства Народнаго Просвѣщенія соображенія о томъ, что примѣненіе новаго проэкта отзовется на Обществѣ ежегоднымъ расходомъ въ 200 р., что окажется весьма стѣснительнымъ для Общества, располагающаго самыми скромными средствами, и повредитъ его дѣятельности, особенно по пріобрѣтенію и сохраненію древностей.

VI. Предложеніе Совѣта о томъ, чтобы представляемые иногда дѣйствительными членами Общества, на основаніи § 12 устава, единовременные взносы были обращаемы на пріобрѣтеніе государственныхъ процентныхъ бумагъ и присоединялись къ запасному капиталу Общества.

Въ послѣднее время въ Общество поступило четыре такихъ взноса, по 100 р. каждый, отъ дѣйствительныхъ членовъ Общества: Н. С. Колачевскаго, гр. М. М. Толстого, А. Ф. Фогеля и Б. И. Ханенка.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта и просить г. казначея руководствоваться этимъ постановленіемъ.

VII. Докладъ коммиссіи, избранной для присужденія преміи А. Л. Бертье-Делагарда (см. Журналъ 28 января с. г., п. VII), что она не могла выполнить даннаго ей порученія въ маѣ сего года и потому просить продлить это порученіе до октября сего года.

Постановили: Продлить порученіе, данное коммиссіи, до указаннаго ею срока, причемъ просить ее имѣть въ виду и п. III настоящаго журнала.

VIII. Докладъ г. смотрителя музея о предметахъ, поступившихъ въ музей.

Пожертвованы г. вице-президентомъ А. Л. Бертье-Делагардомъ:

1) Желтой глины коринѳскій сосудъ.

2) Чернолаковый сосудъ съ фигурами на красномъ полѣ.

3) Синяго стекла цвѣтникъ.

4) Бѣлаго стекла чашка съ нарисованными птицами.

5) Глиняный сосудъ въ формѣ бычка. Всѣ изъ Ольвіи.

6) Кольцо съ камнемъ, на которомъ вырѣзано изображеніе Зевса Изъ Аккермана.

Стоимость этихъ вещей можетъ быть оцѣнена въ 200 р.

Пожертвованы д. ч. А. Ф. Фогелемъ:

Два обломка мраморныхъ плитъ съ греческими надписями, о содержаніи которыхъ будетъ доложено Обществу въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій.

Куплены хранителемъ музея:

1) Чернолаковый сосудъ съ красными фигурами.

2) Голубаго стекла цвѣтникъ.

3) Терракотовая женская маска.

4) Терракотовая статуэтка женщины.

5) Чернолаковый сосудъ безъ фигуръ, съ ручками въ видѣ львиныхъ головъ.

Всѣ изъ Ольвіи. Заплочено 206 р.

Постановили: Благодарить жертвователей, а вещи передать въ музей. При этомъ члены Общества выразили благодарность А. Л. Бертье-Делагарду, присутствовавшему въ засѣданіи.

IX. Заявленіе г. секретаря, что членъ-корреспондентъ Общества Е. В. Князевъ принесъ въ даръ Обществу двѣ фотографіи, изображающія развалины древней церкви въ дер. Шурю, недалеко отъ Бахчисарая.

Постановили: Благодарить жертвователя.

X. Докладъ г. секретаря о поступившихъ книгахъ:

1) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго университета, годъ LVII, кн. 4. Казань, 1900; съ приложеніемъ: Указатель статей за время 1834—1899 г. Казань. 1900.

2) Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго университета. № 2. Юрьевъ. 1900.

3) Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. IV, вып. 3. Софія. 1899.

4) Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи, т. XVI, вып. 3. Казань. 1900.

5) Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1899 г. Москва. 1900.

6) Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1899 г. Спб. 1900.

7) Извѣстія Кавказскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XII, 1899, вып. III; т. XIII, 1900, № 1. Тифлисъ. 1900.

8) Отзывъ дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества профессора Н. И. Кузнецова о трудахъ д-ра Г. И. Радде (перепечатано изъ Отчета Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1898 г.).

9) Александръ Ѳедоровичъ Голубевъ, біографическій очеркъ. Омскъ. 1900.

10) Записки Крымскаго горнаго клуба въ Одессѣ, № 4, 1900.

11) Отчетъ комитета по управленію Нижегородскимъ городскимъ художественнымъ и историческимъ музеемъ за время съ 1-го сентября 1897 г. по 1-е января 1899 г. Нижній-Новгородъ. 1900.

12) Святитель Ѳеодосій Черниговскій, новопрославленный Чудотворецъ земли Русской. Отъ Е. В. Богдановича.

13) Die Rus der arabischen Schriftsteller. Riga. 1900.

14) Die Legenden von Amastris und Sturaf's. Riga. 1893

15) Хроніка наукового товариства імени Шевченка. Ч. I. Львів. 1900.

16) Vjesnik Hrvatskoga arheoloskoga drustva. D-r Josip Brunsmid. Zagreb. 1900.

17) Mykenische vasen vorhellenische thongefässe aus dem gebiete des mittelmeeres, mit einem atlas von 44 tafeln, Berlin. 1886.

18) Acta societatis pro fauna et flora fennica. Volumen decimum quintum. Helsingforsiae. 1898—1899. Volumen decimum septimum, Helsingforsiae. 1898—1899.

19) Annual Report of the Smithsonian Institution. 1897. U. S. National Museum I. Washington city. 1899.

Постановили: Передать въ библіотеку.

XI. Ходатайство д. ч. Общества П. А. Маврогордато о разрѣшеніи ему производить раскопки въ аккерманской крѣпости на счетъ какъ его, такъ и д. ч. А. Ф. Фогеля, съ тѣмъ, чтобы вещи, буде таковыя найдутся, переданы были Обществу

Постановили: Разрѣшить производить раскопки по соглашенію съ г. завѣдующимъ крѣпостью чл.-кор. В. И. Штулькерцомъ.

XII. Докладъ д. ч. И. А. Линниченко: «О новѣйшихъ раскопкахъ г. Хвойка».

Постановили: Напечатать въ протоколѣ настоящаго засѣданія.

Раскопки г. Хвойка.

I. Раскопки въ с. Мировкѣ, Кіевскаго уѣзда.

На большой площади, расположенной въ серединѣ с. Мировки, находятся два кургана, отстоящіе на 309 метровъ другъ отъ друга. Въ настоящемъ году они были подвергнуты раскопкѣ; въ первомъ изъ нихъ, бо́льшемъ, окружностью въ 165 м., на глубинѣ 65 см., въ юго-восточной сторонѣ насыпи, оказался человѣческій скелетъ, головою на NO; вытянутая правая рука лежала вкось ниже тазовыхъ костей, а лѣвая — на правой сторонѣ груди. Ноги были почти вытянуты. Черепъ покойника сильно брахицефальный. Ростъ небольшой. Съ правой стороны скелета, у поясницы, лежали желѣзный ножъ и большой наконечникъ стрѣлы, съ лѣвой, почти у самой головы, — черепъ лошади, съ желѣзными удилами въ зубахъ, кости переднихъ ногъ и копыта которой расположены были у лѣваго плеча покойника, а кости заднихъ ногъ лежали у его ступней. Очевидно, погребеніе это принадлежитъ кочевнику. На глубинѣ 1 м. 75 см. посреди̇нѣ кургана лежали кучкой кости барана, сверхъ которыхъ находился большой желѣзный колокольчикъ, формою напоминающій кельтъ, и тутъ-же

лежало значительное количество угля. Далѣе, на глубинѣ 2 м. 15 см. найдено донышко глинянаго сосуда, сдѣланнаго отъ руки. Еще ниже поднятъ бронзовый наконечникъ стрѣлы и, наконецъ, на глубинѣ 4 м. 75 см., въ юго-западной сторонѣ кургана, на уровнѣ земли, подъ сильно утрамбованнымъ слоемъ желтой глины оказался слой полуистлѣвшаго дерева. Подъ нимъ открыта была яма, также выложенная истлѣвшимъ деревомъ, на днѣ которой, на глубинѣ 78 см. (т. е. 5 м. 53 см. отъ поверхности насыпи), лежалъ на слоѣ желтой глины на правомъ боку скорченный скелетъ съ сильно поджатыми ногами, правая рука котораго прикасалась къ колѣнамъ, а лѣвая лежала на верхней части тазовыхъ костей. Начиная отъ колѣнъ до ступней кости ногъ были окрашены сверху красной краской. Предметовъ при немъ никакихъ не оказалось. Длина склепа равнялась 2 м., ширина — 1 м. 75 см. Слѣдуетъ замѣтить, что при насыпаніи кургана была употреблена земля, собранная не на мѣстѣ, а гдѣ-то въ болѣе низменной и болотистой мѣстности, такъ какъ она была пересыпана лепехой (calamus), благодаря чему земля кургана представляла сплошной, твердый какъ камень, составъ, съ большимъ трудомъ поддававшійся усиліямъ орудія копанія.

Во второмъ курганѣ, въ западной его сторонѣ, въ насыпи на глубинѣ 60 см. открытъ лежавшій на спинѣ человѣческій скелетъ, головой на NO, съ немного раздвинутыми ногами; съ лѣвой стороны, выше плеча, находился черепъ лошади, съ желѣзными удилами во рту, немного ниже — кости ея переднихъ ногъ, а у ступней скелета — кости заднихъ. При разборкѣ скелета около поясницы найдена желѣзная пряжка. Скелетъ небольшаго роста, съ сильно брахицефалическимъ черепомъ. На глубинѣ 105 см. отъ поверхности земли, подъ насыпью, оказалось нѣсколько отдѣльныхъ могильныхъ пятенъ. По удаленіи съ нихъ земли, въ трехъ изъ нихъ, расположенныхъ въ южной сторонѣ кургана, найдено по одному сильно разложившемуся дѣтскому скелету, окруженному истлѣвшимъ деревомъ. Въ ямѣ съ сѣверной стороны, на глубинѣ 75 см. ниже насыпи, въ гробу, состоящемъ изъ толстыхъ досокъ, лежалъ женскій полуистлѣвшій скелетъ въ вытянутомъ положеніи, головой на Ю, правая рука котораго лежала на груди, а лѣвая была протянута вдоль туловища. На скелетѣ оказалось довольно хорошо сохранившееся шелковое платье со множествомъ такихъ же шнурковъ и бахромъ, около поясницы куски сафьяна (остатки какого-то четыреугольнаго предмета). Наконецъ, въ ямѣ, лежащей въ восточной сторонѣ кургана, ближе къ его срединѣ, на глубинѣ 90 см. найденъ скорченный скелетъ, лежавшій на правомъ боку, головой на S; протянутая правая рука его пальцами касалась колѣна, а лѣвая лежала у поясницы. Верхняя часть черепа, сильно долихоцефалическаго, была окрашена красной краской.

II. Раскопки при с. Зарубинцы, Каневскаго уѣзда, Кіевской губ.

Въ восточной сторонѣ с. Зарубинецъ, на поверхности, стоящей въ видѣ отдѣльнаго холма, расположены въ рядъ, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, три различной высоты насыпи, имѣющія видъ кургановъ. На поверхности первой изъ нихъ, самой большей и находящейся наиболѣе близко къ Днѣпру, найдены были различные черепки древнихъ сосудовъ, куски обожженной глины, растворчатыя рѣчныя раковины, уголь и мѣстами кости животныхъ. Нѣсколько въ сторонѣ стоитъ каменный крестъ, находившійся прежде, по словамъ мѣстныхъ жителей, на серединѣ насыпи, но въ настоящее время сдвинутый кладоискателями на мѣсто, гдѣ онъ находится теперь. На небольшой глубинѣ, при поискахъ за кладомъ, ими былъ откопанъ покойникъ, при которомъ былъ найденъ очень хорошей сохранности затканный серебромъ поясъ, раздѣленный грабителями на три части, мечъ и двѣ серебряныя чаши. Изъ остальныхъ двухъ насыпей г. Хвойко раскопалъ меньшую. На глубинѣ отъ 50 до 120 см. отъ поверхности земли открыто значительное количество лежавшихъ четыреугольникомъ камней, перемѣшанныхъ внутри съ землею, сверхъ которыхъ лежало нѣсколько обожженныхъ конскихъ костей и зубовъ. Подъ камнями, на материкѣ, оказались обугленныя человѣческія кости и черепки трехъ разбитыхъ сосудовъ. Всего извлечено 32 камня; изъ нихъ нѣкоторые были до 5 пудовъ вѣсомъ. Въ $3^1/_2$ м. отъ этой насыпи къ Ю, на той-же возвышенности, на глубинѣ 60 см. (на материкѣ) открыта небольшая, хорошо очищенная площадка, 80 см. въ діаметрѣ, на которой стояло 3 черныхъ различной формы и величины сосуда съ блестящей поверхностью, сдѣланные отъ руки. Первый изъ нихъ, самый большій, имѣлъ видъ кувшина безъ ручки; другой, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, былъ формы высокаго горшка съ ушкомъ, а третій, въ видѣ миски, весьма близко напоминалъ такъ называемый скиѳскій типъ. Далѣе, въ той-же площадкѣ лежали обожженныя человѣческія кости и зола, а нѣсколько въ сторонѣ отъ нихъ къ О подняты были своеобразной формы бронзовая фибула, согнутая бронзовая шпилька и кусокъ скрученной спиралью бронзовой проволоки. Въ томъ-же направленіи, на нѣкоторомъ разстояніи отъ этихъ находокъ, на глубинѣ 75 см., открыто было еще одно мѣсто, гдѣ стоялъ большой глиняный сосудъ, по формѣ, выдѣлкѣ и обжогу ничѣмъ не отличающійся отъ сосудовъ каменнаго вѣка, наполненный обожженными человѣческими костями; на нѣкоторомъ разстояніи отъ него стояли еще горшокъ и миска темно-коричневаго, почти чернаго цвѣта, съ блестящей поверхностью, также сходные съ такъ называемыми скиѳскими. При нихъ находились двѣ фибулы, одна цѣльная, а другая поврежденная огнемъ, шпилька и кусокъ бронзы. По словамъ мѣстныхъ жителей, добывавшихъ на этой воз-

вышенности камень, подобныхъ погребеній было находимо ими большое количество; причемъ сосуды и другіе предметы были ими тутъ-же уничтожаемы; заслуживаетъ, однако-же, вниманія то обстоятельство, что, по ихъ разсказамъ, фибулы и отломки другихъ бронзовыхъ предметовъ лежали и около сосудовъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, и въ самыхъ сосудахъ, сверхъ обожженныхъ костей.

Кромѣ трупосожженій на этой насыпи встрѣчено было нѣсколько погребеній съ костяками. Изъ послѣднихъ вскрыты г. Хвойкомъ всего 4 могилы, почти не имѣвшія насыпей, принадлежавшія, какъ и другія, разрытыя раньше крестьянами, къ *славянскому* типу погребеній. Обыкновенно на глубинѣ отъ 60 до 130 см. скелетъ лежалъ на спинѣ, головой къ западу, въ вытянутомъ положеніи, съ различнымъ расположеніемъ рукъ; у головы его находимы были одна или двѣ серебряныя серьги изъ тонкой проволоки и иногда такое-же кольцо на пальцѣ; въ одномъ случаѣ у поясницы покойника найдена была бронзовая пряжка.

Другіе предметы отсутствовали. Черепа долихоцефалическіе, съ показателемъ 73—74,8. Слѣдуетъ прибавить, что на другой, рядомъ стоящей возвышенности, также при добываніи камня было найдено мѣстными жителями нѣсколько погребеній съ трупосожженіемъ, при которыхъ находилось множество прекрасной сохранности бронзовыхъ украшеній, главнымъ образомъ фибулъ; г. Хвойку удалось пріобрѣсть изъ нихъ только одинъ экземпляръ, относящійся къ древнему галльштадтскому типу.

При всемъ желаніи произвести раскопки въ болѣе обширныхъ размѣрахъ г. Хвойко, къ сожалѣнію, лишенъ былъ возможности исполнить это вслѣдствіе крайне неблагопріятной погоды; объ этомъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ сожалѣть, что возвышенность эта, вслѣдствіе добыванія на ней камня, вскорѣ будетъ уничтожена, если это уже не сдѣлано до сихъ поръ. Послѣ отъѣзда г. Хвойка, какъ оказалось, найдено было еще нѣсколько погребеній съ трупосожженіемъ, изъ которыхъ ему были доставлены 7 сосудовъ.

III. Раскопки въ с. Ромашкахъ, Васильковскаго уѣзда, Кіевской губ.

По пріѣздѣ въ с. Ромашки, г. Хвойко узналъ, что на находящейся передъ церковью площади, откуда крестьяне берутъ землю для подсыпки огородовъ, ими часто бываютъ находимы кости и сосуды. Отправившись на мѣсто, онъ замѣтилъ тамъ нѣсколько могильныхъ насыпей (около десяти), болѣе или менѣе расползшихся отъ времени. Изъ нихъ одна въ особенности выдѣлялась своими размѣрами и формой; она имѣла 22 м. въ длину, при неодинаковой ширинѣ: отъ 7 до 11 м. Форма ея была полукольцеобразная (лунообразная). При болѣе тщательномъ осмотрѣ въ выемкѣ

земли былъ замѣченъ скелетъ, обложенный полуистлѣвшимъ деревомъ. Это побудило г. Хвойка немедленно приступить къ раскопкѣ.

Прежде всего вскрыты были всѣ находившіяся на площади могильныя насыпи, подъ которыми вездѣ, на глубинѣ отъ 105 до 180 см., на материкѣ лежали вытянутые скелеты головой на Ю, съ руками въ различномъ положеніи, обложенные полуистлѣвшимъ деревомъ. У головы находимы были иногда небольшія серьги изъ серебряной проволоки, съ загнутыми, S-образными концами; иногда на пальцахъ были серебряныя или бронзовыя кольца, а въ трехъ случаяхъ у поясницы подняты бронзовыя пряжки. Черепа были долихоцефалическіе. Такъ какъ при этихъ покойникахъ не оказалось ни сосудовъ, ни другихъ характерныхъ предметовъ, находимыхъ прежде жителями, то г. Хвойко предпринялъ раскопку окружающихъ насыпи ровныхъ мѣстъ.

Въ одномъ изъ нихъ, на глубинѣ 135 см., на тщательно утрамбованной площадкѣ 90 см. въ діаметрѣ, лежали обожженныя человѣческія кости, между которыми находилась часть лобной кости. При нихъ стояла черная изящной формы миска, сдѣланная на гончарномъ кругѣ, довольно значительныхъ размѣровъ; около нихъ лежали: лукообразная (латенскаго типа) бронзовая фибула, бронзовый наконечникъ стрѣлы и черепки сосуда изъ такого-же матеріала и такого же издѣлія, какъ и уцѣлѣвшая миска.

Во второмъ изъ раскопанныхъ мѣстъ, на глубинѣ 150 см. отъ поверхности земли, открытъ былъ лежащій на спинѣ вытянутый скелетъ, головой на SW, правая рука котораго лежала на груди такъ, что пальцы почти дотрогивались до нижней челюсти, а лѣвая — лежала поперекъ туловища, нѣсколько выше тазовыхъ костей. Около головы скелета лежали двѣ серебряныя серьги; на лѣвомъ плечѣ — лукообразная фибула, на пальцахъ руки — два кольца и около лѣваго плеча — такая-же изящной формы и величины черная, сдѣланная на кругѣ миска, какая была найдена раньше съ трупосожженіемъ.

Въ третьемъ мѣстѣ, на глубинѣ около 1 м. отъ поверхности, откопанъ былъ небольшой глиняный сосудъ съ обожженными человѣческими костями внутри; около него лежала глиняная мисочка, два бронзовыхъ и одинъ желѣзный наконечники стрѣлъ и часть лукообразной фибулы, поврежденной огнемъ.

Большая насыпь была подвергнута осмотру только отчасти; именно въ западной ея сторонѣ была раскопана небольшая часть до глубины не болѣе 1 м. Здѣсь, на глубинѣ отъ 40 до 70 см., найдены были одинъ дѣтскій скелетъ и три взрослыхъ покойника, лежавшіе въ полуистлѣвшихъ гробахъ, головами на W. При одномъ изъ нихъ найдена серьга съ лунообразной привѣской, бронзовый крестъ и нѣсколько бусинокъ, нанизан-

ныхъ на проволоку. На другомъ было надѣто довольно хорошей сохранности платье со шнурками, рядомъ шелковыхъ плетенныхъ, протканныхъ золотомъ пуговицъ въ формѣ желудей и шестью бронзовыми застежками посрединѣ груди; на ногахъ были красные сафьянные сапоги съ желѣзными подковками.

IV. Раскопки въ Золотоношскомъ уѣздѣ, Полтавской губ.

Цѣлью этихъ раскопокъ было убѣдиться, переходятъ-ли предметы, находимые въ Черкасскомъ и Чигиринскомъ уѣздѣ, на лѣвую сторону р. Днѣпра?

Въ виду этого г. Хвойкомъ были произведены раскопки возлѣ м. Вереміевки, надъ Днѣпромъ. Мѣстность представляетъ собою возвышенность, прорѣзанную нѣсколькими оврагами, на которой разбросано множество кургановъ, на дальнѣйшемъ своемъ протяженіи уходящихъ въ степь. Многіе изъ этихъ кургановъ раскопаны еще въ древности; уцѣлѣвшіе имѣютъ по большей части расплюснутую куполообразную форму; величина ихъ различна: отъ малыхъ до очень большихъ. Всего изъ нихъ раскопано г. Хвойкомъ 7 кургановъ, относящихся къ скиѳскому типу или содержавшихъ скорченные скелеты, что иногда совмѣщалось въ одномъ и томъ-же курганѣ.

Курганъ № 1. Окружность 32 м., высота насыпи 1 м. На глубинѣ 1 м. отъ поверхности земли обнаружена яма 3,2 м. длины, 2,6 м. ширины и 2 м. глубины, въ которой уступомъ шла другая яма 2 м. длины, 1 м. 15 см. ширины и 60 см. глубины. Въ послѣдней, на материкѣ, найденъ скелетъ съ сдвинутой съ мѣста средней частью туловища, лежащій на спинѣ, головой на SW. Надъ головой его лежалъ желѣзный чешуйчатый панцырь; около головы — желѣзное копье и такой-же ножъ, а въ ногахъ — черепки скиѳскаго сосуда. Отчасти ограбленъ.

Курганъ № 2. Окружность 96 м., высота насыпи 3 м. 70 см. На глубинѣ 1 м. 5 см., въ восточной сторонѣ насыпи, найдены разбросанныя человѣческія кости, бронзовыя стрѣлки, часть желѣзнаго копья, желѣзный мечъ скиѳскаго типа (распавшійся), черепки скиѳскаго глинянаго сосуда и чешуйки бронзоваго панцыря. Г. Хвойко узналъ, что мѣстные кладоискатели, разграбившіе этотъ курганъ, похитили оттуда находившійся на груди покойника бронзовый панцырь и много другихъ предметовъ, въ томъ числѣ нѣсколько золотыхъ пряжекъ; но всѣ старанія его розыскать эти предметы остались напрасными, такъ какъ они были уже проданы. На уровнѣ земли, въ южной сторонѣ насыпи, открытъ небольшой деревянный склепъ въ 2 м. длины и $1^1/_4$ м. ширины, въ которомъ оказался лежавшій

на правомъ боку скорченный скелетъ, съ сильно окрашенной красной краскою верхней частью черепа. Предметовъ при немъ не нашлось.

Курганъ № 3. Окружность 54 м., высота насыпи 90 см. Подъ насыпью оказался деревянный склепъ, длиною 4 м. 20 см., шириною 3 м. 75 см. и глубиною 2 м. 30 см., наполненный черноземомъ и большимъ количествомъ полуистлѣвшихъ бревенъ. Западная часть склепа ограблена и уничтожена кладоискателями, у которыхъ мѣстной полиціей отнята часть похищенныхъ предметовъ и отослана въ Императорскую Археологическую Комиссію. Въ остальной части склепа, у восточной стѣнки, на днѣ его найденъ чешуйчатый желѣзный панцырь, который удалось подобрать полностью, 5 костяныхъ псаліій съ звѣринымъ орнаментомъ, 5 желѣзныхъ удилъ и кожанный колчанъ съ 86-ю бронзовыми стрѣлами, украшенный двумя тонкими серебряными бляшками, распавшійся отъ прикосновенія. Въ SW углу стоялъ небольшой сосудъ скиѳскаго типа. Въ NW углу найдены черепки такихъ-же сосудовъ и пробуравленный зубъ медвѣдя, кости барана и зубы лошади. Другихъ предметовъ не оказалось.

Курганъ № 4. Окружность 124 м., высота насыпи 5 м. На О, подъ насыпью кургана, оказался деревянный склепъ 2 м. 20 см. длины, 1 м. ширины и 80 см. глубины, въ которомъ на желтой глинѣ лежалъ на берестовой подстилкѣ скорченный скелетъ. Черепъ его былъ окрашенъ толстымъ слоемъ красной краски. Надъ головой его былъ какой-то распавшійся желѣзный предметъ, остатки котораго представляли нѣчто въ родѣ чешуи.

Курганъ № 5. Окружность 95 м., высота насыпи 4 м. 20 см. Подъ насыпью, на уровнѣ земли, въ восточной и сѣверной сторонахъ находились небольшіе деревянные склепы, между которыми былъ затянутъ желѣзный ножъ со слѣдами красной краски. Въ нихъ лежали скорченные покойники, головой на S, на правомъ боку, черепа которыхъ, а также верхнія части ногъ одного изъ нихъ, были окрашены красной краской.

Курганъ № 6. Окружность 65 м., высота $3^1/_2$ м. На глубинѣ 1 м. 10 см. найденъ скелетъ, лежавшій на спинѣ, съ вытянутыми вдоль туловища руками, въ ногахъ котораго найденъ уголь отъ костра, глиняный сосудъ, кости барана и свиньи. Въ восточной сторонѣ, подъ насыпью, открытъ деревянный склепъ, длиною 2 м., шириною 60 см. и глубиною 70 см., въ которомъ на правомъ боку лежалъ сильно скорченный человѣческій скелетъ съ подложенной подъ голову рукой и окрашеннымъ красной краской черепомъ.

Курганъ № 7. Окружность 24 м., высота насыпи 70 см. Насыпь состояла изъ комковъ обожженной глины. На уровнѣ земли найдены обожженныя человѣческія кости и при нихъ черепки скиѳскаго сосуда.

V. Трипольская культура.

Въ 7-ми верстахъ къ западу отъ м. Триполья, съ лѣвой стороны р. Красной, на поляхъ с. Щербаневки, на склонѣ покатой возвышенности, противъ Батыевой горы (могилы), при раскопкахъ настоящаго года открыты г. Хвойкомъ еще четыре уже сильно разрушенныхъ площадки, часть которыхъ распахана и смыта водою; въ уцѣлѣвшей части одной изъ нихъ, кромѣ верхняго слоя обожженной глины, открытъ, на глубинѣ 10 см. отъ поверхности, грушеобразный сосудъ съ спиральнымъ орнаментомъ, верхушка котораго была отрѣзана плугомъ. Внутри на днѣ сосуда оказались пережженныя человѣческія кости и куски обожженной глины. На разстояніи 25 см. отъ этого сосуда стоялъ кверху дномъ небольшой плошкообразный сосудъ съ двумя ушками по сторонамъ и въ 20 см. отъ него такой-же сосудъ, нѣсколько больше перваго. Немного въ сторонѣ отъ нихъ лежалъ камень съ сглаженной овальной поверхностью, нижняя часть котораго была стесана въ видѣ треугольника; въ діаметрѣ онъ имѣлъ отъ 10 до 18 см. Съ противоположной стороны сосуда съ костями, на востокъ, лежали: каменный шарикъ, три рѣчныхъ раковины, часть челюсти кабана, два кремневые скребка и черепки 2—3 разбитыхъ сосудовъ.

Площадка занимала пространство отъ $3^1/_2$ до $4^1/_2$ м. Въ остальныхъ, почти такихъ-же по величинѣ, площадкахъ, кромѣ комковъ обожженной глины, черепковъ разбитыхъ сосудовъ, 7 каменныхъ шариковъ, двухъ каменныхъ сверху сглаженныхъ плитокъ, нѣсколькихъ раковинъ и нѣсколькихъ пережженныхъ костей, другихъ предметовъ, вслѣдствіе сильнаго разрушенія площадокъ, не оказалось. Площадки эти относятся къ такъ называемой культурѣ А.

Въ августѣ 1899 года, во время XI-го Кіевскаго Археологическаго съѣзда, на г. Хвойка было возложено порученіе произвести подготовительныя раскопки для ознакомленія членовъ съѣзда съ расположеніемъ площадокъ и ихъ содержимымъ. Съ этой цѣлью имъ были избраны четыре мѣста на склонахъ возвышенностей, — одно при с. Погребы, два при с. Юшки и одно при с. Стрѣтовкѣ, Кіевскаго уѣзда; причемъ раскопка производилась только для обнаруженія разрѣза и краевъ площадокъ, насколько это можно было сдѣлать въ теченіи дня. Въ виду различныхъ распоряженій и переѣзда съ мѣста на мѣсто, г. Хвойко совершенно былъ лишенъ возможности дѣлать болѣе подробныя наблюденія, успѣвъ замѣтить только, что площадки состояли изъ нѣсколькихъ рядовъ кирпича (отъ 1 до 4) и принадлежали къ такъ называемой культурѣ В. Добытый матеріалъ былъ разобранъ присутствующими на мѣстѣ. Кромѣ того, на разстояніи 100 м. отъ площадокъ, въ восточной сторонѣ, при с. Погребы открыта землянка, относящаяся къ той-же культурѣ и содер-

жавшая золу, пережженныя кости, рѣчныя раковины, рыбьи кости, кремневые и костяные предметы и значительное количество черепковъ разбитыхъ сосудовъ, изъ числа которыхъ оказалось нѣсколько крашеныхъ.

По окончаніи съѣзда г. Хвойко получилъ отъ окончившаго Кіевскій университетъ В. Н. Доманицкаго личное, а затѣмъ и письменное извѣщеніе о томъ, что въ Звенигородскомъ уѣздѣ имъ встрѣчены слѣды Трипольской культуры, съ которою онъ познакомился при обозрѣніи археологической выставки въ Кіевскомъ городскомъ музеѣ; письменное извѣщеніе кромѣ того заключало въ себѣ просьбу пріѣхать для раскопокъ. Не имѣя возможности исполнить эту просьбу, г. Хвойко ограничился тѣмъ, что просилъ г. Доманицкаго, предоставивъ въ его распоряженіе своихъ опытныхъ рабочихъ, сообщить результаты сдѣланнаго ими.

Вотъ изъ присланнаго сообщенія всѣ относящіяся къ предмету указанія:

На фермѣ священника Н. Доманицкаго, близъ дер. Луковки, Звенигородскаго уѣзда, находящейся между рѣкой Гнилымъ Тикичемъ и ручьемъ Колодистымъ, рабочими были произведены пробныя раскопки, результатомъ которыхъ оказалось открытіе четырехъ рядовъ площадокъ т. наз. культуры В., состоящихъ изъ нѣсколькихъ (2—3) слоевъ выжженной глины. Въ нихъ были найдены различные сосуды и другіе предметы, относимые къ культурѣ В.

Такія-же раскопки сдѣланы были на одномъ изъ концовъ с. Колоиистаго, на огромной площади, гдѣ найдено восемь рядовъ площадокъ, изъ которыхъ раскопано четыре. Число слоевъ въ нихъ равняется 4-мъ и по направленію къ ручью, въ послѣдней линіи площадокъ, культурный слой достигаетъ 1 арш. Найденные здѣсь предметы во всемъ сходны съ предъ ддущими. Въ нѣкоторыхъ площадкахъ слои глины были обнажены вспашкой и самыя площадки отчасти распаханы; въ другихъ они доходили до глубины 1 м. Всѣ вообще площадки были раскопаны только отчасти и ни одна изъ нихъ не изслѣдована окончательно.

Необходимо замѣтить, что хотя найденные здѣсь сосуды по своей формѣ были вполнѣ сходны съ находимыми г. Хвойкомъ раньше, но въ послѣднихъ крашеные сосуды попадались въ культурѣ В. весьма рѣдко и орнаментъ былъ главнымъ образомъ вытѣсненный, тогда какъ въ настоящихъ находкахъ крашеные сосуды составляютъ единственное содержаніе площадокъ и, кромѣ того, глина въ нихъ совершенно другаго состава, болѣе тонкаго и болѣе усовершенствованнаго. Особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что, хотя не было ни одного сосуда другихъ формъ, относящихся къ т. наз. культурѣ А., но въ числѣ настоящихъ находокъ попалось два двойныхъ сосуда, весьма близко напоминающіе биноклеобразные сосуды Трипольскихъ находокъ.

XIII. Предложеніе Совѣта объ избраніи въ дѣйствительные члены Общества извѣстнаго кіевскаго археолога и коллекціонера Викентія Вячеславича Хвойка.

Постановили: Баллотировать въ слѣдующемъ засѣданіи Общества.

XIV. Предложеніе Совѣта объ избраніи въ дѣйствительные члены Общества профессора Императорскаго Новороссійскаго университета Евгенія Николаевича Щепкина.

Постановили: Баллотировать въ слѣдующемъ засѣданіи Общества.

328 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

11-го Сентября 1900 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ *Э. Р. фонъ-Штерна*, при секретарѣ *А. И. Маркевичъ*, дѣйствительные члены: *Л. Ф. Брунъ*, *П. А. Ивановъ*, *В. М. Истринъ*, *И. А. Линниченко*, *А. В. Лонгиновъ*, *А. А. Павловскій*, *С. Д. Пападимитріу*, *Г. И. Перетятковичъ*, *С. А. Селивановъ*, *Х. П. Ящуржинскій* и членъ-корреспондентъ *В. Н. Никифоровъ*.

Слушали:

I. Сообщеніе секретаря Общества, что 29 Іюня изволилъ посѣтить музей Его Императорское Высочество почетный членъ Общества Великій Князь Александръ Михайловичъ. При обозрѣніи Его Высочествомъ музея имъ, секретаремъ Общества, и г. казначеемъ П. А. Маврогордато, въ то время и. д. хранителя музея, даны были требующіяся объясненія, а членомъ совѣта А. В. Лонгиновымъ представлены были Его Высочеству присутствовавшіе въ то время члены Общества. Его Высочество изволилъ вписать свое имя въ книгу для почетныхъ посѣтителей музея.

Постановили: Занести сообщеніе секретаря въ журналъ настоящаго засѣданія.

II. Отношеніе г. секретаря Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михайловича отъ 6 іюля с. г. съ выраженіемъ благодарности Обществу отъ Его Высочества за доставленіе Отчета за 1898 г. и XXII т. Записокъ Общества.

Постановили: Занести въ журналъ настоящаго засѣданія.

III. Письмо г-жи Е. Н. Мельникъ отъ 30 мая съ выраженіемъ благодарности Обществу за избраніе ея въ число дѣйствительныхъ членовъ Общества.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Отношенія Императорской Археологической коммиссіи отъ 7-го іюня и 12-го августа с/г. съ препровожденіемъ въ даръ музею Общества 1 серебряной и 4 мѣдныхъ восточныхъ монетъ, найденныхъ въ Херсонесѣ въ 1897 г. при раскопкахъ на берегу Карантинной бухты (между известковой печью и д. Бѣлозерова), и 6 серебряныхъ пуговицъ, 2 серебряныхъ вызолоченныхъ привѣсокъ, 1 сердоликовой бусы и 11 жемчужинъ, найденныхъ въ г. Смоленскѣ вмѣстѣ съ монетами, препровожденными Обществу при отношеніи отъ 12 Января с. г.

Вещи эти переданы въ музей, а Императорская Археологическая коммисія увѣдомлена съ благодарностью о ихъ полученіи.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Докладъ г. хранителя музея о предметахъ, поступившихъ въ Общество лѣтомъ нынѣшняго года.

Пожертвовано:

а) Вице-президентомъ Общества А. Л. Бертье-Делагардомъ:

Золотой имперіалъ Императрицы Елисаветы Петровны 1758 г.

Пять серебряныхъ варварскихъ монетъ.

б) д. ч. А. Ф. Фогелемъ:

2 камня съ надписями.

1 алабастровый сосудъ.

2 ольвійскихъ разновѣска.

3 монеты: 1 визант. золотая, 2 Рискупоридовъ.

Украшенія отъ саркофага.

в) г. Эдлинсомъ:

5 простыхъ глиняныхъ сосудовъ.

г) Императорской Археологической коммиссіей:

11 желѣзныхъ и 6 серебряныхъ привѣсокъ изъ Смоленской губ., одна буса и 2 привѣски къ серьгамъ.

1 серебр. и 4 мѣдныхъ восточн. монетъ, найденыхъ въ Херсонесѣ.

д) г. преподавателемъ Тифлисской I гимназіи И. В. Соловьевымъ:

13 штукъ монетъ чеканеныхъ для Грузіи.

е) студентомъ N. N.

Серія разныхъ черепковъ глиняной и эмалированной посуды изъ Аккермана.

Постановили: благодарить жертвователей; вещи передать въ музей.

Куплено:

Терракотъ 3, разноцвѣтное стекло 1, 10 вазъ (изъ нихъ 2 чернофигурныхъ, 4 краснофигурныхъ), 1 кратеръ изъ Гнатіи, 1 чернолаковый хоусъ, 1 іоническая гидрія, 1 сосудъ съ желтой глазурью.

Постановили: передать вещи въ музей.

VI. Докладъ секретаря Общества о поступившихъ въ теченіи лѣта с. г. въ библіотеку Общества книгахъ.

1) Записки Императорской Академіи Наукъ: 1) Китабе акдесъ, «священнѣйшая книга» современныхъ бабидовъ; текстъ, переводъ, введеніе и приложенія А. Г. Туманскаго, т. III, № 6. Спб. 1899. 2) Отчетъ о сороковомъ присужденіи наградъ графа Уварова, т. IV, № 2. Спб. 1899. 3) Отчетъ о присужденіи преміи имени почетнаго гражданина А. М. Сибирякова, т. IV, № 3, Спб. 1899. 4) Отчетъ о присужденіи преміи имени графа Д. А. Толстого, т. IV, № 4. Спб. 1899. 5) Отчетъ о присужденіи преміи имени П. Н. Батюшкова, т. IV, № 1, Спб. 1899. 6) Перечень Византійскихъ грамотъ и писемъ, т. IV, № 5, Спб. 1899. 7) Sahidische bruchstücke der legende von Cyprian von Antiochen, von Dr. Oscar von Lemm, т. IV, № 6, Спб. 1899. 8) Des Kgl. Dänischen envoyé Georg Grund's bericht über Russland in den Jahren 1705—1710, т. IV, № 7. Спб. 1900.

2) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, т. XII, № 4, 5. 1900 г. С.-Петербургъ.

3) Протоколы засѣданій конференціи Императорской Академіи Наукъ, 1725—1893 г., т. II. 1744—1770, Спб. 1899.

4) Чествованіе памяти А. С. Пушкина Императорскою Академіей Наукъ. Май 1899 г. Спб. 1900.

5) Труды Орхонской Экспедиціи. Атласъ древностей Монголіи, изд. по порученію Императ. Акад. Наукъ В. В. Радловымъ, вып. IV, табл. CV—CXVIII, Спб. 1899 г.

6) Византійскій Временникъ, т. VII, вып. 1—2, 3, 4, Спб. 1900.

7) Ученыя Записки Импер. Казанскаго Университета, годъ LXVII, кн. 5 и 6, 7, 8, Казань 1900.

8) Ученыя Записки Импер. Юрьевскаго Университета № 3, Юрьевъ 1900 г.

9) Обозрѣніе лекцій въ Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ 1899 г. 2-й семестръ. Юрьевъ 1899.

10) Обозрѣніе лекцій въ Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ 1900 г. 1-й семестръ. Юрьевъ 1900.

11) Личный Составъ Императорскаго Юрьевскаго Университета къ 15 Октября 1899 г. Юрьевъ 1899 г.

12) Варшавскія Университетскія извѣстія 1900 г., III, IV, V. Варшава 1900.

13) Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, т. 16, Москва 1900.

14) Протоколы засѣданій Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества за 1897—1898. Спб. 1899 и 1900 г.

15) Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. XI, 1899—1900 Спб.

16) Записки восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. XII, вып. IV (послѣдній). Спб. 1900 г.

17) Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ. В. В. Латышевъ. Т. 1, вып. 3, съ картою. Спб. 1900.

18) Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Январь—Февраль. Спб. 1900 г.

19) Сирія, Ливанъ и Палестина по В. Кюине, вып. II. Спб. 1900.

20) Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. 13 и 14, вып. I. Кіевъ 1899, 1900 г.

21) Сборникъ Московскаго главнаго архива Министерства иностранныхъ дѣлъ, вып. 7-й. Москва 1900.

22) Извѣстія Кавказскаго отдѣла Имп. Русскаго географическ. Общества, т. XIII. № 2, 3, 4. 1900 г.

23) Записки Крымскаго Горнаго Клуба. Одесса 1900. № 5, 6, 7.

24) Объ упраздненной стѣнописи великой церкви Кіево-Печерскія Лавры. Н. И. Петрова. Кіевъ 1900 (отъ Церковнаго Археологическаго Общества при Кіев. Дух. Акад.).

25) Древности Русскія. Собраніе энколпіоновъ, крестиковъ и образковъ Б. И. и В. И. Ханенко, вып. II, Кіевъ 1900.

26) Карта Европейской Сарматіи по Птолемею (отвѣтъ акад. В. В. Латышеву), проф. Ю. А. Кулаковскаго (отъ автора).

27) Общій очеркъ состоянія народныхъ училищъ Таврической Губ. за 1898 и 1899 г. Симферополь 1900.

28) Д. Н. Анучинъ (оттиски изъ Русскаго Антропологическаго Журнала 1900. № 1 и 2). Москва 1900 г.

29) Замѣтки о памятникахъ Равенны (оттискъ изъ т. VII, № 1 «Византійскаго Временника» 1899 г.). Е. К. Рѣдинъ

30) Могильникъ кургана слободы Сеньково, Купянскаго Уѣзда. Е. К. Рѣдинъ и Н. А. Федоровскій. Харьковъ 1900 г.

31) Памятники церковныхъ древностей Харьковской губ. *Е. Рѣдинъ.* Харьковъ 1900 г.

32) В. Б. Антоновича: «Описаніе монетъ и медалей, хранящихся въ нумизматическомъ музеѣ Университета св. Владиміра, вып. II, Кіевъ 1900 г. (отъ автора).

33) Указатель именъ и предметовъ упомянутыхъ въ подробномъ словарѣ русскихъ граверовъ Д. А. Ровинскаго. Спб. 1900.

34) Окончаніе первоначальнаго русскаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ въ XIII столѣтіи. Фридрихъ фонъ-Кейслеръ. Спб. 1900.

35) О соборной Богородичной церкви въ городѣ Галичѣ. А. С. Петрушевичъ, вып. I и II, Львовъ 1899 и 1900 г.

36) Записки Наукового товариства імени Шевченка. Rik IX. p. 1900, кн. VI, т. XXXVIII.

37) Жерела до історіи України — Руси. т. III. У Львові 1900.

38) Розвидкі про церковні відносини на Україні—Руси XVI—XVIII вв. Львовъ 1900.

39) Часопись Правничa, д-ръ Кость Левицкій. У Львові 1900.

40) Збірник математично-природописно-лікарської секціи Наукового товариства імени Шевченка т. VI, вып. I. Львовъ 1900.

41) Хроніка українсько руського Наукового товариства імени Шевченка. ч. 2. У Львові 1900.

42) Lud, organ Towarzystwa ludoznawczego we Lwowie, tom VI — Zeszyt 3. We Lwowie 1900

43) Kwartalnik historyczny. Rocznik XIV—zeszyt II—1900. We Lwowie.

44) Vestnik slovanskych starožitnosti. Praha 1900. Ročnik II, svazek 4. Lubor Niederle.

45) Prachistorické lebky v českach ze sbirky Musea království českého. Spr. D-r. B. Hellich. Praha 1899.

46) Vjestnik kr. Hrvatsko-slavonsko-dalmatinskog-zemaljskog arkiva. Godina II. Zvezak 3. Zagreb 1900.

47) Lyetopis jugoslavenske akademiye znanosti i umjetnosti 1899. Zagrebu 1900.

48) Bullettino di archeologia e storia Dalmata. Fr. prof. Bulic. Anno XXIII, Spalato 1900 r.

49) Documente privitore la Istoria Romanilor. Volumul XI, 1517—1612. Bucuresci 1900.

50) Mittheilungen aus der livländishen Geschichte. Riga 1900.

51) Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthums kunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1899. Riga 1900.

52) Bulletin historique du Diocèse de Lyon. № 4. 1900 Lyon.

53) Notes et extraits pour servir á l'histoire des Croisades au XV-e siecle. N. Jorga. II série. Paris 1899.

54) The Alabama Arbitration — Thomas Willing Balch.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

VII. Отношеніе Суворовской коммиссіи, состоящей при Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, отъ 26 іюля съ просьбою сообщить, какіе находятся въ музеѣ Общества предметы или рукописи, относящіеся къ А. В. Суворову, а также собирать свѣдѣнія о предметахъ подобнаго же рода, находящихся въ частныхъ рукахъ.

Секретарь Общества доложилъ, что первая часть просьбы Суворовской коммиссіи имъ уже исполнена, вторую же онъ представляетъ на благоусмотрѣніе членовъ Общества.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

VIII. Заявленіе г. завѣдующаго Ѳеодосійскимъ Музеемъ д. ч. Общества О. Ф. Ретовскаго отъ 6 іюня о томъ, что вслѣдствіе перехода на службу въ Петербургъ онъ не можетъ оставаться завѣдующимъ Ѳеодосійскимъ музеемъ, почему и сдаетъ его во временное завѣдываніе г. преподавателю мужской гимназіи въ Ѳеодосіи Людвигу Петровичу Колли; равно и письмо г. Колли отъ 28 іюня о томъ, что онъ 24 іюня принялъ, согласно предложенію секретаря Общества, музей отъ О. Ф. Ретовскаго по описи, также мебель и прочія вещи, бумаги и 248 р. 30 к. деньгами.

Совѣтъ предлагаетъ оставить временно завѣдываньe музеемъ за Л. П. Колли и благодарить г. Ретовскаго за его труды по завѣдыванью музеемъ въ теченіи 12 лѣтъ.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта.

IX. Сообщеніе д. ч. И. А. Линниченка о загадочныхъ надписяхъ на найденныхъ г. Хвойкомъ сосудахъ, причемъ докладчикъ предложилъ помѣстить фототипіи этихъ сосудовъ съ надписями въ приложеніи къ журналу одного изъ засѣданій членовъ Общества.

Постановили: Просить И. А. Линниченко принять на себя трудъ по заказу требующихся фототипій и составленіе предисловія къ нимъ и благодарить В. В. Хвойка за его любезное согласіе на помѣщеніе фототипій въ Запискахъ Общества.

X. Докладъ Совѣта о положеніи дѣла относительно предполагаемаго завладѣнія г. Капономъ части земли въ Суданѣ, находящейся во владѣніи Общества; причемъ, въ виду заявленія д. ч. И. П. Щелкова о томъ, что захватъ земли г. Капономъ представляется еще не вполнѣ доказаннымъ, Совѣтъ обратился къ Таврическому Губернатору и въ Таврическую Губернскую Чертежную съ просьбой о командированіи землемѣра для возстановленія границъ Судацкой дачи Общества.

Постановили: Одобрить распоряженія Совѣта.

XI. Предложеніе Совѣта объ избраніи въ дѣйствительные члены Общества извѣстнаго кіевскаго коллекціонера Викентія Вячеславича Хвойка и профессора Императорскаго Новороссійскаго Университета Евгенія Николаевича Щепкина (см. журналъ 327 Засѣданія Общества п. 13 и 14) и въ члены корреспонденты преподавателя Ѳеодоссійской мужской гимназіи Людвига Петровича Колли.

Постановили: Баллотировать В. В. Хвойка и Е. Н. Щепкина въ настоящемъ засѣданіи, баллотировку-же Л. П. Колли отложить до слѣдующаго.

При баллотировкѣ В. В. Хвойко избранъ единогласно, Е. Н. Щепкинъ большинствомъ голосовъ.

XII. Сообщеніе д. ч. Э. Р. фонъ-Штерна: «Новыя эпиграфическія находки на югѣ Россіи».

Постановили: Передать сообщеніе въ издательскій комитетъ для напечатанія въ XXIII т. Записокъ Общества.

329 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

23-го Октября 1900 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта *Э. Р. фонъ-Штерна*, при секретарѣ *А. И. Маркевичѣ*, дѣйствительные члены: *Л. Ф. Брунъ*, *А. Е. Елоровъ*, *П. А. Ивановъ*, *А. А. Кочубинскій*, *И. А. Линниченко*, *А. В. Лонгиновъ*, *П. А. Маврогордато*, *А. А. Павловскій*, *Г. И. Перетятковичъ*, *Е. Н. Щепкинъ*, членъ корреспондентъ *В. Н. Никифоровъ*, и гости: приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго Университета *П. Н. Ардашевъ* и г. *Минцъ*.

Слушали:

I. Письмо В. В. Хвойка отъ 18 октября с. г. съ благодарностью за избраніе въ дѣйствительные члены Общества.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

II. Докладъ Совѣта о необходимости избранія новаго хранителя развалинъ Аккерманской крѣпости въ виду отъѣзда изъ г. Аккермана завѣдывавшаго ими по настоящее время ч. к. В. И. Штулькерца. Совѣтъ предлагаетъ избрать въ хранители крѣпости г. инспектора аккерманскаго городскаго училища Феропонта Михайловича Кречуна.

Постановили: а) благодарить В. И. Штулькерца за заботы его по завѣдыванію Аккерманскою крѣпостью и б) хранителемъ этой крѣпости избрать Ф. М. Кречуна.

III. Докладъ Совѣта объ избраніи хранителя ѳеодоссійскаго музея (см. журналъ 328 засѣданія п. 8).

Постановили: Избрать хранителемъ г. преподавателя ѳеодоссійской мужской гимназіи Людвига Петровича Колли.

IV. Предложеніе Совѣта о томъ, чтобы около 15 декабря с. г. назначено было собраніе членовъ Общества для почтенія памяти знаменитаго проповѣдника Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, состоявшаго членомъ Общества съ 1840 по 1857 г., со дня рожденія котораго 15 декабря исполняется столѣтіе; причемъ кому либо изъ членовъ Общества, быть можетъ, угодно будетъ сдѣлать объ Архіепископѣ Иннокентіѣ сообщеніе.

Постановили: а) посвятить памяти Архіепископа Иннокентія декабрьское собраніе членовъ Общества, б) просить д. ч. Общества С. В. Петровскаго прочесть въ этомъ собраніи сообщеніе объ Архіепископѣ Иннокентіѣ и в) просить дѣйствительныхъ членовъ Общества, знавшихъ Архіепископа Иннокентія, сообщить свои о немъ воспоминанія.

V. Докладъ секретаря Общества о поступившихъ въ послѣднее время въ библіотеку Общества новыхъ книгахъ:

1. Протоколы засѣданій Совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго Университета за 1899 г. № 55. С.-Пб. 1900.

2. Обозрѣніе преподаванія наукъ на историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета въ осеннемъ полугодіи 1900 г. и весеннемъ полугодіи 1901 г.

3. Обозрѣніе преподаванія наукъ на физико-математическомъ факультетѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета въ осеннемъ полугодіи 1900 г. и весеннемъ полугодіи 1901 г.

4. Обозрѣніе преподаванія на юридическомъ факультетѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета на 1900 — 1901 учебн. годъ.

5. Обозрѣніе преподаванія по факультету восточныхъ языковъ въ 1900—1901 учебн. году.

6. Годичный актъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета 8-го Февраля 1900 г.

7. Записки историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербурскаго Университета часть LIV, LVI, LVII, в. 2.—Спб. 1900 г.

8. Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета годъ LXVII кн. 9, Сентябрь. Казань 1900. Приложенія къ Учен. Зап. Казанск. Универ. за 1900 г. Сентябрь. О сыпномъ тифѣ въ Яранскомъ уѣздѣ Вятской губ. за 1887 — 1896 гг. Земскаго врача И. В. Аксакова. Казань 1900 г.

9. Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго общества. Т. 12. Харьковъ 1900 г.

10. Лѣтопись историко-филологическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ. Т. VIII. Одесса. 1900 г.

11. Историко-филологическій Институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, 1875—1900 г. Нѣжинъ. 1900 г. «Преподаватели и воспитанники».

12. Извѣстія историко-филологическаго Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, т. XVIII. Нѣжинъ. 1900 г.

13. Сборникъ историко-филологическаго общества при Институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Т. III. Нѣжинъ. 1900 г.

14. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. 27-й. Тифлисъ. 1900 г.

15. Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества подъ ред. В. К. Трутковскаго. Т. 17. Москва. 1900 г.

16. Труды десятаго Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ 1896 г. Т. III. Москва. 1900 г.

17. Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки Епископа Порфирія Успенскаго. Ч. V. С.-Пб. 1899 г.

18. Православный Палестинскій сборникъ, вып. 52, 53. С.-Пб. 1900 г.

19. Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Мартъ—Апрѣль. С.-Пб 1900.

20. Извѣстія Императорскаго русскаго Географическаго Общества. Т. XXXVI, вып. I. С.-Пб.

21. Записки западно-сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго Географическаго Общества. Кн. XXVII. Омскъ. 1900 г.

22. Труды Владимірской Ученной Архивной Комиссіи. Кн. II. Владиміръ. 1900 г.

23. Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссіи. Рязань. 1900 г.

24. Труды Оренбургской Ученной Архивной Комиссіи, вып. VI. Оренбургъ. 1900 г.

25. Описаніе Минусинскаго музея, вып. II Матеріалы по доисторической археологіи и антропологіи К. Горощенко. Курганные черепа Минусинскаго округа. Минусинскъ. 1900 г. Вып. IV. Е. К. Яковлевъ. Этнографическій обзоръ инородческаго населенія долины Южнаго Енисея и объяснительный каталогъ этнографическаго отдѣла музея. Минусинскъ. 1900 г.,

26. Записки Крымскаго Горнаго клуба. № 8, 9. Одесса. 1900 г.

27. Шереметевы и князя Урусовы. Генеологическій этюдъ Д. Кобеко. С.-Пб. 1900 г. (отъ автора).

28. Директоръ Царскосельскаго Лицея Е. А. Энгельгардтъ и его питомцы. Рѣчь Д. Ѳ. Кобеко на торжественномъ актѣ въ память А. С. Пушкина въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ 28 Мая 1899 г. (тоже).

29. Отзывъ о трудахъ П. И. Щукина по описанію принадлежащихъ ему собраній древностей и рукописей. Д. Ѳ. Кобеко (тоже).

30. Генералъ-Адмиралъ Графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, Мичманъ П. Бѣлавенецъ. Ревель 1899 г. (отъ автора).

31. Надгробный памятникъ Генералъ-Адмирала графа Ѳ. М. Апраксина. Лейтенантъ П. И. Бѣлавенецъ (тоже).

32. Древности Приднѣпровья. Собраніе П. И. и В. И. Ханенко, вып. III. Кіевъ. 1900 г.

33. Kwartalnik Historyczny. Rocznik XIV, zeszyt III, we Lwowie, 1900.

34. Lud, organ towarzystwa Indoznawczego we Lwowie, m. VI. Zeszyt 4, we Lwowie 1900.

35. Vjestenik kr. Hrvatsko-slavonsko-dalmatinskog Zemaljskog Arkiva. Dr. Ivan Pl. Bojničič Kninski. Godina II. Svezak 4. Zagreb. 1900.

36. Bullettino di archeologia e storia dalmata. Fr. prof. Bulič, anno XXIII. Spalato, 1900.

37. Platone Nell'accademia. Musaico Pompeiano illustrato da Antonio Sogliano, Napoli. 1900.

38. Sitzungsberichte der Kurländischen Gesellshaft für Literatur und Kunst und Jahresbericht des Kurländischen Provincialmuseums aus dem Jahre 1899. Mitau 1900.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

VI. Представленіе Совѣта объ избраніи въ члены корреспонденты Общества: Л. П Колли (см. журналъ 328 засѣданія п. 11.), Ф. М. Кречуна (см. выше п. 2) и лейтенанта Петра Ивановича Бѣлавенца, въ Севастополѣ, автора многихъ статей относящихся до исторіи нашего флота.

Постановили: Баллотировать предложенныхъ лицъ въ настоящемъ собраніи.

При баллотировкѣ всѣ они избраны были въ члены корреспонденты Общества единогласно.

VII. Докладъ д. ч. Э. Р. фонъ-Штерна.: «О новѣйшихъ раскопкахъ въ г. Аккерманѣ и на островѣ Березани».

Къ только что прочитанному отчету о раскопкахъ въ Аккерманѣ *) позволю себѣ присовокупить нѣсколько словъ о другихъ раскопкахъ, произведенныхъ лѣтомъ этого года — на островѣ Березани.

Въ началѣ октября пріѣхалъ сюда членъ нашего Общества, предводитель дворянства Херсонскаго уѣзда Г. Л. Скадовскій и пригласилъ меня отправиться къ нему въ имѣніе, чтобы разсмотрѣть предметы древности и классифицировать и опредѣлить глиняную посуду, добытые на островѣ

*) Печатается въ Запискахъ Общества, т. XXIII.

Березани при произведенныхъ имъ съ согласія Импер. Археол. Коммиссіи на собственный счетъ раскопкахъ. Найденные предметы предназначены для музея при Херсонской Архивной Коммиссіи; но Г. Л. Скадовскій самымъ предупредительнымъ образомъ согласился на мою просьбу, выдѣлить дублетты для нашего музея. Въ среду 4 октября я отправился въ Бѣлозерку къ Георгію Львовичу и провелъ у него цѣлый день, усердно занимаясь изученіемъ по опредѣленіямъ найденныхъ имъ древностей. Такъ какъ Г. Л. Скадовскій обѣщалъ въ февралѣ мѣсяцѣ прочесть въ засѣданіи нашего Общества рефератъ о ходѣ и результатахъ своихъ раскопокъ, то я ограничусь здѣсь нѣсколькими общими замѣчаніями, имѣющими цѣлью указать на интересъ этихъ раскопокъ въ научномъ отношеніи.

Разрытый Г. Л. Скадовскимъ могильникъ (изслѣдованы до 800 могилъ) принадлежитъ по найденной въ немъ посудѣ къ періоду отъ VII—V вѣка до Р. Х. Мы такимъ образомъ имѣемъ передъ собою остатки одного изъ древнѣйшихъ греческихъ поселеній на побережьѣ Чернаго моря. По суда эта распадается на двѣ группы: добрая половина ея принадлежитъ импорту изъ Милета и Малой Азіи, при чемъ встрѣчаются въ изрядномъ количествѣ фрагменты древне-милетскихъ кувшиновъ и амфоръ съ характернымъ изображеніемъ темнобурыхъ косороговъ (Steinbock) и другихъ звѣрей на желтомъ фонѣ; какъ извѣстно, эта посуда найдена у насъ до сихъ поръ только въ единичныхъ экземплярахъ: одинъ сосудъ, найденный въ Керчи, хранится въ Эрмитажѣ, другой, изъ Кіевской губерніи попалъ въ антропологическій музей при Московскомъ Университетѣ, двѣ амфоры, немного болѣе поздняго періода, раскопаны въ Ольвіи и принадлежатъ коллекціи нашего музея; наконецъ еще экземпляръ находится въ собраніи г. А. Фогеля въ Николаевѣ. Можетъ быть, одинъ или другой экземпляръ этой древне-милетской посуды изъ сдѣланныхъ до сихъ поръ находокъ остался мнѣ неизвѣстнымъ; но во всякомъ случаѣ я не ошибаюсь, если утверждаю, что эти древне-милетскія вазы очень рѣдко попадаются при раскопкахъ въ древнихъ колоніяхъ на югѣ Россіи. Бо́льшая часть милетской и мало-азіатской посуды, найденной теперь на Березани, принадлежитъ, конечно, не этому типу древнѣйшей фабрикаціи, а «второму или младшему періоду милетскаго произведства» (по терминологіи Boehlau), т. е. концу VI-го и V-ому вѣку. Экземпляры этой посуды, которая въ прежнее время у насъ была тоже почти неизвѣстна, найдены въ послѣдніе годы въ Ольвіи, и въ нашемъ музеѣ имѣется довольно богатое ихъ собраніе.

Другая, меньшая половина посуды, найденной на Березани, принадлежитъ импорту изъ Аттики. Богатое аттическое и аэинское вазовое производство представлено исключительно чернолаковыми и чернофигурными сосудами, относящимися главнымъ образомъ къ VI вѣку до Р. Х.

Между фрагментами этихъ чернофигурныхъ чашъ есть нѣсколько съ сигнатурами мастеровъ-керамистовъ. Они принадлежатъ всѣ кружку такъ называемыхъ «Kleinmeister»; наилучше сохранившаяся изъ этихъ чашъ, составляемая однако тоже изъ массы фрагментовъ, по надписи является работой рукъ Тлеса, сына Неарха, — мастера, отъ котораго до сихъ поръ извѣстны были 14 чашъ, снабженныхъ его сигнатурой. Слѣдуетъ особенно отмѣтить, что не найдено ни одного черепка краснофигурной посуды, ни «строгаго стиля» (приблизительно до 470 года), ни «красиваго стиля» (прибл. до 430 г.), ни «живописнаго стиля» (до конца столѣтія).

Сообщенныя здѣсь наблюденія позволяютъ намъ сдѣлать два интересныхъ вывода: во первыхъ мы видимъ,—на что я уже въ другомъ мѣстѣ («Значеніе керамическихъ находокъ» и т. д., Записки томъ XXII, стр. 1 и слѣд.) указалъ,—что въ VI вѣкѣ аѳинская торговля проникаетъ въ милетскія колоніи на побережьѣ Чернаго моря и постепенно побѣдоносно оттѣсняетъ вліяніе Милета; березанскій могильникъ какъ-бы представляетъ моментъ, гдѣ конкуренція этихъ двухъ державъ находятся въ равновѣсіи и рынокъ еще не завоеванъ окончательно Аѳинами; во вторыхъ же, изъ полнаго отсутствія краснофигурныхъ аттическихъ черепковъ и аттической посуды V и IV вѣка, которая въ такомъ изобиліи находится въ сосѣдней Ольвіи, мы пока въ правѣ заключить, что поселеніе на Березани прекратило въ V вѣкѣ свое существованіе. Я говорю—«пока», потому что еще не вся площадь острова раскопана, и можетъ быть Г. Л. Скадовскій откроетъ въ слѣдующемъ году еще могилы, относящіяся къ болѣе позднему періоду. Считаться съ этой возможностью слѣдуетъ, хотя при имѣющемся матеріалѣ (800 погребеній) нельзя сказать, чтобы она являлась вѣроятной. На основаніи до сихъ поръ обнаруженныхъ результатовъ слѣдуетъ полагать, что поселеніе или эмпорій на Березани—слѣдовъ жилыхъ помѣщеній пока правда не найдено, но ихъ откроютъ еще навѣрно на томъ мѣстѣ, гдѣ г. Г. Л. Скадовскій при развѣдкахъ обнаружилъ массу кухонныхъ отбросовъ — что этотъ эмпорій, повторяю, поглощенъ былъ развитіемъ торговли въ колоніи Ольвіи и окончательнымъ утвержденіемъ грековъ на этомъ пунктѣ материка. Такъ какъ торговыя операціи сосредоточились въ Ольвіи, то эмпорей на островѣ, къ которому при бурной погодѣ нельзя пристать, лишился всякаго значенія и съ теченіемъ времени оставленъ былъ своими жителями. Сравнительная безопасность отъ набѣговъ сосѣднихъ варваровъ въ это время, повидимому, не играла больше рѣшающей роли.

Относительно характера другихъ находокъ, равно какъ и о различныхъ типахъ сожженія и погребенія сообщитъ намъ въ свое время Г. Л. Скадовскій; замѣчу здѣсь только, что цѣнныхъ золотыхъ вещей не найдено, и что найдено весьма мало монетъ: одна, еще не опредѣленная, се-

ребряная греческая, и два — три «асса» ольвійскихъ, средней величины типа «Деметры». Прибавлю, что хранящійся въ нашемъ университетѣ большой «ассъ» съ изображеніемъ головы Аѳины, подаренный г. Видгальмомъ также найденъ на Березани. Находка этихъ «ассовъ» на Березани можетъ казаться довольно странной; наши нумизматы пріурочиваютъ ихъ, сколько я знаю, къ III вѣку, да А. Л. Бертье-Делагардъ отстаиваетъ мнѣніе, что они принадлежатъ еще болѣе позднему времени. Надо выждать раньше публикаціи отчета Г. Л. Скадовскаго и точнаго указанія, въ какихъ слояхъ земли, въ насыпи или въ гробницѣ, и если въ гробницѣ, то вмѣстѣ съ какими другими предметами и особенно съ какой посудой, найдены эти монеты, чѣмъ высказать насчетъ указаннаго обстоятельства какія бы то ни было предположенія.

Я ограничусь здѣсь этими немногими замѣчаніями, чтобы не предвосхитить результатовъ обстоятельнаго доклада, который здѣсь предстоитъ слушать отъ самаго производителя раскопокъ. Сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться въ серьезномъ научномъ интересѣ и значеніи произведенныхъ Г. Л. Скадовскимъ раскопокъ. Слѣдуетъ порадоваться и быть особенно благодарнымъ за то, что среди нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ находятся такія лица, какъ Г. Л. Скадовскій, который, не смотря на всѣ неудобства, сопряженныя съ раскопками на необитаемомъ, безводномъ островѣ, не щадитъ ни средствъ, ни времени, ни силъ, чтобы систематической работой представить матеріалъ для разъясненія чисто историко-культурнаго вопроса изъ прошлаго нашего Юга. Надѣемся, что прекрасный примѣръ, поданный имъ, найдетъ подражанія, и въ широкихъ слояхъ нашего населенія привьется все глубже и глубже интересъ къ историко-археологическимъ изслѣдованіямъ нашего края, столь привлекательнаго своими историческими судьбами.

Постановили: Благодарить д. ч. П. А. Маврогордато и А. Ф. Фогеля за столь цѣнные въ научномъ отношеніи предметы изъ аккерманскихъ раскопокъ, пожертвованные ими Обществу, и просить продолжать раскопки, вещи передать въ музей, а первую часть сообщенія д. ч. Э. Р. фонъ-Штерна напечатать въ XXIII томѣ Записокъ, вторую—въ приложеніи къ настоящему журналу. П. А. Маврогордато благодарность Общества выражена въ настоящемъ собраніи.

330 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

14-го Ноября 1900 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ г. вице-президента Общества почетнаго члена *А. Л. Бертье-Делагарда*, при секретарѣ *А. И. Маркевичѣ*, дѣйствительные члены: *Л. Ф. Брунъ*, *И. Ю. Вучина*, *П. А. Ивановъ*, *А. А. Кочубинскій*, *И. А. Линниченко*, *А. В. Лонгиновъ*, *П. А. Маврогордато*, *А. А. Павловскій*, *Г. И. Перетятковичъ*, *С. А. Селивановъ*, *М. Ѳ. Чемена*, *Э. Р. фонъ-Штернъ* (въ концѣ засѣданія), *Е. Н. Щепкинъ* и членъ-сотрудникъ *В. Н. Никифоровъ*.

Слушали:

I. Вступительное слово г. вице-президента Общества по поводу исполнившейся 61-й годовщины существованія Общества, съ напоминаніемъ о заслугахъ лицъ, уже скончавшихся, а раньше поработавшихъ для Общества, и съ пожеланіемъ Обществу дальнѣйшаго процвѣтанія; причемъ ближайшею задачею для Общества, въ виду тѣсноты помѣщенія для его музея, служитъ устройство новаго помѣщенія, что г. вице-президентъ считаетъ вполнѣ возможнымъ, если за дѣло члены Общества возьмутся дружными усиліями, и обѣщаетъ свое содѣйствіе.

II. Поздравительную телеграмму отъ д. ч. Ф. А. Фогеля.

III. Докладъ коммиссіи, избранной Императорскимъ Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей въ засѣданіи 28 января 1900 г. для обсужденія вопроса: какія изъ напечатанныхъ за послѣднія пять лѣтъ сочиненій по исторіи или археологіи южной Руси могли-бы быть удостоены премій, находящихся въ распоряженіи Общества.

Коммиссія имѣла нѣсколько засѣданій; причемъ членами ея были указываемы сочиненія, которыя, по ихъ соображеніямъ, могли-бы быть премированы согласно постановленію Общества 28 января с. г.; но затѣмъ выяснилось, что нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій не вполнѣ подходятъ къ требующимся для полученія преміи условіямъ, одному премія уже была присуждена инымъ ученымъ учрежденіемъ, относительно одного не получен своевременно отзывъ, что, впрочемъ, не можетъ служить препятствіемъ къ присужденію въ будущемъ за это сочиненіе еще имѣющейся въ распоряженіи Общества преміи г. Одессы. Въ виду этого Коммиссія остановилась лишь на ученыхъ трудахъ по исторіи и археологіи южной Руси дѣйствительнаго члена нашего Общества ординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго Университета Э. Р. фонъ-Штерна, большинство коихъ напечатано въ послѣднее время въ Запискахъ и иныхъ изданіяхъ Общества.

Принявъ за правило, чтобы отзывъ о трудѣ, который Коммиссія могла-бы признать заслуживающимъ преміи, данъ былъ лицомъ посторонним, непринадлежащимъ къ ученому персоналу тѣхъ учрежденій, къ коимъ принадлежитъ авторъ труда, Коммиссія просила отъ имени Общества дать отзывъ объ ученыхъ трудахъ Э. Р. фонъ-Штерна спеціалиста по исторіи древне-классическаго искусства С. А. Жебелева, который съ большою любезностью выполнилъ эту просьбу и доставилъ Обществу отзывъ, при семъ прилагаемый. Познакомившись съ нимъ, Коммиссія усмотрѣла, что г. Жебелевъ признаетъ ученые труды профессора фонъ-Штерна за послѣднее время вполнѣ заслуживающими преміи. Такъ какъ Коммиссія съ своей стороны согласна съ этимъ мнѣніемъ, особенно принявъ въ соображеніе выдающіяся заслуги Э. Р. фонъ-Штерна, какъ хранителя музея Общества, по пополненію, реорганизаціи и описанію этого музея, то она и предлагаетъ Обществу:

1. Заслушать отзывъ г. Жебелева объ ученыхъ трудахъ Э. Р. фонъ-Штерна въ настоящемъ Собраніи.

2. Разрѣшить затѣмъ вопросъ о присужденіи Э. Р. фонъ-Штерну за его ученые труды преміи, учрежденной почетнымъ членомъ Общества А. Л. Бертье-Делагардомъ.

3. Благодарить С. А. Жебелева за его трудъ, и —

4. Отзывъ его напечатать въ приложеніи къ настоящему журналу.

Члены Коммиссіи: А. Бертье-Делагардъ, И. Линниченко, Ал. Маркевичъ, А. Павловскій, С. Пападимитріу.

Постановили: Выслушать отзывъ С. А. Жебелева (см. въ приложеніи).

По выслушаніи этого отзыва *постановили:* Согласно съ обстоятельнымъ разборомъ С. А. Жебелева признать труды Э. Р. фонъ-Штерна заслуживающими преміи п. ч. А. Л. Бертье-Делагарда, которую ему и выдать. Г. Жебелева благодарить за его обстоятельный трудъ и отзывъ его напечатать въ приложеніи къ настоящему журналу.

IV. Секретарь предъявилъ книги, полученныя въ послѣднее время Обществомъ.

1. Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, т. XIII, № 1. Спб. 1900.

2. Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго университета, годъ LXVII, кн. 10-я. Казань. 1900.

3. Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, подъ ред. В. К. Трутовскаго. Т. XVII. Москва. 1900.

4. Труды десятаго археологическаго съѣзда въ Ригѣ въ 1896 году. Т. III, съ 3-мя табл. Москва. 1900.

5. Сборникъ матеріаловъ по вопросу объ Астраханской желѣзной дорогѣ. Астрахань. 1899.

6. Историко-географическая основа былинъ о побѣдѣ Ильи Муромца надъ Соловьемъ Разбойникомъ. Н. И. Петровъ. Спб. 1900.

7. Analele Academiei Române 1889—1898. Indice Alfabetie. Bucuresci. 1900.

8. Analele Academiei Române. Seria II, tomul XXII. 1899—1900. Partea administrativa si desbaterile. Bucuresci. 1900.

9. Analele Academiei Române. Seria II, tomul XXI. 1898—1899. Memoriile sectiunes istorice. Bucuresci. 1900.

10. Analele Academiei Române, Seria II, tomul XXII. 1899—1900. Memoriile sectiunis scuntifice. Bucuresci. 1900.

Постановили: Передать въ библіотеку.

V. Сообщеніе д. ч. И. А. Линниченка: «О находкѣ орнаментированныхъ костей мамонта».

Постановили: Передать въ издательскій комитетъ Общества для напечатанія въ Запискахъ съ приложеніемъ рисунковъ.

VI. Сообщеніе д. ч. А. И. Маркевича: «Графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ».

Постановили: Напечатать сообщеніе въ приложеніи къ настоящему журналу.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Отзывъ о трудахъ Э. Р. фонъ-Штерна, посвященныхъ классическимъ древностямъ южной Россіи.

Въ ряду ученыхъ, занимавшихся и занимающихся изученіемъ прошлаго нашего Юга, имя Э. Р. фонъ-Штерна занимаетъ безспорно одно изъ почетныхъ и выдающихся мѣстъ. Его труды, посвященные изслѣдованію классическихъ древностей южной Россіи, обильны по количеству, разнообразны по содержанію. Исполняя возложенное на меня порученіе Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей дать о нихъ посильный отзывъ, я считаю долгомъ поблагодарить Общество за оказанную мнѣ этимъ честь и извиниться предъ уважаемымъ авторомъ разбираемыхъ мною трудовъ за недостаточно, быть можетъ, яркую въ нѣкоторыхъ случаяхъ характеристику ихъ научнаго значенія. Разбирать подробно каждую изъ работъ Э. Р. фонъ-Штерна я не могъ, да и не имѣлъ въ виду: это завлекло-бы меня слишкомъ далеко. Я старался въ своемъ отзывѣ лишь намѣтить суть и значеніе каждой по возможности, хотя-бы и малой по объему, работы Э. Р. фонъ-Штерна. И если мнѣ это болѣе или менѣе удалось, то я буду считать возложенную на меня задачу исполненною.

I.

Я начну съ разбора тѣхъ трудовъ Э. Р. фонъ-Штерна, которые, на мой взглядъ, должны быть поставлены въ «главу угла» по своему значенію. Это — его работы въ области модной теперь «Vasenkunde»; онѣ касаются какъ изданія отдѣльныхъ керамическихъ памятниковъ, такъ и выясненія ихъ значенія для культурной исторіи нашего Черноморскаго побережья.

1.

Первою работою, которою Э. Р. фонъ-Штернъ дебютировалъ въ излюбленной имъ области, является статья: *Алабастръ Псіакса и Гилина* (XVII т. «Записокъ» Общества, см. рецензію А. Н. Шварца въ Арх. Изв. и Зам. 1894, стр. 170 и сл.). Этотъ алабастръ, хранящійся въ музеѣ Общества, обращаетъ на себя вниманіе не только по своимъ художественнымъ достоинствамъ; онъ важенъ еще тѣмъ, что на немъ сохрани-

лись имена: мастера, исполнившаго сосудъ (Ἰλῖνος ἐποίε), и художника, его расписавшаго (Φσίας ἔγραφε). Оба эти имени читаются еще только на одномъ сосудѣ — также алабастрѣ — въ Карлсруэ (по каталогу Виннефельда № 242). Надписи на обоихъ сосудахъ, будучи сходны между собою по характеру начертаній буквъ, относящихся къ концу VI — началу V вѣка, представляютъ то отличіе, что глаголы на сосудѣ въ Карлсруэ поставлены въ формѣ аориста, на одесскомъ сосудѣ (неизвѣстно, къ сожалѣнію, гдѣ онъ найденъ) въ формѣ imperfectum. Это обстоятельство прежде всего обратило на себя вниманіе Э. Р. фонъ-Штерна и привело его къ заключенію, что «имперфектумъ и аористъ въ надписяхъ греческихъ художниковъ вообще употребляются безразлично въ концѣ VI и началѣ V вѣка, хотя аористъ и здѣсь преобладаетъ, и что потомъ только въ III и во II столѣтіяхъ опять возвращаются къ этой древней практикѣ; во все промежуточное время аористъ является единственно обычнымъ». Слѣдовательно Псіаксъ и Гилинъ принадлежатъ къ группѣ мастеровъ, работавшихъ въ переходное время между черно-и-краснофигурной техникой; къ этому опредѣленію вполнѣ подходятъ стиль и техника рисунка на одесской вазѣ, изображающаго амазонку и нагого юношу. Фигуры эти, сопоставленныя, до нѣкоторой степени, случайно, взяты были Псіаксомъ изъ болѣе обширной связной композиціи, что встрѣчается нерѣдко въ произведеніяхъ художественнаго ремесла.

2.

Статья: *Вновь найденная лекана изъ Керчи съ изображеніемъ Діонисова тіаса* («Записки», т. XVIII, ср. рецензію Б. В. Фармаковскаго въ Фил. Обозр. X, стр. 13 сл.) заключаетъ подробное описаніе и изданіе памятника, хранящагося въ музеѣ Общества; при этомъ попутно выясняются вопросы о назначеніи леканъ вообще и объ обычныхъ сюжетахъ, на нихъ изображавшихся, о характерѣ Діонисова культа и о «воздѣйствіи» этого культа на греческое творчество въ области керамики. Авторъ разбираетъ здѣсь исторію возникновенія и развитія различныхъ типовъ Діониса въ искусствѣ, изслѣдуетъ исторію изображенія вакхическаго θіаса въ аттической вазовой живописи. Въ заключеніе Э. Р. фонъ-Штернъ, установивъ дату керченской леканы — послѣдняя четверть V в. —, указываетъ на то мѣсто, которое занимаетъ картина на леканѣ среди сродныхъ ей изображеній и анализируетъ ея характерныя особенности.

3.

Такого-же характера статья: *Росписная ваза изъ Керчи* (XIX-ый томъ «Записокъ»), гдѣ Э. Р. фонъ-Штернъ издаетъ и объясняетъ пріобрѣтенную въ 1894 г. Обществомъ пелику съ изображеніемъ «Отдыхающаго Геракла»

(центръ), на голову котораго Ника возлагаетъ вѣнокъ, Аѳины, сидящей противъ Геракла, Іолая и Гебы, изображенныхъ по другую его сторону. Время издаваемой пелики — вторая половина IV в.; ея рисунокъ исполненъ въ «бѣгломъ» стилѣ. Центральная композиція пелики «Отдыхающій Геракдъ» даетъ автору поводъ разсмотрѣть памятники вазовой живописи съ тѣмъ-же сюжетомъ. Этотъ ретроспективный обзоръ ведетъ къ тому, чтобы показать, что работа художника, расписавшаго пелику, «представляетъ собою только повтореніе уже извѣстныхъ типовъ», она «не вноситъ, что касается композиціи, ничего существенно новаго въ разработку сюжета». Въ наиболѣе близкомъ родствѣ съ одесскою пеликою стоитъ пелика Берлинскаго музея, изданная въ «Collection Sabouroff» Фуртвенглера (табл. LXVII).

4.

Лѣтомъ прошлаго года музей Общества пріобрѣлъ росписную чашу изъ собранія г. Тульманна въ Керчи. Чаша эта замѣчательна какъ потому, что относится къ раннему періоду аттическаго вазоваго производства (конецъ VI — начало V в.), такъ и по типу сюжета, который на ней представленъ. Сюжетъ этотъ — встрѣча Елены и Менелая (имена ихъ засвидѣтельствованы надписями на вазѣ) послѣ завоеванія Трои. Чтобы правильно оцѣнить это изображеніе, уяснить замыселъ художника, опредѣлить его мѣсто въ исторіи вазовой живописи, Э. Р. фонъ-Штернъ прослѣживаетъ исторію сюжета, изображеннаго на вазѣ, какъ въ литературномъ преданіи, такъ и въ изобразительномъ искусствѣ. Въ поэтическомъ изводѣ можно установить двѣ версіи преданія о встрѣчѣ Менелая съ Еленой: a) версія Арктина (Ep. graec. fragm. I, p. 49 Kinkel) — Менелай уводитъ плѣнную Елену къ греческимъ кораблямъ; b) версія Лесха (Schol. Aristoph. Lysistr. 155. Eurip. Androm. 629) — Менелай преслѣдуетъ Елену, но, побѣжденный ея красотою, роняетъ свой мечъ. На памятникахъ архаическаго искусства зависимости ни отъ той, ни отъ другой изъ этихъ версій установить нельзя [1]). Но на искусство V в. версія Лесха уже оказала несомнѣнное вліяніе, что можно прослѣдить и на нѣкоторыхъ красно-фигурныхъ вазахъ строгаго стиля и на одной изъ метопъ Парѳенона. На

[1]) Здѣсь позволю себѣ отмѣтить, что, кромѣ указаннаго Э. Р. фонъ-Штерномъ, архаическаго скульптурнаго памятника съ изображеніемъ встрѣчи Елены съ Менелаемъ — извѣстнаго спартанскаго рельефа (Brunn-Bruckmann, Denkm. 226), тотъ-же сюжетъ встрѣчается на крайней правой метопѣ селинунтскаго храма С. См. *В. К. Мальмбергъ*, Метопы древне-греческихъ храмовъ, Дерптъ, 1892, стр. 23 и сл. «Сравните эту группу (т. е. на метопѣ) съ тою на извѣстной спартанской стелѣ... и вы увидите, что обѣ композиціи почти тождественны; разница только въ томъ, что на стелѣ Менелай спокойно выжидаетъ, а на метопѣ какъ будто еще бѣжитъ, хотя онъ уже настигъ предметъ своего

основаніи разбора этихъ памятниковъ Э. Р. фонъ-Штернъ приходитъ къ такому заключенію: греческое искусство VI и V вв. имѣло въ своемъ распоряженіи три схемы для изображенія встрѣчи Менелая и Елены послѣ взятія Трои: a) древнѣйшая схема, выработанная въ Пелопоннесѣ и чрезъ Коринѳъ проникшая въ Аттику (черно-фигурная живопись первой эпохи)— Менелай и Елена въ спокойныхъ позахъ; b) болѣе жизненная композиція, типическимъ образцомъ которой можетъ служить изображеніе на издаваемой чашѣ — Менелай уводитъ пойманную имъ Елену къ кораблямъ, направляя мечъ противъ ея груди; c) явившаяся одновременно съ этою схемой третья, при которой Елена, преслѣдуемая Менелаемъ, ищетъ спасенія въ храмѣ Афродиты.

Заключеніе изслѣдованія посвящено попыткѣ опредѣлить имя мастера керченской чаши. На основаніи нѣкоторыхъ стилистическихъ наблюденій украшающей ее картины (неправильная формовка уха, отчасти семитическій типъ лица, большія пропорціи фигуръ сравнительно съ расписываемою площадью) Э. Р. фонъ-Штернъ находитъ возможнымъ приписать керченскую чашу Амасису II. Основательность этого вывода стоитъ въ зависимости, конечно, отъ того, насколько могутъ считаться прочно установленными тѣ сопоставленія и заключенія относительно вазъ Амасиса II, которыя представлены въ «Meisterschalen» Гартвига.

Вмѣстѣ съ керченскою чашою Э. Р. фонъ-Штернъ издалъ ольвійскую пелику, средины V в., съ изображеніемъ агона флейтиста. И здѣсь авторъ вкратцѣ излагаетъ исторію возникновенія и развитія примѣненныхъ мастеромъ вазы типовъ, а затѣмъ даетъ стилистическій анализъ издаваемаго имъ памятника.

Таково содержаніе статьи: *Двѣ хранящіяся въ Одесскомъ музеѣ аттическія вазы строгаго красно-фигурнаго стиля.* («Записки», т. XXII).

5.

До сихъ поръ приходилось указывать на тѣ работы Э. Р. фонъ-Штерна въ области «Vasenkunde», которыя посвящены изданію и объясненію отдѣльныхъ памятниковъ. Въ своей статьѣ: *Античная глазированная*

преслѣдованія. Древній скульпторъ хотѣлъ разрѣшить непосильную ему задачу — выразить сразу и бурное преслѣдованіе оскорбленнаго мужа и обезоруженіе его гнѣва красотою вѣроломной жены». Думается въ силу этого, что утвержденіе Э. Р. фонъ-Штерна, будто «архаическое искусство VII и VI в. еще не обладаетъ средствами для передачи чувствъ эмоцій, страха и т. д., нѣсколько поспѣшно. «Средства» были, только они своеобразны на нашъ взглядъ. Кромѣ селинунтской метопы утвержденіе автора опровергалъ бы и пришедшій мнѣ на память рельефъ съ изображеніемъ «мести Ореста» изъ Ариціи (нынѣ въ Глиптотекѣ Ny Carlsberg въ Копенгагенѣ, № 28 по каталогу Якобсена).

посуда съ юга Россіи («Записки», т. XXII) авторъ подвергаетъ изслѣдованію группу памятниковъ, обращавшихъ на себя до сихъ поръ мало вниманія въ силу ихъ сравнительной рѣдкости. Это — вазы съ металлическою глазурью. Главный изъ нихъ — ольвійская кружка въ собраніи г. Постникова въ Москвѣ, изданная уже А. Н. Шварцемъ въ «Трудахъ Импер. Моск. Арх. Общ.» (XV, 15 сл.). Эта кружка любопытна по находящемуся на ней изображенію «суда Париса» въ видѣ грубой, мѣткой карикатуры. Давъ подробное описаніе изображенной сцены, Э. Р. фонъ-Штернъ отказывается отъ мысли «подыскать въ литературномъ преданіи поэтическій прототипъ» для нея. Мы знаемъ, что легенда о судѣ Париса, облеченная въ извѣстную форму въ поэтической литературѣ грековъ, жившая и въ народѣ, служила вазовымъ живописцамъ однимъ изъ излюбленныхъ мотивовъ, который они изображали не только согласно художественнымъ традиціямъ, но и по общимъ воззрѣніямъ своего времени. Въ концѣ этой эволюціи стоитъ и изображеніе на ольвійской кружкѣ; она, несомнѣнно, продуктъ александрійскаго производства, когда эвгемеровскій раціонализмъ глубоко пустилъ свои корни во всѣ слои общества.

Кромѣ ольвійской кружки извѣстны 8 экземпляровъ южно-русской глазированной посуды. Особенно любопытна миска, найденная въ Керчи (собраніе г. Суручана). На міскѣ представлено возвращеніе Ифигеніи изъ Тавриды. Воспроизведеніе этого сюжета мы имѣемъ на вазахъ, рельефахъ саркофаговъ. Но отъ всѣхъ ихъ изображеніе на керченской міскѣ значительно отличается. На ней нѣтъ и намека, въ сравненіи съ изображеніями на другихъ памятникахъ, на борьбу, предшествующую тому, какъ Ифигенія сѣла на корабль; нѣтъ попытки характеризовать всю сцену фигурою или фигурами скиѳовъ. Вмѣсто этого мы видимъ на міскѣ совершенно неподходящую къ этой сценѣ бѣгства «идиллію» изъ жизни рыбаковъ. По мнѣнію Э. Р. фонъ-Штерна, это объясняется тѣмъ, что мастеръ миски, составляя эскизъ для ея украшенія, не имѣлъ предъ собою какого-либо «Meisterbuch» съ изображеніемъ похищенія Ифигеніи. Первоначально онъ желалъ воспроизвести лишь жанровую сценку изъ быта рыбаковъ; но, считаясь со вкусомъ таврическаго рынка, онъ вставилъ въ скомпанованную имъ сцену фигуру Ифигеніи. Это доказывается и самымъ исполненіемъ фигуры, поражающей, въ сравненіи съ остальными, своими незначительными размѣрами.

Оставляя въ сторонѣ изложеніе дальнѣйшаго содержанія статьи Э. Р. фонъ-Штерна, я считаю необходимымъ указать на ея заключеніе. Здѣсь Э. Р. фонъ-Штернъ, если и не разрѣшаетъ (что при маломъ количествѣ матеріала теперь врядъ-ли и возможно), то «ставитъ» очень важный вопросъ объ отношеніи и связи античной техники глазированной посуды съ византійскимъ гончарнымъ промысломъ, который, надо думать, является

лишь дальнѣйшимъ развитіемъ александрійской техники. Эта-же послѣдняя, несомнѣнно, ведетъ начало отъ «металлической глазури» древняго Египта.

6.

Изучая собраніе вазъ Одесскаго музея, Э. Р. фонъ-Штернъ обратилъ вниманіе на сосуды, на донышкахъ или ножкахъ которыхъ имѣются т. н. graffiti. Главное собраніе фрагментовъ этихъ сосудовъ добыто было при земляныхъ работахъ по устройству Ѳеодосійскаго порта. Присоединивъ къ нему тѣ graffiti, которыя были найдены при раскопкахъ въ Херсонесѣ и хранятся въ мѣстномъ складѣ древностей, Э. Р. фонъ-Штернъ изложилъ результаты своего изслѣдованія въ статьѣ. «*Graffiti» на античныхъ южно-русскихъ сосудахъ* («Записки», т. XX). Точкой отправленія для группировки и объясненія «graffiti» послужило Э. Р. фонъ-Штерну то наблюденіе, что на предметахъ античнаго гончарнаго производства нацарапывались: a) посвященія богамъ, b) имена владѣльцевъ и замѣтки, которыя, по своему содержанію, могутъ быть скорѣе всего приписаны имъ, и c) надписи, представляющія помѣтки торговцевъ античной посудой. «Изучая переданный мнѣ матеріалъ», замѣчаетъ Э. Р. фонъ-Штернъ, «я поставилъ себѣ на первомъ мѣстѣ вопросъ, подходитъ-ли онъ и насколько именно подходитъ подъ одну изъ этихъ трехъ главныхъ категорій»?

«Трактуя о каждой категоріи въ отдѣльности, я старался отъ извѣстнаго и точно установленнаго дѣлать выводы и переходить къ неизвѣстному, гадательному, выясняя, по мѣрѣ силъ и возможности, причины, заставившія меня ту или другую надпись причислять къ одной или другой изъ этихъ трехъ категорій. Всѣ тѣ случаи, въ которыхъ я не дошелъ до опредѣленнаго результата или въ которыхъ предлагаемое мною объясненіе можетъ казаться сомнительнымъ, я выдѣлилъ въ одинъ общій, четвертый разрядъ».

Въ первую группу выдѣляетъ Э. Р. фонъ-Штернъ «graffiti посвятителей», основываясь на томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что, «въ числѣ прочихъ пожертвованій богамъ, древними греками приносились въ храмъ и разныя издѣлія керамическаго промысла, снабженныя надлежащими надписями». Прежде всего исправляется одно graffito на чернолаковомъ сосудѣ, найденномъ на о. Левкѣ, изданное г. Мурзакевичемъ во II т. «Записокъ» (стр. 414 и сл.). Затѣмъ издаются фрагменты двухъ посвятительныхъ graffiti, найденныхъ также на о. Левкѣ. Наконецъ, къ той-же категоріи Э. Р. фонъ-Штернъ относитъ цѣлый рядъ graffiti изъ Ѳеодосіи и Херсонеса. Эти graffiti, если они, дѣйствительно, представляютъ graffiti посвятителей, даютъ возможность сдѣлать небезъинтересныя заключенія отно-

сительно тѣхъ божествъ, культъ которыхъ былъ въ Ѳеодосіи и Херсонесѣ, особенно въ первомъ изъ этихъ городовъ [1]).

Вторую категорію составляютъ «graffiti владѣльцевъ». Такихъ graffiti Э. Р. фонъ-Штернъ насчитываетъ 38; изъ нихъ на 10 экземплярахъ имя владѣльца читается или полностью, или возстановляется съ большой вѣроятностью; въ остальныхъ случаяхъ или свойства и характеръ graffiti обусловливаютъ ихъ принадлежность къ этой-же категоріи, или «такое предположеніе объ ихъ происхожденіи является, по крайней мѣрѣ, самымъ правдоподобнымъ». Любопытно отмѣтить, что подъ дномъ одного ѳеодосійскаго сосуда начертанъ довольно тщательно полный алфавитъ, причемъ буквы χ, φ и ψ представляютъ іоническое начертаніе, ω совершенно отсутствуетъ, а вмѣсто нея въ концѣ алфавита поставлена вторично η. Къ разряду надписей владѣльцевъ относятся и graffiti — монограммы, тщательно исполненныя и сложныя.

Въ третью группу Э. Р. фонъ-Штернъ выдѣляетъ «graffiti торговцевъ». Эти graffiti были изслѣдованы, главнымъ образомъ, Шёне, пришедшимъ къ довольно прочнымъ результатамъ, «именно, что мы въ полныхъ или сокращенныхъ обозначеніяхъ названій сосудовъ, въ приписанныхъ числахъ, въ выставленной цѣнѣ и т. д. должны усматривать за-

---

[1]) Э. Р. фонъ-Штернъ вполнѣ сознаетъ, что рекомендованное имъ толкованіе ѳеодосійскихъ graffiti, отъ которыхъ имѣются лишь двѣ, рѣже три начальныхъ буквы, гипотетично, что эти graffiti можно принять за начальныя буквы имени владѣльца сосуда. Онъ настаиваетъ однако на своемъ толкованіи, опираясь: 1) на то, что намъ ничего неизвѣстно, будто владѣльцы сосудовъ обозначали свои имена только начальными буквами, тогда какъ для посвятительныхъ graffiti существованіе такихъ сокращеній засвидѣтельствовано находками въ Навкратисѣ; 2) на то, что всѣ ѳеодосійскія graffiti, слагаясь изъ двухъ или трехъ буквъ, легко дополняются въ смыслѣ именъ извѣстныхъ божествъ и что нѣкоторыя изъ этихъ сочетаній буквъ нѣсколько разъ встрѣчаются; 3) на то, что почти одна треть херсонесскихъ graffiti по своему характеру вполнѣ соотвѣтствуетъ ѳеодосійскимъ. Я не имѣю въ мысляхъ ни сомнѣваться въ основательности высказаннаго Э. Р. фонъ-Штернъ предположенія, ни оспаривать его; но хотѣлъ-бы однако указать на такого рода соображенія, невольно напрашивающіяся при разборѣ этихъ graffiti: чѣмъ объясняется то, что изъ 24 херсонесскихъ graffiti 11 нацарапаны на сосудахъ, посвященныхъ Гераклу? Э. Р. фонъ-Штернъ замѣчаетъ, что «культъ Геракла въ дорической колоніи является особенно умѣстнымъ и вѣроятнымъ». Вѣроятнымъ—да, но не несомнѣннымъ, ибо опредѣленныхъ свидѣтельствъ въ доказательство существованія этого культа въ Херсонесѣ онъ не приводитъ. Далѣе: только одно graffito херсонесское извѣстно съ посвященіемъ Артемидѣ, «главной богинѣ Херсонеса» (ΑΡΤ), если не считать тѣхъ graffiti, которыя состоятъ всего изъ одной начальной буквы А; но толковать эти послѣднія въ смыслѣ посвященія Артемидѣ самъ авторъ считаетъ рискованнымъ. Вообще, мнѣ думается, предложенное Э. Р. фонъ-Штернъ толкованіе посвятительныхъ graffiti можетъ тогда только быть сочтено несомнѣннымъ, когда въ его пользу можно будетъ привести данныя вполнѣ опредѣленнаго характера. Пока оно лишь, въ большей или меньшей степени, вѣроятно.

мѣтки содержателей складовъ посуды, торговцевъ предметами античнаго гончарнаго промысла». Этотъ результатъ наблюденій Шёне Э. Р. фонъ-Штернъ расширяетъ въ томъ отношеніи, что относитъ къ числу graffiti торговцевъ такія graffiti, которыя представляютъ «бѣгло нацарапанныя отдѣльныя буквы или числа и кромѣ того разные, повидимому, условные знаки», указывая при этомъ на аналогіи въ современной практикѣ купцовъ. Къ этой категоріи относятся 24 южно-русскихъ graffiti.

Наконецъ, къ послѣдней категоріи отнесены «graffiti сомнительнаго значенія». Одни изъ херсонесскихъ graffiti состоятъ только изъ одной буквы, другія изъ двухъ и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ «сомнительныхъ» graffiti, быть можетъ, относятся къ категріи посвятительныхъ, другія къ категоріи «graffiti владѣльцевъ», третьи не поддаются никакому объясненію [1]).

Въ заключеніе своей статьи Э. Р. фонъ-Штернъ указываетъ на то, что имѣвшійся въ его распоряженіи незначительный матеріалъ graffiti не даетъ ему возможности считать сдѣланные на основаніи его выводы окончательными. Онъ имѣлъ въ виду лишь «обратить вниманіе заинтересованныхъ лицъ на значеніе пренебреженныхъ древне-греческихъ graffiti и дать имъ толчекъ къ собиранію и изданію покоящагося въ музеяхъ и частныхъ коллекціяхъ матеріала».

7.

Очень важное значеніе слѣдуетъ приписать докладу Э. Р. фонъ-Штерна, читанному имъ на XI Археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ: *Значеніе керамическихъ находокъ на югѣ Россіи для выясненія культурной исторіи черноморской колонизаціи* (XXII т. «Записокъ»). Здѣсь Э. Р. фонъ-Штернъ опредѣленно и ясно указываетъ на «тѣсную взаимную связь вазовѣдѣнія» съ остальными историческими дисциплинами» и выясняетъ «на нѣсколькихъ примѣрахъ, какіе выводы для исторіи культуры нашихъ Черноморскихъ колоній позволяетъ сдѣлать имѣющійся въ большомъ изобиліи керамическій матеріалъ». Излагать содержаніе этой работы Э. Р. фонъ-Штерна я не могу: мнѣ пришлось-бы привести дословно большую часть доклада. Скажу только, что будущій изслѣдователь историческихъ

[1]) Къ числу таковыхъ, на мой взглядъ, слѣдуетъ относить: № 138, гдѣ понимать ZOP OP въ смыслѣ зогог(is) врядъ-ли возможно; № 141 съ буквами BA, гдѣ трудно усматривать имя собственницы сосуда, такъ какъ имя это одно изъ рѣдчайшихъ и пока засвидѣтельствовано только для Ликаоніи; № 142 — AMAM, ибо понимать эти буквы въ смыслѣ звуковъ, употребляющихся «во многихъ языкахъ для поощренія дѣтей принимаѣся за ѣду» и служащихъ «на дѣтскомъ языкѣ для обозначенія пищи вообще», немного странно. Въ этихъ случаяхъ Э. Р. фонъ-Штернъ измѣнилъ своей обычной осторожности и вступилъ рѣшительно въ область гаданій, все равно ничего не объясняющихъ.

судебъ черноморской колонизаціи будетъ, несомнѣнно, основываться въ значительной степени на тѣхъ положеніяхъ, какія намѣчены здѣсь Э. Р. фонъ-Штерномъ. Быть можетъ, кое-что въ этихъ положеніяхъ, при детальной разработкѣ, придется видоизмѣнить въ томъ или иномъ отношеніяхъ; быть можетъ, помимо вазъ придется обратиться и къ другому матеріалу въ области художественнаго ремесла; но постановка всего вопроса, сдѣланная Э. Р. фонъ Штерномъ въ его докладѣ, несомнѣнно, сохранитъ свой полный raison d'être.

8.

Такого-же характера, что и вышеприведенный докладъ, сообщеніе Э. Р. фонъ-Штерна: *Къ вопросу о воздѣйствіи античной культуры на области, расположенныя внѣ района древнихъ поселеній на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря* (протоколъ 323 засѣданія Общества). Здѣсь авторъ затрогиваетъ очень любопытный и важный вопросъ: «насколько греческіе колонисты успѣли распространить сферу своего вліянія и культурнаго воздѣйствія на окружающее ихъ варварское населеніе»? До сихъ поръ при рѣшеніи этого вопроса обращаемо было главное вниманіе на находимыя въ южно-русскомъ краѣ античныя монеты. Но этотъ матеріалъ не вполнѣ надеженъ. «Гораздо болѣе надежнымъ мѣриломъ для этой цѣли можетъ служить находимая внѣ района осѣдлости грековъ и римлянъ античная глиняная посуда». Такъ какъ «каждый народъ, на самой первобытной ступени развитія, самъ изготовляетъ себѣ необходимую для домашняго употребленія глиняную утварь», то, слѣдовательно, «если въ области, гдѣ не было античныхъ поселеній, раскапываются рядомъ съ простой утварью издѣлія греческой и римской керамики, мы вправѣ заключить, что населявшій въ извѣстный періодъ эту область народъ испытывалъ на себѣ прямое культурное воздѣйствіе античнаго міра».

Не рѣшая вопроса во всемъ его объемѣ, Э. Р. фонъ-Штернъ сообщаетъ пока о данныхъ, собранныхъ имъ изъ теперешней Кіевской губерніи, центральной области Скиѳіи, и приходитъ къ заключенію, что «найденная въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разныхъ уѣздахъ Кіевской губерніи античная посуда не завезена сюда случайно», но «что у племени, нѣкогда населявшаго этой край, существовалъ спросъ на изящный и красивый глиняный товаръ», слѣдовательно, можно предполагать въ данномъ случаѣ довольно интенсивное культурное воздѣйствіе жителей нашихъ Черноморскихъ колоній, продолжавшееся съ конца VI в. до Р. Хр. до временъ Римской имперіи. Быть можетъ, начало этого воздѣйствія относится къ глубокой древности; по крайней мѣрѣ на эту мысль наводятъ результаты раскопокъ г. Хвойка, при которыхъ, на-ряду съ очень грубыми со-

судами, попадаются горшки, по своей формѣ представляющіе довольно близкую аналогію къ сосудамъ греческой островной культуры и т. п.

Придти къ болѣе или менѣе опредѣленнымъ результатамъ при рѣшеніи вопроса, затронутаго Э. Р. фонъ-Штерномъ, конечно, явится возможнымъ только послѣ цѣлаго ряда осторожно произведенныхъ изслѣдованій. Но что вопросъ намѣченъ имъ своевременно, что вопросъ этотъ поставленъ правильно, въ этомъ врядъ-ли можетъ быть сомнѣніе, и остается лишь присоединиться къ пожеланію Э. Р. фонъ-Штерна, «чтобы изслѣдованіе столь загадочной «культуры Хвойка» было продолжено и доведено до конца на возможно широкихъ основаніяхъ, съ предоставленіемъ для этой цѣли значительныхъ средствъ и съ привлеченіемъ самыхъ компетентныхъ ученыхъ».

II.

Не мало потрудился Э. Р. фонъ-Штернъ и надъ изученіемъ южнорусскихъ эпиграфическихъ памятниковъ, публикуя, отъ времени до времени, вновь находимыя въ Черноморскихъ колоніяхъ надписи, и сопровождая изданіе ихъ необходимымъ комментаріемъ.

Такъ имъ изданы: 1) *Новооткрытая ольвійская надпись* («Записки», т. XVI) первой половины IV в. до Р. Хр. — декретъ ольвіополитовъ въ честь Ахемена, сына Ахемена, воспорца; 2) двѣ «*вновь найденныя ольвійскія надписи*» («Записки», т. XVII), признанныя однако В. В. Латышевымъ поддѣльными («Записки», т. XVIII); 3) *неизданныя древнія надписи, хранящіяся въ Одесскомъ музеѣ* (протоколъ 315 засѣданія) — всего 8 надписей; изъ нихъ двѣ надгробныхъ феодосійскихъ, надгробная ольвійская, латинская надгробная тирасская и др. фрагменты; 4) *два надгробія изъ Керчи, поставленныя отъ имени религіознаго общества въ память усопшихъ его членовъ* (протоколъ 320 засѣданія), первое изъ которыхъ поставлено въ память члена «схода», Стратоника, сына Токона, второе въ честь неизвѣстнаго лица (оба надгробія II — III в. по Р. Хр.); 5) *вновь найденное ольвійское надгробіе* (протоколъ 323 засѣданія) — Эвресибія, сына Каллисѳена, и Ареты, дочери Папія (камень снабженъ «неумѣстнымъ эпиграфическимъ упражненіемъ» парутинскихъ фальсификаторовъ); 6) *по поводу вновь пріобрѣтенныхъ музеемъ древностей, особенно новаго эпиграфическаго матеріала* (протоколъ 318 засѣданія) — объ одной поддѣльной надписи на античной надгробной стелѣ, о нѣсколькихъ амфорныхъ ручкахъ, о спискѣ ольвійскихъ гражданъ и пр.

III.

Въ своей статьѣ: *Къ вопросу о происхожденіи «Готскаго стиля» предметовъ ювелирнаго искусства* («Записки», т. XX) Э. Р. фонъ-Штернъ предлагаетъ рядъ «археологическихъ замѣтокъ по поводу золотыхъ вещей, найденныхъ въ Керчи лѣтомъ 1896 года». Издаваемые имъ здѣсь предметы важны въ томъ отношеніи, что они всѣ найдены въ одной могилѣ, и сверхъ того они даютъ возможность сдѣлать нѣкоторые выводы относительно вопроса о т. н. «готскомъ стилѣ» предметовъ золотыхъ дѣлъ мастерства. Внимательно разсмотрѣвъ всѣ найденные предметы, Э. Р. фонъ-Штернъ установляетъ дату всего погребенія — между 293—311 г. и на основаніи историческихъ соображеній отвергаетъ возможность усматривать въ этихъ предметахъ готскую работу. «О продолжительномъ вліяніи или господствѣ готовъ надъ греческими колонистами Крымскаго полуострова» въ началѣ IV в. говорить нельзя; да и трудно предполагать, чтобы пришедшій съ сѣвера народъ обладалъ совершенной и своеобразной техникой обработки благородныхъ металловъ. Наоборотъ, этотъ воспріимчивый къ культурѣ народъ именно здѣсь, на югѣ, познакомился съ высокоразвитымъ золотыхъ дѣлъ мастерствомъ... Усвоивъ себѣ этотъ способъ работы, эту технику и этотъ стиль, готы распространяли добытыя здѣсь на югѣ знанія дальше и оставляли слѣды своего мастерства всюду по длинному пути своихъ скитаній. Но зачатки и источникъ т. н. «готскаго стиля» мы должны искать въ греческомъ художественномъ ремеслѣ Малой Азіи и Боспора». И въ данномъ случаѣ, какъ и раньше, Э. Р. фонъ-Штернъ намѣчается путь для рѣшенія одного изъ капитальныхъ вопросовъ археологической науки. Дѣло будущихъ изслѣдованій показать, насколько путь этотъ представляетъ «εὐοδίαν ἀγαθήν».

IV.

Въ 1896 г. въ Керчи, на Глинищѣ, открыта была древняя гробница съ очень разнообразными вещами, поступившими потомъ въ музей Общества. Э. Р. фонъ-Штерну дано было порученіе привести эти вещи «въ надлежащій порядокъ и видъ и приступить къ ихъ научному обслѣдованію». Результатомъ этого обслѣдованія явилась статья: *Содержаніе гробницы, раскопанной въ 1896 году въ Керчи* («Записки», т. XXI).

Какъ я уже замѣтилъ, содержаніе гробницы оказалось очень разнообразнымъ. Помимо предметовъ обычнаго характера (стеклянные сосуды, золотые вѣнки, бусы, золотой браслетъ, золотой перстень, украшенія конской сбруи и пр.) особый интересъ представляютъ остатки небольшого

деревяннаго сундука (его металлическія части), изъ которыхъ въ частности Э. Р. фонъ-Штерна заинтересовалъ замокъ. Замокъ этотъ подробно изслѣдуется авторомъ. По своему механизму онъ принадлежитъ къ общеизвѣстной въ греко-римскомъ мірѣ системѣ запоровъ, отличаясь однако при этомъ нѣкоторыми особенностями: a) замокъ снабженъ «секретомъ», b) онъ представляетъ первый примѣръ примѣненія двухъ клямокъ, сквозь петли которыхъ одновременно однимъ и тѣмъ-же движеніемъ ключа просовывался засовъ, c) замочная бляшка или личинка сработана изъ серебра, правда, очень низкопробнаго, и снабжена, кромѣ линейныхъ украшеній, довольно тщательно выполненнымъ орнаментомъ изъ плющевыхъ листьевъ.

Давъ описаніе и объясненіе найденныхъ въ гробницѣ предметовъ, Э. Р. фонъ-Штернъ приступаетъ къ обсужденію вопроса, къ какому періоду она относится и представителю какого народа она принадлежитъ?

«Но, можетъ быть», замѣчаетъ Э. Р. фонъ-Штернъ, «найдутъ постановку такого вопроса вообще неумѣстной, такъ какъ между открытыми въ нашей гробницѣ предметами отсутствуютъ вполнѣ монеты, фибулы или росписныя вазы, служащія въ могиловѣдѣніи руководящими вѣхами при рѣшеніи хронологическихъ и этнологическихъ вопросовъ. Не лучше-ли, скажутъ, при такомъ характерѣ нашей находки воздержаться отъ всякихъ гадательныхъ предположеній въ исторической области и довольствоваться однимъ обнародованіемъ матеріала?... Я не отрицаю даже основательности въ подобномъ взглядѣ, не отрицаю нѣкоторой вѣскости подобныхъ возраженій; но мнѣ тѣмъ не менѣе кажется, что каждый археологъ, прежде чѣмъ довольствоваться этой служебной ролью простого регистратора, долженъ ставить себѣ вопросъ, нельзя-ли изъ подлежащаго его разсмотрѣнію матеріала вывести какія-нибудь историческія заключенія? Даже въ томъ случаѣ, если его изысканія въ этомъ отношеніи дадутъ отрицательный результатъ, самая постановка этого вопроса и попытка его рѣшенія не лишены научнаго значенія».

Авторъ «счелъ не лишнимъ предпослать своему дальнѣйшему изслѣдованію» «эти теоретическія разсужденія» на слѣдующихъ основаніяхъ: a) «пора», по его словамъ, «высказаться противъ весьма распространеннаго пріема многихъ изъ нынѣшнихъ археологовъ преподносить ученой публикѣ какъ-бы принципіально сырые «матеріалы» даже тамъ, гдѣ при надлежащей обработкѣ этихъ матеріаловъ собственно историческая задача археологіи могла быть выполнена», b) «чтобы предварительно выяснить причину, заставившую» его «даже при указанномъ свойствѣ матеріала затронуть выше поставленные вопросы».

Съ своей стороны я позволилъ себѣ дословно почти привести выше изложенныя положенія автора на томъ основаніи, что мнѣ казалось необ-

ходимымъ, съ своей стороны, лишній разъ подчеркнуть всю ихъ основательность. При всеобщемъ, можно сказать, увлеченіи у насъ въ настоящее время археологіей, постановка этого предмета страдаетъ однимъ существеннымъ недостаткомъ, конечно, не всегда, но въ большинствѣ случаевъ. Недостатокъ этотъ обусловливается, съ одной стороны, неточнымъ выясненіемъ того, что такое представляетъ собою археологія, какъ наука, съ другой стороны, абсолютно ненаучнымъ въ иныхъ случаяхъ методомъ изслѣдованія археологическаго матеріала. Можно было-бы привести не мало примѣровъ того и другого, но дѣлать это здѣсь — не мѣсто. Къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ такая постановка всего дѣла ведетъ, съ достаточною ясностью выяснено на первыхъ-же страницахъ «Русскихъ кладовъ» Н. П. Кондакова; какъ помочь дѣлу, указано имъ-же: нужно обратиться при изслѣдованіи археологическаго матеріала къ принципамъ и методамъ исторіи искусства.

На этой точкѣ зрѣнія, разумѣется, и стоитъ Э. Р. фонъ-Штернъ при рѣшеніи намѣченной имъ задачи. Онъ старается «путемъ систематической группировки и сравнительнаго анализа болѣе характерныхъ изъ найденныхъ предметовъ намѣтить, въ какой степени вышепоставленная задача является разрѣшимой». Керченская гробница сооружена, вѣроятно, въ началѣ нашей эры: на этотъ періодъ времени указываетъ характеръ рѣзьбы головы Гермеса на перстнѣ; этому-же опредѣленію не противорѣчитъ и характеръ всѣхъ остальныхъ предметовъ, найденныхъ вмѣстѣ съ перстнемъ. Что касается національности владѣльца гробницы, то, исходя изъ массы золотыхъ вещей, содержавшихся въ гробницѣ, съ одной стороны, отсутствія въ ней терракоттъ, глиняной посуды—съ другой, слѣдуетъ думать, что человѣкъ, похороненный въ гробницѣ, принадлежалъ къ тому смѣшанному полу-греческому, полу-варварскому населенію, которое обитало въ Боспорскомъ царствѣ въ началѣ нашей эры.

Таковы выводы, къ которымъ приходитъ Э. Р. фонъ-Штернъ. Онъ самъ не считаетъ ихъ вполнѣ опредѣленными. Но они получены вполнѣ научнымъ путемъ изслѣдованія, и этотъ-то научный методъ даетъ право считать его работу въ высокой степени цѣннымъ вкладомъ въ области трактатовъ по «могиловѣдѣнію», которыми такъ богата, по количеству, наша археологическая литература.

V.

Въ «протоколахъ» засѣданій Общества разсѣяно много сообщеній Э. Р. фонъ-Штерна, посвященныхъ разнообразнымъ вопросамъ южнорусской археологіи. На нѣкоторыя изъ нихъ приходилось указывать выше. Здѣсь мы сопоставимъ то, что не удалось включить въ предшествующія рубрики. Въ протоколѣ 296-го засѣданія напечатанъ докладъ Э. Р. фонъ-Штерна: *О мѣстонахожденіи древняго Херсонеса*, гдѣ авторъ старается

доказать, что «показаніе Страбона въ виду результатовъ новѣйшихъ раскопокъ не можетъ болѣе служить исходнымъ пунктомъ въ вопросѣ о мѣстоположеніи древняго Херсонеса». Тому же предмету посвященъ, главнымъ образомъ, докладъ: *О результатахъ новѣйшихъ раскопокъ въ Херсонесѣ* (Протоколъ 317-го засѣданія). Аккерману посвящены два доклада Э. Р. фонъ-Штерна: 1) *О поѣздкѣ въ Аккерманъ* (Протоколъ 290-го засѣданія) для осмотра и изслѣдованія склепа, открытаго въ курганной насыпи, внутренняя сторона стѣнъ и свода котораго оказалась покрытой известковой штукатуркой, а по ней острымъ инструментомъ вырѣзанъ не греческаго характера орнаментъ, подражающій узору древесины; 2) *О мнимомъ археологическомъ открытіи г. Кибальчича* (Протоколъ 312-го засѣданія). Ольвія, хищническимъ раскопкамъ которой, кажется, не предвидится конца, постоянно привлекаетъ вниманіе Э. Р. фонъ-Штерна. Въ Протоколѣ 319-го засѣданія напечатанъ обстоятельный докладъ его: *О послѣднихъ* (лѣтомъ 1899 года) *раскопкахъ и находкахъ въ Ольвіи*, при которыхъ парутинскими крестьянами были найдены разнообразныя древности, попавшія отчасти, благодаря стараніямъ Э. Р. фонъ-Штерна, въ Императорскую Археологическую Коммиссію, отчасти въ музей Общества, отчасти въ частныя руки. Предметы эти заключаются: a) въ надписяхъ (особенно любопытна надгробная надпись ѳракійскаго полководца, изданная, кромѣ «Протоколовъ», въ 1-й тетради III-го тома австрійскихъ «Jahreshefte».); b) въ издѣліяхъ изъ мрамора (женскій бюстъ въ покрывалѣ, блюдо хорошей работы); c) въ надписяхъ на амфорныхъ ручкахъ; d) въ керамическихъ издѣліяхъ (особенно замѣчательны милетскія вазы, терракотты и проч.); e) въ издѣліяхъ изъ стекла, золота, серебра, слоновой кости, бронзы и проч. и f) въ монетахъ. На основаніи извѣстнаго матеріала Э. Р. фонъ-Штернъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: a) общественная земля парутинскихъ крестьянъ занимала все пространство ольвійскаго некрополя во все время его существованія отъ VI в. до Р. Хр. по III в. послѣ Р. Хр.; b) найденныя въ этомъ некрополѣ древности даютъ намъ возможность составить себѣ понятіе о культурныхъ связяхъ и культурной жизни ольвіополитовъ; c) кромѣ некрополя на общественной крестьянской землѣ лежала нѣкогда и часть города; d) изъ остатка архитектурнаго памятника съ надписью «Зевсу Освободителю» можно заключать о существованіи святилища въ честь этого божества; e) надгробіе ѳракійскаго вождя бросаетъ слабый свѣтъ на отношенія ольвіополитовъ къ сосѣднимъ народамъ въ послѣдній періодъ существованія города; f) заселенная нѣкогда ольвіополитами территорія простиралась за предѣлы Парутина.

Докладъ кончается указаніемъ на неотложную необходимость производства систематическихъ раскопокъ въ Ольвіи. Въ виду важности доклада было постановлено: препроводить его въ Императорскую Археологическую

Коммиссію и ходатайствовать о возможно скоромъ и правильномъ началѣ упомянутыхъ раскопокъ.

VI.

Какъ директоръ музея Одесскаго Общества, Э. Р. фонъ-Штернъ имѣлъ возможность, ближе чѣмъ кто-либо другой, ознакомиться и съ «фабрикаціей» предметовъ классической древности на югѣ Россіи, столь сильно процвѣтавшей за послѣдніе годы, къ сожалѣнію процвѣтающей и теперь. Онъ изучилъ въ достаточной степени «характерныя особенности» этой фабрикаціи, способъ сбыта поддѣльныхъ вещей и съ результатами своихъ наблюденій въ этой области познакомилъ участниковъ X-го археологическаго съѣзда въ Ригѣ, прочтя на немъ рефератъ: *О поддѣлкѣ предметовъ классической древности на югѣ Россіи* (напечатанъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1896, декабрь, отд. клас. фил.; существенная часть доклада напечатана и въ Berl. Philol. Wochenschr. 1897, № 24: *die Tiara des Saitaphernes und die Goldfälschungen in Südrussland*). Въ этомъ докладѣ Э. Р. фонъ-Штернъ представилъ «анализъ замѣчательнѣйшихъ плодовъ творчества нашихъ фальсификаторовъ», тѣ «пріемы» и «манипуляціи», къ которымъ они прибѣгаютъ. Въ послѣдовательномъ порядкѣ разбираетъ Э. Р. фонъ-Штернъ поддѣлки вазъ, терракоттъ, надписей, золотыхъ вещей. Въ числѣ послѣднихъ, какъ и слѣдовало ожидать, наибольшее вниманіе удѣлено пресловутой тіарѣ Саитаферна. Среди русскихъ археологовъ, какъ объ этомъ заявилъ Э. Р. фонъ-Штернъ въ своемъ отвѣтѣ С. Рейнаку (*Sur la falsification des antiquités en Russie.* L'Anthropologie, X (1899), 112 и сл.), колебаній нѣтъ: они всѣ считаютъ ее поддѣльной [1]) и весь вопросъ, такимъ образомъ, у насъ можетъ считаться рѣшеннымъ. Но въ то время, когда выступилъ съ своимъ докладомъ Э. Р. фонъ-Штернъ, еще могли быть колебанія и онъ былъ правъ, говоря, что единственнымъ средствомъ борьбы со зломъ фальсификаціи является «предавать продѣлки мошеннической шайки какъ можно болѣе широкой гласности».

VII.

За исключеніемъ послѣдней, всѣ вышеуказанныя работы Э. Р. фонъ-Штерна напечатаны въ «Запискахъ» Общества. Мнѣ остается теперь сказать нѣсколько словъ по поводу изданія, предпринятаго Обществомъ, подъ

[1]) Исключеніе составляетъ, какъ извѣстно, старшій хранитель Императорскаго Эрмитажа, г. Кизерицкій, который, какъ мнѣ приходилось слышать, все еще убѣжденъ въ подлинности тіары. Однако и среди французовъ, какъ будто, начинаютъ проскальзывать сомнѣнія: такое впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, производитъ на непредубѣжденнаго читателя то «приложеніе», которое слѣдуетъ за оффиціальнымъ изданіемъ тіары Коллиньо

общимъ заглавіемъ: *Музей Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Выпуски I. II. Терракотты* (Одесса, 1897 — 1898). Объ общемъ характерѣ этого высоко-полезнаго изданія и его достоинствахъ я еще недавно имѣлъ случай давать свой отзывъ Императорскому Русскому Археологическому Обществу [1]). Здѣсь я коснусь только той части изданія, которая принадлежитъ всецѣло Э. Р. фонъ-Штерну, именно «объяснительнаго текста» и «заключенія». «Объяснительный текстъ», какъ сказано и въ предисловіи всего изданія, имѣетъ характеръ исключительно описательный. Къ точному описанію каждаго памятника присоединяются указанія на мѣсто, гдѣ онъ найденъ, на время его поступленія въ музей Общества и на имѣющіеся въ прочихъ русскихъ музеяхъ и частныхъ коллекціяхъ реплики и аналогичные экземпляры; гдѣ надо, указываются и «литературныя параллели». Излишне указывать, что «описаніе» исполнено Э. Р. фонъ-Штерномъ съ полнымъ знаніемъ дѣла.

Что касается «заключенія», то оно посвящено краткимъ замѣчаніямъ относительно характерныхъ свойствъ южно-русскихъ терракоттъ. Онѣ «занимаютъ, до извѣстной степени, самостоятельное положеніе» среди терракоттъ собственно греческихъ, хотя и не могутъ быть разсматриваемы «какъ нѣчто цѣлое, отличающееся единствомъ и своеобразіемъ». Очень интересны замѣчанія Э. Р. фонъ-Штерна относительно тѣхъ различій, которыя наблюдаются между терракоттами отдѣльныхъ греческихъ колоній южной Россіи. Такъ феодосійскія терракотты составляютъ особую группу, отличаясь и своей чистой, плотной желтой глиной и красотою своихъ типовъ и тщательностью работы; среди ольвійскихъ преобладающею формой являются сосуды изъ красноватой тонкой глины; наконецъ, въ пантикапейскихъ терракоттахъ встрѣчаются всѣ извѣстные до сихъ поръ виды гончарнаго производства, начиная съ первыхъ архаическихъ попытокъ вплоть до фигуръ, съ которыми, по концепціи, выполненію и раскраскѣ, могутъ сравниться лишь танагрскія терракотты, и кончая чудовищно-варварскими подражаніями. Если этими замѣчаніями и не рѣшаются, то, во всякомъ случаѣ, намѣчаются многіе интересные вопросы относительно характера южно-русскаго художественнаго производства и его отношенія къ художественной промышленности собственной Греціи и Малой Азіи въ ихъ главныхъ центрахъ.

номъ въ «Monuments Piot» (т. VI, вып. 1). Недаромъ Лешà въ своемъ послѣднемъ «Bulletin archéologique» (Revue des études grecques, XII (1899), 496 и сл.) замѣчаетъ, что, послѣ прочтенія статьи Колліньона, «on se repose enfin dans une certitude sereine;... et puis, on tourne la page, et, les yeux ronds d'étonnement, on lit un *Appendice* d'on résulte que tout est remis en question».

[1]) Отзывъ этотъ будетъ напечатанъ въ «Запискахъ» Общества.

14-го ноября 1899 г. Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей въ торжественномъ засѣданіи справляло 60-лѣтній юбилей своего существованія. На этомъ засѣданіи Э. Р. фонъ-Штернъ читалъ докладъ: *О дѣятельности Общества въ истекшемъ десятилѣтіи* (протоколъ 321-го засѣданія). «Дѣятельность Общества за истекшее десятилѣтіе», говоритъ Э. Р. фонъ-Штернъ, «направлена была главнымъ образомъ на собираніе и устройство музея, на сохраненіе замѣчательныхъ памятниковъ старины и на обнародованіе и научную обработку имѣвшагося въ его распоряженіи археологическаго и историческаго матеріала». Со скромностью, свойственною истиннымъ ученымъ, Э. Р. фонъ-Штернъ не упоминаетъ своего имени въ числѣ лицъ, потрудившихся надъ означенными задачами. Это обстоятельство тѣмъ болѣе даетъ намъ право сказать, что во вторую половину истекшаго десятилѣтія Э. Р. фонъ-Штернъ принималъ самое горячее и энергичное участіе въ дѣятельности Общества. Принявъ въ 1895 году отъ покойнаго В. Н. Юргевича (памяти его посвящена рѣчь Э. Р. фонъ-Штерна) завѣдованіе музеемъ Общества, Э. Р. фонъ-Штернъ всячески содѣйствовалъ его расширенію и благоустройству, какъ свидѣтельствуютъ о томъ неоднократныя упоминанія въ протоколахъ засѣданій Общества и какъ въ томъ пришлось намъ лично убѣдиться при посѣщеніи Одессы лѣтомъ прошлаго года. За истекшее десятилѣтіе, какъ свидѣтельствуетъ Э. Р. фонъ-Штернъ, поступило въ музей до 5.000 новыхъ предметовъ. «Это значительное обогащеніе нашихъ собраній заставило насъ, конечно, заниматься переустройствомъ музея. Насколько это позволяетъ наше тѣсное помѣщеніе, вещи систематизированы, снабжены соотвѣтствующими надписями, инвентарный каталогъ доведенъ нами до конца». «Что касается собиранія древностей, то при. . ограниченности... средствъ мы должны были держаться извѣстныхъ принциповъ и опредѣленной системы... Мы обращали главное вниманіе на пополненіе нашихъ коллекцій античныхъ классическихъ предметовъ», «сосредоточиваясь, главнымъ образомъ, на собираніи» надписей, монетъ и керамическихъ издѣлій. Было пріобрѣтено Обществомъ до сотни надписей, свыше 3.000 керамическихъ издѣлій, значительно увеличена монетная коллекція. Г.г. членамъ Общества лучше, чѣмъ мнѣ, извѣстно, въ какой степени такое обогащеніе музея обязано энергичной и умѣлой дѣятельности своего директора. Я, съ своей стороны, считаю необходимымъ лишь отмѣтить тотъ фактъ, что, какъ мнѣ пришлось убѣдиться, Э. Р. фонъ-Штернъ не скрываетъ отъ посторонніхъ взоровъ новыхъ пріобрѣтеній и поступленій въ музей, но ищетъ случая, какъ можно скорѣе сдѣлать ихъ общимъ достояніемъ всѣхъ занимающихся археологіей. Подчеркиваю этотъ фактъ потому, что у насъ приходится иногда встрѣчаться какъ разъ съ обратнымъ отношеніемъ къ дѣлу со стороны нѣкоторыхъ хранителей классическихъ древностей, скры-

вающихъ у себя въ кабинетѣ вновь поступающія древности чуть-ли не по годамъ, не говоря уже о полномъ безучастіи къ ихъ своевременной публикаціи.

О дѣятельности Э. Р. фонъ-Штерна по части сохраненія древнихъ памятниковъ лучше всего свидѣтельствуетъ его заботливое отношеніе къ древней Ольвіи, на которую онъ неоднократно обращалъ вниманіе въ своихъ докладахъ, какъ объ этомъ отчасти указано и выше.

Наконецъ, что касается научныхъ работъ Общества, то о томъ, насколько принималъ участіе Э. Р. фонъ-Штернъ въ этомъ отношеніи, говоритъ длинный рядъ принадлежащихъ ему статей въ «Запискахъ» и его участіе въ изданіи памятниковъ музея. Всѣ эти работы перечислены мною выше, всѣмъ имъ дана соотвѣтствующая посильная характеристика. Говорить въ общемъ о ихъ достоинствахъ я считаю совершенно излишнимъ. Могу только сказать одно: въ каждой работѣ Э. Р. фонъ-Штерна замѣчается серьезное отношеніе и къ крупнымъ и къ мелкимъ вопросамъ, стремленіе къ детальной разработкѣ и упроченію выводовъ, содержательность и спокойный тонъ изложенія. Эти качества снискали Э. Р. фонъ-Штерну (въ томъ смѣло можно быть увѣреннымъ) уваженіе со стороны всѣхъ истинно любящихъ русскую науку людей; они-же даютъ ему право на признательность со стороны того «Общества», научнымъ интересамъ котораго Э. Р. фонъ-Штернъ такъ горячо содѣйствуетъ.

С. Жебелевъ.

С.-Петербургъ.
1 мая 1900 г.

II.

Графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ.

Среди русскихъ случайныхъ людей XVIII в. замѣтную роль съигралъ гр. И. П. Кутайсовъ. Я не скажу, чтобы карьера его была для XVIII в. исключительною: можно указать и еще болѣе поразительныя; но тѣ все-же были болѣе ранними; гр. Кутайсовъ-же былъ послѣдній «выскочка» (по выраженію извѣстнаго Гельбига) XVIII в. Онъ не обладалъ особыми дарованьями, которыя хоть сколько-нибудь оправдывали-бы столь блестящую карьеру, какая выпала ему на долю; но то-же самое можно сказать и о многихъ случайныхъ людяхъ XVIII в. Словомъ, судьба его была удивительна, но вовсе не безпримѣрна для того времени.

Для меня личность гр. Кутайсова однако представляетъ спеціальный интересъ: онъ былъ хаджибеецъ, точнѣе сказать: уроженецъ какой-то мѣстности въ окрестностяхъ Хаджибея, нынѣшней Одессы; и, если Одесса нынѣ чтитъ своихъ выдающихся дѣятелей, хотя-бы они и не во всѣхъ отношеніяхъ представлялись безупречными, то позволительно историку Хаджибея—Одессы заинтересоваться судьбою перваго историческаго хаджибейца, хотя личность его и не представлялась-бы особенно выдающеюся.

На чемъ основываю я свое положеніе, что гр. И. П. Кутайсовъ былъ родомъ изъ-подъ Хаджибея, объ этомъ рѣчь впереди; теперь-же я оговорюсь, что въ мою задачу вовсе не входитъ составленіе подробной біографіи его, да это и не легко въ виду разбросанности матерьяловъ, относящихся къ жизни гр. Кутайсова, и отсутствію предварительной сколько-нибудь значительной систематической ихъ обработки. Я желаю лишь напомнить о кое-какихъ забытыхъ фактахъ, которые можно отнести къ біографіи гр. Кутайсова, напр. находящихся въ столь мало распространенномъ изданіи, какъ камеръ-фурьерскіе журналы, и присоединить одно, кажется, еще нигдѣ не опубликованное сатирическое стихотвореніе на гр. Кутайсова, связавъ все это небольшимъ біографическимъ разсказомъ.

Изъ біографій гр. И. П. Кутайсова я пользуюсь лишь двумя, мнѣ извѣстными[1]): Бантыша Каменскаго (Словарь достопамятныхъ людей Русской

[1]) Очень возможно, что другихъ и нѣтъ. Еще въ 50-хъ годахъ нельзя было печатать разсказовъ о «всесильномъ Кутайсовѣ»; см. Барсукова: Погодинъ, т. XIII, стр. 230; а потомъ о гр. Кутайсовѣ могли и позабыть. Теперь надо ожидать его біографіи, хотя-бы краткой, но съ обстоятельной библіографіей въ Русскомъ Историческомъ Словарѣ, издаваемомъ Императорскимъ русскимъ историческимъ обществомъ.

Земли. Ч. 2-я. Спб. 1847 г., стр. 237 — 239) и фонъ Гельбига (Russische Günstlinge [1]); но обѣ онѣ очень кратки; причемъ Бантышъ Каменскій, повидимому, имѣлъ довольно точныя свѣдѣнія о гр. Кутайсовѣ, особенно какъ о хозяинѣ [2]), а Гельбигъ пользовался придворными вѣстями, хотя и близкими къ тому времени, о которомъ разсказывалъ, но все-же не всегда достовѣрными [3]). Затѣмъ я имѣлъ подъ рукою нѣкоторые мемуары, напр. кн. Ад. Чарторижскаго (т. 1-й. Paris 1887 г.), но не разыскивалъ ихъ особенно старательно, предпочитая пользоваться уже нѣсколько обработаннымъ матеріаломъ въ извѣстныхъ сочиненіяхъ Е. С. Шумигорскаго: Е. И. Нелидова (Спб. 1898) и Н. К. Шильдера: Histoire anecdotique de Paul I-er (Paris 1899 г.); первое особенно важно, такъ какъ авторъ воспользовался разсказами о гр. Кутайсовѣ А. М. Тургенева, Гейкинга и др., а также матеріалами изъ различныхъ печатныхъ источниковъ.

Обращаясь къ біографіи гр. И. П. Кутайсова, замѣчаемъ, что имѣются очень неопредѣленныя свѣдѣнія именно о его родинѣ; такъ Бантышъ Каменскій говоритъ, что Кутайсовъ родился въ турецкомъ городѣ Кутаѣ, но, что это за городъ, гдѣ онъ находился — свѣдѣній не сообщаетъ. Кутаисъ-ли это Закавказія? Кутаія (Кутахія) Малой Азіи? Или еще гдѣ-либо въ предѣлахъ турецкаго государства былъ городъ съ такимъ названіемъ? не видно. Но, если этотъ городъ находился неблизко отъ предѣловъ Россіи времени Императрицы Екатерины II, то какъ объяснить дальнѣйшее общепризнанное показаніе (и самого Б. Каменскаго), что Кутайсовъ былъ взятъ въ плѣнъ русскими во время своего малолѣтства?

Кн. Чарторижскій тоже сообщаетъ, что при взятіи г. Кутайска, когда были вырѣзаны всѣ жители его, остался одинъ ребенокъ, который и получилъ фамилію отъ родного города (стр. 175); но и это указаніе означаетъ лишь, что существовало ходячее мнѣніе о такомъ происхожденіи гр. Кутайсова, но вовсе не убѣждаетъ въ существованіи города Кутайска.

---

[1]) Я пользуюсь русскимъ переводомъ В. А. Бильбасова, подъ несовсѣмъ точнымъ названіемъ: Русскіе избранники. Берл. 1900, стр. 529—534.

[2]) Можетъ быть, у него были такія-же точныя свѣдѣнія и о другихъ сторонахъ дѣятельности гр. Кутайсова, да онъ не рѣшился въ 1847 г. ихъ сообщить въ печати; см. выше.

[3]) Можно-бы рискнуть опредѣлить, откуда получилъ Гельбигъ извѣстія о гр. Кутайсовѣ? Изъ семьи сестры Зубовыхъ О. А. Жеребцовой, такъ какъ тамъ узналъ онъ и подробности событія, происшедшаго въ ночь на 12 марта 1801 г., и донесъ объ нихъ, съ указаніемъ источника, саксонскому правительству (донесеніе это въ подлинникѣ находится въ моемъ собраніи автографовъ и еще не опубликовано); и здѣсь разсказъ его столь-же не вполнѣ точенъ, какъ и о гр. Кутайсовѣ.

Гельбигъ, писавшій свою книгу еще при жизни гр. Кутайсова, не даетъ никакихъ указаній на мѣсто его рожденія, говоря лишь, что онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ первую турецкую войну въ 1770 г. при взятіи Бендеръ, а затѣмъ прибавляетъ: мы не знаемъ происхожденія данной ему фамиліи Кутайсовъ.

Словомъ, все это крайне неопредѣленно, неточно и бездоказательно. Между тѣмъ въ приложеніи № 9 къ III части Исторіи Новой Сѣчи А. А. Скальковскаго (пользуюсь 3-мъ изд. Од. 1886 г., стр. 298—294), гдѣ сообщенъ реестръ гостинцевъ, посланныхъ запорожцами въ С.-Петербургъ, записано слѣдующее:

Въ 1769 году:

Въ презентъ: къ графу Петру Ивановичу Панину:

Аула Буркутъ, Илесъ сынъ Джалте Гаджея. Туте, сынъ Кутлу Ахай Гаджея.

Князю Василію Михайловичу Долгорукову:

Татаринъ Едисанской орды, Шакла-Хаджи-Уэлди, сынъ Ардъ Али.

Государынѣ:

Татары Едисанскіе: Аула Буркутъ, мальчикъ Кутай, сынъ Черкесовъ. Аула Есебой, Боэтай, сынъ Мустафинъ.

Его Высочеству (т. е. В. К. Павлу Петровичу):

Хаджибейскій житель, мальчикъ Джеферъ; татаринъ едисанскій, аула Каибашъ, Гассанъ, сынъ Тармаза.

Затѣмъ, по словамъ А. А. Скальковскаго, плѣнные татары посланы были еще въ подарки гр. Н. И. Панину, гр. Гр. Гр. Орлову, кн. А. М. Голицыну (замѣтимъ это), гр. Чернышову, кн. А. А. Вяземскому и гр. Р. И. Воронцову.

Всѣ подарки отправлены были въ октябрѣ 1769 г. въ С.-Петербургъ; причемъ съ подарками къ царскимъ особамъ, при всеподданнѣйшемъ рапортѣ, посланы были войсковой старшина Софронъ Чорный и войсковой переводчикъ турецкаго языка Андрей Константиновъ (Скальковскій, стр. 33—34 и прилож. № 9).

У Скальковскаго-же видно, когда именно запорожцы забрали этихъ плѣнниковъ, такъ какъ на стр. 29—32 помѣщенъ меморіалъ запорожскаго полковника Семена Галицкаго, который съ своею ватагой (въ ней былъ и отличился Софронъ Чорный) за время съ 30 сентября по 3 октября 1769 г. основательно разграбилъ окрестности Хаджибея и забралъ въ плѣнъ нѣсколько мѣстныхъ пастуховъ, которыхъ запорожцы и отправили потомъ, ради курьеза, въ подарки петербургскимъ высокопоставленнымъ особамъ.

По всей вѣроятности, гдѣ-то въ окрестностяхъ Хаджибея и были эти едисанскіе татарскіе аулы: Буркутъ [1]), Есебой и Каибашъ, изъ которыхъ были взяты плѣнники.

Всего взято было въ плѣнъ тогда запорожцами 18 человѣкъ (стр. 34); остальныхъ, попавшихся имъ по дорогѣ, запорожцы вырѣзали; можетъ быть они весь свой тогдашній полонъ и послали въ подарки; во всякомъ случаѣ, считая, что гр. П. И. Панину и другимъ досталось лишь по одному плѣннику, они раздарили ихъ не менѣе 13.

Изъ благодарственнаго приказа гр. П. И. Панина, которому были тогда подчинены участвовавшія въ войнѣ запорожскія войска, видно, что въ числѣ 18 плѣнныхъ, приведенныхъ тогда въ Кошъ изъ-подъ Хаджибея, были не только татары, но и турки (Скальковскій, стр. 34), которыхъ запорожцы тоже, разумѣется, отправили въ подарокъ въ С.-Петербургъ.

Опредѣлить изъ сообщеннаго у Скальковскаго реестра, кто изъ плѣнниковъ, отправленныхъ въ Петербургъ, былъ турокъ, а кто навѣрное — татаринъ, затруднительно; можно-бы думать, что 2 плѣнника, посланныхъ гр. П. И. Панину, были турки, такъ какъ они не названы татарами; но это, вѣроятно, пропускъ самого Скальковскаго, ибо въ текстѣ (стр. 33) онъ говоритъ, что гр. Панину послано было два ногайца, т. е. татарина. Скорѣе всего турокъ былъ посланъ В. Князю — мальчикъ изъ Хаджибея.

Но я не думаю, чтобы запорожцы были такими этнографами, что могли точно различать турецкую національность отъ татарской, да едва-ли ихъ такое различіе тогда и интересовало; поэтому не считаю невозможнымъ, что среди лицъ, отмѣченныхъ татарами, могли быть попавшіе къ нимъ въ аулъ и тамъ поселившіеся турки; особенно интересенъ, конечно, Кутай, сынъ Черкесовъ. Едва-ли отецъ его былъ дѣйствительно черкесъ; но все-же въ этомъ прозвищѣ несомнѣнно скрывается слѣдъ происхожденія; разбираться въ этомъ запорожцамъ не было надобности; но возможно предположить, что Кутай былъ внукъ или правнукъ потурчившагося черкеса, который самъ, или его потомство переселились подъ Хаджибей въ татарскій аулъ. Если-бы это случилось слишкомъ давно, народная память не сохранила-бы воспоминанія о черкескомъ происхожденіи Кутая.

Можно отмѣтить еще, что посланные въ подарокъ плѣнники были, повидимому, взрослыми; но среди нихъ показано 2 мальчика: одинъ хаджи-

---

[1]) Мѣстность Буркутъ есть и теперь въ Бессарабіи; вѣроятно, тамъ былъ и аулъ Буркутъ; но это не исключаетъ возможности существованія аула того-же имени и близъ Хаджибея; взяты были изъ аула Буркутъ татары едисанскіе, а не буджакскіе, жившіе въ Бессарабіи.

бецъ, другой Кутай; оба они презентованы были царской фамиліи; возможно, конечно, что подобныя-же дѣти подарены были и тѣмъ лицамъ, о которыхъ Скальковскій подробно не сообщаетъ, напр. кн. А. М. Голицыну.

Есть основаніе полагать, что вмѣстѣ съ турчонками и татарчатами посланы были кое-кому въ даръ и малолѣтнія турчанки и татарки, какъ объ этомъ я сейчасъ буду говорить.

Запорожскіе подарки дошли до назначенія, и вотъ въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ за 1769 г. подъ 19 ноября записано, что вечеромъ въ бильярдной комнатѣ представлены были Ея Императорскому Величеству привезенные фельдмаршаломъ кн. А. М. Голицынымъ изъ заграничной арміи взятые въ полонъ двое турокъ и одна турчанка да двѣ татарки, кои всѣ малолѣтніе и одѣты по ихъ обыкновенію, и тѣ двѣ татарки по своему обыкновенію-жъ нѣсколько для увеселенія плясали, съ припѣвомъ своихъ пѣсенъ. Вышеупомянутые малолѣтніе водимы были къ Его Императорскому Высочеству, а оттуда обратно приведены были къ Ея Величеству, и Высочайше соизволила повелѣть: оставить всѣхъ при Высочайшемъ своемъ Дворѣ.

И другіе подаренные плѣнники были тогда-же доставлены Императрицѣ и В. Князю, почему гр. Н. И. Панинъ писалъ 11 декабря 1769 г. съ Константиновымъ запорожскому кошевому (П. И. Калнышу), что онъ представилъ плѣнниковъ Ея Императорскому Величеству и Его Высочеству, которые приняты съ новымъ и особливымъ Монаршимъ благоволеніемъ, какъ къ вамъ, почтенный господинъ кошевой и старшинѣ, такъ и ко всему храброму Низовому запорожскому войску. Письмо это Константиновъ привезъ въ Кошъ 21 декабря (Скальковскій).

Трудно сомнѣваться въ томъ, что среди этихъ подаренныхъ лицъ былъ и будущій гр. Кутайсовъ; но какъ его тамъ найти? Всего легче видѣть его именно въ Кутаѣ, сынѣ Черкесовѣ; сходство въ имени чрезвычайно соблазнительное; онъ былъ очень молодъ (мальчикъ), что говорится и о Кутайсовѣ. Бантышъ-Каменскій, біографъ, какъ я сказалъ, точный, сообщаетъ, что онъ былъ сперва доставленъ Императрицѣ и ею уже переданъ В. Князю, а Кутай былъ именно ей присланъ. Затѣмъ возможно, что дошедшіе до Б.-Каменскаго слухи о черкесскомъ происхожденіи Кутайсова и заставили его называть родиною Кутайсова Кутай закавказскій, т. е. Кутаисъ. Но, если онъ былъ тѣмъ мальчикомъ, который непосредственно былъ подаренъ В. Князю, — тогда онъ ужъ навѣрное былъ хаджибеецъ. Если даже искать Кутайсова въ числѣ лицъ, бывшихъ сперва у гр. П. И. Панина, или представленныхъ Императрицѣ кн. А. М. Голицынымъ или гр. Н. И. Панинымъ, это безразлично; всѣ они распоряжались плѣнниками, полученными отъ запорожцевъ, которые, какъ видно

изъ реестра 1769 г., послали таковыхъ кн. Голицыну[1]) и обоимъ гр. Панинымъ[2]). Значитъ, гр. И. П. Кутайсовъ былъ во всякомъ случаѣ едисанцемъ изъ окрестностей Хаджибея[3]).

Къ какому племени принадлежалъ гр. Кутайсовъ, объ этомъ всѣ, сообщавшіе о немъ, показываютъ вполнѣ согласно: онъ былъ туркъ (см. у Б. Каменскаго, Гельбига, также въ Запискахъ кн. Чарторижскаго стр. 175, въ сообщаемой мною далѣе сатирѣ и проч.); трудно было-бы допустить, что онъ былъ татаринъ, и это отчасти препятствуетъ видѣть его въ Кутаѣ, о которомъ было выше говорено; но я считаю возможнымъ устранить возникающее противорѣчіе и поэтому допускаю, что Кутайсовъ былъ отчасти черкесскаго происхожденія, т. е. принадлежалъ къ племени, болѣе красивому, чѣмъ татары, и не менѣе красивому, чѣмъ турки. Портретъ его, находящійся въ Гатчинскомъ дворцѣ и копія съ котораго помѣщена Шильдеромъ въ сочиненіи объ Имп. Александрѣ I (т. I, стр. 168) обнаруживаетъ скорѣе черкесскія нежели турецкія черты лица. Во всякомъ случаѣ онъ былъ магометанинъ.

Невозможно зато опредѣлить его возрастъ: Гельбигъ говоритъ, что онъ былъ взятъ въ плѣнъ уже большимъ мальчикомъ, что соотвѣтствуетъ занятію Кутая, сына Черкесова: онъ былъ пастушонокъ. Въ примѣчаніи къ Гельбигу указано, что гр. Кутайсовъ родился въ 1759 г.; такая дата вѣроятна, ибо въ этомъ случаѣ во время плѣненія его запорожцами ему было-бы около 10 лѣтъ; къ ней подходитъ и время его женитьбы — къ 1779 г., когда ему было около 20 лѣтъ.

---

[1]) Выраженіе, что кн. Голицынъ привезъ плѣнниковъ изъ арміи, могло быть простою фразою; камеръ-фурьерскіе журналы составлялись лицами (камеръ-фурьерами) не высокаго полета и невездѣ отъ ихъ показаній можно требовать строгой точности; въ этомъ я именно имѣлъ случай убѣдиться, пересматривая извѣстія о гр. Кутайсовѣ.

[2]) Если допустить, что запорожскій плѣнникъ прошелъ ко Двору чрезъ руки гр. П. Панина, какъ главнокомандующаго въ то время, или какъ его собственный подарокъ, тогда можно объяснить показаніе Гельбига (см. выше), который, зная о взятіи гр. Панинымъ Бендеръ, сообразилъ, что тогда именно и долженъ былъ попасться въ плѣнъ Кутайсовъ.

[3]) Я пересмотрѣлъ изо дня въ день камеръ-фурьерскіе журналы за 1770 г. и не нашелъ тамъ указанія, чтобы по взятіи Бендеръ (15 сентября 1770 г.) Императрицѣ были представлены какіе-либо малолѣтніе турецкіе или татарскіе плѣнники; представлялись лишь чиновные. Въ 1771 г. 30 іюля утромъ Императрицѣ были представлены привезенные гр. Тотлебеномъ грузинъ да двое турокъ; они тоже оставлены при Дворѣ. Въ тотъ-же день вечеромъ Императрица смотрѣла въ домѣ гр. И. Гр. Орлова араповъ, привезенныхъ изъ Мореи (? хорошій образчикъ записи въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ!). Впрочемъ, Гельбигъ говоритъ, что Кутайсовъ подаренъ былъ гр. Панинымъ прямо В. Князю; тогда подобнаго факта можно и не найти въ камеръ-фурьерскихъ журналахъ; о жизни В. Князя до 1796 года они сообщаютъ лишь весьма отрывочныя свѣдѣнія. Кн. Чарторижскій тоже сообщаетъ, что Кутайсовъ достался на долю В. Князя (стр. 175).

Попавши тѣмъ или другимъ путемъ къ великому князю, плѣнный мальчикъ былъ крещенъ въ православную вѣру; вѣроятно, В. Князь былъ крестнымъ отцомъ его [1]), чѣмъ и объясняется отчество «Павловичъ»; фамилія-же «Кутайсовъ», какъ я полагаю, закрѣпила его настоящее имя; а почему онъ былъ названъ Иваномъ, мнѣ неизвѣстно; можетъ быть, въ виду вообще популярности у насъ этого имени, особенно среди прислуги, въ число которой попалъ мальчикъ, а, можетъ быть, онъ крещенъ въ такой день, когда праздновалась память Св. Іоанна Богослова или Св. Іоанна Крестителя [2]).

Молодой Кутайсовъ долго состоялъ въ числѣ придворной прислуги, причемъ его, по русскому обычаю, видимо, просто звали Иваномъ [3]); онъ сталъ забывать родной языкъ и научился (однако плохо) русскому; но полюбившій мальчика Павелъ приказалъ обучать его и французскому языку, который онъ, по словамъ Б. Каменскаго, тоже зналъ плоховато; хотя это показаніе какъ будто несовсѣмъ соотвѣтствуетъ нѣкоторымъ фактамъ изъ дальнѣйшей біографіи Кутайсова; притомъ для возвышенія при Дворѣ въ то время надо было хорошо знать французскій языкъ. Б. Каменскій сообщаетъ даже, что В. Князь отправилъ Кутайсова въ Берлинъ и Парижъ для обученія фельдшерскому мастерству, а Гельбигъ, — что Кутайсовъ обучался и инымъ наукамъ, по крайней мѣрѣ поверхностно, и хотя оказывалъ успѣхи лишь посредственные, но все-же научился большему, чѣмъ знаютъ обыкновенно люди его категоріи.

Гельбигъ говоритъ далѣе, что В. Князь хотя и принялъ его въ число придворныхъ служителей, но не возвысилъ даже до камердинерства. Всѣ посѣщавшіе русскій Дворъ въ началѣ 90-хъ годовъ, продолжаетъ онъ, видѣли въ комнатахъ наслѣдника въ Зимнемъ дворцѣ и во время зимнихъ празднествъ въ Каменноостровскомъ дворцѣ Кутайсова въ лакейской ливреѣ. Такъ какъ онъ былъ туркъ (и притомъ красивый — по Б. Каменскому, да и портретъ его, сообщенный Шильдеромъ, показываетъ, что

---

[1]) Императрица тоже бывала крестной матерью подобныхъ плѣнныхъ; такъ 19-го марта 1771 г. она приняла отъ святыя купели въ Воскресенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ (въ С.-Петербургѣ) двухъ татарокъ и одного турчонка; В. Князя при этомъ не было (камеръ-фурьерскій журналъ).

[2]) Павелъ I, повидимому, особенно чтилъ этого святаго (и до участія своего въ Мальтійскихъ дѣлахъ). Въ Гатчинѣ былъ праздникъ Перенесенія десныя руки Св. Іоанна Крестителя въ Гатчину.

[3]) Еще въ 1798 г. Императрица Марія Ѳеодоровна въ письмѣ къ Нелидовой называла Кутайсова просто Иваномъ; см. Шумигорскаго: Нелидова, стр. 140—141; ср. стр. 53, 121 и др.

онъ былъ красавецъ [1]), то его показывали тогда какъ рѣдкое существо... Въ серединѣ послѣдняго десятилѣтія онъ снялъ, наконецъ, ливрею и сталъ дѣйствительнымъ камердинеромъ, но не могъ подняться выше.

Въ этомъ, въ общемъ правильномъ показаніи Гельбига есть, повидимому, хронологическая неточность. Разсказъ его скорѣе изображаетъ положеніе Кутайсова въ концѣ 70-хъ годовъ; по крайней мѣрѣ въ 1782 г. онъ былъ уже valet de chambre, т. е. камердинеръ (см. далѣе), и въ этомъ званіи оставался до конца царствованія И. Екатерины II; Б. Каменскій тоже постоянно называетъ его камердинеромъ. Все это въ сущности не такъ и важно и зависитъ отъ той градаціи, какая существовала тогда между великокняжескою прислугою. Важнѣе то, что Кутайсовъ отправлялъ при В. Князѣ обязанности парикмахера, цирюльника и фельдшера. Извѣстна необычайная недовѣрчивость, подозрительность Павла, вѣчно опасавшагося отравы или чего-нибудь подобнаго, и нужно было съ его стороны большое довѣріе къ Кутайсову, чтобы предоставить себя въ полное его распоряженіе; такъ какъ Кутайсовъ этого довѣрія не обманулъ, то все болѣе и болѣе становился любимцемъ В. Князя.

Не позже 1779 г. Кутайсовъ женился на Аннѣ Петровнѣ Рѣзвой; но кто она была такая, я свѣдѣніями не располагаю; трудно думать, впрочемъ, чтобы она была изъ очень хорошаго рода, или имѣла большое состояніе; не таковъ былъ тогда еще женихъ. Въ 1780 г. у Кутайсова родился сынъ; но о семьѣ Кутайсовыхъ скажемъ далѣе.

Затѣмъ имѣемъ указаніе, что во время поѣздки въ 1781—1782 г. В. Княжеской четы заграницу подъ именемъ графовъ Сѣверныхъ въ свитѣ ихъ былъ и Кутайсовъ, какъ valet de chambre (въ Парижѣ въ 1782 г.; см. Остафьевск. архивъ, IV, стр. 14); въ августѣ 1794 г. ему пожалованъ былъ участокъ земли въ Павловскѣ на Ивановой улицѣ, причемъ Кутайсовъ въ грамотѣ на землю названъ камердинеромъ (см. грамоту въ изд. Павловскъ. Спб. 1877 г., стр. 552—553); въ томъ-же году меньшой сынъ Кутайсова, 10 лѣтъ, зачисленъ былъ вице-вахмистромъ лейбъ-гвардіи коннаго полка; въ январѣ 1795 г. Кутайсовъ за службу свою получилъ въ награду 3000 рублей, а сынъ его пожалованъ былъ сержантомъ Преображенскаго полка, а затѣмъ, имѣя всего 12 лѣтъ, капитаномъ Великолуцкаго пѣхотнаго полка. Что подобныхъ извѣстій о Кутайсовѣ сохранилось не много, неудивительно; онъ былъ въ то время еще лицомъ незначительнымъ; но Гельбигъ говоритъ, что уже тогда (т. е. еще при жизни Императрицы) предсказывали шопотомъ, что Кутайсовъ будетъ

---

[1]) Нѣсколько иной отзывъ о наружности Кутайсова даетъ кн. Чарторижскій, конечно, съ предвзятою мыслью, что онъ говоритъ о лакеѣ: Il était d'une taille moyenne, un peu gros, mais alerte et dingambe, très—brun, souriant toujours, avec les yeux et une phisionomie orientale, où on lisait de la jovialité sensuelle (стр. 175).

играть важную роль, когда Павелъ взойдетъ на престолъ. При этомъ разсказывали по секрету и причину его все возрастающаго кредита: онъ былъ будто-бы посредникомъ при сближеніи Наслѣдника съ Нелидовою и тогда велъ себя очень ловко и къ удовольствію своего господина.

Что В. Князь имѣлъ сношенія съ Нелидовой черезъ Кутайсова подтверждается ея собственною перепискою (Шумигорскій, стр. 40). Но затѣмъ онъ принялъ участіе въ интригѣ, направленной противъ Нелидовой, которая въ мартѣ 1796 г. и оставила Дворъ (ibid. стр. 55); гр. Кутайсовъ проводилъ тогда въ фаворитки другую дѣвушку (стр. 59).

Смерть Императрицы (6 ноября 1796 г.) стала поворотнымъ пунктомъ въ служебной карьерѣ Кутайсова; уже 7 ноября онъ былъ пожалованъ изъ камердинеровъ въ камеръ-фурьеры, а на другой день въ гардеробмейстеры 5 класса, что соотвѣтствовало чину статскаго совѣтника, съ жалованьемъ въ 1500 р. въ годъ; однако прежнія обязанности при Павлѣ онъ продолжалъ исполнять: такъ извѣстенъ разсказъ, будто Кутайсовъ впослѣдствіи высказывалъ сожалѣніе, что онъ немедленно не пустилъ кровь Павлу, когда тотъ получилъ извѣстіе о смерти матери (Шильдеръ, И. Александръ I. т. I, стр. 134); кн. Чарторижскій, говоря о началѣ царствованія И. Павла, называетъ Кутайсова barbier de l'Empereur (стр. 144; ср. Шумигорскій, стр. 81).

Къ этому-же времени, конечно, относится и слѣдующій разсказъ о Кутайсовѣ кн. Чарторижскаго: Au commencement du règne de Paul, j'ai vu encore M. Koutajszow, à la maison d'exercice (Exercierhaus) ou l'infanterie et la cavalerie s'exerçaient pendant l'hiver, porter et présenter à son maitre un bouillon. Le valet de chambre [1]) etait en costume de service du matin... Il me semblait, dans son costume du matin, avoir quelque chose de Figaro; mais il était deja alors l'objet de salutations obséquieuses et de poignées de main de la plupart des généraux et de personnages qui assistaient aux exercices et qui s'empressaient d'accoster (стр. 175). Что Кутайсовъ уже въ то время былъ вліятеленъ, видно изъ разсказа кн. Чарторижскаго-же (стр. 144), что В. Князь Александръ обратился къ Кутайсову, чтобы помочь кн. Чарторижскимъ, и это оказалось дѣйствительнымъ средствомъ.

Тѣмъ не менѣе, когда Кутайсовъ пожелалъ получить орденъ Св. Анны 2 кл., то нескоро получилъ его; даже осторожный Б. Каменскій упоминаетъ, что Кутайсовъ тогда притворился больнымъ и достигъ цѣли; но имѣются объ этомъ и болѣе подробныя свѣдѣнія: Кутайсовъ будто-бы

[1]) Кн. Чарторижскому, очевидно, измѣнила память; Кутайсовъ, какъ сказано выше, былъ уже съ 7 ноября гардеробмейстеромъ; но кн. Чарторижскій, конечно, зналъ его раньше камердинеромъ, почему и допустилъ такую неточность; впрочемъ, онъ выше называетъ его «premier valet de chambre».

считалъ себя обиженнымъ при раздачѣ коронаціонныхъ наградъ и винилъ въ этомъ исключительно Императрицу и Нелидову (тогда снова ставшую фавориткой); между тѣмъ онѣ въ это время спасли его отъ гнѣва И. Павла. Гейкингъ разсказываетъ, что имѣніями и орденами (во время коронаціи) не скупились. Пользуясь этимъ г. Кутайсовъ, хотя и получилъ уже чинъ статскаго совѣтника, вздумалъ попросить у Государя еще орденъ Св. Анны 2 кл. Сильно разгнѣвавшись, Павелъ выгналъ его и, войдя къ Императрицѣ, у которой засталъ Нелидову, объявилъ имъ, что Кутайсовъ уже уволенъ за его безстыдство. Усилія Государыни успокоить своего супруга, въ которомъ еще кипѣла кровь, были напрасны; только послѣ обѣда удалось Нелидовой испросить прощеніе Кутайсову. Тотъ въ проявленіе благодарности бросился къ ея ногамъ (Шумигорскій, стр. 81). Все это возможно, даже заступничество Нелидовой за Кутайсова, на котораго она имѣла основанія быть недовольной; но Кутайсовъ состоялъ въ 5-мъ классѣ задолго до коронаціи (см. выше), и мало вѣроятно, чтобы она прошла для него безъ награды; весною 1797 г. онъ сталъ оберъ-гардеробмейстеромъ 4 класса и пожалованъ былъ крестьянами и землями, о чемъ сказано будетъ далѣе; мнѣ кажется, что это именно и были его награды на коронацію. Орденъ-же Св. Анны 2 кл. Кутайсовъ дѣйствительно получилъ позже и Б. Каменскій допустилъ въ своемъ разсказѣ объ этомъ сильное сокращеніе времени.

Одною изъ обязанностей Кутайсова въ это время было подавать Государю въ бытность его въ церкви далматикъ, что онъ продожалъ дѣлать и будучи произведенъ уже въ чинъ егермейстера (къ концу 1798 г.).

Лѣтомъ 1798 г. Кутайсовъ получилъ, наконецъ, орденъ Св. Анны 2 кл., вѣроятно такимъ способомъ, какъ говоритъ Б. Каменскій; любопытно, что объ этомъ пожалованьи счелъ нужнымъ извѣстить свое правительство прусскій посланникъ въ С.-Петербургѣ генералъ Гребенъ (см. Schilder, Paul I, стр. 306, рапортъ отъ 30 іюля ст. ст.; предшествовавшій отъ 29 іюня). Б. Каменскій связываетъ съ этимъ полученіемъ ордена, что Кутайсовъ тогда-же замѣненъ другимъ лицомъ — вѣроятно въ исполненіи обязанностей парикмахера и т. п.; это весьма возможно.

Послѣ того награды Кутайсову пошли легче: въ 1798 г. онъ получилъ орденъ Св. Анны I кл. съ алмазами и мальтійскій крестъ. Гельбигъ иронизируетъ по этому поводу, что это, конечно, единственный примѣръ въ исторіи, когда турокъ родомъ сталъ мальтійскимъ кавалеромъ. Затѣмъ видимъ Кутайсова егермейстеромъ; причемъ онъ постоянно участвуетъ въ различныхъ придворныхъ церемоніяхъ и уже въ замѣтныхъ роляхъ; камеръ-фурьерскіе журналы часто отмѣчаютъ приближенность его къ Государю. То же продолжается и въ 1799 г., особенно обильномъ та-

кими церемоніями [1]); впрочемъ Гельбигъ сообщаетъ, что Императоръ запрещалъ Кутайсову разговаривать съ чужими людьми, чтобы они не могли ничего узнать о частной жизни Государя.

Особенно богатъ наградами былъ для Кутайсова 1799 г. Гельбигъ объясняетъ, почему именно, да это и безъ него достаточно извѣстно: тогда развернулась при Дворѣ сильнѣйшая борьба между двумя партіями за вліяніе на Государя. Къ одной изъ нихъ принадлежали Императрица, Нелидова (теперь уже ея союзница) и вообще прежніе любимцы Государя, особенно кн. Куракины. Руководителемъ другой партіи былъ знаменитый канцлеръ кн. Безбородко, оказавшій Павлу, какъ извѣстно, незабываемую услугу при вступленіи его на престолъ, а душою Ростопчинъ, опиравшійся на новыхъ любимцевъ Государя и на новую фаворитку его А. П. Лопухину. Объ этой придворной борьбѣ очень подробно говорится въ монографіи Шумигорскаго о Нелидовой и нѣтъ цѣли слѣдить здѣсь за ея перипетіями; но въ эту борьбу замѣшался и Кутайсовъ, ставшій на сторону кн. Безбородко и Ростопчина, а въ сущности сдѣлавшійся ихъ орудіемъ (можетъ быть и сознательнымъ). Не смотря на то, что Кутайсовъ былъ будто-бы спасенъ Императрицей и Нелидовой (см. выше), онъ, по словамъ Гейкинга, показалъ, какова была его признательность къ обѣимъ его благодѣтельницамъ (Шумигорскій, стр. 81); онъ сошелся съ кн. Безбородко, который желалъ удалить Нелидову, и дурно отзывался о сановникахъ — ставленникахъ Императрицы и Нелидовой (117 — 118); къ кн. Безбородко и Кутайсову присоединился Ростопчинъ (стр. 119); Кутайсовъ, по словамъ гр. Головиной, убѣдилъ Государя, что Императрицѣ очень опасно имѣть дѣтей и подкупилъ акушера ея, чтобы тотъ далъ такое показаніе (стр. 121); онъ окончательно вооружилъ Государя противъ Императрицы и Нелидовой, сообщилъ ему, что всѣ его милости приписываютъ ихъ вліянію на него (стр. 125 — 126); онъ былъ посредникомъ въ сближеніи Государя съ А. П. Лопухиной и велъ переговоры съ ея родными (стр. 126 — 129); онъ выдалъ Государю родственника Нелидовой статсъ-секретаря Нелединскаго за шпіона, что повело къ его высылкѣ изъ Петербурга (стр. 135); на его совѣты постоянно и преимущественно жалуется Императрица въ письмахъ къ Нелидовой (стр. 140 — 141); его особенно обвиняла въ интригахъ Нелидова въ письмѣ къ Государю (стр. 145); наконецъ, его вліянію приписывается и окончательное торжество Лопухиной (въ то время уже кн. Гагариной) надъ своей соперницей (стр. 160).

---

[1]) Между прочимъ 18 января 1799 г. Кутайсовъ былъ вмѣсто Государя воспріемникомъ сына придворнаго протодіакона Скородумова.

Побѣда партіи, къ которой принадлежалъ Кутайсовъ, и сопровождалась для него необычайными наградами: 22 февраля 1799 г. онъ сталъ барономъ, а вскорѣ (впрочемъ, уже послѣ смерти кн. Безбородко), 5 мая, и графомъ за отличную ревность, усердіе и приверженность, принявъ для своего герба цѣлесообразный девизъ: «Живу однимъ—для одного»; затѣмъ онъ былъ назначенъ первымъ оруженосцемъ Мальтійскаго ордена и получилъ Александровскую ленту. Въ 1800 г. онъ сталъ Оберъ-Шталмейстеромъ и кавалеромъ ордена Св. Ап. Андрея, брилліантами украшеннаго; независимо отъ того онъ получилъ также и иностранные ордена. Дѣйствительно трудно подыскать другой подобный примѣръ дождя наградъ [1]).

Царскія милости распространялись и на семью гр. Кутайсова; жена его была принимаема при Дворѣ, куда неоднократно являлась въ 1798—1800 гг. благодарить Государя и Государыню за награды мужу [2]); она-же была посаженной матерью на придворной свадьбѣ кн. П. И. Багратіона съ гр. Скавронскою (2 сентября 1800 г.). Сыновья гр. Кутайсова въ началѣ 1799 г. были пожалованы: старшій (19 лѣтъ) коллежскимъ совѣтникомъ въ Иностранной Коллегіи, а меньшой (которому не было еще 16-ти лѣтъ, а онъ уже дослужился до генералъ-провіантмейстеръ-лейтенанта) полковникомъ гвардейской артиллеріи; въ томъ-же году старшій сынъ гр. Кутайсова сдѣланъ былъ камергеромъ и статсъ-секретаремъ Государя, а затѣмъ упрочилъ положеніе какъ свое, такъ и отца женитьбой (28 мая 1800 г.) на кн. Прасковьѣ Петровнѣ Лопухиной, сестрѣ фаворитки. Старшая дочь гр. И. П. Кутайсова лѣтомъ 1800 г. пожалована была фрейльной и постоянно приглашалась къ Царскому столу.

Высокому положенію гр. Кутайсова соотвѣтствовало и громадное его состояніе. Б. Каменскій сообщаетъ, что у него было 5.000 душъ крестьянъ, въ томъ числѣ свыше 2,000 душъ въ Моршанскомъ и Тамбовскомъ уѣздахъ, при 24.606 десятинахъ земли; сверхъ того 36,000 дес. въ Курляндіи и богатыя рыбныя ловли на р. Волгѣ, приносившія ему ежегодно дохода до полумилліона рублей. Б. Каменскій называетъ гр. Кутайсова однимъ изъ лучшихъ нашихъ сельскихъ хозяевъ. Въ тамбовскомъ имѣніи у него были полотняная и суконная фабрики и превосходный конскій заводъ, относительно котораго Б. Каменскій, видимо хорошо знакомый съ имущественными дѣлами гр. Кутайсова, входитъ въ такія подробности, что перечисляетъ, какихъ лошадей подарилъ ему Государь, какую — молдавскій господарь, какихъ онъ самъ купилъ и гдѣ именно. Видимо, въ этомъ пристрастіи гр. Кутайсова къ лошадямъ сказалась его національная природа.

---

[1]) См. по этому поводу разсужденія кн. Чарторижскаго, стр. 175—176.

[2]) Благодарить за пожалованье гр. Кутайсову ордена Ап. Андрея явилась къ Государю вся семья графа.

Въ слободѣ Барышевкѣ, у г. Моршанска гр. Кутайсовъ построилъ въ 1797 г. на р. Цнѣ каменную мукомольню о 16 поставахъ съ обдирнымъ для крупъ камнемъ [1]; она стоила гр. Кутайсову свыше милліона рублей; строителемъ былъ извѣстный тогда механикъ Подебрадъ [2]. Мукомольня могла обрабатывать въ сутки 800 — 900 кулей и приносила ежегоднаго дохода до 70,000 р. Кромѣ дачи въ Павловскѣ гр. Кутайсовъ имѣлъ домъ въ Петербургѣ на Фонтанкѣ, вѣроятно недалеко отъ Зимняго дворца [3]. Въ 1799 г. 30 мая въ домѣ гр. Кутайсова былъ пожаръ, на который пріѣхалъ и Государь. Надо полагать, что гр. Кутайсовъ снова привелъ этотъ домъ въ порядокъ и, если даже не жилъ въ немъ самъ (см. далѣе), то здѣсь находилось его семейство. Конечно, у графа было много драгоцѣнностей и денегъ, хоть онъ и тратился на свою фаворитку, извѣстную французскую актрису Шевалье [4], при посредствѣ которой, пріобрѣтаемомъ деньгами, можно было найти протекцію у ея патрона, а тотъ могъ въ удобную минуту замолвить слово Государю.

Камеръ-фурьерскіе журналы за 1799 — 1801 гг. [5] показываетъ, что Павелъ *каждый день*, иногда по два раза въ день, выѣзжалъ съ графомъ Кутайсовымъ на прогулку верхомъ, въ саняхъ, въ колескѣ [6]; записанъ и такой случай: 3 декабря 1799 г. съ ними ѣздила верхомъ еще фрейльна княжна Лопухина; бывалъ гр. Кутайсовъ съ Государемъ на всѣхъ парадахъ, смотрахъ, разводахъ, ѣздилъ съ нимъ въ гости (къ шведскому королю), присутствовалъ на похоронахъ (адмирала де-Рибаса 7-го декабря 1800 г.) и пр. Онъ нерѣдко обѣдаетъ у Государя, а къ концу царствованія это переходитъ въ обычай: онъ всякій день то завтракаетъ, то обѣ-

---

[1]) У Б. Каменскаго сообщены и другія подробности.

[2]) Конечно, чехъ изъ Подѣбрада.

[3]) Государь послѣ своего завтрака или обѣда постоянно посылалъ за гр. Кутайсовымъ, чтобы тотъ сопутствовалъ ему на прогулкѣ; конечно, онъ долженъ былъ являться какъ можно скорѣе.

[4]) Кн. Чарторижскій сообщаетъ такія довольно курьезныя подробности: M. de Koutaïszow était entré en liaison avec madame Clevalier, belle femme, et charmante actrice engagée au théâtre de la cour, dont M. Bignon, ministre de France à Cassel avait été fort epris, mais qui l'abandonna pour les offres plus somptueuses du valet de chambre de Paul. Ces intrigues amoureuses donnaient lieu à des confidences réciproques, qui rendaient plus piquants les moments que le maître passait avec le valet et augmentaient l'influence de celui-ci (стр. 182). Это уже очевидно придворныя сплетни.

[5]) Въ оффиціальномъ изданіи они доведены до конца 1800 г., но журналы за 1801 г. (съ 1-го февраля по 11-е марта включительно) напечатаны въ приложеніи къ I т. соч. Шильдера объ Имп. Александрѣ I.

[6]) См. въ Р. Арх. 1885 г. кн. 3, стр. 319 любопытный разсказъ П. И. Полетики о встрѣчѣ съ ними.

даетъ, то ужинаетъ во Дворцѣ; если у Государя приглашено немного гостей: двое, трое, или нѣсколько больше, что бывало особенно часто, въ числѣ ихъ непремѣнно гр. Кутайсовъ; иногда онъ одинъ обѣдаетъ у Государя [1]). Немудрено, что при столь близкихъ отношеніяхъ къ Императору онъ имѣлъ на него большое вліяніе, что отразилось и на всѣхъ придворныхъ, которые у него заискивали. Имп. Александръ I разсказывалъ гр. Ростопчину, что у подъѣзда дома гр. Кутайсова на Фонтанкѣ всегда стояла масса экипажей пріѣзжавшихъ къ нему лицъ (см. Русск. Архив. 1900 г. № 7, стр. 321 примѣч.); самъ Александръ, будучи наслѣдникомъ престола, обращался къ его протекціи предъ Императоромъ, чтобы помочь кн. Чарторижскому, брату своего друга (Кн. Чарторижскій, стр. 187). Императрица и Нелидова главнымъ образомъ ему приписывали паденіе ихъ вліянія на Государя; въ обществѣ считали его всесильнымъ [2]).

Но Павелъ былъ человѣкъ вспыльчивый, капризный и гр. Кутайсову могло отъ него сильно доставаться. Выше было разсказано, какъ разсердился на него Государь за желаніе получить орденъ; есть и еще болѣе пикантное показаніе, что въ случаяхъ, когда Павелъ обнаруживалъ невиновность лицъ, оклеветанныхъ Кутайсовымъ съ цѣлью устранить тѣхъ, которыя казались опасными для его вліянія, онъ собственноручно наказывалъ Кутайсова, предварительно снявъ съ него ленту (вѣроятно, еще анненскую). Однажды Государь до того разсердился на своего фаворита, что прогналъ его, не велѣлъ ему показываться на глаза, и передъ его квартирой постоянно стояла кибитка, запряженная почтовыми лошадьми, которыя перемѣнялись каждые два часа, какъ-бы въ ожиданіи, куда везти любимца. Привычка къ Кутайсову брала однако у отходчиваго Павла верхъ надъ гнѣвомъ, и Государь, самъ того не замѣчая, слѣдовалъ его внушеніямъ, вполнѣ полагаясь на его преданность и за нее многое ему извиняя (Шумигорскій, стр. 118 [3]).

Все это, впрочемъ, можетъ быть и анекдотично; и вообще о времени фавора гр. Кутайсова было немало анекдотовъ, напр. о пріемѣ его Суворовымъ, тоже мало достовѣрныхъ.

И Бантышъ Каменскій и Гельбигъ говорятъ о томъ, что гр. Кутайсовъ былъ человѣкъ добраго сердца; но у перваго сравнительно больше похвалъ:

---

[1]) Гр. Кутайсовъ ни разу не записанъ, какъ партнеръ Государыни въ картахъ; возможно, что онъ не умѣлъ играть въ карты.

[2]) См. напр. письмо къ нему Д. И. Хвостова съ благодарностью за милости и съ просьбою довести до свѣдѣнія Государя о пріѣздѣ Суворова (въ 1800 г. изъ заграничнаго похода, Р. Стар. 1900 г. № 5).

[3]) Ср. стр. 146 рѣзкій отвѣтъ Павла Нелидовой на жалобу, что ихъ ссоритъ Кутайсовъ («Я не понимаю, при чемъ тутъ Кутайсовъ...»).

онъ признаетъ за нимъ оборотливый умъ, проворство, ловкость, искусство угождать; между тѣмъ какъ Гельбигъ называетъ его человѣкомъ ограниченнаго ума (такъ будто-бы смотрѣлъ на него и Павелъ), не пользовавшимся вліяніемъ такъ, какъ онъ долженъ-бы пользоваться; что уже совершенно не подтверждается его біографіей.

Что гр. Кутайсовъ былъ человѣкъ добрый, это доказывается двумя случаями; въ первый разъ онъ въ 1799 г. спасъ генер.-лейт. Вильде, котораго безчестно хотѣлъ погубить Аракчеевъ, во второй, въ 1801 г., защитилъ гр. Н. П. Панина отъ лживаго обвиненія, взведеннаго на него гр. Ростопчинымъ (Шильдеръ: И. Александръ I, т. I, стр. 184 и 310 примѣч.). Между тѣмъ Аракчеевъ и Ростопчинъ принадлежали къ той-же придворной партіи, какъ и гр. Кутайсовъ. Возможно, конечно, и такое предположеніе, что онъ воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы скомпрометировать этихъ лицъ, пользовавшихся въ то время у И. Павла большимъ значеніемъ. Впослѣдствіи гр. Ростопчинъ отзывался дурно о гр. Кутайсовѣ, а Аракчеевъ во время своего могущества ничего не сдѣлалъ для своего гатчинскаго товарища.

На гр. Кутайсовѣ лежитъ обвиненіе, что онъ не предупредилъ катастрофы 11 марта 1801 г., если даже не помогъ ей. Во-первыхъ, благодаря его заступничеству И. Павелъ приблизилъ въ себѣ гр. Палена (Шумигорскій, стр. 137—138); затѣмъ онъ доставилъ возможность возвратиться ко Двору Зубовымъ. Гельбигъ (въ біографіи Платона Зубова, стр. 508) разсказываетъ, что Зубовы нашли средство подобраться къ Кутайсову, подкупивъ его любовницу. Черезъ этого всесильнаго въ то время человѣка всѣ Зубовы получили разрѣшеніе возвратиться въ Петербургъ (въ концѣ 1800 г. приняты на службу). Достигнувъ этого, Зубовъ (Платонъ) старался будто-бы показать, что его трогаютъ хлопоты Кутайсова въ его пользу; чтобы выразить ему свою благодарность, онъ притворился, будто хочетъ жениться на его дочери (вѣроятно, старшей — Маріи, фрейльнѣ). Этой уловкой онъ добился благоволенія Государя для себя и для своихъ братьевъ. Насколько это вѣрно, сказать трудно; но есть и еще указанія, относящіяся къ этой исторіи, а именно, что свахою явилась сестра Зубова О. А. Жеребцова (Schilder, Paul I, стр. 233).

Гораздо серьезнѣе другое обвиненіе, будто 11 марта гр. Кутайсовъ получилъ предупредительное письмо, которое не прочелъ, полагая, что это прошеніе, какія получалъ онъ часто;—но мнѣ кажется, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ бродячею сагой, ведущей свое начало едва-ли не отъ разказа о смерти Юлія Цезаря. Гельбигъ сообщаетъ другую, болѣе раціональную, но еще менѣе правдоподобную версію: гр. Кутайсовъ не обратилъ вниманія на письмо, потому что уже неоднократно получалъ подобныя предостереженія, которыя не оправдывались. Очевидно, что до

Гельбига донеслись придворныя сплетни, которыя также отразились и въ слѣдующемъ разсказѣ кн. Чарторижскаго: le comte Kautajszow... bon homme et bon vivant, dans la poche du quel, quand on vient l'arrêter le lendemain de la mort de son maître, on trouva des lettres (даже) qui dénonçaient la conspiration, le moment de son exécution et les noms des coujurés. Mais le comte Koutajszow n'ouvrit pas les lettres, en disent: A demain les affaires; il les mit dans sa poche sans penser á les lire, pour ne pas interrompre les plaisirs de la soirée et de la nuit (стр. 241; кн. Чарторижскій въ то время находился въ Италіи). По камеръ-фурьерскому журналу, 11 марта послѣ 11 часовъ Павелъ прогуливался по городу верхомъ вмѣстѣ съ гр. Кутайсовымъ, который послѣ того обѣдалъ у Государя, въ небольшомъ обществѣ; но въ спискѣ лицъ, у Государя ужинавшихъ, гр. Кутайсова нѣтъ (Шильдеръ, стр. 425—426), что, можетъ быть, подтверждаетъ послѣднія слова приведенной цитаты кн. Чарторижскаго.

Относительно поведенія гр. Кутайсова въ ночь съ 11 на 12 марта указываются подробности, не говорящія въ его пользу. По Гельбигу, получивъ новое письмо уже о совершившемся фактѣ, гр. Кутайсовъ скрывался сутки ото всѣхъ и его никогда не нашли-бы, если-бы онъ не явился самъ. Послѣднее явный вздоръ, ибо вельможамъ въ положеніи гр. Кутайсова не такъ ужъ просто можно затеряться; но о томъ, что гр. Кутайсовъ нѣсколько часовъ скрывался, есть и другое показаніе (Стединга; см. Schilder, Paul I, стр. 284 [1]), а затѣмъ гр. Паленъ возвратилъ его домой, гдѣ наложены были печати, чтобы забрать его корреспонденцію. Изъ словъ кн. Чарторижскаго (см. выше) тоже можно заключать, что у гр. Кутайсова 12 марта былъ обыскъ.

Нѣкоторыя подробности о поведеніи гр. Кутайсова послѣ катастрофы сообщаются въ находящейся у меня стихотворной обращенной къ нему сатирѣ. Списокъ ея, неособенно исправный, на бумагѣ начала XIX в. и почеркомъ того-же времени, сохранился въ бумагахъ бывшаго черниговскаго губернатора Бутовича и переданъ мнѣ его потомкомъ; сатира-же сочинена вскорѣ послѣ 11 марта и сообщаетъ о поведеніи гр. Кутайсова такія мелочи, какія могъ знать только очень близкій къ дѣлу человѣкъ. Вотъ это стихотвореніе:

Посланіе отъ далекаго къ Кутайсову [2]):

Пришло намъ время разлучиться,
О, графъ надменный и пустой!
Намъ должно скоро удалиться
Отъ мѣстъ, гдѣ жили мы съ тобой,

[1]) Здѣсь-же приведенъ разсказъ Стединга о мѣрахъ, принятыхъ относительно г-жи Шевалье.

[2]) Правописаніе, крайне неправильное, въ печати не сохранено.

Гдѣ купно денегъ мы накрали,
Несчастныхъ, бѣдныхъ разоряли
И мнили только лишь о томъ,
Чтобъ брать намъ златомъ и сребромъ.

Фортуна много намъ служила,
Закрывъ глаза свои платкомъ;
И если-бы не удушила
Виновника параличомъ,
Въ то время ты какъ пробирался,
Метался, рвался и бросался,
То случай вышелъ-бы иной,
Когда-бъ не спасъ тебя Ланской [1]).

Ты сномъ пріятнымъ наслаждался, [2])
Во время какъ пришолъ ударъ,
Въ своихъ покояхъ прохлаждался,
Когда скончался . . . . . .
Но видно, внявъ тому причину,
Чтобъ твоему спастися чину,
Бѣжалъ какъ можно поскорѣй,
Чтобы не заперли дверей.

Пріятныхъ мѣстъ ты удалялся
Въ порткахъ, халатѣ, безъ штановъ,
Чрезъ грязь канала пробирался,
Надѣвши обувь безъ чулковъ;
Летѣвъ, какъ громомъ пораженный,
Какъ звѣрь, собакой уязвленный,
Отъ страху весь ты трепеталъ,
Стремглавъ изъ замку (у)бѣжалъ. [3])

Твоимъ покровомъ одолженный
Я долженъ правду говорить
И, раболѣпства ставъ лишенный,
Тебя нелестно озарить.
Дѣла чтобъ наши не гремѣли,
Заслуги вовсе онѣмѣли,
Нельзя намъ лучше предпринять,
Какъ къ туркамъ въ Африку бѣжать.

Накупимъ бритвъ мы здѣсь поболѣ,
Чтобъ время лучше проводить,
И, если тамъ проживемъ долѣ (болѣ),
То станемъ бороды имъ брить.

---

[1]) Надо думать, Серг. Серг. Ланской, который въ то время былъ камергеромъ.

[2]) Тутъ можно видѣть, пожалуй, намекъ, параллельный разсказу кн. Чарторижскаго.

[3]) Не ночевалъ-ли гр. Кутайсовъ тогда въ замкѣ? можетъ быть у него тамъ было свое особое помѣщеніе.

Тѣжъ благородныя науки
Не сдѣлаютъ намъ вовсе скуки,
Какъ то искусство съ майстерствомъ
Мы къ (о)нымъ въ Африку введемъ.

Тебѣ извѣстно ихъ правленье
И бритвой (грвфъ) можешь ты водить,
И мы введемъ въ обыкновенье,
Чтобы имъ безъ усовъ ходить.
То нашихъ рукъ дѣла достойны
И сердцу милы и покойны,
Чѣмъ играть-бы намъ роль вельможъ.
Хоть ты и графъ, но (право) не похожъ.

Такъ окончилась политическая карьера гр. Кутайсова. Новый Императоръ успокоилъ его опасенія (Schilder, стр. 288); но 19 марта 1801 г. онъ былъ увольненъ отъ службы по прошенію, отобраны были отъ него въ казну и богатыя рыбныя ловли на Волгѣ. Вскорѣ гр. Кутайсовъ уѣхалъ заграницу и жилъ въ Кенигсбергѣ, а затѣмъ (до 1808 г., по Гельбигу) возвратился въ Россію.

Дальнѣйшая біографія гр. И. П. Кутайсова малоизвѣстна. Б. Каменскій говоритъ, что онъ провелъ остатокъ жизни въ Москвѣ, гдѣ вообще тогда доживали вѣкъ наши опальные вельможи; жилъ онъ здѣсь очень богато и открыто, такъ что балы его въ 20-хъ годахъ славились въ Москвѣ [1]). Будучи въ молодыхъ лѣтахъ красивымъ, онъ въ старости сдѣлался тучнымъ, забылъ совершенно турецкій языкъ и дурно изъяснялся на россійскомъ и французскомъ; вѣроятно, къ этому позднѣйшему времени относятся и главныя его заботы о хозяйствѣ и конномъ заводѣ. Б. Каменскій передаетъ еще одинъ фактъ изъ его жизни, но невполнѣ ясно: «Въ добромъ сердцѣ хранилъ неизмѣнно преданность къ Монарху—благодѣтелю своему (конечно, къ Павлу); вывезъ въ 1812 г. изъ Москвы портретъ его». Не нужно-ли это понять такимъ образомъ, что онъ спасъ только портретъ, оставивъ на гибель все остальное свое московское имущество, разумѣется весьма цѣнное?

Скончался гр. И. П. Кутайсовъ въ началѣ 1834 года.

Столь странная, чтобы не сказать болѣе, біографія послѣдняго временщика XVII в. была впослѣдствіи совершенно заслонена почтенною дѣятельностью его сыновей, особенно меньшого гр. А. И. Кутайсова, которому было всего 28 лѣтъ, когда онъ уже въ чинѣ генерала и георгіевскимъ кавалеромъ командовалъ въ 1812 г. артиллеріей 1-й арміи и былъ убитъ

---

[1]) См. Воспоминанія Е. А. Сабанѣевой въ Истор. Вѣстн. 1900 г. № 12 passim., напр., на стр. 827: «Гр. Кутайсовъ умѣлъ веселить Москву». Ср. въ Русск. Арх. 1900 г. № 12 въ письмахъ А. Я. Булгакова отзывы отъ того-же времени о богатствѣ гр. Кутайсова.

подъ Бородинымъ. Жуковскій почтилъ его память въ стихотвореніи «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ» такими сочувственными строфами:

«А ты, Кутайсовъ, вождь младой...
Гдѣ прелести? гдѣ младость?
Увы! онъ видомъ и душой
Прекраснъ былъ, какъ радость;
Во брань-ли грозный выступалъ —
Бросали смерть перуны;
Во струны-ль арфы ударялъ —
Одушевлялись струны...
О горе! вѣрный конь бѣжитъ
Окровавленъ изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ...
И нѣтъ на немъ героя.

И гдѣ-же твой, о витязь, прахъ?
Какою взятъ могилой? [1])
Пойдетъ прекрасная въ слезахъ
Искать, гдѣ пепелъ милый...
Тамъ чище ранняя роса,
Тамъ зелень ароматнѣй,
И сладостнѣй цвѣтовъ краса
И свѣтлый день пріятнѣй;
И тихій духъ твой прилетитъ
Изъ таинственной сѣни;
И трепетъ сердца возвѣститъ
Ей близость дружней тѣни».

Въ послѣдней строфѣ виденъ намекъ, что гр. Кутайсовъ былъ въ то время женихомъ; но какихъ-либо болѣе ясныхъ данныхъ у меня объ этомъ фактѣ нѣтъ.

Старшій сынъ гр. И. П. Кутайсова, гр. П. И. Кутайсовъ менѣе популяренъ, но онъ скончался въ большихъ чинахъ; отъ брака его съ княжною Лопухиной и продолжился родъ гр. Кутайсовыхъ, давшій государству почтенныхъ, вполнѣ русскихъ уже слугъ. Жена гр. И. П. Кутайсова умерла въ 1848 г., пережившъ и обоихъ сыновей; изъ двухъ дочерей — старшая фрейлина Марія (за которую, вѣроятно, сватался кн. Пл. Зубовъ) вышла замужъ за гр. Васильева, меньшая Надежда за кн. А. Ѳ. Голицына, крупнаго дѣятеля времени Императора Николая I.

Въ заключеніе позволю себѣ высказать одно предположеніе, обоснованное, впрочемъ, весьма слабо: Извѣстно, что Императоръ Павелъ въ началѣ царствованія очень неблагосклонно относился къ нашей молодой тогда

[1]) Такъ какъ тѣло гр. Кутайсова не было найдено, то не могло быть похоронено. См. вообще его обстоятельную біографію въ Галлереѣ Зимняго Дворца т. 1.

Одессѣ — преемницѣ Хаджибея, частью изъ-за отрицательнаго отношенія къ почти всѣмъ дѣламъ Екатерины II, частью, можетъ быть, изъ-за нелюбви къ де-Рибасу. Но въ послѣдніе годы неблагосклонность къ Одессѣ уступила мѣсто въ Павлѣ покровительству. Обыкновенно приписываютъ это ловкому поведенію одесситовъ, во время презентовавшихъ Государю апельсины; я полагалъ, что здѣсь сказалось скорѣе вліяніе кн. Гагарина, вѣдавшаго въ то время нашу торговлю и, судя по его письмамъ, оцѣнившаго значеніе Одессы. Но нельзя-ли предположить, что новый городъ пользовался покровительствомъ и гр. Кутайсова, не забывшаго о томъ, что это его родина? Причемъ онъ могъ, по свойству съ кн. Гагаринымъ, обратить его вниманіе на Одессу. Повторяю, что фактовъ для подтвержденія этой гипотезы у меня нѣтъ и она очень слабо обоснована, но несовсѣмъ невѣроятна.

Д ч. *Ал Маркевичъ.*

Одесса
12 ноября 1900 г.

331 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

28-го Ноября 1900 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ *Э. Р. фонъ-Штерна*, при секретарѣ *А. И. Маркевичъ*, дѣйствительные члены: *Л. Ф. Брунъ*, *П. А. Ивановъ*, *А. А. Кочубинскій*, *И. А. Линниченко*, *В. Н. Мочульскій*, *С. А. Селивановъ*, *Е. Н. Щепкинъ* и *Х. П. Ящуржинскій*.

Слушали:

I. Извѣщеніе отъ его высокопревосходительства г. министра народнаго просвѣщенія отъ 10-го іюня с. г. на имя г. президента Общества о томъ, что экземпляръ XXII т. Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей и отчетъ Общества за 1898 годъ представлены г. министромъ Его Императорскому Величеству.

II. Такое-же извѣщеніе отъ г. министра народнаго просвѣщенія отъ 27-го мая с. г. о томъ, что экземпляръ XXII т. Записокъ и отчетъ за 1898 г. представлены Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу и Его Высочество поручилъ г. министру передать Императорскому Одесскому Обществу Исторіи и Древностей благодарность за означенное поднесеніе.

Оба извѣщенія сопровождаются приписками отъ его высокопревосходительства г. президента Общества, что пребываніе его заграницей помѣшало своевременной присылкѣ Обществу этихъ извѣщеній. Получены они 18-го ноября с. г.

Постановили: Занести въ журналъ настоящаго засѣданія.

III. Благодарность отъ Л. П. Колли за избраніе его членомъ-корреспондентомъ Общества и хранителемъ Ѳеодосійскаго музея древностей.

При этомъ г. Колли сообщаетъ, что коллекцію древесныхъ породъ, находившуюся въ музеѣ, онъ передалъ въ географическій кабинетъ Ѳеодосійской мужской гимназіи.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Предложеніе ректора Императорскаго Томскаго университета отъ 4 ноября с. г. о распространеніи свѣдѣній о преміи имени А. М. Сибирякова за историческія сочиненія о Сибири; причемъ приложено нѣсколько экземпляровъ правилъ объ этой преміи.

Постановили: Передать правила желающимъ членамъ Общества въ настоящемъ засѣданіи.

V. Г. хранитель музея предъявилъ предметы древности, поступившіе въ музей за послѣднее время.

Пожертвовано:

Г. вице-президентомъ Общества А. Л. Бертье-Делагардомъ:

2 сосуда въ формѣ женской головы.
1 сосудъ въ формѣ крылатаго эрота, ломающаго стрѣлу.
1 сосудъ въ формѣ лежащей конической фигуры.
1 красноглиняная тарелка.
1 античная лампочка съ рельефнымъ изображеніемъ Одиссея и сиренъ.
1 красноглиняный кубокъ съ бѣлымъ орнаментомъ.
2 стеклянныя чаши.
4 разноцвѣтные стеклянные флакончика.
1 мѣдная эмалированная фибула.
Всѣ предметы изъ Ольвіи.
1 золотая Пантикапейская монета.
1 мѣдная монета изъ Томи.
2 Тирасскія монеты.
10 свинцовыхъ пломбъ изъ Херсонеса.
Всего на 500 рублей.

В. Н. Пироговымъ по завѣщанію супруги его М. А. Пироговой:

14 картинъ (масляными красками) итальянской школы, въ томъ числѣ 13 безъ подписей, 1 — Giulio Cocchini.

1 бронзовая статуя — копія Нарциса изъ Неаполитанскаго музея.

1 мраморный рельефъ — Мадонна, работы прошлаго вѣка, привезенный въ 1814 году казакомъ изъ Парижа.

Нѣсколько книгъ (см. далѣе).

П. А. Маврогордато:

1 медаль съ изображеніемъ Государя Императора и Государыни Императрицы; чеканена въ Парижѣ по поводу пребыванія здѣсь Ихъ Величествъ.

Куплено:

2 амфоры чернофигурныя VI вѣка до Р. Х.

1 амфора мѣстной работы съ краснымъ лиственнымъ орнаментомъ.

1 краснолаковая миска съ рельефными украшеніями.

1 мраморная головка.

1 сосудъ чернолаковый въ формѣ головы свиньи.

1 сосудъ желтоглиняный въ формѣ ежика.

Постановили: Благодарить А. Л. Бертье-Делагарда, В. Н. Пирогова и П. А. Маврогордато, а вещи передать въ музей.

VI. Секретарь Общества предъявилъ портретъ одного изъ учредителей Общества М. М. Кирьякова, полученный отъ дочери его М. М. Крете.

Постановили: Выразить М. М. Крете глубокую признательность Общества, а портретъ М. М. Кирьякова помѣстить въ музеѣ.

VII. Секретарь Общества предъявилъ книги, полученныя Обществомъ въ послѣднее время; причемъ нѣсколько интересныхъ книгъ (см. въ спискѣ №№ 1—3) принесены въ даръ д. ч. В. Н. Пироговымъ согласно распоряженію его супруги М. А. Пироговой (нынѣ покойной).

Списокъ книгъ.

1. Oeuvres de Vergile, tome I—IV. Paris. 1796.

2. Vies des plus illustres Philosophes de l'antiquité, tome I—III. Amsterdam. 1761.

3. V. Duruy. Histoire des Grecs, tome I, II и III. Paris. 1887, 1888, 1889. (Роскошное иллюстрированное изданіе).

4. Варшавскія Университетскія Извѣстія 1900 г., VI. Варшава.

5. Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца. Книга XIV, в. II. Кіевъ. 1900.

6. Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской Дм. Ив. Довгялло, вып. 28-й. Витебскъ. 1900.

7. Fragmente din Istoria Romanilor de Ludoxin Baron de Hurmuzaki. Tomul III. Bucuresti. 1900.

8. Bulletin Historique du Diocèse de Lyon. № 6. Lyon. 1900.

Постановили: Благодарить В. Н. Пирогова (см. выше п. V), а книги передать въ библіотеку Общества.

VIII. Представленіе Совѣта о томъ, что правленіе Зарожанскаго промышленнаго общества отношеніемъ отъ 11 ноября обращаетъ вниманіе Общества на постоянное разрушеніе крѣпости г. Хотина. Совѣтъ предлагаетъ поручить кому-либо изъ членовъ Общества собрать справки о положеніи этой крѣпости и кѣмъ она въ настоящее время вѣдается, о чемъ и доложить Обществу.

Постановили: Поручить выясненіе указываемыхъ Совѣтомъ вопросовъ секретарю Общества.

IX. Докладъ Совѣта о положеніи дѣла о Ѳеодоссійскомъ музеѣ слѣдующаго содержанія:

Въ Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей поступило сообщеніе отъ Ѳеодосійской городской управы отъ 17-го ноября о томъ, что Ѳеодосійская городская дума въ засѣданіи 31-го октября с. г., выслушавъ доложенное отношеніе Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей отъ 28-го декабря 1899 г., за № 604, о переводѣ Ѳеодосійскаго музея древностей изъ нынѣ занимаемаго въ другое болѣе соотвѣтствующее помѣщеніе, а также словесный докладъ г. городскаго головы о возможности временно, впредь до устройства городомъ Пушкинской народной аудиторіи, помѣстить хранящіяся въ музеѣ вещи въ завѣщанной городу И. К. Айвазовскимъ картинной галлереѣ, единогласно постановила: уполномочить городскую управу временно, до постройки аудиторіи, перевести болѣе цѣнныя вещи изъ музея въ картинную галлерею.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ Общества получилъ отъ г. хранителя Ѳеодосійскаго музея Л. П. Колли двѣ докладныя записки съ указаніемъ на крайнія неудобства для музея Общества въ случаѣ осуществленія постановленія Ѳеодосійской городской думы; причемъ г. Колли предлагаетъ сохранить музей въ томъ зданіи, гдѣ онъ и нынѣ находится, принявъ для безопасности его слѣдующія мѣры:

а) замѣнить деревянную дверь музея прочною желѣзною съ надлежащими затворами и замками;

б) устроить электрическій мгновенный проводъ отъ дверей музея въ сторожку;

в) усилить снаружи освѣщеніе зданія;

г) дать сторожу оружіе и патроны;

д) пристроить къ наружной южной стѣнѣ музея новую сторожку, пробить дверь изъ нея въ музей, дабы сторожъ во всякое время дня и ночи могъ войти въ него и затворить изнутри входную дверь.

По полученіи къ 20-му ноября указанныхъ бумагъ Совѣтъ Общества немедленно отправилъ Ѳеодосійской городской управѣ предложеніе пріоста-

новиться съ приведеніемъ въ исполненіе постановленія 31-го октября до обсужденія этого вопроса Императорскимъ Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей, о чемъ увѣдомилъ и г. Колли.

Обсудивъ затѣмъ постановленіе Ѳеодосійской городской думы отъ 31-го октября вмѣстѣ съ записками г. Колли, Совѣтъ нашелъ проэктируемую Ѳеодосійскою городскою думою мѣру невозможною. Уже самое раздѣленіе музея на двѣ части лишитъ его того научнаго значенія, какое онъ имѣетъ въ настоящее время. Затѣмъ, опредѣленіе того, какія вещи должно считать цѣнными въ научномъ отношеніи, является въ достаточной степени совершенно произвольнымъ. Далѣе, перенесеніе какихъ-бы то ни было вещей въ галлерею Айвазовскаго, посѣщаемую значительнымъ количествомъ лицъ одновременно (въ лѣтнее время иногда около 50), потребуетъ усиленнаго обереганія этихъ вещей, и Обществу совершенно неизвѣстно, что городъ предполагаетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи. Потомъ Обществу неизвѣстно, гдѣ будутъ помѣщены другіе яко-бы «менѣе цѣнные» предметы и не будутъ-ли они въ такомъ случаѣ закрыты для публики въ ущербъ научнымъ и др. интересамъ Общества. Наконецъ, Общество не располагаетъ никакими свѣдѣніями о той Пушкинской аудиторіи, которую городъ предполагаетъ устроить: когда она будетъ выстроена, представитъ-ли она собою помѣщеніе, вполнѣ удобное для музея и доступное для его обозрѣванія, какъ будутъ охраняемы предметы, и многое другое. Въ такомъ смыслѣ Совѣтъ и предлагаетъ дать отвѣтъ Ѳеодосійской управѣ, оставляя музей въ настоящемъ его помѣщеніи.

Что-же касается мѣръ, предлагаемыхъ г. Колли, то принятіе четырехъ изъ нихъ (1—4) Совѣтъ считаетъ желательнымъ, причемъ относительно мѣръ 1, 2 и 4 предлагаетъ просить г. Колли представить смѣту необходимыхъ расходовъ; вѣроятно, ихъ можно будетъ покрыть изъ средствъ самого Ѳеодосійскаго музея; относительно принятія третьей мѣры, указываемой г. Колли, слѣдуетъ просить Ѳеодосійскую городскую управу. Принятіе-же пятой, рекомендуемой г. Колли мѣры Совѣтъ считаетъ неудобнымъ, какъ въ пожарномъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ охраны музея.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта.

X. Сообщеніе д. ч. Е. Н. Щепкина: «Паденіе канцлера гр. А. П. Бестужева-Рюмина (по новымъ даннымъ Вѣнскаго и Копенгагенскаго архивовъ)».

Постановили: Напечатать въ XXIII т. Записокъ Общества.

XI. Секретарь Общества доложилъ, что отъ г. Лернера поступила копія съ письма А. Н. Оленина къ гр. А. Ѳ. Ланжерону 1821 г., касающагося издаваемой въ Одессѣ газеты «Messager de la Russie Meridionale»,

съ примѣчаніями г. Лернера. Письмо это желательно напечатать въ приложеніи къ журналу настоящаго засѣданія.

Постановили: Напечатать, согласно заявленію г. секретаря.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письмо А. Н. Оленина къ графу А. Ѳ. Ланжерону.

Милостивый Государь
Графъ Александръ Ѳеодоровичъ.

Узнавъ случайно, что здѣсь, въ С.-Петербургѣ получаютъ издаваемую въ Одессѣ газетту подъ названіемъ: Messager de la Russie Méridionale, ou Feuille Commerciale, которой въ Императорскую Публичную Библіотеку не присылается ни одного экземпляра, я обязанностію моею считаю, по возложенному на меня званію Директора сего Общеполезнаго Книгохранилища, обратиться къ Вашему Сіятельству съ покорнѣйшею просьбою, приказать, кому слѣдуетъ, въ исполненіе § 16 Высочайше утвержденнаго въ 1810 году положенія о управленіи Библіотекою, присылать въ оную помянутой газетты по два экземпляра, доставя при томъ всѣ листы сего изданія напечатанные съ начала онаго до сего времени. Но полагая, что въ Одессѣ кромѣ помянутой газетты можетъ быть печатались, или печатаются и другія книги, я покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, въ такомъ случаѣ вмѣстѣ съ симъ, дать, кому слѣдуетъ, приказаніе ваше, чтобы и таковыхъ книгъ, на основаніи существующихъ узаконеній, доставлено было въ Императорскую Публичную Библіотеку каждой по два экземпляра, въ переплетѣ, какъ обыкновенно доставляются сюда книги изъ прочихъ мѣстъ Имперіи. При семъ случаѣ имѣю честь представить Вашему Сіятельству въ даръ экземпляръ Высочайше утвержденныхъ актовъ, относящихся до новаго образованія Библіотеки, изъ которыхъ Вы, Милостивый Государь, усмотрѣть изволите съ одной стороны отеческую попечительность Государя Императора о доставленіи сему общественному Книгохранилищу всѣхъ произведеній Россійскихъ типографій, а съ другой Высочайшее вниманіе, съ каковымъ приемлются пожертвованія частныхъ людей въ пользу Библіотеки. По симъ уваженіямъ я осмѣливаюсь, къ изъясненной здѣсь просьбѣ присовокупить мое особенное желаніе умножить умственные сокровища Библіотеки собственными произведеніями Вашего Сіятельства, которыя по многимъ отношеніямъ достойны занимать здѣсь мѣсто.

Прося покорнѣйше у Вашего Сіятельства сего пріятнѣйшаго дли Публичной Библіотеки подарка, я остаюсь въ надеждѣ, что Вы, Милостивый Государь, по опытамъ прежней благосклонности вашей къ сему книгохранилищу, не откажете мнѣ и въ сей убѣдительнѣйшей просьбѣ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и таковой же преданности, съ которыми имѣю честь быть

Вашего Сіятельства
Покорнѣйшимъ слугою
Алексѣй Оленинъ.

№ 136-й
С.-Петербургъ
Іюля 13. дня
1821.

Его Сіятельству
Графу А. Ѳ. Ланжерону.

Вверху письма находится помѣта, что получено оно *27-го іюля 1821 года*. Тутъ же приписка: «*пре* (т. е. препроводить) *къ Трегубову для удовлетворенія его желанія*». Письмо приводится точно, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей орѳографіи и стиля.

Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, извѣстный своимъ умомъ и образованностью директоръ Императорской Публичной Библіотеки[1]), другъ Крылова, Гнѣдича, вообще весьма заботился о процвѣтаніи ввѣреннаго ему учрежденія. Газета, о которой идетъ рѣчь, издавалась въ Одессѣ съ 1-го апрѣля 1820 г. до октября 1823. (О ней см. мои статьи: «*Первая одесская газета и ея издатель*» и «*Первая одесская газета*», напечатанныя въ «Вѣдом. Одесск. Градоначальства» 1900 г., №№ 40 и 275). Что касается до упоминаемыхъ Олениномъ сочиненій графа Ланжерона, то, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, писательство было слабостью добродушнаго херсонскаго военнаго губернатора. Интересный анекдотъ, рисующій гр. Ланжерона, какъ писателя, разсказывается въ «*Девятнадцатомъ вѣкѣ*» П. И. Бартенева (Книга вторая, Москва, 1872, стр. 256): «Въ молодости своей Ланжеронъ писалъ трагедіи, какъ и всѣ мало-мальски грамотные люди во Франціи: у французовъ тогда была мода на трагедіи, какъ у насъ въ то же время на торжественныя оды. Въ началѣ французской революціи 1789 года участвовалъ онъ въ журналѣ «Les actes des apôtres», издаваемомъ, разумѣется, въ духѣ монархическомъ и въ защиту королевской власти. Сотрудниками журнала

---

[1]) За его дочь, Анну Алексѣевну, сватался влюбленный въ нее Пушкинъ, но получилъ отказъ.

были очень умные и острые люди, такъ что журналъ часто удачно соперничалъ съ оппозиціонными періодическими изданіями. Въ Одессѣ Ланжеронъ далъ Пушкину трагедіи свои на прочтеніе. Понимается, Пушкинъ ихъ не прочелъ и спустя нѣсколько времени, на вопросъ Ланжерона, которая изъ трагедій болѣе ему нравится, отвѣчалъ ему наугадъ, именуя заглавіе одной изъ нихъ. Въ ней выведенъ былъ республиканецъ».

Получивъ приведенное письмо, Ланжеронъ *29 іюля* приказалъ одесскому градоначальнику тайн. сов. Н. Я. Трегубову позаботиться, чтобы присланы были въ Императорскую Публичную Библіотеку «по два экземпляра Коммерческой Газеты Южнаго Края Россіи, въ Одессѣ издаваемой, съ начала сего изданія и впредь, равно и другихъ книгъ, какія печатались или печатаются въ Одессѣ». Распоряженіе это, посланное Трегубову въ числѣ другихъ распоряженій, онъ долженъ былъ сообщить издателямъ черезъ полиціймейстера; *4 августа* (того же года) Трегубовъ, препроводивъ копію письма Оленина къ одесскому полиціймейстеру Гельмерсену, поручилъ ему исполнить просьбу Оленина.

Письмо А. Н. Оленина и относящіяся до него нѣкоторыя данныя извлечены мною, при разработкѣ исторіи первой одесской газеты, изъ дѣла объ этой газетѣ, хранящагося въ архивѣ канцеляріи Одесскаго Градоначальника. Прямыхъ указаній на то, что просьба А. Н. Оленина была исполнена, я въ дѣлѣ не нашелъ; но нужно полагать, что она была удовлетворена; такимъ образомъ, въ Императорской Публичной Библіотекѣ должны храниться первыя одесскія изданія и среди нихъ, вѣроятно, полный экземпляръ «Messager de la Russie Méridionale», этого старѣйшаго и рѣдчайшаго образчика одесской періодической печати.

Николай Лернеръ.

Одесса
20 ноября 1900 г.

332 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

15-го Декабря 1900 года,

посвященное памяти Высокопреосвященнаго Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго и Таврическаго.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта *Э. Р. фонъ-Штерна*, при секретарѣ *А. И. Маркевичѣ*, дѣйствительные члены: *А. Е. Егоровъ*, *П. А. Ивановъ*, *А. А. Кочубинскій*, *А. А. Павловскій*, *С. В. Петровскій*, *М. Г. Попруженко*, *М. Ѳ. Чемена*, *Е. Н. Щепкинъ*, *Х. П. Яцуржинскій* и членъ-корреспондентъ *В. Н. Никифоровъ*.

Предъ началомъ засѣданія протоіереемъ М. Ѳ. Чеменою совмѣстно съ протоіереемъ В. Н. Никифоровымъ и священникомъ С. В. Петровскимъ отслужена была панихида по высокопреосвященномъ Иннокентіи, архіепископѣ Херсонскомъ и Таврическомъ, въ виду исполнившагося столѣтія со дня его рожденія.

Слушали:

I. Сообщеніе д. ч. С. В. Петровскаго: «Нѣкоторыя исправленія и дополненія къ «Послужному списку Иннокентія, архіепископа Херсоно-Таврическаго», изданному М. П. Погодинымъ».

Постановили: Благодарить С. В. Петровскаго, а сообщеніе его напечатать въ приложеніи къ настоящему журналу.

II. Заявленіе д. ч. М. Ѳ. Чемены слѣдующаго содержанія:

«Въ Одесское Общество Исторіи и Древностей.

Въ память о приснопамятномъ Иннокентіи, архіепископѣ Херсонскомъ и Таврическомъ, имѣю честь представить при семъ перламутромъ укра-

шенную трость [1]) въ Бозѣ почившаго архіепископа, сохранившуюся въ семействѣ протоіерея Николая Соколова, который былъ близокъ къ почившему и по землячеству (Орловской губ.) и по близости къ нему зятя своего, протоіерея Андрея Логиновскаго.

Протоіерей Мартирій Чемена.

15-го декабря 1900 г.»

Постановили: Принести глубокую признательность жертвователю, а трость архіепископа Иннокентія передать для храненія въ музей Общества.

ПРИЛОЖЕНІЕ

Нѣкоторыя исправленія и дополненія къ «Послужному списку Иннокентія, архіепископа Херсоно-Таврической епархіи», изданному Погодинымъ.

Милостивые Государи!

26-го мая 1857 года скончался архіепископъ Херсонскій и Таврическій Иннокентій, бывшій дѣйствительнымъ членомъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Это была тяжелая утрата не для этого только Общества, но и для многихъ русскихъ ученыхъ обществъ, для русской церкви, для духовной науки. Покойный архипастырь представлялъ собою одну изъ самыхъ свѣтлыхъ, самыхъ выдающихся личностей среди образованнаго русскаго общества 40—50 годовъ истекающаго столѣтія и особенно среди отечественной іерархіи. Знаменитый проповѣдникъ — онъ возвесъ русское церковное краснорѣчіе на такую высоту, на какой до него оно никогда не стояло. На всѣхъ поприщахъ службы и общественной дѣятельности, какія ему выпали на долю въ жизни, онъ оставилъ по себѣ слѣдъ человѣка, обладавшаго блестящими и многосторонними дарованіями, энергичнымъ характеромъ, пылкимъ, отзывчивымъ на всѣ вопросы времени, сердцемъ.

Какъ археологъ, преосвященный Иннокентій обращалъ особенное вниманіе на памятники церковной старины, усматривалъ въ нихъ слѣдъ минувшей духовной культуры и церковной жизни и старался всячески, гдѣ могъ, эти памятники поддерживать и обновлять. Свой личный взглядъ на занятія археологіею онъ опредѣляетъ въ письмѣ къ графу Блудову, вице-президенту Императорскаго Археологическаго Общества, слѣдующимъ образомъ: «Хотя мнѣ по самому званію моему издавна предлежитъ къ занятію та Археологія, начало коей скрывается у древа познанія добра и

---

[1]) Трость эта чернаго дерева, отдѣланная перламутромъ, съ серебрянымъ набалдашникомъ была разбита на три части и приведена въ надлежащій видъ М. Ѳ. Чеменою

зла, — та священная Археологія, которая не отыскиваетъ только слѣды первобытнаго образа Божія въ человѣкѣ, а и старается благодатнымъ дѣйствіемъ Креста Христова возстановлять ихъ въ первую лѣпоту и совершенство: но и всѣ прочія древности, къ какому-бы роду ни принадлежали онѣ, никогда не чужды служителя Евангелія, уже по тому самому, что тѣмъ или другимъ образомъ, но всегда напоминаютъ собою о томъ-же самомъ, о чемъ нерѣдко долженъ возвѣщать, т. е. о нынѣшней бренности всего земнаго и о необходимости пакибытія и обновленія. Съ сей точки зрѣнія смотрѣлъ я всегда на изысканія археологическія и съ удовольствіемъ предавался имъ, сколько позволяли время и обстоятельства».

Попытки реставраціи древнихъ храмовъ и монастырей Иннокентій дѣлалъ, будучи еще вологодскимъ епископомъ. Въ харьковской епархіи онъ «поднялъ изъ развалинъ нѣсколько вѣковыхъ обителей». Но наиболѣе выпукло его церковно-археологическая дѣятельность проявилась въ періодъ съ 1848 по 1857 г. Въ эту пору онъ мечталъ «основать въ Крыму свой русскій Аѳонъ, открыть здѣсь самостоятельную митрополію, учредить при Георгіевскомъ монастырѣ академію миссіонеровъ». Въ рѣчи на погребеніи свѣтл. кн. М. С. Воронцова [1]) Иннокентій между прочимъ говорилъ: «горы и долы южной Таврида доселѣ оставались въ ихъ первоначальномъ, дикомъ видѣ. Но вотъ приходитъ областеначальникъ, плѣняется ихъ пустынною красотою, провидитъ, что можно извлечь на пользу общую изъ такой богатой природы, и немедленно самъ становится первымъ дѣлателемъ въ этомъ будущемъ вертоградѣ россійскомъ». Въ извѣстномъ смыслѣ этотъ «дѣлатель» южнаго побережья Крыма, какъ средоточія открытыхъ и возстановленныхъ памятниковъ христіанской древности,—онъ самъ, архіепископъ Иннокентій. Его «одолѣвали археологическіе помыслы»; онъ «хлопоталъ узнать и провѣдать, нѣтъ-ли чего для нашей древнѣйшей церковной исторіи въ патріаршемъ Константинопольскомъ архивѣ; искалъ и кое-что нашелъ для исторіи Крыма» въ монастыряхъ Анатоліи, въ Ватиканѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ. Онъ съ неутомимою ревностью собиралъ свѣдѣнія о разрушенныхъ церквахъ и существовавшихъ нѣкогда во множествѣ по горамъ Тавриды монастыряхъ; отыскивалъ историческія указанія о святыхъ, издавна покоившихся въ Крыму. Иннокентію обязанъ обновленіемъ Успенскій скитъ — древнѣйшее христіанское святилище въ Крыму, которое въ теченіи многихъ вѣковъ хранило чудотворную икону Божіей Матери. На развалинахъ Херсонеса, отведенныхъ въ 1847 г. подъ чумный госпиталь, близь древняго храма, гдѣ по преданію крестился Вел. Князь Владиміръ, Иннокентій устроилъ небольшую церковь, а самыя развалины въ видахъ охраненія, если не реставраціи, выпросилъ у кавказ-

[1]) Иннокентій. Сочиненія т. IV, стр. 220—221. Изд. Вольфа.

скаго намѣстника подъ свой особый надзоръ. Въ Инкерманѣ онъ возстановилъ древній пещерный храмъ, служившій до него загономъ для скота. На рѣкѣ Качѣ реставрировалъ церкви Св. Анастасіи и Св. Безсребренниковъ; въ генуэзской крѣпости на скалахъ Судака также реставрировалъ древній храмъ Предтечи...

Выполненіе широкой программы реставраціи памятниковъ христіанства въ Тавридѣ, которую предначерталъ себѣ преосвященный Иннокентій [1]), остановила война 1853 — 1856 год. Однако конецъ ея былъ для него началомъ новаго живаго дѣла. Опустошенныя церкви и монастыри, раззоренныя святыни привлекали его вниманіе едва-ли не сильнѣе, чѣмъ памятники былыхъ временъ. Весною 1857-го года Иннокентій разъѣзжаетъ по Крыму, указываетъ, гдѣ, что и какъ слѣдуетъ устроить, изучаетъ произведенныя войною потери и утраты, хлопочетъ о средствахъ и т. п. Подъ его непосредственнымъ надзоромъ работа кипѣла; жаль только, что недолго. Случайный недугъ подточилъ силы архіепископа, изнуренныя разнообразными служебными занятіями, тревогами военнаго времени и непомѣрнымъ умственнымъ напряженіемъ. Вернувшись изъ любезнаго ему Крыма въ Одессу, Иннокентій скончался.

Настоящій день для многихъ мѣстъ Россіи справедливо было-бы назвать «Иннокентіевскимъ». Поминки по знаменитомъ Херсоно-Таврическомъ архіепископѣ — своемъ почетномъ членѣ справляютъ разнообразныя ученыя общества Петербурга, Москвы, Харькова, Кіева. Отечественная церковь и единовѣрная съ нею православная Болгарія чтутъ его молитвенными воспоминаніями. Есть попытки привлечь къ чествованію памяти Иннокентія и учащееся поколѣніе.

Конечно, не неумѣстно было-бы въ окружающей обстановкѣ почтить память члена здѣшняго ученаго Общества подробнымъ изложеніемъ и оцѣнкою его дѣятельности вообще, или воспоминаніями, относящимися къ періоду его служенія въ Одессѣ и на Таврическомъ югѣ Россіи. Но не менѣе позволительнымъ и приличнымъ представляется также въ день столѣтняго юбилея отъ рожденія архіепископа Иннокентія обратить ваше просвѣщенное вниманіе, милостивые государи, на нѣкоторые небезъинтересные документы, впервые являющіеся на свѣтъ и имѣющіе цѣнное значеніе для біографовъ знаменитаго Херсонскаго архипастыря.

Документы эти слѣдующіе: во 1-хъ) отношенія къ архіепископу Иннокентію высшихъ и другихъ ученыхъ учрежденій и обществъ, увѣдомляющія его объ избраніи въ дѣйствительные и почетные члены. Таковы:

---

[1]) Записка о возстановленіи древнихъ святыхъ мѣстъ по горамъ Крымскимъ. Иннокентій. Сочиненія т. X, стр. 408—417. Изд. Вольфа.

1) Отношеніе члена и непремѣннаго секретаря Императорской Россійской Академіи наукъ Дмитрія Языкова отъ 4-го февраля 1836 года объ единогласномъ избраніи Академіею архимандрита Иннокентія въ дѣйствительные ея члены (№ 1).

2) Отношеніе президента Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Димитрія Княжевича отъ 12-го апрѣля 1840 г. объ избраніи преосвященнаго Иннокентія Чигиринскаго въ дѣйствительные члены Общества (№ 2).

3) Увѣдомленіе Вологодскаго тюремнаго комитета объ утвержденіи епископа Иннокентія въ званіи вице-президента, отъ 31-мая 1840 г. (№ 4).

4) Отношеніе Кіевскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова къ преосвященному Иннокентію, епископу Харьковскому, отъ 21-го декабря 1843 года объ избраніи его почетнымъ членомъ Высочайше учрежденной комиссіи для разбора древнихъ актовъ, находящихся въ архивахъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской (№ 5).

5) Отношеніе ректора Московской духовной академіи, архимандрита Евсевія, отъ 3-го сентября 1844 года, объ избраніи епископа Иннокентія въ почетные члены академіи (№ 6).

6) Письмо недатированное, но относящееся къ 1849 году, преосвященнаго Иннокентія попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа Мусинъ-Пушкину съ благодарностью за избраніе въ почетные члены Петербургскаго университета (№ 7).

7 и 8) Увѣдомленіе отъ совѣта Императорскаго общества сельскаго хозяйства южной Россіи отъ 28-го декабря 1849 года, объ избраніи архіепископа Иннокентія въ почетные члены общества и отвѣтъ архіепископа вице-президенту общества Г. И. Соколову съ благодарностью, отъ « » февраля 1850 года (№№ 8 и 9).

9 и 10) Письмо предсѣдателя Русскаго географическаго общества Великаго Князя Константина Николаевича архіепископу Иннокентію, отъ 20-го мая 1851 года, объ избраніи его въ почетные члены общества и отвѣтъ архіепископа Великому Князю отъ « » іюня 1851 г (№№ 11 и 15).

11 и 12) Отношеніе Филарета митрополита Кіевскаго отъ 30 іюня 1851 года къ архіепископу Херсонскому Иннокентію, объ избраніи его конференціею Кіевской духовной академіи въ почетные ея члены и отвѣтъ преосвященнаго Иннокентія отъ « » іюля того-же года на это отношеніе (№№ 16 и 17).

13 и 14) Увѣдомленіе графа Д. Н. Блудова отъ 23-го декабря 1851 года, объ избраніи Императорскимъ археологическимъ обществомъ архіепископа Иннокентія въ почетные члены и отвѣтъ преосвященнаго на это увѣдомленіе отъ « » февраля 1852 года (№№ 19 и 20).

15) Секретное увѣдомленіе министра внутреннихъ дѣлъ отъ 10-го марта 1853 года о Высочайшемъ назначеніи архіепископа Иннокентія

членомъ особаго комитета для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о раскольникахъ (№ 21).

16) Отношеніе ректора Московскаго университета Аркадія Альфонскаго отъ 22-го апрѣля 1855 года, объ избраніи архіепископа Иннокентія Московскимъ университетомъ въ почетные его члены (№ 23).

Вторую группу образуютъ документы, свидѣтельствующіе о наградахъ, пожалованныхъ архіепископу Иннокентію за его административные труды и достойное служеніе церкви. Таковы:

17) Указъ святѣйшаго синода отъ 19-го октября 1839 года, изъявляющій признательность ректору Кіевской духовной академіи преосвященному Иннокентію «за отличную ревность и неусыпное попеченіе о благоустройствѣ академіи» (№ 3).

18) Увѣдомленіе министра иностранныхъ дѣлъ королевства греческаго отъ 12-го февраля 1851 г., о пожалованіи архіепископу Иннокентію знаковъ греческаго ордена Спасителя 1-й степени (№ 13).

19) Отношеніе синодальнаго оберъ-прокурора, графа Д. А. Протасова къ Иннокентію Херсонскому отъ 31-го марта 1851 года, о Высочайшемъ соизволеніи на ношеніе имъ знаковъ греческаго ордена Спасителя I-й степени (№ 10).

20 и 21) Письма преосвященнаго Иннокентія къ министру иностранныхъ дѣлъ графу К. В. Нессельроде отъ « » мая 1851 года и къ греческому министру Зографу отъ 31-го мая того-же года, вызванныя сопричисленіемъ архипастыря къ греческому ордену Спасителя (№№ 12 и 14).

Наконецъ къ третьей группѣ я позволю себѣ отнести письма:

22) Архіепископа Иннокентія къ профессору астрономіи Петербургскаго университета А. Н. Савичу, производившему наблюденія надъ солнечнымъ затменіемъ 16-го іюля 1851 года (№ 18).

23) Письмо отъ 24-го мая 1853 года къ высокопреосвященному Иннокентію баронесы Кампенгаузенъ о ея готовности споспѣшествовать дѣлу обращенія въ православіе крымскихъ татарокъ (№ 22).

Значеніе указанныхъ документовъ не одинаково. Документы первой группы, я полагалъ-бы, могутъ служить точнымъ показателемъ хронологическихъ датъ при составленіи послужнаго списка архіепископа Иннокентія. Въ этомъ отношеніи они дополняютъ и исправляютъ такой именно списокъ, входящій въ составъ «Вѣнка на могилу Иннокентія Таврическаго», изданнаго въ 1867 году Погодинымъ. Смыслъ-же подобнаго дополненія и исправленія слишкомъ очевиденъ, чтобы его не замѣчать. Послужной списокъ, какъ стержень, проходитъ чрезъ всякую біографію всякаго административнаго, общественнаго дѣятеля. Слѣдовательно, какъ-бы ни была

біографія обстоятельна, какъ-бы глубоко и всесторонне она ни разсматривала извѣстную личность, — если хронологическія даты въ ней неточны, — научное ея значеніе надо признать сомнительнымъ. Образецъ въ такомъ родѣ представляетъ единственная для памяти Иннокентія крупная монографія — «Иннокентій, архіепископъ Таврическій» Буткевича. Составитель въ датированіи разныхъ служебныхъ назначеній и наградъ архіепископа Иннокентія слѣдуетъ послужному списку Погодина и такимъ образомъ имѣетъ тѣ-же ошибки и недочеты, что и послѣдній.

Отвѣтныя письма архіепископа Иннокентія митрополиту Кіевскому Филарету и попечителю Мусинъ-Пушкину цѣнны и сами по себѣ, какъ все вышедшее изъ-подъ его пера, и какъ личное сужденіе о предпринятыхъ имъ научныхъ трудахъ и изысканіяхъ.

Письма графу Блудову и Великому Князю Константину Николаевичу выясняютъ точку зрѣнія архіепископа Иннокентія на археологію и характеризуютъ его отношеніе къ памятникамъ древности, разсѣяннымъ отчасти въ Херсонской губерніи, главнымъ-же образомъ по Крыму.

Документы второй группы, особенно письма Иннокентія Зографу и гр. Нессельроде, опредѣляютъ его отношенія къ греческой націи и греческой церкви и свидѣтельствуютъ о той прямой пользѣ, какую онъ этой церкви приносилъ.

Наконецъ, документы третьей группы иллюстрируютъ разнообразіе духовно-практическихъ интересовъ архіепископа Иннокентія. Судя по нимъ, его одинаково влекли къ себѣ и «любопытныя свѣдѣнія о слѣдствіяхъ наблюденій» надъ солнечнымъ затмѣніемъ, которыя производились астрономами; и «полезные труды» сельско-хозяйственнаго общества южной Россіи, отъ коихъ архипастырь надѣялся «ожидать весьма важныхъ плодовъ для всего нашего края»; и задачи русской колонизаціи въ Крыму, однимъ изъ средствъ которой онъ признавалъ обращеніе въ православіе татарокъ.

Мы намѣрены коснуться здѣсь только документовъ, устанавливающихъ точныя хронологическія даты въ служебной жизни покойнаго архипастыря, сопоставляя ихъ съ «послужнымъ спискомъ Иннокентія Таврическаго», какой издалъ Погодинъ. Задача наша сводится къ тому, чтобы: a) возможно точно датировать полученіе архіепископомъ Иннокентіемъ тѣхъ почетныхъ званій, какія онъ носилъ и какія въ «спискѣ» Погодина только исчисляются; b) исправить невѣрныя даты Погодинскаго «списка» и c) дополнить «списокъ» Погодина, включивъ въ него, — на основаніи представляемыхъ нами документовъ, — тѣ почетныя званія, о которыхъ въ этомъ спискѣ не упоминается вовсе.

Въ «Вѣнкѣ» Погодина (изд. М. 1867 г., стр. 1) читаемъ: «Святѣйшаго синода членъ, Иннокентій, архіепископъ Херсонской епархіи, —

почетный членъ Императорской Россійской, Московской, С.-Петербургской, Кіевской и Казанской духовныхъ академій, Императорскихъ: Московскаго, С.-Петербургскаго и Харьковскаго университетовъ, Императорскаго общества сельскаго хозяйства южной Россіи, вольнаго экономическаго общества; Императорскихъ: Археологическаго и Русскаго Географическаго обществъ и ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ». Изъ этихъ почетныхъ званій «списокъ» Погодина датируетъ полученіе только послѣдняго. Дата указана на 5 стр.: «19 октября 1841 года». О времени полученія большей части остальныхъ почетныхъ званій сообщаютъ наши документы. Именно: отношеніе ректора Московской духовной академіи (документъ № 6) устанавливаетъ, что званіе почетнаго ея члена преосвященный Иннокентій сталъ носить не ранѣе 3-го сентября 1844 года, такъ какъ по словамъ отношенія, помѣченнаго этимъ числомъ, «Конференція академіи положила избрать въ почетные члены свои» Иннокентія, «столько потрудившагося на пользу духовнаго просвѣщенія и столько прославившаго свое имя произведеніями трудовъ» своихъ, но нуждается въ «согласіи на означенное намѣреніе» со стороны избираемаго. Подобнымъ образомъ документы №№ 16 и 17 показываютъ, что дипломъ на званіе почетнаго члена Кіевской духовной академіи былъ поднесенъ преосвященному Иннокентію не ранѣе 30-го іюня 1851 года. «Конференція академіи, — писалъ отъ этого числа митрополитъ Филаретъ, — въ нарочитомъ собраніи единогласно положила поднести вашему высокопреосвященству дипломъ на званіе почетнаго члена своего. Вслѣдствіе чего... честь имѣю извѣстить васъ объ означенномъ желаніи конференціи...». Увѣдомленіе графа Блудова говоритъ ясно: «Императорское археологическое общество въ засѣданіи 21-го декабря сего (1851) года, признавая всю важность ученыхъ заслугъ отечественному просвѣщенію вашимъ высокопреосвященствомъ оказанныхъ, единогласно избрало васъ въ число своихъ почетныхъ членовъ» (документъ № 19). Точно также отношеніе ректора Московскаго университета Аркадія Альфонскаго отъ 22-го апрѣля 1855 года указываетъ, что избраніе Иннокентія въ почетные члены университета (№ 23) состоялось или въ апрѣлѣ этого года, или немного ранѣе. «Московскій университетъ въ уваженіе государственныхъ и ученыхъ заслугъ» вашихъ «на поприщѣ служенія православной церкви и духовнаго краснорѣчія избралъ васъ своимъ почетнымъ членомъ...». При семъ совѣтъ университета препровождалъ «бронзовую медаль, выбитую въ память столѣтняго юбилея, и по одному экземпляру изданныхъ къ тому времени сочиненій»[1]). Труднѣе вполнѣ точно опредѣлить время полученія архіепископомъ Иннокентіемъ званія почетнаго члена С.-Петербургскаго университета; извѣстно лишь, что это

[1]) Столѣтній юбилей Московскаго университета былъ 12-го января 1855 года.

было въ 1849 году[1]). Письмо Иннокентія къ попечителю Петербургскаго округа Мусинъ-Пушкину (документъ № 7) не датировано, но изъ него видно, что архіепископъ принялъ отъ «университетскаго почтеннаго сословія званіе почетнаго члена» и это званіе «принесло ему не мало утѣшенія душевнаго, какъ признакъ и доказательство общаго нашего (хотя на разныхъ путяхъ и при разныхъ средствахъ) стремленія къ единой и той-же великой цѣли истиннаго просвѣщенія — образовать достойныхъ членовъ для церкви и отечества по живоносному духу евангелія, а не по мертвымъ началамъ стихійной мудрости.».

Гораздо ранѣе Московскаго и Петербургскаго университетовъ поднесли Иннокентію званіе почетнаго своего члена университеты Кіевскій и Харьковскій. Въ рукописномъ формулярѣ преосвященнаго за 1838/39 г., покрытомъ его собственноручными поправками и помѣтками, — который мы имѣли случай просматривать, — это званіе упоминается, какъ уже тогда ему принадлежащее.

Избраніе Иннокентія въ почетные члены Императорскаго общества сельскаго хозяйства южной Россіи состоялось въ засѣданіи 12-го декабря 1849 года. Вице-президентъ общества Григорій Соколовъ, увѣдомляя объ этомъ архіепископа, писалъ 28-го декабря, что «Общество возлагаетъ надежду на благосклонное содѣйствіе» преосвященнаго «въ трудахъ сословія, которое уже болѣе 20-ти лѣтъ заботится о возможномъ усовершенствованіи въ Новороссійскомъ краѣ сельскаго хозяйства на прочныхъ и разумныхъ началахъ». Иннокентій, какъ видно изъ документа № 9, не только высказалъ согласіе на это избраніе, не только обѣщалъ содѣйствовать обществу всегда и всѣми зависѣвшими отъ него средствами, но и оттѣнилъ важное практическое значеніе дѣятельности общества. «Прошу увѣрить господъ сочленовъ», отвѣчалъ онъ въ февралѣ 1850 года вице-президенту Соколову, «и въ моемъ давнемъ и постоянномъ уваженіи къ ихъ общеполезнымъ трудамъ, отъ коихъ со всею основательностію можно ожидать весьма важныхъ плодовъ для всего нашего края, видимо нуждающагося въ дальнѣйшемъ развитіи сельскаго хозяйства и разнаго рода промышленности... Питаю себя надеждою, что почтенное общество не откажетъ въ дружелюбномъ содѣйствіи намъ, кои... должны трудиться надъ образованіемъ будущихъ пастырей церкви и по части сельскаго хозяйства, дабы чрезъ нихъ распространять общеполезныя свѣдѣнія въ самыхъ низшихъ классахъ народа».

Наконецъ, Императорское русское географическое общество избрало архіепископа Иннокентія въ свои почетные члены, по предложенію Великаго Князя Константина Николаевича, въ маѣ 1851 года. Великій Князь

[1]) В. В. Григорьевъ. Исторія С.-Петербургскаго университета, Прилож. стр. VII.

въ письмѣ преосвященному по этому поводу выражается: «Мнѣ особенно пріятно выразить вамъ, при этомъ случаѣ, душевную признательность мою за утѣшенія, которыя я всегда находилъ при неоднократномъ чтеніи вашихъ твореній» (документъ № 11). Отвѣтъ архіепископа Великому Князю (документъ № 15) въ той его части, которая имѣетъ отношеніе къ принятію званія почетнаго члена географическаго общества, живо напоминаетъ аналогичный отвѣтъ его графу Д. Н. Блудову, вице-президенту археологическаго общества (документъ № 20). «Я всегда и вполнѣ готовъ къ услугамъ географическаго общества», писалъ онъ Великому Князю, «и съ удовольствіемъ приму всякое возможное для меня порученіе, особенно касательно края нашего, который, при всѣхъ разнообразныхъ описаніяхъ его, еще такъ много заключаетъ въ себѣ неописаннаго и неразслѣдованнаго. Недавно составленный мною здѣсь духовно-ученый комитетъ, для описанія здѣшней епархіи, будетъ для меня въ семъ случаѣ постояннымъ и благонадежнымъ помощникомъ». Полгода спустя Иннокентій высказывался графу Блудову о своемъ отношеніи къ памятникамъ древности, разсѣяннымъ по Новороссіи и Крыму, болѣе рѣшительно. «Настоящій край... не могъ ослабить во мнѣ охоты къ изслѣдованію древностей, потому что самъ весь покрытъ всякаго рода развалинами... Занятія дѣлами новой разнообразной и обширной епархіи не позволили мнѣ доселѣ предаться вполнѣ отчетливому собесѣдованію съ мѣстною стариною: но неоднократныя посѣщенія всѣхъ классическихъ въ семъ отношеніи мѣстъ ея уже довольно ознакомили меня съ нею...»

Обращаясь къ хронологическимъ датамъ, которыя содержитъ «послужной списокъ архіепископа Иннокентія», напечатанный въ «Вѣнкѣ» Погодина, и сопоставляя ихъ съ датами нашихъ документовъ, мы находимъ, что Погодинскій «списокъ» нуждается въ нѣкоторыхъ поправкахъ.

Начнемъ съ наиболѣе очевидной ошибки (если только это не опечатка). «Вѣнокъ», стр. 1-я: «Иннокентій, архіепископъ Херсонской епархіи... 59 лѣтъ». Стр. 7-я: «скончался 1857 года мая 26». — Сегодня вся Россія, почитающая Иннокентія, вспоминаетъ столѣтіе со дня его рожденія. Слѣдовательно, онъ родился 15-го декабря 1800 года и ему въ годъ смерти было не 59, а 56 лѣтъ.

«Вѣнокъ» стр. 5, строки 6—9: «за отличное по всѣмъ частямъ благоустройство Кіевской академіи, найденное ревизовавшимъ ее преосвященнымъ митрополитомъ Кіевскимъ, изъявлена епископу Иннокентію признательность святѣйшаго синода, апрѣля 12-го, 1839 года». Въ дѣйствительности эта признательность «за отличную ревность и неусыпное попеченіе о благоустройствѣ Кіевской академіи» была выражена епископу Иннокентію не 12-го апрѣля, а 19-го октября 1839 года. Этою именно датою помѣченъ указъ митрополиту Кіевскому Филарету, свидѣтельствующій о благо-

дарности синода за ревизію академіи ему — митрополиту, о признательности Иннокентію и о благословеніи Синода профессорамъ — инспектору, архимандриту Димитрію (впослѣдствіи архіепископъ Херсонскій) и протоіерею Іоанну Скворцову (документъ № 3).

«Вѣнокъ» стран. 5, стр. 13—14: «Высочайше утвержденъ вице-президентомъ Вологодскаго тюремнаго комитета съ управленіемъ дѣлами онаго, мая 31, 1840 года». — 31-мъ мая помѣчено, однако, увѣдомленіе о Высочайшемъ утвержденіи епископа Иннокентія въ званіи вице-президента; увѣдомленіе это подписалъ С. Волховскій. Высочайшее-же утвержденіе послѣдовало 12-го апрѣля 1840 года, по всеподданнѣйшему докладу графа Бенкендорфа (документъ № 3).

Нѣкоторое сомнѣніе возбуждаетъ также статья Погодинскаго «списка» — «получилъ Всемилостивѣйшее соизволѐніе на ношеніе ордена греческаго королевства Спасителя I-й степени, 1851 года, марта 29» («Вѣнокъ» стран. 6, стр. 12—14). — Дѣло въ томъ, что сообщеніе о Высочайшемъ соизволеніи на ношеніе архіепископомъ Иннокентіемъ ордена Спасителя, подписанное оберъ-прокуроромъ графомъ Протасовымъ, датировано 31-мъ марта 1851 года. Впрочемъ, документъ не устанавливаетъ точно, когда именно состоялся Всеподданнѣйшій докладъ оберъ-прокурора, а слѣдовательно и Высочайшее соизволеніе; равнымъ образомъ не упоминаютъ объ этомъ и письма преосвященнаго Иннокентія греческому министру Зографу и министру иностранныхъ дѣлъ графу Нессельроде. Вообще документы, относящіеся къ награжденію преосвященнаго Иннокентія греческимъ орденомъ Спасителя, болѣе интересны и цѣнны въ томъ смыслѣ, что содержатъ въ себѣ его сужденія о Греціи и грекахъ и опредѣляютъ его дѣятельность на пользу греческой церкви (документы №№ 10, 12, 13 и 14). «Кто изъ русскихъ», пишетъ Иннокентій графу Нессельроде, «глубоко не сочувствовалъ и доселѣ не сочувствуетъ политическому возрожденію того народа, который вложилъ нѣкогда отъ себя такую богатую долю въ сокровищницу всемірнаго образованія, оставилъ для потомства столько образцовъ изящнаго, а для нашего отечества послужилъ, можно сказать, воспріемникомъ отъ купели святаго крещенія? Тѣмъ паче мнѣ, и по давнему литературному знакомству моему съ великими мужами древней Греціи, и по настоящему сосѣдству моему съ Востокомъ, и по свойству самаго служенія моего въ качествѣ пастыря церкви Херсонской, къ составу коей принадлежитъ столько всякаго рода еллиновъ, не простительно было-бы оставаться равнодушнымъ слышателемъ и даже зрителемъ разныхъ духовныхъ нуждъ народа греческаго». Свое сочувствіе къ народу, «который въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ служилъ примѣромъ всѣмъ другимъ и который на нашихъ глазахъ вызвалъ всеобщій восторгъ героическимъ самоотверженіемъ, возвратившимъ ему національныя свободу и возрожденіе», — свое сочувствіе къ

Греціи архіепископъ Иннокентій выражалъ крупными «денежными пожертвованіями въ пользу греческихъ церквей и распространеніемъ (по Греціи) своихъ сочиненій, переведенныхъ на греческій языкъ».

Послѣднее замѣчаніе въ данномъ направленіи касается Погодинской даты, которая указываетъ полученіе преосвященнымъ Иннокентіемъ почетнаго званія ординарнаго академика Императорской академіи наукъ. Дата эта — «19 октября 1841 года» — въ сущности точная. До 1841 года существовали рядомъ, какъ два самостоятельныхъ высшихъ учрежденія, Россійская академія, основанная Екатериною II и Академія наукъ, основанная Петромъ I. 10-го апрѣля 1841 года скончался послѣдній президентъ Россійской академіи Шишковъ. На докладѣ министра Уварова объ этой утратѣ Императоръ Николай написалъ: «Представьте мнѣ проэктъ соединенія Россійской академіи съ Академіею наукъ»; а 19-го октября того-же года послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ о присоединеніи Россійской академіи къ Академіи наукъ въ видѣ ея II-го отдѣленія. Тогда-же было утверждено Государемъ и положеніе объ этомъ отдѣленіи и изъ 60 членовъ бывшей Россійской академіи 20 были переименованы въ ординарные академики, а остальные получили званіе почетныхъ членовъ [1]). Въ числѣ первыхъ былъ и преосвященный Иннокентій. Такимъ образомъ дата, указанная «спискомъ» Погодина, дѣйствительно точная. Но изъ этой даты вовсе не видно, съ какого времени Иннокентій сталъ имѣть отношеніе къ Россійской академіи. Пробѣлъ этотъ дополняется однимъ изъ нашихъ документовъ. По увѣдомленію непремѣннаго секретаря Россійской академіи Дмитрія Языкова, отъ 4-го февраля 1836 года, академія въ этомъ еще году «единогласно избрала архимандрита Иннокентія въ свои дѣйствительные члены, въ виду его сочиненій, исполненныхъ чистѣйшей христіанской нравственности и глубокаго знанія отечественнаго языка» (документъ № 1). 19-е октября 1841 года измѣнило слѣдовательно только почетное званіе, какое въ дѣйствительности принадлежало Иннокентію съ 1836 года.

Третья и послѣдняя наша цѣль — дополнить «послужной списокъ архіепископа Иннокентія», изданный Погодинымъ, включивъ въ него, на основаніи представляемыхъ нами документовъ, тѣ почетныя званія, которыя Иннокентій несомнѣнно носилъ и которыя Погодинскій «списокъ» обходитъ молчаніемъ.

Къ такимъ званіямъ мы относимъ:

Во 1-хъ, званіе «почетнаго члена Датскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ», которое упоминается въ рукописномъ формулярномъ спискѣ архіепископа Иннокентія за 1838/39 годъ.

---

[1]) Гротъ. Т. III. Очерки изъ исторіи русской литературы, стр. 456—457. Спб. 1901 г.

Во 2-хъ, званіе дѣйствительнаго члена Одесскаго общества исторіи и древностей. Избранъ въ дѣйствительные члены нашего общества епископъ Иннокентій 14-го марта 1840 года (документъ № 2).

Въ 3-хъ, званіе почетнаго члена Высочайше учрежденной въ Кіевѣ временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ, находящихся въ архивахъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской. Прося епископа Иннокентія принять на себя это званіе, Кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ писалъ 21-го декабря 1843 года: «вполнѣ надѣюсь, что ваше высокопреосвященство не изволите отказать комиссіи въ вашемъ просвѣщенномъ, любознательномъ... руководствѣ въ историческихъ трудахъ и изслѣдованіяхъ, столько васъ и съ такою пользою занимавшихъ во время всегда памятной для насъ бытности вашей въ Кіевѣ... Важность и польза предстоящихъ комиссіи занятій вамъ безъ сомнѣнія извѣстна. Здѣшній край впервые озарилъ Русь Божественнымъ свѣтомъ христіанства, — здѣсь возникло и распространилось наше святое православіе, здѣсь явилась нѣкогда страшная насильственная унія и лилась кровь защитниковъ вѣры и русскаго достоянія» (документъ № 5).

Наконецъ, въ 4-хъ, званіе члена составленнаго по Высочайшему повелѣнію особаго комитета для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о раскольникахъ. Увѣдомленіе министра внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибикова объ этомъ назначеніи архіепископа Иннокентія датировано 10-го марта 1853 года (документъ № 21).

Предлагая эти дополненія къ «послужному списку архіепископа Иннокентія», изданному Погодинымъ, мы не думаемъ, чтобы данныя, въ нихъ содержащіяся, были менѣе важны, чѣмъ иныя данныя, сообщаемыя Погодинскимъ «спискомъ». Вѣдь есть-же въ этомъ спискѣ статья, которая гласитъ: «за пожертвованіе въ Бериславскій госпиталь 2-хъ пуд. сахару и 4-хъ фунт. чаю въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ объявлена архіепископу Иннокентію Монаршая благодарность» («Вѣнокъ» стран. 7, стр. 14—17). Чѣмъ малоцѣннѣе этой подробности документъ, который говоритъ напр., что преосвященный Иннокентій былъ избранъ Высочайшею волею участвовать въ трудахъ особаго комитета, организованнаго для пересмотра законоположеній о раскольникахъ и работалъ въ этомъ направленіи совмѣстно съ графомъ Блудовымъ, оберъ-прокуроромъ синода и министромъ внутреннихъ дѣлъ?

Свое сообщеніе позволимъ себѣ окончить выраженіемъ глубокой благодарности и живѣйшей признательности лицу, которое дало намъ возможность ознакомиться съ вышеуказанными документами и предложить ихъ вашему, милостивые государи, вниманію.

Д. ч. священникъ *С. Петровскій.*

1900 г. декабря 15-го.
Одесса.

№ 1.

Высокопреподобный Отецъ,
Милостивый Государь!

Императорская Россійская Академія, обративъ свое вниманіе на сочиненія Вашего Высокопреподобія, исполненныя чистѣйшей христіанской нравственности, и вмѣстѣ съ тѣмъ показывающія глубокое знаніе отечественнаго языка, избрала Васъ единогласно въ свои дѣйствительные члены и возложила на меня препроводить къ Вамъ дипломъ и экземпляръ своего устава.

Исполняя симъ столь пріятное для меня порученіе, и поручая себя святымъ молитвамъ Вашимъ, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью

Вашего Высокопреподобія
покорнѣйшій слуга
Дмитрій Языковъ
Членъ и непремѣнный Секретарь Академіи.

С.-Петербургъ.
№ 17.
4 Февраля 1836 года.
Его Высокопреподобію
Иннокентію, архиманд.
и ректору Кіевской духовной академіи.

№ 2.

Одесское Общество Исторіи и Древностей.
12 апрѣля 1840 г.
№ 21.

Его Преосвященству, Иннокентію Епископу Чигиринскому, Викарію Кіевской Митрополіи.

Одесское Общество Исторіи и древностей, исполненное уваженія къ заслугамъ Вашего Преосвященства на поприщѣ отечественнаго просвѣщенія, въ засѣданіи 14 марта с. г., на основаніи предложенія Почетнаго Президента Графа Михаила Семеновича Воронцова, Президента Княжевича и Дѣйствительнаго Члена Николая Ивановича Надеждина, единогласно избрало Васъ, Милостивый Архипастырь, въ свои Дѣйствительные члены.

Увѣдомляя о семъ Ваше Преосвященство, Общество льститъ себя пріятною надеждою, что Вы не откажетесь принять участіе и въ трудахъ его для достиженія цѣли, изложенной въ прилагаемомъ при семъ уставѣ.

Что касается до диплома на званіе Дѣйствительнаго члена, то оный доставленъ будетъ Вашему Преосвященству въ непродолжительномъ времени.

Президентъ *Дм. Княжевичъ.*

Секретарь *Н. Мурзакевичъ.*

№ 3.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода Синодальному Члену, Преосвященному Филарету, Митрополиту Кіевскому и Галицкому и проч.

По Указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Графа Н. А. Протасова, съ изъясненіемъ отзыва къ нему Вашего Преосвященства о обозрѣніи Вами Кіевской Дух. Академіи по всѣмъ частямъ ея управленія въ слѣдствіе сдѣланнаго Вашему Преосвященству, по опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 5-го прошедшаго мая о томъ порученія. Приказали: 1) Донесеніе Вашего Преосвященства о произведенномъ обозрѣніи Кіевской Духовной Академіи, въ которой Вами найдено полное благоустройство по всѣмъ частямъ ея управленія, принять къ свѣденію, а Вашему Преосвященству, за исполненіе возложеннаго на Васъ порученія, засвидѣтельствовать благодарность Святѣйшаго Синода. 2) По засвидѣтельствованію Вашего Преосвященства объ отличной ревности и неусыпномъ попеченіи о благоустройствѣ Академіи бывшаго Ректора оной, Преосвященнаго Иннокентія, также о благоуспѣшномъ преподаваніи профессорами Академіи, Инспекторомъ архимандритомъ Димитріемъ и протоіереемъ Іоанномъ Скворцовымъ, возложенныхъ на нихъ предметовъ ученія, объявить отъ Святѣйшаго Синода — первому признательность, а двумъ послѣднимъ благословеніе. О чемъ и послать къ Вашему Преосвященству указъ. Октября 19-го дня 1839 года. № 14004.

На указѣ семъ резолюція Его Высокопреосвященства:

«№ 2370. Полученъ 31 Окт. 1839 г. Къ Преосвященному Викарію и въ Академическое Правленіе препроводить копіи для надлежащаго объявленія».

№ 4.

Вологодскій губернскій
Комитетъ о тюрьмахъ.
31 мая, 1840 г.
№ 229.

Преосвященнѣйшій Владыко,
Милостивый Архипастырь!

Г. Предсѣдатель Высочайше учрежденнаго Общества попечительнаго о тюрьмахъ, Графъ Бенкендорфъ отъ 13-го минувшаго апрѣля увѣдомилъ здѣшній тюремный Комитетъ, что Государь Императоръ по Всеподданнѣйшему его докладу въ 12-ый день того-же апрѣля Высочайше соизволилъ утвердить Ваше Преосвященство на мѣсто предмѣстника Вашего, бывшаго предсѣдательствующаго Вице-президента Вологодскаго губернскаго попечительнаго Комитета о тюрьмахъ, въ таковомъ-же званіи Вице-президента сего Комитета.

О таковой Высочайшей волѣ долгомъ поставляю увѣдомить Ваше Преосвященство, предоставляя Вамъ, милостивый Архипастырь, какъ старшему Вице-Президенту Вологодскаго тюремнаго Комитета, назначить засѣданіе онаго, для выслушанія означеннаго предписанія Господина Предсѣдателя и дальнѣйшаго по оному распоряженія.

Съ совершеннымъ почтеніемъ etc.
покорнѣйшій слуга *Степанъ Волховскій*.

Его Преосвященству
Иннокентію Епископу Вологодскому.

№ 5.

«Заготовить отвѣтъ съ благодарностію за честь
и съ обѣщаніемъ быть полезнымъ, чѣмъ могу».
Дек. 28, 1843.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Милостивый Архипастырь!

Государь Императоръ, въ особенномъ вниманіи Своемъ къ историческому положенію Кіевской, Подольской и Волынской губерній, Всемилостивѣйше соизволилъ учредить въ Кіевѣ, при мнѣ, временную Комиссію для разбора древнихъ актовъ, находящихся въ разныхъ архивахъ сихъ губерній.

Комиссія эта открыла уже свои дѣйствія, но для успѣшнѣйшаго исполненія Монаршей воли ей необходимо имѣть Почетныхъ Членовъ и содѣйствіе ихъ.

Вашему Высокопреосвященству, безъ сомнѣнія, извѣстна важность и польза предстоящихъ комиссіи занятій. Здѣшній край впервые озарилъ Русь Божественнымъ свѣтомъ христіанства, здѣсь возникло и распространилось наше святое Православіе, здѣсь явилась нѣкогда страшная насильственная унія и лилась кровь защитниковъ вѣры и русскаго достоянія,— пока вновь хоругвь Православной вѣры не осѣнила древнихъ сыновъ своихъ, соединенныхъ вмѣстѣ подъ царственною Державою нашихъ Государей и Россіи.

Вполнѣ надѣясь, что Ваше Высокопреосвященство не изволите отказать Комиссіи въ Вашемъ просвѣщенномъ, любознательномъ, Архипастырскомъ руководствѣ въ историческихъ трудахъ и изслѣдованіяхъ, столько Васъ и съ такою пользою занимавшихъ во время всегда памятной для насъ бытности Вашей въ Кіевѣ, — имѣю честь всепокорнѣйше просить удостоить принять на себя званіе Почетнаго Члена Комиссіи и вмѣстѣ съ тѣмъ поручая себя Вашимъ Архипастырскимъ молитвамъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и неограниченною преданностью честь имѣю быть,

Вашего Высокопреосвященства
всепокорнѣйшій и преданнѣйшій слуга
Дмитрій Бибиковъ

№ 6748
21 декабря 1843 г.
Е. В — ству
Иннокентію Еп. Харьковскому.

№ 6.

«Заготовить отвѣтъ съ согласіемъ».
Сент. 21, 1844.

Преосвященнѣйшій Владыко,
Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Конференція Московской Духовной Академіи, желая поощрить дѣятельность своихъ сотрудниковъ, съ согласія В — аго Филарета, Митрополита Московскаго, положила: избрать въ Почетные Члены свои Ваше Преосвященство, какъ Архипастыря столько потрудившагося на пользу духовнаго просвѣщенія и столько прославившаго свое имя произведеніями трудовъ Вашихъ, и поручила мнѣ просить Вашего, Милостивѣйшій Архипастырь,

соизволенія на сіе избраніе, дабы потомъ можно было представить о семъ Высшему Духовно-училищному Начальству.

Исполняя сіе пріятное порученіе, отъ лица Конференціи покорнѣйше прошу Васъ, Милостивѣйшій Архипастырь, — благоволите изъявить Ваше Архипастырское согласіе на означенное намѣреніе Конференціи и тѣмъ доставить ему (ей) лестную честь видѣть въ числѣ членовъ своихъ и незабвенное въ исторіи Церкви Россійской имя Вашего Преосвященства.

Съ истиннымъ высокопочтеніемъ etc.
Московской Д. Академіи Ректоръ, Архимандритъ *Евсевій*.

№ 84.
Сентября 3 дня 1844 г.
Его Преосвященству
Иннокентію Епископу Харьковскому etc.

№ 7.

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!

На почтеннѣйшее отношеніе Ваше отъ 3-го числа настоящаго мѣсяца честь имѣю увѣдомить Васъ, что изложенное въ ономъ желаніе Совѣта Императорскаго Санктпетербургскаго Университета имѣть меня въ числѣ Почетныхъ Членовъ сего Университета принесло мнѣ не мало утѣшенія душевнаго, какъ признакъ и доказательство общаго нашего (хотя на разныхъ путяхъ и при разныхъ средствахъ) стремленія къ единой и той-же великой цѣли истиннаго просвѣщенія — образовать достойныхъ членовъ для Церкви и Отечества по живоносному духу Евангелія, а не по мертвымъ началамъ стихійной мудрости.

Прошу покорнѣйше увѣрить почтенное Сословіе Университетское, что я принимая на себя званіе Члена его, почитаю пріятнѣйшею обязанностію содѣйствовать, чѣмъ только возмогу, всѣмъ благимъ видамъ его на пользу наукъ и воспитанія юношества.

За симъ призывая на Васъ и ввѣренный Вамъ Университетъ благословеніе Божіе, съ чувствомъ душевнаго уваженія и преданности честь имѣю быть etc.

(*Иннокентій Архіепископъ Херсонскій*).

Его Превосходительству
Г. Попечителю С.-Петерб. Учебнаго Округа
Тайному Совѣтнику Мусину-Пушкину.

№ 8.

Совѣтъ Императорскаго
Общества сельскаго хозяйства
Южной Россіи.
28 декабря 1849 г.
№ 529.

Иннокентію Архіепископу Херсонскому.

Императорское Общество сельскаго хозяйства южной Россіи въ засѣданіи 12-го декабря 1849 года, по предложенію своего Вице-Президента и дѣйствительнаго члена барона Местмахера, опредѣлило единогласно просить Ваше Пр — во принять званіе Почетнаго члена Общества.

Совѣтъ Общества...., имѣетъ честь доложить Вамъ, что общество возлагаетъ надежду на Ваше благосклонное содѣйствіе въ трудахъ сословія, которое уже болѣе 20 лѣтъ заботится о возможномъ усовершенствованіи въ Новороссійскомъ краѣ сельскаго хозяйства на прочныхъ и разумныхъ началахъ. Общество обрѣтетъ новыя силы къ продолженію своей дѣятельности въ архипастырскомъ благословеніи Вашего Высокопр — ва.

Вице-Президентъ *Григорій Соколовъ.*

№ 9.

(Иннокентій — Григорію Соколову).

Милостивый Государь
Григорій Ивановичъ!

Получивъ увѣдомленіе Ваше о избраніи меня Императорскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства Южной Россіи въ почетные члены и вмѣстѣ съ тѣмъ его дипломъ на сіе званіе, пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю принести чрезъ Васъ, м. г., всему почтеннѣйшему Обществу искреннюю и полную благодарность за благосклонную память обо мнѣ и въ моемъ продолжительномъ отсутствіи. Покорнѣйше прошу Васъ увѣрить г.г. сочленовъ въ моемъ давнемъ и постоянномъ уваженіи къ ихъ общеполезнымъ трудамъ, отъ коихъ со всею основательностію можно ожидать весьма важныхъ плодовъ для всего нашего края, видимо нуждающагося въ дальнѣйшемъ развитіи сельскаго хозяйства и разнаго рода промышленности. Если бы при какомъ-либо предпріятіи Общества оказалось нужнымъ и мое участіе; то при первомъ извѣщеніи о томъ, я всегда готовъ буду содѣйствовать тому всѣми, зависящими отъ меня средствами. Равномѣрно питаю себя надеждою, что и почтенное Общество не откажетъ въ дружелюбномъ содѣйствіи намъ, кои по волѣ Августѣйшаго Монарха, должны трудиться

надъ образованіемъ будущихъ пастырей Церкви и по части сельскаго хозяйства, дабы чрезъ нихъ распространять общеполезныя свѣдѣнія въ самыхъ низшихъ классахъ народа.

Призывая на Васъ etc.

Февраля 1850 г.

№ 10.

В. П. И.
Канцелярія Оберъ-Прокурора
Святѣйшаго Синода.
СП. Марта 31, 1851.
№ 2276.

Преосвященнѣйшій Владыко,
Милостивый Государь и Архипастырь!

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу моему Всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить Вашему Преосвященству носить пожалованные Вамъ Его Величествомъ Королемъ Греціи знаки Греческаго ордена Спасителя 1-ой степени, въ воздаяніе денежныхъ пожертвованій сдѣланныхъ Вами въ пользу Греческихъ церквей и за назидательныя Ваши сочиненія переведенныя на Греческій языкъ.

Имѣю честь сообщить о семъ Вашему Преосвященству и, препровождая доставленные Г. Управляющимъ Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ знаки упомянутаго ордена,... покорнѣйше прошу о полученіи оныхъ не оставить меня увѣдомленіемъ.

Вашего Преосвященства
покорнѣйшій слуга *Графъ Протасовъ.*

Его Преосвященству
Иннокентію Архіепископу Херсонскому.

№ 11.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко
и Архипастырь!

Состоящее подъ Моимъ предсѣдательствомъ Императорское Русское Географическое Общество избрало Ваше Высокопреосвященство, по Моему предложенію въ свои Почетные Члены.

Вмѣняя себѣ въ особенное удовольствіе увѣдомить Васъ объ этомъ избраніи, Я прошу Ваше Высокопреосвященство принять препровождаемый при семъ дипломъ, какъ доказательство Моего искренняго къ Вамъ ува-

жéній. Мнѣ особенно пріятно выразить Вамъ, при этомъ случаѣ, душевную признательность Мою за утѣшенія, которыя Я всегда находилъ при неоднократномъ чтеніи Вашихъ твореній.

Поручая себя Архипастырскимъ молитвамъ вашимъ, пребываю къ Вамъ навсегда неизмѣнно доброжелательнымъ

Константинъ.

20 Мая 1851 года.

№ 12.

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!

Благоволите принять усерднѣйшую благодарность за столь-же радушное, какъ и неожиданное привѣтствіе Ваше съ назначеніемъ для меня отъ Его Величества, Короля Греціи, ордена Спасителя. Кто изъ русскихъ глубоко не сочувствовалъ и доселѣ не сочувствуетъ политическому возрожденію того народа, который вложилъ нѣкогда отъ себя такую богатую долю въ сокровищницу всемірнаго образованія, оставилъ для потомства столько образцовъ изящнаго, а для нашего отечества послужилъ, можно сказать, воспріемникомъ отъ купели святаго крещенія? — Тѣмъ паче мнѣ и по давнему литературному знакомству моему съ великими мужами древней Греціи, и по настоящему сосѣдству моему съ Востокомъ, и по свойству самаго служенія моего въ качествѣ пастыря церкви Херсонской, къ составу коей принадлежитъ столько всякаго рода Еллиновъ, не простительно было-бы оставаться равнодушнымъ слышателемъ разныхъ духовныхъ нуждъ народа Греческаго. Между тѣмъ справедливость вынуждаетъ сказать, что многократныя странствованія мои съ юга на сѣверъ такъ мало позволили мнѣ оказать опытовъ усердія на пользу Церкви Греческой, что я не мало удивился, узнавъ изъ письма вашего объ особенномъ знакѣ вниманія ко мнѣ Правительства Греческаго, и долженъ приписать сіе не столько моимъ какимъ-либо заслугамъ предъ нимъ, а той прозорливости, съ коею оно слѣдитъ за всѣми гдѣ-бы то ни было проявленіями благорасположенности на пользу народа Греческаго. Да поможетъ ему Господь устроить и упрочить судьбу сего народа, и такимъ образомъ, къ утѣшенію друзей Греціи показать всему свѣту, что благосостояніе царствъ и народовъ зависитъ не столько отъ крѣпкихъ физическихъ силъ и обилія средствъ вещественныхъ, сколько отъ душевныхъ способностей и нравственно-религіознаго образованія народа, и отъ христіанской мудрости его Правителей.

Въ сихъ мыслях и чувствахъ, призывая на многообразные труды ваши благословеніе Божіе, съ особеннымъ душевнымъ уваженіемъ и преданностію, имѣю честь быть etc.

Мая, 1851 г.

Его Сіятельству г. Вицеканцлеру и Министру Иностранныхъ дѣлъ, графу Карлу Васильевичу Нессельроде.

№ 13.

Βασίλειον Τῆς Ἑλλάδος.

Τὸ ἐπὶ τοῦ βασ: οἴκου
Αρ 628. καὶ ἐπὶ τῶν
Ἐξωτερικῶν σχέσεων ὑπουργεῖον.

Πρὸς τὸν Σεβασμιώτατον Ἀρχιεπίσκοπον Χερσῶνος καὶ Ταυρικῆς, Κύριον Ἰννοκέντιον.

Μετὰ πλείστης εὐχαριστήσεως λαμβάνομεν τήν τιμὴν ν' ἀναγγείλωμεν τῇ Ὑμετέρα Σεβασμιότητι, ὅτι ἡ Α. Μ. ἀπονεμοῦσα αὐτῇ διὰ τοῦ ἀπό 22 Σεπτεμβρίου π. ε. Β. Διατάγματός Της τόν Σταυρόν τῶν Ἀνωτέρων Ταξιαρχῶν τοῦ Βασιλικοῦ Τάγματος τοῦ Σωτῆρος, ηὐδόκησεν ἤδη, ἐπὶ τῇ ἡμετέρᾳ προτάσει, νὰ Σᾶς προβιβάσῃ εἰς τὸν ἀνωτάτην τάξιν τοῦ Τάγματος τούτου, ἀπονεμοῦσα Ὑμῖν τὸν Μεγαλόσταυρον αὐτοῦ.

Συγχαίροντες τῇ Ὑμετέρᾳ. Σεβασμιότητι διὰ τὸ νέον τοῦτο δεῖγμα Ὑψηλῆς Βασιλικῆς Εὐνοίας ἀπεκδεχόμεθα ὑπέρ ἡμῶν τὰς σεβασμίας αὐτῆς εὐλάς.

Ἐν Ἀθήναις τήν 12 Φεβρουαρίου 1851.

Ὁ ὑπουργός.

Греческое королевство. (Переводъ).
Министерство королевскаго двора и иностранныхъ дѣлъ.

Почтеннѣйшему Архіепископу Херсонскому и Таврическому, Господину Иннокентію.

Съ величайшимъ удовольствіемъ имѣемъ честь сообщить Вашему Высокопреосвященству, что Его Величество, пожаловавшій Вамъ приказомъ 22-го сентября пр. г. крестъ первой степени Королевскаго Ордена

Спасителя, соблаговолилъ нынѣ, по нашему предложенію, возвести Васъ въ высшую степень этого ордена, жалуя Вамъ его знаки.

Поздравляя Ваше Высокопреосвященство съ новымъ симъ знакомъ Высокаго Королевскаго вниманія, ждемъ за насъ Вашихъ святыхъ молитвъ.

Аѳины 12 февраля 1851 г.

Министръ.....

№ 14.

(Переводъ).

Ваше Превосходительство!

Имѣвъ честь получить знаки ордена Спасителя, которые мнѣ пожалованы Его Величествомъ, Королемъ Греціи, также и милостивый рескриптъ, который къ нимъ присоединенъ, я вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность принести Вашему Превосходительству мою искреннюю благодарность за Ваше поздравленіе по случаю дарованія знака отличія столь для меня лестнаго; примите также, Милостивый Государь, мою благодарность за Ваше дружественное участіе въ семъ дѣлѣ.

Позвольте мнѣ одновременно съ симъ просить Васъ принять на себя трудъ быть выразителемъ моихъ чувствъ благодарности Ихъ Величествамъ — Королю Греціи и Его Августѣйшей Супругѣ. Они изволили пожаловать меня ихъ высокимъ вниманіемъ столь милостиво выраженнымъ въ награду за слабыя заслуги, которыя я могъ оказать Церкви и народу греческимъ. Да придетъ къ нимъ на помощь милосердый Господь, чтобы возстановить и утвердить судьбы народа, который въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ служилъ примѣромъ всѣмъ другимъ и который на нашихъ глазахъ вызвалъ всеобщій восторгъ тѣмъ героическимъ самоотверженіемъ, коимъ были возвращены его національныя свобода и возрожденіе!

Да покажутъ они (Ихъ Величества) врагамъ и друзьямъ возрожденной Греціи, что благосостояніе странъ и государствъ зависитъ не столько отъ физической силы и изобилія матеріальныхъ средствъ, сколько отъ высокой добродѣтели нравственной силы народа, равно какъ и отъ христіанской мудрости ихъ правителей.

Что касается меня! — Одной изъ наиболѣе пріятныхъ обязанностей своей жизни — стремиться насколько возможно въ моихъ слабыхъ силахъ быть полезнымъ Церкви и народу греческимъ, къ которымъ я питалъ издавна любовь и уваженіе за ихъ высокіе подвиги.

Моля небо излить на Васъ Его благословенія, я прошу Ваше Пр—во принять увѣреніе въ моей отличной преданности.

Иннокентій Архіепископъ Херсонскій.

31 Мая, 1851 г. Одесса.
Его Пр—ству М. Д. Зографу
полномочному министру Короля Греціи.

№ 15.

Ваше Императорское Высочество!

Въ качествѣ Главы и Предсѣдателя Русскаго Географическаго Общества, обтекая мыслію весь шаръ земной, Вы благоволили остановить высокое вниманіе Ваше и на смиренномъ пастырѣ Церкви Христовой, коего все естествознаніе заключается въ Библіи, обнаруживъ симъ безпамѣренно, что среди множества разнообразныхъ занятій Вашихъ никогда не выходитъ у Васъ изъ виду единое на потребу. Возблагодаривъ Господа о таковомъ истино-христіанскомъ благорасположеніи души Вашей, я спѣшу принести искреннѣйшую благодарность Вашему Императорскому Высочеству за милостивое и трогательное для меня вниманіе Ваше къ малымъ трудамъ моимъ на святомъ поприщѣ проповѣди Евангельской. Да поможетъ Вамъ Господь сочетавать столь дружнымъ союзомъ земное естествознаніе съ небеснымъ, которое уже не останавливается на многообразіи видимаго и преходящаго, а устремляется къ единому, невидимому, вѣчному и безпредѣльному!

Что касается до новыхъ отношеній моихъ къ Почтеннѣйшему Обществу Географическому, Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ столь благоуспѣшно предводимому, то я всегда и вполнѣ готовъ къ услугамъ его и съ удовольствіемъ приму всякое, возможное для меня, порученіе, особенно касательно края нашего, который при всѣхъ разнообразныхъ описаніяхъ его еще такъ много заключаетъ въ себѣ неописаннаго и неразслѣдованнаго. Недавно составленный мною здѣсь Духовно-ученый Комитетъ — для описанія здѣшней епархіи — будетъ для меня въ семъ случаѣ постояннымъ и благонадежнымъ помощникомъ.

За симъ, предая себя всецѣло христіанскому благорасположенію Вашего Императорскаго Высочества, и призывая молитвенно на Васъ и домъ Вашъ благодать Божію, съ чувствомъ искреннѣйшей преданности и незыблемаго душевнаго уваженія за счастіе почитаю быть

Вашего Императорскаго Высочества
etc.

№ 1346
7 іюня 1851 г.
Его Императ. Высочеству
Великому Князю Константину Николаевичу.

№ 16.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Возлюбленный о Господѣ братъ и сослужитель!

Имѣя въ виду высокіе служебные подвиги Ваши на пользу Церкви Христовой и прежніе долговременные, отлично полезные ученые труды Ваши въ званіи Ректора Кіевской Академіи, возведенной Вами на высокій степень благопроцвѣтанія, я предложилъ Конференціи Кіевской Академіи просить Васъ о принятіи на себя званія Почетнаго Члена оной.

Конференція, въ нарочитомъ по сему случаю собраніи, единогласно положила поднести Вашему Высокопреосвященству дипломъ на званіе Почетнаго Члена своего.

Въ слѣдствіе чего, по силѣ Высочайше утвержденнаго устава Духовныхъ Академій, честь имѣю извѣстить Васъ, почтенно-любезный братъ и сослужитель объ означенномъ желаніи Конференціи и покорнѣйше прошу увѣдомить меня, согласны-ли Вы принять сіе званіе, дабы сообразно съ тѣмъ Конференція Академіи могла представить о семъ установленнымъ порядкомъ Святѣйшему Синоду.

Вашего Высокопреосвященства
Покорнѣйшій слуга
Филаретъ Митрополитъ Кіевскій.

№ 31
30 Іюня 1851 г.
Иннокентію Архіепископу Херсонскому
и Таврическому.

№ 17.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Милостивѣйшій Архипастырь!

По особенной святительской добротѣ души Вашей, Вамъ угодно было воспомянуть о малыхъ трудахъ моихъ на пользу Кіевской Академіи, дабы снова чрезъ то нѣкоторымъ образомъ пріобщить меня, и въ дали сущаго, къ кругу достопочтенныхъ дѣлателей въ семъ именитомъ вертоградѣ науки. Принося полную душевную благодарность за сіе, столь обязательное для меня, воспоминаніе, я, сообразно требованію устава Академическаго, спѣшу изъявить согласіе на принятіе званія Почетнаго Члена Академической Конференціи, съ совершенною готовностію, если бы оказалось возможнымъ, не носить только одно почетное титло, а и дѣйствительно послу

жить чѣмъ-либо особенно, по указанію Вашего Высокопреосвященства, на пользу той Академіи, коей я обязанъ всегдашнею благодарностію за мое собственное образованіе.

Предая себя всецѣло отеческой любви Вашей о Христѣ и прося святительскихъ молитвъ, за пріятнѣйшій долгъ поставляю быть Вашего Высокопреосвященства etc.

7 іюля 1851.

Его Высокопреосвященству
Филарету Митрополиту Кіевскому etc.

№ 18.

(Иннокентій—Профессору астрономіи С.-Петерб. Университета Савичу).

Милостивый Государь!

Примите усердную благодарность и за Вашу благую память о насъ, и за новую книгу вашу, и за любопытныя свѣдѣнія о слѣдствіяхъ наблюденій, сдѣланныхъ надъ бывшимъ въ іюлѣ затменіемъ солнечнымъ. Не суждено было намъ полюбоваться вполнѣ этимъ величественнымъ и рѣдкимъ явленіемъ; а я при воспоминаніи о томъ доселѣ не могу выйти совершенно изъ чувства сожалѣнія — не столько о себѣ, сколько о Васъ; ибо мы только любовались-бы прекрасною картиною, а Вы безъ сомнѣнія могли-бы сдѣлать что-либо и для науки, которая по необходимости такъ именно дорожитъ подобными наблюденіями.

Послѣ Васъ я имѣлъ удовольствіе видѣть въ Одессѣ Казанскаго астронома, г. Ковалевскаго, который сообщилъ мнѣ нѣсколько небезъинтересныхъ наблюденій, сдѣланныхъ имъ въ Бердянскѣ, кои впрочемъ Вамъ должны быть уже извѣстны изъ его оффиціальнаго донесенія. Теперь всѣ мы ожидаемъ отъ кого-либо изъ Васъ полной реляціи о результатахъ всѣхъ наблюденій, сдѣланныхъ по Европѣ 16-го Іюля: скоро-ли сбудется это, вообще и кажется, не несправедливое ожиданіе?

Съ подателемъ вашего письма я еще не успѣлъ ознакомиться поближе; но не замедлю сдѣлать это.

Въ замѣнъ вашего ученаго труда, мнѣ доставленнаго, прошу покорно принять отъ меня неученую книжицу — на память, которая о Васъ у насъ всегда будетъ жива и безъ случайныхъ встрѣчъ для наблюденія какихъ-бы то ни было затменій.

вашего Высокородія
etc.

Октябрь 1851 г.

№ 19.

«Отвѣтить, когда получится дипломъ».
Генв. 15, 1852.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Милостивый Архипастырь!

Императорское Археологическое общество въ засѣданіи 21-го декабря сего года, признавая всю важность ученыхъ заслугъ отечественному просвѣщенію Вашимъ Высокопреосвященствомъ оказанныхъ, единогласно избрало Васъ въ число своихъ Почетныхъ членовъ.

Вмѣняя себѣ въ особенное счастіе быть въ семъ случаѣ истолкователемъ чувствъ глубокаго уваженія Археологическаго Общества къ Вашему Высокопреосвященству, имѣю честь присовокупить, что дипломъ на званіе Почетнаго члена сего общества будетъ доставленъ къ Вамъ немедленно по подписаніи онаго Предсѣдателемъ, Его Императорскимъ Высочествомъ Герцогомъ Лейхтенбергскимъ.

Дозвольте мнѣ, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, въ заключеніе сего отношенія испросить Вашего Архипастырскаго благословенія и съ тѣмъ вмѣстѣ увѣрить Васъ въ совершенномъ почтеніи и преданности, съ коими я имѣю честь быть Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшимъ слугою
Графъ Блудовъ.

Иннокентію Архіепископу Херсонскому.
23 Декабря 1851 г.
№ 7.

№ 20.

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!

Вслѣдствіе увѣдомленія Вашего о избраніи меня Императорскимъ Археологическимъ Обществомъ въ его Почетные Члены, позвольте чрезъ Ваше-же посредство принести сему Достопочтенному Обществу мою искреннюю благодарность за столь радушное незабвеніе меня среди важныхъ и разнообразныхъ трудовъ его на пользу старины отечественной. Хотя мнѣ, по самому званію моему, издавна предлежитъ къ занятію другаго рода Археологія, начало коей сокрывается у древа познанія добра и зла, —

та священная Археологія, которая не отыскиваетъ только слѣды первобытнаго образа Божія въ человѣкѣ, а и старается благодатнымъ дѣйствіемъ креста Христова возстановлять ихъ въ первую лѣпоту и совершенство: но и всѣ прочія древности, къ какому-бы роду ни принадлежали онѣ, никогда не чужды служителя Евангелія, уже по тому самому, что тѣмъ или другимъ образомъ, но всегда напоминаютъ собою о томъ-же самомъ, о чемъ нерѣдко долженъ возвѣщать, т. е. о нынѣшней бренности всего земнаго и о необходимости пакибытія и обновленія. Съ сей точки зрѣнія смотрѣлъ я всегда на изысканія археологическія и съ удовольствіемъ предавался имъ, сколько позволяли время и обстоятельства.

Настоящій край пребыванія моего тѣмъ паче не могъ ослабить во мнѣ охоты къ изслѣдованію древностей; потому что самъ весь покрытъ всякаго рода развалинами. Занятія дѣлами новой разнообразной и обширной епархіи не позволили мнѣ доселѣ предаться вполнѣ отчетливому собесѣдованію съ мѣстною стариною: но неоднократныя посѣщенія всѣхъ классическихъ въ семъ отношеніи мѣстъ ея уже довольно ознакомили меня съ нею, такъ что съ продолженіемъ времени, если дастъ Господь здоровья и силъ, я не отчаиваюсь представить почтенному Обществу хотя малые плоды всѣхъ изысканій, дабы не всуе носить имя его Почетнаго сочлена.

Съ сими чувствами, призывая на труды достопочтеннаго общества благословіе Божіе, съ полнымъ душевнымъ уваженіемъ къ Вамъ и всѣмъ сочленамъ его, честь имѣю

быть Вашего Сіятельства...

Февраля, 1852 г.
Вице-Президенту Импер. Арх. Общества
Графу Дмитрію Николаевичу Блудову.

№ 21.

Министерство внутреннихъ дѣлъ.
По секретной части.
10 марта 1853.
№ 835.

Секретно.

Преосвященнѣйшій Владыко,
Милостивый Архипастырь!

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ составить особый Комитетъ изъ Вашего Преосвященства, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Статсъ-Секретаря Графа Блудова, Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода и Министра Внутреннихъ Дѣлъ для пересмотра дѣйствующихъ нынѣ постановленій о раскольникахъ.

Увѣдомляя Ваше Преосвященство о таковой Монаршей волѣ, имѣю честь покорнѣйше просить принять увѣреніе въ моемъ отличномъ къ Вамъ почтеніи и преданности

Дмитрій Бибиковъ.

Архіепископу Херсонскому и Таврическому
Иннокентію.

№ 22.

Иннокентію отъ баронессы Кампенгаузенъ *).

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

Примите Ваше Высо — тво глубочайшую благодарность мою за весьма лестное для меня и съ душевною готовностью принимаемое мною предложеніе Ваше — споспѣшествовать благому и Богоугодному дѣлу относительно введенія въ православную Грекороссійскую нашу вѣру татарокъ, о коихъ Вы изволили лично мнѣ говорить.

Оцѣняя вполнѣ вниманіе и благорасположеніе ко мнѣ Вашего Высоко — ства, я осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить Васъ: ознакомить меня сколько можно подробнѣе съ этимъ важнымъ предметомъ и тѣмъ открыть возможность какъ личному моему содѣйствію, такъ и приглашенію другихъ сотрудницъ, одинаково со мною благоговѣющихъ предъ святымъ начинаніемъ.

. . . . . Поручая себя etc.

24 мая, 1853 г.
С.-Петербургъ.

№ 23.

«Отвѣтить съ благодарностью».

М. Н. П.
Совѣта Императ. Москов.
Университета.
Москва 22 апр. 1855 г.
№ 634.

Его Высокопреосвященству
Архіепископу Херсонскому и Таврическому Иннокентію.

Императорскій Московскій Университетъ, въ уваженіе государственныхъ и ученыхъ заслугъ Вашего Высокопреосвященства на поприщѣ служенія православной церкви и духовнаго краснорѣчія, избралъ Васъ своимъ

*) Жена государственнаго контролера барона Кампенгаузена.

Почетнымъ Членомъ, съ полною увѣренностью въ содѣйствіи Вашемъ всему, что къ успѣхамъ наукъ и благосостоянію Университета способствовать можетъ.

Препровождая при семъ дипломъ на это званіе, а также бронзовую медаль, выбитую въ память столѣтняго юбилея, и по одному экземпляру изданныхъ къ тому времени сочиненій, Совѣтъ Университета имѣетъ честь покорнѣйше просить Ваше Высокопреосвященство о полученіи ихъ не оставить Вашимъ увѣдомленіемъ.

Ректоръ *Аркадій Альфонскій.*

Дополненія къ журналу 330 засѣданія Общества, къ статьѣ:
Графъ И. П. Кутайсовъ.

I.

Къ стр. 114 и слѣд. Въ только что опубликованныхъ отрывкахъ изъ записокъ Рунича встрѣчаемъ новую версію относительно происхожденія гр. И. П. Кутайсова: Руничъ пишетъ, что «Кутайсовъ былъ по происхожденію армянинъ» (Русск. Стар. 1901 г. № 1, стр. 67)—явный знакъ, что въ обществѣ имѣли очень смутное представленіе о родѣ и племени гр. Кутайсова; знали только, что онъ принадлежитъ къ какому-то восточному племени, а затѣмъ всякій сообщалъ о немъ при случаѣ свѣдѣнія по собственному разумѣнію.

II.

Къ стр. 125. О богатствѣ гр. Кутайсова и о значеніи Шевалье см. въ Запискахъ Рунича (Русск. Стар. 1901 г. № 2, стр. 335).

III.

Къ стр. 125 и слѣд. По поводу моего указанія, что извѣстіе о поведеніи гр. Кутайсова 11 марта 1801 г. есть бродячая сага, ведущая свое начало едва-ли не отъ разсказа о смерти Юлія Цезаря, уважаемый профессоръ Э. Р. фонъ-Штернъ сообщилъ мнѣ, что бродячая сага древнѣе этого разсказа. Исторія съ нераспечатаннымъ письмомъ играетъ роль уже въ одной версіи традиціи объ освобожденіи Ѳивъ отъ спартанскаго ига ѳиванскими патріотами (378 г. до Р. Х.). Объ этомъ событіи сохранились двѣ версіи: первая у Ксенофонта (Hell. V, 4, 1—10), которая, какъ профессоръ Ф.-Штернъ пытался доказать (Xenophons Hellenika und die böotische Geschichtsüberlieferung, 1887, стр. 15—40), основывается на сообщеніяхъ очевидцевъ и является правдивою во всѣхъ подробностяхъ; другая-же, у Плутарха: въ болѣе полной и обстоятельной редакціи въ сочиненіи de Genio Socratis, c. 2, и въ болѣе сокращенной въ жизнеописаніи Пелопида (гл. 10—13). Плутарховская версія устраняетъ все, что могло-бы помѣшать признанію поступка ѳиванскихъ патріотовъ безупречнымъ геройскимъ подвигомъ, и восходитъ къ чисто ѳиванской традиціи, украшенной разными поэтическими и баснословными чертами.

Въ этой версіи находится слѣдующій эпизодъ: Секретарь полемарховъ Филлидъ, принимающій дѣятельное участіе въ заговорѣ, пригласилъ

полемарховъ къ себѣ на кутежъ, и условленно было тогда убить этихъ враговъ отечества.

Во время пира полемархъ Архій получаетъ устное предостереженіе, заставляющее его послать за Харономъ и разспрашивать его. Харонъ, самъ участвовавшій въ заговорѣ, успокоиваетъ полемарха и обѣщаетъ навести справки. Затѣмъ, въ моментъ полнаго разгара пира, доставляется Архію письмо изъ Аѳинъ отъ его соименника іерофанта Архія; но полемархъ въ ожиданіи прибытія ѳиванскихъ красавицъ, хотя посланный и обращаетъ вниманіе его на важность содержанія письма, прячетъ его со словами: «Οὐκοῦν εἰς αὔριον τὰ σπουδαῖα». Это изрѣченіе: «важное на завтра» или «дѣла на завтра», прибавляетъ Плутархъ въ концѣ 10-й главы жизнеописанія, оставалось до его времени у грековъ крылатымъ словомъ.

Бросается въ глаза, что, въ приведенномъ на стр. 128 сообщенія о гр. Кутайсовѣ разсказѣ кн. Чарторижскаго, слова: «à demain les affaires» — дословный переводъ плутарховскаго «εἰς αὔριον τὰ σπουδαῖα». Но не одно это изрѣченіе напоминаетъ Плутарха; сходенъ и мотивъ къ его произнесенію: «pour ne pas interrompre les plaisirs de la soirée et de la nuit»; впрочемъ не въ дословномъ переводѣ, а въ свободномъ пересказѣ изложенной у Плутарха ситуаціи.

Руничъ тоже говоритъ о небрежномъ отношеніи гр. Кутайсова къ заговору: «Человѣкъ тщеславный и сладострастный, онъ проводилъ обыкновенно время у своей любовницы актрисы Шевалье, или на конюшнѣ со своими великолѣпными лошадьми: онъ не только ничего не зналъ и ничего не предвидѣлъ, но даже пренебрегъ предостереженіемъ, полученнымъ имъ отъ неизвѣстнаго лица, которое назвало ему имена заговорщиковъ. Отправляясь къ Шевалье, Кутайсовъ положилъ эту бумагу въ карманъ и вспомнилъ о ней только въ тотъ моментъ, когда его арестовали (Русск. Стар. 1901 г. № 2, стр. 344). Конечно, источникъ разсказа Рунича тотъ-же, что и у кн. Чарторижскаго—придворныя сплетни.

Кстати сказать, записки Рунича сообщаютъ много невѣрныхъ свѣдѣній.

IV.

Къ стр. 130. Въ письмахъ А. Я. Булгакова къ брату напечатанныхъ въ послѣднихъ книжкахъ Русскаго Архива (за 1900 и 1901 г.), есть не мало свѣдѣній о московской жизни гр. И. П. Кутайсова, напр. о томъ, что у него былъ домъ, въ залѣ котораго давали концерты пріѣзжіе артисты; гр. Кутайсовъ въ началѣ 20-хъ годовъ былъ старшиною Московскаго дворянскаго собранія и принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ его; въ 1821 г. онъ выдалъ дочь за кн. А. Ѳ. Голицына и въ приданное далъ милліонъ рублей и т. п.

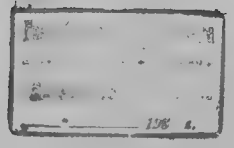
Преміи, находящіяся въ распоряженіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Симъ доводится до всеобщаго свѣдѣнія, что въ распоряженіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей находятся слѣдующія постоянныя и временныя преміи, предназначенныя для поощренія историко-археологическихъ трудовъ, относящихся къ югу Россіи:

I. Первая, постоянная, премія имени основателя Общества Димитрія Максимовича Княжевича, учрежденная въ память исполнившагося 50-лѣтія Общества его дочерьми: Маріей, Елизаветой и Екатериной Княжевичъ.

Она состояла изъ процентовъ съ 2 билетовъ 3-го восточнаго займа, а теперь, по конверсіи, съ двухъ билетовъ 4 процентной государственной ренты, по 1000 руб. каждый, накопляющихся въ теченіи каждыхъ пяти лѣтъ, начиная съ 14 ноября 1889 г. Такимъ образомъ срокъ прекращенія второй по времени преміи наступилъ 14 ноября 1899 года. Премія присуждается за выдающійся историко-археологическій трудъ, вышедшій въ теченіи каждаго изъ пятилѣтій и касающійся юга Россіи. Къ наступившему указанному сроду премія имени Княжевича присуждена не была. Слѣдующій срокъ 14 ноября 1904 года.

II. Вторая, временная, премія, учрежденная Одесскою Городскою Думою приговоромъ отъ 13 ноября 1889 г. по случаю имѣвшагося совершиться 14 ноября того-же года пятидесятилѣтія дѣятельности Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Премія присуждается за лучшій печатный или рукописный трудъ по исторіи или археологіи южной Россіи, вышедшій въ теченіи послѣднихъ 5 лѣтъ.



Изданія Общества:

1) Торжественное Собраніе Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 4 февраля 1840 г. Одесса, 1841, in 4.

2) Discriptio musei publici Odessani, pars I, continens nummophylacium Odessanum. *N. Murzakewicz.* Odessa, 1841, in 4.

3) Описаніе куфическихъ монетъ X вѣка, найденныхъ въ Рязанской губерніи въ 1839 году, *В. Григорьева.* С.-Петербургъ, 1841, in 4.

4) Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1844—1901, XXIII тома (до XV in 4 и съ XVI in 8).

5) Перечень статей, помѣщенныхъ въ изданныхъ XIII томахъ Записокъ Одесскаго Общества. Одесса, 1883 г.

6) Указатель къ статьямъ, помѣщеннымъ въ изданныхъ XX томахъ Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1898 г.

7) Prospectus der ältesten hebräischen und russischen Manuscripte. Ein Beitrag zur biblischen Exegese, von *Dr. Pinner.* Odessa, 1845, in 8

8) Исторіи о козакахъ запорожскихъ, князя *Мышецкаго.* Одесса, 1851, in 8.

9) Очеркъ заслугъ, оказанныхъ наукамъ свѣтлѣйшимъ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, *Н. Мурзакевича.* Одесса, 1861, in 8.

10) Notice sur la Société Odessoise d'Histoire et d'Antiquités et des memoires par *Ph. Brunn.* Odessa, 1875, in 12.

11) Die orientalischen Münzen des Museum der Kaiserlichen historisch-archäologischen Gesellschaft zu Odessa, von *Dr. O. Blau.* Odessa, 1876, in 4.

12) Историческій очеркъ пятидесятилѣтія дѣятельности Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (1839—1889), составилъ вице-президентъ Общества *В. Юргевичъ* къ юбилею Общества 14 ноября 1889 года.

13) Краткій указатель музея Императорскаго Общества Исторіи и Древностей, *В. Юргевича.* Одесса, 1890, in 8.

14) Каталогъ картамъ, планамъ, чертежамъ и видамъ, хранящимся въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, *А. Бертье-Делагарда.* Одесса, 1888, in 8.

15) Указатель Ѳеодосійскаго музея древностей. Одесса, 1890, in 8.

16) Пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности В. Н. Юргевича, вице-президента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, составилъ секретарь Общества *В. А. Яковлевъ.* Одесса, 1892 г.

17) Музей Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Вып. I и II. Терракоты, описс. А. А. Деревицкимъ, А. А. Павловскимъ и Э. Р. фонъ-Штерномъ. Одесса, 1897—1898.

Изданія Общества:

1) Торжественное Собраніе Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 4 февраля 1840 г. Одесса, 1841, in 4.

2) Discriptio musei publici Odessani, pars I, continens nummophylacium Odessanum. *N. Mursakewicz.* Odessa, 1841, in 4.

3) Описаніе куфическихъ монетъ X вѣка, найденныхъ въ Рязанской губерніи въ 1839 году, *В. Григорьева.* С.-Петербургъ, 1841, in 4.

4) Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1844—1901, XXIII тома (до XV in 4 и съ XVI in 8).

5) Перечень статей, помѣщенныхъ въ изданныхъ XIII томахъ Записокъ Одесскаго Общества. Одесса, 1883 г.

6) Указатель къ статьямъ, помѣщеннымъ въ изданныхъ XX томахъ Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1898 г.

7) Prospectus der ältesten hebräischen und russischen Manuscripte. Ein Beitrag zur biblischen Exegese, von *Dr. Pinner.* Odessa, 1845, in 8.

8) Исторія о козакахъ запорожскихъ, князя *Мышецкаго.* Одесса, 1851, in 8.

9) Очеркъ заслугъ, оказанныхъ наукамъ свѣтлѣйшимъ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, *Н. Мурзакевича.* Одесса, 1861, in 8.

10) Notice sur la Société Odessoise d'Histoire et d'Antiquités et des memoires par *Ph. Brun.* Odessa, 1875, in 12.

11) Die orientalischen Münzen des Museum der Kaiserlichen historisch-archäologischen Gesellschaft zu Odessa, von *Dr. O. Blau.* Odessa, 1876, in 4.

12) Историческій очеркъ пятидесятилѣтія дѣятельности Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (1839—1889), составилъ вице-президентъ Общества *В. Юргевичъ* къ юбилею Общества 14 ноября 1889 года.

13) Краткій указатель музея Императорскаго Общества Исторіи и Древностей, *В. Юргевича.* Одесса, 1890, in 8.

14) Каталогъ партамъ, планамъ, чертежамъ и видамъ, хранящимся въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, *А. Бертье-Делагарда.* Одесса, 1888, in 8.

15) Указатель Феодосійскаго музея древностей. Одесса, 1890, in 8.

16) Пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности В. Н. Юргевича, вице-президента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, составилъ секретарь Общества *В. А. Яковлевъ.* Одесса, 1892 г.

17) Музей Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Вып. I и II. Терракоты, опис. А. А. Деревицкимъ, А. А. Павловскимъ и Э. Р. фонъ-Штерномъ. Одесса, 1897—1898.

Преміи, находящіяся въ распоряженіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Симъ доводится до всеобщаго свѣдѣнія, что въ распоряженіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей находятся слѣдующія постоянныя и временныя преміи, предназначенныя для поощренія историко-археологическихъ трудовъ, относящихся къ югу Россіи:

I. Первая, постоянная, премія имени основателя Общества Димитрія Максимовича Княжевича, учрежденная въ память исполнившагося 50-лѣтія Общества его дочерьми: Маріей, Елизаветой и Екатериной Княжевичъ.

Она состояла изъ процентовъ съ 2 билетовъ 3-го восточнаго займа, а теперь, по конверсіи, съ двухъ билетовъ 4 процентной государственной ренты, по 1000 руб. каждый, накопляющихся въ теченіи каждыхъ пяти лѣтъ, начиная съ 14 ноября 1889 г. Такимъ образомъ срокъ прекращенія второй по времени преміи наступилъ 14 ноября 1899 года. Премія присуждается за выдающійся историко-археологическій трудъ, вышедшій въ теченіи каждаго изъ пятилѣтій и касающійся юга Россіи. Къ наступившему указанному сроку премія имени Княжевича присуждена не была. Слѣдующій срокъ 14 ноября 1904 года.

II. Вторая, временная, премія, учрежденная Одесскою Городскою Думою приговоромъ отъ 13 ноября 1889 г. по случаю имѣвшагося совершиться 14 ноября того-же года пятидесятилѣтія дѣятельности Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Премія присуждается за лучшій печатный или рукописный трудъ по исторіи или археологіи южной Россіи, вышедшій въ теченіи послѣднихъ 5 лѣтъ.